ЛМ
П88
Пуанкаре Р.
На службе
Франции
М 1936

207.

Раймонд Пуанкаре

ВОСПОМИНАНИЯ

1914—1918

Перевод с французского
Ф. КАПЕЛЮША

Raymond Poincaré

AU SERVICE DE LA FRANCE

Neuf Années de Souvenirs

Éditions d' État
Édition Sociale-Économique
Moscou 1936

ЛН
П.88

Раймонд Пуанкаре

НА СЛУЖБЕ ФРАНЦИИ

Воспоминания за девять лет

**Государственное
Социально-Экономическое
издательство
москва 1936**

9 (4)
П 88 Доб. 92

Предлагаемая читателю книга составляет перевод той части 10-томных мемуаров Р. Пуанкаре, которая охватывает период империалистической войны.

Настоящий том соответствует V и VI томам французского издания.

Пуанкаре дает богатый фактический материал, и потому мемуары его интересны, несмотря на тенденциозное освещение фактов.

Редактор *Ф. Поморская* Техред *О. Прохорова*

Сдано в набор 27/VI 1935 г. Подписано в печать 7/II 1936 г. Огиз № 1515. Заказ № 2332. Тираж 100 00 экз. Формат бум. 62×94¼. 33¼ п. л. 50.400 зн. в п. л. Уполн. Главлита № Б-12569. Цена книги 9 р. 60 к. Переплет 1 р.

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста „Полиграфкнига". Москва, Валовая, 28.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Личность Пуанкаре и особое положение, которое он занимал в руководящей верхушке одной из крупнейших империалистических держав в течение почти двадцати лет, вполне оправдывают тот интерес, который вызвали его мемуары во всем мире. Появление их на русском языке пополняет в известной степени пробел в исторической литературе, посвященной изучению истории мировой бойни, истории международных отношений и истории Франции за период 1914—1918 гг.

Первые четыре тома посвящены предистории войны, ее подготовке и охватывают 1912—1914 гг.: I. На второй день после Агадира. II. Балканы в огне. III. Вооруженная Европа. IV. Священный союз. V—X томы посвящены 1914—1918 гг.: V. Нашествие. VI. В окопах. VII. Осадная война. VIII. Верден. IX. Смутный год. X. Мир. Эти последние 6 томов мы и даем в переводе.

В своих мемуарах за предвоенный и военный периоды Пуанкаре, как большинство государственных деятелей империалистических держав — Бетман-Гольвег, Ягов, Тирпиц, Бюлов, Черчилль, Грей, Ллойд-Джордж, Сазонов и другие, — стремился доказать, что его политика, политика его класса, была „миролюбивой", единственно правильной в данных исторических условиях и что Франция его личным способностям обязана тем, что в результате империалистической бойни была „исправлена несправедливость", допущенная по отношению к ней в 1871 г.

На протяжении десяти книг Пуанкаре, преданный слуга финансового капитала, защищает свою политику, избегая — в противоположность Бюлову или Ллойд-Джорджу — обличительной критики своих противников в буржуазном лагере. Однако, несмотря на эту особенность, воспоминания Пуанкаре являются одним из ценных источников для изучения предвоенной и военной эпох, так как в них с документальной точностью записаны беседы с крупными политическими деятелями этого времени, записаны их высказывания на жгучие политические темы и даны почти фотографические снимки военных событий.

Имя Пуанкаре неразрывно связано с историей внутренней и внешней политики Франции, с историей Антанты, империалистической войны и проведения в жизнь условий Версальского мира. „Poincaré-la guerre" — „Пуанкаре-война" — популярная кличка этого верного слуги Comité des Forges, тесно связанного с парижской биржей.

Пуанкаре родился в 1860 г. в Лотарингии в буржуазно-чиновничьей семье. В 1886 г. он уже начальник кабинета министра земледелия Жюля Девеля в правительстве Фрейсине. Это открыло ему возможность завязать личные знакомства, приобрести политические связи. Избранный вскоре муниципальным советником в родном крае, он через год сделался, по выражению Барту, „депутабельным". 31 июля 1887 г. Пуанкаре одержал победу над знаменитым генералом Буланже, получив 34 796 голосов, в то время как кандидат открытых реакционеров и военных авантюристов Буланже получил всего 1 583 голоса. С первого политического дебюта Пуанкаре заявил себя умеренным республиканцем, умеренным антиклерикалом, умеренным приверженцем светской школы, но зато неумеренным защитником режима „законности и порядка".

Ловкий делец, Пуанкаре усердно накапливает политический капитал. К 1890 г. он уже настолько выдвинулся, что его избирают членом финансовой комиссии палаты и докладчиком бюджета министерства финансов на 1891 г. Через год он докладчик по общему бюджету на 1892 г.

С апреля 1893 г. и по конец 1894 г. он уже побывал министром просвещения и министром финансов в двух кабинетах Шарля Дюпюи. Выдвинув проект финансовой реформы, предусматривавшей введение прогрессивного обложения и налога на наследство, защищая интересы крупного капитала, он одновременно выступил решительным противником подоходного налога. Слуга буржуазии и злейший враг революции и рабочего класса, Пуанкаре, защищаясь против своих противников справа, обвинявших его в приверженности к социализму, пользовался демагогией как средством для укрепления власти буржуазии и для насаждения уважения к буржуазному авторитету и порядку. Защищая фискальную реформу, Пуанкаре заявил: „Правительство считало, что настала необходимость более решительно, чем когда бы то ни было, укрепить идеи правительственного порядка и авторитета, но в одно и то же время оно считало необходимым открыть двери конечно не революционным идеям, а идеям прогресса и социального улучшения. Даже невольное предположение, что эта самая буржуазия, которая рекрутируется из народа и к нему же возвращается, является эгоистичной, поглощенной одними своекорыстными интересами и жадной, означало бы клеветать на нее. Она либеральна, великодушна, прогрессивна; она выполнит свой долг по отношению к демократии".

С января по 28 октября 1895 г. Пуанкаре — министр просвещения в кабинете Рибо. Когда в 1899 г. блок левых партий избрал президентом республики Эмиля Лубэ и понадобилось в виде компромисса дать некоторое удовлетворение правым партиям, Раймонду Пуанкаре было поручено формирование кабинета. Оппозиция радикалов и социалистов однако расстроила комбинацию. Приход к власти кабинета Вальдек-Руссо знаменовал собой временную победу умеренной буржуазии над монархической реакцией. Представитель интересов крупного капитала, Пуанкаре временно уходит в адвокатуру. Выбранный вновь в палату в 1902 г. от Коммерси правыми группировками, он 9 марта 1902 г. публично выступил в Руане против

революционных рабочих синдикатов, объявляя стачки угрозой общественному порядку.

В 1902—1905 гг. Пуанкаре всеми средствами боролся против министерства Комба.

С марта по октябрь 1906 г. Пуанкаре — министр финансов в промежуточном кабинете Сариена. Выступая за жестокую экономию, Пуанкаре рекомендовал палатам вести политику „бюджетной искренности", снижения зарплаты, сокращения числа государственных служащих, и сам первый провел в жизнь эти мероприятия в министерстве финансов. После падения министерства Сариена и прихода к власти Клемансо Пуанкаре опять ушел в адвокатуру на целых пять лет и в качестве адвоката и писателя был избран членом Французской академии. До второй половины 1911 г., во время бурного роста рабочего движения, Пуанкаре предпочитает держаться в стороне от большой политики. Его время пришло, когда агадирский инцидент вызвал резкое разделение французского общественного мнения на два враждебных лагеря — за и против признания франко-германского соглашения от 4 ноября 1911 г. по делам Марокко, по которому Франция уступила Германии обширную территорию в Африке. Угроза войны укрепила правые и реакционные группировки, и в это время Пуанкаре вновь выступает на авансцену. Трезвый политик, Пуанкаре понимает, что отказ от франко-германского соглашения может вызвать войну, к которой Франция совершенно не была готова, и, будучи докладчиком сенатской комиссии по иностранным делам, он употребил всю изворотливость адвоката и парламентария, чтобы убедить сенаторов одобрить франко-германское соглашение.

В январе 1912 г. Пуанкаре сформировал после свержения министерства Кайо свое первое министерство „национального единения", в которое вошли бывшие и будущие премьер-министры и президенты республики: Леон Буржуа, Делькассе, Мильеран, Бриан, Дюпюи, Клоти, Лебрен, Стег, Вивиани. Себе он оставил портфель министра иностранных дел.

Министерство Пуанкаре с внешнеполитической точки зрения означало усиление связей с союзниками, укрепление отношений более формальными обязательствами, твердую политику по отношению к Германии, консолидацию Антанты и усиленную, но осторожную подготовку к войне с Германией.

Царский посол в Париже Извольский сразу оценил эту перемену во внешней политике. Во время первого свидания посла с премьером последний выразил „твердое намерение направлять свою деятельность в полном согласии с Россией". Оценивая это заявление с точки зрения перспектив развития русско-французских союзных отношений, Извольский уже 17 января 1912 г. рекомендовал Сазонову воспользоваться благоприятными обстоятельствами для усиления дипломатической активности. Наметив целый ряд вопросов, по которым требовалось выяснить точку зрения обоих правительств, Извольский продолжал: „В заключение считаю долгом заметить, что было бы вообще весьма полезно воспользоваться тем, что во главе французского министерства иностранных дел сейчас стоит крупная и автори-

тетная личность, чтобы заранее несколько ближе подойти к некоторым вопросам, которые могут со дня на день выступить на первый план европейской политики... Одним словом, мы можем очень быстро очутиться перед таким же положением, как в 1908 г. Если державы Тройственного согласия опять будут застигнуты врасплох и не установят заранее общего плана действий, дело может вновь принять для нас неблагоприятный оборот. Необходимо поэтому, чтобы Россия, Франция и Англия ныне же путем конфиденциального обмена мыслей точно определили свое отношение к могущим наступить случайностям" [1].

Целью поездки Пуанкаре в Петербург накануне балканской войны было установление общей политической линии, обязательной для России и Франции во всех крупных и малых политических вопросах до империалистической войны. Позиция обоих правительств и степень взаимной помощи были четко определены и поставлены в зависимость от одного определенного фактора — от позиции Германии в том или ином европейском конфликте.

В отчетном докладе Николаю II о результатах переговоров с Пуанкаре Сазонов писал по поводу инициативы Пуанкаре в этом вопросе: „...В силу нашей морской конвенции Франция обязалась оказать нам содействие в смысле отвлечения от нас австрийского флота в Средиземном море и задержки его от проникновения в Черное море. Подобную роль в Балтийском море, на которое французский флот не может распространить своих действий, могли бы, по мнению г. Пуанкаре, взять на себя английские морские силы. Ввиду этого г. Пуанкаре спросил меня, не предполагаю ли я воспользоваться предстоящим моим путешествием в Англию, чтобы в моих разговорах с руководителями английской политики поставить на очередь вопрос о совместных действиях русского и английского флота в случае столкновения держав Тройственного согласия с Германией" [2].

Умение проводить реакционную внутреннюю политику при леворадикальном большинстве палаты и сената, укрепление внешнего положения страны, поддержка со стороны парижской биржи, всей правой и националистической печати, а также со стороны банковского капитала и всех реакционных элементов страны выдвигают Пуанкаре на первое место. Добиваясь всеми средствами президентского кресла, Пуанкаре по тактическим соображениям „отказывается" выставить свою кандидатуру, когда ему это „предлагают" его политические друзья. Пуанкаре был избран 13 января 1913 г. президентом республики голосами умеренных правых и клерикалов. Избрание Пуанкаре имело колоссальное значение, так как оно отражало степень кристаллизации классовой борьбы и классовых отношений во Франции и определенный поворот в международной политике. Ленин тогда же дал этому событию классическую оценку в статье „Значение избрания Пуанкаре".

---

[1] „Материалы по истории франко-русских отношений за 1910 — 1914 гг.". Сборник секретных дипломатических документов бывш. императорского русского министерства иностранных дел. М. 1922 г., стр. 256.

[2] Там же.

„На оценке вопросов внешней политики и положения дел в западных странах с особенной наглядностью, — писал Ленин, — вскрывается глубокое внутреннее родство наших черносотенцев и наших либералов. Когда и те и другие приветствуют „национального" президента Пуанкаре, выбранного союзом крупной буржуазии и клерикально-феодальной реакции во Франции, — всякому становится ясно, что черносотенцы и либералы расходятся лишь во взгляде на *способы* борьбы против социализма.

Но выборы Пуанкаре представляют интерес покрупнее, чем думают усердные „поздравители". Сознательные рабочие, обдумывая значение этих выборов, отмечают три обстоятельства.

Во-первых, выборы Пуанкаре означают еще шаг вперед в обострении классовой борьбы, предстоящей Франции. Пуанкаре был премьер-министром в палате, имеющей *радикальное* большинство. А в президенты выбран он против радикального кандидата Памса, выбран при помощи *клерикально-феодальной* реакции, выбран правым блоком.

Что это значит? Во Франции у власти стоит *последняя* буржуазная партия — радикалы. Отличие ее от „реакции" становится все меньше. Против социалистического пролетариата все теснее сплачивается *вся* буржуазия, от радикальной до реакционной, и все больше стираются границы между той и другой. Особенно ярко это проявилось на избрании Пуанкаре. Такое сплочение — верный признак крайнего обострения классовых противоречий.

Во-вторых, знаменательна карьера Пуанкаре — типичная карьера буржуазного дельца, продающего себя по очереди всем партиям в политике и всем богачам „вне" политики. По профессии Пуанкаре — адвокат с 20 лет. В 26 лет он был начальником кабинета, в 33 года министром. Богачи и финансовые тузы во всех странах высоко ценят политические связи таких ловких карьеристов. „Блестящий" адвокат-депутат — политический пройдоха — это синонимы в „цивилизованных" странах.

В-третьих, знаменательна демонстрация французских социалистов при выборах Пуанкаре. Голосование за Вальяна было демонстрацией в честь Коммуны. Вальян — живая память о ней. Достаточно хоть раз видеть, как встречают парижские рабочие появление на трибуне седого, как лунь, Вальяна, чтобы понять это.

И вот, в том самом Версале, где в 1871 году буржуазная Франция продавала родину Бисмарку, чтобы подавить восстание пролетариата, — в той самой зале, в которой 42 года тому назад раздавались зверские вопли черносотенных помещиков Франции, жаждавших себе короля, депутаты рабочего класса голосовали за старого коммунара"[1].

Пуанкаре в президентском кресле вопреки его лицемерным опасениям, что этот высокий сан обречет его на бездеятельность, оставался не менее активным, чем он был в роли председателя совета министров. Будучи президентом, Пуанкаре фактически непосредственно управляет страной, подчинив себе все дела, все министер-

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. XVI, стр. 252—253.

ства, кроме министерства Клемансо, причем особенное внимание он уделял вопросам внешней политики. Упрочив союзные отношения с Россией и Англией, Пуанкаре добился от испанского короля Альфонса XIII обещания, что в случае войны с Германией Франция может рассчитывать на доброжелательный нейтралитет со стороны Испании. Вся деятельность Пуанкаре была направлена к одной цели и служила интересам магнатов железа и угля из Comité des Forges, требовавших воссоединения богатых железом и иными ископаемыми Эльзаса и Лотарингии с Францией. Мастер лицемерных лирических излияний, Пуанкаре по временам, когда это требуется обстоятельствами, переводит стремления и вожделения банковского капитала на язык высокого стиля, „облагораживает" их и представляет в виде благородной патриотической тоски по „насильственно отторгнутым землям".

Для характеристики Пуанкаре нелишне отметить, что к моменту его избрания в президенты республики он успел округлить свое личное состояние в приличную сумму в 2,5 млн. зол. фр.

Самую лучшую характеристику своей политической деятельности дал сам Пуанкаре. По его собственному признанию, он „покончил с политикой отсрочек. Война в моих глазах была неизбежной. В согласии с Россией, которая мне казалась готовой, я выбрал удобный момент. Я вернул Франции Эльзас и Лотарингию".

Интересны страницы воспоминаний, на которых Пуанкаре записал первые свои встречи с Жюлем Гэдом, который целиком одобрил завоевательную программу Пуанкаре, согласившись на присоединение к Франции Эльзаса и Лотарингии без плебисцита. Пуанкаре пишет: „И мы расстаемся друг с другом с тем чувством, что мы отныне связаны до гробовой доски".

Беседы с Гэдом, Вивиани и Самба показали Пуанкаре, что он может опереться на этих вождей социалистической партии, что они вполне „министериабельны" и окажут ему поддержку в его внутренней политике, в борьбе с революционными выступлениями рабочих и солдат.

Пуанкаре не ошибся в своих расчетах, однако в мемуарах эта сторона его политики отражена слабее.

Подробно останавливаясь на описании военных действий, Пуанкаре тщательно обходит, по выражению т. Радека, все „неприятные сведения". По его записям в IX томе воспоминаний трудно было бы составить себе правильное представление о том „крупном революционном движении, охватившем 75 пехотных полков, 23 егерских полка и 12 артиллерийских, т. е. охватившем значительную часть французской армии, о движении, которое могло разрастись в революцию"[1].

Однако даже из лаконических записей Пуанкаре видно, что он осознавал всю серьезность революционного движения в армии и в тылу и проводил политику жестокой расправы. 4 июня 1917 г. он записывает, что революционным солдатам вынесены смертные при-

---

[1] К. *Радек*, Портреты и памфлеты, т. II, стр. 409, М. 1934 г.

говоры и что на просьбу военного министра Пенлеве о помиловании он ответил: „Это время не допускает проявления слабости".

В своих воспоминаниях Пуанкаре не уделяет также внимания таким событиям, как Февральская и Великая пролетарская революция 1917 г. Вот что он записывает после победы Октябрьской революции: „Плохие новости из России. Максималисты торжествуют". И больше ни слова.

После мировой войны Пуанкаре еще два раза возвращался на пост президента республики, а с 1926 по 1929 г. одновременно занимал пост министра финансов.

Он умер (1934 г.) в момент, когда, по словам т. Радека, „некоторые руководители французской политики, даже из поколения Пуанкаре и даже принадлежащие к его школе мышления, сумели понять, что есть пути для организации дела мира и что есть силы, способные, если их объединить, задержать катящуюся в пропасть Европу. Борьба за сближение с СССР... представляет собой центральный пункт борьбы за усиление мира" [1]. Господствующие классы Франции хоронили Пуанкаре „как национального героя. Народные массы, которые вынесли неслыханные страдания, во имя того чтобы война 1914—1918 гг. была последней войной, смотрят с тревогой в будущее, где видят опасность новых войн, и спрашивают, где выход из этого положения. Руководители этой политики смогут найти хотя бы временный выход из того тупика, в который зашло дело мира, проявив настойчивость и решительность в борьбе за организацию всех мирных сил" [2].

---

[1] „Известия" от 16/X 1934 г.
[2] Там же.

Том V

НАШЕСТВИЕ 1914 ГОДА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Окончание мобилизации, начало концентрации войск. — План XVII. — Вторжение немцев в Бельгию.—Льеж взывает о помощи.— Объявление нейтралитета. — Визиты Жоржа Клемансо. — Американский демарш. — Французы в Эльзасе. — Выжидательная позиция Италии. — Помощь Японии. — Немцы на наших восточных окраинах.

Живительный сон перенес меня на несколько часов в мир, в котором ничего не знаешь о катастрофе, разразившейся над Европой. На рассвете меня разбудили щебетанье птиц и веселые лучи солнца. Мне пришлось сделать усилие над собой, чтобы вернуться к сознанию действительности. Неужели это правда: нам объявлена война? Война! Сорок четыре года назад она во всем своем ужасе предстала предо мною и вселила страх в душу лотарингского мальчика. Моя родина не только испытала ужасы неприятельского нашествия в 1870 г.; после заключения Франкфуртского мира она подверглась длительной оккупации, и мои первые гимназические воспоминания омрачены зрелищем солдат в остроконечных касках. Население, среди которого я вырос, осталось под гнетущим впечатлением этих кошмарных лет. Но как оно ни страдало при виде Франции, от которой оторвали часть ее тела, оно никогда не стремилось к тому, чтобы в один прекрасный день страна добилась реванша силой оружия; оно понимало всю рискованность этого и знало, что ему пришлось бы расплачиваться больше, чем другим провинциям. Тот же инстинкт безопасности, быть может менее сильный вдали от границы, но в той или другой мере сохранившийся во всей стране, внушал такую же мудрую осторожность почти всему французскому народу. Если союз с Россией с самого начала был благоприятно встречен общественным мнением в целом, то потому, что в нем видели постоянную гарантию против провокаций и угроз его зазнавшегося предшественника — Тройственного союза. В свою очередь Тройственное согласие стало популярным во Франции только потому, что мы видели в нем еще более действительную гарантию против растущей опасности. И вот тем не менее, несмотря на сорок четыре года осторожной и предусмотрительной политики, на нас обрушилось несчастье, которое мы всеми силами пытались предотвратить. Возможно ли это? И что готовит нам судьба?

Я не могу отогнать от себя серьезных опасений. Несомненно, наша дипломатическая ситуация теперь лучше, чем была когда-либо. Несмотря на весьма различный политический режим, Франция и Россия привыкли согласовывать свои дипломатические действия, причем ложных шагов было сделано их дипломатией немного. Ни различие национального темперамента, ни различие конституций, ни очень частые случаи оппозиции со стороны известных традиционных интересов, ни плохое настроение некоторых русских дипломатов не причинили ущерба союзу и не охладили его. Наше сердечное согласие с Англией с 1904 г. мало-помалу расширилось до рассмотрения всех международных проблем, и у нас есть теперь уверенность, что после первоначальных колебаний и медлительности Англия придет нам на помощь на суше и на море, на помощь Бельгии и нам [1].

Но не является ли военная подготовка Германии гораздо выше нашей? Закон о трехлетней военной службе, предложенный Брианом и принятый при министерстве Барту [2], в известной мере улучшил наше положение, однако он далеко не оказал еще все свое действие. Кроме того на какой высоте стоит наше военное снаряжение в сравнении со снаряжением наших соседей? К несчастью, критика, с которой выступили в сенате Клемансо и Шарль Эмбер, не совсем лишена основания [3]: у нас мало тяжелой артиллерии, реорганизация нашего военного оборудования задержалась, потому что палаты затянули вотирование займа и чрезвычайных кредитов, которых правительство требовало в согласии со мной. У нас есть четыре тысячи полевых орудий, эти прекрасные 75-миллиметровые орудия, которые недавно выдержали испытание на Балканах, но у них тот недостаток, что они стреляют только по прямой траектории — они не могут подобно германским гаубицам стрелять по закрытым целям навесным огнем, брать цель по кривой линии и обстреливать территорию, оставшуюся вне пределов видимости для обслуживающего персонала. С другой стороны, у нас только триста тяжелых орудий с конной упряжкой, с которыми я познакомился на маневрах 1912 и 1913 гг. Наше производство было сначала форсировано, но потом оно замедлилось за недостатком кредитов. Напротив, немцы, по имеющимся данным, располагают пятью тысячами орудий 77-миллиметрового калибра, полутора тысячами легких гаубиц, двумя тысячами тяжелых гаубиц, дальнобойными орудиями и мортирами различного образца. Конечно этот громадный материал должен обслуживать два различных театра военных действий — Францию и Россию; однако, несмотря на необходимость такого раздела материала, превосходство Германии в области тяжелой артиллерии остается для нас крайне тревожным моментом. Правда, мы можем взять хорошие осадные орудия в крепостях, которым по всей видимости не угрожает опасность, а так как наше побережье по Ламаншу и наше океанское побережье защищены британским флотом, мы можем также черпать из наших морских батарей. Но даже если принять все это во внимание, мы несомненно не будем в состоянии двинуть против неприятеля столько орудий и снаряжения, сколько он пустил в ход против нас.

В какой мере достоинство нашего основного состава и квалификация нашего солдатского материала будут в состоянии исправить и возместить недостаточность нашего вооружения? Военный министр Мессими объявил в совете министров, что он полон веры, но затем, охваченный волнением, он вдруг остановился, закрыл лицо руками и зарыдал. Он тотчас овладел собой и повторил, что победа несомненна. Генеральный штаб со своей стороны выступает перед нами самым уверенным образом. Но кто из нас знает в настоящий момент затаенные мысли своего ближайшего соседа? Если я сам испытываю некоторые сомнения, могу ли я сам себе признаться в них? А главное, позволю ли я, чтобы кто-нибудь другой догадывался о них? Я вынужден не проронить ни слова, не выдать себя ни единым жестом, чтобы не рисковать ослабить столь высокий и гордый энтузиазм, с которым молодые французы идут навстречу смерти, а их родные стараются скрыть от них свою тревогу при прощании с ними. Но, если воля моя оптимистична, ум мой бывает моментами несколько менее оптимистичен, и не без тревоги я ожидаю первых сражений.

Я вспоминаю, что двадцать лет назад, чуть ли не в этот самый месяц и день, после состоявшегося в Берлине по инициативе Вильгельма II интернационального конгресса по вопросам труда и положения рабочих, Жюль Симон, вместе с Толеном и Бюрдо представлявший на конгрессе Францию, посвятил императору полную иллюзий статью, которая впрочем оканчивалась следующими правильными замечаниями[1]: „Нам говорят теперь, что наша восстановленная армия стала непобедимой. При этом забывают, что немцы тоже, как и мы, не сидели сложа руки и что теперь речь идет не о войне героической, а о войне научной. Слава, которая прежде завоевывалась храбростью, теперь завоевывается механизмами и количеством". И далее: „Я утверждаю, что каждый из обоих народов может быть разбит и погибнуть. Я даже боюсь победы, ибо победитель с такой же несомненностью будет вовлечен в катастрофу, как и побежденный". Когда эти строки появились в 1894 г., я был министром финансов. Они меня очень поразили. Но как они стали близки к истине. С тех пор Германия стала одним сплошным и громадным военным заводом. В сравнении с ее усилиями мы работали весьма посредственно и с прохладцей. За нами наша храбрость и наше право. Но будет ли этого достаточно?

К счастью в эту среду, 5 августа, вся страна следовала только одному лозунгу: доверие! Словно по мановению волшебного жезла по всей стране был осуществлен священный союз (union sacrée), который я призвал из глубины своего сердца и окрестил в своем послании к парламенту. Германское объявление войны вызвало в нации великолепный порыв патриотизма. Никогда во всей своей истории Франция не была столь прекрасной, как в эти часы, свидетелями которых нам дано было быть. Мобилизация, начавшаяся 2 августа, заканчивается уже сегодня, она прошла с такой дисциплиной, в таком порядке, с таким спокойствием, с таким подъемом,

[1] „Revue de Paris", 1 août 1894.

которые вызывают восхищение правительства и военных властей. Она поставит на ноги более трех миллионов семисот восьмидесяти тысяч солдат, в том числе семьдесят семь тысяч человек туземных колониальных войск. Теперь речь идет о том, чтобы концентрировать для боя эту громадную массу дивизий регулярной армии, дивизий запаса и дивизий территориальной армии. Концентрационные перевозки начинаются немедленно. Они потребуют около двух тысяч пятисот поездов для регулярных войск и закончатся 12-го сего месяца. Затем от 12-го по 19-е последуют четыре тысячи пятьсот поездов для запасников и для территориальной армии. До сих пор все протекает на наших железнодорожных сетях с математической точностью, словно одна единая и державная воля руководит всем.

Наши армии будут действовать по боевому плану XVII [4], установленному с 1875 г., т. е. со времени первой тревоги, заданной нам Германией после наших поражений [5]. Он был принят 18 апреля 1913 г. на заседании высшего военного совета в военном министерстве на улице Сен-Доминик под председательством Эжена Этьенна. В прениях приняли участие генералы Жоффр, Галлиени, Мишель, По, Марион, Шоме, Манестрель, де Лангль де Кари, Менье, Лаффон де Ледеба, де Кюрьер де Кастельно. С целью возможно большего организованного укрепления резервных формирований совет решил отменить бригады из запасных в каждом мобилизованном корпусе и вместо этого прибавить к каждой регулярной дивизии полк запасных из двух батальонов. Совет был того мнения, что необходимо приступить к созданию 21-го армейского корпуса и выполнить в мирное время оборонительные сооружения в районе Туля и Нанси, слишком долго откладывавшиеся. Наконец совет единогласно принял решение о выработке нового плана под номером XVII, заключающего в себе следующие диспозиции. Четыре армии в составе восемнадцати корпусов и восьми дивизий запаса сосредоточиваются на первых позициях между Мезьером и Бельфором. Пятая армия в составе трех корпусов размещается на второй линии от Сент-Менегульд до Коммерси. В случае надобности она должна быть готова перейти на первые позиции. Наступление предписано столь быстрое, как только возможно. Мы должны оперировать с обоих флангов, правый — в Лотарингии между лесистыми горными массивами Вогезов и Мозелем по направлению к Тулю, левый — к северу от железной дороги между Верденом и Метцом. Войска, связывающие оба фланга, расположены в верховьях Мааса (Hauts de Meuse) и в Вэвре и должны держать связь между армиями, предназначенными для двух комбинированных атак.

Итак, в силу этого военного плана наши войска должны двигаться на восток и северо-восток. Самое большее — было предусмотрено, что немцы могли бы нарушить нейтралитет Бельгии, чтобы вторгнуться во Францию по правому берегу Мааса. Прежде, в 1911 г., другой план, выработанный генералом Мишелем, допускал гипотезу, что неприятель будет пытаться окружить нас на территории с гораздо большим радиусом. Наш генеральный штаб не желал исходить из предположения, построенного на столь наглом нарушении международного права. Честная, слишком честная ошибка. Мы не

знали и скоро должны были узнать к своему ужасу, что с 1891 г., т. е. с того времени, когда граф Шлиффен заменил Вальдерзее и стал во главе германского генерального штаба, все стратегические концепции Берлина строились на презрении к нейтралитету Бельгии. Генерал фон Мольтке, ставший в 1906 г. преемником Шлиффена, повидимому остался верным главным идеям своего предшественника. Не придется ли нам завтра, в последний момент, изменять наши главные военные диспозиции?

Пока что все идет так, как только можно желать. В печати ни одного диссонанса. Объявлено осадное положение, введена цензура; однако в атмосфере всеобщего энтузиазма ни одна из этих исключительных мер не является действительно необходимой для обеспечения единства в общественном мнении всей нации. Министры без особых усилий дают живой пример согласия; они забыли, что вчера почти все они были моими политическими противниками [6]; они выражают мне горячую преданность; министры, стоящие во главе самых важных ведомств, посещают меня в моем рабочем кабинете несколько раз в день; кроме того мы решили ежедневно собираться под моим председательством в совете министров или в совете национальной обороны. На этих собраниях с полнейшим доверием друг к другу рассматриваем бесчисленные вопросы, которые ежечасно встают перед нами как за границей, так и внутри страны.

Австро-венгерская монархия, в интересах которой Германская империя объявила войну сначала России, потом Франции, ставит себя в парадоксальное положение: она еще не порвала дипломатических сношений ни с Францией, ни с Россией. Однако она снова приступила к бомбардировке Белграда и произвела военную демонстрацию на Прибое в Санджаке [1]. Циркулирует даже слух, что она отправляет на наши границы в обмен за баварские или эльзасские войска свой 24-й инсбрукский корпус и славянские полки [2]. В то же время граф Берхтольд жалуется нашему послу на „варварские высылки", жертвой которых якобы стали австро-венгерские подданные, проживающие в Париже [3]; а между тем в этот самый момент граф Сегени выразил Гастону Думергу благодарность за наше благожелательное отношение к его соотечественникам. Тем не менее граф Берхтольд заверяет Дюмена, что возможность столкновения французских и австро-венгерских войск совершенно исключается. Где правда? У нашего посла создалось убеждение, что Вена просто старается избежать одновременного разрыва с Россией и Францией, так как транспорты австрийских армий в Галиции еще не закончились.

В ожидании информации о численности наших врагов и об их планах мы вызываем в метрополию наш 19-й алжирский корпус. Он приступает к посадке на корабли и должен пересечь Средиземное

---

[1] Депеша из Ниша № 41 Боппа и полковника Фурнье от 4 августа, получена 5 августа.

[2] Депеша Дюмена № 151 от 5 августа, отправлена в 16 ч. 30 м., получена в 23 ч. 20 м.

[3] Депеша Дюмена № 149 от 5 августа, отправлена в 11 час., получена в 14 ч. 25 м.

море под защитой наших эскадр. Врочем „Верньо“ и „Кондорсе“ не смогут конвоировать его: они должны отправиться на поиски „Гебена“ и „Бреслау“ [7], о которых нам пришлось столько слышать за последние месяцы[1] и маневры которых представляются теперь весьма подозрительными. Вчера, 4 августа, сообщалось, что оба немецких крейсера появились у берегов Алжира.

Один из них бомбардировал Бону, другой — Филиппвилль. Были раненые и убитые.

В то время как наша армия собирается методически провести свою концентрацию, Германия, которая умышленно поспешила со своими объявлениями войны, уже готова начать военные действия и 5 августа в шесть часов вечера приступает к атаке Льежа[2]. Со вчерашнего утра она отправила против Льежа шесть бригад под командой генерала фон Эммиха и три кавалерийских дивизии под начальством генерала фон дер Марвица. Сегодня подверглись бомбардировке форты на правом берегу Мааса. Колонна пехоты переправилась через эту реку, несмотря на канонаду бельгийской артиллерии. Завязались жаркие бои. 7-й корпус германской армии был отбит с большим уроном, но бой снова возгорелся в южном секторе, куда подошел 10-й германский корпус, прошедший форсированным маршем сорок километров. Наш посланник в Брюсселе Клобуковский извещает нас, что король Альберт принял главное командование над бельгийской армией[3]. Он сообщает нам, что все количество войск, вторгнувшихся в Бельгию, оценивают в сто двадцать — сто пятьдесят тысяч человек; это — пехота, саксонская кавалерия, „гусары смерти“ и брауншвейгские гусары; много тяжелой артиллерии, полевой артиллерии и пулеметов. Ах, почему мы не на той же высоте! Один за другим Льеж и Брюссель обращаются к нам с трогательными призывами прийти им на помощь. Жители и гарнизон валлонского города, находящегося в опасности, ожидают скорейшего прибытия французских войск[4]. Марсельезу приветствуют с восторгом. Штаб коменданта крепости по своей инициативе сообщает населению, что наша армия идет на помощь осажденным. Он требует от нашего главнокомандующего отправить войска в Льеж, а впереди них послать отряд велосипедистов. Наш консул умоляет нас ответить самым срочным образом на обращенное к нам требование о помощи. Несмотря на подавляющее превосходство неприятеля, бельгийцы оказывают сопротивление, героическое сопротивление. Как нам не быть

---

[1] См. „Union sacrée“, passim.

[2] Телеграмма французского консула в Льеже Паллю де ла Баррьера от 5 августа 1914 г., отправлена в 8 час. утра, получена в 8 ч. 50 м. Телеграмма из Брюсселя № 39097.

[3] Телеграмма № 37480 из Брюсселя от 5 августа, отправлена в 3 ч. 21 м. утра, прибыла в 6 ч. 52 м.

[4] Телеграмма Паллю де ла Баррьера из Льежа от 5 августа, отправлена в 12 ч. 8 м., получена в 13 ч. 35 м. Телеграмма Клобуковского № 123 из Брюсселя от 5 августа 1914 г., отправлена в 13 ч. 20 м., получена в 15 час. „Histoire de la Grande Guerre“ par Victor Girand (Hachette), p. 93 et suiv.; „Histoire illustrée de la guerre de 1914“ par Gabriel Hanotaux (Gounouilhou), t. III, chap. VIII; „Histoire illustrée de la guerre du droit“ par Emile Hinzelin (Aristide Quillet), t. I.

потрясенными до глубины души мольбами о помощи, с которыми обращается к нам дружественный город, романский по национальности, языку и традициям, схваченный за горло насильником? Мы хотели бы ответить без промедления отправкой сильного контингента. Военный министр и я сообщаем об этом генералу Жоффру. Он, главнокомандующий, тоже прекрасно понимает, какое важное моральное и политическое значение имеет отправка немедленной помощи. Но требования концентрации неумолимы. Жоффр не может нарушить ее преждевременным снятием войск. Все, что он может сделать, это предписать спешно двинуться генералу Манжену с одной пехотной бригадой и генералу Сорде с тремя кавалерийскими дивизиями, чтобы замедлить продвижение германских армий через Бельгию. Для защиты Льежа французский генеральный штаб считает невозможным предпринять что-либо. Это невольное бессилие повергло Вивиани, Мессими и меня в глубокое отчаяние, но мы не считаем себя вправе оказывать давление на военное командование в чисто военном вопросе и подчиняемся неизбежному.

Таким образом предумышленность действий германского генерального штаба сказалась с первых же часов войны на том поразительном преимуществе, которое досталось ему над нашими союзниками и над нами. С начала июля он созывает запасных на чрезвычайные сборы, которые должны были начаться 1 августа. С 26 июля он вызывает в гарнизоны отсутствующие части и прекращает очередные отпуска. Но мы еще не знаем вот чего: в течение вчерашнего дня в корпуса, выступившие в поход, влились уже все солдаты запаса. Солдаты ландвера в пути и послезавтра будут на своем посту. С 31 июля началась даже концентрация солдат ландштурма, и к 15 августа они все будут на местах. Затем придет черед не отбывавших действительной службы; они составляют особый резерв, так называемый Ersatz-Reserve. Итак, Германия готова много раньше нашего. Она даже бросит на боевые позиции вместе с регулярными войсками контингенты запаса; и в тот момент, когда она наводняет территорию Бельгии, мы бессильны защищать нейтралитет, нарушенный ею и гарантированный нами [8].

Зато Бельгия имеет теперь уверенность, что Англия, как и мы, скоро будет сражаться вместе с ней, чтобы отомстить за нее и освободить ее территорию от неприятельского нашествия. Сегодня ночью английское министерство иностранных дел обнародовало ноту, не оставляющую места никакому сомнению: „Ввиду того что германское правительство наотрез отклонило требование правительства его величества дать заверение о соблюдении нейтралитета Бельгии, посол его величества в Берлине получил свои паспорта и правительство его величества объявило германскому правительству, что Великобритания и Германия находятся в состоянии войны начиная с 11 часов вечера 4 августа".

В Англии такой же энтузиазм, как во Франции; королевская семья стала предметом неоднократных оваций; повсюду патриотические манифестации. Центральные державы вызвали против себя единодушное возмущение французского, английского и бельгийского народов.

Но мы задаем себе тревожный вопрос: какую позицию займут в вспыхнувшей сейчас войне другие державы, великие и малые, близкие и далекие? Вмешаются ли они в конфликт или укроются под флагом нейтралитета? Япония — союзница Англии. Повидимому она выступит на стороне Тройственного согласия, но при двух условиях: что военные действия распространятся на Дальний Восток и что британское правительство [1] обратится к нему с соответственной просьбой. Между скандинавскими странами повидимому нет полного единодушия. Дания чувствует себя во власти своего могущественного соседа, который уже раз отнял у нее часть ее территории. Норвегия уже заявляла прежде о своей симпатии к Тройственному согласию; она уверяет нас, что отныне будет соблюдать нейтралитет, какой бы ход ни приняли события [2]. Но как со Швецией? Удалось ли Вивиани и мне полностью успокоить в Стокгольме то недовольство, которое последний питал вчера против России? Мы опасаемся со стороны Швеции тенденции принять сторону Германии. По счастью шведский министр иностранных дел Валленберг — человек умный и рассудительный. Он с удовлетворением отнесся к обязательству, по собственной инициативе принятому на себя британским правительством, соблюдать независимость и неприкосновенность Швеции, если она со своей стороны останется нейтральной. Мы немедленно присоединились к английскому демаршу и потребовали от России поступить таким же образом, чтобы дать возможность Валленбергу противостоять всякому давлению, будь то из-за границы или внутри страны [3].

В Берне федеральный совет принял текст ноты, являющейся повторением ноты 1870 г. и прокламирующей нейтралитет Гельвеции. Швейцария категорически оставляет за собой право занять в случае необходимости нейтрализованную зону Савойи [9]. Правда, президент швейцарской республики дал знать нашему послу Бо, что этот пункт носит только стилистический характер и является буквальным повторением соглашений 1859 г. [4]; однако хотя притязание наших соседей выдвинуто было лишь на всякий возможный случай, оно несколько покоробило население Савойи, так преданное и верное Франции. Представляющие это население в палате депутатов министр Фернанд Давид и товарищ министра Жакье очень недовольны тем, что на пороге этой войны снова выдвигается интернациональная теория, которую они считают неприемлемой и устарелой.

Думерг и Вивиани сообщили мне сегодня одно довольно неудачное русское предложение: обещать уже теперь Италии Трентино и Валлону, если она примет участие в войне против Австрии. Как ни заманчива перспектива окончательно оторвать Италию от Тройственного союза, подобная чрезвычайно преждевременная гарантия, даваемая нами Италии, могла бы повести к следующему неудобству: в случае общей победы требования Италии могли бы быть поставлены на первый план перед возвращением Франции провинций, отторгнутых у нее силой. До объявления нам войны мы продолжали молча

[1] Телеграмма Реньо, французского посла в Токио, от 5 августа, № 18.
[2] Телеграмма Шевалей из Христиании, № 78.
[3] Телеграмма Тьебо от 5 августа, № 43.
[4] Телеграмма Бо от 5 августа, отправлена в 5 ч. 30 м., получена в 19 ч. 5 м.

терпеть результаты грабежа, жертвой которого мы стали. По теперь, когда агрессия германского правительства сама свела на-нет Франкфуртский трактат, я думаю, не найдется ни одного француза, который не желал бы продолжать борьбу до полной репарации прошлого. Председатель совета министров, министр иностранных дел и я — мы полностью согласны на этот счет. Поэтому французское правительство может согласиться на русское предложение только со следующей категорической оговоркой: „без ущерба для наших национальных требований". Думерг известит британский кабинет о нашем взгляде по этому вопросу.

С другой стороны, Сазонов предлагает гарантировать Румынии неприкосновенность ее территории в случае, если она сохранит нейтралитет. Но он требует от нас — не знаю почему — присовокупить к этому обещанию угрозу на тот случай, если Румыния станет союзницей Австрии. Это было бы недружелюбной резкостью по отношению к стране, которая в настоящий момент находится в хороших отношениях с Россией и всегда находилась в превосходных отношениях с нами. Думерг охотно присоединяется к обещанию, но что касается угрозы, он не дает своего согласия, правильно считая ее нелюбезным приемом.

Проходят часы за часами медленно, тягостно. В течение дня я принимаю в большом салоне послов, которые во всех случаях пользуются свободным доступом: представителей парижской прессы. Вместе со мной председатель совета министров Вивиани, министр внутренних дел Мальви и военный министр Мессими. Я благодарю печать за поддержку, которую она нам оказывает в момент, когда решается судьба Франции. Военный министр прибавил несколько слов о мобилизации и концентрации наших армий. Журналисты выслушивают нас с волнением. Они явились в большом количестве со всех концов политического горизонта; видно, что они находятся теперь во власти одной идеи. Среди них находится Эрнест Жюде; он ничего не говорит. Альмерейда, редактор „Bonnet rouge", уже приговоренный однажды к тюремному заключению и игравший в последние годы довольно подозрительную роль, держится в стороне в глубине салона, у него странный и таинственный вид.

Меня посетил также граф Альбер де Мен, выдающийся католический оратор, патриотизм которого стоит на уровне его таланта. Он говорит мне, что жестокая болезнь лишает его возможности выступать впредь с ораторской трибуны, но он отдаст по крайней мере свое перо на службу национальному делу. Он горячо приветствует мое послание к парламенту и слишком благожелательно приписывает моему влиянию в качестве президента неожиданные, как он выражается, преимущества нашей дипломатической ситуации. Я отвечаю ему, что наши союзы были подготовлены и укреплены всеми сменявшимися правительствами и что мы пожинаем теперь плоды их долгих усилий.

Аристид Бриан тоже явился в мой рабочий кабинет и вскоре за ним Мильеран. Оба они находят — и не без основания, — что в переживаемую нами тяжелую годину база кабинета Вивиани несколько узка и ее желательно расширить. Это также мое мнение, и

я не скрыл его от председателя совета министров. Я желал бы, чтобы удалось немедленно образовать настоящее министерство священного союза, в котором были бы представлены и сгруппированы все политические партии. „Но если я открою двери, — говорит мне Вивиани, — будут пытаться пройти слишком много кандидатов, и меня совсем стеснят". В самом деле, сколько людей совершенно искренне считают, что страна не может обойтись в настоящий момент без их услуг! Имя им легион. Что это? Дух авантюризма? Или чувство долга и самопожертвования? Честолюбие и пустозвонство? Разумеется, мотивы различны, смотря по человеку, но результат остается тот же: все бросаются к Вивиани, все горят нетерпением участвовать во власти. Как сообщает мне Бриан, председатель совета министров дал ему понять, что немедленно после окончания сессии парламента — а она только что кончилась — он откажется от сотрудничества Куйба, предложит Бьенвеню-Мартену перейти из министерства юстиции в министерство труда и назначит его, Бриана, министром юстиции. Но мой проницательный посетитель полагает, что Вивиани раздумал из боязни вызвать неудовольствие социалистической партии, которая в настоящий момент против такой комбинации. Однако Бриан убежден, что кабинет Вивиани в его нынешнем составе не находится на высоте грядущих событий. Мильеран выражает мне то же мнение с меньшими пюансами. Я держу председателя совета министров в курсе этих разговоров. Он остается при своем мнении, что изменение или расширение состава кабинета было бы сопряжено теперь с риском.

В ночь с 5 на 6 августа в министерстве иностранных дел получены две важных телеграммы из Лондона [1]. На заседании британского военного совета, состоявшемся сегодня под председательством премьера Асквита, решено было собраться на другой день в 17 часов и просить наш генеральный штаб срочно прислать одного из своих офицеров; последний должен дать разъяснения относительно диспозиции нашей армии, для того чтобы можно было обсудить самый целесообразный способ использования английского экспедиционного корпуса. Итак, лондонский кабинет наконец энергично решился участвовать в военных действиях на суше и согласовать с нами свои военные операции.

Четверг, 6 август

Утром в моем рабочем кабинете собрались Вивиани, Думерг, Мессими, Оганьер и Мальви. Мы снова беседуем о шагах, предпринятых предо мною Брианом и Мильераном. Председатель совета министров попрежнему высказывает опасение, как бы не вспыхнул министерский кризис, который может затянуться и повести к осложнениям. Однако министр внутренних дел в целях обеспечения снабжения гражданского населения и помощи семьям мобилизованных намерен создать организацию, долженствующую контролировать и расширить работу существующих ведомств. Решено назначить комиссию, в которую войдут Бриан, Мильеран, Делькассе, Марсель Самба, Рибо, Леон Буржуа. Я не думаю, что эта скромная роль удовлетворит честолюбие

[1] № 215 и 216.

всех. В разразившуюся над нами бурю большинство пассажиров желает сидеть у самого руля.

Так обстоит дело в частности с Жоржем Клемансо — это само собой разумеется. С тех пор как я стал президентом, я один раз принял Клемансо, и это краткое свидание, состоявшееся по инициативе третьего лица, не повлекло за собой дальнейших посещений. Не проходило, можно сказать, дня, когда Клемансо не подпускал бы мне шпильки в „Homme libre". Однако вчера утром он поместил в своей очередной статье следующий постскриптум в неожиданном тоне: „Я только что из сената, где нам был оглашен прекрасный манифест президента республики; в нем в кратких и сильных словах сказано все, что нужно. Сенат выслушал манифест стоя и наградил его продолжительными аплодисментами" [10]. Я считал, что в настоящий момент эта необычная любезность требовала какой-нибудь учтивости с моей стороны, и просил передать Клемансо, что буду счастлив видеть его и беседовать с ним. Он явился в Елисейский дворец, не заставив себя просить.

Этот семидесятитрехлетний старец теперь моложе и энергичнее, чем когда-либо прежде. Он был со мною гораздо менее сух и замкнут, чем несколько месяцев назад. Он уселся около меня в непринужденной позе; руки его по обыкновению были затянуты в серые перчатки; он облокотился на мой письменный стол, наклонил ко мне ухо и смотрел мне прямо в лицо. Мы долго говорили о Германии, которой он не любит, об Англии, которую он уважает, об Австро-Венгрии, которую он считает омерзительной и презирает, об Италии, которую он желал бы немедленно привлечь на нашу сторону. Был момент — он произнес слово Эльзас, и в памяти его встали картины 1870 г., — когда от волнения он прослезился. Я сам почувствовал у себя на глазах слезы. Когда Клемансо после часовой беседы, носившей почти задушевный характер, уходил от меня, я сказал ему: „Что бы еще ни случилось, но когда два француза пережили вместе такое глубокое волнение, между ними остаются узы, которые никогда не будут разорваны". Он молча взглянул на меня и не реагировал на мои слова ни одобрением, ни противоречием. Во время нашего разговора он как-то обратился ко мне по-старому, но машинально: „Мой милый друг". Он не поправился, но не продолжал в этом духе; он следил за собой, чтобы не выйти из тона вежливого безразличия. Очевидно, лед не был еще целиком сломлен. Томсону, который в эти дни предлагал ему встретиться со мною, он ответил: „Охотно", но тут же прибавил: „Однако мы не будем говорить о прошлом, и я сохраню за собой свою свободу в будущем". Прошлое — это был мой выбор в президенты; будущее — покрыто мраком неизвестности. Итак, Клемансо предлагает мне перемирие, ничего более. Впрочем перед лицом неприятеля не следует пренебрегать перемирием между ним и мною. Его ум и упорство могут когда-нибудь пригодиться и быть может даже понадобятся стране.

Повидимому Клемансо больше всего раздражен против Австрии. Он удивляется, что граф Сегени де Темерен как ни в чем не бывало остается в Париже, словно не вспыхнуло никакой войны. Это поведение посла действительно тем более странно, что, как сообщает

Дюмен, он посылает своему правительству клеветническую информацию о Франции. Барон Маккио, первый директор департамента в австро-венгерском министерстве иностранных дел, прочитал нашему послу две телеграммы, в которых граф Сегени взводит на население Парижа обвинение в грабеже австрийских магазинов; владельцев парижских отелей Сегени обвиняет в том, что они выгнали подданных Австро-Венгрии, а парижскую полицию — в попустительстве и бездействии. Посольство, говорит он, переполнено беженцами [1]. Я не поверил бы, что этот достойный джентльмен способен так варварски искажать истину. Не собирает ли Австрия предлоги, чтобы порвать с нами в момент, который она сочтет для себя удобным? Не знаю этого. Но весь французский народ не питает никакой неприязни к подданным Австро-Венгрии, и никто в Париже и не думает причинять им неприятности.

А вот совсем иная картина. Сколько ненависти проявила Германия по отношению к нашему послу в Берлине Жюлю Камбону! Он телеграфирует нам сегодня из Копенгагена, каким передрягам он подвергался на своем пути из Берлина и как возмутительно поступали с ним германские власти. Камбон требовал, чтобы его отправили через Швейцарию или Голландию; его отправили в Данию. В дороге майор, приставленный для наблюдения за ним, заявил ему, что если он не внесет три тысячи шестьсот одиннадцать марок дорожных издержек, поезд не пойдет далее к датской границе. Жюль Камбон предложил перевести требуемую сумму чеком на банк. Ему было в этом отказано, и наш посол вынужден был устроить со своими товарищами складчину, чтобы добыть требуемое от него золото [2].

Далее, Бо, наш представитель в Берне, сообщает нам, что заведующий нашим консульством в Мангейме подвергся на своем пути в Швейцарию возмутительному обращению: его заперли в багажный вагон. Наконец из телеграммы, отправленной нам тоже из Берна нашим посланником в Баварии Аллизе, явствует, что отъезд его из Мюнхена сопряжен был с такими же досадными придирками, как отъезд Жюля Камбона. Кроме того Аллизе застал в Цюрихе членов французской колонии в Баварии, которые рассказали, что подвергались в пути оскорблениям и побоям [3].

Но оставим эти низости и обратимся к известиям из России. Это хорошие известия. Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич намерен быстро начать наступление. Он заявляет, что в знак союза велит носить рядом со своим собственным флагом французский военный флаг, предподнесенный ему два года назад генералом Жоффром [4].

Император Николай II заявил Палеологу: „Чтобы добиться победы, я готов пожертвовать даже последним своим солдатом. Пока хоть один немецкий солдат будет оставаться на русской или на французской почве, я не подпишу мира. Как только мобилизация будет

[1] Телеграмма из Вены № 155.

[2] Из Копенгагена без номера от 6 августа, в 6 ч. 50 мин. и № 55 и 56.

[3] Из Берна от 6 августа, № 16 и 49.

[4] Телеграмма Палеолога от 5 августа, 11 ч. 52 м., получена 6 августа в 7 ч. 50 м.

закончена, я прикажу двинуться вперед. Мои войска преисполнены энтузиазма. К тому же, как вы знаете, великий князь Николай Николаевич человек чрезвычайно скорый и решительный“ [1].

Ценные обещания, но, увы, в настоящий момент только Германия может начать наступление, и она делает это с такой легкостью и быстротой, которые представляют яркий контраст с русской медлительностью. Люксембург занят 8-м корпусом и одной кавалерийской дивизией. Согласно данным нашего генерального штаба, германские силы, двинутые на Бельгию, состоят повидимому из пяти различных армейских корпусов и четырех конных дивизий; кавалерия двигается на север и на юг от Льежа: с одной стороны на Вареми, с другой — по направлению к Гюи; форты были неоднократно атакованы. Информация более путаная, чем вчера. Говорят, что колонна автомобилистов неожиданно проникла в центр города, захватила господствующий пункт, но потом была прогнана оттуда местным гарнизоном; несмотря на крайне ожесточенные атаки, ни один форт не взят. Бельгийский генеральный штаб бежал в один из этих фортов. К этим деталям Клобуковский прибавляет, что главной целью неприятельской армии повидимому является Мобеж [2]. Если наш представитель в Бельгии не ошибается, ход событий развивается независимо от нашего плана XVII.

Германия пускает в ход все ресурсы своего империалистического гения, чтобы обеспечить себе помощь за границей. Наш посол в Константинополе Морис Бомпар телеграфирует из Терапии [3], что Турция уже приняла решение о всеобщей мобилизации. Она делает вид, что опасается операций Болгарии под Адрианополем и России у проливов. В другой телеграмме Бомпар продолжает [4]: „Желательно было бы, чтобы британское правительство отозвало на время войны английскую морскую миссию, дабы отнять у оттоманского правительства всякое оправдание дальнейшего существования германской военной миссии. Офицеры этой последней представляют действительную опасность для сохранения турецкого нейтралитета, так как прибегают к всевозможным приемам, чтобы вызвать инциденты между Россией и Турцией, и нет такой басни, которую они не сочиняли бы, чтобы напугать турок по вопросу о проливах“.

По настоянию берлинского правительства Дания вынуждена была закрыть минами проход через Бельты [5]. Итак, германский флот имеет возможность свободно передвигаться из Балтийского моря в Северное море и обратно через широкий Кильский канал; при освящении этого канала присутствовала в свое время и Франция, чтобы угодить

---

[1] Из Петербурга № 370.

[2] Из Брюсселя от 6 августа, № 130.

[3] № 281, отправлена 4-го, получена 5-го.

[4] № 283 от 6 августа.

[5] См. „Erinnerungen“ («Воспоминания») адмирала фон Тирпица, который рассказывает о соглашении, заключенном в начале войны между ним и Данией. В большом докладе, с которым датский министр обороны выступил 24 и 25 апреля 1919 г. перед парламентской военной комиссией, он сообщает, что немцы уже начали закладывать мины и несомненно сами бы закончили это дело, если бы Дания не согласилась запереть проливы минами. В датских военных кругах даже опасались оккупации Копенгагена.

России, а несколько недель назад воды его весело бороздила императорская яхта, когда Вильгельм II узнал о сараевском покушении и смерти эрцгерцога. Напротив, эскадры России уже заперты и не могут соединиться с флотом Франции и Англии[1]. Таким образом в то самое время, когда Германия повсюду принимает свои боевые мероприятия, Англия, которая желала войны не больше нашего, еще меньше нашего готова, прилагает все усилия к тому, чтобы как можно скорее быть в состоянии вести войну. Премьер Асквит, который после ирландских событий [11] счел своим долгом взять на себя пост военного министра, уступил его лорду Китченеру, который некогда поступил волонтером в армию Шанци защищать Францию против нашествия пруссаков и получил 29 марта 1913 г. медаль в память 1870 г.[2]. В течение своей замечательной и полной событиями жизни Китченер оказал неоценимые услуги Британской империи. Он отличился в Занзибаре, в Нильской долине, в Индии, в Австралии, в Новой Зеландии, в Южной Африке. Это он, будучи сирдаром в Египте, разбил халифа при Омдурмане, уничтожил махдизм, занял Бар-эль-Газаль и встретился в Фашоде [12] с комендантом Маршаном. Тогда никоим образом не предвидели сердечного согласия. Однако французские офицеры могли лишь радоваться обходительности лорда Китченера, который, впрочем как и сам Маршан, должен был лишь исполнять предписания своего правительства. Новый английский министр имеет репутацию превосходного офицера и искусного администратора. Он собирался как раз отправиться снова в Египет, когда его вызвал Асквит и назначил своим преемником. Тотчас после своего назначения Китченер посетил Поля Камбона и сказал ему, что вчера вечером отданы были распоряжения о первых транспортах войск во Францию. Нам намерены послать шесть дивизий, но военная организация Великобритании не дает ему возможности отправить все эти дивизии тотчас же[3]. Нам придется следовательно вооружиться пока терпением.

В момент, когда все наше внимание поглощено уже начавшейся войной, меня посетил 6 августа Майрон Т. Геррик, посол США. Когда слуга произнес его имя, в моем кабинете находились Вивиани, Думерг, Мессими, Оганьер и Мальви. Мы задаем себе вопрос о цели его прихода. Быть может президент Вудро Вильсон поручил ему предложить нам посредничество. Министры обсуждают со мной, какой ответ следовало бы дать в таком случае Америке. Вместе со мной они считают, что, так как мы не являемся нападающей стороной, мы можем принять посредничество только в том случае, если Германия и Австрия сами примут его и отзовут свои войска; что кроме того мы не имеем права принять решение, не согласовав его с Англией, Бельгией и Россией; наконец что посредничество Америки оказывается запоздалым, после того как произошло вторжение на нейтральную территорию. Решено было, что я в этом смысле отвечу

---

[1] Из Копенгагена, № 59 и 61.

[2] „Life of eord Kitchener" par Sir George Arthur, Max Millan and C°, Limited, London, vol. I, chap. II, p. 8, 9.

[3] Из Лондона, № 224.

нашему другу Майрону Т. Геррику, если он действительно пришел с подобным предложением. Он входит и вручает мне краткую ноту, подписанную Вудро Вильсоном. Вот ее содержание[1]: „Как официальный глава одной из держав, подписавших Гаагскую конвенцию, я считаю заодно своей привилегией и своим долгом сказать вам согласно статье 3-й этой конвенции в духе искреннейшей дружбы, что я весьма охотно встретил бы возможность выступить в интересах европейского мира, будь то теперь, будь то во всякое другое время, которое представлялось бы более подходящим как случай послужить вам и всем заинтересованным таким образом, который был бы для меня длительным источником благодарности и счастья". Предложение, исполненное конечно самых благих намерений, но боязливое и смущенное. Несомненно, президент Вильсон понимает, что после бомбардировки Льежа и кровавых битв вокруг этого города его предложение приходит несколько поздно. Я горячо благодарю посла, который признается мне, что не создает себе никаких иллюзий относительно результатов возложенного на него поручения. Я отвечаю ему, что сегодня должны в первую очередь высказаться державы, объявившие войну, согласны ли они в случае посредничества отозвать свои войска из территорий, в которые они вторглись, и что мы вообще не можем ничего решить без соглашения со своими союзниками. Но мы очень благодарны президенту Вильсону за его идею и вспомним о ней, если представится благоприятный случай. Я присовокупил, что согласую с правительством и пошлю ему, Геррику, письмо для президента, подтверждающее наше мнение. Посол, ожидавший этот ответ, горячо жмет мне руки и выражает мне свои личные пожелания быстрого успеха для Франции. По уходе его я набрасываю несколько слов для Вудро Вильсона; показываю их Вивиани и Думергу, они одобряют их, и мы посылаем их Геррику, который передает их по телеграфу в Вашингтон. Я напоминаю президенту, что Франция всегда стремилась оградить мир, что она принесла для сохранения его все жертвы, совместимые с ее честью и достоинством, что, несмотря на неоднократные провокации и многочисленные нарушения неприкосновенности ее территории, она не соглашалась быть агрессором, но что она подверглась нападению и в то же время была нарушена неприкосновенность нейтральных стран. Я прибавил: „Я высоко ценю мысль, которая в этом случае, как и в других, вдохновляла главу великой американской республики. Будьте уверены, французское правительство и французский народ усмотрят в этом акте новое свидетельство вашего интереса к судьбам Франции".

С таким же предложением Америка выступила сегодня в Берлине, Вене, Санкт-Петербурге и Лондоне. Никто не нашел возможным его принять. Одни не желают утратить преимущество своего внезапного наступления; другие опасаются, что, согласившись на вмешательство посредника, разожгут дерзость и надежды нападающих.

---

[1] Papers relating to the foreign relations of the United States, 1914. Supplement: The world war. Government printing office. Washington, 1928. p. 42, 43.

Государственная публичная ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
Кабинет истории

Австро-Венгрия даже ответила на добрые услуги президента Вильсона тем, что решилась объявить войну России; это последовало сегодня, 6 августа, в 18 часов. Если бы Германия после своей мобилизации столько же медлила со своим собственным объявлением войны, мир мог бы быть спасен. Но какой смысл имеют эти „если"? Теперь пожар распространяется все далее и далее. Вчера ввиду все растущего давления немцев на Бельгию Жоффр счел благоразумным направить на наш левый фланг, на распределительный пункт на Лаонском вокзале, 37-ю и 38-ю дивизии, пришедшие из Африки. По правде говоря, немцы не знают наших военных планов, а мы не знаем их военных планов. Мы еще ищем друг друга ощупью. Если взятие Льежа откроет свободный проход неприятелю, последний переправится через Маас, двинется на запад и будет пытаться обойти наше левое крыло. Если Льеж продержится еще некоторое время, это помешает немцам маневрировать своим правым флангом, и быть может они сделают попытку повернуть к Метцу, чтобы перейти нашу границу и подняться в долину Мааса. Какая из этих обеих гипотез окажется реальностью? Наше командование не знает этого, оно вынуждено наблюдать события и сообразовать с ними свои действия, поэтому мы подвергаемся большому риску, что наша инициатива будет парализована в результате длительного выжидания.

Узнал про кончину Жюля Леметра. Он угас в своей родной деревушке Таверс, в Орлеанском департаменте, откуда он мне когда-то часто писал. Ему было только шестьдесят один год. Когда французы перестали любить себя, этот очаровательный писатель и к тому же большой патриот был иногда слепым и даже несправедливым. В настоящий момент он снова нашел бы свое место под знаменем священного союза [10].

Пятница, 7 августа 1914 г.

Клемансо снова посетил меня. Улыбающийся, уже не натянутый, как прежде, он снова гость в Елисейском дворце; сколько раз он упрекал меня в том, что я являюсь временным жильцом в этом доме! Он привел с собой графа Сабини, итальянского торгового атташе. Клемансо говорит, что Сабини сообщил ему конфиденциально несколько интересных мыслей, которые повторит также мне. Функции, исполняемые этим любезным и предупредительным человеком при своем посольстве, оставляют ему свободу высказываться официозно, никого не обязывая. Сабини говорит мне, что вопреки надеждам, питаемым многими французами, Италия в настоящий момент не может выйти из своего нейтралитета. „Теперь еще слишком рано, — говорит он мне без обиняков, — воевать с нашими вчерашними союзниками. Быть может это время еще придет. Но в настоящий момент необходимо закрепить самый нейтралитет. Для этого, естественно, необходимо обещать Италии известные выгоды". И он перечисляет мне целый ряд малоконкретных требований: экономические соглашения, сотрудничество в Малой Азии, кондоминиум (совместное владычество) на Средиземном море. К моему великому удивлению Клемансо не поднимается на дыбы; он продолжает терпеливо слушать, слушать чуть ли не с симпатией. Однако, когда я за-

метил, что Италия формально объявила себя нейтральной и не имеет права на какую-либо компенсацию за сохранение этого нейтралитета, что к тому же она подписала вместе с нами соглашения 1902 г. [13] и не могла бы, не отрекаясь от них, выступить на стороне наших врагов, Клемансо меня поддержал. Но Сабини воскликнул: „Ах, соглашения 1902 г.! Они не имеют силы договора подобно договору Тройственного союза!“ И довольный тем, что бросил семена, которые, по его мнению, должны рано или поздно взойти, торговый атташе наговорил мне на прощание тысячу любезностей и ушел в обществе своего знаменитого спутника.

Я сообщаю об этом разговоре Думергу. Он уведомляет о нем Баррера; но он согласен со мной, что невозможно что-либо обещать Италии, если она не предложит нам конкретную помощь. Впрочем Англия только что дала свое согласие на русское предложение о том, чтобы оставить за Италией Трентино и Валлону, если Италия выйдет из своего нейтралитета и присоединится к нам[1]. Признаюсь, этот дележ добычи перед битвой представляется мне довольно иллюзорным и даже в некоторой степени смешным. Пока что нам приходится защищаться, защищать Бельгию и себя.

Король Альберт подает пример своему народу. Узнав, что генерал Жоффр решил предоставить в его распоряжение, даже еще до окончания концентрации французских войск, несколько пехотных и кавалерийских частей, он послал мне следующую телеграмму: „Брюссель, 6 августа. Выражаю вашему высокопревосходительству от своего имени и от имени моего народа мою глубочайшую благодарность за ту готовность, с которой Франция, гарантировавшая нашу независимость и наш нейтралитет, ответила на наш зов и пришла помочь нам прогнать армии, которые в нарушение договоров вторглись на территорию Бельгии“. Я отвечаю ему: „Париж, 7 августа. Благодарю ваше величество за вашу телеграмму. Недавно я имел случай принести вашему величеству уверения в истинных чувствах, питаемых Францией к Бельгии. Дружба моей страны к бельгийскому народу закаляется теперь на полях сражения. Французские войска гордятся тем, что содействуют доблестной бельгийской армии в защите подвергшейся вражескому нашествию территории и в героической борьбе за независимость“.

На состоявшемся под моим председательством заседании совета министров постановлено вручить городу Льежу орден Почетного легиона; я намерен лично передать этот орден после совместной победы. Телеграфирую королю Альберту, что французское правительство считает своим долгом почтить таким образом доблестных защитников города и всю бельгийскую армию в целом, совместно с которой французская армия с сегодняшнего утра проливает свою кровь на полях сражения. Король отвечает мне благодарностью из Лувена, где теперь помещается его генеральный штаб; он прибавил: „Льеж, страна и вся армия будут продолжать непоколебимо исполнять свой долг“.

По еще сегодня героический валлонский город был осквернен

[1] Из Петербурга, № 376 и 380.

пятой неприятеля. Уцелевшие остатки 14-й германской бригады, предводительствуемые генералом Людендорфом, пробрались между фортами и проникли в город. Они заняли здание провинциального управления и ратушу. Взяли заложников, в том числе епископа, бургомистра и сенаторов, и посадили их в цитадель, которой они тоже овладели. От военного губернатора города генерала Соммера потребовали капитуляции. Он отказался. 3-й дивизии, несшей гарнизонную службу в городе, он отдал приказ присоединиться к бельгийской армии и вместе с ней бороться за рекой Джетт, обороняя страну и защищая честь знамени. А для того чтобы дать возможность своей родине и Франции закончить концентрацию своих войск, он отдал директиву фортам держаться до последней крайности, а сам удалился в форт Лонсен, чтобы оттуда контролировать и подбадривать одиннадцать прочих укреплений города, занятого неприятелем.

Нам в Париже неизвестны все эти детали. Гром сражений в Бельгии доходит до нас неясно и неопределенно. Поступающая к нам военная информация носит путаный и противоречивый характер. Совет министров поручает Филиппу Бертело, вице-директору одного из департаментов министерства иностранных дел, отправиться в Брюссель и Лувен повидаться с начальником бельгийского генерального штаба, испросить аудиенцию у короля Альберта и привезти нам точные сведения.

Известия из более отдаленных стран еще менее ясны, и эта неизвестность усугубляет нашу тревогу. Впрочем мы знаем, что Сазонов выступил с новыми дипломатическими комбинациями. Он находит, что мы должны предложить Румынии помимо гарантии неприкосновенности ее территории большую часть Трансильвании и Буковины, а болгарскому королю Фердинанду обещать несколько округов в Македонии[1]. Я продолжаю оставаться при своем мнении, что эти восточные сделки и дележ шкуры неубитого медведя носят несколько авантюристский и ребяческий характер.

Перед нами еще не открываются столь широкие горизонты. Хотя Австро-Венгрия вчера вечером объявила войну России, граф Сегени продолжает спокойно оставаться в своем изящном отеле на улице Варенн. Он сказал своему дантисту-иностранцу, который передал его слова доктору Видалю: „Нас выручит коммуна“. Но коммуна бывает только результатом разочарования и поражения. Мы еще не в таком положении, дражайший посол!

Мы даже одержали сегодня победу. 7-й корпус (он принадлежит к 1 армии, находящейся под командой генерала Дюбайля; штаб-квартира этой армии находится в Эпинале) вступил в Верхний Эльзас через Бельфорский проход, который после 1871 г. ведет к нашим потерянным провинциям. Небольшой город Альткирх, бывшая столица Зундгау, красивый уголок, подаренный некогда Людовиком XIV кардиналу Мазарини, был взят нашим 44-м пехотным полком в славном штыковом бою. Наши победоносные войска заняли возвышен-

[1] Из Петербурга, № 376 и 380.

ность, на которой построена церковь и откуда открывается вид на обширную равнину Эльзаса, окаймленную голубыми очертаниями гор. Население приветствовало французские войска радостными возгласами. Символический жест — жители и наши пехотинцы вырыли и повалили пограничные столбы. В то же время наша 41-я дивизия проникла через ущелье Одерен в идиллическую долину Туры и прошла вниз по долине до Танна, разбив несколько заслонов неприятельских войск. Здесь перед нами еще не общее наступление I армии. Но, не дожидаясь окончания концентрации наших войск, т. е. 14 августа, генерал Дюбайль получил от главнокомандующего приказ использовать в Верхнем Эльзасе один из служащих для прикрытия корпусов своей армии, а именно 7-й корпус, для немедленных операций повидимому скорее морального и даже сантиментального, нежели военного характера. Объектом этих операций является в первую очередь участок Танн — Мюльгаузен. Отсюда должна быть сделана попытка дойти до Рейна, сломать здесь мосты и двинуться затем в направлении Кольмара. Французы в Эльзасе! Через сорок четыре года, после того как совершился один из величайших грабежей, которые знает история! Итак, Гамбетта был прав, рассчитывая на имманентную справедливость?..

Ввиду начала военных действий офицеры при Елисейском дворце, которые все находятся на действительной службе, должны отправиться на свои места — в армию и флот. С тяжелым сердцем я прощаюсь с ними и напутствую их своими пожеланиями. Я заменю их на время войны офицерами в отставке. На место преданного генерала Бодмулена военный министр назначил поседевшего на службе в кавалерии генерала Дюпаржа ввиду его блестящих заслуг. Среди старых офицеров, которые будут под его начальством, я найду старых друзей и счастлив буду иметь их подле себя в тяжелую минуту. Мой гражданский секретарь Адольф Пишон и начальник моей личной канцелярии Марсель Гра тоже уезжают на фронт. Вокруг меня останутся только люди, убеленные сединами. Один из самых дорогих мне коллег по адвокатуре, Феликс Декори, который по своему возрасту уже не подлежит мобилизации, предложил мне свои услуги вместо уходящего Пишона. Я с благодарностью принимаю его предложение. Его сотрудничество тоже будет для меня ценным в дни испытаний и тревоги.

Сегодня в Сорбонне под председательством декана литературоведческого факультета и члена Академии Аппеля собрались лица различного происхождения и весьма различных взглядов: Эрнест Лависс, Ганото, Морис Баррес, мадемуазель Дерулед, монсеньер Оделен как представитель парижского архиепископа, секретарь социалистической партии Дюбрайль, секретарь Всеобщей конфедерации труда Жуо, Морис Пюжо из „Action française“, судьи, чиновники, промышленники, артисты, писатели, все они воодушевлены одной верой, все они во власти одной мысли — помочь властям в обширной программе помощи жертвам войны. Подавая подобно армии пример священного единения [10], эти патриоты тут же создали большой комитет национальной помощи; он будет стимулировать частную благотворительность, и голос его будет услышан повсюду.

Согласно телеграммам нашего посла в Берне непрерывно продолжаются переброски австрийских войск к французской границе и особенно в Эльзас. Думерг просит графа Сегени пожаловать на набережную д'Орсэ. Думерг ставит ему на вид, что эти транспорты не вяжутся с уверениями, данными графом Берхтольдом. Он спрашивает его, не изменились ли диспозиции австрийского правительства. „Не думаю, — отвечает в замешательстве граф Сегени, — я наведу справки". Думерг телеграфирует Полю Камбону, что считает невозможным позволять Австрии проводить таким образом в полной безопасности свои подготовительные операции и посылать свои войска против нас, убаюкивая нас благожелательными уверениями. Он просит нашего посла в Лондоне держать британский кабинет в курсе этого странного поведения. Быть может расчет Австрии заключается в том, чтобы заставить Италию выступить на ее стороне. Медля с объявлением войны России, как это было вначале, откладывая и по сей день свое решение относительно нас, Австрия несомненно надеется, что заставит нас самих взять на себя инициативу объявления ей войны. Центральные державы могли бы тогда найти в этом предлог для утверждения, что в силу Тройственного союза Италия должна притти на помощь державе, подвергшейся нападению. Из противоположных соображений мы до сих пор не желали порвать с Веной, хотя двуединая монархия объявила теперь войну России и согласно нашей имеющей тридцатилетнюю давность конвенции с этой последней мы обязаны помогать ей против обоих ее врагов. Итак, положение становится все более ненормальным. Австрия может посылать свои войска и свою артиллерию куда ей желательно, она может объединять свою армию с германской, может по соглашению с своей союзницей парализовать операции русских, а мы остаемся спокойными зрителями этого. Граф Сегени остается в Париже, и общественное мнение начинает удивляться такому положению вещей, которое не является ни миром, ни войной.

Известия из Льежа сегодня очень тревожны[1]. Филипп Бертело прибыл сегодня утром в Брюссель[2]; по дороге его то и дело останавливали мелкие французские посты и особенно часовые бельгийской гражданской гвардии, расставленные на больших дорогах через каждые сто метров. Вот информация, полученная им. Три германских корпуса все еще перед Льежем, он окружен на три четверти; город занят неприятелем, но форты остаются в целости и готовы отразить атаки неприятеля. Восемьдесят тысяч бельгийских солдат стоят под Брюсселем, они защищают столицу и готовятся отразить здесь неприятельское наступление.

Бертело говорил с главой бельгийского правительства де Броквиллем, являющимся также военным министром. Броквилль сказал ему о своем твердом намерении защищать до последней капли крови форты Льежа, не менее упорно защищать линии Мааса, призвать всех способных носить оружие, бороться до последнего издыха-

[1] Телеграммы из Брюсселя № 136 и 139.
[2] Телеграммы из Брюсселя № 140, 141, 144, 146.

ния. Затем Бертело отправился в Лувен. Он был принят королем Альбертом в небольшом замке в окрестностях города. Бертело объяснил королю, что Франция сделала и будет продолжать делать для помощи Бельгии все, что возможно без ущерба для концентрации своих войск. С большим благородством и простотой король ответил, что он никогда не сомневался во Франции, он боялся лишь, что мы слишком горячо ринемся в бой, прежде чем соберем налицо все свои силы. Король сказал, что у генерала Лемана имеется его письмо, предписывающее ему сопротивляться до последней капли крови. Бертело прибавляет[1]: „В заключение король заявил, что Бельгия борется за свое существование, что она будет бороться с Германией, пока у нее останется хотя бы один солдат, и что в случае нужды он сам возьмется за винтовку. Я просил у него разрешения передать эти последние слова полностью президенту республики, будучи уверен, что они придутся по душе его пламенному патриотизму".

Мессими в восторге от сопротивления бельгийцев, которое дает нам возможность закончить в Мобеже работы большой важности. Губернатор несколько раз требовал кредитов, мы не могли дать ему их. Вполне естественно, наш генеральный штаб отдавал первенство нашей обороне на востоке. Но в настоящий момент север пожалуй подвергается наибольшей опасности. Генерал По, посланный министром осмотреть ход работ в крепости, нашел, что она недостаточно защищена, и приказал вести работы в самом спешном порядке. Понадобится дней пятнадцать, чтобы привести все в должный вид. Дадут ли нам немцы эту передышку?

Чтобы сделать попытку диверсии против широкого продвижения немцев к Фландрии, а быть может также для того, чтобы усилить нашу стратегию психологическим моментом, наш главнокомандующий, ставка которого все еще находится в Витри ле-Франсуа, отдал приказ занять в Вогезах проходы Биссанг, Шлухт, Бонхомм, Сент-Мари и Саалс. Он даже двинул наши войска из Альткирха и Танна прямо на Мюльгаузен. В 15 часов мы без боя вступили в этот большой и дорогой нам город, который добровольно отдался Франции в 1798 г.; император Вильгельм так хорошо знает чувства жителей этого города, что со времени своего вступления на престол ни разу не появлялся здесь. Наши полки продефилировали здесь с музыкой, окруженные ликующим населением. Мессими по телеграфу поздравил генерала Жоффра. Сам Жоффр обратился с прокламацией к Эльзасу.

Как не ликовать, получив эти телеграммы! Однако это добровольное отступление немцев остается несколько подозрительным, и информация, поступающая к нам в Париж, находится в противоречии с оптимизмом нашего генерального штаба. Так например наш специальный комиссар в Понтарлье сигнализирует нам движения баденских войск в окрестностях Кольмара; эти движения вызывают беспокойство. Не следует ли ожидать в ближайшем времени контратак неприятеля?

Нашу радость смущают также другие заботы. В Средиземном море

[1] Телеграмма № 145.

„Гебен“ и „Бреслау“ продолжают свои загадочные рейды. Обстреляв наше алжирское побережье, они ушли за углем в Мессину, а вчера прошли мимо мыса Матапан с направлением на восток.

Британское адмиралтейство сообщает нам[1], что его эскадра в Средиземном море не в состоянии собственными силами запереть вход в Адриатическое море. Следовательно объявить сейчас войну Австрии значило бы побудить последнюю атаковать английскую эскадру, которая вынуждена была бы отступить. Адмиралтейство присовокупляет, что, как только французская эскадра в состоянии будет оказать ему поддержку, отпадет всякое возражение против разрыва с Веной. Как уверяет меня Оганьер, перевозка наших войск уже сегодня настолько продвинулась вперед, что наши корабли могут без замедления оперировать вместе с флотом нашей союзницы. Условие, поставленное Англией, выполнено. Итак, мы сможем освободиться от того ложного и временного положения, в которое нас ставят маневры Австрии.

Плохие вести из Софии[2]. Россия запросила короля Фердинанда о намерениях Болгарии. Она сделала это довольно неуклюже, выступив не только с обещаниями, но также с угрозами. Разумеется, король не принял на себя никаких обязательств. Он сослался на свое правительство, с которым он однако обычно мало считается. В свою очередь председатель совета министров сослался на короля. Фердинанд и его соратники остаются верны себе. Их двуличие несомненно сулит нам сюрпризы.

В остальном телеграммы из России к счастью более утешительны. Николай II открыл сегодня в Санкт-Петербурге чрезвычайную сессию Думы[3]. Правительство возвестило о своей решимости продолжать войну до победного конца. Во вторник император отправляется в Москву[4]. Он пригласил послов Франции и Англии сопровождать его в религиозную и политическую столицу России и присутствовать вместе с ним на торжествах в Кремле.

Из Лондона тоже ободряющие вести. Поль Камбон уведомляет нас[5], что во Францию будут посланы не четыре, а пять дивизий — это почти решенное дело. Сегодня утром лорд Китченер проявил гораздо больше склонности, чем вчера, следовать мнению британского генерального штаба, который настаивает на отправке во Францию всех уже сформированных и имеющих быть сформированными частей.

Вечером Жорж Клемансо прислал мне собственноручную записку без обращения: „Сегодня в 6 часов вечера меня посетил в редакции газеты[6] граф Сабини в сопровождении итальянского военного атташе;

---

[1] Из Лондона, № 236.

[2] Телеграмма Панафье № 53 из Софии от 7 августа, получена 8 августа в 7 час.

[3] Телеграмма Палеолога от 8 августа, № 388.

[4] Телеграмма Палеолога от 8 августа, № 387.

[5] Из Лондона от 8 августа, № 235.

[6] «L'Homme libre» (свободный человек), которая вскоре, после некоторых купюр, произведенных цензурой, переименована была в „L' Homme enchaîné“ (скованный человек).

он прочитал мне депешу своего правительства, из которой он заключает о предстоящем немедленном выступлении Италии против Австрии. Оба они очень воодушевлены событиями в Льеже и всей совокупностью фактов, благоприятных для нас. Это депеша вероятно Думерга. Любопытно знать, было ли изменено заключение. Я не верю в это. Эти господа спрашивали меня, правда ли, что англичане и французы намерены бросить несколько сот тысяч человек на Намюр. Я ответил, что об этом ничего не знаю и что если бы и знал, то не сказал бы. Они спросили меня также, наверстали ли мы запоздание нашей мобилизации. Я ответил: большей частью. Далее, они подчеркнули, что им важно определенно знать, что я с полным доверием смотрю на будущее. Я дал им на этот счет все желательные заверения. Интересно, что то самое лицо, которое вчера заявляло, что Италия в настоящий момент не может выступить, сегодня является ко мне с совершенно противоположными утверждениями. Это легко объяснимо. Ж. Клемансо. P. S. Я умышленно несколько раз повторял им, что Англия принимается за дело с таким пылом, который превзошел наши ожидания".

Я немедленно показал эту записку Думергу и просил его навести справки в Риме, так как не знаю, в какой мере Сабини и военный атташе могут оказать влияние на итальянское правительство. Титтони, когда нам была объявлена война, находился в морской экскурсии и еще не вернулся в Париж. Что касается Клемансо, то непоколебимый оптимизм, который внушает ему его пламенная любовь к Франции, представляет счастливый контраст с его последними сугубо пессимистическими замечаниями, которые он представил в июле сенату. Быть может истина находится посередине.

День прошел, не пролив для нас ни малейшего света на движения немцев в целом. В общей директиве № 1 от 8 августа генерал Жоффр даже все еще исходил из предположения, что нам придется сосредоточить свои усилия главным образом на восточном фронте; он все еще считал эту гипотезу правдоподобной. I армия, опирающаяся на Вогезы и прикрываемая на правом фланге 7-м корпусом, должна начать наступление, точно так же II армия, расположенная непосредственно у левого фланга ее, в районе Нанси. Обе они должны одновременно атаковать правое крыло немцев; предполагалось, что оно состоит только из шести корпусов, тогда как мы в состоянии были противопоставить ему восемь корпусов. Наши IV и V армии, расположенные против немецкого центра, который мы считали самой важной частью неприятельской армии, должны перейти Маас с целью атаковать неприятеля в направлении бельгийской границы или же отбросить немцев за реку, если им случайно удастся переправиться через нее. Наша III армия расположена на холмах, которые господствуют с одной стороны над правым берегом Мааса, с другой стороны — над глинистой равниной Воэвры. Эта армия должна поддержать операции IV армии, а именно — либо двинуться вместе с ней на север, либо же произвести на ее правом фланге контратаку против войск, которые попытаются прорваться из укрепленного лагеря в Метце на запад. В настоящий момент генералиссимус еще не очень озабочен возможными операциями немцев на севере. Тем не менее

он принимает меры, для того чтобы один из наших кавалерийских корпусов послужил прикрытием для концентрации британской армии и для размещения ее на боевых позициях. Кроме того он предусматривает следующее: 4-я группа, состоящая из дивизий запаса, должна построить в окрестностях Вервена укрепленную позицию с целью обеспечить наше выступление на север или на восток. Однако в ставке главнокомандующего не ожидают, что немцы сделают попытку обойти на западе нашу V армию, а именно армию генерала Ланрезака, и окружить наше левое крыло.

Воскресенье, 9 августа 1914 г.

Сведения, посланные нами из Бельгии Бертело и подтвержденные им по своем возвращении, внушили правительству республики чувство такой глубокой благодарности к королю Альберту, что мы решили вручить ему в знак ее военную медаль. Я поручил генералу Дюпаржу отвезти доблестному монарху этот знак отличия вместе со следующими строками: „Дорогой и великий друг, от души благодарю ваше величество за сердечные уверения, переданные мне через Бертело. Франция восторгается героизмом бельгийской армии и благородным примером вашего величества. Правительство республики будет счастливо, если ваше величество соблаговолит принять из рук моего посланца военную медаль Франции; это у нас самое высшее отличие за воинские подвиги, его с одинаковой гордостью носят наши генералы, офицеры и солдаты, отличившиеся на поле брани".

Наш генеральный консул в Антверпене Франсуа Крозье, брат нашего бывшего посла в Вене, посылает нам следующую информацию, почерпнутую, по его словам, из лучших источников: „Немцы ставят впереди своих колонн бельгийских военнопленных, которых впрочем немного, подвергая их таким образом огню соотечественников. Здесь настаивают на этом известии, которое вполне достоверно, и будут нам благодарны, если мы предадим его самой широкой огласке"[1].

В свою очередь Клобуковский телеграфирует[2], что немцы-военнопленные проявляют большой упадок духа. Все они рассказывают, что начальство уверяло их, что их встретят в Бельгии с распростертыми объятиями. Однако с нашей стороны было бы весьма неразумно обольщаться слишком благоприятными рассказами и недооценивать военной силы неприятеля. Что касается Жоффра, то он ее знает и желал бы, чтобы Германии не удалось опередить нас. Он прислал мне с одним из своих офицеров следующее письмо: „Витри-ле-Франсуа, 9 августа 1914 г. Господин президент, меня предупредили, что первым днем мобилизации английских войск, которые должны быть использованы на континенте, является только 9 августа; таким образом момент, когда эти войска смогут двинуться вперед, отодвигается до 26 августа. А между тем мы не можем ожидать этого дня для встречи с неприятелем, мы рискуем потерять таким образом все преимущества, которые может дать нам заблаговременное выступ-

[1] Из Антверпена, № 5.
[2] Из Брюсселя от 9 августа, № 137.

ление. Поэтому я решился не выжидать для нашего выступления прихода английских войск. Тем не менее дальнейшая помощь этих войск будет иметь важное значение при дальнейшем развертывании операций при условии, что она не придет слишком поздно. Быть может английский генеральный штаб мог бы провести подготовительные первоначальные меры. Я считаю, что следовало бы обратить внимание английского правительства на серьезное неудобство, которое возникнет в результате большого запоздания английских войск. Что касается бельгийских войск, я счастлив констатировать энергию, которую они проявили при защите Льежа. Наша кавалерия благодаря активности генерала Сорде оказала им во-время если не материальную, то во всяком случае моральную поддержку. Я желал бы, чтобы это было сказано бельгийскому правительству и чтобы его заверили, что эта поддержка не будет единственной. За это мы просили бы его продолжать действия, столь блестяще начатые на севере от левого крыла наших армий. Жоффр".

Вивиани, Думерг и Мессими, которым я сообщил это письмо, — они впрочем находят, что оно должно было бы быть адресовано военному министру, а не мне, — сделают попытку оказать давление на британский генеральный штаб. Думерг телеграфирует в Лондон. В свою очередь я по соглашению с министрами посылаю с полковником Алдебером, состоявшим прежде при Елисейском дворце, бельгийскому королю письмо следующего содержания: „Дорогой и великий друг, генерал Жоффр пишет мне, что он с восхищением констатировал, какую энергию бельгийские войска проявили уже в ходе кампании... [Здесь я повторяю последнюю фразу из письма главнокомандующего и продолжаю:] Ваше величество уже наперед ответили на надежду, выраженную мне генералом Жоффром, так как высказали г. Бертело свое намерение продолжать войну, пока Бельгия не будет совершенно освобождена. С полным пониманием требований войны ваше величество высказались перед г. Бертело в том смысле, что французская армия должна выждать полной концентрации своих сил, прежде чем перейти в наступление. Но несомненно уже близок день, когда наши войска смогут начать свое продвижение вперед. Ваше величество конечно вместе со мной того мнения, что для обеих армий полезно будет иметь в этот момент возможность согласовать свои операции. Чтобы обеспечить связь между английским корпусом и нашими армиями, было по общему соглашению решено, что английские офицеры будут прикомандированы к французскому генеральному штабу и французские к английскому. Правительство республики желало бы, чтобы ваше величество согласились принять на время кампании в Бельгии аналогичную комбинацию. Я был бы весьма счастлив предоставить в распоряжение вашего величества трех офицеров, которые будут находиться под вашим начальством и которым вы сможете дать необходимые указания. Со своей стороны генерал Жоффр очень охотно примет в свой генеральный штаб двух или трех бельгийских офицеров, по усмотрению вашего величества. Таким образом будет полностью обеспечено согласование оперативных планов, которые должны быть проводимы совместно обеими братскими армиями, и в то же время будет полностью сохранена свобода каждого из обоих

командований. Прошу ваше величество усмотреть в моем обращении лишь новое доказательство глубокого желания французского правительства увидеть вскорости бельгийские армии на пути к победе бок о бок с нашими армиями. Примите, дорогой и великий друг, уверение в моей преданности".

Но вот уже не одна только Бельгия подверглась нашествию неприятеля; оно произошло также в ряде мест на востоке Франции. Префект департамента Мерты и Мозеля телеграфирует министру внутренних дел: „Я не имею известий из Брие, всякое сообщение с этой супрефектурой прервано, ее почтовое отделение эвакуировано 4-го сего месяца... 5 августа немецкая пехота перешла границу у Гомкура, что находится в расстоянии менее пяти километров от Брие. 6-го немцы продвинулись вперед со стороны Конфлана, где они вероятно находятся в настоящий момент. Считаю, что это движение неприятеля свидетельствует о занятии Брие немцами". Правительство правильно полагает, что префект обязан был во что бы то ни стало добыть более полные и скорые сведения и что необходимо сместить его. Оккупация немцами Брие была бы настоящей катастрофой, так как отдала бы в их руки бесценные рудные и угольные богатства, могущие принести несравненную пользу той из воюющих сторон, которая владеет ими. Согласно общему приказу главнокомандующего, мы должны были снова занять те десять километров пограничной зоны, на которые мы отошли перед объявлением войны [14]. Каким же образом они могли быть снова потеряны, причем мы даже не были извещены об этом?

Префект департамента Мааса Обер тоже телеграфирует, что у него уже нет телефонной и телеграфной связи с Булиньи, Манжьеном, Билли и Спенкуром, что жандармерия в Лонгийоне должна была отойти в Марвилль и что французская пехота имела стычку с немецкой кавалерией по эту сторону границы на железнодорожной ветке Спенкур — Монмеди.

Главная квартира дополняет эти печальные сведения. Неприятель бросил свои части через Отен на Спенкур, который объят пламенем. Вчера вечером одна немецкая кавалерийская дивизия встретилась с батальоном наших стрелков из Стен, который был выдвинут вперед, а теперь вынужден был отступить к Марвиллю. Мой бедный и дорогой департамент Мааса, ты снова стал добычей неприятельских армий!..

В Эльзасе мы через горный проход вступили в Сент-Мари-о-Мин, но на юге наши войска тщетно пытались продвинуться вперед из Мюльгаузена: они натолкнулись на чрезвычайно сильные укрепления в Гардтском лесу.

К нам продолжают поступать сведения о транспортах австро-венгерских войск по направлению к Франции [1]. Наш представитель в Голландии Марселен Пелле подтверждает оттуда информацию нашего представителя в Берне [2]. Но еще сегодня утром граф Берхтольд по-

---

[1] Из Берна, № 73.
[2] Из Гааги, № 21.

вторил в категорической форме Дюмену, что австро-венгерское правительство не отправляло войск на французскую границу [1].

Думерг находит этот ответ двусмысленным и просил Дюмона поставить графу Берхтольду вопрос, не была ли ни одна австро-венгерская дивизия отправлена на запад, за пределы Австрии?

В Санкт-Петербурге попрежнему перепроизводство идей и проектов. На сей раз Сазонов желал бы, чтобы маркизу Сан Джулиано было дано торжественное обещание военной помощи. Поль Камбон не советует предпринимать этот официальный шаг. Думерг тоже считает, что достаточно, если предложить Барреру прямо поговорить об этом вопросе частным образом с итальянским министром. В самом деле, Думерг имеет все основания быть осторожным. Ему известна „из секретного и надежного источника" одна искусная combinazione, придуманная в Риме. Она заключается в том, чтобы просить Англию выступить вместе с Италией посредницей между обеими группами великих держав, для того чтобы ни одна из них не могла получить чрезвычайного перевеса над другой. Думерг поставил Поля Камбона в известность об этой замечательной конценции.

Даже Клемансо, который так горячо желает вступления Италии в войну, опасался, что какая-то конспирация может помешать его усилиям. Сегодня он пришел ко мне и с былой теплотой снова поведал мне свои надежды; он не был уверен, не постарается ли Титтони, который прервал свою морскую поездку и вернулся в посольство, испортить все дело. Но несколько позже, еще в тот же день, он прислал мне записку, в которой снова взяла верх вера в успех: „Париж, 9 августа 1914 г. Записка для президента республики. Макиавеллевский план провалился или, вернее, не был приведен в исполнение, ибо ко мне пришли сказать, что меня ждут. В то же время мне сообщили, что Титтони совершенно переменился и думает и говорит, как мы. Ультрадружеское свидание, продолжавшееся полтора часа. Он просил у меня разрешения довести до сведения своего правительства нашу беседу, а также рассказ о предшествовавшей беседе в Елисейском дворце. Я не мог чинить препятствия этому. Я имею основание думать, что он по своем возвращении застал депешу, которая вызвала в нем эту перемену, так как это был внезапный переход от белого к черному, как в предыдущий раз. Мне кажется, что вы близки к успеху. Ж. Клемансо".

Меня крайне поразил почти дружеский тон этой записки, в которой вылилась патриотическая радость Клемансо. Я хотел бы, чтобы предвидения Клемансо оказались основательными, но „секретный и надежный источник" Думерга подсказывает мне, что нам следует остерегаться результата этих официозных разговоров. Впрочем тот факт, что мы не находимся еще в войне с Австрией, беспокоит итальянское правительство, и маркиз ди Сан Джулиано еще раз выражает свое удивление по этому поводу [2].

А сколько других наций занимают колеблющуюся позицию! Если верить заявлениям Радославова русскому посланнику Савинскому,

---

[1] Из Вены, № 161.
[2] Из Рима от 9 августа, № 308.

Болгария не намерена возбуждать беспорядки в Македонии и оказаться в конфликте с царской империей [1]; но в Нише Пашич повторяет Боппу, что ожидает от короля Фердинанда актов мести против Сербии и Румынии [2].

Поведение Турции еще более подозрительно. Правда, великий визирь уверял русского посла, что Порта не разрешит „Гебену" и „Бреслау" прохода через проливы [3]. Между тем оба крейсера бродят, словно корсары, в Эгейском море, и по всей видимости у них теперь имеется соглашение с турками: они должны помочь последним в диверсии, которой Германия ожидает от турок в тылу России. Порта назначила командующим 1 армией Лимана фон Сандерса, ставшего Лиман-пашой; он приобрел невероятное влияние на Энвер-пашу, а через него на совет министров, часто приглашается на заседания последнего. В Ангоре и Смирне командование 4-м и 5-м корпусами отдано немецким полковникам. Немцы теперь в Турции на каждом шагу и распоряжаются здесь, как у себя дома [4]. Опасения, которые Россия высказала нам несколько месяцев назад по поводу миссии Лимана фон Сандерса [15], оказываются таким образом совершенно основательными. С этого времени все тщательно подготовлялось, и партия разыгрывается так, как это предвидели и желали обе центральные империи.

По крайней мере у нас есть уверенность относительно севера Европы. Тьебо извещает нас из Стокгольма [5], что вчера Швеция и Норвегия обменялись резолюциями о соблюдении строгого нейтралитета по отношению ко всем воюющим державам.

В Цетинье король Николай заверяет Деларош-Верне в своих лойяльных намерениях. Австрийские военные корабли начали бомбардировку Антивари. Король отдал приказ оборудовать батареи на Ловчене и обстреливать форты Каттаро [6].

В Токио после свидания императора с принцем Фушими японское правительство приняло решение безусловно соблюдать свои обязанности союзника и уведомило об этом английского посла [7].

Из Алжира, Туниса и Марокко поступают самые благоприятные известия о настроении колонистов и туземцев. Те и другие спешат под французские знамена. В частности генерал Лиотэ телеграфирует из Рабата, что султан проявляет безупречную лойяльность [8]. Наш главный резидент присовокупляет, что он готов остаться на своем посту, если такова воля правительства, но что это будет жестокой долей для военного и лотарингца из пограничной полосы. Отныне, заявляет он, я вижу в Марокко прежде всего резервуар, откуда мы сможем черпать все больше ресурсов для пополнения национальных сил [9].

---

1 От Панафье, № 58 и 59.
2 Из Ниша, № 55.
3 Из Петербурга, № 398.
4 Депеша нашего военного атташе в Константинополе от 9 августа 1914 г.
5 Из Стокгольма от 9 августа, № 49.
6 Из Цетинье, № 82, 83 и без номера.
7 От Реньо, № 27.
8 № 75, 9.
9 № 745, g., 139.

Того уже занят английскими войсками. Морис Рейно отдал приказ губернатору Дагомеи о дружественном сотрудничестве с Великобританией при завладении этой немецкой колонией. Однако — звонок из Бельфора, и мы сразу забываем об этой далекой победе. Представитель тамошней администрации сообщает нам, что Танн, в который мы было уже вступили победителями, снова в руках немцев, что одна французская рота была застигнута врасплох и в Мюльгаузене идут бои. Правда, зато мы, согласно информации главной квартиры, укрепились ценой серьезных потерь в некоторых горных проходах Вогезов и держим вершины. По по эту сторону границы Бламон и Сирей взяты неприятелем, и в общем мы потеряли больше, чем выиграли.

Далее, в Льеже вчера взят форт Баршон; сегодня атакованы соседние форты; форты Эвенье и Понтисс находятся под большой угрозой.

Пора, чтобы Россия начала свое наступление и освободила нас от давления неприятеля на Бельгию и на нас. Генерал Жоффр обратился к великому князю Николаю Николаевичу с настоятельной просьбой как можно скорее двинуть вперед русские войска. Палеолог переслал нашему главнокомандующему следующее полууспокоительное заявление русского генералиссимуса: „План военных действий заключается в следующем: 1) виленская армия начинает наступление на Кенигсберг; 2) варшавская армия будет немедленно переброшена на левый берег Вислы и должна фланкировать виленскую армию; 3) к генеральному наступлению будет приступлено вероятно в пятницу, 15 августа“ [1].

Председатель палаты депутатов Поль Дешанель, который посещает меня каждый день и при своем первом посещении обнял меня с жаром и энтузиазмом, сегодня несколько мрачен. Сенатор Жан Дюпюи тоже с тревогой спрашивает у меня последние известия; он рассказал мне, что Клемансо сказал ему: „Пусть президент не воображает, что я склонен сложить оружие. Это перемирие, а не мир“. Что ж, повторяю, это не важно, если только это перемирие между нами будет длиться до заключения мира с Германией!

---

[1] Так как в грегорианском календаре 15 августа приходится на субботу, мы спрашивали себя, вкралась ли здесь ошибка или же речь идет о календаре старого стиля, т. е. о 28 августа. На наш запрос Палеолог уточнил нам, что великий князь имел в виду пятницу 14 августа нового стиля.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Прощание графа Сегени. — Германское предложение Бельгии. — Потеря Мюльгаузена. — Состояние войны с Австрией. — „Гебен" и „Бреслау" в Мраморном море. — Немцы в департаменте Мерты и Мозеля. — Немецкая пропаганда в нейтральных государствах. — Жюль Гэд в Елисейском дворце. — Наступление I и II армий. — Визит фельдмаршала сэра Джона Френча.

Понедельник, 10 августа 1914 г.

Дюмен телеграфирует Клером краткий ответ графа Берхтольда на повторный вопрос Думерга: „Мы не посылаем войск на французскую границу". Однако сведения, одинаково поступающие в военное министерство и министерство иностранных дел, попрежнему делают чрезвычайно подозрительными эти официальные отрицания. Наш посол в Берне, префект в Ду (Doubs), наши агентуры тайной полиции то и дело повторяют нам, что инсбрукский и аграмский корпуса двинуты по направлению к Франции и что австрийские войска находятся на небольшом расстоянии от Базеля и Шафгаузена. Поэтому Думерг отвечает Дюмену: „Если австрийские войска не переброшены на самое французскую границу, они все же находятся по соседству, и мы должны считать, что они являются здесь подкреплением для действующих против нас немецких войск. Обратите на это внимание графа Берхтольда и просите его дать нам заверение, что никакие австрийские войска не были переброшены на запад за пределы Австрии". На это Дюмен немедленно отвечает: „Граф Берхтольд формальным образом заявляет, что никакие австрийские войска не были переброшены на запад за пределы Австрии". Где же истина? И как нам найти ее между неоднократными утверждениями наших агентов и упорными опровержениями со стороны Балльплаца? Как бы то ни было, Австрия находится в войне с народом, являющимся союзником Франции; австрийский флот крейсирует в Адриатическом море, он блокирует берега Черногории [1], и Россия начинает находить двусмысленной нашу позицию по отношению к ее врагам. Сазонов настойчиво домогается у Палеолога ответа, останется ли наш флот

[1] Телеграмма из Вены от 10 августа, № 166.

в Средиземном море неопределенное время бездеятельным по отношению к австрийской эскадре [1].

Морис Бомпар тоже торопит нас выйти из нашей выжидательной позиции [2]. Если „Гебен“ и „Бреслау“ войдут в Мраморное море и если даже Турция прибегнет к уловке и разоружит их теперь, они тем не менее останутся для нее потенциальной морской силой, так как нет ничего легче, чем снова вооружить их в случае надобности. Поэтому, доказывает Бомпар, в высшей степени важно, чтобы соединенные эскадры Франции и Англии без промедления свели нанет силу австро-германского флота в Средиземном море.

Военный министр Мессими и морской министр Оганьер тоже находят опасным всякое промедление. Думерг пригласил к себе графа Сегени. Он очень сдержанно говорил ему, что нам весьма трудно успокоиться на заверениях графа Берхтольда, в то время как нам самым определенным образом сигнализируют движения австрийских войск в непосредственном соседстве наших границ, и что во всяком случае Австрия помогает операциям Германии против наших союзников и таким образом позволяет ей посылать против нас более значительные силы. „Французское общественное мнение, — прибавил Думерг, — начинает волноваться, и если дело останется в таком же положении, я не знаю, как я смогу гарантировать впредь безопасность вашего высокопревосходительства“. Граф Сегени не возражает Думергу. Он ничего не оспаривает; он ничего не признает; он ограничивается смущенным вопросом: „Как же мне поступить?“ — „Не мне давать вам советы, дорогой посол, — отвечает Думерг, — но при сложившихся таким образом обстоятельствах я буду вынужден отозвать Дюмена“. — „В таком случае благоволите распорядиться приготовить для меня мои паспорта“. Министр иностранных дел любезно обещает принять все необходимые меры, чтобы обеспечить проезд графа Сегени в самых лучших условиях; посол сдерживает свое волнение, благодарит и прощается. Оба передают в Вену по телеграфу без шифра краткое содержание этого разговора, который все время велся обеими сторонами в самом учтивом тоне.

В момент отъезда австрийского посла я не могу не отдать ему справедливости в той же мере, что и барону фон Шену. В течение 1912 г. я почти ежедневно принимал того и другого на набережной д'Орсэ; я вел с ними переговоры в интересах всеобщего мира и всегда мог только радоваться нашим отношениям официальным и личным. Это было недавно, а между тем каким далеким от нас кажется это время теперь! И как бы я удивился, если бы в то время взаимного доверия мне сказали, что в будущем мне придется обращаться, как с врагами, с людьми, с которыми я поддерживал столь корректные и даже столь приятные отношения!

Но вернемся к Бельгии. На нее попрежнему обращены взгляды всей Франции. Клобуковский извещает нас, что генерал Дюпарж выполнил сегодня перед королем Альбертом поручение, которое я возложил на него; действительно, вечером мой верный посланец

---

[1] Из Петербурга, № 385.
[2] Из Терапии, № 290.

передал мне следующее трогательное послание: „Дорогой и великий друг, генерал Дюпарж вручил мне написанное с таким воодушевлением письмо вашего высокопревосходительства, а также французскую военную медаль, которую правительство республики соблаговолило присудить мне. Этот знак симпатии глубоко трогает меня. Выражаю свою глубокую благодарность вашему высокопревосходительству и французскому правительству. Этот знак отличия, прославленный столькими доблестными делами, тем более ценен для меня, что я вижу в нем знак уважения перед самоотвержением бельгийских офицеров и солдат, которые борются за общее и святое дело независимости и свободы. Примите уверение, дорогой и великий друг, в моей преданности и уважении. Альберт. Лувен, 10 августа 1914 г.“.

Вдруг мы узнаем из Брюсселя о следующем изумительном шаге имперского министерства иностранных дел в Берлине[1]. По просьбе голландского министра иностранных дел, который в свою очередь действовал по инициативе германского представителя, бельгийский посланник в Гааге передал королевскому правительству следующую ноту с Вильгельмштрассе: „Крепость Льеж взята приступом после храброго сопротивления. Германское правительство крайне сожалеет, что вследствие направленной против Германии позиции бельгийского правительства дело дошло до кровавых столкновений. Германия является в Бельгию не как враг; только сила событий заставила ее ввиду военных мероприятий Франции принять тяжелое решение о вступлении в Бельгию и занять Льеж как опорный пункт для своих дальнейших военных операций. После того как бельгийская армия своим геройским сопротивлением против подавляющего численного превосходства поддержала честь своего оружия, германское правительство просит короля бельгийцев и бельгийское правительство избавить Бельгию от дальнейших ужасов войны. Германское правительство готово заключить любое соглашение с Бельгией, совместимое с соглашениями ее и Франции. Германия еще раз торжественно заявляет, что не имеет намерения присваивать себе бельгийскую территорию, что она далека от такого намерения. Германия всегда готова очистить Бельгию, как только состояние военных действий позволит ей это“.

Итак, императорское правительство не пожелало считаться с очевидными фактами. Хотя нарушение бельгийского нейтралитета входило в план германского генерального штаба, хотя ультиматум был послан в Бельгию до объявления войны [16], хотя в нашем плане XVII наша оборона предусматривалась на восточных окраинах, хотя мы и сегодня еще не в состоянии ответить действительным образом на зов бельгийского правительства — берлинское министерство продолжает утверждать, что если нейтралитет был нарушен, то по вине Франции и даже Бельгии. Это — лицемерие и цинизм, которые не обманут наших соседей и друзей. Королевское правительство представило Франции, Англии и России ответ, который оно намерено послать Германии: „Предложение германского прави-

[1] Из Брюсселя, № 162 и 167.

тельства повторяет то, что было предложено нам в ультиматуме 2 августа. Верная своим международным обязательствам, Бельгия может только повторить свой ответ на этот ультиматум, тем более что с 3 августа ее нейтралитет нарушен, территория ее сделана ареной убийственной войны и державы, гарантировавшие ее нейтралитет, лояльно и немедленно ответили на ее зов". Думерг благодарит брюссельский кабинет за это благородное выступление и телеграфирует, что Франция именно ожидала от Бельгии такого бесстрашия и лояльности. Рыцарский характер бельгийского народа никогда не проявлялся с большим блеском, чем сегодня. Во всех провинциях население присоединяется к решениям короля и правительства. Насчитано сорок тысяч случаев поступлений в волонтеры [1].

Из Италии никаких новостей. Думерг виделся с Титтони; последний оставался непроницаемым и замкнутым, немым, как могила, когда министр в осторожных выражениях, обходом, говорил ему об известных выгодах совместного выступления. Не было и следа того горячего воодушевления, с которым изворотливый посол реагировал на слова Клемансо. В свою очередь маркиз Империали в Лондоне посетил сэра Эдуарда Грея. Он не пошел в своем демарше так далеко, чтобы можно было предположить, что он является тем „секретным и надежным источником", о котором я говорил выше. Он ограничился несколькими банальными жалобами на бедствия войны. Боязливо добавил, что было бы желательно добиться приостановления враждебных действий. Британский министр не без юмора ответил: единственным средством положить конец войне было бы побудить Германию, чтобы она сама остановилась [2].

В действительности Англия в настоящее время чрезвычайно активна. Генерал Вильсон, который очень разумно обеспечивает связь между обоими генеральными штабами и, как видно, прекрасно понимает диспозиции нашего генерального штаба, занят подготовкой военных транспортов и проявляет при этом большое рвение. В Руан прибыл в походной форме авангард из тридцати британских офицеров и восьмидесяти солдат; их приняли здесь с таким энтузиазмом, словно они явились совершить искупительную церемонию в честь Жанны д'Арк на старой площади города. В то же время оба наши правительства ищут соглашения для совместного или параллельного занятия германских колоний. Повидимому Англия склонна принять наше военное сотрудничество в Камеруне и Того. Думерг рассчитывает также предложить ей использовать малгашские войска для будущего завоевания колонии Восточная Африка, но, кажется, английское министерство колоний ревниво желает сохранить за собой полную свободу действий в Восточной Африке и предпочитает действовать в одиночку, лишь бы не быть потом обязанным поделиться территориями, из которых будут прогнаны немцы.

Сэр Эдуард Грей продолжает считать не очень удобным выступить теперь в Константинополе с демаршем, придуманным Сазо-

[1] Из Брюсселя от 10 августа, № 157.
[2] Из Лондона от 10 августа, № 261.

новым[1]. Однако все более становится вероятным, что турки уже намерены почтительно открыть Дарданеллы для „Гебена“ и „Бреслау“. Если понадобится, они сделают вид, что купили эти корабли; под этим предлогом они дадут последним свободный проход из Мраморного моря. Бомпар наперед извещает нас об этой хитрости, которую советовали Порте германские офицеры[2]. Вот уже восемь дней наш посол употребляет все усилия, чтобы удержать Турцию в состоянии мудрого нейтралитета. Но турки, не будучи нисколько враждебны Франции, боятся успеха России. Они считают, что он поведет к потере Константинополя и даже к полному разложению их империи. Необходимо, говорит Бомпар, успокоить их на этот счет[3]. Думерг спешно предпринимает шаги в Санкт-Петербурге. Он просит Палеолога дать туркам через русское правительство необходимые успокоительные заверения.

К концу дня мы узнали о новых вторжениях немцев на наши восточные окраины. Префект Мааса телеграфирует, что жители Афлевилля (департамента Мерты и Мозеля), захваченного немцами и объятого пожаром, в ужасе бежали через Воэвр до Этэна, население которого сердобольно приютило их. Что еще серьезнее — подтверждаются известия, полученные нами вчера по телефону из Бельфора. Угрожаемые значительными силами неприятеля, а именно 14-м и 15-м корпусами, вышедшими из Мюльгейма, мы должны были покинуть Мюльгаузен, тот самый Мюльгаузен, освобождение которого преисполнило нас таким восторгом, что мы оттолкнули бы, как кощунство, самую мысль о новом расставании с ним. Мы отошли на линию Реминген — Альткирх. Наш 7-й корпус, сильно помятый, повидимому находится в довольно тяжелом положении. Быть может нам следовало бы с большей осторожностью двигаться вперед в местности, где мы не имеем права приносить ложные надежды, за которыми следует жестокое разочарование, и подвергать жителей репрессиям со стороны их вчерашних господ.

Вторник, 11 августа 1914 г.

Граф Сегени уехал, тронутый той корректностью, с которой до последней минуты относились к нему французские власти и население Парижа; но положение между Австрией и нами не изменилось ощутительным образом: наши дипломатические отношения порваны; однако обе страны не находятся в войне между собой. Это неопределенное положение благоприятно для Австрии; она имеет свободу действий против России, а ее флот, не понесший ущерба, сможет беспрепятственно маневрировать на Адриатическим море. В наших собственных интересах было бы развязать себе руки. Если Италия вздумает все же сблизиться с Австрией и заключить с ней какую-либо сделку, мы рискуем способствовать этому торгу своим бездействием. Во всяком случае, если мы не будем искренне рассматривать врагов наших друзей как своих врагов, мы поневоле будем

---

1 Из Лондона, № 257.
2 Из Терапии, № 289.
3 Из Терапии, № 291.

казаться нашим союзникам изменниками. Мессими и Оганьер не перестают утверждать, что с военной и морской точек зрения наш странный нейтралитет может стать опасным. Думерг еще раз предлагает британскому правительству снестись с нами относительно необходимых решений; он предлагает ему соединить свою эскадру с нашей и освободить Антивари от блокады. Но доподлинная формалистка Англия желает, чтобы ни в каком случае не открывали враждебных действий против Австрии без предварительного ритуала объявления войны [1]. Юридически она бесспорно права. Но какими соображениями мотивировать это объявление войны? Информация наших корреспондентов, как она ни правдоподобна, оспаривается графом Берхтольдом. Уже лучше открыто сказать Австрии: „Это вы виноваты в происхождении войны. Германия выступила против России, а затем против нас только для того, чтобы поддержать после принятия вашего ультиматума Белградом ваше насильническое выступление против Сербии. Со своей стороны вы объявили войну России, которая, как и мы, оборонялась против агрессии Германии, выдаваемую за превентивную. Итак, вы совершили по отношению к Франции неоправдываемый провокационный акт". Может ли правительство республики просто ограничиться этим фактическим констатированием и не обращаться к председателям обеих палат с просьбой созвать последние или же оно должно требовать созыва их? Сессия парламента еще не окончилась; стало-быть не требуется декрета о созыве. Совет министров рассматривает этот вопрос конституционного права, но по требованию некоторых своих членов откладывает решение его.

Как и вчера, он оставляет вопрос об Австрии в прежнем положении и обращает все свое внимание на Бельгию. Под Льежем никаких новых событий. Большинство фортов продолжает свое сопротивление. Войска, обложившие город и повидимому принадлежащие к шести различным корпусам, начали с образцовой систематичностью земляные работы. В направлении Тирлемона передовые посты 1-й бельгийской дивизии находятся в контакте с небольшими неприятельскими отрядами всех родов оружия. Немцы в двух местах взорвали железнодорожное полотно между Льежем и Лувеном [2].

Английское министерство иностранных дел, как и мы, одобрило прекрасный ответ, данный Бельгией на неуклюжие ухищрения Германской империи [3]. Мы послали в Брюссель одну из наших лучших воздушных эскадрилий. Население встретило офицеров-летчиков как настоящих вестников неба.

Неподвижность неприятеля на бельгийском фронте несомненно означает перегруппировку его армий для предстоящих атак. Тем временем немцы проявляют наибольшую активность и лютость в Лотарингии, в особенности же севернее Мааса. Одна группа кавалерии двинута была на Марвилль; одна дивизия была брошена на Манженн. Несчастные коммуны, которые я так часто посещал со

---

[1] Из Лондона от 11 августа, № 270.
[2] От Клобуковского от 11 августа, № 171.
[3] От Клобуковского от 11 августа, № 169 и от Поля Камбона, № 267.

времени моих первых, далеких выступлений на политической арене и население которых оставалось во всех обстоятельствах столь верным мне, вам снова приходится первыми страдать за подвергшуюся нападению Францию!

Впрочем я в своей елисейской тюрьме почти не имею информации о том, что делается в главной квартире. Я дружески жалуюсь на это военному министру. В письме, адресованном сегодня утром мне лично, он „под честным словом“ уверяет, что знает не больше моего. Это мало. Это очень мало. Мы принимаем с ним меры, чтобы наша служба связи с Витри-ле-Франсуа функционировала быстрее и регулярнее. Разумеется, ни Мессими, ни я не думаем вмешиваться в руководство военными операциями или связывать свободу действий командования; но как могут глава государства и правительство выполнять все свои обязанности перед страной, если они не имеют точной информации? Ни конституция, ни закон не регулируют отношений между различными государственными властями в военное время. Еще меньше установлены ими отношения между исполнительной властью и высшим командованием. Нам придется, стало быть, опытным путем согласовывать функционирование различных, но одинаково необходимых для жизни нации и для подготовки победы ведомств, придется шаг за шагом налаживать это, причем потребуется добрая воля всех участников.

Генерал Жоффр сообщает нам, что немцы взяли заложников в Эльзасе и во французских деревнях, занятых ими в Лотарингии. Они расстреливали мирных граждан. Тем не менее в сообщении, публикуемом агентством Вольфа, последнее перетасовывает роли и представляет дело наоборот: „Из рапортов о боях под Льежем явствует, что местные жители стреляли из засады по немецким войскам и истязали врачей, перевязывавших раненых. Из Метца тоже получены сведения, что на французской границе частные лица стреляли в немецкие патрули. Из этих фактов следует, что как во Франции, так и в Бельгии организуют партизанскую войну против немецких войск. Поэтому наши противники могут только себя винить, если война будет вестись с неумолимой строгостью“. Ясно, что все это сообщение составлено только ради содержащейся в конце его угрозы. Я не могу себе представить мирных бельгийских поселян, нападающих на валлонских полях на батальоны пехоты. Во всяком случае на восточных окраинах Франции нет ни одного годного для службы мужчины, который не был бы мобилизован. Стало быть вольные стрелки, о которых осмеливается говорить агентство Вольфа, должны рекрутироваться из стариков, женщин и детей; но можно ли серьезно утверждать, что в наших мирных деревнях люди, которых их возраст или пол призывают к домашнему очагу, схватились за охотничьи ружья отсутствующих членов семьи, чтобы осыпать свинцовым горохом солдат неприятеля?

Между тем наш посланник в Стокгольме посылает нам новые образцы ложных известий, массами распространяемых германской пропагандой. В речи перед рейхстагом имперский канцлер определенно признал, что вторжение в Люксембург и Бельгию являлось нарушением международного права; но он добавил среди

единодушных рукоплесканий, что нужда отменяет законы, а под нуждой понималась конечно угроза занятия Бельгии империалистской и вероломной Францией. В манифесте к своему народу от 6 августа, третьем по счету со времени объявления войны, Вильгельм II утверждает, что теперь дело идет о жизни и смерти империи и что немцы принесут в жертву все до последнего человека, до последнего коня, чтобы обеспечить себе победу. Взятие Льежа берлинская пресса прославляла как беспримерный военный подвиг. И везде тот же лейтмотив: „Жители городов на французской границе стреляли в немецких солдат, поэтому последние отныне не будут останавливаться на постой в частных квартирах".

Меня снова посетил Клемансо. „Я видел, — сказал он мне, — Фрейсине, который вселил в мою душу тревогу. Он боится, что русские не выступят с достаточной быстротой. Он желал бы настойчивых шагов с нашей стороны для ускорения их наступления". „Вы догадываетесь, — заметил я, — что эта мысль сама пришла правительству и главнокомандующему. Великий князь Николай Николаевич обещал нам, что русское наступление состоится в ближайшем времени". „Тем не менее, — возразил Клемансо, — хорошо будет, если вы напишете Фрейсине. Ему восемьдесят шесть лет, он был в 1870 г. министром национальной обороны, и для него теперь, можно сказать, продолжается та же война". Хотя я только вчера видел Фрейсине, я охотно написал ему несколько строк, как советовал Клемансо. Он немедленно ответил мне письмецом, почерк которого, удивительно легкий и юный, преисполнил меня завистью и восхищением: „Париж, 11 августа 1914 г. Господин президент, я очень тронут тем, что вы взяли на себя труд успокоить меня своим сегодняшним письмом. Я убежден, что под вашим высоким влиянием дипломаты и генеральные штабы установили тесное сотрудничество, построенное на взаимном доверии. Но я хотел бы видеть, что русские с их четырнадцатью армейскими корпусами, мобилизованными с 26 июля, перешли австрийскую границу и двинулись на территорию Австрии. Это единственное средство — быть может теперь уже слишком позднее — воспрепятствовать Австрии послать несколько армейских корпусов на нашу границу, что поставило бы нас в очень невыгодное положение. Немцы уже теперь могут противопоставить нашим двадцати корпусам своих двадцать три; присоединение австрийских корпусов слишком склонит чашу весов. Вот почему я, не обвиняя ни в чем русских, считаю безусловно необходимым, чтобы они немедленно выступили. Простите мне мою настойчивость и примите уверение в преданности и уважении. Ш. де Фрейсине".

Я ответил своему маститому собрату [1]: „Париж, 11 августа 1914 г. Секретно. Мой дорогой президент, мы неоднократно обращались с тем указанием, которое вы столь правильно считаете необходимым. Мы обратились даже к Сербии в одно и то же время, что и к России, и выдали вперед большие суммы денег из нашей ссуды для

[1] По смерти своего отца мадемуазель де Фрейсине любезно и по собственному почину возвратила мне письма, писанные мною во время войны оплакиваемому президенту.

Сербии для вящшей уверенности, что наши советы будут услышаны. В настоящий момент, по сведениям военного министерства, доставленным рядом агентов, можно заключить, что один или самое большее два австрийских корпуса пришли на север от Констанца или в направлении Фрейбурга сменить баварцев, отправленных по тем же сведениям в Австрию. Согласно этим сведениям упомянутые австро-венгерские войска состоят из инсбрукского корпуса и из кроатов. Но граф Берхтольд вчера формально объявил Люмену, что это известие ложно. Во всяком случае в данный момент ни на бельгийской, ни на нашей границе нет австрийцев. Это не означает, что их не будет там завтра. Примите уверение, мой дорогой президент, в моей преданности". Фрейсине, которому его обязательная деликатность никогда не позволяла оставаться в долгу перед кем-либо, поспешил благодарить меня: „11 августа. Господин президент, я вам чрезвычайно благодарен и вижу, что вы сделали все что возможно. Остается только ожидать событий. Будем надеяться. Преданный вам Ш. де Фрейсине".

Мысль Фрейсине вполне правильна. Если Россия, как мы продолжаем думать, быстрее провела свою мобилизацию в направлении Галиции, чем в направлении Германии, она должна быть уже теперь в состоянии начать наступление против Австрии, даже не дожидаясь дня, указанного великим князем Николаем Николаевичем. Хотя мы советовали быстрое выступление в том и другом смысле, я прошу Думерга запросить в Санкт-Петербурге, не возможно ли было бы для России по крайней мере немедленное выступление против Австро-Венгрии. В тот день, 10 августа, нам действительно не были известны те приказы и контрприказы, которые в конце июля привели генеральный штаб и правительство императора Николая II от частичной мобилизации к всеобщей мобилизации[1]. Лишь гораздо позднее, после войны, французские министры и я узнали, как это происходило в Санкт-Петербурге. Но, даже не зная всего, мы вынуждены констатировать, что медленность русской мобилизации и концентрации русских войск ставит нашего русского союзника в невозможность действовать с желательной быстротой.

В России все еще занимаются дипломатической стратегией. Русский посол в Константинополе не теряет надежды привлечь Турцию на сторону Тройственного согласия. Даже сам Бомпар сообщает нам, что ежедневные разговоры Гирса с великим визирем принимают благоприятный оборот. Русский посол полагает, что возможно добиться даже фактического союза с Турцией, если обещать ей в случае окончательной победы территориальные выгоды на Балканах без ущерба для той компенсации, которую сербы, греки и болгары должны получить за счет Австрии[2]. Если эта возможность соглашения действительно серьезна, то французское правительство, разумеется, не намерено упускать ее из вида. Думерг повторяет это в Лондоне, равно как в Санкт-Петербурге. Однако исходит ли идея

---

[1] „L'Union sacrée", p. 404 et suiv.

[2] Телеграмма из Терапии от 11 августа 1914 г.

этих соглашений от великого визиря или от Гирса? Принял ли ее Энвер паша? И что скажут об этом балканские народы? [17]

Сазонов, постоянно приводящий в замешательство множеством своих импровизаций, продолжает, с другой стороны, на все лады переговоры, начатые им в Бухаресте и Риме. Наш посланник в Румынии опасается, что Россия захочет форсировать эти переговоры и что в конце концов самолюбие короля Карла встанет на дыбы. Румынскому Гогенцоллерну стоит великого труда уже согласиться на сохранение нейтралитета[1].

Что касается Италии, то она никоим образом не дала маркизу Карлотти ди Рипарбелла, почтенному почетному послу в Санкт-Петербурге, мандата для переговоров с Сазоновым. Посол разговаривает с русским министром иностранных дел совершенно частным образом[2]. С этой оговоркой маркиз Карлотти не скрыл от Сазонова, что независимо от Трентино, Триеста и Валлоны необходимо будет дать Италии также побережье Далмации. Под большим секретом он открыл своему собеседнику, что Германия и Австро-Венгрия со своей стороны прилагают все усилия, чтобы добиться помощи Италии, и обещают ей уже сейчас Ниццу и Савойю, Корсику и Тунис. Однако Сазонов не падает духом, и в ожидании, что Италия сделает выбор между своими обольстителями, он снова посвящает свою изобретательность балканскому пасьянсу.

Вчера король Константин подписал декрет о мобилизации греческой армии[3]. Декрет будет обнародован, как только будет издан в Болгарии приказ о мобилизации, возвещенный на сегодня или завтра. Население Афин с беспокойством ожидает возвращения греческой королевы. Полагают, что сестра Вильгельма II поддержит шаги, предпринятые кайзером при греческом дворе и оставшиеся безрезультатными. Венизелос заявил нашему посланнику, что, если Болгария нападет на Сербию, Греция немедленно выступит против Болгарии.

Меня посетил Леон Буржуа. Он глубоко потрясен потерей Мюльгаузена. „Мы не имели права, — говорит он, — подавать эльзасцам надежды, которым суждено было так быстро быть обманутыми. Ни под каким видом не следовало вступать в Мюльгаузен, если у нас не было полной уверенности, что мы сможем там остаться. Население, доверившееся нам, станет теперь жертвой репрессий". Я не могу ничего возразить своему другу. Как и он, я страдаю от этой прискорбной неудачи, причем в настоящий момент мне еще неизвестны в точности ни причины ее, ни детали.

Вечером военный министр привел ко мне офицера, который приехал из главной квартиры с поручением дать нам некоторую информацию об операциях сегодняшнего дня. В департаменте Мааса мы отняли у неприятеля Манженн. Немцы потребовали от Лонгви сдаться; этот небольшой город, в котором я в свое время вместе с Лебреном торжественно открыл памятник трех осад[4], отказался

---

[1] Из Бухареста от 10 августа, получена 11 августа в 13 ч. 40 м., № 45.
[2] Телеграмма Палеолога от 11 августа, № 407, 408, 409.
[3] Телеграмма Девилля из Афин от 11 августа, № 116.
[4] „Balkans fen en", p. 177.

капитулировать, но по всей видимости не в состоянии сопротивляться тяжелой артиллерии неприятеля при этой новой осаде. В Эльзасе мы снова вынуждены были отступить перед численным превосходством неприятеля, но Альткирх все еще в наших руках. Офицер продолжает: „Наш заслон нигде не пострадал. Наша кавалерия всюду приобрела чрезвычайный перевес. Немецкая кавалерия каждый раз обращается в бегство перед ней при равной численности. Наша пехота очень бодра. Наш генеральный штаб верит в успех. У нас чуть ли не такое впечатление, что мы находимся на маневрах (Kriegsspiel)". Несколько шокированный этим шаблонным оптимизмом, я спрашиваю офицера о деле под Мюльгаузеном. Оно действительно окончилось поражением, и он признает это. Нас обманули неточные или неполные сведения, доставленные нашими летчиками. Они считали, что местность свободна от неприятеля, тогда как Гардтский лес кишел им. Продвинувшись без усилий по равнине вниз от Мюльгаузена, мы вынуждены были потом перейти в отступление. Мы очистили Сэрней. Повидимому мы даже отступили от Танна в долину Тур до Сент-Амарен и дальше. Мы удерживаем уже только часть долины Доллер, Альткирх и угол Зундгау. Немцы даже снова вступили в Массво. Что должны думать все те бедные люди, которые с такой радостью встречали наших солдат? Правда, мы заняли горными проходами Брак и Саалс; но это слабая компенсация. Военное поражение конечно поправимо. Но как исправим мы поражение моральное?

Впрочем неудача нашего 7-го корпуса не смутила великолепного равновесия генерала Жоффра. Он готовит на ближайшие дни генеральное наступление. Генерал Дюбайль получил уже сегодня приказ начать с 14-го продвижение I армии. 15-го и 16-го двинутся, как видно, в свою очередь III, IV и V армии. Я провожу часы в лихорадочном ожидании и не выхожу из Елисейского дворца, где то и дело приходят и уходят министры, сенаторы, депутаты, офицеры. Единственный моцион, который я себе позволяю, — это небольшая ежедневная прогулка вдвоем с госпожей Пуанкаре внутри садовой ограды в обществе наших домашних животных; теперь эта прогулка проходит исключительно в молчаливых размышлениях, мы обмениваемся лишь краткими меланхолическими замечаниями.

Среда, 12 августа 1914 г.

Утром полковник Адлебер привез мне из Бельгии письмо короля Альберта: „Лувен, 11 августа 1914 г. Дорогой и великий друг, от всей души благодарю вас за ту высокую оценку поведения бельгийских войск, истолкователем которой от имени генерала Жоффра вы изволите быть в своем письме от 9 августа. Бельгийская армия и я гордимся этой похвалой и придаем ей самое большое значение... Отвечаю формальным образом на желание, выраженное французским генералиссимусом: французская армия может рассчитывать на безусловную поддержку бельгийских войск на левом фланге союзных армий в пределах ее сил и остающихся у нее средств и поскольку связь ее с базой Антверпеном, в котором находятся все ее военные и продовольственные ресурсы, не будет находиться под

угрозой быть отрезанной значительными неприятельскими силами. Для осведомления об операциях великих союзных армий и для возможности согласовать таким образом наши собственные движения с их движениями я назначил в качестве атташе при генерале Жоффре майора де Мелотт по окончании его миссии при генерале Сорде, а при генерале Ланрезаке полковника д'Оржо де Марковелетт. В свою очередь я с большим удовольствием приму офицеров, которых вы соизволите назвать мне в качестве атташе при моей главной квартире. Верьте, дорогой и великий друг, в глубокую благодарность бельгийской армии и ее шефа за братскую поддержку, которую в эти критические моменты оказывает им французская армия; с горячими пожеланиями общей победы и т. д.".

Мессими назначает прикомандированных к особе короля трех французских офицеров, в том числе военного атташе коменданта Жени и полковника Адлебера, который до войны состоял при Елисейском дворце.

Перед советом министров снова остро встает вопрос о наших отношениях с Австрией. Англия согласна отозвать своего посла из Вены, но под условием, что за этим последует немедленное объявление войны. Поль Камбон того мнения, что мы должны срочно принять такое же решение[1]. Это также мнение Вивиани, Думерга, Мессими, Оганьера и большей части министров. Однако двое или трое колеблются и желали бы, чтобы при объявлении войны во всяком случае была сделана ссылка на транспорты австрийских войск. Так как насчет реальности этого пункта имеется большая неопределенность, я настаиваю на том, чтобы эта ссылка была опущена и во всяком случае сопровождалась другими соображениями, лучше обоснованными. После довольно длительных прений совет министров признает, что невозможно оставаться при статускво, и считает, что единодушный вотум парламента от 4 августа делает излишним новое обсуждение в парламенте. Затем правительство принимает следующую формулу и поручает Думергу передать ее сэру Френсису Берти: „После того как австро-венгерское правительство объявило войну Сербии и таким образом первое взяло на себя инициативу враждебных действий в Европе, оно без всякого вызова со стороны правительства республики фактически вступило в войну (s'est mis en état de guerre) с Францией: 1) после того как Германия объявила одну за другой войну России и Франции, оно вмешалось в этот конфликт, объявив войну России, которая уже сражалась тогда на стороне Франции; 2) согласно многочисленным и достоверным сведениям Австрия послала войска на германскую территорию в условиях, которые представляют прямую опасность для Франции. Ввиду всех этих фактов французское правительство видит себя вынужденным заявить Австрии, что оно примет все меры для ответа на ее действия и угрозы". Думерг телеграфирует в Лондон, и, так как Дюмен отозван из Вены, а граф Сегени покинул Париж, мы просим английское правительство передать графу Берхтольду французскую ноту одновременно с английским объявлением войны.

[1] Из Лондона, № 278.

Дюмен еще сегодня перед уходом из посольства составил записку, которую по приезде в Париж передал на набережной д'Орсэ. Он дает в ней резюме своих последних бесед с графом Берхтольдом и графом Гойосом. Первый с беспечностью большого барина не удивился, что Франция не успокоилась на его заверениях относительно движений австрийских войск. Он нисколько не оскорбился при виде того, что его отрицания снова подвергаются оспариванию. Даже в эти трагические моменты он не сказал Дюмену ничего показывающего, что он сознает свою ответственность. Что касается начальника его канцелярии графа Гойоса, то он высказывался с гораздо большей свободой. „Поверьте мне, — сказал он, — мы не могли поступить иначе. В Сербии, в России, во всех славянских странах и в некоторых других установилось убеждение, что Австро-Венгрия разлагается и что полный развал ее только вопрос трех-четырех лет. Лучше ускорить катастрофу, чем терпеть, чтобы нас считали обреченными. Нас поставили перед необходимостью доказать, что мы еще способны на мощное проявление энергии. Но знает бог, что мы желали бы избавить Европу и нас самих от кризиса, в котором мы теперь очутились". Другими словами, монархия Габсбургов считала себя погибшей вследствие хрупкости своего же внутреннего строя и поэтому ускорила события и сыграла ва-банк.

Предвидя, что между Австрией и нами неминуемо вспыхнут враждебные действия, маркиз ди Сан Джулиано дал наперед указания Титтони и маркизу Империали. Он уведомил их, что даже в этом случае Италия будет продолжать считать себя свободной от обязательств по Тройственному союзу и не выступит ни против Франции, ни против Англии по той решающей причине, что Австрия, напав на Сербию, поставила себя в положение агрессора. В кратких словах здесь высказано весьма справедливое суждение об ответственности за войну. Кроме того маркиз ди Сан Джулиано отметил в своем сообщении, что в настоящий момент в Италии существуют три течения: одно — за сохранение нейтралитета, второе, очень слабое, — за сотрудничество с центральными державами и третье, очень сильное, — за выступление против Австрии; однако это третье течение, утверждает хитрый итальянский министр, замедляется бездействием французских и английских эскадр в Средиземном море. Таким образом маркиз ди Сан Джулиано, который не лишен остроумия и даже находчивости, намекает нам: „Италия остается нейтральной, но, возможно, она в конце концов выступит вместе с вами против своего северного соседа, своего вчерашнего союзника и постоянного врага, если вы, Англия и Франция, решитесь обезвредить австрийский флот".

Вивиани, Думерг и Оганьер считают, как и я, что настало время действовать. Сэр Эдуард Грей вручит французскую ноту графу Менсдорфу и объявит ему, что она налагает на Великобританию обязательство считать и себя находящейся в войне с Австрией. Сэр Эдуард Грей совещался с первым лордом адмиралтейства о том, какой момент был бы наиболее благоприятен для начала морской войны[1]. Еще

[1] От Поля Камбона от 12 августа, № 283.

в тот же день графу Менсдорфу были вручены его паспорта. Английской эскадре отдан приказ сняться с якоря, плыть к австрийским судам и открыть по ним огонь. Оганьер тоже предписал адмиралу Буэ де Лапейрер направиться в Адриатическое море.

По воле случая как раз в это время ко мне пришел Титтони благодарить меня за то, что в письме, адресованном к Вивиани и появившемся в газетах [1], я рекомендовал правительству республики организовать помощь проживающим во Франции неимущим итальянцам. Я сообщил послу о шагах, которые мы в согласии с Англией предпринимаем против Австрии. В его глазах, порой столь непроницаемых, блеснул огонек; на строгих губах появилась еле заметная улыбка; все лицо озарилось радостью. Он повторил мне, следуя предписанию маркиза ди Сан Джулиано, что даже после нашего коммюнике для Вены Италия не рассматривает Австрию как подвергшуюся нападению, что она считает себя отошедшей (détachée) от Тройственного союза, единственного виновника нарушения мира, и будет сохранять нейтралитет. В свою очередь я благодарю Титтони и замечаю: „Я не позволил бы себе даже в частном разговоре давать вам советы, но если бы я был итальянцем, я хорошо знаю, каковы бы были мои желания. Англия, Франция и Россия не желали войны; но так как им навязали ее, все они проникнуты решимостью сложить оружие только после победы. Возможно стало-быть, что это положит конец искусственному дуализму Австро-венгерской империи. У Италии свои национальные устремления. Настоящий момент имеет для нее решающее значение. Я должен вас заверить кроме того, что, если наш флот в борьбе с Австрией когда-либо поставлен будет против воли в необходимость бомбардировать такие города, как Триест и Полу, мы решимся на это только под давлением суровой необходимости и исключительно в целях ускорения победы. Мы испытывали бы глубокое сожаление, если бы причинили малейший вред итальянскому населению". Титтони ответил мне только, что передаст мои слова своему правительству, которое отнесется к ним с величайшим вниманием. Я не сделал перед ним никакого намека на предложения Сазонова, успех которых кажется нам весьма проблематичным и которые Баррер считает крайне несвоевременными [2]. Я сообщил о своем разговоре Вивиани и Думергу, которые одобрили его.

В продолжение нескольких часов совет обороны и совет министров снова заседают под моим председательством, чтобы обсудить и решить бесчисленные вопросы, встающие перед нами. Одним из самых тревожных является вопрос о „Гебене" и „Бреслау". Они вошли вчера, 11 августа, в Мраморное море, в то самое время, когда Энвер паша делал вид, что внимательно слушает Гирса и его предложения о союзе. Говорят, что оба германские крейсера уже проданы теперь Турции [3]. Сэр Эдуард Грей предписал английскому послу в Константинополе потребовать разоружения их и по истечении двадцати четырех часов окончательного удаления их [4]. Великий визирь

[1] „Messages, discours, allocutions", Blond el Gay, éditeurs, t. I, p. 9.
[2] Из Рима от 12 августа, № 326.
[3] Из Петербурга, № 412 и из Терапии без номера.
[4] Из Лондона, № 276.

дал Морису Бомпару странное объяснение. Он сослался на то, что два турецких крейсера были конфискованы в Англии в обеспечение неуплаченного долга; это якобы побудило турецкое правительство, оставшееся таким образом без военных кораблей, приобрести эти два германских корабля, если они зайдут в Дарданеллы [1]. При появлении их была совершена купля. Однако корабли тем не менее вошли в проливы под германским флагом, дело было сделано. Бомпар немедленно снесся с Гирсом и британским поверенным в делах, и они потребовали новых объяснений. Великий визирь подал надежду, что экипажи будут высажены на берег. „Останутся ли они здесь? — спросил Бомпар. — Они не будут отосланы в Германию?" Несколько секунд великий визирь колебался, затем ответил: „Они будут отосланы". Он с серьезной миной добавил, что эта покупка не изменит нейтральной политики оттоманского правительства.

Впрочем Палеолог телеграфирует, что Порте нечего опасаться со стороны России. Царь и его министры не замышляют ничего против целости Оттоманской империи [2]. Однако, хотя Турция могла бы быть совершенно спокойна в этом отношении, она очевидно уже не свободна: ее держит на аркане Германия.

Одновременно Австрия удваивает свое давление на Болгарию [3]. Повидимому она выступила в Софии с конкретными предложениями и обещала всю Македонию, Салоники и часть Старой Сербии. С другой стороны, она уведомила Черногорию о блокаде ее побережья и албанского берега. Король Николай обеспокоен вопросом снабжения Цетинье и настойчиво требует, чтобы французская эскадра пришла спасти от голода его народ — горцев [4].

Телеграммы, получаемые нами со всех концов земного шара, показывают нам, что нет уже ни одной страны, где германская пропаганда не эксплоатировала бы и не преувеличивала бы поражений бельгийских и французских войск [5]. К несчастью, в распространяемых таким образом известиях не все выдумка. Наш посол в Берне извещает нас [6], что официальный бюллетень из Берлина сообщает о тяжелом поражении, понесенном нашими войсками подле Люневилля, в лесу Парруа. Итак, мы узнаем из германского бюллетеня об оборотной стороне дела, о которой наша главная квартира не проронила ни слова. Я еще раз жалуюсь Мессими на это молчание, он сам находит его недопустимым. „Я понимаю, — говорю я ему, — что командование держит в секрете проектируемые операции, но оно не имеет никакого основания скрывать от нас уже имевшие место операции, даже если дело идет о неудаче, в таких случаях тем более". Министр обещает мне, что еще раз даст свои инструкции и уточнит их с большей строгостью. Это тем более необходимо, что в присланном нам сегодня информационном бюллетене еще ничего не сказано о бое в лесу

---

[1] Из Терапии, № 297 и 298.
[2] Из Петербурга от 12 августа, № 415.
[3] Телеграмма Панафье, № 60.
[4] Телеграмма Деларош — Берне.
[5] Из Христиании, № 102, Берна, № 108 и 114, Сен-Себастьяна, № 114, Бухареста, № 47, Гааги, № 29 и т. д. и т. д.
[6] От 12 августа, № 112.

Парруа и в основном говорится только следующее: „В районе Льежа положение остается благоприятным для бельгийской армии, которая остается непоколебленной. Лотарингия и Эльзас: на фронте ничего нового". Конечно полезно щадить настроение страны, но оставлять правительство в неизвестности о неприятных истинах — это значит уже несколько переборщить по части молчаливости. Правительство обязано знать эти истины и извлечь из них уроки.

Известия с русского фронта тоже не слишком утешительны. Не дожидаясь наступления великого князя Николая Николаевича, австрийцы перешли границу в долине верхней Вислы. В свою очередь согласно телеграмме генерального французского консула в Варшаве г. Вельтена[1] немцы уже угрожают этому городу и русские власти собираются уйти, предварительно взорвав за собой мосты.

Кое-что из этих дурных известий становится общеизвестным, но это не охлаждает патриотического пыла атакованной Франции. Со всех концов страны я получаю письма, восхитительные по своему благородству и по одушевляющей их вере. Эти письма поступают ко мне ежедневно тысячами. Их по собственному почину пишут мне серые люди, женщины, рабочие, крестьяне. В числе этих писем имеются настоящие шедевры в смысле естественности и простоты. Мой собрат по академии Фредерик Масон передал мне трогательную просьбу принца Луи-Наполеона, „бывшего дивизионного генерала императорской российской армии". Он просит разрешения служить под нашими знаменами в каком угодно чине. Я вынужден дать ему тот же ответ, что герцогу Гизу, герцогу Вандомскому и принцу Роланду Бонапарте[2].

Четверг, 13 августа 1914 г.

Из газет я узнал о бомбардировке Понт-а-Муссон. Она произошла вчера утром, и повидимому вчера вечером о ней еще ничего не было известно в военном министерстве. Разумеется, с стратегической и тактической точек зрения это незначительный факт. Но совсем другое дело — с точки зрения настроений и политики. Я настаиваю перед Мессими, чтобы он напомнил главной квартире свои приказания и выступил там как от своего имени, так и от моего.

Рано утром Думерг сообщает мне известия, полученные ночью из Санкт-Петербурга и Брюсселя[3]. Великий князь Николай Николаевич еще сегодня вечером принимает на себя главное командование армией. Вместе с ним уезжают наш военный атташе генерал де Лагиш, английский и сербский военные атташе. Немцы окапываются в Льеже внутри линии фортов. На севере от города немецкая кавалерия повидимому полностью отступила. Клобуковский считает даже возможным утверждать: „По всей видимости проектировавшаяся атака на центральную Бельгию отложена или даже совсем оставлена. Предполагают, что немцы желают проложить себе дорогу на юг от Урш в направлении к верховьям Мааса и к Франции". В другой

---

[1] От 11 августа, послана в 21 час, получена 12 августа в 1 час, без номера.
[2] „L'Union sacrée", p. 540, 541.
[3] Телеграмма из Санкт-Петербурга от 12 августа, № 413, отправлена в 0 ч. 50 м., получена в 4 ч. 30 м., из Брюсселя, № 181 и 183.

депеше наш посланник прибавляет[1]: „Вчера де Броквилль сказал мне, что при нынешних обстоятельствах Вандервельде является ценным помощником не только для правительства короля, но также для союзных держав, потому что он очень усердно старается воздействовать на своих единоверцев в Голландии, открыть глаза им в Германии и сдерживать их в России. Что касается последних, то по инициативе председателя совета министров он составил род манифеста, который предварительно доведен был до сведения русского посланника. Он доказывает там, что военная партия в Германии, вызвав войну, проявила себя как враг человечества и что ее окончательное поражение будет способствовать социальному прогрессу и откроет пути для объединения народов и для разоружения".

В тот момент, когда мы получаем из Брюсселя эти известия, германский генеральный штаб продолжает сочинять злейшие поклепы на Бельгию и пытается оправдать таким образом опустошения, производимые его войсками на нейтральной территории. Он публикует длинный перечень варварских актов, якобы предательски совершенных жителями, мужчинами и женщинами, над солдатами на отдыхе[2].

По если германский милитаризм пускается во все тяжкие в искусстве клеветы, он еще смелее в области интриги. На другом конце Европы он показывает, на какие маневры он способен для достижения своих целей. Наш военный атташе телеграфирует нам из Терапии[3]: „Маршал Лиман фон Сандерс получил командование I армией, которая теперь стягивается в направлении Адрианополь — Демотика, чтобы в случае надобности оперировать против греков. Все германские офицеры остаются в Турции и получили командные посты". Бомпар подтверждает эти сведения[4] и считает возможным утверждать, что оба крейсера продолжают еще плавать под германским флагом. Во время своего пребывания в Дарданеллах экипаж обоих судов вел себя как полный хозяин. В Чанакской бухте он производил реквизиции на английских, французских и греческих торговых судах; он отобрал на „Saghalien", пакетботе нашего торгового флота, радиотелеграфный аппарат под угрозой пустить ко дну пакетбот. Все это произошло в территориальных водах нейтральной страны. Бомпар заявил протест против этих злоупотреблений. Великий визирь корректно принял нашу жалобу, но он бессилен дать ей ход, так как военный министр обычно оставляет без внимания его самые официальные предписания. Вера в успех германских армий так укрепилась у турок, что представители Тройственного согласия в настоящее время лишены всякого авторитета, даже в области защиты своих соотечественников[5]. В то же время, чтобы лучше убаюкать нас, Саид Халим, министр иностранных дел, телеграфирует без шифра своему послу во Франции: „Чтобы не оставить никакого сомнения относительно той мирной позиции, которую императорское правительство решило

---

[1] Из Брюсселя, № 186.
[2] Из Копенгагена от 13 августа, № 93.
[3] № 302.
[4] Из Терапии, № 303.
[5] Из Терапии, № 304.

соблюдать в нынешних конфликтах, я снова извещаю вас, что мы решили соблюдать строгий нейтралитет".

Если этот нейтралитет Турции представляется хрупким и недолговечным, то, напротив, Голландия торжественно и окончательно провозгласила свой нейтралитет. Я могу без чувства горечи продолжать смотреть на обе картины морского пейзажа, которые голландская королева любезно подарила мне во время своего пребывания в Париже в 1912 г. Сэр Эдуард Грей получил категорическое заверение, что Нидерланды не примут участия в войне. Это решение Голландии было официально передано в Брюссель, где отсутствие какого-либо официального заявления со стороны Голландии уже начинало вызывать некоторые опасения.

Однако Германия продолжает делать все от нее зависящее, чтобы привлечь нейтральные страны под свои знамена. Она ошеломляет их повествованием о своих победах [1]. Она рисует им наши армии в состоянии полного развала. Она возвещает им, что в Париже вспыхнула революция и что я убит. В особенности же эта дьявольская игра ведется теперь в Румынии. В результате бухарестский кабинет под влиянием короля Кароля решил отклонить предложения Сазонова и ответил ему, что „в нынешней фазе конфликта, разделяющего Европу, он должен ограничивать свои усилия поддержанием равновесия на Балканах" [2].

В Софии Радославов обещал Панафье, что „в нынешних обстоятельствах" Болгария тоже сохранит нейтралитет [3]. Остается Греция, где хитрый критянин Венизелос испытующим взором исследует горизонт. „Если Турция и Болгария нападут на Сербию, — сказал он Девиллю, — Греция выступит против обоих агрессоров. Будет ли она в таком случае рассматриваться как союзница Тройственного согласия?" [4]. Думерг извещает об этом вопросе Лондон и Санкт-Петербург. Он предлагает ответить на него утвердительно.

Жорж Клемансо прислал ко мне своего брата Поля, инженера, с сообщением, что теперь удалось сделать Титтони сторонником идеи активного союза. Я желал бы, чтобы это обращение случилось на самом деле. К сожалению, мы имеем все основания думать, что если оно произошло в душе этого выдающегося дипломата, то он остережется известить об этом свое правительство. Он ограничился тем, что послал в Рим доклад о беседах, которые вел одну за другой с Брианом, Клемансо, Леоном Буржуа, Думергом и мною. Он благоразумно воздержался от всяких выводов. Со своей стороны Камилл Баррер, который хорошо знает Италию, продолжает считать, что опасно форсировать события. Английский посол имел свидание с итальянским премьером Саландра. Он сказал последнему, что Великобритания, как и Франция и Россия, желала бы сотрудничества Италии, и прямо поставил ему вопрос, удобно ли будет, если три союзника выступят с демаршем в Италии. Саландра отсоветовал

---

[1] Телеграммы из Бухареста от 13 августа, № 49, из Христиании от 13 августа, № 105 и 109 из Стокгольма от 12 августа и др.

[2] Телеграмма из Петербурга от 13 августа, № 424.

[3] Из Софии, № 61.

[4] Из Афин, № 117.

ему эту попытку. Итак, она была бы по меньшей мере преждевременной.

Будем сначала рассчитывать на нас самих и на наших первоначальных союзников. Русское наступление, которое было возвещено на сегодня вечером и от которого наш генеральный штаб ожидает облегчения для нашего фронта, к несчастью отложено на завтра вечером или субботу утром[1]. Кроме того сэр Френсис Берти по распоряжению сэра Эдуарда Грея передал сегодня на набережной д'Орсэй ноту, извещающую нас, что согласно сведениям британского военного министерства Россия оставляет значительную часть своих сил для эвентуальных операций против Турции. Сэру Джорджу Бьюкенену поручено войти к Сазонову с представлениями, что прежде всего срочно необходимо помогать нам в борьбе против немцев. Думерг и наш генеральный штаб настаивают в Петербурге в том же смысле. Судя по учащающимся стычкам на наших границах, нам следует в скором времени ожидать мощного натиска германских армий.

Неудача, которую мы потерпели в Мюльгаузене и под Альткирхом, является не только серьезным моральным поражением — это большой тактический промах. Одна из наших бригад неосторожно зашла вперед, не позаботившись о прикрытии, и вынуждена была отступить. Генерал По, знаменитый участник войны 1870 г., в которой он был ранен, был послан теперь для расследования этого дела в Бельфор и на границы верхнего Эльзаса; он нашел, что необходимо немедленно применить карательные меры. Сегодня 7-й корпус должен был оставить Эльзас, перейти обратно через границу и расположиться вокруг плацдарма, который связан с воспоминаниями о Данфер-Рошро и величественном льве Бартольди. Благодарение богу, прибывают африканские войска для подкрепления наших утомленных дивизий. 19-й корпус уже отправил во Францию две партии, одну в пятнадцать, другую в восемь тысяч человек.

За нерадивость по службе отозван префект департамента Мерты и Мозеля и заменен бывшим депутатом от департамента Марны, очень горячим патриотом Мирманом. С места своей службы в Нанси Мирман телеграфирует министру внутренних дел, что население Понт-а-Муссон очень пострадало от бомбардировки; было пять убитых и раненые. Он посетил также Люневилль. В обоих городах он оставил на дежурстве двух своих дочерей, чтобы ободрять жителей; впрочем последние проявили большую храбрость. Район Брие занят полками баварской пехоты и эскадронами конных стрелков, драгун и гусар смерти. Во всех местностях, подвергнувшихся нашествию немцев, последние охотятся за съестными припасами, конфискуют урожай и отправляют его в Метц на телегах и грузовиках. Мэр, кюре и милиционер в Гомкуре, арестованные в ночь с 3 на 4 августа, были отведены в Метц и предстали там перед военным судом; милиционер был оправдан, но мэр и кюре оставлены в крепости под необоснованным обвинением в шпионаже[2].

---

[1] Телеграмма из Санкт-Петербурга № 428, получена 13-го в 17 ч. 15 м.

[2] Телеграмма специального комиссара в Нанси, командированного в Этэн, № 264 от 13 августа.

Зато в нашу пользу окончился бой, загоревшийся третьего дня на Отене, в северной части департамента Мааса. Пехотная бригада под командой генерала Кордоннье причинила большие потери 21-му немецкому драгунскому полку. Мы взяли в плен двадцать пять человек. Небольшое утешение, бросающее свой слабый и мерцающий свет в тот мрак, в который мы теперь погрузились.

Пятница, 14 августа 1914 г.

Сегодня совет министров рассматривал главным образом проекты оживления народного хозяйства, организации снабжения Парижа и провинций, смягчения моратория для кредитных учреждений, упорядочения учета во Французском банке, доставления работы безработным и поддержания внутреннего мира в стране, на границах которой повсюду бушует война. Однако вопросы внешней политики тоже поглощают значительную долю нашего внимания.

Япония объявила войну Германии, не дожидаясь ни соглашения с нами, ни даже окончательного согласия своей союзницы Англии. По крайней мере она не увиливает. Но Германия надеется, что инициатива Японии настроит Соединенные штаты против Тройственного согласия. Стараясь использовать этот случай в своих интересах, императорское правительство в Берлине организовало с театральным эффектом манифестации в честь Америки.

Я принял по его собственной просьбе одного из главарей социалистов, Жюля Гэда, депутата от Северного департамента; я долгое время был его коллегой в парламенте, но у меня не было с ним до сих пор личных отношений. Это непреклонный и ортодоксальный доктринер, с суровыми взглядами, мрачной логикой, несколько жесткой речью; у него физиономия апостола, длинные волосы, длинная борода. Войдя ко мне и уходя, он приветствует меня односложным и дружеским „salut!“ (привет), по-товарищески. Этот человек, которого я знал таким чуждым, холодным, можно сказать, надменным, изливает сегодня передо мною свою душу в интимной беседе без всякой задней мысли. „Я думаю, — говорит он мне, — что как только мы одержим большую победу, правительство республики должно объявить германскому народу в официальном манифесте, что мы ведем борьбу не с ним, а с империей. Надо также, по моему мнению, объявить, что по окончании войны мы проведем плебисцит в Эльзасе и Лотарингии и не будем требовать никаких завоеваний“. — „Я вполне одобряю, — заметил я, — вашу мысль подчеркнуть, что, сопротивляясь Германской империи, мы не смешиваем с ней увлеченный ею народ. Я сам постарался провести необходимое различие в своем послании“ [10]. — „Да, — констатирует Жюль Гэд, — и я приветствую вас за это от имени всей моей партии“. — „Но вы заметили также, — продолжаю я, — что я говорил о законных репарациях“. — „Да конечно, и вы были правы“. — „Вы согласны со мной, не правда ли, что нам полагаются эти репарации и что они являются существенным условием будущего равновесия в Европе?“ — „Да, вполне согласен“. — „В таком случае быть может неосторожно было бы заявлять огулом, что мы введем плебисцит в Эльзасе? Немцы повидимому ставят теперь эльзасцев в первые ряды

своих войск, чтобы мы вынуждены были стрелять в них. Необдуманное слово могло бы усугубить опасность, которой подвергаются жители аннексированных провинций. Далее, вот уже сорок четыре года, как Эльзас наводнен иммигрантами. Они проникли повсюду, они старались отвратить от Франции молодое поколение. Кто знает, не будет ли на другой день после войны плебисцит искажен выступлением этих иностранцев?" — „Если имеется риск такого рода, — замечает Жюль Гэд, — то действительно лучше отказаться от плебисцита. Эльзас был отнят у нас против торжественно выраженной воли его обитателей. Стало быть, нарушено было неотъемлемое право Франции. Теперь, когда нам объявили войну, мы можем добиться справедливости". — „Итак, мы совершенно согласны друг с другом. Я лично желаю, чтобы мы получили обратно наши потерянные провинции, и не думаю, что мы можем сложить оружие, не добившись этого. Но я считаю, что помимо этого мы не должны аннексировать никакой европейской территории. Покажем миру пример великой демократии, которая борется только за свою независимость и за свое право". И мы расстаемся друг с другом с тем чувством, что мы отныне связаны до гробовой доски.

Я принял также Мориса Барреса. Счастливый эклектизм в беседах и дружеских разговорах! Мой знаменитый соотечественник тоже отправляется на фронт — корреспондентом больших газет. Он желает получить особые льготы, чтобы иметь возможность отправляться даже на самые опасные места. Я обещаю ему свое содействие тем охотнее, что его патриотизм и обаятельный талант являются порукой, что статьи его будут носить благородный характер. Статьи, написанные им в эти дни для „Echo de Paris", так же волнуют, как хроники Альбера де Мена. С каким чувством писал он об организации национальной помощи, о Красном кресте, об эльзасском легионе, о битве под Альткирхом! Я лучше кого-либо другого знаю, какая чуткая душа скрывается под его холодной и несколько надменной наружностью. В эти дни он уже не старается более надевать маску; он видит уже Эрмана на службе Франции и Колетт Бодош замужем за парижанином.

Меня снова посетил Сабини, как он говорит, по совету Жоржа Клемансо. Он тоже уверяет меня, что Титтони окончательно стал сторонником близкого разрыва между Италией и Австрией. Он показал мне донесение, которое он намерен послать в Рим; он пишет, что уполномочен объявить, что в случае совместного выступления Италия найдет во Франции необходимые для начала фонды и что независимо от территориальных выгод она получит также торговый договор. „Уполномочены кем?" — спрашиваю я его. — „Вами, надеюсь, господин президент". — „Дорогой граф, я должен вам заметить, что конституция не дает мне права гарантировать вам эти различные выгоды. Скажу также, что и само правительство не может обещать торговый договор без согласия парламента. Благоволите поэтому обратиться к министру иностранных дел или лучше попросите Титтони обратиться к нему. Ибо Думерг несомненно не пожелает вести никаких переговоров помимо посла".

Итак, Саландра заявляет, что не следует форсировать событий,

Титтони не выходит из-за кулис, а Сабини продолжает метаться, причем мы не знаем, является ли он официозным истолкователем своего шефа или нет. Я не могу в конце концов не чувствовать некоторого раздражения против этого гения combinazione.

Но тут во-время является ко мне сэр Френсис Берти со своей доброй румяной физиономией, чтобы вернуть меня на менее извилистые и менее крутые пути. Он пришел сказать мне, что в Лондоне ему сначала рекомендовали держать в секрете прибытие во Францию фельдмаршала сэра Джона Френча, который должен принять командование английской армией во Франции. Однако агентство Гаваса само сообщило о прибытии английского главнокомандующего, и сэр Френсис не считает себя обязанным хранить молчание. Сэр Джон Френч будет завтра в Париже. На самом деле мы уже знали об этом из телеграммы Поля Камбона, которая вовсе не носила секретного характера, и правительство полагало, что не будет плохо, если население, во-время предуведомленное, окажет горячий прием союзному командующему. Повидимому сэр Френсис нисколько не огорчен этим.

Сенатор Жерве рассказывает Феликсу Декори, моему новому главному секретарю по гражданским делам, что в день объявления мобилизации он встретил неподалеку от Елисейского дворца Жозефа Кайо, который сказал ему: „Это министерство ведет Францию в пропасть. Франция погибла, если я не спасу ее. Но необходимы будут санкции, причем суровые“. Если эти слова точны, то значит Кайо остается при своем убеждении, что без него ничто не может итти на лад, а с ним все пойдет прекрасно. Этот эгоцентризм — довольно частое явление у политиков, взалкавших капитолийских почестей. Весьма возможно, что, не будь печальной драмы с „Фигаро“, Кайо находился бы еще теперь у власти, но не менее вероятно, что на посту председателя совета министров или министра финансов он действовал бы не иначе, чем те его политические друзья, которые являются членами кабинета. Если бы он находился сегодня среди них, он мог бы только воздать хвалу тем усилиям, которые они приложили для спасения мира, и тому хладнокровию, которое все они проявили со времени объявления войны. Но люди часто смотрят на вещи совершенно другими глазами, смотря по тому, находятся ли они у власти или нет. Сегодня, как всегда, в совете министров, собравшемся под моим председательством, царило полное единодушие. Входящие в кабинет личные друзья Кайо никогда не отделяли себя от других членов кабинета. Все они вполне доверяют Вивиани; этот глава правительства одинаково внимателен к мелким и крупным вопросам и страдает лишь тем недостатком, что время от времени слишком нервничает. В частности внешнеполитические вопросы решаются всегда в полном согласии между Думергом и им. При всем том они не уменьшаются ни по количеству, ни по своему значению.

Вандервельде извещает, что приедет завтра в Париж совещаться с председателем совета министров и министром иностранных дел[1]. Они втроем смогут использовать эту встречу для того, чтобы за-

[1] Из Брюсселя, № 197.

вязать между Бельгией и нами союзные отношения, которые до сих пор нейтралитет, естественно, не позволял нам установить.

Сэр Эдуард Грей все более недоволен поспешными и путаными демаршами, которые Сазонов придумывает для Балкан; он, напротив, имеет в виду федерацию, объединяющую на почве общего нейтралитета Румынию, Болгарию и Грецию. Он хотел бы, чтобы Венизелос взял на себя инициативу этого проекта в Бухаресте и Софии, и спрашивает нашего согласия на это[1]. Французское правительство тем охотнее дает ему это согласие, что полученная нами телеграмма из Бухареста лишний раз показывает, как мало Румыния склонна теперь следовать внушениям Сазонова. Братиану сказал русскому посланнику, слишком энергично наседавшему на него: „Если ваше правительство настаивает на том, чтобы ему сегодня же был дан ответ „да“ или „нет“, этот ответ будет гласить: „нет“. Подождите требовать от меня нашего окончательного решения, по крайней мере до приезда нашего посланника в Петербург“[2].

Поль Камбон, превосходно осведомленный о положении дел на востоке, тоже повторяет нам, что на его взгляд шаги Тройственного согласия в Константинополе не окажут никакого влияния на Турцию и что только военные события определят позицию этой державы, привыкшей уважать силу. Турция будет прибегать к проволочкам, пока будет сомневаться в победе немцев, и примет решение против нас, как только — правильно или неправильно — придет к убеждению, что мы будем побеждены. Поэтому целесообразно не форсировать переговоров и сражаться[3].

Однако всюду продолжается ожесточенная пропаганда немцев. Жюль Камбон, приехавший после всех перипетий и возмутительных передряг в Христианию, телеграфирует нам из Норвегии[4]: „Я поражен множеством ложных известий, распространяемых здесь, как и в Копенгагене, стараниями германского посольства, и затруднениями, на которые наталкиваются наши агенты при опровержении их“. По совету Жюля Камбона правительство предлагает мне на подпись декрет, открывающий при министерстве иностранных дел кредит для целей пропаганды; правда, этот кредит весьма скромен в сравнении с теми кредитами, которыми располагает германское правительство.

Сегодня в Лотарингии началось комбинированное наступление I и II армий; первая находится под начальством генерала Дюбайля, вторая — под начальством генерала де Кастельно. Мы двигаемся на Дельм и Сарребург. Мы достигли Донона, где устроили настоящий плацдарм. Бои идут в Домевре, в лесу Haies, в Сент-Блезе. Главная квартира ожидает от этих операций счастливых результатов. На остальном фронте происходят в данный момент только авангардные стычки. Но в Бельгии неприятель обстрелял 420-миллиметровыми снарядами форт Лонсен, в котором держится генерал Леман. Согласно сведениям, поступившим к генералу Жоффру, германские силы между Люксембургом и Льежем состоят по меньшей мере из восьми

[1] Из Лондона, № 314.
[2] Из Бухареста, № 50.
[3] Из Лондона, № 315.
[4] Из Христиании, № 111.

пехотных корпусов и четырех кавалерийских дивизий. Как кажется, неприятель подготовляет широкое и мощное продвижение через Бельгию. Генерал Ланрезак, командующий нашей V армией, обратил внимание главнокомандующего на необходимость создать прикрытие для нашего левого фланга, и генерал Жоффр предложил Мессими расположить три территориальных дивизии между Мобежем и побережьем, чтобы создать по крайней мере с этой стороны барьер на всякий случай.

Суббота, 15 августа 1914 г.

День успения прошел грустно, в ожидании и неизвестности. Немцы пока предпринимают только подготовительные операции. В Бельгии последние форты Льежа все еще оказывают сопротивление. Но около половины шестого вечера Лонсен взлетел на воздух под огнем тяжелой артиллерии, и генерал Леман, раненый среди развалин, взят в плен. Немецкая кавалерия перешла Маас; неприятельские снаряды попали в чудесный городок Динан; патрули подошли к нашему Живе. В окрестностях Жарни и Конфлана произошел бой между нашими войсками и неприятельским отрядом. Лонгийон занят значительными силами неприятеля. В Вогезах мы продолжаем удерживать Донон, Саальский проход и горную долину Фехт до Мюнстера.

А Россия? Согласно Палеологу [1] Англия напрасно заподозрила царское правительство в том, что оно оставляет часть своих войск для возможных операций против Турции. Напротив, Россия прекрасно понимает, что она должна немедленно направить свой главный удар против Германии. Против последней она сейчас выставляет четыре армии в составе пятнадцати корпусов, а против Австрии три армии в составе двенадцати корпусов. Что касается Германии, то, по сведениям нашего военного министра, она сосредоточила против России пять корпусов регулярной армии и одиннадцать корпусов запаса. Итак, столкновение будет так же ужасно на востоке, как и на западе. Чтобы поддерживать энтузиазм наших офицеров и солдат, правительство решило создать небольшую ежедневную газету для фронтовиков под заглавием „Бюллетень армий республики“. Цель газеты указывается в письмах Мессими и Вивиани, помещаемых сегодня в первом номере на самом видном месте. Собственно говоря, наши войска не нуждаются ни в каком подбадривании. Пожелаем лишь, чтобы эта газета служила для них на фронте истолкователем тех чувств, которые воодушевляют Францию, столь же единую и доблестную, как они.

Мы получили новое предложение союза. Оно исходит от Португалии и передано нам нашим посланником в Лиссабоне Дешнером, бывшим в 1912 г. начальником моей канцелярии [2]. Наш совет национальной обороны отнесся к этому с большим интересом, но отчасти опасается, что вмешательство Португалии может вызвать неудовольствие Испании. Поэтому он принимает заявление Португалии с бла-

[1] Из Санкт-Петербурга, № 431 и 432.
[2] Из Лиссабона, № 31.

годарностью, но сдержанно и не считает целесообразным форсировать движение, в особенности помимо Англии.

Император Николай по собственному почину обратился к польскому населению России, Германии и Австро-Венгрии с манифестом, в котором торжественно заявляет о своем намерении восстановить их национальное единство. Как Сазонов сообщил доверительно Палеологу, восстановленная Польша будет пользоваться местной автономией; ей будет всячески гарантирована свобода католического богослужения и употребления национального языка. Она будет управляться наместником российского императора[1]. В этой прокламации, подписанной великим князем Николаем Николаевичем, говорится: „Пробил час, когда должна осуществиться исконная мечта ваших отцов и предков. Прошло полтора столетия, с тех пор как живое тело Польши было искромсано на части, но душа ее не умерла. Она жила надеждой, что придет час возрождения польского народа, час примирения с великой Россией... Пусть же этот народ найдет свое единство под скипетром царя! Под этим скипетром возродится Польша, свободная в своей вере, в своем языке, в своем внутреннем управлении...“.

Итак, Россия еще раз выступила здесь помимо нас. Если бы она предложила свою помощь для восстановления всей Польши во всей ее государственной независимости, мы могли бы только приветствовать это и желать осуществления этой прекрасной мечты. Если бы она обязалась дать относительную автономию русской Польше, тоже прекрасно. Обещание полунезависимости, даже под скипетром царя, несомненно встречено было бы с радостью и могло бы быть принято как обещание загладить старую вину (comme une réparation). Но предложить полякам в Силезии, Познани и Галиции свободу вероисповедания, языка и управления под властью императора из династии Романовых — вряд ли это значит найти путь к их сердцу; во всяком случае это значит возвестить Германии замаскированные аннексии, о которых не было заключено никакого соглашения между Россией и нами и которые могут совершенно исказить значение оборонительной войны, они рискуют также повредить тем реституциям, которые Франция имеет право требовать и намерена требовать.

Спрашивается, не делает ли русское правительство также другой промах, отклоняя как неосуществимую идею сэра Эдуарда Грея о нейтральной федерации Греции, Болгарии и Румынии?[2] По мысли британского министра иностранных дел, это было бы средством связать Болгарию. Это был довольно ловкий прием. Тем не менее Сазонов отверг английское предложение. Он продолжает порхать с ветки на ветку и не соглашается нигде сесть.

Зато в одном практическом вопросе русский министр финансов Барк выступает с очень конкретными проектами. Он самым энергичным образом настаивает на том, чтобы мы облегчили французским держателям русских ценных бумаг получение наличными по их купонам[3]. Россия, говорит Палеолог, более, чем когда-либо, заинтересо-

---

[1] Телеграммы из Санкт-Петербурга № 428 и 429.
[2] Телеграмма из Санкт-Петербурга № 430.
[3] Из Санкт-Петербурга, № 436.

вана в том, чтобы доказать непоколебимость своего кредита. Он требует поэтому учреждения в Французском банке специального фонда. Корреспонденты русского казначейства должны вносить в этот фонд суммы, равные полученным ими процентам за каждый месяц прошлого года. Французский банк будет непосредственно обслуживать уплату процентов по займам. Ввиду моратория банк для пополнения необходимых средств должен притти на помощь упомянутым корреспондентам путем учета под гарантией русского правительства. Другими словами, Россия требует от Французского банка факультативных авансов, которые несомненно станут фактом и быть может будут расти. Но как отказать? Как оставить неоплаченными во время начавшейся теперь войны купоны, которые во Франции являются доходом столь многих крестьян и мелких буржуа?

Фельдмаршал Френч сделал мне визит в третьем часу дня. Его сопровождал сэр Френсис Берти. Когда Френч показался у выхода с Северного вокзала, скромно, без шумихи, ему устроены были трогательные овации. Он был вчера в Витри-ле-Франсуа и совещался с генералом Жоффром. Сегодня вечером он уезжает из Парижа к рождающейся армии, над которой он должен принять командование. Это человек скорее низкого роста, простой, скромный, не воинственного вида, с ясным и открытым взглядом, седыми висячими усами, щеки и подбородок чисто выбриты. Кажется, сэр Джон проявил свои познания в военной науке и свою храбрость в Египте и Южной Африке. Но его можно скорее принять за мирного инженера, чем за энергичного офицера. Медленный и методический, он производит впечатление флегматика. Хотя он обычно проводит свои каникулы в Нормандии и дочь его, как я слышу, даже замужем за французским офицером, он лишь с трудом изъясняется по-французски. Вивиани и Мессими, явившиеся по моей просьбе в Елисейский дворец, присутствуют при нашей беседе. Сэр Френсис Берти любезно берет на себя обязанности переводчика. Маршал Френч объясняет нам по-английски, что его войска не в состоянии будут выступить раньше 25 августа. Высадка кавалерии потребовала много времени и труда; производство специального материала весьма затянулось. Для окончания военных приготовлений нужны еще десять дней. Десять дней! Итак, англичане совсем не будут участвовать в первых сражениях. Какое разочарование для общественного мнения во Франции! Их считают готовыми к бою, а они не примут участия в битве.

В своем „Дневнике", написанном порой в шутливом и игривом тоне, сэр Френсис Берти рассказал об этом визите маршала Френча в несколько иронических выражениях[1]: „На сегодняшнем свидании с Пуанкаре Вивиани казался изнемогающим от усталости, был нервен и озабочен. Военный министр больше старался показать свое знание английского языка, чем сообщить полезные сведения. По общему уговору Пуанкаре говорит на своем родном языке, а Френч — на своем. Я говорил на обоих языках, as a go between". В данных обстоятельствах Мессими должен был не столько давать информацию, сколько

[1] „Diary", vol. I, p. 17, 18. В русском переводе: „За кулисами Антанты", Москва, Гиз.

получать ее; и, признаюсь, все мы трое были несколько удивлены флегмой наших в общем столь любезных собеседников; мы не желали принять ее за безразличие, но она была для нас как-то тягостна в такое время, когда нашей несчастной стране угрожало нашествие неприятеля со всеми его опустошениями и она могла быть спасена или потеряна в зависимости от быстроты или медленности первых операций.

К концу дня следующая новость: в Бельфоре видели около тридцати аистов, преждевременно летящих на юг в направлении от Рейнской долины. Они улетали от канонады. Когда они смогут возвратиться и, не слыша канонады, мирно спуститься на родную почву Эльзаса?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Неприятель в департаменте Мааса. — Посещение Вандервельде. — Дипломатическая болтовня. — Наше наступление в восточной Франции; успехи I и II армий. — Первое знамя, взятое у неприятеля. — Бельгийская армия отходит к Антверпену. — Возвращение Жюля Камбона в Париж. — Битва при Морганже. — Эльзасцы в Елисейском дворце. — Отступление к Нанси.

Воскресенье, 16 августа 1914 г.

Попрежнему состояние неизвестности, ожидания и лихорадочной тревоги. О военных операциях я знаю только то немногое, что мне ежедневно скупо сообщают офицеры связи. Наши войска снова взяли вчера Бламон и Сирей; они вступили в Танн; но радость, внушаемая нам этими мелкими успехами, отравлена мыслью о том, сколько крови они стоят Франции. Вдобавок префект департамента Мерты и Мозеля Мирман посылает нам раздирающие душу известия о зверствах немецких войск. Последние ведут себя так, словно они получили приказ терроризировать нас, и, словно опьяненный и ослепленный своей гордыней полководец, оправдывают свое зверство тем, что оно сократит войну. За те восемь дней, которые неприятель оставался в Бламоне, он без всякого основания предал смерти трех человек, в том числе молодую девушку и восьмидесятилетнего старца Бартелеми, бывшего мэра. Другие известия, полученные от префекта департамента Мааса, огорчают меня еще больше, потому что они касаются особенно дорогих мне коммун. В Бре, около Монмеди, уланский патруль, вышедший из Бельгии, натолкнулся на наших пограничников; он ранил двух из них, а также ребенка двенадцати лет. Другие разведчики, явившиеся из района Метца, пробрались среди прудов и рощ Воэвры к деревне Нонсар, жители которой всегда проявляли ко мне преданность и привязанность. Немцы проникли даже дальше, вокруг Коммерси, от которого я так долго был депутатом; десять немцев были взяты в плен в окрестностях Монсека. Все эти имена вызывают в моей памяти родные картины: плодородную равнину у подошвы холмов, на склонах виноградники, вокруг домов фруктовые сады, трудолюбивое и честное население, среди которого я насчитываю столько старых и верных друзей. Война еще только началась, а неприятель уже в сердце моей родной страны, в нескольких километрах от усадьбы, служившей жилищем моей семье в мирные годы.

Правда, мне сообщают, что в Вогезах мы удерживаем Сент-Мари-о-Мин, за который шел жаркий бой. Кроме того мы продвинулись вперед в живописной долине Ширмек, по которой я с женой и молодыми племянницами сделал однажды летом прогулку в автомобиле. В Бельгии в Динане у нас был успешный бой с немецкой гвардейской дивизией и 1-й кавалерийской дивизией. Сообщают также, что в пятницу, 14 августа, наш 1-й стрелковый батальон захватил под Сен-Блезоном неприятельское знамя; я горжусь, что этот первый трофей-эмблема взят был товарищами егерями. Разумеется, эти счастливые вести преисполняют меня радостью и надеждой. Но немцы находятся уже на подступах к Сен-Михиелю, это представляется мне плохим предзнаменованием; к тому же эти отрицательные моменты являются мне в самом ярком свете, и я переживаю их особенно болезненно потому, что взор мой, привыкший к этим пейзажам Мааса, видит издали бои, оскверняющие их.

В то время как военное счастье медлит стать на ту или другую сторону, во всем мире продолжается бешеная германская пропаганда. Шевалле посылает нам из Христиании несколько образцов тех басен, которые она распространяет в громадном количестве [1]: „Зверства бельгийцев в Антверпене против высылаемых немцев. Привезенные в Берлин тысяча пятьсот французских военнопленных одеты в старые изодранные мундиры и имеют жалкий вид". А вот сообщение, появившееся в „Deutsche Allgemeine Zeitung" и распространяемое в Норвегии [2]: „ Вразрез с международным правом во Франции организуют партизанскую войну. Мы будем беспощадно расстреливать жителей, пойманных с оружием в руках или же разрушающих пути сообщения. Не на Германию, а на Францию падет ответственность за потоки крови, которых это будет стоить... Бельгия желала войны. Штатские и дети производят на нас нападения. Если отныне война примет зверский характер, ответственность будет нести Бельгия". Тьебо сообщает нам другие образцы из Стокгольма [3]: „Подтверждается известие о революции в Польше. Кандидатура на престол католического Гогенцоллерна". Бапст тоже телеграфирует нам из Копенгагена [4]: „В Берлине говорят, что германское правительство через посредство одной нейтральной державы объявило французскому и бельгийскому правительствам, что если война принимает дикий характер, то вина в этом падает на Бельгию, в которой гражданское население выступало против немецких войск с варварством, являющимся пятном на цивилизации". Несчастная Бельгия, теперь она оказывается главной виновницей! Германия, как и мы, гарантировала ей нейтралитет. Германия нагло вторглась на территорию, которую поклялась защищать, а теперь она имеет нахальство обвинять перед совестью всего человечества трудолюбивый и безобидный народ, после того как она без всякого вызова вторглась на священную территорию. Между тем Бельгия, застигнутая врасплох внезапным нападением Германии, не знает даже, как справиться

[1] Телеграмма № 117.
[2] Телеграмма № 121.
[3] Телеграмма № 3.
[4] Телеграмма № 103.

с неожиданными расходами, в которые она введена этим предательством; в своем тяжелом положении она обращается к другим державам, гарантировавшим ее независимость. Правительства в Лондоне и Париже вынуждены снестись между собой с целью ссудить ей необходимые денежные средства[1]; но для того чтобы ссудить их, они должны сами занять их.

Впрочем Бельгия храбро организует свою защиту. Ее министр Вандервельде приезжал сегодня для свидания с Вивиани, Думергом и Мессими. Я тоже принял его в Елисейском дворце. До сих пор я встречался с ним всего раз или два. Я беседовал с ним довольно долго. Перед лицом неожиданной опасности, угрожающей свободе его страны, он, как видно, отложил на время все партийные заботы. Он говорил мне о короле с уважением, о своих коллегах по кабинету тепло и задушевно. Кажется, он обладает столь же острым и живым умом, сколь холодным и решительным темпераментом, у него очень умная глухота, она не мешает ему слышать то, что он желает узнать, и позволяет ему пропустить мимо ушей все, что он считает маловажным. Он очень настаивал передо мной, чтобы отряды французской кавалерии были отправлены на левый берег Мааса в подкрепление бельгийской армии, главным же образом для ободрения населения. Такую же просьбу передал нам через Клобуковского полковник Алдебер от имени бельгийской главной квартиры[2]. Правительство республики уведомило об этом генерала Жоффра, который отдал приказ генералу Сорде перейти со своей конницей через Самбру и двинуться на восток, в Бельгию.

До сих пор департаменты Северный и Па-де-Кале не были включены в зону военных действий. Даже после вторжения немцев в Бельгию наш генеральный штаб с трудом допускал мысль, что война могла бы быть перенесена так далеко на северо-запад. Это все еще была благородная иллюзия плана XVII, которая наделяла неприятеля рыцарскими чувствами Франции. Но растущее число немецких войск, сконцентрированных на границах Бельгии, значительность тех войск, которые уже проникли на территорию Бельгии, грозная перспектива обходного движения, гораздо более широкого и уплотненного, чем то, возможность которого в конце концов стали предвидеть у нас, признанная отныне необходимость распространить действия нашего командования вдоль бельгийской границы до побережья — все это побудило генерала Жоффра обратиться к нам с требованием о включении департаментов Северного и Па-де-Кале в зону военных действий. Военный министр издал постановление в этом смысле, которое появится завтра утром в „Journal Officiel".

Давление, оказываемое неприятелем со всех сторон на бельгийском и на нашем фронтах, заставило французского главнокомандующего кроме того снова торопить своего русского коллегу. Дело конечно не в том, что великий князь Николай Николаевич нуждается лично в увещаниях, а в том, на что он указывал мне однажды в 1912 г.: „В нашей огромной империи, отдав приказ, никогда не

---

[1] Телеграмма Клобуковского № 208.
[2] Телеграммы № 213 и 214.

знаешь наверняка, придет ли он по назначению". Наш русский союзник начал наступление 14 августа. Три северо-западные армии в составе двенадцати корпусов атаковали немцев, первые две на север от Вислы, третья — на юг от нее. Четвертая армия должна двигаться на Познань и Бреславль. В другом, юго-западном, направлении три армии в составе двенадцати корпусов действуют против Австрии [1]. Император, великий князь Николай Николаевич, генерал Янушкевич наперерыв заявляют, что они с наивозможной быстротой проложат себе дорогу в Берлин, что операции против австро-венгерских сил имеют менее важное стратегическое значение и что прежде всего необходимо добиться уничтожения германской армии. Итак, они определенно становятся на точку зрения французского командования [2]. Кроме того Палеолог повторяет, что Англия напрасно тревожится [3]. Россия не оставляет ни одного солдата на случай возможных военных действий против Турции [4]. Наконец наш посол уверяет нас, что манифест к полякам встретил единодушное одобрение русского общественного мнения. Большинство петербургских и московских газет посвящает статьи-дифирамбы примирению в великой семье славянских народов. Но я хотел бы знать, как отнеслось к этому общественное мнение Варшавы. Я продолжаю думать, что в польских странах скипетр царя не будет принят за эмблему освобождения. Во всяком случае этот русский манифест вызвал в Германии очень сильное раздражение. Имперские власти заставили духовенство познанской епархии выступить с воззванием к своей пастве, в котором напоминаются преследования польских католиков под русским владычеством и верующие призываются преданно сражаться под германскими знаменами [5].

Другие русские начинания, в частности измышления Сазонова, увеличивают наши заботы. В ответ на назойливые настояния русского посланника в Бухаресте Братиану, как он уже предупреждал об этом, заявил, что он пока не может никому обещать что-либо и что если будут настаивать на получении от него немедленного ответа, последний будет отрицательным. Сазонов старается вознаградить себя за эту неудачу возобновлением своих попыток переговоров с Турцией [6]. Он желает, чтобы Порте было объявлено: „Если вы останетесь нейтральны, Англия, Франция и Россия не только гарантируют вашу территорию, но освободят вас в случае своей победы от той стеснительной опеки, которую Германия навязала вам в ряде предприятий, в первую очередь на Багдадской железной дороге". Эдуард Грей, ум которого не знает покоя, поручил сэру Френсису Берти передать Думергу аналогичное предложение. Не делая себе больших иллюзий о действительности такого шага, французский кабинет дал на него свое согласие, но едва успел он отправить свой ответ, как Извольский вручил Думергу дополнительную

[1] Телеграмма Палеолога № 432.
[2] Телеграмма из Петербурга № 435.
[3] Телеграмма Поля Камбона № 331.
[4] Телеграмма из Санкт-Петербурга № 435.
[5] Телеграмма Бапста из Копенгагена от 16 августа, № 105.
[6] Телеграмма из Петербурга № 445.

ноту. В постскриптуме Сазонов ставит требование о предварительной демобилизации Турции. Французское правительство считает, что это притязание идет слишком далеко и рискует испортить все дело. Действительно, Морис Бомпар не скрывает от нас, что Турция все более склоняется на сторону Германии и что, если первое большое сражение окончится победой немцев, нам будет стоить большого труда удержать оттоманское правительство и дальше в нейтралитете [1].

Зато у английского министерства иностранных дел создалось более благоприятное впечатление о событиях в Греции [2]. Как видно, в течение этих дней император Вильгельм, шумливый шурин короля Константина, бомбардировал последнего письмами и телеграммами. Королева София постоянно приходила на помощь. Венизелос, наблюдавший эти маневры, обнаруживал большое беспокойство. Но давление превзошло всякую меру. Сам германский посланник вмешался в дело. Он осмелился — несомненно по категорическому приказу из Берлина — потребовать от короля, чтобы он немедленно высказался за или против Вильгельма II. Как передают, посланник позволил себе такой дерзкий тон, что Константин, уязвленный в своем самолюбии, прервал аудиенцию.

Что касается Италии, то Думерг был вполне прав, не желая форсировать события. Несомненно итальянский генеральный штаб подготовляет повидимому во всех деталях и более или менее длительное военное выступление против Австро-Венгрии [3]. Но у нас есть доказательство, что еще сегодня маркиз Империали получил в Лондоне от маркиза ди Сан Джулиано инструкции, откладывающие дело в долгий ящик. Итальянское правительство уведомляет своего посла, что в настоящий момент оно не намерено выступить из своего нейтралитета, но, если оно когда-либо изменит свою позицию, этому новому решению должны будут предшествовать точные и детальные военные и политические соглашения с державами Тройственного согласия. Эти соглашения будут вырабатываться в величайшей тайне в Лондоне, а не где-либо в другом месте. Италия нисколько не питает недоверия к Думергу, но она не доверяет Извольскому, аккредитованному в Париже; она предпочитает английское благоразумие и английское умение молчать. Маркизу Империали даже поручено просить сэра Эдуарда Грея постараться, чтобы Баррер и Крупенский, русский посол в Риме, не затрагивали этой темы в своих беседах с Сан Джулиано. Но вот что Италия здесь не договаривает и что, возможно, объясняет те нескрываемые приготовления, которые она ведет в направлении Трентино: предварительно она собирается вести при посредничестве Германии переговоры с Австрией. Она желает тщательно взвесить выгоды, которые может ожидать от нейтралитета или от войны со своими бывшими союзниками. Консульта и здесь оказывается более ловкой и тонкой, чем все дипломатические канцелярии Европы.

Вечером в военном министерстве еще не знали, перешли ли мы

---

[1] Из Терапии, № 292.
[2] Телеграмма Поля Камбона от 16 августа, № 338.
[3] Телеграмма Баррера от 16 августа, № 348.

в наступление на бельгийской границе, как это возвещалось. Мне сказали лишь, что наше положение в верхнем Эльзасе улучшается, что мы взяли в плен еще тысячу человек, что мы захватили полевые орудия и орудия большого калибра и не только снова взяли Сирей, но, сделав новый прыжок, заставили отступить баварский корпус.

В 23 часа 30 минут мне передают телеграмму, отправленную из Мальты в 21 час 50 минут и подписанную адмиралом Буэ де Лапейрером: „Сегодня утром, появившись одновременно с северо-запада и юга, застал врасплох перед Антивари крейсер типа „Зента“ и торпедную лодку, поддерживавшие блокаду. Крейсер потоплен. Торпедной лодке, кажется, удалось спастись. Я займу наблюдательный пост у входа в Адриатическое море и буду снабжаться на месте“.

Понедельник, 17 августа 1914 г.

Телеграмма Палеолога[1]: „Сегодня утром беседовал с Сазоновым; я домогался от него ответа, не заявит ли в случае победы русское правительство территориальных или политических притязаний к Турции“. „Вам не безызвестно, — сказал я, — что территориальная неприкосновенность и политическая независимость Турции остаются одним из руководящих принципов французской дипломатии“. Он ответил мне: „Даже в случае победы мы будем соблюдать независимость и неприкосновенность Турции, если она останется нейтральной в этой войне. Самое большее, мы потребуем установления нового режима для проливов, который будет одинаково применим ко всем государствам, лежащим на берегах Черного моря, — к России, Болгарии и Румынии“. На этот раз язык Сазонова вполне ясен. Этот язык даже почти удовлетворителен. Во всяком случае это — достаточное доказательство, что, что бы ни писали с тех пор некоторые пасквилянты, Франция перед войной ни разу не изменила в пользу России своей старой восточной политики и что ни в 1912 г., ни в 1914 г. ни я, ни, полагаю, никто другой не давали ни царю, ни его правительству, ни Извольскому никаких обещаний даже в вопросе о проливах. Недаром Сазонов не ссылается ни на какое обязательство, взятое на себя Францией.

Но мы получили из Терапии[2] известие, показывающее, что Россия еще нисколько не отказалась от требования демобилизации Турции. Морис Бомпар, как и мы, находит эту идею неудачной. Думерг добился у Сазонова, чтобы он не настаивал на этой своей идее, которой Германия не преминула бы воспользоваться в Константинополе в своих интересах. Как трудно впрячь в одну телегу державы Тройственного согласия!

Меня посетил Киньонес де Леон. Он вернулся из Испании и уверяет меня от имени его величества Альфонса XIII в самой горячей симпатии к Франции. Король поручил ему передать мне, что, когда придет время, он готов взять на себя роль посредника между воюющими сторонами, но не сделает нам никакого стеснительного для нас предложения и что, прежде чем действовать, он терпеливо

[1] № 446.

[2] Телеграмма Мориса Бомпара от 16 августа, № 325, получена 17-го.

будет выжидать требования со стороны французского правительства. Я прошу предупредительного Киньонеса, который, как я знаю, является самым надежным доверенным лицом своего государя, передать от моего имени горячую благодарность и присовокупляю, что наши союзники и мы намерены довести навязанную нам войну до победного конца. Теперь слишком поздно или слишком рано перестать сражаться.

Посетил меня также посланник Греции, любезный Романос. В его больших черных зрачках выражается сегодня тайное волнение. Дней пятнадцать назад, говорит он мне, король Константин уведомил Вильгельма II, что, если Болгария объявит войну Сербии, Греция вынуждена будет в силу своего договора с последней оказывать ей военную поддержку [18]. Хотя кайзер знал, что Греция связана определенными договорами, он не желал допустить, чтобы она имела в виду выполнять их; он проявил чрезвычайную раздражительность по поводу сделанного ему сообщения. Со своей стороны, король Константин тоже остался несколько обиженным тем приемом, который встретило его послание. Между обоими шуринами отношения испортились. Романос испытывает явное удовольствие, сообщая мне об этом. Кроме того он полагает, что королю будет трудно пойти против чувств всех эллинов.

День не прошел без того, чтобы Сазонов не разрешился новым проектом. На сей раз Сазонов находит, что с целью иммобилизовать Турцию надо обещать ей остров Лемнос. Сэр Эдуард Грей, Поль Камбон и Думерг другого мнения; последний просит Палеолога несколько умерить пыл русского министра. Наш посол отвечает, что Сазонов относится к союзу с совершенной прямотой, и это верно. Он прибавляет, что Сазонов в задушевных отношениях с представителями Франции и Англии в Санкт-Петербурге, и это тоже очень счастливый факт. Однако лучше было бы, если бы русский министр не приводил нас каждодневно в замешательство чрезвычайной плодовитостью своей фантазии, вечно что-нибудь замышляющей.

В совете национальной обороны Мессими дает нам некоторые указания на новые решения главнокомандующего, принятые Жоффром вместе с вариантом, который позволяет продолжить концентрацию наших войск на север. На бельгийской границе мы опираемся на Шьеру и остаемся там, наблюдая во всеоружии продвижение немецких армий. Когда мы перейдем в этом секторе в наступление, это будет сделано с максимальными усилиями, для того чтобы попытаться отбросить неприятеля через всю Бельгию к Северному морю. На левом фланге мы для контакта с англичанами перебрасываем на Самбру V армию, которой командует генерал Ланрезак и которая получила теперь подкрепления. Затем слева направо располагаются IV армия под командой генерала де Лангль де Кари, III армия во главе с генералом Риффей — она сосредоточена главным образом в районе Вердена — и II армия под командой генерала Кюрьер де Кастельно, она, а именно 20-й корпус генерала Фоша, оперирует в окрестностях Нанси; наконец на правом фланге, в Вогезах и в верхнем Эльзасе, действует генерал Дюбайль, стоящий во главе I армии.

Отныне мы делаем ударение на наступлении на востоке. Главная квартира подготовляет даже осаду Метца; полагают, что его

укрепленный лагерь занят только одним армейским корпусом. Главная квартира надеется также продвинуть наши войска в Эльзас, за Вогезы, между Сарребургом и Страсбургом, и обойти через Саверн неприятеля, атакующего нас в Лотарингии. Мы занимаем Донон и долину Брюш до Ширмек. Наша кавалерия прошла до Лютцельгаузена, но мы еще далеки от тех целей, на которые мельком указывал Мессими.

А пока что префект Мерты и Мозеля извещает нас о новых зверствах немецких армий: в Бадонвиллере расстреляно одиннадцать человек, среди них жена мэра, сожжены семьдесят восемь домов, уведены пятнадцать заложников, которые до сих пор не вернулись; в Бремениле убиты пять жителей, в том числе один семидесятичетырехлетний старик; в Бламоне три жертвы среди гражданского населения, в том числе одна молодая девушка.

С другой стороны, в то время как мы стоим неподвижно на берегах Шьеры, компактные, мощно снаряженные немецкие армии продвигаются форсированным маршем через Бельгию. Последние форты Льежа взяты; путь свободен; ничто уже не остановит урагана. Резиденция бельгийского правительства перенесена в Антверпен. Королева с детьми тоже переехала в этот город. Король остается при армии[1]. Вслед за Мирманом наш посланник в Брюсселе сообщает нам о зверствах немцев[2]: „Комитет, созданный для расследования, соблюдаются ли законы войны, сигнализирует точные и официально проверенные факты жестокости и дикости, совершенные в Бельгии немецкими войсками над ранеными солдатами, над медицинскими пунктами, носившими знак Красного креста, а также над стариками, женщинами и детьми".

Вторник, 18 августа 1914 г.

С часу на час надежды чередуются с тревогой. Сегодня утром на заседании совета национальной обороны Мессими получил от генерала Жоффра весьма успокоительную телеграмму об операциях, развертывающихся в Эльзасе и Лотарингии. Войска II армии вышли из Сейль. Наша кавалерия находится в Марсале и Шато-Сален. Министры и я преисполнены радости; не говоря ни слова, мы глядим друг на друга. Сколько за последние пятнадцать дней пережили мы радостных фактов, не имевших продолжения? Мессими кратко объясняет нам позицию остальных армий. I армия занимала вчера в аннексированной Лотарингии Гаттиньи, Фракельфинг, Гондрексанж, Геминг, Гертцинг; генерал де Мод Гюи должен вот-вот вступить в Сарребург. В течение дня мы узнаем, что действительно город взят был в 13-м часу 8-м корпусом; однако уже сигнализированы собирающиеся в соседних лесах неприятельские войска. В верхнем Эльзасе генерал По, поставленный во главе перестроившегося 7-го корпуса и четырех резервных дивизий, с 16 августа снова

[1] Телеграммы Клобуковского от 17 августа, № 213 и 216.

[2] 17 августа, № 217. „Documents pour servir á l'histoire de l'invasion allemande dans les provinces de Namur et de Luxembourg, publiés par le chanoine Jean Schmitz, secretaire de l'évechè de Namur, et Dom Robert Nieuwland, de l'abbaye de Maredsous", Van Oest et C-ie, éditeurs, Bruxelles.

прочно укрепился в Танне, Сернэй и Даннмари; вчера он продолжал делать успехи и попытается снова взять Мюльгаузен.

Все это сообщено нам главнокомандующим лишь под величайшим секретом. Классификация армий, размещение их, имена генералов, командующих ими, остаются для публики непроницаемой тайной. В этом отношении официальные сообщения строго выдержаны. У Франции до сих пор только анонимные защитники. В ставке главнокомандующего опасаются, что публичность может потворствовать честолюбию генералов и возбуждать у них зависть друг к другу. Но не лишит ли это вынужденное молчание некоторые военные добродетели их стимула и вознаграждения? Согласен, что слава должна быть роскошью, но это роскошь, которой не всегда хорошо лишать тех, кто сражается за благо страны.

В Бельгии и в великом герцогстве Люксембург немцы очевидно располагают двенадцатью армейскими корпусами, из которых семь находятся на юг от Льежа, а пять сосредоточены в окрестностях Арлона. Они двигаются в составе трех армий по направлению к Памюру и Живе. Чтобы обеспечить связь с бельгийской армией, мы перебросили кавалерию вплоть до Флерюс, где она вспомнит традиции маршала Люксембургского и Журдана, но на нашей границе и на Шьере мы еще не тронулись с места.

Шестьдесят пять тысяч англичан уже сгруппированы вокруг Като, но они выступят не раньше, чем окончится высадка и даже концентрация всех первых ста тысяч английских войск. Это конечно и приводит к дате 25 августа, о которой мне говорил маршал Френч.

Хотя начатая неприятелем попытка обхода представляется во все более грандиозных и грозных масштабах, главная квартира конечно не может знать, не вздумают ли немцы прервать свой марш, чтобы повернуть свое правое крыло к нашей границе и внезапно ударить по центру наших армий. Поэтому в своих директивах от сегодняшнего числа генерал Жоффр считает благоразумным не исключать этой возможности и предписывает, что в случае ее осуществления наша V армия должна перейти Маас с запада на восток и ударить на правый фланг неприятельских колонн. Если, напротив, немцы будут продолжать продвижение на запад, та же V армия, поддерживая связь с бельгийцами и англичанами, должна преградить дорогу двигающемуся вперед крылу неприятеля, тогда как наши армии в центре, а именно IV и III, атакуют центр неприятеля.

Прежде чем началась та или другая из этих битв, мне привелось лицезреть волнующий символ победы. Вчера вечером два офицера и один унтер-офицер доставили в Елисейский дворец большой флаг, имеющий размеры знамени. Это флаг 4-го батальона 132-го немецкого полка. Он, повторяю, был взят на плоскогорье Сент-Блез нашим 1-м батальоном пеших стрелков: очень длинное древко, материя цвета красной смородины с белым крестом посередине. В центре императорский орел, в лапах у него связка стрел и меч, над ним лента с девизом: „Pro gloria et patria“ (за славу и отечество). На всех четырех углах инициалы Вильгельма с короной. Этот пышный флаг доставил вчера в военное министерство полковник Серре, наш бывший военный атташе в Берлине, тот самый, который с такой про-

зорливостью указывал нам на происки императорского милитаризма и который недавно возвратился во Францию. Флаг был выставлен для обозрения публики в окне военного министерства. Затем он провел ночь во дворце президента республики. В ночной тиши моего кабинета я долго созерцал этого немого свидетеля наших первых военных успехов. Сегодня утром отряд пешей республиканской гвардии доставил его в Дом инвалидов. Несший его унтерофицер не держал его прямо — флаг покоился на его плече, как мертвое знамя; отряд прошел по авеню Мариньи и мосту Александра III без музыки, она заиграла только в момент прибытия к Дому инвалидов. Генерал Ниокс, комендант Дома инвалидов, поместил этот трофэй в надежном месте в старом отеле Мансара.

Так как концентрация наших войск закончилась, я выражаю Мессими свое намерение отправиться вместе с ним возможно скорее на фронт и обратиться к нашим армиям со словами ободрения от имени правительства. Мессими лично сторонник такой поездки, но он считает себя обязанным запросить мнение главной квартиры, а она находит, что для этого еще не настало время. И вот впредь до нового приказа я вынужден оставаться в своей частной клетке и, будучи главой республиканского государства, играть роль roi fainéant (короля-бездельника). Но слово за армией. Я молчу и подчиняюсь.

Но не молчит Клемансо. Он пришел ко мне с жалобой, что „сводки" главной квартиры скрывают наши неудачи и слишком шумливо прославляют наши победы. Он утверждает, что один полк запасных из Марселя попал в плен, а один батальон стрелков понес страшные потери, потому что в слепом энтузиазме ринулся в необдуманную атаку. Он уверяет, что при первом походе на Мюльгаузен сделано было много грубых ошибок. „Боюсь, — замечает он, — что, если мы в тот или другой день понесем поражение, всегда возможное, произойдет печальный поворот в общественном мнении, которое искусственными способами поддерживают в состоянии экзальтации, — оно внезапно упадет с неба на землю". Я разделяю мнение Клемансо. Но конституция не дает мне никаких возможностей личных действий, и по сей день и главная квартира и военный министр снабжают меня информацией не в большей мере, чем прессу и публику. Сколько я ни жалуюсь, мне отвечают только молчанием и силой инерции.

Эрнест Лависс сообщает мне, что Извольский, такой же хлопотливый во время войны, как в мирное время, созвал в своем посольстве поляков, проживающих в Париже, чтобы пожурить их на свой манер. В числе присутствующих находилась мадам Кюри. Эти поляки обратились к Извольскому с вопросом, выражает ли манифест великого князя Николая Николаевича, в котором их родине обещано самоуправление, не только мысль русского главнокомандующего, но, как их уверяли, также волю императора. Они были поражены и несколько обеспокоены, получив от посла уклончивый и двусмысленный ответ. Они желали бы, чтобы Франция в публичных декларациях взяла на себя ручательство за обещание великого князя. Несомненно придет время для подобного рода гарантии, но теперь

слишком рано учитывать векселя на будущее и брать на себя обязательства, судьба которых, увы, будет зависеть от размеров победы.

Сегодня, правда, обилие оптимистических телеграмм. Вечером мы получили известие, что войска II армии занимают по ту сторону Сейля весь район прудов вплоть до местности на запад от Фенестранжа. Из Ниша Бопп сообщает, что вчера произошло сражение между сербами и австрийцами при Лознице и Шабаце. Уничтожены три неприятельских полка. Захвачены четырнадцать орудий. Австрийцы обратились в беспорядочное бегство, сербы преследуют их. Из Москвы Палеолог телеграфирует [1], что торжество в Кремле состоялось сегодня утром с беспримерным блеском. „Фанатический энтузиазм толпы, — замечает наш посол, — свидетельствует о том, в какой мере эта война популярна в России". Да послужат этот фанатизм и эта популярность так долго, как этого потребуют интересы союза! Однако за этими утешительными проблесками света сколько мрачных туч сгущается над нами!

Германская армия быстро продвигается вперед в Бельгии; она заняла Тирлемон. Бельгийская армия, понесшая значительные потери, вынуждена отступить. Угроза явно растет на севере.

Известия из Турции несколько лучше. Удовлетворенный заверениями держав Тройственного согласия, великий визирь решил соблюдать нейтралитет; такое впечатление он произвел сегодня [2]. Он обещал, что „Гебен" и „Бреслау" не выйдут ни в Черное, ни в Эгейское моря. Но надо еще знать, является ли он хозяином у себя дома.

Венизелос горит нетерпением вступить в бой на нашей стороне. Но, так как его выступление рискует немедленно бросить Турцию в объятия другого лагеря, сэр Эдуард Грей и Думерг просят его пока оставаться спокойным [3].

Талаат бей прибыл в Софию. Отсюда он отправится в Бухарест для переговоров с Румынией и с эмиссарами греческого правительства по вечному вопросу об островах. Очевидно он желает попутно обеспечить себе благоприятную позицию Болгарии на тот случай, если Турция в конце концов примет участие в конфликте [4]. С каждым днем балканский узел все более запутывается.

Среда, 19 августа 1914 г.

Сегодня в совете обороны Мессими сообщает нам, что главная квартира наконец отобрала по одному корпусу от обеих армий Дюбайля и Кастельно и перебросила эти подкрепления по железной дороге на нашу северную границу. Уже послезавтра вечером будет в состоянии сражаться также часть английской армии. Итак, совершенно ясно, что если мы не поспеем раньше, то именно на западе от Мааса мы подвергнемся главному натиску неприятеля.

Вот уже несколько дней кабинет занят вопросом о мероприятиях по реорганизации народного хозяйства, пришедшего в большое рас-

[1] От 18 августа, № 450.

[2] Телеграммы из Турции № 323, 329, 330.

[3] Телеграмма Девилля из Афин от 18 августа, № 127. Телеграмма Думерга Девилю от 18 августа.

[4] Телеграмма Палафье из Софии от 18 августа, № 66.

стройство в результате мобилизации. С завтрашнего дня возобновляется движение пассажирских поездов по всей стране за исключением восточной сети, которая остается забронированной для транспорта войск. Вивиани подолгу совещается с министром финансов Нулансом, с директором Французского банка Палленом и директорами других кредитных учреждений с целью смягчить мораторий и улучшить условия кредита. Добиться этого крайне необходимо, чтобы избежать катастроф. Сегодня пополудни Нуланс сообщает нам в совете министров, что банки наконец обещали немедленно выдать своим вкладчикам десять процентов сверх предусмотренных мораторием пяти процентов. Кроме того они будут продолжать выдавать им по свидетельствам суммы, которые получатель обязуется обратить на покупку предметов первой необходимости. Со своей стороны государство выдаст ссуды муниципальным кассам для безработных. Префекту Сенского департамента Деланнэ отдано распоряжение как можно скорее снова открыть некоторые судостроительные верфи для организации на них общественных работ. Война начинает пожирать созданные богатства страны. Не будь принудительного курса, не будь ссуд эмиссионного банка, не будь тех средств и паллиативов, к которым вынуждено прибегать правительство, скрытый кризис уже явил бы себя всем и каждому. А между тем его надо заглушить, загнать в подполье, пока неприятель не очистит страны и Франция не будет спасена.

За границей германская пропаганда продолжается в том же темпе [1]. Агентство Вольфа публикует донесение фон Штейна из главной квартиры, излагающее „действительную историю Льежа“. Она сводится к двум словам: первая атака немцев произведена была кадровыми войсками и имела целью предупредить предстоящую французскую оккупацию. Галлюцинация ли это или злой умысел, не знаю. Так или иначе, циничное повторение басни не сделает из нее истины.

В Лондоне маркиз Империали, забегая вперед, пытался добиться от сэра Эдуарда Грея некоторых обещаний. „Когда Италия решится сотрудничать с Тройственным согласием, — ответил ему британский министр иностранных дел, — мы готовы будем рассмотреть ее требования“. По Сан Джулиано телеграфировал Империали: „Мы можем подать надежду на сотрудничество, только получив заверения в определенных выгодах“. В этом кругу мы продолжаем вертеться. Мы выйдем из него только тогда, когда Италия будет в состоянии в точности сопоставить предложения центральных держав и те выгоды, которых она может ожидать от войны [2].

На русском фронте произошел жаркий бой близ Эйдкунена. 1-я немецкая пехотная дивизия понесла большие потери и отступила. На сто километров вокруг Варшавы уже нет больше ни одного немецкого кавалериста. Северные русские армии проводят по всей линии свое наступательное движение [3].

На сербском фронте многочисленные бои, одни успешные, другие

---

[1] Телеграмма Шевалле из Христиании № 135. Телеграмма Тьебо из Стокгольма от 18 августа, отправлена в 21 ч. 33 м., получена 19-го в 7 ч. 45 м.

[2] Телеграмма Поля Камбона от 19 августа, № 382.

[3] Телеграммы из Санкт-Петербурга № 459.

менее удачные — в Париже нельзя составить себе вполне ясное суждение об этих операциях в целом [1].

Вокруг Сарребурга начинается большое сражение, о котором нам еще ничего не известно.

Четверг, 20 августа 1914 г.

Год назад в этот же день я приехал с семьей на мой холм в Сампиньи. Помню, как я прогуливался по саду с Браво, верным стражем Кло, и как я получил тогда телеграмму на желтой бумажке с поздравлениями от короля Георга V ко дню моего рождения. Сегодня утром я получил из Лондона нижеследующие строки, представляющие более общий интерес: „Ко дню вашего рождения посылаю вам свои сердечнейшие поздравления и пожелания. Я твердо убежден в успехе оружия наших обоих народов в великой борьбе, которую мы ведем против общего врага, и в том, что в согласии с нашими другими союзниками мы будем продолжать войну до удовлетворительного исхода". По соглашению с советом министров я отвечаю: „Благодарю ваше величество за сердечные пожелания и прошу еще раз принять уверение в моих дружеских чувствах. Я так же, как и ваше величество, верю в исход навязанной нам войны, которую мы с помощью Англии и других наших союзников будем продолжать, пока успех не обеспечит окончательную победу права и цивилизации".

Эта годовщина принесла мне на первых порах несколько радостных минут, но, увы, сколь мимолетных! К полудню я узнал, что вчера вечером, 19 августа, после жаркого дела, завершившегося штыковым боем, французские войска снова вступили в Мюльгаузен. Неприятель оказал чрезвычайно упорное сопротивление у ворот славного города Эльзаса и в садах и виллах Дорнаха, но мы преодолели все препятствия, и наши солдаты провели ночь в снова завоеванном городе, который с энтузиазмом приветствовал их неожиданное возвращение.

Кроме того Мессими сообщил в совете министров, что немцы эвакуировали Лонгион и Брие и отступают в Лотарингии перед генералами Дюбайлем и Кастельно. В тот момент, когда военный министр сообщал нам это радостное известие, оно, увы, уже было неверно. 23-я дивизия вынуждена была отступить к Донону; 14-й корпус потерял Ширмек. Немцы открыли общее наступление против II армии, отбросили ее два корпуса на правом фланге на юг от Биспинга и Диеза, а затем заставили всю ее отступить. I армия сделала вчера и сегодня блестящие успехи в Сарребурге и Вальшейде и сама по себе имеет возможность двигаться далее, но ее левое крыло осталось отныне без прикрытия, и армия получила от главнокомандующего приказ включиться в отступление.

События в Бельгии не менее тревожны. Клобуковский отправился вчера в Малин [2]. Он застал там полковника Адлебера и нашего военного атташе в большом волнении. Бельгийская главная квартира отдала всем своим войскам приказ отступить к Антверпену; таким

[1] Телеграмма из Ниша № 79 и 81.

[2] Телеграммы из Антверпена, от 19 августа, № 230, получена в 22 ч. 55 м., № 231, 232.

образом открывается свободный путь на Брюссель и разрушается контакт, установленный между бельгийской армией и нашей. В Антверпене де Броквилль на вопрос нашего посланника заявил, что ситуация действительно стала критической. Третьего дня между Тирлемоном и Вестерлоо бельгийской армии в составе пятидесяти тысяч человек пришлось выдержать грандиозный натиск четырех германских корпусов. У бельгийского генерального штаба создалось вполне определенное впечатление, что его войскам угрожает обходное движение неприятеля, имеющее целью разъединить их и осадить Антверпен. Генеральный штаб решил отозвать их в укрепленный лагерь под Антверпеном. Озабоченный тем, что левое крыло франко-британских войск внезапно останется без прикрытия, полковник Адлебер счел нужным обратиться к начальнику бельгийского генерального штаба с запиской, в которой указывал на опасности разрыва контакта[1]. Клобуковский находит тон этой записки несколько резким. Думерг и Вивиани сообщили о ней Мессими, который доложил о ней генералу Жоффру; все четыре находят волнение полковника Адлебера необоснованным. Бельгийская армия, говорят они, не может без конца держаться в открытом поле против численного превосходства неприятеля; поэтому нет ничего плохого в том, что она отходит на Антверпен. Оперирующий в Бельгии генерал Сорде может не опасаться быть застигнутым врасплох; ведь под его начальством только кавалерия и одна моторизованная бригада пехоты. С военной точки зрения не представляет большого значения, что немцы вступят в Брюссель. Вызванное сопротивлением Льежа замедление в продвижении немцев позволило нам полностью закончить концентрацию наших войск, доставить в Северный департамент наши алжирские войска и даже часть марокканских войск. В то же время эта задержка дала возможность англичанам провести концентрацию своих войск. Мессими утверждает, что в настоящее время в окрестностях Като находятся сто тысяч английских войск, что их кавалерия в состоянии выступить сегодня, а их пехота будет в состоянии выступить через двое суток. Одним словом, правительство подчиняется неизбежному и сожалеет, что полковник Адлебер как бы упрекнул Бельгию в неисполнении принятого обязательства военного сотрудничества. Клобуковский был принят королем Альбертом, который говорил с ним с большим достоинством[2]. Король был в обычной форме, на нем был только один орден, наша военная медаль.

„Это не потому, — сказал он, — что я считаю себя заслуживающим ее, а потому, что я питаю самое высокое уважение к тем, которые удостоили меня этого знака отличия. Я весьма благодарен французскому правительству за то, что оно в нынешних обстоятельствах не сомневается в искренности и твердости моего поведения. Я желал бы, чтобы между нами не было недоразумения на этот счет. Поэтому я буду с вами говорить совершенно открыто, как с другом, и прошу вас запомнить и передать то, что я вам скажу. Произведенное теперь движение и стягивание нашей армии к Антверпену являются

[1] Из Антверпена, № 233 и 234.
[2] Из Антверпена от 20 августа, № 242, 244, 245, 246, 247.

результатом давления на нас неприятельских сил, далеко превосходящих нас численностью и угрожающих обойти нас. Приказ об отступлении отдан был лишь после получения формального заключения от генералов, командующих тремя участвующими в деле дивизиями, в том числе от генерала Бертрана, который совершил столь замечательное наступательное движение под Льежем. Если бы мы продолжали держаться, мы рисковали бы быть отрезанными от Антверпена, и что бы произошло в таком случае? Наша армия была бы разорвана на части, Антверпен был бы осажден, и мы лишены были бы возможности действительным образом участвовать в защите нашей территории. Теперь благодаря принятым решениям эта опасность устранена; наша армия избежала расчленения, которое по плану неприятеля должно было последовать в результате направленного против нее движения. В подходящий момент мы сможем снова перейти в наступление, и я твердо решился на это. Защита Антверпена находится в руках военного губернатора, генерала Дюфура, человека очень энергичного и решительного. Присутствие начальника генерального штаба уже не является теперь столь полезным, как прежде. Поэтому сегодня утром я решил отправить его к маршалу Френчу и генералу Жоффру, чтобы установить в целом и в деталях план совместных и согласованных действий, как было уговорено между нами; мы будем верно соблюдать их в будущем, как соблюдали их в прошлом. В Льеже мы остановили натиск немцев. Наши форты задержали три армейских корпуса. А когда неприятель двинулся на левый берег Мааса, мы оспаривали у него территорию пядь за пядью, в Гасселте, Диесте, Тирлемоне. Это продолжается уже пятнадцать дней, а между тем наша армия состоит из не равноценных элементов, кадры которой не заполнены: на одного солдата, который держится стойко, потому что за ним пятнадцать лет службы, приходятся семь, которые сдают, потому что они являются импровизированными бойцами. В Льеже мы потеряли двадцать пять тысяч человек. Особенно значительны наши потери в сражении 18 августа. А между тем наши эффективы не сменяются. Одни и те же люди маршируют и бодрствуют с самого начала военных действий. Приказ об отступлении был отдан лишь после ожесточенных рукопашных боев.

Итак, мы не раздавлены. Первая фаза нашего дела заканчивается, начинается вторая, заключающаяся в отходе к нашему укрепленному пункту; этот отход тем более необходим, что для защиты Антверпена не все еще сделано. Это опорный пункт первого ранга. Дело для нас не в том, чтобы запереться в укрепленном лагере, а в том, повторяю, чтобы получить передышку, для того чтобы вернуться к наступлению. Говорят, что приказ об отступлении разорвал связь с левым крылом французской армии; но наша связь существовала еще только в виде контакта с передовыми постами. Однако допустим, что мы пытались бы сохранить и усилить этот контакт; наша армия, растянувшаяся на расстоянии более восьмидесяти километров, не простиралась достаточно в глубину, не обладала достаточной плотностью, чтобы противопоставить непроходимый барьер натиску немцев. Итак, это означало бы разжижение нашей армии. Кто следит за ходом военных операций, тот должен отдавать себе отчет в этом.

Поэтому записка полковника Адлебера, который впрочем является одним из самых достойнейших офицеров, поразила, скажу даже, огорчила меня. В самом деле, она высказывает сомнение, которое не оправдывается ничем в прошлом, ничем в настоящем. Пусть нашу тактику подвергают критике, я не буду удивлен этим, не стану также на формальную точку зрения. По отсюда очень далеко до порицания. Бельгия доказала, что она умеет выполнять свои обязательства. Пусть Франция не сомневается в этом".

Французское правительство полагает, что после этого инцидента лучше не оставлять полковника Адлебера в Бельгии. Ему будет дано командование в армии. Бельгийский посланник в Париже барон Гийомм, волнение которого вызывает сострадание, посетил меня в свою очередь, чтобы беседовать со мной об этом неожиданном отступлении на Антверпен. Особенно волнует его предстоящее вступление немцев в Брюссель. Он желает знать мои мысли по этому поводу. Я отвечаю ему, что мы считаем вступление их, к несчастью, вероятным и очень огорчены за жителей города, которые несомненно подвергнутся всяческим притеснениям; однако, продолжаю я, как ни печально будет занятие немцами Брюсселя, в военном отношении оно не является катастрофой. Бельгийская армия восхитительно выполнила свою роль, задерживая немцев в течение пятнадцати дней. Естественно, что она перестраивается теперь в укрепленном лагере Антверпена, в то время как англичане и мы готовимся к большому сражению, предстоящему на границах.

Фердинанд Дрейфус, сенатор от департамента Сены и Уазы, под руководством которого я тридцать четыре года назад впервые выступил молодым адвокатом, призел ко мне одного эльзасца, приехавшего в Париж одновременно с аббатом Веттерле. Это г. Блюменталь, продолжавший занимать место городского головы в Кольмаре до 31 июля, когда немцы сместили его по подозрению в чрезмерных симпатиях к Франции. Ему удалось бежать через Швейцарию. Невысокого роста, еврей, с проседью, с острым взглядом, умным лицом и энергичными скулами; на прекрасном французском языке с тем эльзасским акцентом, который теперь глубоко волнует меня, он говорит мне, что первое дело под Мюльгаузеном, как ни оплошало при этом руководство, сделало большую честь французскому оружию и произвело большое впечатление в Эльзасе. Он советует нам организовать возможно скорее, даже еще во время войны, гражданское управление в аннексированных провинциях по образцу германского. Иммигранты оставят страну; тех эльзасцев, которые за последние годы примкнули к немцам, надо будет осторожно устранить; но огромное большинство населения, уверяет он, с радостью отнесется к безусловному возвращению Франции.

Жюль Камбон, возвратившийся наконец в Париж, рисует мне в волнующих выражениях свою долгую и печальную одиссею. Кроме того он сообщает мне сведения, собранные им во время своего пребывания в Копенгагене, Христиании и Лондоне. Он видел датского короля, который сказал ему: „Не говорите никому кроме президента республики, что я принял вас. За всеми нами устроена здесь невероятная слежка. Все мы душой за Францию и Англию, но мы не

можем сказать этого. Нам приходится очень бояться гнева Германии". Во время пребывания Жюля Камбона в Копенгагене его неоднократно посещала принцесса Мария, супруга принца Георга греческого и дочь принца Роланда Бонапарта. Камбон заметил ей: „Зачем вам утруждать себя? Разрешите мне посетить вас". — „Нет, — возразила она, — вы не можете притти незамеченным, а надо избежать подозрений, что вы встречаетесь с моим мужем. За всей датской королевской семьей шпионят". Жюль Камбон присовокупляет, что, несмотря на этот всеобщий террор, общественное мнение Дании очень благожелательно к нам. В Христиании король Гаакон тоже сказал нашему послу: „Мы душою с вами, но мы вынуждены оставаться нейтральными, так как мы только что подписали соглашение с Швецией, чтобы иметь уверенность в том, что она сама не выйдет из нейтралитета. Как моряк я озабочен теми затруднениями, на которые несомненно натолкнется британский флот. Он рискует потерять свою силу в ожидании встречи с германским флотом. У него совершенно нет морской базы. Если ему придется искать ее на наших берегах, мы будем вынуждены противиться этому, так как позволить ему это будет значить выйти из своего нейтралитета... В конце концов я надеюсь, что вы, несмотря ни на что, одержите верх, ибо, если вы будете разбиты, мы не преминем очутиться под сапогом Германии". Наконец в Лондоне Асквит и сэр Эдуард Грей в разговоре с Жюлем Камбоном признали, что отсутствие морской базы — в настоящий момент оно сильно затрудняет и нас самих в наших операциях на Адриатическом море — чрезвычайно стеснительно для Англии. Они дали понять, что после побед на суше можно будет добиваться согласия Дании, обещая ей возврат Шлезвига и датской части Гольштейна. Англия кроме того заинтересована в том, чтобы Кильский канал объявлен был на будущее время интернациональным и нейтрализованным. Король Георг V энергично заявил, что его страна будет продолжать войну до падения Гогенцоллернов.

Я благодарю Жюля Камбона за эти сведения и прошу его не оставлять своими советами правительство и меня в переживаемое нами тяжелое время. Как раз открылась возможность предложить ему миссию, представляющую непосредственный интерес. Телеграмма из Рима извещает нас о смерти папы Пия X — здоровье его пошатнулось год назад, он умер от катарра легких. У нас нет посла при Ватикане, но правительство дало Камиллу Барреру, нашему послу при Квиринале, указание сообразоваться при выражении своего соболезнования с тем, как поступит английское правительство. Кроме того Вивиани и Думерг полагают вместе со мною, что им надо будет до созыва конклава сговориться с французскими кардиналами. Они считают, что надо поручить Жюлю Камбону вести официозные переговоры по этому поводу с парижским архиепископом, кардиналом Аметтом, либеральным прелатом и прекрасным патриотом. Баррер думает, что кардинал Феррата, бывший нунций в Париже, имеет серьезные шансы быть избранным; по мнению Баррера, желательно, чтобы он получил голоса французских кардиналов. Я некогда бывал частым гостем у кардинала Феррата; это было тогда, когда я был министром народного просвещения и одновременно также

министром культов и у меня в приемной встречались друг с другом профессора, епископы и артисты. Кардинал знает и ценит Францию. Однако его не должны считать нашим кандидатом. Это обрекло бы его на верное фиаско[1].

Пятница, 21 августа 1914 г.

Опять только из газет узнал горестную новость и лишь с великим трудом добиваюсь некоторых деталей у главной квартиры. Перед Морганжем войска нашей II армии натолкнулись на очень сильно укрепленные неприятельские позиции с проволочными заграждениями. 20-й корпус, которым командует генерал Фош, был встречен залпами картечи и вынужден был отступить. 25-й и 26-й корпуса, вступившие в бой с превосходящими их численностью силами неприятеля, должны были присоединиться к этому отступлению. Генерал де Кастельно отдал своей армии приказ отойти к Гран-Куронне де Нанси, который только несколько месяцев назад едва приведен был в состояние обороны. В свою очередь I армия не могла прорваться из Сарребурга, и генерал Дюбайль должен был отвести ее назад к Мерте. Перед лицом этих печальных фактов генерал Жоффр, сохраняя полное душевное спокойствие, решил ускорить наступление наших IV и V армий против центра неприятельских сил. Он отдал приказ начать атаку сегодня вечером, в двадцать часов с половиной.

Тардье, достойнейший депутат от департамента Сены и Уазы, состоящий в качестве офицера запаса при генеральном штабе, повидимому был уполномочен сообщить о нашей неудаче в Лотарингии в бюро печати при министерстве; он действительно сообщил об этом; но так как это известие пришло в Париж сегодня вечером, после того как мне принесли сегодняшнюю сводку, то не сочли удобным посылать мне это досадное добавление. Такое уважение ко сну президента представляется мне излишней крайностью. Я еще раз настаиваю на том, чтобы информация из главной квартиры передавалась мне с большей скоростью и регулярностью. Как в разговоре со мной выразился в эти дни Морис Баррес, это война в потемках[2]. Ни публику, ни правительство не балуют теперь известиями.

Клемансо привел в мой кабинет вместе с Блюменталем, с которым я уже беседовал вчера, двух других эльзасцев, верных Франции: аббата Веттерле, депутата от Рибовилье, и Ложеля, депутата от Мольсгейма. Аббат был в штатском платье; это низенький человек с горящими глазами и печатью энтузиазма на лице. Все трое находят, что было бы желательно обратиться к их советам, прежде чем вводить в Эльзасе административный режим, предназначенный для военного времени или для первых переходных годов после заключения мира. Они слыхали, что назначена комиссия для рассмотрения эльзасских вопросов, и просят включить их в эту комиссию. Я с удивлением узнал о существовании этой комиссии, о которой мне никто не говорил. Кажется, она начала функционировать в помещении государственного совета. Члены высокого учреждения заседают ежедневно в мундирах и уже теперь распределяют между собой админи-

[1] Из Рима от 20 августа, № 369.

[2] Он повторил эти слова в „Эко де Пари".

стративные посты в Эльзасе. Это было бы прекрасным водевилем, если бы мы не находились теперь в столь трагических обстоятельствах. Никто не знает толком, кем и как назначена эта комиссия. Я не знаю, является ли она феноменом из области самопроизвольного зарождения или творением главной квартиры.

В течение дня префект Северного департамента телеграфирует в военное министерство и в министерство внутренних дел, что население Лилля находится в большой тревоге. Сообщают об этом в Елисейский дворец. Идут слухи, что немцы массами двигаются на Монс и Шарлеруа. На Лилль идет якобы одна кавалерийская дивизия. Возможно, говорят мне оба министра, что эти сведения ложны или преждевременны. Но Мессими добавляет, что Лилль является теперь неукрепленным городом и что находящийся там генерал д'Амаде имеет в своем распоряжении только резервные и территориальные войска, недостаточно дисциплинированные. Министр опасается поэтому, что в случае неприятельской атаки она имеет большие шансы на успех. На сей раз ему еще раз приходится пожалеть о медлительности англичан. По нашим военным соглашениям они должны были прикрывать наш левый фланг, а они еще не двинулись с места.

Я получил письмо от кардинала Аметта. Он просит меня присутствовать в ближайшую среду в соборе богоматери на заупокойной мессе по скончавшемся папе. Любезно прибавляет, что если я желаю видеть его перед отъездом его в Рим, то он к моим услугам. Я говорю Вивиани и Думергу, что, несмотря на законы об отделении церкви от государства, считаю целесообразным быть представленным на панихиде из уважения к дипломатическим обычаям, равно как в духе священного союза. Они не возражают. Они, как и я, тоже того мнения, что я должен принять кардинала, если он желает меня видеть; но они полагают, что правильнее будет, если мысли правительства сообщит ему Жюль Камбон, и просят меня вызвать посла и передать ему это наше общее мнение. Я вызываю Жюля Камбона. Завтра утром он отправится во дворец архиепископа и скажет ему, что правительство рассчитывает на патриотическое согласие среди всех французских кардиналов. Он (Камбон) знает, что они будут голосовать за самого достойного кандидата и вместе с тем за самого благожелательного к Франции, но они должны будут действовать с большим тактом и большой осторожностью по отношению к другим странам и чтобы не казалось, что они повинуются своего рода национальному лозунгу. Во избежание этой опасности быть может лучше будет, если парижский архиепископ явится в Елисейский дворец только по своем возвращении из Рима. Я предоставляю это всецело на его усмотрение.

Положение в Бельгии ухудшается. Армия фон Клюка заняла Брюссель и наложила на город военную контрибуцию в двести миллионов [1]. Крупный отряд кавалерии с артиллерией идет на Куртре. Между Антверпеном и Гентом прервано сообщение.

Удовлетворительный характер носят только депеши из Сербии [2].

---

[1] Из Антверпена, № 252.
[2] Из Ниша, № 88.

На линии Лозница — Лезница австрийцы бегут в полном беспорядке. Фурнье сообщает Боппу из Крагуеватца: „Австро-венгерские войска, перешедшие Дрину, потерпели полное поражение и отступают в беспорядке, преследуемые сербами; сербская артиллерия бомбардирует мосты на Дрине. Победа сербов самая основательная. В руках победителя остались многочисленные трофеи".

В Константинополе продолжается торг под именем переговоров[1]. Джавид бей сказал Бомпару, что противники французской ориентации в турецком правительстве являются с великолепными обещаниями со стороны Германии и упрекают его, Джавида, равно как Джемал пашу и великого визиря, в том, что они находятся в оппозиции им, но никогда ничего не предлагают от имени держав Тройственного согласия. Джавид бей желал бы получить полномочие ответить им в свою очередь каким-нибудь положительным обещанием, например относительно отмены капитуляций. „Вы сами могли заметить во время своего пребывания в Париже, — сказал ему Бомпар, — что мы были готовы пойти очень далеко в этом направлении". В заключение Джавид высказался в том смысле, что лучшим средством положить конец увиливаниям турецкого кабинета был бы показательный успех французских армий в Бельгии. Бомпар согласился с ним на этот счет. Турция, как и многие другие, очень непрочь полететь на помощь победителю.

Сазонов, к которому тоже обратились с подобными требованиями, заявил Палеологу[2], что он согласен гарантировать неприкосновенность Турецкой империи на пятнадцать, двадцать и даже пятьдесят лет (почему на такой короткий срок?), далее, что он охотно обсудит судебный режим, который позволил бы после некоторого переходного периода отменить режим капитуляций, и кроме того рассмотрит в благожелательном духе предложения турецкого правительства на предмет восстановления его экономической независимости. Пожелаем, чтобы эти русские заверения удержали Турцию в ее нейтралитете, но бои в Сербии приносят нам новые разочарования и поднимут в Константинополе, как и повсюду, шансы центральных держав. В Нише и Крагуеватце слишком поторопились торжествовать победу. Неприятель двинул против сербских дивизий более значительные силы, чем думали вначале. Операции возобновляются в гораздо менее благоприятных условиях[3].

Суббота, 22 августа 1914 г.

Вчера я писал военному министру и требовал точной информации об отступлении в Лотарингии; я высказал опасение, как бы немцы не стали использовывать в нейтральных странах это отступление, прежде чем мы сами будем осведомлены. Так и случилось. Мы получили от Баррера, Бомпара, де Аллизе, сменившего в Гааге Марселена Пелае, телеграммы[4], что согласно сообщениям германского генерального штаба восемь французских корпусов „бегут" между Метцом и Вогезами и оставили в руках немцев десять тысяч военнопленных и пятьдесят орудий. Я понимаю, главная квартира не осведомляет

[1] Из Терапии, № 316, 347, 348.
[2] Из Санкт-Петербурга, № 469 и 470.
[3] Из Ниша, № 86 и 90.
[4] Из Рима, № 373, из Терапии, № 355, из Гааги, № 66.

подробнее гражданскую власть, потому что отчасти опасается паники в тылу; но тем не менее совершенно недопустимо, чтобы мы оставались в неизвестности о действительном результате сражений, в которых решается судьба Франции. Я прошу Мессими передать высшему командованию, что я требую регулярных и полных сведений. Он обещает мне, что будет требовать их для меня и для себя. Сегодняшний утренний бюллетень тоже почти совершенно безмолвствует о боях в Лотарингии. Но капитан Рошар, который состоит для связи с главной квартирой, сообщает мне, что генерал Жоффр посылает нам дополнительные детали. Около полудня военный министр препроводил мне с одним артиллерийским офицером, прибывшим с восточной границы, следующее резюме телефонного сообщения генерала Жоффра: „Наши войска сделали 20 августа попытку выступить из Сейля. Они натолкнулись на укрепленные позиции и подверглись сильной контратаке неприятеля. Тем из них, которые вышли между Митерсгеймом и Марсалой, не удалось ни разу вполне укрепиться на высотах правого берега. Напротив, корпусу, который выступил через Шато-Сален, — офицер поясняет, что это 20-й корпус, — удалось продвинуться в направлении Морганжа; возможно, что это было сделано несколько поспешно, прежде чем подошли войска, которые должны были служить прикрытием для его левого фланга. Именно этот корпус, атакованный с фронта и с фланга, пострадал больше всего. Он понес потери серьезные и оставил двадцать одно орудие в руках неприятеля. В настоящий момент войска II армии отведены к Нанси на отдых и пополнение. В свою очередь неприятель очевидно тоже понес большие потери. В результате этих тяжелых и кровавых боев последовало отступление тех наших частей, которые действовали под Сарребургом и в долине Брюш. Чтобы не служить мишенью для врага, они отошли на главную линию Везуз — Саальский проход. Положение попрежнему благоприятно в Эльзасе, где мы находимся у ворот Кольмара. На севере мы продвигаемся вперед. Неприятель стремится окружить и атаковать Намюр и показался также на Самбре".

Итак, по всей видимости мы понесли в Лотарингии тяжелое поражение. Мы потеряли здесь всю ту территорию, которую с таким трудом завоевали наши восточные армии. Однако офицер, который видел войска под Нанси, говорит мне, что германская версия ложна: не было ни развала, ни бегства. 15-й корпус отступил перед численным превосходством неприятеля, но остался в руках своих начальников, и число взятых в плен должно быть не очень велико. Потери неприятеля велики. Наши потери убитыми, ранеными и пропавшими без вести должно быть составляют около пяти тысяч человек. 15-й, 16-й и 20-й корпуса пополняются. Офицер полагает, что теперь они опять в состоянии сопротивляться. Тяжелая артиллерия немцев производила опустошающее действие: немцы стреляли с поразительной меткостью. На сей раз наконец не отделываются словами, а храбро глядят в лицо действительности.

В четыре часа пополудни телеграфное бюро Елисейского дворца уведомляет меня, что из Люневилля телефонируют: „Снаряды падают в город и не дают нам возможности держаться. Телеграфные чинов-

ники эвакуируют помещение и разрушают аппараты". Через полчаса приходит еще более зловещая и странная телефонограмма, на сей раз из Нанси: „По приказанию свыше персонал оставляет Нанси и уезжает в Париж". Кем дано это приказание свыше? Что означает этот отъезд? Неужели это развал армии де Кастельно? И, как бы то ни было, почему чиновники оставляют свой пост без приказания или хотя бы разрешения правительства? Я посылаю генерала Дюпаржа в военное министерство. Там ничего не знают; знают только, что Нанси перестал отвечать на телефонные звонки. Из военного министерства и из Елисейского дворца мы без конца вызываем Нанси. Напрасно. Нам отвечает молчание. Это молчание смерти. Проходят полчаса, которые показались нам целой вечностью. Наконец Нанси подает признак жизни. Инспектор, оставшийся там с сокращенным персоналом, объясняет мне лично, что ему приказано эвакуировать помещение телеграфа и разрушить аппараты, что он остался здесь держать связь до последнего момента, что слышна канонада, но Нанси не оккупирован. Я спрашиваю, находится ли город в опасности. Он ничего не может сказать об этом, но французские войска все еще находятся на Гран-Куронне.

Из Витри приехал в военное министерство полковник Пенелон, который в прошлом месяце состоял при военной канцелярии президента республики, а теперь прикомандирован к главной квартире. Затем он направляется в Елисейский дворец. Я прошу его настаивать еще раз перед генералом Жоффром на установлении более быстрой и бесперебойной связи с министерством и мною. Он обещает мне, что отныне это будет сделано. Он рассказывает мне, что немцы сделали из позиции в Морганже настоящий укрепленный лагерь, с мощными бетонными сооружениями и проволочными заграждениями. В нашу атакующую армию, которой командовал генерал де Кастельно, входили, считая от правого фланга к левому, корпуса 16-й, 15-й, 20-й и 9-й. 2-я группа дивизий резерва оставалась в тылу на склонах Гран-Куронне. 19 августа был дан приказ итти вперед. 15-й корпус вступил в прелестный город Диез, где его приветствовали земляки Эдмонда Абу и математика Гермитта; 6-й и 23-й батальоны стрелков взяли Вергавилль; 29-я дивизия энергично продвинулась до Бидесдорфа, но затем началась канонада неслыханной силы, которая заставила 15-й корпус отойти к Диезу. 16-й корпус был уже накануне отброшен назад и с трудом перестраивался. С этой стороны наше наступление было разбито, и нам не удалось выйти из района прудов. Напротив, главные силы 20-го корпуса весьма систематически продвинулись к Морганжу. На другой день, 20 августа, I армия под командой генерала Дюбайля пыталась подойти к Госсельмингену и Фенестранжу, но это ей не удалось. II армия была не более счастливой. 16-й корпус, атакованный в котловине Диеза неприятельскими силами, имевшими на своей стороне численное превосходство, тоже вынужден был податься назад. Сам 15-й корпус подвергся сильной атаке с высот лесистых холмов и должен был отступить еще дальше. Однако на левом фланге 20-й корпус в великолепном натиске ударил на Морганж и на высоты Мартиль-Барновейлер. Но он был остановлен ураганным артиллерийским огнем

и вынужден был отойти к Шато-Сален. Храбрый 26-й полк, который несколько месяцев назад в Нанси опять оживил во мне воспоминания о моей службе вольноопределяющимся, захватил у неприятеля семнадцать повозок со снаряжением, лошадей, обоз; он взял много пленных; однако, несмотря на это, это все же было отступление и поражение. Ожидая чрезвычайного давления неприятеля, генерал де Кастельно счел благоразумным отдать приказ об общем отходе назад. Он самолично отправился в Арракур, наблюдал за отходом и поддерживал порядок при проходе войск, сильно пострадавших в этих боях. Он распорядился, что 16-й корпус отходит к Люневиллю, 15-й к Домбалю, 20-й к Сен-Никола и Ланеввилль, а группа дивизий резерва остается на укрепленных позициях Гран-Куронне. Итак, нам суждено было выпустить из рук тот клочок аннексированной Лотарингии, который одно время находился в нашей власти; неприятель проник на нашу территорию, неся с собой опустошение, и поджог Номени. В то же время отступающая I армия спустилась с высот Донона и потеряла этот замечательный наблюдательный пункт, завоеванием которого она столь гордилась.

Этот краткий и печальный отчет полковника Пенелона не оставил у меня никаких иллюзий относительно событий на наших восточных окраинах. Но быть может у нас больше надежд по крайней мере на северной границе? Генерал Жоффр поручил полковнику сказать мне, что теперь существует полное согласие между французским, английским и бельгийским генеральными штабами и что надо ожидать безупречного сотрудничества в предстоящих боях в Бельгии. Главнокомандующий полон веры в исход столкновения. Полковник Пенелон кажется мне менее спокойным. Он опасается, что генерал Ланрезак, армия которого двинута между Самброй и Маасом, не будет в состоянии воспрепятствовать немцам перейти через эту последнюю реку между Намюром и Динаном. Против Ланрезака будут массивные и почти свежие силы неприятеля.

Специальный комиссар в Живе уже сигнализирует нам появление в этом районе неприятельских улан и гусар. Два армейских корпуса осаждают Намюр; немцы перешли через Самбру; они атаковали участок фронта, занимаемый нашим 10-м корпусом и нашей 5-й дивизией.

Узнаю из телеграммы, что сын Клемансо ранен револьверной пулей в ногу в сражении в Бельгии. Он убил ранившего его немецкого стрелкового офицера. Я послал отцу выражение симпатии и поздравление.

Никак нельзя добиться, кто дал телеграфистам в Нанси приказ об эвакуации. Ни префект, ни военное начальство ничего не понимают в этой авантюре. Был ли здесь шпионаж или это дело паники или мистификации? Это остается загадкой. Приехавшие в Париж телеграфисты возвращаются в Нанси и снова приступят к своим обязанностям, прерванным столь странным образом.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Немцы в Люневилле. — Битвы в Арденнах и Шарлеруа. — Общее отступление. — Вторичная потеря Мюльгаузена. — Образование нового кабинета. — Политика священного союза. — Директивы генерала Жоффра. — Прощание Клемансо. — Генерал Галлиени назначен военным губернатором Парижа. — Немцы в Сен-Кантэне.

Воскресенье, 23 августа 1914 г.

Мы более или менее успокоились относительно Нанси. Изящному лотарингскому городу, в котором Вильгельм II мечтал гарцовать вокруг статуи Станислава, не грозит уже неприятельская оккупация. Генерал Дюран твердо держит высоты Гран-Куронне. Зато Люневилль, находящийся в менее благоприятном положении, чем его великий сосед, попал в руки неприятеля, и в его разоренных предместьях идут бои под грохот разрывающихся снарядов. Я вспоминаю то далекое время, когда я, молодой депутат и подпоручик запаса во 2-м стрелковом батальоне, посещал в мирном замке польского короля кружок офицеров местного гарнизона или отдыхал в тенистом парке от последних парламентских заседаний. А теперь пули падают градом на прекрасные аллеи, усаженные столетними деревьями, и на улицах, на которых я маршировал впереди своего взвода, льется кровь. Мои старые товарищи храбро выполняют свой долг в армии, а я вынужден оставаться неподвижным в Елисейском дворце, вдали от тех скорбных мест, где решается судьба Франции.

Мессими говорит мне, что вероятно три армии — эльзасская, вогезская и лотарингская — будут объединены под главным командованием генерала По, которому главная квартира предоставит широкую инициативу. Не знаю, является ли это решение окончательным; действительно, от него потом отказались. Так или иначе, вчера генерал По дошел в Эльзасе до той очаровательной местности, которая стоит у меня перед глазами, — это то место, где долина Фехт спускается к Кольмару. К несчастью, чуть ли не в тот же час I армия потеряла линию Везуз; солдаты принца Рупрехта Баварского перешли нашу восточную границу; мы стремительно переправились обратно через Мерту и взорвали за собой мосты; артиллерия противника расположилась на холмах, окружающих Люневилль... Теперь

сражение окончилось, и 21-й немецкий корпус торжествуя вступил в ошеломленный город.

Далее на север, близ Нанси, неприятель предпринимает две ожесточенные, но безуспешные атаки на Рембетан. Генерал де Кастельно — он только что потерял сына на поле брани, но, как и вчера, весь погружен в свою патриотическую задачу — отдал приказ оказывать сопротивление по всей линии фронта, и его II армия, очевидно, достаточно восстановила свои силы, чтобы с надеждой на успех снова вступить в борьбу. I армия получила директиву комбинировать свои действия со II армией, чтобы помешать немцам проникнуть, как они несомненно будут пытаться, в открывающуюся перед ними дыру за Мортань; дыра эта ведет к небольшому городку Шарм, где Морис Баррес неподалеку от места рождения Клода Лоррена любит прислушиваться к журчанию вод Мозеля.

Сегодняшняя почта принесла мне множество писем обывателей, которые страстно критикуют военные действия, порицают главнокомандующего и его помощников, с таким же ожесточением обрушиваются и на меня, дают мне советы, предлагают мне свои планы военных действий. Как только сердце Франции начинает биться несколько сильнее, моя корреспонденция страдает от нездорового вздутия. Впрочем в каждом немобилизованном французе живет стратег, который дремлет в дни победы и при малейшей неудаче просыпается и приходит в ажитацию. Я нахожу в этой бьющей через край корреспонденции столько же противоречий и нелепостей, сколько в тех разговорах, которые ведутся теперь с Эйфелевой башни. Никогда в принимаемых и посылаемых сообщениях не было такой путаницы и какофонии, как теперь. Эйфелева башня ежедневно посылает всему свету и в частности Германии нарочито составленные радио, чтобы замаскировать движения наших войск. С другой стороны, она принимает бесчисленные сообщения, которыми обмениваются за границей, а именно сообщения, предназначенные для прессы других стран; эти потоки невидимых волн разносят по всему миру кучи ложных новостей, искусно фабрикуемых, для того чтобы обмануть умы и диктовать истории ложные суждения.

Несомненно успехи на востоке Европы компенсируют, по крайней мере отчасти, то плачевное впечатление, которое произвело в нейтральных странах наше поражение в Лотарингии. Русская армия взяла Гольдап и Лик. В районе Гумбиннена немцы были обращены в повальное бегство[1]. В Сербии бои возобновились вокруг Черы и окончились уничтожением нескольких австрийских полков.

Однако сегодня правительство не без волнения обсуждает многочисленные стоящие перед ним вопросы. На бельгийской границе развертывается по приказу главнокомандующего наше большое наступление, и мы с растущим нетерпением ожидаем известий, но не получаем их. Тем не менее приходится заниматься текущими вопросами. Сегодня истекает срок ультиматума, с которым Япония обратилась к Германии. Наш посланник в Пекине был запрошен своим японским коллегой, точно так же наш консул в Гонконге —

[1] Телеграмма из Санкт-Петербурга от 23 августа, № 482.

английским адмиралом; они запрашивают относительно возможности нашего участия в операциях против Германии на Дальнем Востоке, а именно против Тсинг-Тао. Правительство решило сговориться на этот счет с Англией. Черногория, очевидно, имеет поползновение напасть на Албанию и занять Скутари; она одержима тем зудом, который внушал нам беспокойство уже в 1912 и 1913 гг. Думерг телеграфировал в Цетинье и отсоветовал авантюру, которая может повлиять в нежелательном смысле на Италию и Турцию. Запас наших ружей образца 1886 г. рискует оказаться недостаточным, если мы захотим вооружить резервы территориальных войск и запасные батальоны. Мессими боится, что, если мы раздадим ружья образца 1874 г., получившие их солдаты будут чувствовать себя менее полноценными. В Японии, кажется, имеется огромный и неиспользованный запас ружей, подобных нашему образцу 1886 г. Мы желали бы купить их с возможно большим количеством соответствующих патронов. Но мы думаем, что Япония охотнее согласится продать их своей союзнице Англии, и Думерг просит английское правительство взять на себя эти переговоры. Как мы узнали, некоторые бельгийские министры жаловались в эти последние дни, что Франция не оказала Бельгии более существенной помощи; и надо признать, что на первый взгляд подобные упреки отчасти понятны. Правительство республики опубликовало вчера в печати сообщение, в котором подчеркивает нашу твердую решимость защищать бельгийскую территорию точно так же, как и французскую. Думерг предписал Клобуковскому сделать все необходимое, чтобы придать этой официальной ноте широкую огласку у наших соседей и друзей. Кроме того мы в соглашении с Англией открываем Бельгии просимые ею кредиты и отправляем ей дополнительное снаряжение. Тем не менее остается печальным фактом, что перед лицом стремительного вторжения немцев в Бельгию продолжительность нашей концентрации так долго удерживала нас по эту сторону нашей северной границы.

Панафье извещает нас, что соглашения, заключенные Талаат беем в Софии, не привели к конкретному результату и что его предложение о заключении оборонительного союза между Турцией и Болгарией не было принято. Конечно болгарское правительство и особенно король Фердинанд питают большое недоверие к России, и все их симпатии обращены к Австро-Венгрии; но в настоящий момент они предпочитают пока оставаться в выжидательной позиции и не компрометировать себя ни с кем. Венизелос от имени самого короля Константина объявил посланникам Англии и России, что Греция охотно предоставит в распоряжение Тройственного согласия свои военные и морские ресурсы. Сэр Эдуард Грей намерен ответить, что, если Турция выйдет из нейтралитета и станет на сторону Германии и Австрии, Англия будет счастлива считать тогда Грецию своей союзницей и будет высоко ценить ее сотрудничество. Точно так же, если Болгария нападет на Сербию и Греция, соблюдая условия своего договора, вмешается в конфликт, Англия охотно окажет ей свою помощь. Французское правительство решило отправить Венизелосу тождественный ответ.

Жюль Камбон беседовал с монсеньором Аметтом, уезжающим завтра в Рим. Парижский архиепископ сделает все от него зависящее, чтобы объединить голоса всех французских кардиналов на одном кандидате, вероятно на монсеньоре Феррата. Монсеньор Аметт полагает, что малинский епископ, кардинал Мерсье, испанские кардиналы и быть может также вестминстерский архиепископ, монсеньор Борн согласятся голосовать вместе с французами. Думерг поручил нашим послам в Лондоне и Мадриде — последний находится в настоящий момент при королевском дворе в Сан-Себастиане — всячески поддерживать этот проект официозного соглашения.

День проходит, а я ничего не знаю о наступлении, на которое главная квартира возлагала такие большие надежды. Только к девяти часам вечера офицер принес мне сводку для печати и прибавил несколько незначительных деталей. Через полтора часа ко мне пришел полковник Пенелон, и на его лице, обычно веселом и улыбающемся, я с первого же взгляда прочел разочарование и тревогу. „Поражение?“ — спрашиваю я. — „Да, господин президент“, — отвечает он, не пытаясь скрыть истину, и рассказывает мне, что произошло.

За последние дни, видя, что обходное движение неприятеля малопомалу распространяется за Брюссель, наш генеральный штаб перебросил нашу V армию по направлению к Самбре, а нашу IV армию, которая оставалась пока в резерве, двинул до границы. Кроме того он взял из I и II армий, действующих на востоке, несколько корпусов для укрепления наших сил на севере. Таким образом в состав IV армии, которой командовал генерал де Лангль де Кари, вошли прекрасные войска в количестве шести с половиной корпусов. Она была расположена в районах Монмеди, Стенэ, Бизанси, Музон, Буйон и Биевр. Вправо от IV армии, от Жаметца до Этэна, расположилась III армия под командой генерала Рюффея. Кроме того 19 августа была образована лотарингская армия; во главе ее поставлен был генерал Монури, она должна была маскировать крепость Метц, тогда как 4-й и 5-й корпуса III армии должны были наступать в направлении Арлона, а 6-й корпус под командой генерала Саррайля должен был оставаться в наблюдательной позиции вокруг Френан-Воэвр. 20 августа главнокомандующий дал де Лангль де Кари и Рюффею свои окончательные директивы относительно атаки, с таким нетерпением ожидавшейся нашими войсками и так долго откладывавшейся по соображениям концентрации. IV армия должна была двинуться прямо на север и внезапно ударить по флангу неприятельских армий, идущих на запад через бельгийский Люксембург. III армии дано было задание прикрывать движение IV армии.

Поскольку мы можем знать, продолжал полковник Пенелон, против наших армий в районе Мааса и Арденн находятся три немецких армии: армия кронпринца, целью которой повидимому являются Лонгви и Верден, армия герцога Альбрехта Вюртембергского, двигающаяся в Бельгии в направлении Арлона, и армия саксонского военного министра фон Гаузена, идущая на Живе; в общем около четырнадцати корпусов, кроме того эти корпуса или по крайней мере некоторые из них повидимому усилены резервными корпусами.

Впрочем главная квартира до сих пор довольно плохо осведомлена о числе и составе этих армий.

В день 21 августа наша IV армия пыталась выйти влево за Семуа и нащупать неприятеля. Наша пехота двинулась вперед с замечательным подъемом, но без каких-либо мер предосторожности, без действительной артиллерийской подготовки, без достаточной связи между частями. Она натолкнулась на немецких велосипедистов, вооруженных пулеметами, и немедленно стала жертвой их огня. Однако 12-й корпус под командой генерала Рока дошел до Флоренвилля. Колониальный корпус, прийдя после продолжительного ночного марша в бельгийскую деревню Жеронвиллер, вскоре потерял в проливной дождь и бурю всякую связь с соседними войсками. 2-й корпус (генерал Жерар), тоже под проливным дождем, очутился, не подозревая этого, среди неприятельских войск. В свою очередь III армия двинулась в окрестности Виртона и нашла там неприятеля. Непроницаемый туман окутывал Арденнские леса и затруднял все движения.

„А день 22 августа?" — спрашиваю я полковника. — „Он был еще более кровавым", — отвечает он и дает мне несколько беглых справок. IV армии дана была директива двигаться на север, правым крылом вперед, и атаковать неприятеля, как только представится случай для этого. III армия должна была сообразоваться с IV и отвечать на всякое наступление, идущее от Арлона и Фонтуа. Но 11-му корпусу, который дошел до Пализель, не удалось удержать захваченную им территорию. 17-й корпус вступил в бой в лесу Люши, но не в силах был пройти лес и должен был отойти назад за Семуа. 11-й корпус ценой больших потерь дошел до Сен-Медарда и Невромона; корпус колониальных войск стремительно ринулся на Невшато; неприятель был скрыт в овсах и в окопах, снабженных пулеметами, и после жаркого боя этот корпус вынужден был уступить перед подавляющим численным превосходством неприятеля. 3-я дивизия колониальных войск заняла деревню и замок Россиньоль, Сен-Венсан и Тэнтиньи; ей пришлось выдержать кровопролитные бои, в которых пали смертельно раненые генералы Раффенель и Рондони, лейтенант Эрнест Психари, внук Ренана, и много других. На правом фланге этого корпуса вчера, 22 августа, продвинулся также 2-й корпус — через Тэнтиньи и Бельфонтэн, но на вершине Виртон он был остановлен линиями окопавшейся пехоты и 105- и 150-миллиметровыми орудиями, стрелявшими замечательно метко. В общем, резюмирует полковник, IV армия отошла вчера вечером назад не на очень большое расстояние и нанесла немцам очень большие потери, но она сама весьма пострадала, и в целом ее наступление не увенчалось успехом.

III армия должна была направить свою атаку на Виртон и выручить Лонгви; она ринулась в тумане на крепко окопавшегося неприятеля, и натиск ее был сломлен пулеметным огнем. 5-й корпус под командой генерала Брошена, моего старого начальника, двинулся через границу, перешел Виру и проник до Горси, но натолкнулся на тяжелую артиллерию и проволочные заграждения неприятеля. Ему не удалось выручить Лонгви, и он закрепился на правом берегу Шьеры. 6-й корпус, двинувшийся на север, натолкнулся на

метский корпус, мощно укрепившийся фронтом к Крюнь и на Шьере; к вечеру он остановился в районе Арранси в надежде снова перейти сегодня в наступление. Итак, вчера, когда наступил вечер, мы ничего не выиграли, но также ничего не потеряли.

Ночью генерал де Лангль де Кари и генерал Рюффей отдали приказ возобновить сегодня утром атаки. Действительно, на рассвете IV армия пыталась продолжать свое продвижение в направлении Борень — Ларош, но она внезапно очутилась перед лицом целой немецкой армии, определить которую мы не могли [1], и, не будучи в состоянии прорваться, должна была по возможности задерживать неприятеля и сражаться отступая. 9-й корпус отошел на Семуа, 11-й повернул к Бульону, 17-й — к Амблимон, 12-й — на северный берег Шьеры, корпус колониальных войск — на Сент-Вольфруа, 2-й — на Виллерс-ла-Лей. „Будут сделаны все усилия, — говорит мне полковник Пенелон, — чтобы остановить неприятеля на этой линии. Но наступление сломлено, и битва на Арденнах проиграна".

Полковник Пенелон не скрывает от меня, что были сделаны ошибки. Были индивидуальные и коллективные промахи, были неудачно брошенные в бой дивизии, рискованные развертывания фронта и слишком поспешные отступления, было преждевременное утомление солдат и наконец были тактические промахи наших войск и их вождей, будь то в использовании пехоты или в использовании артиллерии. Быть может ту или иную неосторожность следует поставить в вину самой же главной квартире. Вследствие нарушения нейтралитета Бельгии концентрация наших войск получила чрезвычайный уклон на восток и слишком замедлилась по направлению к северу; поэтому опасно было начинать наступление на очень трудной лесистой территории, где немного дорог и надо опасаться нападений с фланга [2]. Но наш генеральный штаб оставался во власти идеи, что смелость обеспечивает всякий успех, идеи, которой учила школа более энтузиастическая, чем благоразумная. Эта доктрина наступления quand même (во что бы то ни стало) к несчастью привела к тому, что на поле сражения мы слишком часто пренебрегали самыми элементарными мерами предосторожности. Юные ученики сен-сирской школы шли в огонь в полной парадной форме, с развевающимся султаном на каске! И многие из них пали впереди своих частей.

„А левое крыло? — спрашиваю я полковника Пенелона, — что стало с нашей V армией?" Ответ его не утешительнее, чем относительно IV армии. V армия под командой генерала Ланрезака занимала район Шарлеруа, против нее находились войска фон Клюка и фон Бюлова, которые быстро двигались с востока на запад, по направлению к морю, с явным намерением оставить позади наш фронт, отбросить английские войска и прижать нас к высотам Лилля. Чтобы парировать эту опасность, генерал Жоффр создал новую армию на левом фланге английской армии и доверил командование

[1] Это была армия фон Гаузена.

[2] „Le haut commandement français et la bataille des Ardennes" par le général Palat, „Revue d'histoire de la guerre mondiale", janvier et avril 1928.

ею генералу д'Амаде, который некогда отличился в Марокко. Генерал Ланрезак в последние дни горел нетерпением перейти в наступление, но должен был поджидать англичан, которые не были в непосредственной близости. Генерал Ланрезак с 10 апреля этого года член высшего военного совета, это один из самых выдающихся наших полководцев. Через несколько дней после его назначения он был приглашен ко мне на завтрак вместе с генералом Жоффром, и главнокомандующий представил его мне как мастера военной науки. У него очень живой ум; он производит одновременно впечатление человека горячего и рассудительного. „Это наш будущий генералиссимус", — сказал мне генерал Жоффр.

Ланрезак уже раньше желал двинуться со своей армией на Мобеж; но главная квартира, занятая в первую очередь операциями на наших восточных границах, не располагала вначале достаточными силами на севере, чтобы удлинить наш фронт; кроме того, будучи вынуждена дожидаться концентрации английской армии, она не могла дать так скоро, как было желательно, приказ о начале операций. Когда мы узнали об оккупации Брюсселя, о молниеносном продвижении немецких армий, в частности о переходе фон Клюка на южный берег реки Демер, мы приняли все меры для ускорения атаки. К несчастью, английская армия еще не была готова. По чрезмерной добросовестности маршал Френч вначале не решался обещать, что она будет готова к бою до 25-го; затем надеялись, что она сможет выступить 20-го или 21-го; но только вчера, 22-го, сэр Джон имел возможность отдать на сегодня приказ атаковать. А между тем бомбардировка Намюра началась третьего дня, 21-го, в десять часов утра. Генералу Ланрезаку было известно, что другая немецкая армия спешно двигалась южнее Намюра и Гюи с целью ударить на Динан и Живе. Два наших корпуса, 9-й и 3-й, находились впереди (en flèche). Генерал Ланрезак счел опасным оставлять свою армию в бездействии и отдал ей приказ двинуться сегодня пополудни по ту сторону Самбры. Но крепость Намюр, подвергавшаяся все более свирепой бомбардировке, уже не в состоянии была оказать ни малейшей поддержки нашим войскам и даже не связывала уже осаждавших ее войск. После стремительного и кровопролитного наступления 3-й и 10-й корпуса оказались вынужденными отступить. V армия не была счастливее в Шарлеруа. Она подверглась энергичным атакам в городе и предместьях. Вчера к концу дня ей пришлось отступить более чем на десять километров на южный берег Самбры.

Тем не менее сегодня утром генерал Ланрезак намеревался возобновить свое продвижение вперед, как оно было ему предписано. Однако еще сегодня неприятель вошел в Намюр, несмотря на то что генерал Франше д'Эсперэ послал подкрепления бельгийскому гарнизону. Неприятель поджог и разгромил доблестный небольшой город Динан, в котором части наших 33-го и 148-го полков победоносно сражались 15 и 16 августа бок о бок с бельгийцами и воспрепятствовали саксонцам переправиться через Маас; внезапный приход всех этих войск решил судьбу сражения: наша V армия, угрожаемая с фланга растущими силами неприятеля, была совершенно парализована.

Английская армия в свою очередь начала военные операции, а именно в районе Монса, и проявила замечательные военные достоинства: дисциплину, хладнокровие, смелость, физическую и моральную твердость; но правое крыло ее оказалось открытым вследствие отступления нашей V армии. Ободренные своими успехами, немцы бросились на Монс, и англичанам пришлось эвакуировать его. Узнав кроме того о наших неудачах, маршал Френч в конце концов решил отвести английские войска к Мобежу. Пока еще неизвестно, отдаст ли генерал Ланрезак приказ своей армии снова оказывать сопротивление неприятелю или же под угрозой быть обойденным с обоих флангов он будет вынужден отступить. Генерал Жоффр рассчитывает, что он будет держаться. „Что бы ни было, — говорит мне полковник Пенелон, — теперь надо отказаться от надежды отбросить немцев к Северному морю, как это предполагал главнокомандующий. Если завтра или послезавтра возобновление наших операций окончится неудачей, мы должны будем быть готовы к отступлению и к нашествию неприятеля". Где теперь те иллюзии, которым мы предавались последние пятнадцать дней? Отныне спасение может заключаться уже только в длительности нашего сопротивления. Но найдет ли французский народ, порой столь нетерпеливый и нервный, в себе силы, чтобы сдерживать свои нервы и вооружиться терпением? Поймет ли он? Захочет ли он? Правда, никогда еще дух нации не был более здоровым и чистым. Но не придет ли со временем усталость, не приведут ли к ней лишения, смерть близких, все ужасы войны? Мы — смелая, благородная, отважная нация. Сумеем ли мы также быть нацией стойкой, выносливой, упорной? Во всяком случае мой долг совершенно ясен: сохранять, чего бы мне это ни стоило, спокойствие, отгонять свои тревожные мысли и стоять на страже над состоянием умов в стране. Я выполню этот долг до конца. Это будет моя слишком скромная лепта в борьбе за Францию, так как я не имею права отдать за нее свою кровь.

Понедельник, 24 августа 1914 г.

Согласно поступающим к нам известиям из главной квартиры, все еще несколько туманным, вчерашний день, кажется, прошел на наших восточных окраинах не лучше, чем на севере. Телеграммы из нейтральных стран говорят нам, что немцы уже празднуют свою победу в Лотарингии и устраивают грандиозные манифестации в честь ее. Во всех городах Германии флаги, иллюминация и звуки фанфар. Однако за последние двадцать четыре часа установлена прочная связь между нашими I и II армиями. I армия, стоявшая фронтом на северо-восток, повернута теперь на север и северо-запад. Вчера она прекратила свое отступательное движение и соединилась под прямым углом со II армией, которая готова ударить по флангу неприятеля, если последний устремится в открытый угол. На северо-запад от Сен-Никола-дю-Пор были еще раз отбиты атаки неприятеля на Рембетан.

Все утро к нам поступают с бельгийской границы тревожные известия. Мы предупреждены, что неприятель находится в шести километрах от Жемона. Турнэ был занят вчера отрядом в три тысячи

человек. Двадцать тысяч немцев прошли через Сен-Женуа, направляясь в Менэн; они везут с собой артиллерийский материал, пушки на грузовиках, алюминиевые лодки. Жители-бельгийцы, бегущие от нашествия немцев, толпами спускаются из Филиппвилля и Шарлеруа во Францию. Неприятельские патрули, за которыми следуют значительные силы, проникают на нашу территорию через Аньевршен и Блан-Миссерон. Эти сведения поступают к нам через час по столовой ложке во время заседания совета обороны. Перед лицом растущей опасности Мессими становится мрачным и предчувствует большое поражение. Вивиани, так легко раздражающийся из-за мелочей, закаляется против крупных ударов. Он сегодня полностью владеет собой. Он однако жалуется на Аристида Бриана, говорит, что под его влиянием в печати и в кулуарах парламента обвиняют ряд министров в неспособности и что Бриан будет стараться связать ему, Вивиани, руки, чтобы войти в правительство. Вивиани все еще думает, что палата в настоящий момент не согласится на возвращение к власти человека, который при всех его талантах несколько месяцев назад прослыл за новоявленного противника левых и с которым недавно поступили в Гавре, как в Гренобле. Но так ли это теперь? И кто еще вспоминает теперь о буре, вызванной речью в Перигэ? Я надеюсь, что мы не станем теперь воскрешать столь опасные разногласия. Мне представляется все более необходимым расширить состав правительства, и Бриан несомненно одна из крупнейших величин, которую надо использовать. Я предложил Вивиани, что приглашу Бриана в Елисейский дворец и дружески переговорю с ним. Председатель совета министров все еще колеблется. В конце концов он принимает мое предложение.

К полудню подтверждается, что в Северный департамент в нескольких местах вторглись немцы. Лилль под угрозой. Там находятся восемнадцать тысяч человек территориальных войск, но, как сообщает Мессими, генерал д'Амаде считает, что если они будут пытаться удержать слабую крепость, которую палаты предлагали раскассировать и которая почти лишена средств защиты, то они будут раздавлены, а город подвергнется беспощадной бомбардировке. Повидимому генерал предпочитает удалить войска из города и не подвергать жителей катастрофе, если того не требуют соображения военной необходимости. Министр считает, что должен разрешить генералу д'Амаде отдать этот приказ[1].

На сей раз снова слухи о поражении пришли к нам из Англии и от префектуры Северного департамента раньше, чем главная квартира прислала нам точные сведения. Лишь во второй половине дня мы получили телеграмму главнокомандующего. Она рассеяла наши последние иллюзии. Наше большое наступление повсюду провалилось.

---

[1] 7 ноября 1911 г. военный министр Мессими внес законопроект, в котором на основании заключения высшего военного совета от 12 января требовалось раскассирования Лилльской крепости. Этот законопроект рассматривался комиссией палаты, и докладчик комиссии Вандам высказался за раскассирование. Но палата еще не голосовала по этому вопросу. 4 февраля 1919 г. Клемансо вернулся к этому проекту. Закон о раскассировании был принят 19 октября 1919 г.

Мы были отброшены не только на бельгийскую границу, но даже за нее, на нашу территорию. Мы эвакуируем Эльзас до линии южнее Мюльгаузена, который вторично так трагично потерян нами, а армия генерала По, вчера победоносная, лишена большей части своих сил, — они переброшены на север. Главная квартира повторяет нам, что в сражениях на Арденнах и в Шарлеруа у многих наших войск не было достаточной связи, низшее командование было не на высоте, связь между различными видами оружия была недостаточна. Каковы бы ни были причины, результат, увы, слишком несомненен. Мы разбиты, и все надо теперь начинать сначала на французской территории, подвергшейся нашествию неприятеля.

Приблизительно в восемь часов вечера ко мне явился от генерала Жоффра полковник Маньен. Он утверждает, что главнокомандующий, несмотря на все, продолжает с уверенностью глядеть на будущее. В настоящий момент Жоффр отказывается от наступления, но просит нас оказать ему доверие. Будут приняты меры для организации обороны, чтобы выиграть время и дать русским возможность стремительно двинуться вперед. Сегодняшний вечерний бюллетень оканчивается следующими отчасти противоречивыми, отчасти загадочными фразами:

„По приказу генерала Жоффра наши и английские войска заняли позиции на приграничной полосе, которых они не покинули бы, если бы изумительная стойкость бельгийцев не позволила нам вступить в Бельгию. Войска невредимы. Наша кавалерия нисколько не пострадала. Наша артиллерия подтвердила свое превосходство. Наши офицеры и солдаты в самом лучшем физическом и моральном состоянии. Согласно отданным приказам борьба в продолжение нескольких дней примет другой характер. Французская армия останется некоторое время на положении обороны. Когда наступит нужный момент, определяемый главнокомандующим, она снова перейдет в энергичное наступление. Наши потери значительны. Оценивать их еще рано. Точно так же рано оценивать потери германской армии, а между тем она пострадала в такой степени, что должна была прекратить свои контратаки и укрепиться на новых позициях. Положение в Лотарингии. Вчера мы четыре раза предпринимали контратаки с позиций, занимаемых нами на север от Нанси, и причинили немцам очень большие потери. Общий обзор. В общем мы сохранили полную свободу использования нашей железнодорожной сети и нам открыты все моря для нашего снабжения. Наши операции позволили России начать военные действия и проникнуть в сердце Восточной Пруссии. Конечно приходится сожалеть, что план наступления вследствие ошибок в исполнении не достиг своей цели. Это сократило бы продолжительность войны, но наше оборонительное положение остается непоколебленным перед лицом уже ослабевшего неприятеля. Все французы оплакивают временное оставление занятых нами частей аннексированной территории. Кроме того, к несчастью, некоторые части нашей национальной территории пострадают от событий, театром которых они будут служить. Неизбежное, но временное испытание. Так напри-

мер части немецкой кавалерии, принадлежащие к самостоятельной дивизии, проникли в район Рубэ — Туркуэн, который защищают только части территориальных войск".

Итак, признание в поражении, в нашествии неприятеля и в потере Эльзаса. Куда делась трогательная прокламация генерала Жоффра к нашей освобожденной провинции? Где прекрасные надежды, вызванные большим наступлением наших армий? Главнокомандующий оставляет за собой право снова начать продвижение вперед в момент, который он найдет благоприятным. Но когда будет он в состоянии остановить отступление и удержать на месте наши войска? Так или иначе война затягивается; она уже не закончится в несколько дней отваги и энтузиазма. Победы можно будет добиться только ценой упорных усилий. Долгом правительства и моим будет не только сказать правду стране, но добиться, чтобы она пошла на предстоящие ей страшные испытания, и подготовить ее к ним.

Отдав приказ об отступлении, Жоффр писал военному министру: „Опасения, которые предшествующие дни внушили мне относительно способности наших войск к наступлению в открытом поле, подтвердились в сегодняшний день, который окончательно вычеркнул наше генеральное наступление в Бельгии". И далее: „Мы должны считаться с действительностью: наши армейские корпуса, несмотря на обеспеченное за ними численное превосходство, не проявили в открытом поле тех качеств при наступлении, на которые нам позволяли надеяться частичные успехи вначале... Итак, мы осуждены перейти к обороне, опирающейся на наши крепости и на крупные препятствия топографического характера, и уступать как можно меньше территории. Нашей целью должно быть — держаться как можно дольше, всеми силами стараясь ослабить неприятеля и в подходящий момент снова перейти в наступление". Не знаю, не является ли эта оценка несколько строгой для наших войск [19]. Одной храбростью нельзя взять все. Немцы только что показали нам, что в хорошо укрепленной местности и располагая мощным снаряжением всегда возможно противостоять атакам, предпринимаемым в открытом поле.

Для начала главнокомандующий посылает нашим армиям сегодня приказ отойти на черту, проведенную от Арраса до северной стороны Вердена и проходящую через Валансьенн, Мобеж, Рокруа и Стенэ. Большинство министров ошеломлено этим известием.

„Мой дорогой друг, — говорю я Вивиани, — в отношениях между военным командованием и гражданской властью что-то не клеится. Вы жаловались, и не без основания, что главнокомандующий писал мне на-днях, минуя военного министра. Когда я передал ваше замечание офицерам связи, я понял их ответ в том смысле, что ставка главнокомандующего считает себя во время войны совершенно не зависимой от правительства и признает над собой только номинальную неответственную власть президента республики и не считает себя ответственной перед ним. Мы с вами согласны, что, если эта претензия примет определенную форму, она будет совершенно противоположна духу наших республиканских учреждений. Впрочем я уверен, что безупречная лойяльность генерала Жоффра никогда не позволила бы поддерживать ее. Но мы не можем, не подвергаясь опасности,

оставаться в нынешнем неопределенном положении. Законы 1882 и 1905 гг. возлагают на военного министра, т. е. на члена правительства, солидарного со своими коллегами и ответственного вместе с ними, управление армией. Он должен доставлять высшему командованию необходимые последнему средства, материал, снабжение, продовольствие. Точно так же правительству в целом надлежит под своей ответственностью перед парламентом определять общие условия — политические, финансовые, экономические и дипломатические, в которых должна вестись война. Ввиду этого безусловно необходимо, чтобы ставка не изолировала себя под стеклянным колпаком и не уклонялась от всякого контроля. Разумеется, было бы опасно и нелепо позволить правительству вмешиваться в руководство военными операциями, но правительство должно быть лучше осведомлено, чем это было до сих пор. Регулярный контроль со стороны правительства является даже единственным средством избежать того, что парламент присвоит себе роль правительства и станет злоупотреблять своим собственным вмешательством, которое может стать опасным на почве множества мнений и разброда в инициативе. Далее, мой дорогой друг, не менее необходимым в эту тяжелую годину я считаю расширить наконец и укрепить ваш кабинет". — „Я согласен с вами в необходимости этого, — отвечает Вивиани. — Но мне тяжело удалить тех или других из своих коллег". — „Конечно, — говорю я, — я понимаю ваше неприятное положение. Ваши коллеги очень лойяльно согласились нести ответственность за все меры, принятые правительством. С июля они доказали, что обладают прекрасным духом солидарности. Но что ж делать? Страна — прежде всего". — „Я предпочел бы никого не удалять, а просто включить в состав кабинета несколько министров без портфеля". — „Но найдете ли вы среди людей, стоящих на первом плане, кого-либо, кто согласится на такую комбинацию при нынешнем составе кабинета? Вам скажут, что этот кабинет не что иное как группа единомышленников, не имеющая влияния на бо́льшую часть общественного мнения. Впрочем поступайте как вы считаете нужным. Лично я не могу пожаловаться ни на кого из ваших коллег". — „Я поговорю с Клемансо". — „Отлично. Он еще сегодня был в Елисейском дворце, но он был очень мрачен, и мне казалось, что его критический гений пробуждается под рокот плохих известий". — „Я попрошу также Мальви зондировать Марселя Самба, так как думаю, что хорошо будет заручиться сотрудничеством социалиста". — „Согласен". — „Наконец я попрошу вас, господин президент, будьте любезны сами пригласить к себе Мильерана, Делькассе и Бриана. Эти трое, думаю, единственные умеренные представители, для которых я мог бы теперь получить согласие палаты на включение их в состав правительства".

Вивиани ушел и вскоре вернулся. „Я застал, — сказал он мне, — Клемансо в состоянии бурного отчаяния. „Нет, нет, — сказал мне Клемансо, — не рассчитывайте на меня. Через пятнадцать дней вам распорят брюхо. Нет, нет, я не согласен. Впрочем вы жертва генералов от иезуитов. Это Кастельно — виновник поражений в Лотарингии. Надо покончить с этим". После этого страстного потока слов с Клемансо был настоящий пароксизм плача, и внезапно смягченный

печалью он бросился в мои объятия; но он продолжал отвечать мне отказом в своем сотрудничестве". — „Не падайте духом, — говорю я Вивиани, — сделайте еще одну попытку". — „Нет, с меня достаточно, я больше не буду просить у него ничего. К тому же он никогда не согласится на другой пост кроме поста председателя совета министров. Я охотно уступил бы его ему, господин президент, если вы выразите мне это желание". — „Нет, мой дорогой друг, — возражаю я, — вы не потеряли доверия. Я не имею никакого основания и никакого права расставаться с вами. К тому же в том состоянии, в каком вы нашли Клемансо, он способен спутать импульсивность с энергией. Быть может его время еще придет, если война затянется, как приходится теперь бояться. Но теперь он стал бы рубить направо и налево в командовании армией. Поскольку его присутствие было бы полезно в правительстве, потому что он принес бы свой пыл и свой светлый ум, постольку оно могло бы быть опасно в данный момент, если бы он оказался во главе правительства. Оставайтесь на своем месте и окружите себя людьми, пользующимися неоспоримым авторитетом и не являющимися членами одной и той же партии".

К сожалению, как опасался Вивиани, малейшее преобразование в составе кабинета будит старые привычки из времен парламентских кризисов и приводит в движение рои трутней и шмелей в наполовину опустелых кулуарах палат. Председатель совета министров спешит с этим делом, и я одобряю это. Он привел ко мне Марселя Самба. Оратор социалистов человек очень умный, но сегодня он был настолько благоразумен, что оставил в стороне свой ум и в разговоре со мной дал волю только своему чувству. Он честно смотрит на меня своими черными глазами и говорит мне, что в нынешних обстоятельствах я могу в случае надобности рассчитывать на его содействие; но он считает преждевременным образовывать более широкий кабинет и „ставить последнюю карту". Он посоветуется со своей партией, но, несмотря на пример бельгийцев, не думает, что социалисты дадут свое согласие.

Мильеран, Делькассе и Бриан, авторитет которых чрезвычайно поднял бы вес министерства, пришли ко мне все вместе; они предварительно совещались между собой и заявляют мне, что охотно предоставят себя в распоряжение Вивиани. Но у них есть возражения, и они ставят условия. Мильеран предпочел бы, чтобы кабинет подвергся более основательному преобразованию и чтобы во главе некоторых министерств были поставлены новые лица. Он рад был бы видеть во главе министерства финансов Андре Лефевра, во главе министерства иностранных дел — Делькассе или себя самого. Я заметил на это, что нет никакого основания удалять с поста министра иностранных дел Гастона Думерга, который исполняет свои функции с большим тактом; однако мне не удается убедить Мильерана. Он сидит верхом на стуле, опираясь локтями о спинку, брови нахмурены, глаза зорко глядят из-под пенснэ, зубы сомкнуты, ум словно застыл. Менее мрачный, менее молчаливый Делькассе с горечью критикует инертность нашей дипломатии в настоящее время. Впрочем ему неизвестно все происшедшее с тех пор, как он оставил пост посла в Санкт-Петербурге. Бриан, более тонкий и деликатный, вы-

сказывает мнение, что надо было бы попытаться еще раз обратиться к Клемансо и Самба. Часы идут за часами, но мы не пришли к конкретному заключению. Мои собеседники не отказывают в своем сотрудничестве, но предлагаемые ими комбинации и высказываемые ими оговорки отсрочивают решение, на которое я надеюсь. В час ночи они покинули Елисейский дворец, причем ничего не было решено.

Вторник, 25 августа 1914 г.

В присутствии Вивиани я снова совещаюсь с Брианом, Мильераном и Делькассе. Все четверо долго остаются у меня в кабинете. Но мы как будто еще более вчерашнего далеки от соглашения, которого я стараюсь добиться. Бриан, Мильеран и Делькассе снова совещались между собой и, кажется, более или менее склонны принять предложения Вивиани. Они считают, что министерство обречено на близкую гибель; они желали бы преобразовать его на более прочной основе, но не говорят мне, под чьим председательством. Вивиани предлагает Мильерану расчленить военное министерство на две части и поручить ему всю административную часть, производство военного материала, снабжение, снаряжение. Мильеран отвечает на это предложение упорным молчанием. Бриану Вивиани предлагает портфель министра народного просвещения. Но Бриан, который был блестящим министром народного просвещения в мирное время, не помышляет вернуться на этот пост в военное время. Делькассе снова углубился в молчание и присоединяется к возражениям своих товарищей, угрюмо кивая головой.

Тем временем социалистическая партия, запрошенная Марселем Самба, объявила свое решение: „Мы будем поддерживать кабинет, что бы ни случилось; однако в нынешних обстоятельствах мы не считаем возможным отказывать ему и в более действительной помощи. Мы лишь выражаем желание, чтобы нашей партии были предоставлены два портфеля и чтобы они были отданы Жюлю Гэду и Самба".

Это сообщение сделал Мальви, когда Мильеран, Делькассе и Бриан находились все трое в моем кабинете; оно явно уменьшило сопротивление Бриана. Но Делькассе, напротив, подчеркивает свою оппозицию и замечает: „Из нас скоро сделают придворных советников". Мильеран остается неподвижным, как статуя, и непроницаемым, как сфинкс.

В конце концов мне удалось вырвать у всех троих признание, что их оппозиция направлена главным образом против присутствия в кабинете военного министра Мессими. Они хорошо знают, что он никогда не занимался вопросами стратегии и совершенно не причастен к нашим поражениям. Они не оспаривают ни его живого ума, ни его горячего патриотизма. Но они находят, что он теперь переутомлен и нервничает; кроме того они ставят ему в вину сообщения, которые давались в прессу, правда, не им, но под его ответственностью; за последние пятнадцать дней эти сообщения отличались блаженным оптимизмом, систематически подчеркивали воображаемые слабые стороны германской армии и ревностно скрывали от страны реальности войны. В этом отношении мои собеседники

правы, и их замечания вполне совпадают с теми, которые я неоднократно делал Вивиани. Но это гораздо менее вина Мессими, чем главной квартиры. После продолжительной и временами довольно неприятной дискуссии Мильеран, Бриан и Делькассе уходят, все время неразлучные, и обещают дать мне ответ завтра.

Министр финансов Нуланс сообщил мне со слов сотрудника агентства печати Ленуара следующую фразу Клемансо: „Я сам составлю кабинет и возьму в него Мильерана, Бриана и Делькассе". Я передал эти слова своим трем собеседникам. Бриан ограничился улыбкой; Делькассе хранил молчание; Мильеран резко заметил: „Что касается меня, то ему пришлось бы еще спросить меня самого". Однако согласно тому, что я слышу с разных сторон, Клемансо в последние дни действительно выиграл в общественном мнении. Чести страны нравятся его вспышки энергии, его невозмутимость перед лицом опасности, даже резкость его манер. Однако, если он станет во главе правительства, кто знает, не поддастся ли он искушению заменять компетенцию военного командования своим подавляющим и, увы, часто капризным авторитетом? Он не любит Жоффра; сколько раз он критиковал его. Не постарается ли он заменить его просто подставной фигурой? Все эти вопросы не дают мне покоя, и я спрашиваю себя не без некоторого страха, в чем будет заключаться мой долг президента в случае кризиса всего министерства.

Проходит долгий день, еще более печальный, чем предыдущие. В эту ночь, в три четверти первого, генерал Жоффр отдал нашим северным армиям приказ о генеральном отступлении. В свою очередь Мессими, опасаясь, что Париж может остаться без защиты, и предупредив меня о своем намерении, которое я одобрил, послал сегодня в пять часов утра полковника Маньена в главную квартиру со следующим приказом: „Приказ генералу, командующему северо-восточными армиями. Если успех нашего оружия не увенчается победой и если армии вынуждены отступить, необходимо будет отправить по меньшей мере армию из трех регулярных корпусов в укрепленный лагерь под Парижем, чтобы обеспечить защиту последнего. Известите о получении сего приказа. Мессими".

Со всех сторон, за исключением наших восточных окраин, положение ухудшается. В Бельгии неприятель продолжает двигаться вперед. Английская армия отошла на линию Воланьен — Мобеж. Один корпус немецкой кавалерии продвинулся к Орши; на востоке 1-й баварский, затем 21-й и 15-й корпуса продвинулись на линии Мортань — Мерта до Вогез, но тем не менее генерал Дюбайль, отведя свое правое крыло в ущелье Шипоты, твердо укрепился на своей позиции. Он готовит контратаку. Наша II армия получила сегодня в три часа из Пон-Сен-Венсан приказ, подписанный генералом де Кастельно: „Вперед, везде и основательно!" Грандиозно просто! Наши 16-й, 15-й и 20-й корпуса энергично перешли в наступление и заставили немцев отступить в Розльере, Ламате, Бленвилле, Зоммервиллере, Фленвале. Моя бедная Лотарингия все более подвергается опустошению. Немцы подожгли Кревик и Гербевиллер.

Сегодня ночью над Антверпеном пролетел цеппелин и сбросил восемь бомб. Было пятнадцать жертв, в том числе семь убитых.

Клобуковский телеграфирует, что немцы метили в следующие объекты: королевский дворец, большое здание, где находятся министры, и пороховой склад[1].

В двадцать два часа генерал Жоффр, невозмутимый стоик, разослал командующим армиями как бы в качестве комментария к своему приказу об отступлении общие директивы, в которых в кратких чертах излагает план будущего сражения, как он предвидит это последнее: „Так как проектированное наступательное движение не могло быть выполнено, дальнейшие операции будут иметь в виду вновь образовать на нашем левом фланге путем соединения IV и V армий, английской армии и новых сил, взятых в восточном районе, кулак, с которым можно будет возобновить наступление, причем другие армии должны будут в течение определенного времени сдерживать напор неприятеля. В отступательном движении III, IV и V армий каждая из них будет считаться с движениями соседних армий, с которыми она должна будет поддерживать связь. Движение будет прикрываться арьергардами, оставленными в подходящих для этого углублениях почвы; эти арьергарды должны будут использовать все естественные препятствия, для того чтобы задержать или по крайней мере замедлить продвижение неприятеля, предпринимая быстрые и энергичные контратаки, в которых главную роль будет играть артиллерия".

Покоряясь из соображений стратегической необходимости факту неприятельского нашествия, генерал Жоффр вместе с тем в другой сегодняшней директиве извлекает „для всех армий" некоторые уроки из нашего неудавшегося наступления. Главная квартира — пожалуй, несколько поздно — заметила, что под Морганжем, в Арденнах и Шарлеруа мы слишком пренебрегали „тесным сотрудничеством пехоты и артиллерии", что атаки войск недостаточно подготовлялись стрельбой артиллерии, что атаки велись на слишком большом расстоянии и без прикрытия, что бросали в бой слишком много частей, причем слишком уплотняли их, — одним словом, что было ошибкой ожидать всего только от храбрости и натиска. Однако, констатируя эти прискорбные явления, генерал Жоффр не падает духом, и согласно этим директивам от 25 августа не следует медлить с предвидимым им наступлением. На Сомму будут переброшены по железным дорогам 7-й корпус и четыре резервных дивизии; таким образом там на линии Амьена, будет собрана маневренная группа, которая должна будет действовать на правом фланге немецких армий.

Среда, 26 августа 1914 г.

Тогда как на наших восточных и северных границах продолжают литься потоки крови, кровь лучших французов, тех, которые несколько недель назад ушли полные надежд и которым слепая фурия войны не дала даже времени проявить в первых боях все свои военные добродетели, я обречен искать вдали от фронта, в моем печальном кабинете в Елисейском дворце, пути, как применить мою формулу

[1] От 25 августа, № 232.

священного союза [10] на реконструкции министерства, причем я наталкиваюсь на личные интересы, на тенденциозность и даже на политические интриги и козни, которые приводят меня в уныние и внушают мне отвращение. Целый рой честолюбивых вожделений копошится вокруг Вивиани; последний меланхолически рассказывает мне об этом и называет мне кандидатуры, столь же невероятные, сколь наглые. Надо стало быть торопиться. После ночи размышлений ко мне снова приходит Мильеран. Он беседовал с нашим общим другом Морисом Бернаром. У него были продолжительные совещания с Вивиани и Мальви. Все уговаривали его согласиться взять на себя административное управление войной в качестве министра и в полной независимости, рядом с Мессими, который сохранит свое чисто военное ведомство, впрочем весьма урезанное стратегическими функциями главной квартиры. Но Мильеран снова заявляет, что он вступит в военное министерство лишь в том случае, если за ним оставят связь с армией на фронте. Ввиду такой настойчивости Вивиани и Оганьер, которые считают Мильерана полезным благодаря его хладнокровию и большой трудоспособности, просят Мессими уступить ему эту важную часть своих функций. Оганьер, который охотно прибегает к аргументам, не терпящим возражения, и не привык говорить обиняками, набрасывается на Мессими и говорит ему прямо в лицо полусерьезным, полушутливым тоном: „Вы устали, поверьте мне. Я врач. Уверяю вас, вы в конце концов станете неврастеником. Освободите себя от слишком тяжелого бремени или согласитесь по крайней мере поделить его“.

По правде говоря, Мессими имеет все основания быть утомленным и даже изнервничавшимся. Его задача громадна, он несет подавляющую ответственность, хотя все или почти все, что касается военных операций, происходит помимо него. Кроме того он в последние дни очень обеспокоен медленностью, с которой ведутся работы по устройству укрепленного лагеря под Парижем. Он приписывает это замедление неспособности губернатора, генерала Мишеля. У него еще сегодня была с последним настоящая стычка [20]. Пришлось вмешаться Вивиани. Решено было, что генералу Мишелю будет поручено командование одним сектором и что губернатором Парижа будет немедленно назначен выдающийся военный и администратор генерал Галлиени, несмотря на то что он перешел уже за неумолимый предельный возраст [21]. Кроме войск, специально предназначенных для защиты укрепленного лагеря, последний, как уже распорядился Мессими, получит для своей защиты одну маневренную армию. С этой целью три корпуса регулярной армии, затребованные Мессими у главной квартиры, должны быть предоставлены в распоряжение генерала Галлиени, кроме того территориальные войска, находящиеся в Париже и окрестностях. Назначение губернатора появится завтра в „Журналь офисиель“; титул его будет: губернатор и командующий армиями Парижа. По принятии этих мер на случай осады столицы Мессими с облегченным сердцем любезно уступает свое место Мильерану и заявляет нам, что отправляется на фронт.

Бриан, оставаясь к услугам Вивиани, все же продолжает желать широкой реконструкции кабинета. Он словно невзначай обронил

слово, что лично предпочитал бы снова стать, как в 1912 г., министром юстиции и вице-председателем совета министров. Вивиани не возражает; к тому же эта идея легко осуществима, так как Бьенвеню-Мартен, олицетворение скромности и бескорыстия, охотно откажется от обоих этих мест, когда его попросят об этом.

Делькассе, более властный, чем Бриан, полностью вышел из своего вчерашнего безмолвия. Он настойчиво требует для себя портфель министра иностранных дел. „Мое имя, — говорит он, — имеет значение, которое никто не может отрицать. Это моя политика торжествует сегодня. Сколько раз меня обвиняли в окружении Германии! Это я подписал соглашение с Англией, соглашение с Италией, первое соглашение с Испанией. Это я самым действительным образом культивировал союз с Россией. Все ожидают меня на набережной д'Орсэй". Действительно, нельзя отрицать, что Делькассе в течение долгих лет подготовлял главные союзы, которые сегодня могут являться нашей силой, и что ему даже удалось лично завязать их, несмотря на бесчисленные трудности; разумеется, никто не возражает ему, когда он напоминает о своих больших заслугах. Однако в настоящий момент, казалось бы, он мог бы предоставить другим заботу писать эту историю и не требовать ухода из набережной д'Орсэй Гастона Думерга, который тоже выполнил свой долг хорошего француза и с большим уменьем и тактом ведет теперь наши внешнеполитические дела. Делькассе не умалил бы своего достоинства, приняв другое министерство; на любом посту он мог бы работать в кабинете для общего дела. Но он думает иначе и повторяет свое: „Меня ожидают именно на набережной д'Орсэй".

Как поступит Вивиани ввиду такой неуступчивости Делькассе? Исключить Думерга было бы вопиющей несправедливостью. Вивиани не без смущения сообщает ему о требованиях Делькассе. „Можете не кончать, — отвечает ему Думерг. — Я знаю, чего желает Делькассе. В чем дело! Это не должно служить помехой. Я ретируюсь перед ним. Скажут, пожалуй, что я не был на высоте своей задачи; но это не важно. При тех обстоятельствах, в которых мы теперь находимся, я буду служить где пожелают". Крайне тронутый достоинством этого ответа, я поздравляю Думерга с его решением и не могу удержаться и не обнять его.

К концу дня все устроилось. Впрочем с одной оговоркой. Я желал бы, чтобы правая тоже была представлена в кабинете. Я назвал имена Альбера де Мена и Дени Кошена. Но Вивиани и Мальви возражали, что парламент не поймет, почему надо было итти так далеко. В остальном все согласились. Бьенвеню-Мартен с большой готовностью согласился перейти в министерство труда. Думерга, который уж, было, приготовился совсем уйти, просили взять на себя портфель министра колоний, и он дал свое согласие. Нескольких министров пришлось исключить, чтобы избежать того кабинета из придворных советников, который пугал Делькассе. В числе устраненных оказались один-два, которые не могли примириться с этим, но они были исключением. Впоследствии они не жалуются открыто, но дают волю своим оскорбленным чувствам в кулуарах парламента и сохраняют против меня и Вивиани упорную, хотя и скрываемую

злобу. Их обвинения не всегда носили безобидный характер, порой они даже содействовали созданию тех нелепых легенд, которые потом снова всплыли в смутные времена 1917 г. Но не в этом дело. Вивиани и я поступили так, как повелевал нам долг.

К вечеру состав кабинета определился следующим образом: Вивиани остается, как был, председателем совета министров; Делькассе согласно своему желанию получил портфель министра иностранных дел; Мальви согласно желанию большинства в палате депутатов сохранил за собой министерство внутренних дел; Рибо, которого все считают одним из самых выдающихся наших парламентских деятелей, заменил Нуланса во главе министерства финансов; Мильеран снова занял во главе военного министерства пост, который он с такой пользой занимал в 1912 г.; Оганьер остался во главе морского ведомства; Альбер Сарро, симпатичный и достойный депутат от департамента Оды, — министр народного просвещения; социалисту Марселю Самба поручено министерство общественных работ; за Гастоном Томсоном остался портфель министра торговли; за Фернандом Давидом — портфель министра земледелия; Думерг взял на себя министерство колоний; Бьенвеню-Мартен изящным жестом уступил министерство юстиции и перешел в министерство труда; Жюль Гэд, социалист, получил новый титул министра без портфеля.

Вивиани представляет мне реконструированный кабинет. Я приветствую патриотизм министров и обещаю им всяческое содействие со своей стороны. Отсутствует только Жюль Гэд. Но за него горой стоит Марсель Самба. Впрочем Самба говорит мне по секрету: „Гэду будет несколько не по душе присутствие Рибо в министерстве, он не долюбливает его взгляды и его характер. Но, так как в нем горит огонь патриотизма, вам легко будет успокоить его. Вы воистину приобрели на него влияние во время вашей беседы с ним; он рассказывал мне о ней прямо с восторгом".

Известия с фронта не улучшаются. I и II армии заставили неприятеля отступить; шармская дыра заткнута; но IV армия, сильно атакованная под Седаном и Бланьи, отодвинула сегодня ночью свое правое крыло на Маас. Немцы вторглись в Авенский округ. Они двинулись на линию Камбрэ-ле-Като. Тем временем бельгийская армия, которая добилась вчера довольно значительного успеха в районе Малина, достигла преимуществ по всей линии до Вильворда, встревожена нашим отходом и сообщает нам, что, если мы удалимся от нее, она вынуждена будет вместо продвижения вперед заботиться о своей собственной безопасности[1].

Маршал Френч, который отошел 25 августа на линию Камбрэ-ле-Като, отдал сегодня утром приказ продолжать отступление; он считал невозможным даже укрепиться по ту сторону Соммы и поэтому предписал своим войскам отступить до Уазы. Итак, к несчастью, сражение между Амьеном и Верденом, которое предвидел генерал Жоффр, будет перенесено далее на юг. Во время этих последовательных отступлений наши города и села одни за другими занимаются неприятелем и подвергаются жестокому разорению.

---

[1] Телеграмма Клобуковского № 290.

Разумеется, наши неудачи не поднимают нашего веса в нейтральных странах. Повсюду эти наши неудачи используются против нас. Морис Бомпар телеграфирует нам из Перы[1]: „Турецкое правительство лишено теперь возможности отослать немецкий экипаж „Гебена“ и „Бреслау“, равно как германскую миссию. Только показательный успех наших армий мог бы снова придать ему достаточный авторитет и вместе с тем также энергию, чтобы порвать с немцами, сила которых импонирует ему с каждым днем все более“.

Австрийцы продвигаются вперед в Санджаке[2]. В Египте германские и австрийские консулы стараются поднять население против Англии и возмутить его также против французской колонии[3]. Но в Петербурге Сазонов заявил Палеологу[4], что русский генеральный штаб считает превосходным решение французского главнокомандующего временно отказаться от всякого наступления. Нам советуют не допускать развала и упадка духа и сохранить за собой всю свободу маневрирования до того момента, когда русская армия будет в состоянии нанести решительный удар. Наш военный атташе генерал де Легиш, проведший недавно несколько дней на фронте, телеграфирует, что наступление уже энергично развернуто в нескольких местах; он, как видно, вполне уверен в успехе. Итак, ожидать ли нам, что оттуда придет помощь, в которой мы нуждаемся?

Четверг, 27 августа 1914 г.

Новый кабинет встретил весьма благоприятный прием со стороны общественного мнения. Утром состоялось первое заседание совета министров. Мильеран сообщает, что отправится в ставку на совещание с генералом Жоффром. Он прав. Да удастся ему установить более тесную и регулярную связь между правительством и высшим командованием! Кроме того у военного министра было продолжительное совещание с генералом Галлиени. Военный губернатор не перестает питать тревогу относительно Парижа. Он считает, что через четыре или пять дней возможно появление немецкой кавалерийской разведки у самых стен города. Он торопится привести город в состояние обороны и считает целесообразным, чтобы ему уже теперь были посланы войска, затребованные у главной квартиры приказом Мессими. Марсель Самба желает, чтобы оповещено было население. Вивиани готовит декларацию, которая будет расклеена по всей стране. Он намерен энергично выразить в ней решимость нового кабинета довести борьбу до конца и его твердую уверенность в окончательной победе. К шести часам вечера состоялось новое заседание совета министров, на котором зачитана была эта прокламация. Но так как высказаны были некоторые возражения относительно мест, в которых затрагиваются военные вопросы, и так как Мильеран не вернулся еще из Витри-ле-Франсуа, решено было подождать его возвращения и отложить печатание.

---

[1] № 362.
[2] От Боппа, № 101.
[3] От Дефранса, № 61.
[4] Телеграмма от 26 августа, № 502.

Между обоими заседаниями меня посетил Клемансо, сердитый и угрюмый. Он снова сорвался с цепи. После нескольких недель перемирия теперь между нами снова вражда, как до войны; и на сей раз, как и тогда, я определенно вижу, что я совершенно не при чем в этом разрыве. К концу третьего дня ко мне пришли Дюбо и Дешанель и не без волнения рассказали мне о следующем выступлении Клемансо перед ними. Он привел к ним помощников мэра города Лилля, которые протестовали против оставления этого города нашими войсками. „Я знаю об этом деле, — сказал я им, — только то, что мне сообщил Мессими. В разговоре со мною он утверждал, что эвакуация Лилля не только была предложена ему генералом д'Амаде, заявившим, что его территориальные войска не в силах защитить город, этой эвакуации потребовал сам мэр города: он считал тщетной всякую попытку защищать город и боялся подвергать жителей перспективе обстрела тяжелой артиллерией". На основании обоих этих выступлений (д'Амаде и мэра) Мессими принял решение разрешить генералу отвести войска в тыл. Но при этом сделали ошибку, оставив в Лилле автомобили и запасы хлеба. Клемансо усмотрел в этом факте результат инерции правительства и согласно своему естественному влечению обрушился не столько на правительство, сколько на президента республики, которому он в последние полтора года приписывает все, что находит предосудительным,— он охотно делает эту честь президенту. В свою очередь Рибо рассказал мне сегодня утром, что он в качестве новоназначенного министра сделал визит Клемансо, с которым поддерживает — по крайней мере наружно — довольно хорошие отношения, и что он нашел Клемансо крайне раздраженным против меня. Мне легко было догадаться о причине плохого настроения Клемансо. Я вспомнил про слова агента Ленуара Нулансу. Непростительная вина моя заключалась в том, что я не сообразовался с ними и не предложил тотчас Клемансо место председателя совета министров. А не предложил я его ему потому, что с моей стороны было бы злоупотреблением властью и несправедливостью потребовать от Вивиани подать в отставку, для которой не было никаких оснований, и потому, что, несмотря на высокие интеллектуальные достоинства Клемансо, несмотря на его патриотизм и отвагу, я очень боюсь — возможно, даже несколько преувеличенно — его выходок, его неустойчивости и суверенного презрения ко всем людям, за исключением конечно одного. В присутствии его я всегда вспоминаю слова Эсхила, к сожалению часто забываемые нашими политиками: „Гордыня — чадо успеха, пожирающее своего отца". Конечно если Клемансо может желать министерства, то не из честолюбия, а в силу своего убеждения, что он спасет отечество и что никто кроме него не может его спасти. Если когда-нибудь придет его время, я без колебаний призову его к власти; но в такой войне, как эта, все будут рано или поздно использованы доотказа, и в конце концов лучше не бросать в огонь всех вождей сразу.

Несмотря на то, что мне сказали Рибо, Дюбо и Дешанель, или, лучше сказать, именно поэтому и потому, что я не хочу дать повода для обвинения, я написал Клемансо: „Мой дорогой президент, я был бы счастлив побеседовать с вами несколько минут, если вы

можете заехать в Елисейский дворец между двумя и четырьмя часами. Примите уверение в моей преданности".

Он явился очень мрачный и видимо весьма враждебный. Я пытался привести ему объяснения Мессими относительно эвакуации Лилля и требуемого высшим военным советом раскассирования этой крепости[1]. Он почти не слушал меня. Он упрекал меня в назначении туда генерала Персена, причем говорил о последнем с таким же озлоблением, как при другом случае о генерале де Кастельно, — он умеет быть эклектиком в своей злобе и антипатиях. Я ответил ему, что генерал Персен получил свое назначение шесть лет назад, когда я не был ни президентом республики, ни членом правительства; но он вряд ли слышал, что́ я говорил ему. Он обвинял меня в том, что я не контролировал военные бюллетени и не переделывал их, словно какой-либо министр мог бы допустить подобное вмешательство с моей стороны и словно он сам допустил бы его, очутись он на месте министра. Он упрекал меня в том, что я несколько недель назад образовал кабинет „ничтожеств", чтобы тем легче быть „хозяином" его, словно он сам в другое время не признавал и не провозглашал достоинств Вивиани и словно я когда-либо вышел из своей конституционной роли; меня часто тяготят жалкие возможности этой роли, но я считаю добросовестное выполнение ее своим долгом и условием общественного блага. Он упрекал меня в том, что я образовал вчера „косоглазое" министерство, в которое социалисты явятся с задними мыслями политического характера, министерство, в которое Бриан, Делькассе и Мильеран всеми силами будут вносить разлад в своих собственных интересах и роковым образом будут подготовляться хаос и поражение. Он упрекал меня в том, что я приношу судьбы Франции в жертву эгоистическим целям. Одним словом, в эти несколько минут он говорил со мной с таким злобным неистовством и так бессвязно, как человек, совершенно потерявший самообладание; он говорил с бешенством обманутого патриота, который считает, что только он один может обеспечить победу нашим знаменам. Если бы я был волен в своих словах и действиях, я не мог бы сдержать себя и не выбросить его за дверь. Из уважения к своим функциям и к его возрасту я сдержал себя. Впрочем каюсь, я один раз в нетерпении прервал его и заметил ему: „Это ложь". В ответ на это он, не переводя духа, бросил мне: „Те, которые говорят о лжи, сами заслуживают упрека во лжи". И продолжал свою филиппику. Я не сводил с него глаз, с изумлением смотрел на этого расходившегося старика, который облегчал свою скорбь, выливая на меня ушаты грязи и оскорблений. Я отпустил его, не сказав ему ничего в ответ. Уходя он поднялся, весь затрясся от гнева и бросил мне в лицо следующую фразу: „Впрочем, о чем вы думаете в такой момент, как этот? О том, чтобы воскуривать себе фимиам через „Фигаро" и Альфреда Капюса". Лишь после его ухода я понял смысл этой последней выходки. Прежде чем попасть в мой кабинет, он прошел через кабинет моего нового секретаря по гражданским

[1] 4 февраля 1919 г. Клемансо вернулся к этому законопроекту, и 21 октября 1919 г. закон был обнародован в „Officiel", скрепленный его подписью.

делам, моего друга Феликса Декори; там он увидел рядом с моим сотрудником Альфреда Капюса, который очень близок с Декори и о присутствии которого я не имел никакого представления. Достаточно было этой встречи, чтобы дать новую пищу озлоблению Клемансо. Его нервы успокоились только тогда, когда он собрался уходить. Уходя он еще раз сказал мне, что с социалистами у власти я погублю Францию, и вместо слов прощания воскликнул: „Я счастлив, что ухожу". Видя его в таком возбужденном состоянии, я ограничился тем, что сказал ему: „Вы с ума сошли, не иначе, как с ума сошли". Впрочем он сам говорил мне, а также Рибо и Томсону, что он лишился сна и поддерживает себя только бромом. Я немедленно рассказал Вивиани, Томсону, Сарро и Мальви об этой печальной сцене. Вечерний выпуск „Temps" сожалеет о том, что Клемансо не министр. Только от самого Клемансо зависело стать им. Но он не хотел быть министром, он хотел быть министерством. Чем более я думаю об этом, тем более я прихожу к заключению: „Пока возможна победа, он в состоянии все испортить". Кто знает, быть может придет день, когда я прибавлю к этому: „Теперь, когда все повидимому погибло, он способен спасти все".

А пока что дадим улечься буре и вернемся к работе. Сегодня известия тоже очень различны. Бельгийская армия должна была приостановить свое наступательное движение на юге от Малина и отойти к Антверпену. Она привлекла к себе две немецких дивизии. Во Франции части кавалерии неприятеля достигли Комб в десяти километрах от Перонн. Другие части проникли в Сен-Кантэн. Мобеж со всех сторон осажден 9-м и 7-м корпусами неприятеля. На фронте нашей IV армии сражение в полном разгаре. Мы произвели контратаки, но нам не удалось помешать неприятелю переправиться через Маас в Доншери, Музоне и Пуйи. Неприятельские колонны пришли в Консанвуа и Данвилье. Только дальше на восток военное счастье улыбнулось нам. I и II армии продолжают очищать шармскую дыру и победоносно очищают нашу границу. И затем далеко на Балканах слабый луч света: австро-венгерские войска, которые продвинулись вперед в Новобазарском санджаке, теперь отступают. В колониях счастье тоже нам улыбается. Немецкие войска сначала заявили претензию на капитуляцию непременно с военными почестями, но потом сдались без условий. Сегодня в восемь часов утра союзники вступили в Камину.

Но эти далекие успехи нисколько не компенсируют наших неудач во Франции. Генерал Жоффр, который подготовляет для нас реванш, желает, чтобы мы восхваляли по заслугам маршала Френча и таким образом поощряли его перейти в скорости в контрнаступление; к тому же Френч сам недавно послал английскому правительству весьма лестный рапорт о французской армии[1]. Идя навстречу намерениям главнокомандующего, я поспешил отправить королю Георгу V следующую телеграмму: „Главнокомандующий французскими армиями донес правительству республики о замечательной доблести, прояв-

[1] Телеграмма Поля Камбона и нашего военного атташе в Лондоне от 27 августа, № 436.

ляемой армией вашего величества бок о бок с нашей армией в борьбе против общего врага. Прошу ваше величество принять мою трогательную благодарность и благоволить передать маршалу Френчу, равно как всем офицерам и солдатам под его начальством наши горячие поздравления и благодарность".

Сегодняшние известия из-за границы снова показывают нам непрестанную работу германской пропаганды в ее дьявольской изобретательности. В социалистических кругах Норвегии, которые благожелательны к нам, эта пропаганда заявляет через посредство газеты „Форвертс", что Германия оставит побежденной Франции ее жизнь и достоинство и предложит всем европейским нациям, включая Англию, создать всеобщий мир и образовать федерацию против русского деспотизма[1]. Через посредников-шведов она распространяет среди англичан инсинуацию, что английские войска, сбитые с толку нашим безобразным руководством, напрасно принесут себя в жертву; бельгийцам заявляют, что мы толкнули их на войну, а потом покинули их, и что Антверпен потерян[2]. В Мюнхене расклеены плакаты, в которых сообщается о выдуманном переходе французских армий через швейцарскую границу. Нас обвиняют в употреблении пуль дум-дум[3]. В то же время из Бухареста и Софии нам сообщают, что в Константинополь то и дело прибывают немецкие офицеры. Их приехало туда уже около ста пятидесяти. Вместе с экипажами „Гебена" и „Бреслау" и с военной германской миссией они составляют небольшую организованную силу, с помощью которой империя Гогенцоллернов окончательно налагает свою руку на Турцию[4]. Директор торгового банка в Стокгольме, предпринявший поездку в Берлин, сообщил по своем возвращении свои политические впечатления английскому посланнику в Швеции[5]. Германия, говорит он, решила обрушиться всей своей военной мощью на Францию, быстро сломить наше сопротивление и предложить нам мир на следующих условиях: неприкосновенность нашей территории в довоенных границах, запрещение укреплять нашу восточную границу, умеренное возмещение, колониальные компенсации, создание нейтрального княжества между Францией и Германией. Затем Германия обратится против России. Итак, нам объявили войну, вторглись на нашу территорию и от нас же еще потребуют, чтобы мы оставили впредь свою границу незащищенной, уплатили возмещение Германии, которая уже сожгла несколько наших городов, предоставили ей часть наших колоний и в довершение предали наших союзников, когда еще продолжаются враждебные действия! Действительно, надо думать, Германия будет отныне пытаться разъединить своих противников. Поэтому, чтобы предотвратить эту опасность, я уже не раз указывал правительству, что в наших интересах как можно скорее предложить Англии и России проект договора, по которому мы взаимно обязуемся не

---

[1] От Шевалье из Христиании от 27 августа, № 168.
[2] Та же телеграмма.
[3] Из Берна, № 237.
[4] От М. Бомпара от 27 августа, № 369. От Панафье из Софии 27 августа, № 77.
[5] От Тьебо из Стокгольма от 27 августа, № 64.

заключать сепаратного мира. Это дело было поручено Полю Камбону и Палеологу. Сэр Артур Никольсон уже дал свое согласие, и мы ожидаем согласия сэра Эдуарда Грея[1].

С другой стороны, телеграмма Баррера извещает нас, что Италия идет на попятную[2]. Маркиз ди Сан Джулиано сказал нашему послу: „Королевское правительство получило от Германии и Австрии заверения, рассеявшие все опасения, которые возможны были у нас относительно намерений центральных держав по отношению к нам. В этих условиях становится весьма маловероятным, что Италия выйдет из нейтралитета". Что это означает? Маркиз ди Сан Джулиано не сказал Барреру ничего более. Что обещали Италии Германия и Австрия? За чей счет должны быть исполнены эти обещания? Это тайна того храма осторожности и прозорливости, который называется Консультой.

А тем временем неприятель приближается к Сен-Кантэну. В 1557 г., тоже 27 августа, этот город, защищаемый Колиньи, был взят испанцами. Достанется ли он 27 августа 1914 г., как в 1870 г., в руки немцев? Неужели восхитительные пастели де Латура, перед которыми я некогда между двумя судебными заседаниями часами стоял в восторге и упоении, — неужели они будут теперь расхищены солдатами, которые уже грабят лотарингские деревни? Мои друзья Жорж и Анри Каэн, зорко стоящие на страже всех сокровищ искусства во Франции, умоляют меня сделать невозможное и спасти эти шедевры. Я велел телефонировать супрефекту, мэру, хранителю музея. Но не слишком ли поздно для спасения этой ценной коллекции?[3]

Пятница, 28 августа 1914 г.

Получил ответ от английского короля: „Искренне благодарю вас за вашу любезную телеграмму. С чувством глубокого удовлетворения и признательности я передал вашу высокую оценку фельдмаршалу Френчу и офицерам и солдатам, находящимся под его начальством; я уверен, что они будут глубоко тронуты тем, как вы оцениваете их выдающиеся заслуги. Всецело надеюсь, что доблестные французские войска сумеют в сотрудничестве с нашими силами победоносно отразить неприятеля".

Мильеран возвратился сегодня утром из ставки. Он нашел Жоффра и его помощников, генералов Белена и Бертело, преисполненными тою же решимостью и уверенностью. Свою первоначальную концепцию, которая не имела успеха, они заменили другой, которая до сих пор проводится в точности: общее отступление по всей линии, простирающейся в настоящий момент от Соммы до Вогез, а если понадобится, спуститься еще южнее, затем в ближайшее время остановка на этой линии в пункте, который еще не определен и будет зависеть от обстоятельств, бои на всем фронте и, если возможно,

---

[1] Из Лондона, № 463.

[2] Из Рима от 27 августа, без номера.

[3] Было уже слишком поздно. Немцы нашли эти пастели и перевезли их во время войны в Мобеж, но при своем поспешном уходе в 1918 г. оставили их там.

снова переход в наступление. Для подготовки этого нового большого сражения, которое несомненно решит исход войны, происходят переброски войск в направлении Амьена. Транспорт войск функционирует регулярно. Главная квартира повторяет, что вначале имели место ошибки в исполнении не только в войсках некоторых корпусов, но также в среднем командовании и местами у корпусных командиров. Карательные меры применены в довольно большом числе. Возможно, что при этом некоторые из них окажутся слишком поспешными и даже несправедливыми. Но важно дать почувствовать силу высшей власти, вездесущей, всюду бдительной, всюду непоколебимой. Мильеран даже нашел некоторые наказания слишком мягкими и приказал расширить круг наказуемых и усилить сами наказания. В отличие от Галлиени Жоффр нисколько не опасается рейда неприятельской кавалерии на Париж. Он не верит, что наш левый фланг подвергается риску быть обойденным неприятелем. Однако, если новый план главной квартиры провалится, затребованные для Парижа три корпуса будут отправлены в укрепленный лагерь, тогда как остальная армия будет продолжать кампанию. Мильеран очень удовлетворен полученной им информацией. Он утверждает, что Жоффр предусмотрел все возможности.

К несчастью, работы по приведению Парижа в состояние обороны далеко еще не закончены. Это подтвердил мне генерал Галлиени, который явился ко мне с визитом по случаю своего назначения военным губернатором, причем выразил мне свою благодарность за мое содействие при его назначении. Как всегда, речь его была тверда и ясна, без экстаза и отступлений в сторону. Он сурово отзывается о генерале Мишеле, упрекает его в волоките и небрежности.

В совете министров Мильеран сделал очень ясный и умышленно оптимистический доклад о положении. Но в известных кругах Парижа начинает преобладать пессимизм, быть может тоже умышленный. Кайо, мобилизованный в армию в качестве офицера, заведующего денежной частью, имел нелады со своим военным начальством. Приехав в отпуск в Париж, он, как рассказывают председательница французского женского общества мадам Перуз и другие свидетели, выказал в разговорах мало веры в исход войны. Кажется, он добивался, чтобы ему позволено было служить под начальством генерала Саррайля; Мильеран предписал ему возвратиться на свой пост в Амьене. Но мало вероятно, чтобы бывший министр, бывший председатель совета министров, к тому же называющийся Кайо, долго подчинялся требованиям военной дисциплины, если к нему не будут применены средства принуждения.

Клемансо еще более пессимистичен, чем Кайо, и проявляет в последние дни не меньшую подвижность. По его внушению сенатор Жаннаней, впрочем человек умный и рассудительный, явился к Феликсу Декори и прямо объявил ему, что, если правительство не созовет парламента, мы возьмем на себя самую тяжелую ответственность. Клемансо пытается также запрячь Дюбо и Дешанеля. Первый начинает склоняться на его убеждения. Второй сопротивляется ему с большим успехом. Впрочем, по правде говоря, сессия палаты еще продолжается. 4 августа палата сама отсрочила свои

заседания. Декрет о закрытии сессии не был прочитан. Стало быть председатели обеих палат вольны созвать их в условиях, предусмотренных уставом. Но к чему послужит созыв парламента накануне сражения? Разве слова не должны уступить теперь место звону оружия? Можно удовольствоваться составленной Вивиани прокламацией как манифестом гражданской власти. Она была принята после некоторых поправок Мильераном и всеми прочими министрами. Это — торжественное обещание бдительности и энергии. Это также горячий призыв сохранять твердую решимость и доверие. Подписалось все правительство; но, так как этот манифест облечен в форму декларации нового кабинета, решено было, что мое имя не будет фигурировать в нем [22].

Частично исправлена ошибка, допущенная в Лилле. Префекту Северного департамента удалось нагрузить оставленными в городе ружьями и военным снаряжением состав из тридцати семи вагонов. Он отправил их в Дюнкирхен. В районе, телеграфирует он нам к нашему удивлению, не осталось уже ни одного представителя армии. Он надеется, что будет иметь завтра возможность продолжать эвакуацию военного материала, оставленного войсками в городе, и кроме того отправить триста пятьдесят новых вагонов с фуражом и продовольствием. Он остался без связи с большей частью коммун его департамента. Поддерживает связь только с Дюнкирхеном и Газебруком. Тем не менее он старается обеспечить с грехом пополам функционирование общественных учреждений. Но в каком беспорядке произошел уход гарнизона из Лилля! В конце концов Клемансо не совсем был неправ.

К концу дня мы получили известие, что около семнадцати часов с половиной немцы массами вошли в Сен-Кантэн.

Как и в предыдущие дни, из Санкт-Петербурга приходит слабое утешение[1]. Нас уверяют, что русское наступление успешно продолжается на всем фронте, что в Восточной Пруссии немецкие войска всюду отступают к Кенигсбергу и Алленштейну, что в восточной Галиции русские победоносно двигаются по направлению к Львову. Далекие миражи, они не в состоянии скрыть от нас тех печальных фактов и опасностей, которые окружают нас.

Согласно немецким газетам (Бо послал нам из Берна краткий обзор их)[2] губернатор Метца расклеил в городе следующую прокламацию: „В битве вокруг Номени (департамент Мерты и Мозеля) жители принимали участие в борьбе против храбрых войск нашего 4-го пехотного полка; вследствие этого я отдал приказ сжечь в наказание эту деревню до тла. Поэтому Номени теперь совершенно разрушен". Все тот же предлог, все то же варварство. Бо сообщает нам также торжествующий победу бюллетень германского генерального штаба[3]: „Успех немцев на всем фронте. Клюк отбросил англичан и обошел левое крыло французов на северо-западе от Мобежа. Армии Бюлова и Гаузена вели бой между Самброй и Маасом. Армия герцога Вюртембергского

[1] Из Санкт-Петербурга от 28 августа, № 503.
[2] Телеграмма от 28 августа, № 238.
[3] Из Берна, № 242.

перешла Семуа и Маас. Фронт армии кронпринца направлен теперь против Лонгви. Баварский наследный принц продвигается вперед в Лотарингии. Армия Геринген преследует французов в Вогезах".

И всюду все более наглый блеф. Германский посол в Соединенных штатах граф Бернсдорф, недавно возвратившийся в Вашингтон, дает один за другим интервью и предпринимает всевозможные шаги, чтобы ввести в заблуждение американское общественное мнение[1]. Он подчеркивает опасность преобладания японцев на Тихом океане. Чрезмерно преувеличивает успехи немецких армий. Ликует и торжествует как германец, считающий свой фатерланд владыкой мира. Но эти преувеличения заставляют насторожиться здравый смысл американцев, и „World" помещает передовую под следующим характерным заглавием: „Правду говорит Франция".

Президент Вудро Вильсон назначил нового посла в Париже на смену нашему выдающемуся другу Майрону Т. Геррику. Его имя Шарп, он представлен нам как человек лойяльный и воодушевленный наилучшими намерениями. Но мы еще не знаем его. Он уже отплыл во Францию и будет в Париже очень скоро. К счастью, ему дана инструкция не вручать мне свои верительные грамоты сейчас по своем приезде и подождать, пока будут урегулированы к удовлетворению обеих стран различные вопросы, которыми занимается Геррик и которые не имеют отношения к войне[2].

Кроме того вчера Жюссеран был принят президентом Соединенных штатов[3]. Вильсон с нескрываемым волнением говорил ему об европейском конфликте. Наш посол напомнил ему о всех усилиях, сделанных нами, для того чтобы избежать этого несчастья. Как ни осторожен был президент в своих выражениях, они были проникнуты действительной симпатией к Франции. Жюссеран старался доказать, что немцы — они желают продать Соединенным штатам свои корабли в американских портах, чтобы получить за них валюту, — согласно лондонскому соглашению 1909 г. никак не имеют права на такую перемену флага и что само вашингтонское правительство тоже не может пойти на такую сделку. Строгий юрист Вильсон ответил только: „Я очень серьезно подумаю над тем, что вы мне говорите". Каков будет результат размышлений президента? Никто не знает этого. Вильсон совсем не знает Европы, а Европа совсем не знает Вильсона. В Америке имеются горячие друзья Франции. Но каковы думы великого доктринера, который в настоящее время руководит судьбами Соединенных штатов? Большое искусство требуется для того, чтобы ответить на это даже не с достоверностью, а хотя бы только с вероятностью.

Вечером получены важные известия. Видя, что отступление англичан за Уазу, между Нойоном и Ла Фер, обнажает левое крыло V армии, генерал Ланрезак в свою очередь форсировал свое собственное отступление. Но в этот момент он получил от генерала Жоффра приказ немедленно повернуть фронт на запад и атаковать с фланга

---

[1] От Жюссерана от 28 августа, № 265.
[2] От Жюссерана от 28 августа, № 266.
[3] Телеграмма от 28 августа, № 267.

в направлении Сен-Кантэна армию фон Клюка, которая преследует англичан и движение которой необходимо во что бы то ни стало задержать. Жоффр придает самое важное значение сражению, которое должно теперь возгореться.

Зато Жоффр решил, тоже сегодня, распустить эльзасскую армию, „так как, — пишет он, — события делают этот участок второстепенным театром военных действий". Надо думать, ему дорого стоило после его патриотического воззвания к Эльзасу подписаться под этими горестными словами: второстепенный театр военных действий. Увы, пришла к концу прекрасная и доблестная авантюра, которая заставляла трепетать наши сердца.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Битва под Гизом. — Русские в Галиции и Восточной Пруссии. — Наше генеральное отступление продолжается. — Совещание правительства с председателями обеих палат. — По требованию генерала Жоффра военный министр настаивает на том, чтобы правительство покинуло Париж. — Кабинет совещается. — Писатели служат общему делу. — Визит Майрона Т. Геррика. — Печальный отъезд. — Приезд в Бордо. — Накануне сражений на Урке и на Марне.

Суббота, 29 августа 1914 г.

Леон Буржуа, как всегда скромный и бескорыстный, пришел ко мне благодарить правительство за назначение его председателем комиссии помощи и снабжения, в которой он работал вместе с Мильераном, Брианом и Делькассе. Он одна из тех очень редких натур, которые с одинаковой готовностью служат на том посту, на который они поставлены. Впрочем дело, которым он руководит, приобретает с каждым днем все большее значение. Помимо семейств мобилизованных, которым правительство с самого начала враждебных действий назначило регулярные вспомоществования, в Париже имеются безработные рабочие, которые по причине своего возраста или состояния своего здоровья не были призваны в армию; имеются женщины без средств и без заработка; все растет число несчастных, нуждающихся в помощи [23]. Не менее важен вопрос о снабжении, так как после мобилизации замечается всюду некоторый недостаток рабочих рук, а военные транспорты мешают сообщению и задерживают его. Для надзора за соответственными административными органами и для стимулирования их природная доброта Леона Буржуа пригодится не менее, чем его компетенция бывшего министра гигиены и профилактики.

Словно смерч, ко мне врывается грозный, разъяренный Турон, вице-председатель сената, представитель департамента Эны. В своем болезненном раздражении он неузнаваем. Он утверждает, что генеральный штаб нас обманывает или не осведомлен, что немцы обошли нас с левого фланга и находятся в Ла Фер. Те же самые опасения, которые он высказывает мне с такой запальчивостью, я сам еще вчера выражал офицерам связи. Но главная квартира по сию пору, несмотря на оккупацию Перонна и Сен-Кантэна, не испытывает серьезной тревоги. Напротив, полковник Пенелон только что

звонил в Елисейский дворец от имени генерала Жоффра, что за вчерашний день положение улучшилось. В краткой сводке, вышедшей сегодня утром, говорится даже, что движение немцев замедлилось, но этого никак не видно, и во всяком случае я понимаю, что Турон, крупный промышленник из департамента Эны, не чувствует успокоения. Чтобы не увеличивать его тревоги, я скрываю от него свои собственные опасения. Но в глубине души я не намного спокойнее его, и наедине с самим собою я задаю себе вопрос, не переходит ли упорный оптимизм главной квартиры в ослепление.

Одно за другим приходят известия о том, что немцы сожгли знаменитую библиотеку в Лувене, что во Франции одна немецкая бригада подошла к Сомме у Бри, что сильная колонна неприятеля вошла в Нувионский лес, что одна пехотная дивизия атаковала наш 9-й корпус в районе Доммери, что со стороны Музона немецкие войска перешли на левый берег Мааса, что в Лотарингии наши I и II армии снова перешли в наступление, но лишь медленно продвигаются вперед, что в Верхнем Эльзасе значительные силы, пришедшие из Нев-Бризака и Тунинга, концентрируются с направлением на Бельфор.

При всей своей односложности и недоговоренности официальные сводки об отступлении начинают мало-помалу смущать общественное мнение. Некоторые парижские клубы, оставшиеся открытыми, дают убежище праздным ворчунам и шептунам, которые всюду разносят обескураживающие вести. Появилась новая болезнь, для которой пришлось найти новое название: дефетизм, пораженчество. Моя корреспонденция все более раздувается. Это сплошь критика, жалобы, обвинения, а также настойчивые просьбы посвятить Францию святому сердцу Иисуса — с такими просьбами обращаются ко мне священники и женщины. Во многих случаях эти требования вырываются из наболевшей души, вытекают из искренней веры, но другие продиктованы, увы, не столько религиозным чувством, сколько политическими страстями [24]. Наши поражения выставляются здесь как заслуженная кара, которую бог посылает на республику. Неужели священный союз в опасности? Нет, я не верю этому. Несмотря на то, что я ежедневно получаю много таких разочарованных писем, они все же ничтожное исключение, а страна в целом единодушна в своем доверии.

В два часа является полковник Пенелон с успокоительными известиями от главной квартиры. По всей видимости те четыре немецких корпуса, которые двигаются параллельными колоннами на наше левое крыло и авангарды которых уже переправились через Сомму, слишком неосторожно зашли вперед. На их правом фланге находится наш 7-й корпус, который был переброшен в Амьен и вместе с резервными дивизиями, кавалерийскими дивизиями под командой генерала Сорде и четырьмя батальонами пеших стрелков под командой полковника Серре составляет новую, IV армию под начальством генерала Монури. Немцы незамедлительно будут атакованы этими соединенными силами.

На левом фланге этих четырех немецких корпусов находится вся армия генерала Ланрезака. К несчастью, эта армия так утомлена,

что генерал Ланрезак выразил желание отвести ее без боя на юг от Лаона и перегруппировать ее там для новых боев. Жоффр, который не желает терпеть в этот момент никакого промедления, усмотрел в этом предложении Ланрезака неуменье справиться с положением. Он отдал генералу Ланрезаку формальный приказ перейти в наступление в районе Гиза; он категорически угрожал расстрелять Ланрезака в случае неповиновения или колебания и лично отправился на театр военных действий. По словам полковника Пенелона, он возлагает большие надежды на это новое сражение.

В продолжение всего дня до меня доходят самые противоречивые слухи. Один депутат из департамента Эны, по имени де Маньоде, явился в Елисейский дворец в дорожном платье; но в петлице у него значок депутата, а через плечо перекинут трехцветный шарф, словно он сам собственной властью возвел себя в комиссары при армиях республики. Он прибыл из Вервена в чрезвычайном возбуждении. Рассказывает, что видел в окрестностях Лаона наши войска в беспорядочном состоянии. Помощник префекта в Вервене сказал ему, что наши вожди либо пали духом, либо люди неспособные. В самом Лаоне он не встретил ни одного французского солдата. В Компьене он имел случай восхищаться англичанами, их прекрасным видом. Наши солдаты в большинстве случаев превосходны и полны энтузиазма. Но наши вожди!.. И с сугубой серьезностью де Маньоде делает вывод: „Надо отправить к нашим армиям комиссаров, чтобы следить за тем, что там происходит, и поднять дух войск".

И снова тот же Турон, еще более взбудораженный. Он снова заявляет нам — Вивиани и мне, — что нас обманывают и что наши армии окружены. Мы тщетно стараемся успокоить его. Этот человек, всегда уравновешенный и рассудительный, теперь совершенно не владеет собой.

Между четырьмя и семью часами вечера, во время заседания совета министров, он еще раз явился в Елисейский дворец и был принят Феликсом Декори. Он рассказал, что говорил по телефону с Себлином, тоже сенатором из департамента Эны; у Себлина есть имение несколько южнее Сен-Кантэна, занятое теперь немцами. По-видимому немцы обращаются с Себлином прилично, но они уверяют его: „Париж поплатится за Францию". С крыши своей усадьбы Себлин обозревает на расстоянии десяти километров, как развертывается сражение. Он имеет еще возможность свободно телефонировать в Лаон и Париж и сообщает Турону, что в начале боя наши войска атаковали в направлении Сен-Кантэна и добились преимуществ, но неприятель получил подкрепления от своего авангарда на Сомме и в конце концов отбил нашу атаку.

В половине десятого вечера один из офицеров связи капитан Рошар принес мне бюллетень, подтверждающий печальную информацию Себлина. Зато префект Эны телеграфирует из Лаона, что мы имели серьезный успех в окрестностях Гиза. Неприятель, выйдя из города, повел очень сильную атаку; мы дали ему отпор, и с этой стороны наступление немцев повидимому пока задержано. Однако новое разочарование: левое крыло нашей V армии оттеснено на Уазу. Итак, несмотря на частичное преимущество, полученное нами под Гизом,

маневр главной квартиры, как видно, на этот раз тоже окончился неудачей. Наша атака против четырех корпусов, образующих правое крыло неприятеля, не удалась; кроме того мы не в состоянии были полностью отразить атаку неприятеля на правое крыло и арьергард армии Ланрезака. Продвижение неприятеля не только не остановлено, но мы рискуем, что он обгонит нас и затормозит наше отступление.

Ввиду этого совет министров вынужден считаться с возможностью осады Парижа. Мильеран холодно заявляет, что в таком случае он по соглашению с генералом Жоффром предложит в последнюю минуту отъезд правительства, которое не имеет права дать себя отрезать и изолировать от нации. Я считаю преждевременным рассмотрение этого вопроса и настоял на том, чтобы он был отложен. Но Гэд и Самба спрашивают, останутся ли в случае отъезда по крайней мере несколько членов правительства в Париже, чтобы представлять здесь правительство. Решение по этому вопросу тоже было отложено. Оба министра-социалиста выступают затем с пожеланием вооружить население Парижа для защиты столицы. Но Мильеран заметил на это — и я поддержал его, — что вооружение населения подвергло бы Париж опасности страшных репрессий, так как немцы всюду ссылались на единичные выстрелы, приписываемые ими жителям, чтобы под этим предлогом поджигать дома безобидных мирных граждан. По всем вопросам, касающимся обороны Парижа, совет министров решает выслушать завтра под моим председательством генерала Галлиени.

Телеграммы сегодняшнего дня нисколько не облегчают нашей мучительной тревоги. Намерения Турции попрежнему покрыты мраком неизвестности; но из Константинополя отправляются в Северную Африку многочисленные эмиссары для панисламистской пропаганды [1]. Офицеры немецкой армии и флота продолжают направляться через Болгарию в распоряжение генерала Лимана фон Сандерса. Посланники союзников в Софии напрасно выступали перед болгарским правительством с жалобами против этого циничного нарушения нейтралитета [2]. Германия прибегает также к всяческим ухищрениям в Бухаресте, чтобы добиться от короля Карола крайнего решения, противного взглядам всей страны. Наш посланник Блондель, весьма обеспокоенный этим давлением, находит желательным, чтобы Россия предложила Румынии один округ в Бессарабии, для того чтобы поползновения короля Карола должны были уступить силе общественного мнения [3]. Через Румынию прошли в Болгарию и Константинополь целые поезда, набитые доотказа немецкими офицерами и солдатами в штатском, — несмотря на переодевание, их легко было узнать. Как и коллега его в Софии, Блондель жаловался на это странное попустительство. Бухарестское правительство, которое отлично знало, какой линии ему следует держаться, но из-за короля не посмело закрыть границы, оказалось при этом в затруднительном положении [4].

---

[1] Телеграмма из Терапии, № 373.
[2] Из Софии, № 78.
[3] Из Бухареста, № 83.
[4] Из Бухареста, № 84 и 86.

Сегодня послы держав Тройственного согласия вручат Порте предложение, которое несомненно страдает двумя недостатками: оно слишком запоздало и остается слишком неопределенным. Вот текст его: „Три державы объявляют Высокой Порте, что они готовы гарантировать неприкосновенность турецкой территории и рассмотреть в дружественном духе требования в области экономики и судопроизводства, с которыми обратилась бы к ним Высокая Порта. Со своей стороны Высокая Порта обязуется соблюдать строгий нейтралитет в том конфликте, который разделяет в настоящее время Европу". Надо опасаться, что теперь, после шума, поднятого Германией вокруг наших поражений, это предложение имеет мало шансов быть принятым.

Однако военные известия из России попрежнему очень благоприятны. В Восточной Пруссии русские заняли Алленштейн; в Галиции завязалось генеральное сражение от Вислы до Львова на фронте протяжением в триста километров.

Сэр Эдуард Грей сказал Полю Камбону, что он, как и мы, считает, что союзники должны обязаться друг перед другом не заключать сепаратного мира[1]. Однако остается оформить это соглашение. Я требую от Делькассе ускорить заключение его. Наши соглашения 1904 г. не делают Англию нашей союзницей. Она стала ей фактически благодаря войне. Надо, чтобы этот союз продолжался по крайней мере до наступления мира.

Воскресенье, 30 августа 1914 г.

В Лотарингии значительно ускорилось продвижение наших войск. Мы — хозяева линии Мортань, и наше правое крыло продолжает двигаться вперед. Однако нам ни разу не дается успех без какой-либо неудачи в другом месте: в Вогезах мы, кажется, отступаем. Город Сен-Дие все еще занят неприятелем, и вчера вечером префект телефонировал, что неприятель хотел увести в плен мэра с его помощниками и видных лиц в городе на том основании, что в Сент-Мари и Саалс наши военные власти сочли нужным взять в заложники женщин и детей. Правительство соглашается на обмен и обещает возвратить заложников. Я не могу понять, как это французским офицерам могла взбрести в голову эта несчастная мысль захватить безобидные существа, и требую примерного наказания виновных.

На север от Ретеля саксонские войска атаковали наш 9-й корпус. Наша IV армия еще отодвинулась назад. На фронте III армии неприятель, появившись из Стенэ, предпринял сильную атаку на Боклер. Мы повсюду вынуждены продолжать уступать территорию. У Гиза мы дали настоящее сражение, чтобы выручить наше левое крыло. Мы оказали успешное сопротивление напору 10-го корпуса неприятеля и императорской гвардии. Но далее на запад мы были менее счастливы, и неприятельские войска продвинулись по направлению к Ла Фер. Итак, сведения, которые мне в таком волнении сообщил вчера Турон, не были совершенно неправильны. Части правого крыла I немецкой армии достигли Шон, Лигон и Розьер-ан-Сантерр.

---

[1] От Поля Камбона, № 466.

Сегодня утром офицер связи из главной квартиры, комментируя мне последние события на фронте, не скрыл от меня, что положение становится серьезным. Вивиани говорит, что он оставался сегодня поздно ночью в военном министерстве и что Мильеран снесся по телефону с Жоффром. Главнокомандующий уже не уверен в том, что сможет воспрепятствовать вступлению немцев в Париж, особенно если правительство останется в столице. Он считает, что мы должны удалиться, чтобы не привлечь неприятеля в Париж. Другими словами, это означает, что битва под Гизом не дала тех результатов, которых от нее ожидали. Однако я возражаю перед Вивиани против идеи об отъезде. Он тоже предпочел бы остаться. Но слова Жоффра сильно смутили его. Он сообщает мне, что с ним желают говорить председатели обеих палат. С какими намерениями? И что происходило бы в парламенте, если бы он заседал сегодня!

Пришел прощаться Мессими. Он в мундире стрелкового командира и с бодрыми чувствами отправляется к своему батальону. Я обнимаю его и напутствую его наилучшими пожеланиями. Он оставляет мне род завещания, написанного, подписанного и помеченного его рукой. В числе других наставлений там находятся следующие две строки: „30 августа 1914 г. Прежде всего, не пытаться запереться в Париже. Уходя разрушать все искусственные сооружения, даже в пути". Под тем, чтобы не запираться в Париже, он, как он мне поясняет, понимает следующее: не допустить, чтобы вместе с городом осажден был его гарнизон. Он считает невозможным защищать Париж как укрепленный город даже с теми тремя армейскими корпусами, которые он затребовал. Считает гораздо более целесообразным дать за стенами города, окопавшись в открытом поле, одно или несколько больших сражений, но не лишать себя свободы движений, заперевшись в Париже. Я отвечаю ему, что в вопросе по существу военном ни правительство, ни я не можем действовать своей властью помимо власти командования. Он умоляет меня — на коленях, как он выразился, — передать его мнение военному министру. Я послал его собственноручную записку Мильерану, который сможет в случае надобности показать ее Жоффру и Галлиени.

Главнокомандующий озабочен в настоящий момент главным образом тем, как намерен держать себя в дальнейшем маршал Френч. Согласятся ли англичане прервать свое отступление и снова сражаться, не дав себе передышки для восстановления своих рядов? По всей видимости они отступают к Мо, чтобы оттуда достичь низовьев Сены и приблизиться к своим морским базам. Они должны таким образом обойти Париж с юга и направиться на восстановление в район Руана. Жоффр встревожен этим планом и желал бы, чтобы Френч отказался от него.

Перед заседанием совета министров ко мне в кабинет пришел Галлиени. В присутствии Вивиани и Мильерана он излагает мне свои мысли с такой ясностью, с такой силой выражения, с таким мастерством, которые производят на всех нас сильное впечатление. Гибкий, подвижной, высокого роста, с высоко поднятой головой, с проницающим из-под пенснэ взглядом, он импонирует всем имеющим с ним дело как пример человеческой мощи. Ему всего шесть-

десят пять лет и несколько месяцев. К сожалению здоровье его пошатнулось во время продолжительного пребывания в колониях, а именно за девять лет, проведенных им в Мадагаскаре и оказавшихся столь плодотворными для Франции. Он находит, что защита Парижа недостаточно обеспечена, что форты не в надлежащем состоянии, что укрепленный лагерь недостаточно солидно оборудован и что необходимы по крайней мере еще восемь-десять дней, чтобы наверстать время, потерянное генералом Мишелем. Но, присовокупляет он, даже если заполнить все пробелы, Париж не выдержит штурма, поддержанного тяжелой артиллерией, какой располагают немцы. Поэтому необходимо образовать маневренную армию из четырех армейских корпусов или по крайней мере из трех, о которых говорилось в приказе Мессими, под начальством военного губернатора Парижа. Эта армия явится левым крылом всех прочих наших армий и, когда понадобится, будет сражаться перед Парижем.

Мы приглашаем генерала Галлиени изложить свои взгляды в совете министров. Совет выслушал его на утреннем заседании. Галлиени повторил свое изложение с той же ясностью и настаивал на тех же выводах. По просьбе Мильерана он представил даже письменный рапорт, далеко не успокоительный; рапорт этот немедленно был представлен на рассмотрение главнокомандующего, так как отправка требуемых корпусов зависела прежде всего от тех материальных возможностей, о которых мог судить только один Жоффр.

Во второй половине дня состоялось новое заседание совета министров, на котором выступили в свою очередь Дюбо и Дешанель. Первый сегодня очень мрачен и жует свои вставные зубы в знак неукротимого недовольства. Он доказывает правительству, что юридически оно не имеет права выехать куда-либо из столицы без вотума палат, что местопребывание государственной власти в Париже установлено законом 1879 г. и стало быть, если правительство собирается выехать из Парижа, необходимо предварительно созвать парламент и внести в него проект соответствующего закона. Впрочем он утверждает, что в палатах не будет бурных прений о военных операциях, что опять легко найдется то же единодушие, что 4 августа, и что новая манифестация парламента придаст новую силу правительству. Поль Дешанель как бы прячется за своим старшим коллегой и остается в формальных пределах; он заявляет, что получил от ряда депутатов письма с требованием созыва палаты, но не принимает эти требования на свой счет и в нынешних обстоятельствах прежде всего желает оставаться в согласии с правительством. Дав слово министрам, требовавшим его, я резюмирую, что, не предрешая никоим образом постановления совета министров и не высказывая пока своего собственного мнения о целесообразности отъезда правительства, требуемого главнокомандующим, я не считаю правильным юридический тезис, выставленный Антонином Дюбо. Речь отнюдь не идет о перманентном перемещении местопребывания государственной власти; речь идет только о том, чтобы в случае, если соображения военной необходимости не позволят правительству оставаться в Париже, временно собрать совет министров в другом городе и таким образом изменить не местожительство, а местопребывание. Разве министры не собирались часто

вне Парижа: в Рамбуйе, в Фонтэнебло, в Пон-сюр-Сен, в Гавре? Дюбо не оспаривает правильности моего замечания. В заключение он даже заявляет, что, дабы снять с себя ответственность, он в первую очередь желает, чтобы правительство без замедления издало, как оно имеет право, декрет о закрытии чрезвычайной сессии парламента и таким образом освободило его, председателя сената, от неприятной миссии либо созвать высокое собрание, либо отклонять индивидуальные требования о созыве его. Вивиани, Рибо и Самба замечают на это, что, если немедленно будет издан этот декрет, он встревожит общественное мнение. С другой стороны, созыв палат, даже с самым лаконическим порядком дня вроде „сообщения правительства", дал бы повод на фронте и во всей стране к самым разнообразным и, надо думать, самым нежелательным комментариям. Могли бы предположить, что правительство собирается просить мира. Это значило бы рисковать подорвать боевой дух войск.

Когда оба председателя палат удалились, совет министров принимает решение, что при нынешних тяжелых обстоятельствах он не может взять на себя ответственность созвать парламент. Вивиани по телефону сообщает Дюбо это решение. Дюбо, стоя у аппарата, возмущается и гневным голосом заявляет, что он сам созовет сенат, если правительство не поддержит его, предложив мне на подпись hic et nunc (незамедлительно) декрет о закрытии сессии. Вивиани пытается убедить его, что неудобно принимать эту меру прежде, чем совет министров решит покинуть Париж. Долгая дискуссия по телефону. В конце концов условились, что декрет появится в „Journal Officiel" только в том случае, если правительство будет вынуждено оставить Париж. По предложению Самба и Гэда принято также постановление, что, если будет издан такой декрет, он будет мотивирован невозможностью созвать парламент в полном составе, так как часть его членов находится в армии. „Очевидно, — говорит мне Вивиани, — это Клемансо надоумил Дюбо". Возможно; но при случае Дюбо умеет выступать и по собственной инициативе.

Пока без особого вреда заканчивается эта небольшая баталия в тылу, на небе раздается шум мотора. Над Парижем летает немецкий самолет. Он сбросил три бомбы, взорвавшиеся на набережной Вальми и на улице Винегр. Один человек убит и трое ранены. Вместе с тем летчик выбросил нечто вроде прокламации довольно смехотворного содержания; в ней сообщалось парижанам, что им не остается ничего другого, как бежать, так как немцы, как в 1870 г., находятся у ворот столицы. Хотя газеты немедленно оповестили об этом происшествии и оно стало известно всем, оно не вызывало никакой тревоги среди населения — спокойствие последнего остается воистину достойным удивления. Однако депутаты и муниципальные советники начинают беспокоиться о судьбе города. Горячие патриоты, как Галли, предлагают вооружить жителей для уличных боев. Но для каких актов мести и варварства дало бы это предлог немцам!

...А на востоке Европы все мерцает тот же слабый луч света: генерал де Лагиш телеграфирует [1], что последние успехи русских отдали

[1] Из Санкт-Петербурга от 30 августа, № 517.

в их руки Восточную Пруссию. „Оставляя перед крепостями заслон из немногих регулярных войск и из резервов, ядро армий спешно двинуто на запад, причем все энергичнее проводится наступление в направлении Берлина. В Галиции продолжается большая битва, завязавшаяся несколько дней назад. Превосходные результаты на востоке, но на западе нет еще окончательных результатов". Во всяком случае это выступление русских армий облегчит нас на восточном фронте, и генерал Жоффр чрезвычайно благодарен за него великому князю Николаю Николаевичу.

Понедельник, 31 августа 1914 г.

Мой старый товарищ по корпорации адвокатов Альфонс Девилль, муниципальный советник в Париже, любезно уведомляет меня о чрезвычайно странных слухах, циркулирующих в городе. Так как в последние дни я не имел ни случая, ни времени, ни охоты выезжать из Елисейского дворца, рассказывают, что я секвестрован правительством. Девилль приглашает меня показаться раз-другой на улицах города парижанам, которые так часто встречали меня с таким радушием и благожелательностью. Я решил посетить сегодня раненых, привезенных недавно в военный госпиталь Реколет (францисканцев) у предместья Сен-Мартен. Никогда еще я не испытывал при своих президентских выездах такого глубокого волнения. Приветствовать этих молодцов от имени нации, выразить им общественную благодарность — ах, я чувствую себя недостойным этой высокой и почетной задачи! Но эти люди не нуждаются в утешении и в ободрениях. Все они в великолепном состоянии духа и горят нетерпением возвратиться на фронт. Заметив мое смущение и неловкость, они не показывают мне и виду этого, и каждый находит трогательное слово, чтобы выказать мне свою благодарность. На улицах, при проезде туда и обратно, особенно в предместьи Сен-Мартен, меня встречают взрывами энтузиазма женщины-мещанки, торговки и работницы, а также мужчины, оставшиеся среди них по причине слишком юного или преклонного возраста. Как и прежде, я представляю сегодня в их глазах Францию, Францию в опасности, но твердую и решительную. Неужели же правительство решится покинуть Париж и оставить здесь столько несчастных существ, доверяющих ему?

Благодарение богу, полковник Пенелон привез мне сегодня из главной квартиры известия, позволяющие еще надеяться, что перед нами не встанет вопрос об отъезде. От имени генерала Жоффра он говорит мне, что, если бы только англичане согласились поддерживать через свой арьергард контакт с неприятелем, армия Ланрезака — после того как жаркий бой третьего дня нанес чувствительные потери неприятелю и особенно императорской гвардии — могла бы еще охватить неприятеля с фланга, тогда как VI армия под командой Монури задерживала бы его правое крыло и часть его фронта. Если в то же время удастся наступление, начатое нами у Ретеля, на Маасе и в Лотарингии, то были бы серьезные шансы, что продвижение немцев будет быстро остановлено. Если же этот план не даст ожидаемого результата, 18-й корпус немедленно отделится от армии Ланрезака и отойдет к Парижу одновременно с VI армией,

и мы дадим тогда сражение под стенами Парижа силами этих войск и гарнизона Парижа.

Поэтому генерал Жоффр считает, что немедленный отъезд правительства уже не представляется необходимым, и я испытываю несказанное облегчение от этого, так как, чем более приближался этот роковой час, тем менее я мог освоиться с мыслью покинуть Париж. Такого же взгляда, как я, держится по меньшей мере один из министров. Это Рибо. Он считает, что во всяком случае, прежде чем думать об отъезде, надо выждать сражения под стенами Парижа. Я говорю Вивиани, говорю полковнику Пенелону, с тем чтобы он передал это Жоффру, что я намерен отправиться в день этого сражения на фронт и лично удалюсь из Парижа только в том случае, если поражение заставит всех нас уйти из него.

В свою очередь Леон Буржуа умоляет меня бороться против всякого проекта слишком поспешного отъезда из Парижа. Я отвечаю ему, что буду стоять на своем мнении, которое совпадает с его мнением. И действительно, я возвращаюсь к этому вопросу в совете министров. Меня поддерживают Рибо и Марсель Самба. Но Мильеран энергично защищает мнение главнокомандующего, вполне присоединяется к нему. В качестве военного министра, говорит он, я не могу допустить, чтобы правительство было осаждено, не могу взять на себя такую ответственность. Отряд улан может переправиться через Сену и взорвать за Парижем железнодорожные пути; было бы безрассудством подвергать такому риску всю центральную администрацию, все органы, от которых зависит жизнь страны. Думерг рассуждает в том же духе, как военный министр, и суровым, проникновенным тоном произнес фразу, которая заставила меня призадуматься: „Господин президент, бывают моменты, когда долг велит навлечь на себя обвинение в трусости. В такие моменты более храброе дело — смотреть в глаза упрекам толпы, чем рисковать быть убитым". Я чувствую, что Думерг прав. Но, с другой стороны, я думаю, что и я не совсем не прав. Оставить Париж, оставить его так внезапно не значит ли это отдавать его в жертву отчаяния и быть может революции?

Так как Жоффр велел передать мне, что если англичане согласятся замедлить свое отступление и задерживать немцев, то у нас будут преобладающие шансы на успех, я пригласил к себе сэра Берти, и он обещал мне телефонировать Френчу. Около десяти часов вечера он привел ко мне английского офицера, который передал мне слова маршала: „Принимая во внимание, — пишет Френч, — тяжелые потери людьми и материалом, понесенные британской армией после ее отступления с позиции у Монса, принимая во внимание также тот факт, что до вчерашнего дня она все время дралась с врагом, она нуждается по меньшей мере в передышке в восемь дней, чтобы восстановить свои силы, перестроиться и таким образом снова стать действительно боеспособным целым. Самое большее, что я могу сказать, это то, что я отступлю не далее черты, проведенной через Пантейль с востока на запад, пока французская армия не отойдет на юг от своей нынешней позиции. После этой передышки я готов предоставить британские силы в распоряжение французского главно-

командующего в условиях, которые он найдет наиболее целесообразными, причем под тем же условием, что я остаюсь независимым в своих операциях и что будут обеспечены мои средства сообщения. Я до сих пор не имею никакой информации о том, что французская армия должна снова перейти в наступление".

Восемь дней, восемь дней! А не очутятся ли немцы раньше в Париже? Офицер-ординарец маршала Френча объясняет мне, что англичане потеряли шесть тысяч человек, орудия и снаряжение и чрезвычайно утомлены. Заключение записки Френча, как оно ни благожелательно, не изменяет к сожалению отрицательного смысла ее начала.

Вопреки новым надеждам главной квартиры, не видно улучшения положения наших армий на фронте. Из Лилля префект телеграфирует, что в Камбрэ находятся пятьдесят тысяч человек немецкой пехоты и двадцать тысяч человек конницы, пришедших прямым путем из Трев без боя. Эти войска потребовали, чтобы к четырем часам для них был приготовлен обед, и угрожали расстрелять каждого третьего из мужского населения города, если они подвергнутся малейшему насилию. Один немецкий лейтенант в сопровождении солдата явился в канцелярию мэра в Лилле. Он заявил, что завтра к полудню прибудут генерал и две дивизии, и сообщил о намерении немцев оккупировать форты. Другие немецкие офицеры предупредили городское управление в Дуэ, что сегодня днем через город пройдут три немецких дивизии, направляющиеся в Генэн-Льетар. Префект департамента Па-де-Кале извещает министра внутренних дел, что один немецкий армейский корпус двигается из Генэн-Льетар на Лан и что город Аррас находится под угрозой оккупации.

Далее на восток неприятель находится от Парижа на расстоянии еще более близком. I армия продолжает продвигаться несколькими колоннами на юг, по дорогам, ведущим из Мондидье в Санлис и из Руа в Эстре-Сен-Дени. Один кавалерийский корпус перешел через Уазу ниже Нойона и достиг Оффемон. Армия Монури отошла на линию Клермон — Компьен. По всей видимости продвижение неприятеля на Париж усиливается и возвещенное большое сражение произойдет уже в ближайшие дни.

К этим печальным фактам сегодня не прибавились утешительные известия также с востока. Русское правительство очевидно испугано нашим отступлением; оно боится, чтобы мы не пошли на сепаратный мир [1]. В Галиции продолжаются военные операции, но решения еще не последовало. В Восточной Пруссии немцы со свежими силами пытаются перейти обратно в наступление [2]. У Англии была идея, несколько фантастическая, потребовать от России, чтобы она послала нам через Архангельск три армейских корпуса; она предлагала перевезти эти войска на британских кораблях; Делькассе поддержал этот демарш. Русское правительство заявило, что трудность и медленность такого транспорта лишают его возможности дать утвердительный ответ [3].

---

[1] Из Санкт-Петербурга, № 513.
[2] Из Санкт-Петербурга, № 520.
[3] Из Санкт-Петербурга, № 522.

Зато Сазонов снова неутомимо принялся за свои скороспелые проекты, предметом которых попрежнему является либо заманить Болгарию и Италию, либо угрожать им. Англия и мы тщетно стараемся отговорить его от этих пустых затей, причем по крайней мере Франция отказалась теперь присоединиться к ним [1].

Австро-Венгрия объявила войну Бельгии под тем предлогом, что Бельгия оказывает помощь Франции и Британской империи. Появление этого нового врага не поражает и не пугает нашу соседку. Храбрая бельгийская королева выехала сегодня утром из Антверпена в Англию и увезла туда своих детей; она вернется через несколько дней. Перед отъездом она приняла Клобуковского и сказала ему, что сохраняет непоколебимую уверенность в нашем окончательном успехе. „Она с волнением говорила мне, — телеграфирует наш посланник, — об актах варварства, совершенных немецкими войсками над мирным и безобидным населением, и прибавила дословно следующее: „Те, кто задумал эту войну и направляет ее, безумцы. Только безумием можно объяснить подобный ужас“ [2].

В конце дня я получил от любезного румынского посланника г. Лаговари полную надежды записочку, касающуюся его страны. „Господин президент, — пишет он, — я только что получил от своей жены телеграмму, отправленную из Бухареста вчера в пятнадцать часов тридцать минут. Вот эта телеграмма: „Намерения, о которых говорилось в моем письме, подтверждаются; почти достигнуто обещание уплаты денег“. На нашем условном языке это означает, что приближается момент, когда мы займем ту позицию, которой я желаю, — вы знаете, какая это позиция. Всецело преданный вам Лаговари“.

Вечером никаких признаков, что продвижение немцев на Париж остановилось, или замедлилось, или изменило свою цель. Согласно сведениям нашей главной квартиры, а именно на основе радио, которыми обменивались командиры немецких войск и которые были перехвачены нами, II, III и IV неприятельские армии, находящиеся под командой фон Бюлова, фон Гаузена и принца Вюртембергского, должны одни преследовать по пятам наши отступающие армии и в случае надобности следовать за нами до верхнего течения Сены и Обы. I армия под командой фон Клюка должна прикрывать другие на правом фланге, со стороны Парижа, разрушить пути сообщения вокруг столицы и отвлечь на себя войска укрепленного лагеря, а если возможно, осадить их.

Эти директивы генерала фон Мольтке, известные нашему генеральному штабу, и побудили на этих днях генерала Жоффра настаивать на нашем отъезде из Парижа. Между тем еще сегодня в одиннадцать часов утра один из наших офицеров-кавалеристов капитан (ротмистр) Лепик, находясь на разведке к северо-западу от района Компьен, констатировал с изумлением, — но нас не осведомили об этом, — что авангард армии фон Клюка, вместо того чтобы продолжать

---

[1] Телеграмма Делькассе в Софию, № 92. Телеграмма Бопла из Ниша, № 109. Телеграмма, Баррера, № 399.

[2] От Клобуковского от 31 августа, № 328.

двигаться прямо на Париж, внезапно взял другое направление и пошел на Мо. Мы не знали этого. Мы не знали, что лично фон Клюку пришла в голову странная мысль отдать приказ об этой неожиданной перемене. Изолированное отступление англичан внушило ему надежду, что ему удастся обойти левое крыло нашей армии, атаковать его с тыла, обратить его в бегство и затем с триумфом вернуться в Париж. Расчет этот был сделан без армии Монури. Он был сделан без Жоффра, без Галлиени, без Фоша. Но ослепление фон Клюка по крайней мере отсрочивало всякую опасность для Парижа. Однако мы не знали этого. Нам не были сообщены результаты рекогносцировки капитана Лепика. Желали ли в главной квартире проверить их и подтвердить маневр Клюка? Так или иначе, если бы правительство и я во-время были извещены о перемене направления, повидимому намеченной Клюком, я несомненно добился бы от министров и от Жоффра отсрочки нашего отъезда, а если бы он был отсрочен, он никогда не состоялся бы. Я избавлен был бы от одной из больших горестей в моей жизни.

Вторник, 1 сентября 1914 г.

Я слышу от Гастона Томсона, что бывший председатель палаты депутатов Думер жалуется не без горечи, что никто не подумал обратиться к его услугам. Отец многочисленного семейства, которое он с мадам Думер воспитали с большим достоинством, очень активный и прилежный сенатор, сыновья которого доблестно исполняют свой долг в армии, Думер конечно заслуживает, чтобы его не оставляли в загоне. Я прошу его притти ко мне поговорить. Я нахожу его, как это с ним бывает, сильно склонным к критике. Он сурово отзывается не только о Мессими и Мильеране, но и о генерале Жоффре. Он считает, что главнокомандующий — очень хороший инженер, но никак не стратег и даже не тактик. Он желал бы, в особенности если правительство покинет Париж, получить назначение, безразлично какое, при генерале Галлиени, к которому питает большое уважение. Я прошу Мильерана постараться исполнить его желание.

Но сколько лиц предлагают свои услуги! Даже писатели, в том числе самые крупные, поскольку они вышли из того возраста, в котором могли бы сражаться в первых рядах, как Психари или Пеги, и глядеть в лицо смерти, требуют для себя чести служить в тылу. Еще 31 июля Эдмонд Ростан обратился ко мне с весьма трогательным и благородным письмом, в котором предложил свое сотрудничество. Он писал, что с радостью примет скромное место секретаря. Анатоль Франс, ставший из нигилиста-диллетанта страстным шовинистом — не знаю, на долго ли, — обратился к нам с просьбой разрешить ему служить простым солдатом. Ему позволили носить красивый новый мундир в городе книг. Сегодня я получил письмо от Пьера Лоти: „Вот уже больше месяца я, не осмеливаясь еще обратиться к вам, тщетно пускал в ход все свои связи, чтобы добиться хотя бы малейшего военного поста и продолжать служить своей стране. Но я наталкиваюсь на уставы, а главным образом на зависть двух-трех мелких начальников, которые не могут простить мне моего имени. Однако я уже близок к тому, чтобы получить место

при генерале Галлиени; сегодня академия наук обратилась к нему с настоятельным ходатайством, и он повидимому понял, что для страны будет хорошим примером, если Пьер Лоти отдаст себя выполнению долга перед родиной. Не будете ли вы добры замолвить ему словечко, которое окончательно убедит его, и быть может также словечко Оганьеру, для того чтобы он не возражал?..“ Конечно я сделал это, и Пьер Лоти получил скромное место, которого он добивался.

Другие писатели, историки, профессора, ученые, философы, как то: Эмиль Бутру, Гапото, Лависс, граф де Мен, Морис Баррес, Анри Лаведан, Леви-Брюль, Жозеф Бедье, Оллар, Виктор Баш, добровольно мобилизовали себя, не только для того чтобы призывать страну к терпению и энергии, но также для отповеди на всяческую клевету, которую некоторые не в меру усердные немецкие профессора позволили себе распространять против Франции под видом доказанных фактов. Никто из этих добровольцев из интеллигенции не думает конечно отрицать большие заслуги немецкой науки. По когда она утверждает, что старые легенды нашего бретонского цикла отчасти родились на правом берегу Рейна, или что готика была занесена во Францию из Германии, или что империи Гогенцоллернов и Габсбургов не ответственны за войну, то пожалуй не плохо, что во Франции нашлись люди науки, которые в то же время люди честные, и дают отпор этим рискованным фантазиям.

От Мильерана и офицеров связи я узнал, что нам пришлось снова уступить территорию на нашем левом крыле и что поэтому нет больше речи о немедленном переходе снова в наступление. Военный министр снова снесся по телефону с Жоффром и после этого разговора считает отъезд правительства и мой неизбежным и безотлагательным. Ему, как и мне, неизвестно, что армия фон Клюка начинает отклоняться от своего первоначального направления. Мильеран заявляет, что мы не можем оставаться в Париже дольше завтрашнего вечера. Он не может взять на себя ответственность за более поздний срок. Он считает невозможным для себя, как и для меня, присутствовать на поле сражения, даже в первой его фазе. Присутствие правительства в Париже — слишком большое искушение для немцев. Мильеран посоветуется еще с генералом Галлиени, но говорит, что заранее уверен в его ответе; этот ответ будет тот же, что ответ Жоффра. Однако я продолжаю возражать и оставляю за собой право потребовать нового обсуждения вопроса в совете министров.

Министр сообщает мне убийственные детали. Все остававшиеся у нас надежды погибли. Мы отступаем по всей линии. Армия Монури быстро отходит в укрепленный лагерь. Для усиления ее будет сделана попытка снять 4-й корпус, находящийся севернее Вердена, и перебросить его в Париж.

Мильеран встретился в английском посольстве с лордом Китченером и маршалом Френчем, пришедшими туда с этой целью. Я предложил, чтобы постарались устроить им свидание с генералом Жоффром. Это было также желание английского военного министра. Но Френч, который с трудом подчиняется власти Китченера и кроме того ревниво стремится сохранить свою совершенную независимость в отношениях с Жоффром, нашел это свидание бесполезным; впро-

чем и Мильеран считал, что нелегко будет устроить свидание, не отвлекая главнокомандующего от дела. Фельдмаршал предлагает теперь, чтобы отступление англичан и французов не шло пока дальше Марны. Он согласен был бы окопаться с английской армией в районе Мо. Но взамен этого он требует, чтобы генерал Жоффр послал войска для защиты Сены ниже Парижа и кроме того пополнил части нашего левого крыла. Естественно, Френч главным образом продолжает быть озабоченным тем, чтобы не быть отрезанным от моря. План Жоффра до сих пор совершенно другой. VI армия под командой генерала де Корнюлье-Люсиньер отступает к Парижу с дивизией кавалерии и тремя бригадами, кроме того в состав ее входят остатки корпуса Сорде; задача ее — защищать укрепленный лагерь против тех войск неприятеля, которые будут атаковывать его. Но все прочие французские армии должны повернуть на восток, принимая направление северо-восток — юго-запад, пока V армия не будет совершенно высвобождена и все они не получат свободу совместных действий. Мильеран, не имев возможности снестись по прямому проводу с генералом Жоффром, который перенес свою ставку в Бар-сюр-Об, отправил к нему офицера, с тем чтобы передать ему требования Френча и просить его постараться притти к соглашению с англичанами.

Снова на небе показались германские самолеты и угрожают Парижу. В ряде мест сброшены были бомбы, а именно в кварталах, прилегающих к вокзалу Сен-Лазар. Один убитый и несколько раненых, в том числе один ребенок. Взрывы были слышны в совете министров, заседавшем в Елисейском дворце.

Полковник Пенелон приехал из главной квартиры мрачный и серьезный, улыбка исчезла с его лица. Как видно, в Бар-сюр-Об настроены не так оптимистично, как в Витри-ле-Франсуа. Мы пытаемся высвободить армию Ланрезака, которую преследуют девять немецких корпусов и которая отступает на Марну. Маневр еще не закончен. Мы еще не знаем, удастся ли он. Мы сжаты в тесном кольце, и немцы всеми силами стараются обогнать нас, чтобы обойти нас с запада. Повидимому в настоящий момент они мало думают о Париже и выделили до сих пор только один корпус, для того чтобы тревожить армию Монури, которая с сегодняшнего дня предоставлена в распоряжение генерала Галлиени. Она насчитывает четыре резервных дивизии и часть 7-го корпуса. Военный губернатор извещен сверх того, что он получит также 45-ю дивизию, прибывающую из Алжира, и 4-й корпус. Таким образом генерал Жоффр считает, что Галлиени будет обладать средствами для защиты Парижа.

Но главнокомандующий не считает возможным принять план маршала Френча, предлагающего остановить английскую армию на Марне под условием, что левое крыло наших войск будет защищать нижнее течение Сены. Жоффр предпочитает отвести в случае необходимости все наши армии, за исключением предназначенной для укрепленного лагеря, до верхнего течения Сены, повернув их вокруг правого крыла. По завершении этого движения он рассчитывает снова перейти в генеральное наступление. С оговоркой относительно этой разницы в военных планах маршал Френч продолжает свое лойяльное сотрудничество с французской армией. Его войска даже дрались еще вчера,

и храбро дрались. Они захватили у неприятеля десять орудий. Мильеран настоятельно советует Жоффру установить постоянную связь между обеими главными квартирами, а также не терять из виду необходимости защиты Парижа, необходимости моральной, политической и интернациональной. Но, повторяет мне полковник Пенелон, главнокомандующий продолжает считать, что дать немедленно сражение с участием всех наших армий или даже какой-нибудь одной из них было бы очень трудным делом. Если мы пустим в дело даже только часть наших войск, это с роковой необходимостью повлечет за собой вступление в бой всех наших сил, причем V армия немедленно окажется в очень тяжелом положении. Малейшая неудача, испытанная ею, рискует превратиться в беспорядочное бегство. Поэтому Жоффр ограничился тем, что отдал генеральную директиву № 4, которая гласит: „Несмотря на тактические успехи, достигнутые III, IV и V армиями в районах Мааса и у Гиза, обходное движение, осуществляемое неприятелем у левого крыла V армии и в недостаточной мере остановленное английскими войсками и VI армией, заставляет все находящиеся в нашем распоряжении армии повернуть вокруг своего правого крыла. Как только V армия ускользнет от опасности окружения, угрожающей ее левому крылу, III, IV и V армии снова перейдут в наступление".

Несмотря на волну, захлестывающую Францию и приближающуюся к нам, мы каждодневно продолжаем свой тур по дипломатическим канцеляриям Европы. Канцелярия Сазонова сегодня опять отличилась одним из тех шагов, которые Поль Камбон находит несвоевременными. В тот самый момент, когда мы предлагаем гарантировать Турции неприкосновенность ее территории, Сазонов намерен предложить болгарам линию Энос — Мидия [1]. Вместе с нами он считает желательным, чтобы Япония отправила войска в Европу, и просил Палеолога внушить эту идею японскому послу в Санкт-Петербурге барону Мотоно, большому другу Франции [2]. Но в данный момент Япония желает сражаться только в Азии; единственная поддержка, которую она согласна оказать нам в Европе, заключается в продаже пятидесяти тысяч ружей и двадцати миллионов патронов, тогда как мы просили у нее шестьсот тысяч ружей [3]. Более плодотворно Сазонов применяет свою изобретательность в поисках формулы для соглашения, которое собираются заключить Россия, Англия и Франция и которое будет состоять в обязательстве не подписывать сепаратного мира [4].

Между тем как русская дипломатия проявляет расточительную активность, армии великого князя Николая Николаевича продолжают сражаться с переменным счастьем. В Галиции все еще ожидается решение. В Восточной Пруссии обложение Кенигсберга почти закончено. В Западной Пруссии, на юг от Остероде, русские потерпели с 27 на 28 августа серьезную неудачу, которую они до сих пор держали

---

[1] Из Лондона от 1 сентября, № 490.

[2] Из Санкт-Петербурга от 1 сентября, № 527 и 529.

[3] От Реньо из Токио от 1 сентября, № 65. От Делькассе П. Камбону от 1 сентября, № 916.

[4] Из Санкт-Петербурга от 1 сентября, № 531.

в тайне. Немцы собрали в этом районе все войска, которыми они располагали, подкрепили их гарнизонами и подвижными тяжелыми орудиями из крепостей на Висле, атаковали оба русских армейских корпуса и по всей видимости нанесли им значительные потери[1].

Узнал из телеграммы из Берна[2] про сдачу небольшого храброго укрепленного городка Монмеди; это один из тех городов, которые я так долго представлял в сенате. Город должен был сдаться после неудачной вылазки гарнизона, при которой был взят в плен его комендант. И еще раз — пожалуй, сильнее чем прежде, — я чувствую в страданиях департамента Мааса страдания всей страны.

Чтобы хорошо знать, как действуют на настроение известных нейтральных стран наши повторные неудачи, достаточно прочитать сообщения наших послов и посланников из Константинополя, Софии, Бухареста, Афин и особенно следующие несколько слов в телеграмме Бомпара: „Терапия, 1 сентября 1914 г., 14 часов, получено в 18 часов, № 386. Высокомерная позиция, которой германский посол держался в самом начале по отношению к своему итальянскому коллеге, сменилась, несомненно по указанию из Берлина, предупредительным отношением. Итальянский посол, который вначале проявлял равнодушие к авансам барона фон Вангенгейма, становится все более внимательным к ним, по мере того как германская армия продвигается на пути к Парижу. Как видно, Германия с целью привлечь Италию на свою сторону разжигает ее аппетиты на Тунис".

Этот момент Клемансо выбрал для того, чтобы печатать в «L'Homme libre" свои статьи; он недооценивает те отрицательные результаты, к которым они должны повести при всех его благих намерениях. Мы получили сегодня телеграмму генерала Лиотэ, отправленную вчера из Казабланки (№ 805); он горько жалуется, что рассуждения бывшего премьера по поводу отправки территориальных войск в Марокко деморализуют наши войска: „Неистовая и полная неправильных утверждений кампания, которую ведет Клемансо в момент наших операций в Таза, уже повела здесь к грубым нарушениям дисциплины и авторитета командования, причем не было ни одного официального выступления против этой кампании. Я надеялся, что он по крайней мере на время войны сложит оружие. Мне невозможно будет вести командование и продолжать исполнять свою столь тяжелую и неблагодарную задачу, если лицо, занимающее столь видное положение в государстве, будет продолжать пропагандировать здесь беспорядок и нарушение дисциплины. Поэтому в полном сознании своего долга ответственного командира я официально требую от правительства прекратить на основании осадного положения эту кампанию, разлагающим образом действующую на дух территориальных войск". Правительство находит, что, если Клемансо не будет сам следить за собой, оно окажется вынужденным подвергнуть его при случае цензуре. Мало вероятий, что его необузданное неистовство приспособится к этому исключительному режиму.

---

[1] Из Санкт-Петербурга, № 535.
[2] От Бо от 1 сентября, № 280.

Я просил своего друга Майрона Т. Геррика, продолжающего еще исполнять функции посла Соединенных штатов, заехать ко мне для дружеской беседы. Мне хочется сказать ему, как я сожалею о его уходе, так как я знаю, что он искренний и верный друг Франции. Я хочу также выразить ему благодарность за ту преданность, с которой он перед всем миром защищает нарушенное международное право. Геррик пришел очень взволнованный, с изменившимся лицом под красивой шапкой своих взъерошенных волос. Он сказал мне, что в случае отъезда правительства намерен остаться в Париже до окончания своей миссии. Брайан, американский государственный секретарь в Вашингтоне, предоставил ему полную свободу на этот счет [1]. Геррик намерен опереться на авторитет своей страны и в случае нужды поднять американский флаг для защиты памятников и музеев; он твердо решил сделать даже невозможное, для того чтобы предохранить жителей от притеснений и грабежа. Во время разговора у него появились на глазах слезы. Я заверил его, что Франция, что бы ни случилось, не сложит оружия до победы. „Надеюсь — сказал я ему, — что ваше присутствие в Париже будет к счастью содействовать соблюдению принципов международного права. Кроме того я, как и вы, считаю, что исторические памятники и сокровища искусства не принадлежат только той нации, которая является их владельцем; в известных отношениях они носят интернациональный характер; они поставлены под защиту человечества. Я не сомневаюсь, что при вашем присутствии в Париже враги Франции будут соблюдать законы войны; мы больше ничего не требуем. В довершение Париж будут защищать его внешние форты, а главным образом доблесть армии, которой поручена защита укрепленного лагеря“ [2].

На заседании совета министров я делаю в последний раз попытку добиться по крайней мере отсрочки отъезда правительства; в самом деле, отъезд правительства должен повлечь за собой мой отъезд, так как я не могу остаться один, без министров, без конституционного „прикрытия“, и к тому же лишенный в своем одиночестве всяких средств действия. Я указал на то, что к тому же, как мне сказал вчера полковник Пенелон, немцы в данный момент повидимому мало интересуются Парижем. Однако Мильеран по соглашению с Жоффром и Галлиени повторяет, что час отъезда пробил и что невозможно отправиться предварительно на фронт. Вчера фон Клюк был в Компьене. Сегодня он в Санлисе и Шантильи. Париж скоро окажется под обстрелом неприятельской артиллерии. Следуя приказу своего командующего, армия Монури заняла позицию на северном фронте укрепленного лагеря. Ее штаб-квартира находится в Трамблэ. Присутствие правительства в городе стесняет действия командования. Кабинет подчиняется военным соображениям, которые Мильеран излагает с глубоким убеждением, и мне не остается ничего другого, как склониться перед принятым решением. Условились, что мы еще сегодня ночью

[1] „Papers relating to the foreign relations“, etc., p. 83.
[2] „Papers relating to the foreign relations“, etc., p. 86.

переедем в Бордо, где Мильеран уже распорядился приготовить для нас помещения. Почему ночью? Я желал бы по крайней мере, чтобы наш отъезд состоялся среди бела дня с ведома и на виду у населения, с которым нас заставляют расстаться, но военное управление — теперь хозяин железнодорожного транспорта, и осадное положение имеет такую же силу для президента республики, как и для последнего из граждан. Мне придется послушно сесть на тот поезд, на который меня посадят.

Мадам Пуанкаре заклинала меня позволить ей, в случае если правительство будет вынуждено удалиться, остаться в Париже, чтобы заниматься здесь делами благотворительности и вместе с тремя обществами красного креста попечением о раненых. Но по настоятельному требованию Вивиани совет министров постановил, что все жены министров последуют за своими мужьями в Бордо. Не желая делать для себя или для своей жены исключение, я должен был подчиниться общему правилу. Узнав об этом решении, моя жена разразилась рыданиями. Я лично уже освоился с тем, что надо иметь храбрость казаться трусом, раз это необходимо; но она так горячо желала, чтобы я оставил ее в Париже и дал этим понять населению, что я уезжаю не весь... Даже в этом утешении нам отказано.

Снова жужжание мотора над нашими головами. На этот раз новый немецкий самолет летает над Елисейским дворцом. Солдаты караула поднимаются на крыши и оттуда стреляют по аэроплану, но не попадают в него, и он быстро исчезает. Только птицы в парке испуганы ружейными выстрелами. В открытое окно моей „библиотеки" влетел воробушек весь трепещущий от страха, и я спешу укрыть его от когтей своей сиамской кошки. Поблизости северного вокзала летчик выбросил прокламацию с угрозами; она была завернута в лоскут материи, окрашенной в национальные немецкие цвета. Полиция добросовестно доставила в Елисейский дворец прокламацию вместе с ее оберткой.

Под тщательным наблюдением архитектора Елисейского дворца Тронше и заведующего инвентарем Перрена начинается уборка ковров, стенных часов, кресел и стульев; их сдадут на хранение в специальное помещение дворца. При виде того, как снимают гобелены, упаковывают мебель, укладывают наши личные чемоданы, я все мучительнее чувствую горькое значение слова „отъезд", которое вот уже несколько дней звучит у меня в ушах, и брожу, как изгнанник, в опустевших залах.

Вивиани показал мне составленный им манифест, который он намерен представить перед расклейкой на рассмотрение совета министров. Манифест объясняет наш отъезд и обращается с призывом к энергии страны. Я нахожу текст его несколько декламаторским и предлагаю Вивиани написать другой, покороче и проще. Он просит меня самого проредактировать его. Я несколько изменил его, но не в такой мере, как это следовало бы; совет министров принимает, за исключением нескольких деталей, нашу общую редакцию: „...Чтобы стоять на страже спасения нации, долг предписывает государственной власти удалиться в настоящий момент из Парижа. Под командой выдающегося военачальника одна из наших армий, преисполненная

отваги и энтузиазма, будет защищать столицу и ее патриотическое население против захватчика. Но в то же время война должна продолжаться на остальной части территории страны... Стойкость и борьба — таков должен быть теперь лозунг союзных армий... Руководить этим упорным сопротивлением должно правительство. Французы повсюду поднимутся за независимость. Но чтобы придать этой грандиозной борьбе весь ее размах и всю действенность, безусловно необходимо, чтобы правительство сохранило свою свободу действий. Поэтому по требованию военной власти правительство переносит сейчас свое местопребывание в другой город, где оно сможет оставаться в постоянной связи со всей страной. Оно приглашает членов парламента не оставаться вдали от него и образовать с правительством и своими коллегами ядро национального единства перед лицом неприятеля. Правительство оставляет Париж лишь после того, как обеспечило всеми имеющимися в его распоряжении средствами защиту Парижа и укрепленного лагеря. Оно знает, что ему нет необходимости рекомендовать достойному удивления населению спокойствие, решимость и хладнокровие. Это население каждодневно проявляет себя на высоте своего высокого долга... Для нации, которая не желает погибнуть и которая для своего существования не отступает ни перед страданиями, ни перед жертвами, победа обеспечена".

Со своей стороны генерал Галлиени обратился нотом к населению Парижа с прокламацией, которая своим лаконическим красноречием затмила текст манифеста правительства. Он ограничился словами, что получил мандат защищать Париж и выполнит этот мандат до конца. Завтра начинается прибытие в укрепленный лагерь войск 4-го корпуса, занимавшего позицию севернее Вердена.

Чтобы угодить Антонину Дюбо, правительство постановило закрыть сессию парламента, на что конституция дает ему право, и Вивиани представил мне на подпись декрет о роспуске.

В течение дня генерал Жоффр составил новый приказ для командующих армиями. Он подтверждает свои вчерашние директивы, но, так как армия Ланрезака еще не высвобождена, он попрежнему не говорит, что немедленно предстоят приостановление отступления и генеральное наступление. Он даже предусматривает, что, когда закончится отход войск, они смогут получить на Сене и Ионне пополнения из запасных батальонов. Он напоминает условия, в зависимости от которых он ставит свое решение: все корпуса на своих местах, и готовность английской армии сражаться вместе с нами. Но так как он надеется, что эти условия не преминут наступить, он предлагает отныне каждому „напрячь свою энергию для окончательной победы". Жоффр не уверен окончательно в перемене движения армии фон Клюка, но она все более выявляется, и, кажется, еще сегодня утром наш разведчик капитан Фагольд нашел на трупе одного убитого вчера немецкого офицера записку, в которой предписывается эта перемена направления. Приближается решительный час, и именно в этот момент мы вынуждены оставить Париж. Какие доводы я ни привожу сам себе, я чувствую себя с каждой минутой все более унылым и униженным.

По случайному совпадению, в котором я не могу не видеть иронию судьбы, именно тот день, когда мы оставили нашу столицу, русские выбрали для того, чтобы дать другое имя своей столице. Указом за подписью императора постановляется, что город Санкт-Петербург будет отныне называться Петроград. Палеолог сообщает нам, что, отменяя имя, снискавшее себе такую славу в русской истории, император лишь сообразовался с чувствами народа, поклявшегося в непримиримой ненависти к Германии. Я нахожу несколько ребяческим такой способ выражения своей ненависти и задаю себе вопрос: неужели мы должны переименовать Страсбург, Кобург, Бург-ан-Бресс и столько других „бургов" во Франции, чтобы, чего доброго, нас самих не заподозрили в германизме?..

Но вот наступил роковой момент. Половина одиннадцатого вечера. Наши автомобили и экипажи уже отправлены сегодня днем, одни по шоссе, другие по железной дороге. Мадам Пуанкаре и я уезжаем друг за другом из Елисейского дворца в реквизированных автомобилях. Она едет впереди меня с прислугой, сиамской кошкой и бельгийским пинчером. Нашу черную собаку бриарской породы мы оставляем на попечение того из садовников, который обычно оказывал ей гостеприимство в своей беседке. Я поехал с генералом Дюпаржем. Несколько жителей этого квартала приветствуют меня на тротуарах предместья Сент-Гоноре, кричат мне: „До скорого свидания!" Чистое небо усеяно звездами, мы едем темными улицами до Отэйльского вокзала, тоже еле освещенного. Поезд, который должен увезти нас в Бордо, уже подан, он ожидает нас. Все министры уже на перроне вместе со своими женами, правителями канцелярии, гражданскими и военными сотрудниками. В том вагоне, в котором для мадам Пуанкаре и для меня забронированы два смежных купэ с спальными местами, едут также Бриан, Рибо с женой и Мильеран с женой. Все вместе производит на меня зловещее впечатление официального ухода, обошедшегося без всяких протоколов, зато подчиненного военной дисциплине. Робкий свисток паровоза. Мы уезжаем с тяжелым сердцем. Мои глаза не могут оторваться от туманных контуров спящего города. Поезд уносит нас; в продолжение всей ночи ему приходится постоянно замедлять ход вследствие встречающихся военных транспортов, которые направляются на север, или поездов с ранеными, которые идут в противоположном направлении, к далеким госпиталям.

Четверг, 3 сентября 1914 г.

Итак, мы снова, в другой, печальной обстановке, в том красивом городе Жиронды, в котором я с мадам Пуанкаре провели в прошлом году такие радостные и солнечные дни. Нас ожидает на вокзале мэр и депутат города Шарль Грюэ с некоторыми местными властями. Приветствия населения, которые мы воспринимали с такой радостью в 1913 г., сегодня звучат только под сурдинку, но, как они ни скромны, я все же нахожу их чрезмерными, они причиняют мне своего рода боль. Мы остановились в том самом здании префектуры, в котором уже останавливались во время моего официального визита. Но на

сей раз предвидится более продолжительное пребывание, и вместе с нами были генерал Дюпарж, офицеры, Феликс Декори, секретари, телеграфисты; поэтому префекту Баску и его жене пришлось менее чем в однодневный срок освободить свою квартиру, и мне очень совестно за причиненные им хлопоты. Мы находимся здесь если не в полосе военных действий, то во всяком случае на осадном положении, которое распространяется на всю Францию и не щадит ни людей, ни вещей.

Несколько лет назад здание префектуры было дворцом архиепископа. При своем обмирщении оно не изменило своей физиономии. Оно отделено от очень живой торговой улицы Виталь-Карлес неширо-ким садом, который тянется вдоль всего фасада здания; вправо от сада домик консьержа, влево — конюшни и сараи. Несколько красивых деревьев, каштаны и липы, две-три вольно растущих пальмы; узкие лужайки; aucubas и другие вечнозеленые растения. Вот почти все. Дом просторен и приятен. Направо от входа большая комната, в ней будут происходить заседания совета министров. Налево два об-ширных зала, один будет служить канцелярией для моих гражданских и военных сотрудников, другой — моим рабочим кабинетом. В первом этаже наши частные апартаменты. При виде того, как мы устроились здесь, можно было в самом деле подумать, что мы, министры, адми-нистрация и все последовавшие за нами парижане, собираемся оста-ваться здесь несколько месяцев.

Вчера, перед отъездом, я просил полковника Пенелона телеграфи-ровать мне в Бордо из главной квартиры с помощью следующих трех условных знаков: A — армия Ланрезака высвобождена; B — армия Лан-резака застряла неопасно; C — армия Ланрезака застряла опасно. Пенелон сначала телеграфирует мне B, и я тотчас сообщаю об этом Мильерану. Итак, нашей V армии еще не удалось высвободиться, и я спрашиваю себя, не понесла ли она новые чувствительные потери при своем нелегком отступлении. Но в шесть часов вечера пришла другая телеграмма полковника Пенелона: A. Итак, армия Ланрезака наконец высвободилась. Выполнено одно из условий, поставленных Жоффром для приостановления отступления и перехода в генераль-ное наступление. Остается второе условие: что Френч будет под-держивать нас, не требуя переброски части союзных войск на низовья Сены. На этот счет мне неизвестно ничего нового, и я задаю себе вопрос, придется ли откладывать перегруппировку наших сил до того момента, когда мы отойдем до верховьев Сены и до Ионны на укрепленные позиции, заранее приготовленные для наших действующих армий запасниками из территориальных войск.

Я принимаю сенаторов и депутатов всех направлений от депар-тамента Жиронды; они пришли приветствовать меня и — думается мне — главным образом узнать от меня новости. Я говорю им то, что знаю и они находят, что это немного.

Вместе со всеми другими высшими чиновниками должен был приехать из Парижа в Бордо мой брат Люсьен, директор департамента высшей школы в министерстве народного просвещения. Проезд по железной дороге продолжался у него двадцать пять часов. Он с женой пришел к нам в префектуру, и мы возобновляем те родствен-

ные беседы, которые составляют единственное мое утешение в моей неспокойной и тяжелой жизни.

В конце дня Вивиани, Бриан и Мильеран сообщают мне, что в ратуше состоялось заседание кабинета. Генерал Галлиени телеграфировал Мильерану, что в Париже все спокойно и что армия Монури окончательно заняла свои позиции в укрепленном лагере. Мои три собеседника рассказывают мне, что Делькассе известил своих коллег по кабинету о полной победе русских в Галиции. Зато сэр Эдуард Грей сказал Полю Камбону, что не считает возможным пойти навстречу желанию Сазонова и требовать от Японии военной помощи в Европе; вместо этого он настаивает перед японским правительством на посылке эскадры в Средиземное море. Вивиани, давший мне вчера на подпись декрет о роспуске парламента, надумал сегодня, что лучше не опубликовывать этого декрета, несмотря на обещание, данное председателю сената. Напротив, Бриан и Мильеран опасаются, что если сессия парламента не будет закрыта, то, хотя парламент фактически не заседает, некоторые интриганы, подвизающиеся в пустых кулуарах, найдут благоприятную почву для своих происков. В конце концов решено было, что декрет появится. Далее, я заметил Вивиани, что надо было бы проводить в Бордо, как и в Париже, ежедневные заседания совета министров под моим председательством; с завтрашнего утра мы снова переходим к этому обычаю, который один может обеспечить солидарную и непрерывную работу правительства.

Пятница, 4 сентября 1914 г.

4 сентября... 4 сентября 1870 г. Франция, как и сегодня, подверглась нашествию немецких армий; она потерпела тогда поражение под Седаном. Париж не находился еще под угрозой, однако известия о поражении было достаточно, чтобы вызвать революцию. Сегодня, несмотря на отъезд правительства и приближение неприятеля, Париж спокоен, и вся нация остается сплоченной вокруг тех, кто несет тяжелую миссию руководить ею. Она вряд ли даже знает о мелкой интриге, затеянной в Бордо некоторыми последовавшими за нами политиками. Речь все еще идет о закрытии парламентской сессии. Несколько часов назад на Вивиани насела группа протестантов. Теперь, когда декрет появился, они хотят, чтобы он был отменен. Мы не будем заседать, говорят они, но по крайней мере мы будем иметь право заседать. Сам Дюбо желает теперь, чтобы мы отказались от меры, которая принята была только по его настоянию. Вивиани в сущности готов пойти на отмену декрета; но Рибо, Делькассе и Мильеран очень противятся такой перемене позиции. К тому же они заявляют, что единственным законным способом снова открыть сессию был бы созыв парламента, чего кажется никто не требует. После нескончаемых совещаний правительство решает, на этот раз бесповоротно, не возвращаться к этому вопросу.

На заседании совета министров Рибо, Вивиани и Мильеран выдвинули проект закупки в Испании большого количества винтовок. Так как король Альфонс XIII поручил своему другу Киньонес де Леон сопровождать французское правительство в Бордо и быть к

нашим услугам, я прошу этого превосходного дипломата пожаловать ко мне, и мы с Вивиани ставим ему вопрос, считает ли он это предложение серьезным и приемлемым. Он думает, что указанная цифра винтовок превышает возможности, но надеется, что король разрешит уступку их в менее широком размере. Он поедет в Мадрид разузнать об этом.

Военный министр — тоже на заседании совета министров — сообщает о телеграмме генерала Жоффра, которая дополняет крайне неопределенные сведения, привезенные сегодня офицером связи комендантом Эрбильоном. Повидимому немцы не отказались еще от своей попытки обойти наше левое крыло. Их кавалерия появилась в Шато-Тьерри и имела стычку с армией Ланрезака. Наши войска продолжают в полном порядке отходить на избранные позиции. Со своей стороны Галлиени телеграфировал, что в Париже сегодня, как и вчера, все благополучно; при этом Галлиени прибавляет без каких-либо пояснений, что повидимому представляется благоприятный случай для внезапного действия. Мы стараемся понять действительный смысл этой загадочной фразы и делаем догадку, что Галлиени готовит какое-то наступление на фланг неприятеля. Мы не знаем еще, что в тот же день в девять часов утра Галлиени, получив от своих летчиков сведения о перемене направления фон Клюка, предписал генералу Монури немедленно отправить кавалерийскую разведку в район между шоссе Шантильи и Марной и двинуться в течение дня на неприятельский фланг, а завтра приступить к генеральному продвижению на восток от укрепленного лагеря[1]. Мы не знаем также, что одновременно Галлиени телефонировал Жоффру, что на его взгляд расположение армий неприятеля благоприятствует немедленному наступлению.

Однако мало-помалу мы получаем дополнительные сведения. Главнокомандующий помчался в Мелен к маршалу Френчу и просил его не ставить больше свое сотрудничество в зависимость от бесполезной защиты низовьев Сены; получив безоговорочное обещание немедленного сотрудничества, он с той же чрезвычайной быстротой возвратился в свою ставку, где спокойным тоном сказал своим помощникам: „Итак, господа, сражение произойдет на Марне".

В свою очередь Галлиени тоже отправился в Мелен и вечером получил от английского главного штаба телеграфное подтверждение сотрудничества англичан в завтрашних операциях. В начале полудня Галлиени отдал приказ Монури двинуться завтра на правый берег Марны и довести свой фронт до линии Мо.

Не зная еще всех деталей заключенного соглашения, военное министерство уже достаточно осведомлено в Бордо, чтобы составить в восемнадцатом часу бюллетень, в котором среди других важных сообщений говорится следующее: „Немцы оставляют без внимания Париж и VI армию и продолжают свое движение на юг к Марне, I армия их достигла Ла-Ферте-су-Жуарр в одиннадцать часов. II немецкая армия, двигаясь с севера на юг, тоже направляется к Марне. Неприятель пришел в Шато-Тьерри. Гвардейский корпус

[1] „Gallieni" par P.-B. Gheusi (Fasquelle); „La Gloire de Gallieni", того же автора (изд. Albin Michel); записки генерала Галлиени, появившиеся под названием „*Мемуаров*" (Mémoires).

двигается правым крылом вперед. Он получил приказ продолжать итти к Марне после взятия Реймса около полудня. III немецкая армия завладела Реймсом. 12-й и 19-й корпуса немцев следуют за отступающим отрядом генерала Фоша". Отряд генерала Фоша был образован 28 августа и стал потом новой, IX армией; задачей ее было воспрепятствовать тому, чтобы в центре извилистой линии войск, которым Жоффр сумел обеспечить методическое отступление, не оказалось слишком слабого пункта.

Чтобы иметь возможность лучше обозревать в целом предстоящее сражение, Жоффр решает перенести завтра свою ставку с Бар-сюр-Об в Шатильон-сюр-Сен. Одновременно он просит полковника Гамлена составить по его указаниям приказ об остановке и сражении; набросок просмотрен и исправлен генералом Бертело; Жоффр перечитывает его и подписывает: „Необходимо воспользоваться рискованным положением I немецкой армии (фон Клюка) и сосредоточить на ней усилия союзных армий на крайнем левом фланге. 1) Все распоряжения будут сделаны 5-го, с тем чтобы приступить к атаке 6-го. 2) Диспозиция на 7 сентября вечером: а) Все силы, имеющиеся в распоряжении VI армии (Монури), на северо-востоке от Мо, готовы к переправе через Урк между Лизи-сюр-Урк и Мей-ан-Мюльсиан с общим направлением на Шато-Тьерри. Находящиеся поблизости части 1-го кавалерийского корпуса будут переданы генералу Монури для этой операции. б) Английская армия (Френч), расположенная на линии Шанжи — Куломье, фронтом на восток, готова к атаке в направлении Монмирайля. в) V армия (Франше д'Эсперэ, заменивший Ланрезака), слегка уплотнившись к своему левому флангу, займет позиции на главном фронте Куртакон — Эстернэ — Сезанн, готовая атаковать в общем направлении зюд-норд, причем 2-й кавалерийский корпус обеспечивает связь между английской армией и V армией. г) IX армия (Фош) прикрывает правый фланг V армии, занимая южные выходы из болот Сен-Гонд и перебросив часть своих сил на плато на север от Сезанн. 3) Все эти армии переходят в наступление утром 6 сентября".

Суббота, 5 сентября 1914 г.

Вивиани сообщает в совете министров, что только что беседовал с нашим военным атташе в Токио подполковником Лероном. Этот офицер полагает, что Япония охотно пошлет нам несколько армейских корпусов. Со своей стороны наш представитель в Токио Реньо телеграфирует, что он мимоходом затронул этот вопрос в разговоре с японским премьером. Последний не удивился этому и улыбнулся. Совет министров поручил Делькассе запросить в Лондоне, остается ли английское правительство при своем неверии или, вернее говоря, при своем нежелании призывать в Европу своего азиатского союзника. Клемансо, который упорно требует в „L'Homme libre" японской помощи, не оценивает по заслугам эти шаги правительства, в которое он отказался вступить и которое он страстно обвиняет в инертности.

Мильеран сообщает совету министров в деталях известия с фронта, привезенные ему и мне перед заседанием полковником Пенелоном. Установлена тесная связь с англичанами. На помощь полковнику

Гюгэ, прикомандированному от нашего генерального штаба к маршалу Френчу, будет дан полковник Леронд; это облегчит согласованность действий между обоими командованиями. Генерал Жоффр сам охотно признает необходимость полнее информировать главнокомандующего английской армии, необходимость, на которую ему указывал военный министр. Фактически эта армия отошла назад не так далеко, как у нас опасались; она расположилась на север от Мелена, между Парижем и левым флангом наших действующих армий. Как я уже упоминал, командующий V армией генерал Ланрезак, которого генерал Жоффр против всякого ожидания нашел переутомившимся за эти последние дни, заменен генералом Фраше д'Эсперэ и предоставлен в распоряжение генерала Галлиени. Наши армии окапываются с запада на восток на линии, указанной в приказе вчера вечером, т. е. значительно севернее той линии, до которой — так еще третьего дня казалось Жоффру — обстоятельства вынуждали нас отступить.

В свою очередь Галлиени телефонирует из Парижа, что он безусловно завтра атакует неприятеля на всем фронте VI армии. Прибытие войск 4-го корпуса в укрепленный лагерь замедлилось вследствие заторов на железных дорогах; оно закончится только 7-го. Но битва уже сегодня началась. Немецкий патруль открыл огонь по нашему 276-му пехотному полку, который вышел без прикрытия из деревни Вилльруа. Наши атакованные войска ударили на неприятеля, причем потеряли несколько кадровых офицеров и офицеров запаса, в том числе, увы, Шарля Пети. Тем не менее 55-я и 56-я дивизии и марокканская бригада взяли Монже, Плесси-о-Буа и Шарни.

Между тем как VI армией уже ведутся бои, предвестники предстоящего сражения, совет министров в хлопотах по совершенно неожиданному поводу. Я передал военному министру, что в среду Поль Думер ходатайствовал передо мной о возложении на него миссии при генерале Галлиени. Мильеран нашел невозможным дать лично ход этому делу. Но Думер обратился непосредственно к губернатору Парижа, с которым он очень близок, и генерал Галлиени информировал вчера Мильерана, что, если не последует запрещения со стороны правительства, он намерен доверить Думеру некоторые функции в гражданском управлении военного губернатора. Министр ответил, что генералу Галлиени принадлежит вся власть, равно как и вся ответственность в пределах укрепленного лагеря, и поэтому он волен принять это решение, если считает его целесообразным, правительство же не должно вмешиваться в это. Но некоторые министры выступили против теории, которая как бы ограничивает права правительства; кроме того они подчеркивали неудобство возложить важные административные функции на политического деятеля наряду с префектом полиции и префектом Сенского департамента, функции которых окажутся таким образом произвольно урезанными. Мильеран признал правильность доводов своих коллег и телефонировал в Париж. Но Гези, капитан запаса при штабе генерала Галлиени, ответил, что перед губернатором встанет вопрос о подаче в отставку, если ему не предоставят свободы прибегнуть к сотрудничеству Думера. Вивиани, который уже отправил Галлиени телеграмму с просьбой отказаться от своего замысла, послал вдогонку вторую телеграмму: „Если вы считаете безусловно

необходимым пригласить в свое ведомство лицо, о котором вы упоминаете, правительство может только возложить на вас ответственность за это решение. Но оно требует, чтобы это лицо не имело никакой власти над префектами, которые должны остаться подчиненными непосредственно вам". Некоторые члены правительства находят эту предосторожность недостаточной. Они высказываются в том смысле, что лучшим способом уладить этот инцидент было бы делегировать временно или даже окончательно двух министров в Париж. Но эта идея не нашла поддержки. В конце концов если вся немецкая армия в полном составе последовала за необдуманным движением фон Клюка и „пренебрегла" Парижем, то это, возможно, произошло потому, что все министры выехали из Парижа; и во всяком случае, раз правительство наложило на себя тяжелый долг оставить столицу, ему ничего не остается теперь, как положиться на генерала Галлиени. Правительство становится на эту точку зрения с оговоркой, предложенной Вивиани.

В тринадцать часов пятьдесят минут Делькассе получил от Поля Камбона текст общей декларации, подписанной сегодня союзниками в английском министерстве иностранных дел[1]: „Британское, французское и русское правительства взаимно обязуются не заключать в течение этой войны сепаратного мира. Упомянутые три правительства договорились, что, когда придет время мирных переговоров, ни одна союзная держава не должна выставлять мирные условия без предварительного соглашения с каждым из других союзников". Эта декларация опубликована сегодня в Лондоне. Несомненно мы связываем себя, но мы связываем также других. Мы все связаны обязательствами, если только не произойдет случая вероломства и измены; если наши мирные условия не приняты сейчас, мы оставляем за собой право обсуждать условия других, а так как мы знаем, что наши условия будут умеренными и разумными и не помышляем об аннексиях, а лишь о простых реституциях, это соглашение представляет для нас в общем больше выгод, чем неудобств.

В моем кабинете находился Вивиани, когда Марсель Самба привел ко мне одного из своих молодых коллег-социалистов — Альбера Тома. Глаза его сверкают умом за стеклами очков, он играет своими длинными русыми волосами, как веером из перьев. Министр общественных работ предлагает послать в Париж этого искусного дипломата, чтобы обеспечить Полю Думеру благожелательный нейтралитет его политических единоверцев. Вивиани одобряет идею Самба и дает Альберу Тома рекомендательное письмо к генералу Галлиени.

Около пяти часов вечера меня посетил Антонин Дюбо. Он теперь настроен довольно миролюбиво, и его вставные зубы уже не первничают, имеют нормальный вид. Председатель сената, который впрочем самый порядочный человек в мире, примирился без горечи с декретом о закрытии сессии.

Через несколько минут Вивиани и Делькассе принесли мне телеграмму, которую Мильеран только что получил от генерала Жоффра и просил передать мне. Главнокомандующий находит стратегиче-

[1] Из Лондона, № 534.

скую ситуацию превосходной. Он попрежнему рассчитывает снова перейти завтра в наступление. Но он не скрывает, что проигрыш большого сражения, которое он намерен дать неприятелю, будет сопряжен с чрезвычайно тяжелыми последствиями для страны. Жоффр желал бы, чтобы английская армия в свою очередь тоже вступила в сражение самым основательным образом; повидимому он все еще питает некоторые сомнения на этот счет. Он требует, чтобы мы настаивали на этом дипломатическим путем. Делькассе посетит сэра Френсиса Берти, последовавшего за нами в Бордо. Он телеграфирует также Полю Камбону.

Главнокомандующий не говорит нам ничего ни о своих столь точных директивах, данных им сегодня утром IV армии и III армиям, ни о своем прекрасном обращении ко всем своим войскам: „IV армия (де Лангль де Кари). Завтра, 6 сентября, наши армии на левом фланге атакуют фронт и фланг I (фон Клюк) и II (фон Бюлов) немецких армий. IV армия остановит свое движение на юг и повернется лицом к неприятелю, связывая это движение с движением III армии, которая, выступив на севере от Ревиньи, переходит в наступление и устремляется на запад. III армия (Саррайль), прикрывая себя с северо-востока, выступит на запад, чтобы атаковать левый фланг неприятеля, двигающийся на запад от Аргонн. Она свяжет свои операции с операциями IV армии, которой отдан приказ повернуть лицом к неприятелю. В момент, когда мы вступаем в сражение, от которого зависит спасение страны, необходимо напомнить всем, что теперь не время более смотреть назад; мы должны употребить все свои усилия, чтобы атаковать неприятеля и отбросить его. Те части, которые не смогут более итти вперед, должны любой ценой удерживать завоеванную территорию и скорее лечь костьми, нежели отступить. В настоящих обстоятельствах не может быть терпима никакая слабость".

Таким образом, согласно отданным приказам, все наши армии на протяжении всего фронта произведут грандиозный маневр. Перейдя в наступление, они сделают попытку на каждом из обоих флангов окружить неприятеля. На левом фланге V армия атакует фронтом на север, тогда как VI армия и английская армия двинутся фронтом на восток и ударят во фланг немецких войск, одна — в направлении Шато-Тьерри, другая — в направлении Монмирайля. IX армия, под командой Фоша, имеет задачей прикрывать на правом фланге маневр V армии. Правое крыло ее будет за болотами Сен-Гонд, левое — на север от Сезанн. На правом фланге наших армий IV армия сделает попытку удерживать перед собой неприятеля, тогда как III армия, повернув лицом на запад, атакует его левый фланг. Таким образом, если операция удастся, неприятель схвачен будет с обоих концов в гигантские тиски, тогда как на всей промежуточной линии ему придется оказывать сопротивление нашему генеральному наступлению. Мы играем ва-банк в самом крупном сражении, которое когда-либо знало человечество.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Новый испанский посол. — Сражение началось. — Падение Мобежа. — На реке Урк и в департаменте Мааса. — Монмирайль, Сезанн и болота Гонд. — Бриан и Самба в Париже. Победа на Марне. — Боны национальной обороны. — Немцы останавливают свое отступление.

Воскресенье, 6 сентября 1914 г.

Итак, сегодня на пространстве от Мааса до Урк произойдет вооруженное столкновение народов. Наш отъезд усугубляет мое волнение. В частности мысль моя летит к той зеленой равнине Орнэн, где протекло мое детство и где теперь нашей III армии поставлена задача задерживать неприятеля. В своих директивах от 2 сентября генерал Жоффр еще предвидел, что в ходе нашего генерального отступления Саррайлю возможно придется отвести свои войска не только на Ревиньи и Бар-ле-Дюк, но возможно к Жуанвиллю. Таким образом большая часть департамента Маас должна была быть оставлена неприятелю. Мы допустили его занять прекрасный наблюдательный пункт в Монфоконе, пройти через лес Гесс и подняться вверх по долине Эры до Бозе. Таким образом наша III армия, которая должна действовать на правом фланге, вынуждена растянуться от Вердена до Ревиньи, который становится центральным связующим пунктом между ней и IV армией и шарниром французского фронта. Против Саррайля находится армия кронпринца, которому конечно вверены отборные войска, и если сегодня движение немцев не будет остановлено, то несомненно придет конец моему родному городу...

Тогда как умом и сердцем я далек отсюда, я принимаю сегодня утром в Бордосской префектуре нового испанского посла маркиза де Валтиерра, который вручает мне свои верительные грамоты, — с его предшественником де Вилла-Уррутиа случилось нечто странное. 2 сентября испанский король, извещенный о возможности отъезда французского правительства, телеграфировал де Вилла-Уррутиа: „Приказываю вашему высокопревосходительству остаться в Париже, что бы ни случилось". В то же время Альфонс XIII, как я уже упоминал, поручил своему другу Киньонес де Леон сопровождать нас в Бордо. Вилла-Уррутиа, лицемерный враг Франции, сообщал своему правительству, что перед нашим отъездом явился ко мне с прощаль-

ным приветом — это не соответствует действительности, — и прибавил, что якобы сказал мне: „Я сожалею, что не волен следовать за вами. Сожалею также, что то обстоятельство, что я остался в Париже, может быть истолковано как акт учтивости по отношению к германскому императору". Эта фантастическая телеграмма, будучи сообщена испанскому правительству, собравшемуся под председательством короля, вызвала у министров всеобщее изумление и негодование ввиду того извращенного смысла, который де Вилла-Уррутиа очевидно желал придать королевскому решению [1]. Его величество велел министру иностранных дел передать нашему послу, что „он надеется, что его чувства глубочайшей преданности Франции и высокого уважения к первому должностному лицу республики не позволят нам останавливаться на старческих инсинуациях маркиза де Вилла-Уррутиа".

Старый посол немедленно был отозван. Его преемник маркиз де Валтиерра, генерал-капитан провинции Бургос, бывший адъютант короля, был прикомандирован к моей особе во время моей поездки в Мадрид, и очевидно он назначен был послом в воспоминание об этой своей роли. Он имел любезность сам подтвердить мне это в своем официальном обращении ко мне. После слов приветствия и благодарности я ответил ему: „Я знаю, господин посол, ваши чувства к Франции; я знаю, что они в точности отражают чувства благородной испанской нации; я знаю, что они полностью гармонируют с чувствами его величества Альфонса XIII, который всегда проявлял себя верным другом моей страны. Благодарю вас за ваши пожелания восстановления мира. Франция не желала войны; она сделала все, чтобы избежать ее; теперь долг ее продолжать вместе с союзниками войну до победного конца и восстановления права". Я не мог не согласовать сегодня своих слов с тем прекрасным усилием, которое собираются сделать наши армии. В тот самый момент, когда я обращаюсь с этими словами к новому послу, генерал Галлиени, которому неизвестны причины отозвания маркиза де Вилла-Уррутиа, любезно послал одного из своих офицеров с прощальным приветом и маркиз открыто выразил свою печаль по поводу того, что оставляет Париж [2]. Однако он сам хотел этого.

Делькассе сообщает мне со слов сэра Френсиса Берти, что Китченер телеграфировал Френчу в желательном Жоффру духе. Английское правительство запрашивает, когда начнутся операции. Мы извещаем его, что они начинаются еще сегодня утром. Армия Монури уже вступила в бой с неприятелем. Галлиени извещает Мильерана, что первые стычки благоприятны для нас. Френч, предуведомленный еще до Китченера, поддерживает наше движение.

Военный министр сообщает в совете министров, что из Мобежа прилетел в Париж почтовый голубь с печальным известием: три форта разрушены, все позиции не в состоянии более держаться, пехота бессильна в осажденном городе, бомбардируемом тяжелой артиллерией, положение поэтому крайне критическое... А в Мобеже двадцать пять тысяч солдат, в том числе несколько тысяч принадлежат к регуляр-

[1] Телеграмма Жоффра № 211, из Бреста.
[2] „La Gloire de Gallieni" par Gheusi, p. 66, 67.

ной армии. Что будет, если запрут войска в старых фортификациях Парижа?

Вивиани сегодня нервничает; он жалуется в совете министров, что находящиеся в Бордо сенаторы и депутаты постоянно наседают на него по поводу декрета о закрытии парламентской сессии. Большинство из них желает, чтобы по крайней мере использовали их услуги на тех или иных важных постах. Среди сотни других Дени Кошен желает быть назначенным помощником министра иностранных дел на место мобилизованного в армию Абеля Ферри. Я сам продолжаю считать желательным — для расширения лагеря священного союза — вступление в правительство одного из выдающихся членов правой, графа де Мена или Дени Кошена. Кажется, Вивиани относится теперь к этому жесту согласия менее отрицательно, чем прежде. Дени Кошен лично явился ко мне и повторил, что предлагает свои услуги правительству. Я благодарил его и обещал сделать все от меня зависящее, чтобы его услуги были использованы.

Поль Дешанель, который несколько раз в день дружески навещает меня, говорит мне, что Бордо наводнен парижанами всякого рода и походит в этот момент на курорт; по его словам, печальный пример подают сами министры — он впрочем отказывается назвать имена, — обедая в ресторанах с артистками. До сих пор до меня не доходили никакие отголоски этих скандалов. В своей молчаливой и строгой префектуре я не слышу ничего того, что происходит в городе. Неужели действительно возможно, чтобы в такое время французы в состоянии были в такой мере оглушать себя и забываться? Все будущее Франции зависит от того, что происходит теперь на Урк и на Марне. Сегодня утром в узкой долине Жергонь VI армия перешла в энергичное наступление в направлении от Бульянси к Аси-ан-Мюльсян и пытается окружить правое крыло неприятеля, а Саррайль делает попытку опрокинуть его левое крыло. Как можно иметь теперь в мыслях что-либо иное кроме этой далекой битвы, увы, слишком далекой и невидимой для нас?

Понедельник, 7 сентября 1914 г.

Офицер связи, комендант Гильом говорит мне, что генерал Жоффр очень доволен началом операций. Битва начата в лучших стратегических условиях, но теперь слово за тактикой, а она с самого начала войны, увы, очень часто обманывала надежды своей старшей сестры. По оценке главнокомандующего, мы располагаем на нашем левом крыле силой девяти корпусов против семи корпусов, и армия Монури, поддержанная армией Франше д'Эсперэ и англичанами, в состоянии перейти полезным образом в наступление, тогда как на другом крыле армия Саррайля атакует неприятеля в направлении Аргонн. В центре IV и IX армиям дан приказ ограничиться пока тем, чтобы оказывать сопротивление неприятелю и держать свои позиции.

В совете министров Мильеран оглашает телеграммы, полученные им от Жоффра и Галлиени и подтверждающие первые благоприятные впечатления. 2-й немецкий корпус должен был перейти обратно через Гран-Морен. Авангард неприятеля отошел назад. Наша V армия двигается вперед. Но генерал Галлиени требует 75-миллиметро-

вых орудий и пулеметов. Военный министр боится, как бы в этом месте нам не суждены были некоторые разочарования. Действительно, наша VI армия ведет тяжелую борьбу, она подвергается контратакам неприятеля и то берет, то теряет, то снова берет Марсильи, Барси, Аси-ан-Мюльсян, Этавиньи.

От армии д'Амаде никаких известий. По мнению главной квартиры, ей было бы совсем нетрудно ударить во фланг и на арьергард армии фон Клюка. Как видно, в Северном департаменте и в департаменте Па-де-Кале остались лишь самые незначительные силы неприятеля. В частности в Лилле нет более ни одного немецкого солдата. Вчера в город въехали при ликующих криках освобожденного населения два французских автомобиля-броневика; они прибыли из Дюнкирхена. Как не использовать эту возможность? Жоффр поражается и возмущается, но, как видно, армия д'Амаде превратилась в призрак.

Думерг сообщает в совете министров новые сведения о боях в Шари и Камеруне. Положение не так благоприятно, как вначале. Наши войска встречают довольно энергичный отпор. Пало много наших офицеров. Германия надеется извлечь из войны главным образом колониальные выгоды и старается прибавить к своим победам в Европе некоторые успехи в Африке.

Длинная дискуссия по вопросу о снабжении гражданского населения. К нам поступают многочисленные жалобы на нерегулярность этого снабжения. Отсутствуют централизованный контроль и согласованность. Все это приходится организовывать экспромтом под огнем неприятеля. Гастон Томсон не покладая рук трудится над этим с помощью своего заслуженного сотрудника Шапсаля, но нашествие неприятеля не облегчает их задачу; ежедневно им приходится принимать меры неожиданно в самых различных пунктах страны и, можно сказать, спасать население.

Сегодня днем Жоффр и Галлиени звонили Мильерану. Как видно, неприятель отводит теперь свои войска, уклоняется от боя, отказывается от сражения. Оба генерала очевидно опасаются, что неприятель будет стараться подчинить нас своей инициативе, но они оба заявляют о своей твердой решимости не итти на это.

Чтобы оправдаться перед Баску и его супругой за причиненное им беспокойство, мы пригласили их сегодня отобедать с нами запросто в префектуре, из которой мы их выдворили; вместе с ними мы пригласили Вивиани с женой, Мильерана с женой и Аристида Бриана. Когда встали из-за стола, Вивиани и Бриан отвели меня в сторону и говорят мне, что они очень разочарованы Делькассе и думают, не болен ли он: кажется, он уже не в курсе дел и путается, когда зачитывает на заседаниях совета министров телеграммы. В прежнее время, в различных правительствах, в которых он участвовал, он тоже не отличался общительностью. Даже в 1912 г., когда он был морским министром, он часто поражал нас своею молчаливостью. Но во всяком случае по его редким замечаниям можно было понять тогда, что он был прекрасно осведомлен и мастерски вел свои дела. Теперь он стал еще молчаливее, а когда он говорит, он как бы теряет нить своих мыслей. Вивиани и Бриан оба сожалеют, что Думерг так легко уступил ему свое место. Я сам, питая величайшее уважение

к Делькассе, должен признаться, что нахожу его в настоящий момент несколько подавленным, хотя не могу определить причину этого ненормального состояния.

Вторник, 8 сентября 1914 г.

Поступающие известия неплохи. Мы получили копию телеграммы, отправленной сегодня утром Жоффром Галлиени: „От главнокомандующего военному губернатору Парижа, № 4262. Общая ситуация хороша. Германское наступление остановлено на всем фронте, на нашем левом фланге мы заметно выигрываем территорию у неприятеля".

Постепенно мы получаем дополнительные сведения. I неприятельская армия должна была отступить перед англичанами и нами. 2-й регулярный немецкий корпус и 4-й резервный корпус отброшены на левый берег Урк. Наше левое крыло, продвигаясь вперед, взяло пленных и захватило неприятельские пулеметы. Как видно, у тяжелой артиллерии неприятеля оказался недостаток в разрывных снарядах и она стреляет уже только обыкновенными снарядами. 7-я дивизия, которую Жоффр отправил Галлиени, прибыла в Париж только вчера днем. Чтобы скорее транспортировать ее на фронт нашей VI армии, левому крылу которого угрожали сильные колонны неприятеля, военный губернатор реквизировал сотни такси; их шоферы согласились сами везти машины, которые и перебросили войска в Ганьи и Трамблей-ле-Гонэсс [25].

Нами перехвачено несколько немецких радио, которые повидимому указывают на утомление и даже смятение у неприятеля. Они говорят, что со стороны Шанильи французская кавалерия препятствует всякой атаке на Париж. Действительно, дивизия Корнюлье-Люсиньер, которая с 5 сентября все время находилась в бою, получила приказ перейти Урк, настигнуть арьергард неприятеля и продвинуться как можно дальше через леса Ретца и Виллерс-Коттере.

К сожалению между английским и французским командованиями были еще небольшие трения. Жоффр думает, что в результате нашего дипломатического демарша Китченер отдал Френчу слишком категорические приказы, которые задели несколько щепетильное самолюбие фельдмаршала. Чтобы успокоить самолюбие Френча, Жоффр просит Мильерана переслать через английское военное министерство новые поздравления Френчу и его армии. Впрочем эти поздравления вполне заслужены.

Перехвачено еще одно радио. Оно извещает о падении Мобежа, которое, увы, весьма правдоподобно. Взятие этой крепости, в которой генерал Фурнье храбро выполнил свою неблагодарную задачу, является для нас тяжелой потерей; кроме того сдача Мобежа представляет для нас тот минус, что освобождает два немецких корпуса, которые устремятся на фронт на Марне.

Мы можем парировать эту предстоящую опасность только с помощью наших действующих армий; но на предмет дальнейших столкновений Мильеран изучает теперь образование армии второй очереди, в которую будут призываться в случае надобности молодые люди в возрасте восемнадцати лет, а также мужчины до пятидесяти шести

лет. Чтобы организовать ее как следует, понадобятся орудия, винтовки и снаряжение. А между тем у нас остались в запасе только двести орудий 75-миллиметрового калибра; в зоне действующих армий свободны пока только 50-миллиметровые орудия, да и они скоро пойдут в дело; заказаны и находятся в производстве у Крезо пятьдесят батарей 75-миллиметрового калибра, но для выпуска первых восьми из них заводы требуют срок в четыре месяца. Все это весьма недостаточно уже для полевой артиллерии. Что касается тяжелой артиллерии, то она у нас почти отсутствует. Я нахожу, что инстанции, ведающие у нас снаряжением, не обращают достаточного внимания на этот важный пробел. Говорю об этом Мильерану, который из принципа с большой энергией защищает своих подчиненных, но в глубине души разделяет мои опасения. Он надеется, что нам удастся купить батареи в Португалии и Испании. Что касается винтовок образца 1886 г., у нас теперь производится их тысяча четыреста штук в день, а с конца сентября будут производить по тысяче пятьсот штук. Пятьдесят тысяч винтовок мы ожидаем из Японии, а на Сент-Этьенском заводе скоро будут ежедневно переделывать по тысяче ружей образца 1874 г. на образец 1886 г. Но всего этого еще слишком мало для наших потребностей.

Вследствие неизбежных случаев болтливости эта нехватка материала становится известной многим лицам и служит в светских и политических кругах предлогом для новых приступов „дефетизма". Это захватило даже сэра Френсиса Берти; он несколько растерялся и пессимистически оценивает военные операции. Он идет еще дальше. Он критикует планы Жоффра. Сегодня он сказал Рибо, что наш главнокомандующий не знает, чего хочет, и что, если бы он, Берти, был на его месте... Кто мог бы подумать, что сэр Френсис под расшитым мундиром безупречного дипломата скрывает сердце прирожденного полководца. А впрочем, не является ли он выразителем, улыбающимся выразителем того мимолетного плохого настроения маршала Френча, которое старается рассеять Жоффр?

Из Парижа вернулся Альбер Тома. Волосы его непослушно вьются вокруг висков, острый взгляд устремлен через стекла очков. Он рассказывает, что видел вокруг Галлиени целый штаб штатских в мундирах: Поля Думера с его секретарем Лихтенберже, Гези, Гинцбурга, Жозефра Рейнака, Клотца. Прибавляет, но без трагизма, что „La guerre sociale" Густава Эрве обеспечила себе сотрудничество Лихтенберже, что она немилосердно обрушивается на министров и парламентариев и начинает даже проповедывать диктатуру. Я вижу, как у ряда министров, испуганных этими новостями, в том числе у самого Вивиани, закрадывается опасение военного переворота, пронунциаменто. Подчеркиваю, что это надо считать совершенно исключенным, что характер Галлиени гарантирует нас от всякой авантюры, что в Париже просто недостает правительства, и если мы скоро возвратимся... Но все центральные ведомства выехали из Парижа и устроились в Бордо в реквизированных помещениях, взялись здесь за работу, и ни одно из них не желает нового переезда. Мой робкий намек не встречает успеха. Однако смутные опасения, которые рассказ Альбера Тома заронил в некоторых умах, укрепляются в них благодаря только что

опубликованной статье Клемансо, в которой военный губернатор Парижа обвиняется в подготовке коммуны; тем временем, пишет Клемансо, штатское окружение Галлиени уже стелет для последнего постель в Елисейском дворце, где по воле Клемансо должен спать только он, Клемансо, а не кто другой. Бриан не из тех, которые принимают всерьез эти сказки, но своим замечательным чутьем он сразу понял, как благоприятно общественное мнение встретило бы приезд одного из членов правительства; он вызвался поехать в Париж и переговорить с Галлиени и его сотрудниками.

Вечер тревоги и тоски. Я несколько раз телеграфирую Мильерану. Только к одиннадцати часам расшифрованы телеграммы Жоффра. Бои идут повсюду, но мы нигде не подвигаемся вперед за исключением Пти-Морен. Армия Монури подверглась сильной контратаке неприятеля. Она должна была в нескольких местах отступить. С целью поддержать ее с тыла Галлиени перебросил 62-ю резервную дивизию в Монже и Даммартэн. Бои с неопределенным исходом ведутся также на востоке, со стороны Сермез и на Орнэне. Телеграммы кончаются следующими загадочными словами, которые окончательно ввергли меня в уныние: „Атака на Нанси". Кроме того, как видно, Мобеж действительно пал, и большая часть гарнизона взята в плен. Префект Северного департамента телеграфирует, что шестистам солдатам гарнизона крепости удалось уйти через Бельгию и что они возвратились в Лилль. Те форты, которые построены недавно, оказывают еще сопротивление. Губернатор покинул город и заперся в одном из этих фортов.

Наконец нашлась армия д'Амаде. Она состоит из запасных и из солдат территориальных войск и лишь с великим трудом восстановила свои ряды, несмотря на то, что правительство и я настойчиво требовали этой перегруппировки. К сожалению очень многие кадровые офицеры все еще ни во что не ставят наших запасных; они пренебрегают ими и считают их почти негодными для использования, между тем как все говорит, что со временем этим войскам суждено стать все более существенной частью наших армий. В районе Лилля, Арраса и Амьена остались только части ландвера. Мы допустили их занять наши города, терроризировать жителей, уводить в плен раненых, реквизировать съестные припасы. Несколько тысяч французов могли бы справиться с этими разрозненными патрулями; они могли бы тревожить тыл неприятеля и установили бы полезное сотрудничество с бельгийцами, которые желают иметь подле себя тысяч двадцать пять английских или французских солдат, чтобы обеспечить сухопутное сообщение между Антверпеном и Францией [1]. Правительство республики может ответить бельгийцам только следующее: у нас нет свободных войск, но мы не сложим оружия, пока не очистим бельгийскую территорию от неприятеля. Дивизия запаса даже небольшого состава лучше бы устроила наших друзей.

Мы получили из Лилля еще одну телеграмму от префекта Северного департамента; он сообщает, что в ряде городов, в частности в Дуэ, жители, подлежащие мобилизации, вынуждены были во время

[1] Телеграмма Клобуковского из Антверпена от 7 сентября 1914 г., № 367. Расшифрована в Бордо 8-го. Телеграмма от 8 сентября 1914 г., № 368.

прохода неприятельских войск являться к немецким военным властям со своими призывными билетами. Немецкие солдаты составляли из них отряды, затем их отправляли в Э-ла-Шапелль. Немцы не теряли времени даже в тех городах, где они не оставались: они забирали с собой людей, которые завтра служили бы в наших армиях.

Армия д'Амаде, перестроившись с грехом пополам, получила от генерала Жоффра приказ итти на Бовэ.

Среда, 9 сентября 1914 г.

Вернулась надежда. Я читаю ее в знакомом лице полковника Пенелона. Он приехал к нам сияющий из ставки в Шатильон-сюр-Сен. Стратегическая ситуация определенно превосходна. Немцы находятся теперь в таком же положении, в каком мы находились после Шарлеруа. Наши оба крыла обошли их. Если не сделано промаха при тактическом исполнении нашего плана, немцы будут вынуждены отступить на Марну и затем на Реймс. Итак, их план будет сорван. Единственный мрачный пункт — это предстоящее появление на полях сражения обоих немецких корпусов, которые были задержаны под Мобежем; они, надо думать, могут быть подвезены до самого неприятельского фронта по железной дороге, так как ветка Гирсон — Суассон повидимому находится в руках немцев и, возможно, также прямая линия Мобеж — Суассон. Чтобы отрезать их сообщения, часть нашей кавалерии под командой генерала Конно сделает сегодня попытку проникнуть до Суассона. Но к концу заседания совета министров мы получили телеграмму Жоффра с сообщением, что перед фронтом армии Монури и у левого крыла ее, т. е. именно в суассонском направлении, находятся еще значительные силы неприятеля.

Наша V армия медленно двигается к Пти-Морен. 18-й корпус переправился через эту реку у Марше-ан-Бри, но правому крылу пришлось отойти назад под натиском гвардии. IX и IV армии ведут в благоприятных условиях бой на всем участке своего фронта. На фронте нашей III армии сражение тоже носит повсеместный характер, от Нюбекура до Вассенкура и Ревиньи. В Нюбекуре на небольшом семейном кладбище семьи Пуанкаре спят рядом вечным сном мой отец и моя мать; в Ревиньи скончалась моя добрая, милая бабушка, смерть ее была моей первой большой скорбью в жизни. Но что значат эти личные моменты перед необъятностью общественного несчастья? Однако я не могу отогнать этих воспоминаний, оставшихся верными товарищами моими во всей моей жизни. Вопреки тому, что можно было предположить по телеграмме, полученной вчера вечером, Нанси не взят и ему не угрожает опасность. Известия из департамента Мерты и Мозеля и из Вогез удовлетворительны.

Бриан снова вызвался перед своими товарищами по кабинету представлять их несколько дней в Париже; на ту же честь претендует Марсель Самба. Правительство решает, что они поедут вместе как с целью проявить к населению интерес со стороны правительства, так для рассмотрения некоторых важных вопросов. Вот эти вопросы: эвакуация окрестностей Парижа — генерал Галлиени желает урегулировать этот вопрос на случай осады, которую он все еще считает

возможной; затем вопрос об отношениях между Полем Думером, с одной стороны, и префектом департамента Сены и префектом полиции, — с другой; наконец третий вопрос — о нем говорилось совершенно серьезно — об отношениях „La guerre sociale“ к Лихтенберже, словно бывший революционер Густав Эрве не превратился в пламенного патриота, и не превратила его война, не имеющая в себе ничего социального.

В Бордо приехал Киньонес де Леон; он беседовал с испанским королем в Гранжа. Альфонс XIII просит передать нам, что он очень хотел бы продать нам ружья, но в испанской армии их едва хватает для собственных нужд. Всегда могут неожиданно вспыхнуть движение карлистов или народные восстания, которые придется подавлять. Значит все предложения, исходившие от частных лиц и дошедшие до сведения Андре Лефевра и Мильерана, были мистификацией или подозрительными махинациями. Итак, исчезла еще одна перспектива относительно доставки снаряжения. Нам остается только усилить свое производство.

Днем телеграмма от Жоффра: наши операции продолжаются по всей линии фронта. В районе Монмирайля произошел новый бой — с неприятельским арьергардом. Арьергард! Уже одно это слово преисполняет нас надеждой, и перед глазами встает картина бегущего неприятеля, которого преследуют наши солдаты.

Вечером новая телеграмма от главной квартиры. За три дня наше левое крыло продвинулось на сорок километров. Англичане дошли до Марны. Мы тоже рассчитываем притти к Марне завтра, хотя нам пришлось немного отступить близ Ла-Ферте-Гоше. Под Парижем, в долине Урк, армия Монури держится хорошо. Общее впечатление весьма удовлетворительно.

Успокоенный этими известиями, я в состоянии проявить больше интереса к событиям за пределами Франции. На востоке Европы русские армии тоже продолжают успешно сражаться. Они продвигаются на запад от Львова и вдоль Вислы. Они двигаются вперед также в Восточной Пруссии. Во всяком случае они задерживают известное число немецких корпусов, которые они отнимают от нашего фронта. Это не тот „каток, давящий все на своем пути“, о котором мечтали некоторые наши газеты. Но во всяком случае это ценная помощь для Франции в решительную минуту.

Очевидно Германия понимает теперь, что ее план большого внезапного наступления не удался. Граф Бернсдорф из кожи лез в Вашингтоне, чтобы вызвать посредничество Америки[1]. Он нащупывал почву на этот счет у министра иностранных дел Брайана, который уведомил об этом президента Вильсона. „Я не скрыл от Брайана, — телеграфирует Жюссеран, — что шансы на успех предполагаемого посредничества минимальны, так как с каждым днем увеличивается список германских преступлений и растет волна всеобщего негодования. Он намекнул тогда на возвращение к статус кво; я ответил ему, что мы согласились бы на него, если бы немцы для восстановления статус кво вернули жизнь нашим мертвецам“.

[1] Телеграмма Жюссерана № 298, получена 9 сентября 1914 г. в Бордо.

По воле Сазонова, у которого семь пятниц на одной неделе, продолжаются переговоры с балканскими странами. Телеграммы следуют за телеграммами. Результата никакого.

Четверг, 10 сентября 1914 г.

Утром два звонка по телефону. Один, без особого энтузиазма, от Галлиени: „Положение не плохо, но не так хорошо, как мы желали бы". Другой, более удовлетворительный, от Жоффра, относительно всего сражения в целом. Действительно, армия Монури мало продвинулась вперед за вчерашний день. Кажется, германцы даже несколько обошли ее на севере на ее левом фланге. Она потеряла Бетц и Нантэйль-ле-Гадуэн и должна была отойти к Силли-ле-Лонг. Но I германская армия вынуждена была переправиться обратно через Марну севернее Ла-Ферте-су-Жуарр и Шато-Тьерри. II германская армия под командой фон Бюлова не устояла перед натиском Франше д'Эсперэ. III армия, под командой фон Гаузена, тоже подалась перед нашей IX армией; последней командовал Фош, которому приходилось защищать против бешеных атак фронт в тридцать пять километров. Фош должен был во что бы то ни стало воспрепятствовать неприятелю перейти через Сен-гондские болота, тихо дремлющие в долине Пти-Морен и окруженные мирными деревнями Шампани. Его армия выдержала одну за другой ряд ожесточенных атак неприятеля. На правом фланге 11-й корпус, против которого неприятель стягивал все более многочисленные силы, вынужден был эвакуировать Фер-Шампенуаз: в центре угрожала опасность, что неприятель ударит с тыла на наш 9-й корпус, последний должен был отступить, и прусская гвардия подошла к замку Мондеман, старая башня которого господствует над всей равниной — этот замок является ключом к Марэ (болотам)[1]. В самый разгар битвы Фош обратился к своему соседу генералу Франше д'Эсперэ с просьбой помочь ему заменить в первых рядах 42-ю дивизию Гросетти, изнуренную трехдневными боями. Франше д'Эсперэ поспешил предоставить IX армии свежие войска, которые он мог отдать без опасности для себя, и Фош ударил во фланг 10-го германского корпуса. Но тогда как левое крыло, подкрепленное таким образом, продолжало итти вперед, прусской гвардии удалось оттеснить храбрую марокканскую дивизию и завладеть замком Мондеман. Еще один сильный напор, и неприятель пробьет брешь. Но быть побежденным — это значит считать себя побежденным, — Фош всегда повторял эту истину. Он не боится быть захлестнутым поднимающейся перед ним волной. Приказывает марокканской дивизии взять обратно замок Мондеман любой ценой; 42-й дивизии, которая была

---

[1] „Легенда, которая уже старается разукрасить плащ Клио, рассказывает, что в эти критические часы вы послали следующие забавные строки: „Мой правый фланг сильно тесним неприятелем, мой центр подается, мне невозможно двигаться, положение прекрасно, я атакую". Серьезные авторы приводят эти слова как подлинные. Я не имею смелости разубеждать их. Если вы и не писали этих оптимистических слов, вы думали так и — еще лучше — вы превратили их в действия" (ответ на речь маршала Фоша, произнесенную при приеме его в Французскую академию. Заседание 5 февраля 1920 г.).

проведена в тыл, с севера на юг, дается спешный приказ итти в Корруа и снова перейти в наступление фронтом на восток. Выбиваясь из сил, измученная, она снова появляется на передовых позициях, приходит на помощь нашим угрожаемым армиям. Перед лицом этого развертывания новых сил германцы, более измученные, чем мы, дрогнули, пошатнулись и начинают отступать.

Под впечатлением этих счастливых событий я принимаю Титтони. Его демарш является актом простой вежливости, но очевидно внушен новостями с фронта, просочившимися в дипломатические круги в Бордо. Мне представляется, что эта любезность — хорошее предзнаменование. Multos numerabis amicos (у тебя будет много друзей).

Делькассе, пришедший беседовать со мной и Вивиани о Турции, Греции и Болгарии, вдруг разразился слезами. Встревоженные этим припадком, мы расспрашиваем Делькассе. Он извиняется перед нами и говорит нам среди рыданий, что только что получил известие, что сын его ранен и взят в плен. Он боится, что имя Делькассе, ненавистное у немцев, навлечет на несчастного молодого человека придирки и жестокое обращение. Мы утешаем его как можем, но как не разделять его опасений?

Во второй половине дня я отправился с Мильераном в бордосский лагерь принять парад марокканской бригады и стрелкового батальона, которые только что прибыли во Францию и отправляются на фронт. Это великолепные войска с прекрасной выправкой, и при виде их я нисколько не сожалею ни о заключенном 30 марта 1912 г. договоре о протекторате, ни о той „марокканской экспедиции", в которой Клемансо усматривал тогда помеху для нашей мобилизации[1]. На пути туда и обратно меня, как и в прошлый год, приветствовала толпа, густой шеренгой стоявшая вдоль улиц, но на мой взгляд не в меру веселая. А ведь среди нее нет человека, у которого не было бы родных на фронте, каждый может ожидать не сегодня-завтра траурную весть! При каждом раздающемся вивате я думаю о солдатах, умирающих на поле сражения. Вернувшись в префектуру, я с грустью запираюсь в своем кабинете и принимаюсь за разбор бумаг, которые министры ежедневно направляют мне.

Город Нанси, который я считал доныне в безопасности, подвергся боевому крещению. Эту ночь его в продолжение часа бомбардировали два больших дальнобойных орудия, выпустивших в него более восьмидесяти снарядов. Убиты шесть женщин и девочек. Ранено много жителей. Материальные повреждения очень значительны в кварталах Сен-Дизье и Сен-Никола. Между тем Нанси является неукрепленным городом, и немецкие офицеры не имеют никакого оправдания для своих попыток разрушить его. Как видно, со времени 1870 г. их взгляды на войну не только не согласовались с законами цивилизации и прогрессом нравственности, но стали еще более отсталыми и античеловечными.

Тем не менее германская пропаганда продолжает представлять дело в другом свете и распространять во всем мире самые нелепые легенды. Наши войска якобы употребляют пули дум-дум. В Лонгви

[1] „Le Lendemain d'Agadir", стр. 92 и сл. и конец стр. 117.

якобы найден даже аппарат для изготовления таких пуль. Это отъявленная ложь, но разнузданная клевета деласт свое дело. Император Вильгельм в телеграмме президенту Соединенных штатов подтверждает своим авторитетом эту возмутительную выдумку и протестует во имя добродетели против преступлений французов. Я вынужден тоже телеграфировать Вильсону и опровергнуть басню, с которой опрометчиво солидаризировался кайзер.

День проходит, как и предыдущие, в лихорадочном ожидании новых подробностей об операциях наших армий. Один момент наше внимание отвлечено было многочисленными телеграммами из-за границы. Из Константинополя: турецкое правительство решило само отменить императорским ираде режим капитуляций [26], отмены или реформы которого оно так настойчиво добивалось от нас. Конечно оно не очень-то боится теперь Европы, расколотой на два враждебных лагеря[1]. Из Копенгагена: как сообщает нам Бапст, германский генеральный штаб опубликовал предупреждение, немедленно перепечатанное в Дании, в котором говорится, что, несмотря на женевскую конвенцию, германские войска будут отныне употреблять пули думдум, так как французы и англичане подали пример этого. Итак, вот в чем была цель выступления кайзера; в тенденциозной лжи надо было найти предлог для того, чтобы прибегать к варварским средствам[2]. Из Вашингтона: Жюссеран предупреждает нас, что послы Англии и России получили от своих правительств директиву отклонить в настоящий момент всякую попытку посредничества. Сэр Эдуард Грей телеграфировал сэру К. Спринг Райсу, что английский народ несомненно сторонник мира, но мира, заключенного с гарантиями, обеспечивающими его длительность и препятствующими повторению таких фактов, как нарушение нейтралитета Бельгии. Такой мир, прибавляет сэр Эдуард Грей, не может быть заключен в настоящий момент[3]. Из Софии: Панафье сообщает нам, что русские победы в Галиции, выжидательная позиция Турции, неудача австро-германских шагов в Бухаресте произвели сильное впечатление на болгарское правительство и на самого короля Фердинанда, которые придерживаются теперь благоразумного нейтралитета[4]. Из Петрограда: концентрические атаки русских армий против центра австрийских войск, от Замостья до Равы Руской, заставили неприятеля отступить. На правом берегу Вислы, на юго-запад от Люблина, австро-германские войска были вытеснены из занимаемых ими укрепленных позиций. Они уходят на юг[5]. Из Ниша: продолжаются сражения на Саве и Дрине; сербы дерутся с неприятелем, на стороне которого численное превосходство; жаркие бои идут вокруг Землина, занятого сегодня утром сербскими войсками[6]. Из Берна: нам сообщают по „Последним мюнхенским известиям“ следующий неслыханный факт: окруженный проволочными

---

[1] Телеграмма Саид-Халима, турецкого министра иностранных дел, турецкому представителю в Бордо, № 590.
[2] Из Копенгагена, № 194.
[3] Из Вашингтона, № 299 и 302.
[4] Из Софии от 9 сентября, без номера.
[5] Из Петрограда, № 583.
[6] Из Ниша, № 125 и без номера.

заграждениями концентрационный лагерь Лехфельд, в котором содержатся французские военнопленные, открыт для доступа публики, за вход взимается двадцать пфеннигов, которые идут в пользу семейств мобилизованных немцев. Наших соотечественников, имевших несчастье попасть в плен к немцам, показывают словно диковинных зверей за решеткой зоологического сада [1].

Получено также несколько телеграмм от гражданских властей в наших северных департаментах. Префект Сены и Уазы извещает нас, что приехавшие на автомобилях германцы взорвали в двух местах железнодорожное полотно между Парижем и Дьеппом. Префект Нижней Сены сообщает факты, которые являются новым подтверждением бездействия армии д'Амаде. Отряд в шесть- или семьсот немцев пришел в беспорядке из Дуллана в Амьен, где учредил „комендатуру" (немецкое военное управление). Немцы взорвали Руаский мост в районе Мондидье. Префект Северного департамента извещает нас, что неприятель повидимому направляется через Турнэ в Орши, минуя Лилль.

Но мы в первую очередь с нетерпением ждем детальной информации от главной квартиры. Эти известия приходят во второй половине дня и вечером и носят все более успокоительный характер. Теперь и публика будет осведомлена о замечательном сражении, которое происходило с 6 сентября на Урке и Маасе и которому главнокомандующий дал сегодня название, долженствующее войти в историю: битва на Марне. С самого начала наших операций правое крыло германцев, другими словами, армия фон Клюка, которая 6-го пришла в район, лежащий на север от Провенса, вынуждена была отступить ввиду грозившей ей опасности окружения. Однако благодаря целому ряду искусных и быстрых движений ей удалось освободиться из наших тисков, и она бросила бо́льшую часть своих сил против нашего крыла, ведущего окружение — на север от Марны и на запад от реки Урк. Но французские войска, оперировавшие с этой стороны, с помощью британской армии нанесли неприятелю серьезные потери и прекрасно держались достаточно времени, чтобы позволить нам развернуть наступление в других местах. Германцы отступают к Эне и Уазе. За четыре дня они отошли на шестьдесят, семьдесят и в некоторых пунктах даже на семьдесят пять километров. Тем временем те английские и французские войска, которые оперировали на юге от Марны, тоже непрерывно использовали свое преимущество. Одни выступили с южной опушки леса Креси, другие — на севере от Провенса и на юге от Эстерпэ; те и другие перешли Марну севернее Шато-Тьерри. С самого начала завязались жаркие бои в окрестностях Ла-Ферте-Гоше, Эстерпэ и Монмирайля. Левое крыло армии генерала фон Клюка, а также армия генерала фон Бюлова отступили под натиском наших войск. Самые ожесточенные бои происходили в районе, расположенном между плоскогорьями, которые простираются на север от Сезанн и Витри-ле-Франсуа. Здесь находились кроме левого крыла армии фон Бюлова саксонская армия и часть армии принца Вюртембергского. Рядом мощных атак германцы пытались прорвать наш центр. Это не удалось им. Наши успехи на плоскогорьях

[1] От Бо без номера из Берна, от 10 сентября 1914 г.

к северу от Сезанн позволили нам в свою очередь перейти в наступление, и в конце концов сегодня ночью неприятель прекратил бой на фронте, простирающемся от Сен-гондских болот до района Соммсу. Он отошел на запад от Витри-ле-Франсуа. Так обстояло дело на Марне. Что касается боев на Орнэне, а так же между Аргоннами и Маасом, то они еще продолжаются, а именно — против армий принца Вюртембергского и кронпринца, причем мы то подвигаемся вперед, то отступаем. Еще сегодня наш 6-й корпус подвергся в районе Во-Мари, на запад от долины Эр, отчаянной атаке немцев, которые пытаются отрезать наши линии и окружить Верден. Но здесь их встречают стрелки Сен-Михиеля[1]. Жоффр заявляет, что за последние дни общая ситуация, как стратегическая, так и тактическая, совершенно изменилась.

Последняя телеграмма, полученная сегодня вечером, подтверждает это впечатление. „Повсюду, — говорит в ней Жоффр, — наши солдаты были выше всякой похвалы. Я нарочно скупился на известия, пока не имел в своих руках надежных сведений о бесспорных результатах. Теперь я могу сообщить их вам. На нашем левом фронте бегущие неприятельские армии были отброшены по ту сторону Марны английской армией и армией Франше д'Эсперэ, которые за четыре дня сражения выиграли более шестидесяти километров. Армия Монури с замечательной стойкостью выдержала мощный натиск германцев, пытавшихся выручить атакой на нее свое правое крыло. Войска Монури долгое время выдерживали интенсивный огонь орудий большого калибра, отбили все атаки неприятеля и теперь продолжают свое продвижение на север, преследуя отступающего неприятеля. Сегодня утром дрогнул немецкий центр. Армия Фоша двигается к Марне и находит на своем пути следы поспешного отступления неприятеля; корпуса последнего и особенно гвардия понесли большие потери. На нашем правом фланге мы оказываем энергичное сопротивление ожесточенным атакам неприятеля, и все позволяет надеяться, что наши успехи будут расти и далее. Главнокомандующий Жоффр". Эта телеграмма, адресованная Мильерану, получена нами в 8½ часов вечера. В радостном волнении я звоню ему и спрашиваю, не согласен ли он со мной, что я должен обратиться к нему с приветственным посланием к победоносным армиям. Он отвечает мне, что мы поговорим об этом завтра в совете министров.

Пятница, 11 сентября 1914 г.

Не дожидаясь заседания совета министров, я написал это послание и принес его на заседание уже в совсем готовом виде. Оно было принято в моей редакции, и решено было, что военный министр передаст его главнокомандующему по примеру тех приветствий, с которыми президент обычно обращается к войскам после смотров в мирное время. Оно должно быть немедленно обнародовано вместе с несколькими вступительными словами военного министра[2]. К выражению своего восхищения я прибавляю в этом послании слова ободрения и свои

---

[1] См. „Les chasseurs de Saint-Mihiel-et la guerre dans la Meuse", par M. Jolibois, instituteur Imprimerie Comte-Jacquet, Bar-le-Duc.

[2] „Messages et Discours", t. 1, p. 16, 17. Blond et Gay, éditeurs.

пожелания и говорю о наших успехах, разумеется, не как об окончательной победе, а как о верном залоге будущих результатов. Министры, так же как я, осторожны в своей оценке, и никто из них не тешит себя иллюзией, что война закончена. Тем не менее они очень удовлетворены достигнутыми преимуществами и глубоко взволнованы ими. Оба министра-социалиста не менее экспансивны в своей радости, чем остальные. Никогда еще французские министры не чувствовали между собой такого тесного единения. Вчера их объединяло несчастье, сегодня — счастье, у них воистину только одна душа, всецело поглощенная мыслью о Франции.

Бриан звонит мне из Парижа. Он тоже приветствует результат сражения, и в его грудном голосе я различаю по телефону необычную дрожь. Он говорит мне, что приезд его и Марселя Самба произвел прекрасное впечатление на общественное мнение Парижа. Все спокойно. Генерал Галлиени очень удовлетворен военными операциями.

Офицер связи комендант Гильом извещает меня, что генерал Жоффр намерен продолжать наше движение вперед и энергично теснить отступающего неприятеля. Наша кавалерия взяла еще одно знамя недалеко от Санлиса. Это — третье знамя за четыре дня. Трофеи эти будут отправлены в Бордо; я надеюсь как можно скорее отвезти их в Париж. При своем отступлении немцы оставили всякого рода предметы: батареи гаубиц, ящики со снарядами, пулеметы, патроны, документы, карты, бумаги. В Фер-Шампенуаз они разграбили винные погреба и частные дома и предавались позорным оргиям; они ушли, оставив в подвалах города мертвецки пьяных солдат императорской гвардии. Наши войска взяли обратно Эпернэ, Шалон на Марне, Витри-ле-Франсуа. Они подошли к Компьенскому лесу, к Виллерс-Коттерэ и Фер-ан-Тарденуа. На фронте армии Саррайля V немецкая армия — это армия кронпринца — отходит наконец на север, через Лагейкур. На своем пути она подожгла несколько населенных пунктов, но ей пришлось отказаться от намерения достигнуть долины Мааса на юг от Вердена.

К концу полудня новая телеграмма Жоффра военному министру извещает нас, что на нашем левом фланге и в центре наш успех растет и все более превращается в победу. Наш 1-й кавалерийский корпус во главе с генералом Бриду, заменившим генерала Сорде, старается согласно полученной директиве отрезать неприятелю пути отступления.

Наши бельгийские друзья в восторге. Сегодня утром Клобуковский встретил на Льеррской площади в Антверпене короля при выходе его из главной квартиры. Король сказал ему: „Это сражение свидетельствует о прозорливости Жоффра. Он отдал приказ о наступлении именно в тот момент, когда оно имело шансы на успех. В настоящий момент бельгийская армия напрягает свои силы, чтобы сотрудничать с французскими и английскими войсками. В нынешних обстоятельствах роль ее заключается в том, чтобы беспокоить неприятеля и даже перерезать его сообщения. Она не преминет сделать это“ [1].

[1] Из Антверпена, № 382.

Теперь, когда дела идут лучше, я узнал — многие выболтали это, — что за последние недели я, сам того не зная, был объектом крайне страстных, впрочем противоречивых, нападок в известных политических кругах. Сегодня говорят другим языком. Но вчера на меня возлагали ответственность за то, что я знал, и за то, о чем меня оставляли в неизвестности прежние и нынешние министры, за то, что я сделал в 1912 г., председательствуя в совете министров, и за то, что сделали до меня или упустили сделать правительства, в которых я не участвовал. Недостаточность снаряжения, отсутствие тяжелой артиллерии, расточительность некоторых ведомств, декрет о закрытии сессии парламента, неточные или неполные бюллетени — все это стало в тяжелую годину предлогом для обвинений по моему адресу. Члены парламента, толкующие о своем великом уважении к конституции, доходили до обвинений меня в том, что я не прибег к диктатуре и оказался на поводу у правительства; другие утверждали, напротив, что под маской министров все делал я, хорошее и плохое, особенно же плохое. Что было бы, если бы фон Клюк неожиданно не изменил направления своего движения и Жоффр и Галлиени не воспользовались искусно этим случаем для перехода в наступление? Что было бы, если бы наши армии не бились с такой храбростью? Все раздражение, вся злоба, увы, обрушились бы сегодня на меня. Завтра, при малейшей неудаче, все может начаться сызнова. Моя доля — привлекать молнию на свою голову, чтобы она не поразила слишком многих сразу. Не могу не заметить, как умно поступал еврейский народ, прогонявший в судный день в пустыню бедного козла Азазела, на которого взваливали грехи людей. Это невинное животное было бы вполне на своем месте в овчарне в Рамбуйе, близ президентского дворца.

Меня посетил де Кергезак, депутат от департамента Кот-де-Нор; через свою жену он связан с одной влиятельной румынской фамилией и приехал теперь из Бухареста. Он виделся с нашим другом Таке Ионеску, который сказал ему: „Если Италия выступит, Румыния несомненно тоже выступит, но для того чтобы Италия выступила, Франция должна обещать ей что-нибудь, например Туние". Таке Ионеску слишком умен, чтобы сделать это указание по собственному почину; надо думать, что он имел директиву дать нам его; это указание разоблачает перед нами настроения, которые мы всячески будем остерегаться поощрять как в Риме, так и в Бухаресте.

Впрочем, согласно сообщениям, полученным Делькассе от Лаговари, король Кароль остается всецело под влиянием Германии и Австрии. Вильгельм II писал королю и гарантировал ему уже теперь обладание Бессарабией, если Румынии удастся завоевать ее, а также обещал ему аннексию Трансильвании примерно по прошествии двадцати лет; к этому времени, пояснял он, произойдет распад Австро-Венгрии. Итак, германский император, который объявил войну в надежде отдалить эту перспективу распада Австро-Венгрии, сам считает этот распад неизбежным?

Жоффр получил следующую телеграмму от великого князя Николая

Николаевича: „12 сентября. Генеральное сражение, начавшееся в Галиции десять дней назад, заканчивается большой победой наших армий. За 8, 9 и 10 сентября наши трофеи составили сто орудий и тридцать тысяч пленных, в том числе двести офицеров. Австрийские армии отступают на всех фронтах, преследуемые нашими войсками. Счастлив сообщить вам это известие в тот самый день, когда узнал об успехах храбрых французских и английских армий". Это очень хорошо, и мы от души приветствуем эти победы русских. Но, кажется, в Восточной Пруссии перевес теперь снова на стороне немцев, а Россия, вопреки нашим неоднократным требованиям, направляет свой главный удар против Австрии, между тем как самый верный способ разгромить Австрию — это начать с разгрома Германии.

Воскресенье, 13 сентября 1914 г.

Я снова настаиваю в совете министров на том, чтобы по возможности скорее отправиться в главную квартиру, на фронт и в департаменты, опустошенные в результате нашествия. Так как мне снова дают уклончивые ответы, я заявляю, что, если будут далее медлить с утверждением моего начинания, я порву с обычаем, требующим, чтобы при всех официальных выездах президента последнего сопровождали один или несколько министров, и предприму один без разрешения и содействия правительства те шаги, которые считаю безусловно необходимыми. Эта угроза государственного переворота в миниатюре не вызывает протестов, но возбуждает некоторое удивление, а у иных чувство неловкости.

Вивиани, Рибо и Томсон представили мне согласованный ими финансовый доклад большой важности. Казначейство нуждается в средствах и не может прибегать с этой целью исключительно к помощи государственного банка путем непрерывного увеличения эмиссии, не может также искать этих средств путем увеличения налогов; правительство полагает, что будет очень трудно обеспечить поступление этих налогов, пока продолжаются враждебные действия и многие налогоплательщики мобилизованы. Поэтому Рибо считает, что нельзя обойтись без выпуска краткосрочных займов. Сумма бонов казначейства не превышает в настоящий момент трехсот пятидесяти миллионов франков. Она гораздо ниже той цифры, которой могла бы достигнуть. Министр финансов предлагает сделать эти боны доступными публике, выпустив купюры в тысячу, пятьсот и даже сто франков, и размещать их через банки. Кроме того принято решение, что во все время войны эти боны — на них приглашаются подписываться все патриотические граждане — будут называться бонами национальной обороны. Я подписываю соответственный декрет, который кроме Рибо скрепляют своей подписью Вивиани и Томсон.

Во второй половине дня я посетил несколько местных госпиталей, в которых находятся на излечении тысячи раненых. Я беседую с этими бравыми людьми; все они поражают своею храбростью, оптимизмом и хорошим настроением.

Полковник Пенелон доставил мне два последних знамени, взятых у неприятеля. Они помещены в префектуре под охраной моих офицеров.

Жоффр телеграфирует нам, что „все более выявляется всеобъемлющий и блестящий характер нашей победы. Повсюду неприятель отступает без оглядки, он отступает даже перед нашими I и II армиями (Лотарингия и Вогезы), которым более месяца оказывал сопротивление. Повсюду немцы оставляют пленных, раненых, военный материал. Наш авангард преследует неприятеля по пятам, не давая ему времени перегруппироваться. На нашем левом фланге мы перешли Эну ниже Суассона; таким образом за шесть дней боев мы продвинулись вперед более чем на сто километров. Центр наших армий находится уже на север от Марны; наши лотарингская и вогезская армии подступают к границе. Правительство республики может гордиться подготовленной им армией".

Генерал Гуро, вернувшийся из Рабата и немедленно отправляющийся на фронт, привез мне два марокканских знамени; они отняты у повстанческих племен, изъявивших теперь свою покорность. Он горит нетерпением принять участие в боях. С восторгом говорит о победе, одержанной нашими армиями; но при мысли, что его не было при этом, легкая тень омрачает ясный взгляд его голубых глаз.

Понедельник, 14 сентября 1914 г.

Сенаторы и депутаты продолжают домогаться официальных назначений. Рибо поручил одну такую миссию Жоннару. Последний обследовал экономическое положение департаментов Северного, Па-де-Кале и Соммы и сделал мне доклад о своей поездке. Сенатор Фердинанд Дрейфус желает получить назначение в Италию на предмет изучения тамошнего общественного мнения. Альбер Тома, который тяготится своим бездельем, согласится принять любое поручение. Никогда еще предложения услуг не сыпались в таком изобилии и с такой готовностью.

Мильеран докладывает в совете министров, что генерал д'Амаде с непростительной поспешностью отдал приказ об эвакуации Лилля. Мессими конечно дал ему по телефону разрешение считать Лилль неукрепленным городом, согласно заключению высшего военного совета и внесенному в палату законопроекту, повидимому также согласно с требованиями мэра города Лилля и некоторых депутатов от Северного департамента. Но министр никоим образом не предписал немедленную эвакуацию города. А между тем из города удалили войска, даже не подумав о том, чтобы увезти ружья, боевые припасы и продовольствие. Мильеран сообщает также, что приступит к рассмотрению роли, которую сыграл в этом деле губернатор Лилля генерал Персен.

Делькассе выступает с несколько путаным докладом об иностранных делах. Германский посланник в Афинах посетил греческого премьера Венизелоса, недавно взявшего себе также портфель министра иностранных дел, и сообщил ему как „добрую весть", что Турция и Болгария в союзе и собираются напасть на Сербию, но по отношению к Греции проникнуты лишь дружественными намерениями. Венизелос отклонил эту неуклюжую попытку и ответил, что Греция выступит против тех стран, которые нападут на Сербию [1]. В Константинополе инженеры и техники, присланные Германией,

[1] От Девилля из Афин, № 152.

спешно ремонтируют „Гебен“ и „Бреслау“, котлы которых потерпели аварию [1].

Один из самых видных парижских журналистов, Эжен Лотье, сотрудник „Temps“, приехавший сюда ознакомиться с настроением департамента Жиронды, сообщает мне, что в Бордо интернировано несколько венгерских подданных, а именно депутат-франкофил Михаил Карольи, два товарища его, Зленоки и Фридрих, и известный социолог Макс Нордау, который впрочем не раз несправедливо и зло отзывался в „Vossiche Zeitung“ о Франции. Михаил Карольи приехал в июне в Париж искать здесь поддержки против своего политического противника графа Тиссы, который, несмотря на первоначальные колебания, в конце концов взял на себя большую долю ответственности за войну. Лотье находит несколько парадоксальным держать Карольи в плену. Правительство, которому я представил этот вопрос на рассмотрение, приняло благородное решение освободить этих венгров вместе с Максом Нордау и отправить их в Испанию. Чисто французский жест, который рискует не встретить надлежащей оценки ни в Будапеште, ни в Берлине.

В Бельгии король прибавил вчера к приказу главной квартиры следующие трогательные слова: „В случае атаки будет оказано самое решительное сопротивление. Успехи англо-французской армии налагают на нашу армию долг сотрудничать по мере наших средств в достижении окончательной победы, заставляя неприятеля противопоставлять нам максимум своих сил“. Король Альберт лично подтвердил затем эти слова каждому дивизионному командиру. Он поздравил нашего военного атташе с успехом французской армии, который он характеризовал как „самую блестящую военную операцию новейшего времени“ [2]. Кроме того король потрудился телеграфировать мне: „Великая победа, одержанная союзной армией благодаря ее доблести и военному гению ее вождей, обрадовала нас до глубины души. Посылая вам свои самые горячие поздравления, я являюсь выразителем чувств всей бельгийской нации. Мы сохраняем непоколебимую уверенность в успешном исходе борьбы, и возмутительные зверства, от которых страдает наше население, не только не терроризировали нас, как надеялись враги, а лишь удвоили нашу энергию и энтузиазм наших войск“.

Я благодарю короля и заканчиваю свое послание следующими словами: „Когда пробьет час справедливого возмездия, никто не сможет забыть, что́ сделали для торжества общего дела ваше величество и достойный восхищения бельгийский народ“.

Что касается немецкого генерального штаба, то у него другая манера считаться с правдой. Сегодня утром агентство Вольфа распространяет следующее сообщение: „Операции последней недели, которые не могут быть опубликованы в деталях, привели к новому сражению, развертывающемуся благоприятно для наших армий. Неблагоприятные для нас известия, всячески распространяемые союзниками, ложны“. Вот как осведомляют Германию! Агентство Вольфа старательно

---

[1] Из Терапии, № 417.
[2] Из Антверпена, № 390.

умалчивает здесь о том, что сегодня германские армии останавливаются в своем отступлении. Они использовали несколько часов отдыха, данного нашим войскам; пожалуй лучше было бы, несмотря на неизбежное утомление солдат, иметь смелость заставить их подождать еще немного с отдыхом. Немцы заняли позицию на линии, идущей от возвышенностей на север от Эны, далее — между Уазой и Берри-о-Бак и до холмов на север от Вердена. Эта линия проходит на востоке у подступов к Реймсу. На этом новом фронте неприятель уже организует свое сопротивление. Одно лишь правое крыло его лишено прикрытия и плохо связано с центром. Нашей VI армии и английской армии отдан приказ тревожить его и стараться окружить его через Пюизалейн и Карлепон.

Вторник, 15 сентября 1914 г.

Один из офицеров связи, командир Эрбильон, привез мне два знамени, отнятых у немцев. Пользуясь случаем, он сказал мне, что генерал Жоффр жалуется на некоторые купюры, произведенные военным министром в сводках главной квартиры, часто носивших несколько дифирамбический характер. Я отвечаю ему, что война далеко не закончена, что к тому же мы сделали ошибку, прервав преследование неприятеля, и что не имеет смысла возбуждать в стране ложные надежды, представляя дело так, будто неприятель бежит в беспорядке[1]. Возможно, что командир Эрбильон не принадлежит к числу тех, у которых надо исправлять их преувеличения, но у него есть товарищи в главной квартире, которых победа буквально опьянила и которые считают, что кампания уже кончилась.

Вчера в „L'Indépendant des Pyrénées Orientales" появилась статья за подписью Эммануила Брусса, в которой содержится следующая тирада (автор передает ее как слова своего приятеля): „В Бордо пьют шампанское, курят, веселятся, тогда как там, на фронте, наши бедные солдаты идут в огонь, чтобы обеспечить благополучие этих господ. Еще полбеды, если оргии устраиваются в залах ресторанов, но в воскресенье на улицах Бордо видели министров, возвращавшихся с пикника в Аркашоне с дамами и разъезжавших в засыпанных цветами автомобилях, причем у руля сидели военные". Кажется, генерал, командующий 16-м округом, приостановил за эту заметку выход газеты на один месяц. В совете министров Мильеран и Мальви сократили срок запрещения газеты до нескольких дней. Все министры протестовали, даже негодовали против этой выходки газеты, называли ее сплетнями и баснями. После заседания меня отвел в сторону Мальви. Он рассказал мне, что, чувствуя себя не совсем здоровым, поехал в воскресенье после обеда к приятелю в Аркашон и что, когда он собрался в обратный путь, местные ассоциации, узнав о его присутствии, поднесли ему цветы. Он с большой энергией утверждает, что ничего другого не было. Врочем кроме него никто не говорил мне, что в статье имелся в виду именно этот министр.

---

[1] Colonel Herbillon, De la mobilisation à la Marne, „Revue de France", 1 septembre 1928.

Я получаю множество поздравлений по поводу битвы на Марне; в числе первых пришли поздравления от императора Николая II и от сербского принца-регента Александра. В своем ответе я в свою очередь поздравляю их с успехами их армий. Но нам все более желательно было бы, чтобы наступление русских направлено было главным образом против Германии. Палеолог выступил с новым демаршем, чтобы поддержать это наше желание. Но военный министр, тот самый генерал Сухомлинов, который всегда производил на меня плохое впечатление, когда я с ним встречался, дал понять нашему послу, что русские не будут продвигать свои армии дальше в Восточную Пруссию с направлением на Берлин, а предпочтут действовать в Силезии и Познани. Он даже прибавил: „Чтобы прийти на помощь французской армии, мы в конце августа потеряли сто тысяч человек при Солдау". Палеологу пришлось ответить ему: „Чтобы притти на помощь русской армии, мы принесли такую же жертву. Однако не наша вина, что по ошибке одного из ваших корпусных командиров фланг русской армии вдруг оказался без прикрытия" [1].

Дени Кошен, получивший наконец назначение обследовать пороховые склады, возвратился вчера из своей первой поездки, весьма удовлетворенный ее результатами. Будучи одним из известнейших химиков, он вполне компетентен, для того чтобы выполнить возложенную на него задачу.

Приехавшие из Парижа Марсель Самба и Бриан один за другим докладывают мне о своей поездке. В статье, написанной к их приезду, Морис Баррес спрашивал, не возвещают ли обе эти ласточки возвращения правительства. Я желал бы этого. Но, увы, обе ласточки, напротив, вернулись к своим сестрам под южное солнце Жиронды. Впрочем обе они в восторге от своего временного перелета. Галлиени, привыкший к завоеваниям, без труда завоевал сердца Самба и Бриана. Министр-социалист отзывается передо мною о военном губернаторе с великим энтузиазмом, и эта горячая хвала, для меня совершенно излишняя, надеюсь, положит конец всем недоброжелательным подозрениям, на удочку которых попались Клемансо и некоторые министры. Самба не только вполне уверен в лойяльности Галлиени, он одобряет также, что последний выбрал себе в сотрудники Думера; сила характера и поразительная трудоспособность Думера, говорит Самба, приносят большую пользу гражданскому управлению укрепленного лагеря.

„Генерал Галлиени, — заявляет мне в свою очередь Бриан, — держится безукоризненно. Он отнюдь не ищет популярности и старается лишь выполнять свой долг. Мы с Самба посетили северный сектор, где были сделаны большие усовершенствования в организации защиты. Генерал требует, чтобы ему послали судовую артиллерию. Я говорил об этом Оганьеру; он спешно предпримет необходимые шаги. Орудия будут расположены таким образом, чтобы можно было открыть продольный огонь по железнодорожным путям, необходимым немцам для транспорта их гаубиц 420-миллиметрового калибра. Это даст нам возможность воспрепятствовать установке этих гаубиц неприятелем. Галлиени считает, что при принятии этой меры предосторожности

---

[1] Из Петрограда от 15 сентября, № 607 и 608

Париж в случае возобновления немецкого наступления сможет продержаться по меньшей мере четыре-пять недель. Мы с Самба отправились также на фронт и посетили армию Монури; выдержка войск превосходна; снабжение не оставляет желать ничего лучшего. На полях еще лежат трупы немцев. Я приветствую, господин президент, что вы, в согласии с правительством и Галлиени, настаивали перед генералом Жоффром на усилении армии Парижа. Военный губернатор мог перебросить на реквизированных такси полученные им войска и доставить их на поле сражения в распоряжение армии Монури. Эти дополнительные силы несомненно содействовали окончательному успеху".

У меня было также совещание с министром колоний Гастоном Думергом. Правительство поручило ему организовать снабжение в освобожденных департаментах Сены и Марны, Марны, Эны и Уазы. Он излагает мне свою программу, которую я нахожу очень разумной.

Наконец Делькассе, все еще очень беспокоящийся по поводу своего сына, тоже пришел ко мне беседовать еще раз о Турции и Болгарии. Кроме того он сообщает мне интересные депеши, в которых Клобуковский передает о своем разговоре с бароном Бейенсом, бывшим бельгийским посланником в Берлине. „Война между Австрией и Сербией, — сказал ему этот достойнейший дипломат, — была подстроена Германией; это была головешка, которая должна была зажечь пожар; эта война должна была послужить исходным пунктом для выступления против Франции, пунктом, которого желали и искали. Император Вильгельм долгое время проявлял себя весьма искренним сторонником мира, но в конце концов уступил перед напором камарильи, всегда вдохновлявшейся бисмарковским духом. За последние два года он явно был удручен; состояние его здоровья, всегда неважное, ухудшалось под влиянием тревоги, внушаемой ему постоянными наущениями его приближенных. Несмотря на сильное умственное переутомление, император не мог не сознавать страшного значения войны между Германией и Францией, но, как видно, одно основное заблуждение заслоняло перед ним эти непосредственные впечатления. Он был убежден, что Россия, находившаяся в разгаре военной реорганизации, не вмешается решительно в балканский конфликт, что Англия, обессиленная внутренними разногласиями и в общем мало склонная вступать в войну на континенте, тоже воздержится, что Италия выступит вместе со своими обоими союзниками и что в последнем счете Германия со своими огромными контингентами, долгое время подготовляемыми к войне, будет фактически иметь дело только с Францией. Последней же, как казалось императору, можно было не очень бояться, прежде всего потому, что у нее было меньше войск, и затем ввиду разногласий, проявившихся в парламентских дебатах по военным вопросам. Император был уверен, что наконец пришел момент установить силой оружия гегемонию Германии. В его окружении было много сторонников войны; но главным сторонником ее был кронпринц — он по крайней мере номинально (ввиду ограниченности его умственного горизонта) возглавлял партию, стоявшую за молниеносное наступление против Франции. Уже давно эта партия искала предлога, безразлично какого, для ссоры. А как известно, за этим у немцев дело никогда не станет. Таким образом возникла австро-сербская распря".

Король Альберт тоже вел непринужденный разговор с Клобуковским. Сообщаю этот разговор в краткой письменной передаче, сделанной Клобуковским для Делькассе. „Оборонительная тактика, — сказал его величество, — была единственно возможной перед лицом столь мощных массовых армий, и я чрезвычайно счастлив, что французское командование прибегает к ней с такой систематичностью и с такой силой сопротивления. Выдержка и борьба — это должно быть лозунгом как для Франции, так и для Бельгии. Германия могла рассчитывать на успех только при том условии, что не встретит задержки при своем внезапном натиске. Ее план был разбит в самом начале, и для Бельгии великое счастье, что она содействовала этому результату. Поэтому так велико раздражение императора Вильгельма против нас и против меня, оно даже больше, чем думают... Воистину этот способ вести войну заслуживает всеобщего осуждения. Такое поведение нисколько не удивительно со стороны военной олигархии, высокомерной и тщеславной. Она завистлива, распутна, злостна; она завидует нашим прекрасным памятникам, нашим столь прелестным городам, очарованию наших пейзажей, нашей активности в промышленности. Наш собор в Малине подвергнут был бомбардировке, потому что он чудо красоты; наша Лувенская библиотека, которую пощадили даже иконоборцы, была сожжена умышленно, потому что она была единственной в мире. Старый император Вильгельм, который был человеком простым, устоял бы против внушений этого ограниченного и грубого окружения; но его внук склонен к мелкому тщеславию; он восхищается поверхностной и театральной стороной; он слишком любит играть роль перед галеркой, чтобы оставаться равнодушным к лести тех, которые прельщают его грандиозной перспективой осуществления его всегдашней мечты: он — великий император, повелитель мира, все перед ним трепещет и преклоняется".

Словно для того чтобы одним более лестным штрихом ретушировать эти живые портреты кайзера и его будущего преемника, агентство Вольфа упорно возвещает, что армия кронпринца осаждает и бомбардирует крепость Верден. Жоффр телеграфирует, что это известие ложно от начала до конца и просит нас опровергнуть его. Но наше опровержение не проникнет в Германию, и все будут там вполне искренне приписывать кронпринцу славу великого военного успеха. Между тем на самом деле все попытки V немецкой армии окончились неудачей. В первых числах текущего месяца она пыталась обойти левое крыло нашей III армии генерала Саррайля, отрезав его от IV армии генерала де Лангль де Кари. Но Саррайль перебросил в промежуток между обеими нашими армиями новый корпус, а именно 15-й, и кронпринцу не удалось пройти здесь. Зато на правом фланге нашей III армии бомбардированы были некоторые форты Вердена, а в тылу этой армии немецкие части, пришедшие из Воэвры, приблизились севернее Сент-Мигиеля к форту Тройон; раз или два они атаковали последний, но не в состоянии были завладеть им. 10 сентября последовала еще одна безуспешная атака кронпринца на нашу III армию, а 13-го V немецкая армия отступает. Сегодня войска V немецкого корпуса, которые занимали правый берег Мозы в окрестностях форта Тройон, сами отступают на равнину Воэвры. Но какие

развалины неприятель оставил после себя в смеющемся крае, где нет ни одной деревни, ни одного ручейка, ни одного леса, которые не были бы мне родными!

Среда, 16 сентября 1914 г.

Наступление, начатое нашими войсками после битвы на Марне и к несчастью прерванное, чтобы дать краткий отдых войскам, достигло вчера и третьего дня на всем фронте арьергарда неприятеля; последний остановился, чтобы дать нам бой, и получил теперь подкрепления от главной массы немецкой армии. Итак, предстоит новое генеральное сражение на линии, на которой неприятель быстро укрепился; эта линия тянется от Уазы до Аргон, через Нойонский округ, ряд плато на север от Вик-сюр-Эн и Суассона, Лаонский массив, высоты вокруг Реймса и окрестности Вилль-сюр-Тюрб. Позиции немцев, уже укрепленные, тянутся далее на восток от Аргонн, от Варенн до Воэвра на север от Вердена. Впереди освобожденных Люневилля и Сан-Дидье наша территория почти совершенно очищена от иноземцев. Но будут ли у нас завтра еще достаточно свежие войска, будет ли у нас достаточно артиллерии и снарядов для предстоящих боев с искусно окопавшимся неприятелем? Вчера телеграмма Жоффра (№ 5342) благоразумно приглашает наши армии принять систематические меры и постепенно укрепить завоеванную территорию. Главнокомандующий не желает повторения иллюзий и ошибок первых дней войны. Если немцы укрепляются перед нами, то располагаем ли мы кроме храбрости всем, что необходимо для вытеснения их?

Мы желали бы по крайней мере, чтобы Россия облегчила давление, оказываемое на нас неприятелем. Делькассе просил Палеолога еще раз настаивать перед Сазоновым на том, чтобы русское наступление безотлагательно направлено было против Германии. После аудиенции у императора Сазонов ответил[1]: „Как только будут уничтожены австрийские армии в Галиции, можно быть уверенным, что энергично проявится прямое наступление против Германии". Но когда будут уничтожены австрийские армии в Галиции? Правда, русские армии перешли Сан и преследуют левое крыло австрийцев, которые, как нам сообщают, бегут в беспорядке. Конечно центр и правое крыло австрийской армии отброшены к Перемышлю[2]. Конечно согласно последней телеграмме Палеолога, отправленной нам сегодня[3], австрийские армии уходят из Галиции, оставляя позади себя двадцать пять тысяч убитых и раненых и сто тысяч взятых в плен; пришедшие на помощь им немецкие корпуса сами тоже отступают. Но в таком случае зачем России ожидать еще более полного уничтожения австрийских армий в Галиции, прежде чем приступить к решительным действиям против Германии? В настоящий момент I русская армия совершенно оставила территорию Восточной Пруссии, и нам более не говорят ни слова об осаде Кенигсберга[4].

---

[1] Из Петрограда от 16 сентября, № 617.
[2] Из Петрограда от 15 сентября, № 612.
[3] 16 сентября, № 618.
[4] От генерала де Лагиш из Петрограда от 15 сентября, № 611.

Зато наша победа по крайней мере придала бодрости некоторым нашим друзьям. В Румынии состоялись большие демонстрации в честь Франции. Во главе этого народного движения стал бывший военный министр Филиппеску. Наш посланник Блондель даже уверен, что еще на этой неделе румынское правительство приступит к мобилизации и объявит себя на нашей стороне. Король должен будет дать свою подпись или отречься от престола[1]. Такие же надежды питает Лаговари. Но я очень боюсь, что оба они принимают свои желания за действительность.

Четверг, 17 сентября 1914 г.

К полковнику Пенелону вернулась его сияющая улыбка. Мой верный офицер связи привез мне сегодня целую охапку оптимистических известий. Он приехал скорым поездом из Реймса, куда переведена главная квартира. „Как, — спрашиваю я, — разве там не проходит теперь линия огня?“ Полковник признает, что, возможно, несколько поспешили, выбрав для этой цели город в таком непосредственном соседстве с неприятелем, и что там невозможно будет исполнять функции командования. В действительности у нас не ожидали, что немцы так быстро создадут новый фронт. Неприятель обстреливает Реймс из батарей, помещенных им в фортах на востоке от города. Однако генерал Жоффр полагает, что немцы приняли сражение против воли, что их принудила к этому сила нашего преследования. Правда, они окопались так основательно, что уже невозможно будет выбить их из позиций фронтовыми атаками. Но мы принимаем теперь меры, чтобы обойти их с обоих флангов. 13-й корпус, взятый из армии Дюбайля, вчера перевезен на наш левый фланг и усилит армию Монури; с другой стороны, армия Кастельно маневрирует на востоке с целью обхода левого фланга немцев. Сражение быть может продлится два-три дня, но Жоффр твердо надеется, что мы выиграем его. Он даже думает, что немецкое командование решилось дать это сражение, только будучи связано волей кайзера, который в своем суверенном нетерпении вероятно потребовал немедленного реванша.

Если наши успехи не разбили немцев, они по крайней мере подняли дух бельгийцев. Бельгийская армия только что провела удачные наступательные операции[2]. Антверпен быстро приводится в состояние обороны. Западная Фландрия, часть восточной Фландрии, провинция Антверпен и Люксембург в настоящее время освобождены от немецкой оккупации. Напротив, Генегау, Брабант, провинции Льеж, Намюр и бельгийский Люксембург остаются во власти неприятеля. Многие города разрушены или потерпели большие повреждения. Поля опустошены. Какой ценой Бельгия и мы платим за наши победы!

---

1. Из Бухареста, № 109.
2. От Клобуковского из Антверпена, № 408.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Письмо папы Бенедикта XV. — Фронт стабилизуется. — Попытки маневрировать на левом фланге. — Неприятель бомбардирует Реймский собор. — Наши орудия и снаряжение. — Разрушенные города и деревни. — Тщетные попытки окружения. — Взятие Сен-Миниеля. — Антверпен под угрозой. — Разбитые надежды.

Пятница, 18 сентября 1914 г.

В то время как Франция в сражении, не имеющем прецедента, спасена была от непоправимого несчастья, в Риме избран был новый духовный глава христианского мира. Болонский архиепископ Джиакомо, маркиз де ла Кьеза, был объявлен папой под именем Бенедикта XV. Он лишь в мае этого года был сделан кардиналом. Это аристократ по рождению и дипломат по карьере. Трудно предвидеть, какой линии он будет держаться, но он назначил государственным секретарем монсеньора Феррату, который много содействовал его избранию, — позиция Ферраты по отношению к нам оставалась до сих пор благожелательной. Кардинал Аметт написал мне по своем возвращении в Париж письмо, полное благородства и достоинства: „Париж, 12 сентября 1914 г. Господин президент республики. При отъезде моем из Рима наш святейший отец папа Бенедикт XV удостоил меня поручением доставить вам прилагаемое письмо, в котором его святейшество извещает вас о своем вступлении в верховный понтификат. Ввиду вашего отъезда из Парижа для нужд национальной обороны я лишен чести лично передать вам это письмо на аудиенции, которой я просил бы у вас. Вместе с тем я счастлив был бы принести вам благодарность по поводу того, что вы согласились принять мое приглашение и ваш представитель присутствовал на заупокойной мессе, отслуженной в Соборе богоматери по почившем верховном понтифексе. Этот ваш шаг был оценен по достоинству во Франции и в Риме. Я сказал бы вам также, в какой мере Франция должна приветствовать избрание нового папы, благожелательность которого ей обеспечена. Примите, господин президент, вместе с выражением пожеланий успеха нашему оружию, которые я беспрестанно воссылаю к богу, уверение в моем высоком уважении. Леон-Адольф, кардинал Аметт, архиепископ парижский".

К этому столь патриотическому письму приложено было письмо нового папы: „Perillustri viro Galliarum reipublici Praesidi. Benedictus P. P. XV Perillustris vir, salutem. Insrutabili Dei consilio ad suscipienda Ecclesia gubernacula vocati, munus impositae dignitatis Tibi nunciare properamus, eidemque atque nobillissimae Gallorum genti omnia fausta feliciaque adprecamur. Datum Romae apund S. Petrum die III septembris anno MCMXIV, Pontificstus nostri primo. Benedictus P. P. XV". („Знаменитейшему мужу, президенту республики Галлий. От папы Бенедикта XV. Привет тебе, муж знаменитейший. Призванные неисповедимым промыслом божьим к кормилу церкви, желаем известить тебя о возложенном на нас достоинстве и возносим молитвы о всяком счастьи и благополучии для тебя и благороднейшего народа галлов. Дано в Риме, у святого Петра, 3 сентября 1914 г., в первый год нашего понтификата. Бенедикт XV, папа".)

Казалось бы, что по получении обоих этих писем мне оставалось только ответить на них с возможной быстротой и учтивостью. Но по закону церковь отделена от государства; кроме того мы порвали всякие дипломатические отношения с Ватиканом, что впрочем не оправдывалось упомянутым законом. Переписка президента с папой помимо правительства — это было бы одним из тех личных действий, которые часть общественного мнения республики, пожалуй самая чувствительная, не преминула бы найти заслуживающими осуждения; это был бы своего рода секрет короля, которого не позволит себе уже ни один конституционный король нашего времени. Итак, из корректности, приличия ради я сообщил про оба письма правительству. Решено было, что я должен ответить на них, но что ввиду характера этой корреспонденции ответ мой будет составлен министерством иностранных дел. Это было поручено, если не ошибаюсь, Филиппу Бертело, который находится в Бордо вместе с канцеляриями министерства.

Мне были присланы следующие тексты: „Его высокопреосвященству кардиналу Аметту, архиепископу парижскому. Монсеньор. Подтверждая получение письма, при котором вы передаете мне извещение его святейшества папы о своем вступлении в верховный понтификат, прибегаю к вашей любезности и прошу передать по назначению прилагаемое письмо. Очень тронут чувствами, выраженными вами при сем случае, и вашими пожеланиями успеха нашему оружию. Прошу ваше высокопреосвященство верить в мои чувства глубокого уважения". „Его святейшеству папе. Святейший отец. Спешу подтвердить вашему святейшеству получение извещения о вашем вступлении на святой престол, с каковым извещением ваше святейшество соизволили обратиться ко мне. Благодарю ваше святейшество за пожелания благополучия французской нации и мне лично и прошу принять мои пожелания вашему святейшеству и величию его понтификата".

Я охотно подписал бы оба эти текста, хотя они показались мне скорее несколько сухими, но решено было, что их должен обсудить совет министров. Поэтому я представил их правительству, причем решено было выкинуть одно слово, которое шокировало некоторых министров. Это — слово „величие". Допускалось, что я приношу свои пожелания папе и его понтификату, но нельзя было терпеть, что я

могу желать величия этому понтификату! Какая ничтожная мелочность! В виде реванша оставили в письме к кардиналу слова: „тронут чувствами“, конечно для того чтобы смягчить этим двойным уверением во взаимных чувствах холодность, которую считали необходимой из политических соображений. После этого решено было, что я отправлю свое письмо без скрепления его подписью Делькассе, чтобы не делать кабинет официально ответственным за мое письмо. Я так и поступил, не без сознания, что эти придирки не совсем красивы.

Мы начинаем задавать себе вопрос, что означает молчание главной квартиры. Что происходит на фронте? Нам сказано было, что неприятель остановился против воли и что мы наверняка сможем выбить его из его позиций. Теперь нам заявляют, что ранее двух-трех дней не наступит никакого „решения“ и что ситуация остается почти без перемен. В чем секрет этого? Вчера в директиве № 5657 Жоффр указывал генералу Монури: „Повидимому неприятель перебрасывает войска на северо-запад под защитой укреплений, возведенных на всем фронте. Необходимо создать на нашем левом фланге кулак, способный не только парировать обходное движение неприятеля, но также обеспечить окружение последнего“. В исполнение этого приказа наше левое крыло несколько продвинулось вперед, но ему отнюдь не удалось окружить правое крыло неприятеля. Нам придется бороться за то, кто кого обойдет. Но на флангах, как и в центре, против нас находятся войска, твердо укрепившиеся. На Марне, как мне сообщают офицеры связи, окопы, оставленные немцами, замечательно построены, хотя их приходилось импровизировать. Они достаточно глубоки для прикрытия солдат, снабжены через каждые двадцать метров убежищами и помещениями для отдыха. Несомненно, когда неприятель остановился на новых позициях, эти последние уже предварительно были сильно укреплены войсками, оставшимися в тылу у сражавшихся.

Англия предложила нам на-днях высаживать войска в Дюнкирхене для диверсионных операций в северной Франции и в Бельгии. Генерал Жоффр согласился на эту идею. Но перед ним встает вопрос, будут ли британские войска прибывать в достаточном количестве, чтобы позволить в ближайшем будущем этот маневр. Хотя доминионы и Индия все без исключения проявили замечательное воодушевление и обещали свою помощь метрополии, громадность расстояний осуждает Англию долгое время ожидать эффективного сотрудничества. Возвещено прибытие войск из Индии, но они будут в Марселе не раньше двенадцати дней. Подкрепления, которые сама Англия послала через Сен-Назер, уже отправлены на фронт армии маршала Френча. Таким образом для северной Франции и Бельгии речь может итти в данный момент только о новых контингентах, которые мог бы создать и обучить Китченер.

Россия опять выступила с новой инициативой: на сей раз Сазонов не является единственным ее виновником, однако она не более удачна[1]. Великий князь Николай Николаевич обратился к народам

[1] Телеграмма Палеолога от 17 сентября, № 625.

Австро-Венгрии с манифестом, призывающим их сбросить иго Габсбургов и осуществить наконец свои национальные устремления. В этом же духе русское правительство советует румынскому правительству занять Трансильванию и предлагает ему участвовать вместе с русскими войсками в оккупации Буковины. Как ни относиться к этим проектам, они носят чисто политический характер; они затрагивают важные вопросы и предрешают условия мира; недопустимо, чтобы Россия открыто устанавливала их по-своему, не совещавшись ни с Англией, ни с Францией.

Суббота, 19 сентября 1914 г.

Телеграммы префекта Мааса: при своем отступлении немцы подожгли бо́льшую часть деревень, которые они занимали во время битвы на Марне. В Триокуре, где мой брат Люсьен с женой обычно проводили свои каникулы среди деревьев и родников, немцы сожгли двадцать девять домов и расстреляли без оснований десять человек, в том числе мать и жену мэра Просэ. Только южная часть департамента избежала разорения и опустошения.

Я делаю над собой усилие, чтобы отогнать от себя эти печальные картины и заняться текущими делами. Сэр Френсис Берти извещает нас, что англичане собираются высадить в Дюнкирхене три тысячи человек, в том числе две тысячи четыреста человек из морских частей и шестьсот строевых солдат, а также шестьдесят автомобилей. Этого конечно хватит для исполнения полицейских функций в северных департаментах; но к несчастью этого недостаточно, чтобы провести в тылу неприятеля диверсию решающего значения. По словам одного из офицеров связи, коменданта Эрбильона, генерал Жоффр надеется, что теперь можно будет по крайней мере использовать в этом же районе бывшую армию д'Амаде, на поиски которой мы исчерпали свое терпение и которая наконец реорганизована. Командование ею поручено генералу, который, можно сказать, победил время, прежде чем пытался победить неприятеля. Это генерал Брюжер, ныне в отставке, но все еще бодрый, несмотря на свой возраст, и очень довольный тем, что возвращается на действительную службу. Он никак не ожидал этого в сентябре 1913 г., когда мы с ним поднимались по крутым улицам его прелестного родного города Узерш [1]. Территориальные войска и запасные, составляющие армию Брюжера, получили приказ окопаться перед Амьеном, чтобы поддерживать в случае надобности движения нашего левого крыла. В самом деле главная квартира будет добиваться решения уже не на правом крыле; маневр перенесен на другой конец фронта. Армия Кастельно, продвигаясь на этих днях по равнине Воэвры к небольшому городу Этэну, натолкнулась на так крепко окопавшиеся неприятельские войска, что мы предпочли отказаться от всякой попытки окружения с этой стороны. Впрочем если бы и возможно было пойти на риск такой попытки, это вероятно было бы ошибкой и отвлекло бы нас от более важной и безотлагательной операции. В самом деле, немцы повидимому значительно усилили свое правое

[1] „Europe sous les armes", p. 272.

крыло и готовятся нанести свой главный удар на нашем левом фланге — это, очевидно, их обычный прием. Поэтому армия Кастельно оставляет лотарингскую землю, которую она в течение шести недель орошала своей кровью; она будет переброшена по железной дороге с востока на запад; в своем прежнем районе она оставляет один корпус, который перейдет под начальство генерала Дюбайля, командующего первой армией. Два других ее корпуса, 14-й и 20-й, будут переброшены между Амьеном и Нойоном и останутся вместе с 8-м и 4-м корпусами и кавалерийским корпусом Конно под командой генерала де Кастельно. На них возложена будет задача совершить наступательное движение на фланг неприятеля и ударить сбоку, на север от Эны, на стабилизованные позиции немцев. Для окончания этой переброски, говорит Жоффр, понадобятся еще целых три дня. Итак, „решение“, которое считали столь близким, снова откладывается. В сущности это равносильно признанию, что мы ошибались, думая, что заставили неприятеля принять сражение в условиях, благоприятных для нас, и что мы сами выбрали и час и место этого сражения. В действительности же неприятель по собственной воле укрепился на позициях, чтобы не продолжать своего отступления. Он уцепился за нашу землю. Возможно даже, что он усиливает теперь свое правое крыло, как мы усиливаем свое левое крыло, и что переброшенная на запад армия Кастельно завтра снова найдет перед собою VI немецкую армию, против которой она вчера сражалась в Лотарингии. На какую сизифову работу оставляет нас обреченными наша победа!

Между тем главная квартира продолжает составлять ежедневные сводки в таком оптимистическом духе, что, если бы Мильеран благоразумно не взял на себя задачу изменять и урезывать их, общественное мнение каждый день кормили бы новыми иллюзиями. Военный министр озабочен также состоянием нашей артиллерии и нашего снаряжения. Наш военный материал очень оскудел. Мы израсходовали с начала сентября невероятное количество снарядов всех калибров, особенно 75-миллиметрового. Производство далеко не шло в ногу с потреблением. Необходимы срочные меры. Озабоченный ускорением их, я прошу Мильерана доставить мне, по возможности в ближайший срок, детальные таблицы относительно армии на боевых позициях, регулярной армии, резервов и запасных батальонов, равно как армии второй очереди, а также территориальных войск и их резервов. Эти таблицы должны содержать перечень „необходимого, имеющегося и недостающего“ в области людского состава, артиллерийских орудий, пулеметов, ружей образца 1886 г., снарядов и патронов, экипировки, предметов лагерного оборудования, упряжки, лошадей. Кроме того я требовал точных данных о принятых или предполагаемых мерах для пополнения „недостающего“, будь то французское производство или покупки за границей. Теперь, когда по всей видимости война затягивается, мы должны принять целый ряд мер для ускорения производства. При нынешнем темпе расходования снарядов у нас осталось снарядов 75-миллиметрового калибра только на один месяц.

Тем не менее генерал Жоффр уверяет нас, что общая ситуация остается хорошей. Мы взяли одно знамя южнее Нойона. На Краон-

ском плато, где сто лет и несколько месяцев назад Наполеон разбил союзников, мы пытались возобновить историю и после жаркого боя взяли много пленных из 7-го и 15-го корпусов неприятеля, а также из императорской гвардии. Неприятель выбился из сил, пытаясь снова взять Реймс; в отместку он бомбардировал город; с особым ожесточением он обрушился на старый собор, словно испытывал какое-то извращенное удовольствие, повторяя свой варварский поступок с Малинским собором. Естественно, что главная квартира не могла оставаться в такой близости к линии огня. Она переехала в Об на Ромилли-сюр-Сен.

Воскресенье, 20 сентября 1914 г.

Наши войска топчутся на месте. Им не удалось пройти вперед в лесистой местности вокруг Нойона. Они дают в Вогезах невразумительные бои с неопределенным результатом. Они взяли массив Помпелль близ Реймса, но потеряли высоту Бримон. Сегодня бомбардировка Реймса возобновилась с удвоенной силой. Она направлена была главным образом против собора, который частично разрушен. Архиепископская библиотека превращена в груду дымящихся развалин. Загорелось здание супрефектуры. Убит помощник мэра доктор Жакен[1]. По соглашению с советом министров Делькассе рассылает всем нашим дипломатическим представителям циркулярную телеграмму, в которой мы указываем цивилизованному миру на эти акты вандализма. Но до сих пор цивилизованный мир имеет глаза, чтобы не видеть, и уши, чтобы не слышать.

Между тем надежды главной квартиры еще раз оказались обманутыми. Мы не двигаемся вперед. Зато неприятель перешел в энергичное наступление против нас и против англичан на север от реки Эны и выше Суассона. На Краонинском участке, где первые бои были для нас благоприятны, вершина Шмен-де-Дам и ферма Эртебиз неоднократно переходили из рук в руки в жестоких штыковых боях. По прошествии ста лет мы слышим снова те же названия битв, и наши командиры могут напомнить нашим солдатам славные традиции полка имени Марии-Луизы; он тоже в марте 1814 г. взял эту ферму, где свист пуль соперничает с завываниями ветра.

На наших восточных окраинах войска неприятеля, вышедшие из Метца и воспользовавшиеся конечно уходом армии Кастельно, продвинулись через Воэвру к цепи маасских холмов (Hauts de Meuse), тянувшейся вдоль правого берега Мааса с юга на север со своими лесистыми склонами, узкими ущельями и многочисленными фортами.

Встревоженный вероятно нашей неподвижностью, великий князь Николай Николаевич обратился к генералу де Лагиш с настоятельной просьбой сообщить ему в возможно скором времени план операций, которого генерал Жоффр намерен держаться в результате нашей победы на Марне. Он спрашивает, собираемся ли мы ограничиться тем, чтобы отбросить неприятеля за пределы Франции, или же мы намерены гнать его до самого сердца Германии, с тем чтобы дикто-

[1] Телеграмма специального комиссара министру внутренних дел. Телеграмма префекта Марны.

вать ему условия мира. Смотря по тому, ставит ли генерал Жоффр себе ту или другую из этих целей, план великого князя будет совершенно различен[1]. Во втором случае, но только в этом случае, великий князь отдаст распоряжения о походе на Берлин всех свободных войск, как только Австрия выйдет из строя. В сравнении с прежними заявлениями это шаг назад. Палеолог и сэр Бьюкенен обратились к Сазонову с согласованной нотой, в которой указывали, что, так как союзники обязались не заключать сепаратного мира, вопрос, поставленный русским главнокомандующим, носит более политический, нежели стратегический характер и зависит от трех правительств. По собственному почину оба посла прибавили, что настало время для союзников установить окончательную цель их борьбы и что, поскольку австрийские армии в Галиции выведены из строя, остается уничтожить германские силы, чтобы установить в Европе новый режим, гарантирующий на долгие годы всеобщий мир[2]. Сазонов ответил сэру Бьюкенену и Палеологу[3], что главной целью России в этой войне тоже является установление в Европе такого режима, который гарантирует на долгие годы всеобщий мир, и что император всецело одобряет мысли великого князя Николая Николаевича. Делькассе прочитал эти секретные депеши в совете министров. В прениях, последовавших затем, не могли принять участие Думерг и Томсон, так как оба находились в служебной поездке в департаментах, освобожденных от неприятельского нашествия; не мог принять участия также Отаньер, бывший в отъезде, на судостроительных верфях в Сен-Назер. Но все присутствовавшие министры, Мальви наравне с Мильераном, Самба наравне с Делькассе, Жюль Гэд наравне с Рибо, Бьенвеню-Мартен наравне с Брианом, Фернанд Давид наравне с Сарро, заявили, что правительство республики не может обязаться рассматривать войну как законченную в тот день, когда неприятель очистит национальную территорию, даже со включением Эльзаса и Лотарингии, и что правительство республики должно проявить такую же решимость, как Россия, покончить с гегемонией прусского милитаризма. Делькассе было поручено телеграфировать в этом смысле в Петроград.

Президент Вудро Вильсон ответил на посланный ему мною по телеграфу протест против обвинения в употреблении пуль дум-дум. Великий арбитр не раскрывает свои карты. „Уверяю ваше высокопревосходительство, — пишет он мне, — что я глубоко чувствую честь, которую вы оказываете Соединенным штатам, обращаясь к ним в это критическое время как к нации, питающей отвращение к антигуманным способам ведения войны. В этом смысле ваше доверие к народу и правительству Соединенных штатов направлено не по ложному адресу. Настанет время, когда этот великий конфликт придет к концу и можно будет беспристрастно установить истину. Когда настанет этот момент, на тех, которые ответственны за нарушение правил войны среди культурных наций и взвели ложные обвинения против

---

[1] Из Петрограда, № 631.
[2] Из Петрограда, № 633.
[3] Из Петрограда, № 634.

своих противников, падет приговор всего мира". Но на каких документах будет построен этот процесс? И кто ручается нам, что общественное мнение того мира, от которого Вильсон без нетерпения ожидает беспристрастного вердикта, не будет введено в заблуждение коварной пропагандой, вроде той, изумительные образцы которой нам ежедневно посылают наши дипломатические представители? Так, в берлинской газете „Tag" от 10 сентября помещен фотографический снимок пачек патронов, найденных в Лойгви и выдаваемых немцами за пули дум-дум. Открытие этих пакетов послужило предлогом для всей кампании германцев. Но достаточно присмотреться к рисунку, и становится совершенно ясно, что мы имеем здесь дело с небоевыми патронами, изготовленными для стрельбы в тире и совершенно непригодными на поле сражения. Как только германские власти увидели, что публикация „Tag" опровергает их клеветнические утверждения, они изъяли и уничтожили тираж газеты; но один номер ее попал в руки нашего генерального консула в Женеве, который и послал нам его. Делькассе уведомил об этом показательном инциденте всех наших представителей за границей. Итак, Вильсон тоже будет осведомлен Жюссераном.

Итальянский торговый атташе граф Сабини, который несколько недель назад проявил такую активность перед Клемансо и перед мною, посетил Баррера в Риме [1]. Он произвел на нашего посла вполне определенное впечатление человека, находящегося в курсе тайных переговоров, начатых Италией в Вене и Берлине. Сабини утверждал, что Австро-Венгрия обещала маркизу ди Сан Джулиано Трентино и преобладание в Албании, если Италия останется нейтральной, и дал понять, что, несмотря на эти предложения, Италия несомненно выйдет из нейтралитета, если Франция согласится на выпрямление границы в Тунисе. Барреру намерения его собеседника показались столь же темными, сколь путаными, и он счел нужным держаться замкнутой выжидательной позиции.

Братиано, сторонник немедленного вмешательства Румынии в войну, отправился в замок Синайя, чтобы сделать последнюю попытку перед королем Каролем [2]. Король принял его любезно, но не связал себя никаким обещанием. Соединенные штаты, Италия, Румыния принадлежат к тем нейтральным государствам, которые сами выберут свое время и перед которыми лучше не затрагивать важных вопросов.

Понедельник, 21 сентября 1914 г.

„Почему, — спрашиваю я министров, — почему мы остаемся в Бордо? Париж конечно не гарантирован от повторения наступления неприятеля, но укрепленный лагерь выручен из опасности, и у нас нет более оснований удлинять свое пребывание в Жиронде". — „Возможно, — отвечает Мильеран, — но Жоффр предпочитает, чтобы мы оставались еще здесь". Мне думается, что Жоффр не один такого мнения. Административные канцелярии, в первую голову канцелярии

[1] Из Рима, № 457.

[2] От Блонделя из Бухареста от 19 сентября, получена в Бордо 20 сентября, № 129.

военного министерства, устроились в Бордо, привыкли на новом месте и по мере возможности отсрочивают новый переезд. Итак, я вынужден снова вооружиться терпением. В свою очередь офицеры связи должны ежедневно совершать длинную поездку на автомобиле и держать постоянную связь между правительством и главной квартирой. Разумеется, это не идеальные условия для работы.

Сегодня опять приехал полковник Пенелон и по обыкновению возвещает нам, что „все идет как следует". Таково данное ему поручение. Он признает однако, что мы потеряли три дня на первоначально принятый план. По мысли генерала Бертело, начальника генерального штаба при Жоффре, этот маневр должен был быть произведен правым крылом. Маневр оказался неосуществимым. Мы надеялись, что достаточно будет одного 13-го корпуса для перехода в наступление на левом фланге, но этот корпус действовал неудачно, и надо все начинать сначала. Теперь нужны три дня, пока будут на месте другие войска. Тогда мы сделаем попытку гнать немцев на западе. Шестьдесят тысяч человек территориальных войск, находящихся под командой генерала Брюжера и окопавшихся близ Амьена, выступят по направлению к Камбрэ, как только армия Кастельно тоже в состоянии будет сражаться. Фланг этих шестидесяти тысяч территориальных войск покрывает кавалерийская бригада под командой генерала Бодмулена, моего бывшего генерального секретаря по военным делам. Армия Кастельно состоит из 4-го корпуса и одной марокканской дивизии, 13-го корпуса с другой марокканской дивизией, 14 и 20-го корпусов и двух кавалерийских дивизий. 14-й корпус должен быть перевезен в Сент-Жюст-ан-Шоссе, 20-й — на юг от Амьена. Затем они пойдут по направлению к Уазе, чтобы ударить на неприятеля с фланга. По три дня — это целая вечность; сколько сюрпризов могут подготовить для нас тем временем немцы!

Жоффр телеграфировал Мильерану, что, как видно, немцы собираются с большой силой драться в этом предстоящем сражении, но он, Жоффр, предпочитает, чтобы это сражение было дано лучше на Эне, нежели на восточных окраинах, потому что если французские армии должны будут гнать неприятеля до Мааса, то разрушение искусственных сооружений затруднит для нас транспорт войск и провианта. На этом основании, а также потому, что главная квартира считает стратегическую ситуацию благоприятной, Жоффр, как повторяет мне полковник Пенелон, все еще доволен тем, что „заставил" немцев остановиться на Эне. Однако главнокомандующий находит, что наши войска еще уступают немецким в области военной подготовки и стрельбы. У наших войск — только их храбрость и тыл, никогда не ослабевающие.

Наша адриатическая эскадра высадила в Антивари две батареи, которые должны быть перевезены на вершину горы Ловчен. Как только они будут установлены там, они откроют огонь по австрийским военным кораблям, укрывшимся в бухте Каттаро. Все эти имена, еще недавно вызывавшие у меня воспоминания о моей поездке на крейсере и о залитых солнцем ландшафтах, теперь звучат для меня воинственно. Мы предупреждаем Италию о своих намерениях. Они не могут ей не понравиться.

Вторник, 22 сентября 1914 г.

Префект департамента Мааса Обер посылает мне новые подробности об опустошениях в этом несчастном департаменте. С начала враждебных действий разрушен полностью или частично ряд городов и многочисленные деревни: Озекур, Брабант-ле-Руа, Лагейкур, Лемон, Луппи-ле-Шато, Мюссей, Невилль-сюр-Орн, Претц-ан-Аргонн, Ревиньи, Сомейль, Триокур, Вассенкур, Вобекур, Вилотт близ Луппи, Виллерс-о-Ван, Бозе, Рамберкур-о-По, Нюбекур, Клермон-ан-Аргонн, Монфокон, Варенн-ан-Аргонн, Эриз-ла-Птит, Моньевилль; в этот перечень не вошли коммуны на севере и востоке. Весь округ Монмеди и значительная часть Верденского округа еще заняты неприятелем. Разрушений здесь вероятно не меньше, чем на юге. Прелестный городок Этэн, надо думать, представляет собой теперь только груду развалин среди опустошенной равнины.

Принц Альберт Монакский, который сохранял столько иллюзий о Вильгельме II до их последнего свидания в Киле, телеграфирует мне из Монте-Карло: „Преступный акт, совершенный в Реймсе диким неприятелем Франции, является вызовом цивилизованному миру; он характерен для армии, для нации, для царствования. Я так же поражен им, как лучший из французов".

Думерг возвратился из своей поездки в департаменты Марны, Уазы и Сены — и — Марны и сделал мне доклад о ней. Санлис частично разрушен; ряд других городов был поврежден; целые деревни сделались жертвою пламени; однако те крестьяне, которые не были мобилизованы, вернулись к своей работе, и поля почти всюду приняли свой обычный вид, шоссейные дороги не слишком пострадали, местности, подвергнувшиеся нашествию, имеют менее мрачный вид, чем можно было опасаться. Снабжение гражданского населения обеспечено. Думерг встретился в Шалоне с генералом Фошем и очень хвалит мне этого военачальника, восторгается ясностью его ума и и его хладнокровием.

Главная квартира узнала сегодня, что неприятель подвозит войска в Камбрэ и, как видно, подготовляет новый маневр. Жоффр предписал генералу де Кастельно продвинуть к северу, как это было предусмотрено, два корпуса левого крыла II армии с целью обойти правый фланг неприятеля; но в этот момент 13-й корпус, образующий правое крыло армии Кастельно, вовлечен в жаркий бой на лесистом массиве Лассиньи, он окопался здесь и не имеет возможности двинуться.

Среда, 23 сентября 1914 г.

Оганьер вернулся в Бордо и сообщает в совете министров, что у входа в Шельду потоплены три английских крейсера довольно большого тоннажа, но к счастью устарелого типа. Неизвестно, подверглись ли они нападению подводных лодок или натолкнулись на мины.

На этих днях в Марсель прибывают индусские войска. Английское правительство затребовало поезда для транспорта их; эти поезда должны будут останавливаться на три часа для омовений индусов и на час для варки риса. Для нашего успокоения нам обещают, что на поле сражения не будут делать подобных поблажек.

Галлиени обратился к Мильерану с двумя письмами: одним официальным и другим — личного характера; он требует на случай возможной защиты Парижа три армейских корпуса и кроме того семьдесят две тысячи человек территориальных войск. Мильеран находит эти требования чрезмерными в момент, когда Парижу уже не угрожает никакой непосредственной опасности и требуются значительные силы на фронт впереди Парижа. Мне представляется все более необходимым, чтобы мы отправились туда и на месте ознакомились с положением. Я снова говорю об этом военному министру и с радостью констатирую, что он того же мнения. Он согласен, что мы вскоре отправимся вместе в ставку и к армиям.

Братиану возвратился из Синайи в некотором замешательстве. Он уже не находит момент столь благоприятным для немедленного выступления. Впрочем повидимому он остается согласным с Таке Ионеску, что необходимо обсудить вопрос об отречении короля [1].

Сербия умоляет нас послать ей горные орудия [2]. К несчастью наша бедность никак не позволяет нам быть щедрыми по отношению к своим друзьям.

Четверг, 24 сентября 1914

Жоффр по телеграфу запросил у военного министра разрешения назначить генерала Фоша своим заместителем (ad latus) с обеспеченной перспективой стать преемником Жоффра. Каждый раз, когда полковник Пенелон говорит мне о Фоше, он заявляет: „Это бог войны!“ Бесспорно, из всех подчиненных Жоффра на Фоша знающие его возлагают больше всего надежд. Но в силу состоявшегося и не отменного постановления преемником Жоффра намечен Галлиени. Положение военного губернатора Парижа слишком значительно теперь, чтобы можно было ставить Галлиени на второе место после главнокомандующего. Они приблизительно одинакового возраста, и в колониях Жоффр служил под начальством Галлиени. Личность последнего плохо подходила бы для подчиненного поста. Если же обещать теперь Фошу наследование, это лишит Галлиени признанного за ним эвентуального права и вряд ли будет ему по душе. Между тем Жоффр, которому приходится справляться с тяжелейшей задачей, несомненно имеет право на помощника, и невозможно найти для него лучшего помощника, чем Фош. Мы оставляем за собой рассмотрение этого серьезного и деликатного вопроса в совете министров.

Ввиду опустошений, произведенных неприятелем в департаменте Мааса, я просил своего друга сенатора Рене Гродидье, мэра коммуны Коммерси, распределить от моего имени несколько персональных вспомоществований. Я получил от него следующую трогательную телеграмму: „Наши несчастные соотечественники из сожженных и разрушенных деревень нашли приют и помощь в Коммерси и Сен-Мигиеле. Они, равно как все наше патриотическое население, поручили мне передать вам свою благодарность и уверения в своем несокруши-

[1] От Блонделя, № 139, 140.
[2] Из Ниша, № 169.

мом доверии к правительству национальной обороны. Да здравствует Франция!" Ах, милые люди, среди развалин своего добра они больше думают о том, чтобы послать нам слово ободрения, чем о том, чтобы требовать от нас помощи!

Вечером мы узнали, что завязалось сражение на участке между Нойоном и Перонн. Все силы армии Кастельно участвуют в этом сражении от Уазы до Соммы. Продвижение чередуется с отступлением, но амплитуда колебаний все уменьшается, как колебания маятника, который собирается остановиться.

Пятница, 25 сентября 1914 г.

Сегодня у полковника Пенелона гораздо менее уверенный вид, чем в последние дни. Мы все еще надеемся выиграть это сражение, о котором утверждали, что мы заставили неприятеля принять его в условиях, весьма для нас благоприятных. Но теперь мы ожидаем уж только посредственного результата. Мы рассчитываем лишь на то, что армия Кастельно завладеет Сен-Кантэном и таким образом помешает связи немцев с Бельгией. В таком случае неприятель отойдет назад, но не так далеко, как мы предполагали, а лишь на канал за Сен-Кантэном и на восток от города. Итак, в общем это будет очень небольшим выигрышем, за который однако придется дорого заплатить.

На нашем правом фланге, если верить главной квартире, генерал Саррайль допустил тяжелую ошибку. Он хотел пройти на север и прорваться через неприятельские позиции, через которые не мог прорваться генерал де Кастельно. Это ему не удалось, а так как он оставил на Hauts de Meuse на восток от Сен-Мигиеля только одну резервную дивизию, немцы подошли близко к городу. Итак, уверения, полученные мною вчера от главной квартиры, еще раз оказываются в противоречии с фактами. Мой бедный департамент Мааса все более подвергается теперь нашествию неприятеля с востока, как прежде с севера.

В совете министров Мильеран ставит вопрос о назначении заместителя для генерала Жоффра согласно просьбе главнокомандующего. Все министры признают, что выбор Фоша, будь то как ближайшего сотрудника, будь то как возможного преемника Жоффра, превосходен и что невозможно отклонить предложение главнокомандующего. Но большинство министров считает, что необходимо щадить законное самолюбие Галлиени. Как отнять у него, не оскорбляя его, находящийся у него письменный приказ? И как оставить его в простой роли губернатора Парижа, если Париж скоро окажется свободным от всякой опасности? Мильеран правильно считает, что должен урегулировать этот вопрос устно с Жоффром и Галлиени. Он соглашается стало быть, что мы не можем более откладывать свою поездку в главную квартиру, и говорит об этом совету министров, который единодушно присоединяется к нашему мнению.

Депутаты, бывшие или будущие министры опять начинают охотиться за официальными назначениями. Куйба, который так красиво примирился с потерей своего портфеля, восхищен тем, что Бьенвеню-Мартен дал ему занятие по надзору за снабжением мирного населения.

Зато Морис Рейно обижен тем, что ему не поручено еще, как он надеялся, изучение усовершенствования транспорта. У меня были парижские депутаты Игнас и Брюне, которые от имени своих товарищей указали мне на грубые пробелы в нашей санитарной службе. Я уже получил множество жалоб по этому поводу и сообщил о них Мильерану. Еще вчера в госпитале, оборудованном бордосской адвокатурой, — мадам Пуанкаре работает там в качестве сестры милосердия, — был такой случай: алжирские стрелки, раненные под Суассоном, доставлены были только после шестидневного путешествия. Их сначала отправили в Генкан, а оттуда повезли в Бордо. Здесь тоже нужны реформы, а также карательные меры.

Плохие известия с нашего левого фланга. Мы понесли территориальные утраты. Радио немецкой кавалерии извещает, что один батальон нашего 14-го корпуса был застигнут врасплох, причем взято было много пленных. Однако остальная часть 14-го корпуса и 20-й корпус могли продолжать предписанный им марш на север, к востоку от Амьена. Жоффр продолжает думать, что им удастся совершить обходное движение, предусмотренное в юго-восточном направлении и в направлении Сен-Кантэна. Однако он все менее и менее рассчитывает на важный результат.

В конце дня я получил от префекта департамента Тасса телеграмму, которая меня глубоко опечалила: „Немцы — господа Сен-Мигиеля и Кан де Ромэн". Мы с женой с тоской думаем об этом прелестном небольшом городе у подошвы старых скал над рекой, мы думаем об оставленных там друзьях, о старых книгах и предметах искусства, которые попадут в руки неприятеля, особенно о шедевре Лижье Ричье „Возложение в гроб", которым мы часто наслаждались летом в тихой церкви святого Стефана. Мы недоумеваем, по какой превратности судьбы немцам удалось так легко завладеть фортом Кан де Ромэн, о котором главная квартира полагала, что он продержится по крайней мере несколько дней. Но не успели пройти перед нашими глазами эти печальные картины, как мы узнаем, что наши батареи, наши прикрытия, наши казематы если и не сослужили нам большой службы, зато используются теперь неприятелем. „Немцы, — читаем мы в телеграмме префекта, — бомбардируют Сампиньи из Римского лагеря". Им повезло, их мишень оттуда как на ладони. С возвышенности, которую укрепили еще кельты, а потом занимали римляне, немецким артиллеристам открывается вид на несколько километров вперед, на другой берег Мааса, на мирную деревню, где я с женой и моими стариками-родителями провели столь счастливые дни. Далекие, благословенные времена, теперь, среди общего несчастья, я не имею права даже наедине с собой вызывать меланхолическое воспоминание о вас!

Суббота, 26 сентября 1914 г.

Предназначенные для печати сводки снова содержат досадные пробелы, на которые я указываю совету министров. В этих сводках нет никакого намека на капитуляцию Римского лагеря. Говорится, что мы взяли обратно Берри-о-Бак и Рибекур. Но не было сказано, что мы их потеряли. Я еще раз требую, чтобы нам говорили правду.

Я требую также, чтобы нам объяснили, по какой небрежности один из наших фортов, имеющих целью задерживать неприятеля, мог пасть так быстро. Там, где неприятель окапывается на ровной местности, нам не удается выбить его из позиций; а между тем на маасских холмах мы не умели продержаться полдня на заранее укрепленной позиции. Немцы нарушили нейтралитет Бельгии из страха перед нашими восточными фортами, а теперь они завладевают ими чуть ли не без боя. Добро бы еще, если бы Римский лагерь был сокрушен 420-миллиметровыми снарядами, как недавно форт Бадонвиллерс, — можно было бы понять, что он был взят в несколько часов; но нам даже не говорят, что он пал в результате интенсивной бомбардировки. Я требую выяснения виновных в этой непонятной пока потере. Мильеран с оттенком раздражения отвечает, что вопрос этот касается только ответственного министра. Я возражаю, что имею право быть осведомленным. Некоторые министры, в том числе Марсель Самба, поддерживают меня, и совет министров становится на мою сторону. К тому же почти все члены правительства находят, что их слишком часто оставляют в неведении относительно военных операций. Вивиани жалуется, что ему ничего не сообщают. Он даже сказал Рибо, который передал мне его слова: „Я не знаю, что происходит на фронте. Я не могу добиться никакой информации. Когда соберется парламент, я буду жаловаться на виновных и подам в отставку". Конечно это просто причуда, но она показывает, в какой мере председатель совета министров находит недопустимыми замкнутость и безмолвие главной квартиры.

Вечером Мильеран снова телефонирует мне ежедневный лозунг командования: „Все идет хорошо". Как видно, неприятель атаковал на всем протяжении фронта и был отбит с большими потерями. Прекрасно. Но вчера полковник Пенелон заявлял мне, что мы сами перейдем в центре в наступление; между тем сегодня мы оказываемся атакованными и обороняемся. На нашем левом фланге, говорит мне Мильеран, мы несколько продвинулись вперед, но неприятель не уступает. На нашем правом фланге „положение без перемен", это значит, что немцы, которые сделали вылазку из Сен-Мигиеля и перешли по большому мосту Мааса, не были отброшены в город. Что же случилось, если на фронте, который казался столь мощным, могла вдруг открыться такая брешь?

Префект департамента Мааса телеграфирует мне: „Бомбардировка Сампиньи произвела незначительные повреждения. Точно так же в Кло". Кло — усадьба, с которой связана большая часть моих фамильных воспоминаний. Но могу ли я в этот момент думать о том, что касается меня и моих близких? Впрочем я не делаю себе никаких иллюзий. Теперь, когда немецкая армия засела в римском лагере, откуда она может выбрать мишенью Сампиньи и Кло, ни моя родная деревня, ни мой дом не будут пощажены. Позже, в 1918 г., когда был освобожден Сен-Мигиель, мне рассказывали, что немецкие офицеры, потешаясь, говорили моим друзьям в этом городе: „Сегодня утром мы будем стрелять в вашего Пуанкаре".

Почта переслала мне телеграмму следующего содержания: „Труа, 25 сентября 1914 г., 18 часов. Информация. Париж. В Нюбекуре

(Маас) немцы построили отхожие места на фамильном кладбище семьи Пуанкаре. Разгромлены все дома, в которых находился портрет Пуанкаре". Я не получил подтверждения этого известия в том виде, как оно передается здесь в заметке для прессы, но брат мой Люсьен имеет точные сведения, что немцы взяли у него в Трюкуре мои портреты и увезли их; что возмутительнее этого — в деревушке Любекур они взломали ворота нашего мирного фамильного кладбища и похоронили несколько своих офицеров рядом с могилами, в которых спят под барвинками мои родители, мой дед и бабка и где будем похоронены также я с женой, чтобы соединиться с теми, которые нас так любили. Несмотря на все, мне трудно не думать об этих ужасах...

Правительство предложило бельгийской армии сотрудничать в операциях, которые Жоффр намерен предпринять, чтобы наконец освободить наши северные департаменты и Бельгию. Клобуковский беседовал с де Бруквиллем [1]. Он пишет, что нашел последнего таким же, как всегда с начала враждебных действий: энергичным, очень уверенным и с твердой решимостью выдержать до победного конца. Король воодушевлен той же решимостью. Наш посланник прибавляет: „Я получил самое лучшее впечатление об операциях, которые подготовляются с большой энергией и в которых бельгийская армия с энтузиазмом примет участие".

Между тем как мы с союзниками составляем эти прекрасные проекты, немцы продолжают бомбардировать Реймский собор, причем их пропаганда сочинила новую легенду, чтобы оправдать это преступление. Германский посланник в Копенгагене вручил датскому правительству ноту, в которой ответственность за поджог собора возлагается на Францию. Если немецкие гаубицы стреляли по башням собора, то это, видите ли, потому, что мы якобы поставили на них сигнальный пост; для спасения немецкой армии необходимо было разрушить этот наблюдательный пункт. Наша главная квартира выступила с самым категорическим опровержением этого; но нынешнее датское правительство питает такой страх перед империей Гогенцоллернов, что инспирируемая им датская пресса почти единодушно комментирует в благожелательном духе эту попытку оправдания [2].

Воскресенье, 27 сентября 1914 г.

Я подписал представленный мне Вивиани и министром торговли Томсоном новый декрет об отсрочке квартирной платы для мобилизованных и владельцев патентов. В силу необходимости мы должны были прибегнуть к исключительному режиму, конца которого теперь невозможно предвидеть.

Министр финансов Рибо замечательно ясно излагает содержание другого декрета, который он в свою очередь тоже представляет мне на подпись. Этим декретом вводится на октябрь мораторий по торговым платежам и по выдаче банковых вкладов. Однако изданные

---

1 Телеграмма № 449.
2 От Бапста, № 252.

прежде распоряжения изменены в ряде пунктов таким образом, чтобы постепенно подготовить переход к нормальной экономической жизни.

Во второй половине дня я снова посетил госпитали в Бордо и окрестностях. Состояние духа раненых попрежнему превосходно. В госпитале Тондю я видел скорбное зрелище: много несчастных, пораженных столбняком и бившихся в страшных конвульсиях. В отдельной зале находились немцы, страдающие той же болезнью; они издавали крики и стоны. Французы, сказала мне старшая сестра, в общем более терпеливы и выносливы. Правда, их физические страдания не усугубляются здесь горечью плена. По там у немцев имеются также наши раненые, которым приходится переносить двойные муки, и как не думать при виде этих мучающихся немцев о французских военнопленных, страдающих на чужбине!

Резкий контраст с больничными палатами — на улицах и в предместьях города я вижу веселую, воскресную толпу, как будто совершенно забывшую про войну. Но сколько людей затаило печаль под этой веселой внешностью!

Главная квартира передает мне через коменданта Эрбильона, что „решение“ может снова затянуться до среды. На нашем левом фланге у немцев опять оказалось больше войск, чем мы предполагали, и мы конечно должны будем перебросить новые войска на Сомму. Сегодня на боевые позиции введен 11-й корпус, взятый из IX армии, но его недостаточно, чтобы обеспечить успех нашей операции. Так как командование желает, чтобы битва была закончена до нашего приезда в главную квартиру, Мильеран и я вынуждены отложить свой отъезд на четверг.

Англичане продолжают систематическое завоевание германских колоний. Австралийские войска заняли форт Фридриха Вильгельма, главный город немецкой Новой Гвинеи.

Понедельник, 28 сентября 1914 г.

Война принимает затяжной характер. В разговоре с глазу на глаз Мильеран признается мне в своем беспокойстве. Перед другими он поступает так же, как и я, — скрывает свои опасения; я могу поставить ему в упрек лишь то, что часто он и со мной так же сдержан и молчалив, как и с чужими, и не проявляет даже в наших личных отношениях той сердечной близости, которая отличала их в наши молодые годы. Так или иначе, мы более не двигаемся вперед ввиду усиленного правого крыла немцев.

Еще более серьезные опасения встают передо мною по вопросу о нашем снаряжении. Согласно документам, полученным мною от военного министерства, наше снаряжение находится в гораздо худшем положении, чем считали Мессими и за ним Мильеран, полагаясь на доставленные им неполные данные. Неверно, что мы, как утверждалось, производим в сутки пятьсот ружей образца 1886 г.; неверно также, что мы ежедневно переделываем тысячу ружей образца 1874 г. на ружья образца 1886 г. Мы не производим непосредственно ни одного ружья 1886 г., мы производим карабины и рассчитываем заменить ими ружья 1886 г., которыми вооружены пограничная охрана и лесничие; эти карабины мы намерены дать армии. Что касается пере-

делки, то она требует довольно длительных подготовительных мер и может быть налажена только позднее. Еще более тревожно положение с нашими пушками 75-миллиметрового калибра. Стоящий во главе этого дела генерал Годен передал мне подробную докладную записку и не скрыл от меня своей тревоги.

Наш генеральный запас орудий 75-миллиметрового калибра исчерпан. Как видно, в мобилизационном плане не предусматривалось производство ни одного нового орудия. Перед апрелем мы заказали на заводах артиллерийского ведомства сто тридцать пять штук 75-миллиметровых орудий образца 1913 г., они находятся теперь в производстве. С тех пор мы заказали на частных заводах сорок полных батарей, в которые входят сто шестьдесят орудий; первые из них будут выпущены не раньше 31 января 1915 г. Так же обстоит дело с зарядными ящиками. Так же со снарядами. В первый день мобилизации у нас значилась как „необходимая" общая цифра три миллиона пятьсот пятьдесят две тысячи снарядов, не считая двести восемьдесят одной тысячи специально для войск, служащих для прикрытия. Наш генеральный запас составлял триста шестьдесят тысяч штук. Войсковые части нуждались в восьмистах тысячах штук. Однако с начала враждебных действий потребление превзошло все ожидания. Между тем в первый день мобилизации можно было заказать на частных заводах только триста шестьдесят тысяч шрапнельных снарядов, и поставки их начинаются только в настоящий момент. К тому же впоследствии этот заказ был сокращен до ста тысяч, так как главнокомандующий потребовал замены шрапнельных снарядов гранатами. Призвали на помощь все силы отечественной промышленности с целью довести производство до шестидесяти тысяч снарядов в сутки. Но мы еще очень далеки от этой цифры. Производство составляет не более десяти тысяч. К 15 октября оно достигнет пятнадцати тысяч, к 1 ноября — двадцати тысяч, к 8 ноября — тридцати пяти тысяч, к 8 декабря — пятидесяти двух тысяч. Пора покончить с этими черепашьими темпами, стимулировать фабрикантов и в случае надобности реквизировать заводы.

Что касается пулеметов, наша „наличность" составляла во время мобилизации только четыре тысячи девятьсот шесть, тогда как цифра „необходимого" для армии и крепостных гарнизонов равнялась пяти тысячам шестистам сорока пяти. Дефицит должен был быть пополнен к концу 1914 г. и в 1915 г. с помощью кредитов, потребованных в рамках программы национальной обороны. Заводы в Сент-Этьенне и Шателльру выпускают не более ста пулеметов в месяц. Мы ведем переговоры с торговыми фирмами в Америке и Великобритании, но и здесь требуется прямой нажим, а для этого нужны безустанная деятельность правительства и ежедневный надзор.

Перехожу к самолетам. В начале августа у нас было только двадцать четыре эскадрильи, каждая из шести самолетов с необходимым оборудованием и персоналом, кроме того запасные самолеты на случай замены, грузовики и повозки. Со времени открытия враждебных действий были созданы двенадцать новых эскадрилий. Кроме того у нас было шесть дирижаблей, готовых к действию. Один из них был уничтожен, другой находится в ремонте, третий не годится для исполь-

зования. Строятся четыре. Итак, наша отсталость в области авиации носит ужасающий характер. Такие же проблемы имеются в области обмундировки, обуви, общей экипировки, лагерных принадлежностей, одеял, теплой одежды, индивидуальных палаток. Мы сделали закупки в Англии, Испании, Соединенных штатах, Канаде. Но в скольких предметах мы еще терпим недостаток! Война буквально застала нас врасплох в период реорганизации и бедности. Впрочем немцы отлично знали это по последним дебатам в парламенте и по разоблачениям в сенате. Перед Мильераном стоит колоссальная задача, требующая всей его чрезвычайной трудоспособности, всей творческой силы его упорного и упорядоченного ума.

Сегодня я со своим милым генеральным секретарем Феликсом Декори посетил небольшой госпиталь, организованный на собственные средства моими коллегами-адвокатами Бордо, восхитительным Руа де Клотт, воплощающим в себе все очарование Жиронды, Габаском, Бразье, Бертеном, бывшими и нынешними председателями корпорации адвокатов. Я был встречен ими, а также их сестрами милосердия, в число которых записались моя жена и жена моего брата Люсьена. Здесь, у изголовья раненых, я еще раз мог констатировать, какую храбрость, какое душевное благородство внушает в этот момент Франция тем, кто проливает за нее свою кровь.

Я принял артиллерийского полковника Пелле, которому генерал Жоффр поручил дать мне новые сведения о нашем снаряжении. Полковник смотрит на дело менее пессимистично, чем генерал Боден, но тоже признает, что у нас нехватает снарядов 75-миллиметрового калибра и что мы не имеем возможности поддерживать расходование их на нынешнем уровне. На другой день после мобилизации у нас было одна тысяча триста пятьдесят снарядов на орудие, считая в том числе и восемьдесят тысяч снарядов в несобранном виде; из этой цифры семьсот были израсходованы в тридцать пять дней, причем в эти тридцать пять дней расходовалось меньше, чем теперь. У нас остается теперь только четыреста пятьдесят снарядов на орудие. Итак, одного форсирования производства будет недостаточно. Нам придется ограничить действия нашей артиллерии и в случае нужды сократить батареи до двух-трех орудий. Но каковы будут результаты этого! Полковник Пелле утверждает, что генерал Жоффр получил сведения только об израсходованном количестве снарядов. Некоторые командиры батарей были слишком расточительны, особенно же молодые офицеры, вследствие смерти своих начальников внезапно очутившиеся на посту, для которого не имели еще опыта.

Вторник, 29 сентября 1914 г.

Полковник Пенелон, который служит для меня выразителем настроения главной квартиры, каждый день теряет новую иллюзию. Он боится теперь, что никакого решения не произойдет и что мы будем вынуждены отныне вести длительную осадную войну. перед окопами неприятеля. Мы еще раз усилили наше левое крыло. 2-й корпус пытался сегодня продвинуться в район Тьепваль, но натолкнулся на выдвинутую позицию немцев и был остановлен ими. 10-й

корпус, взятый из III армии, расположился влево от 2-го. Прибыли или должны прибыть также другие подкрепления, резервные дивизии Барбо и Файолля, 8-я кавалерийская дивизия, вскоре также 21-й корпус. Так как фронт II армии в результате этих перебросок значительно удлинился, генерал де Мод Гюи, уроженец Метца, из стрелков, назначен сегодняшним приказом командовать частью этой армии под высшим начальством генерала де Кастельно. Немцы в свою очередь тоже усиливают свой правый фланг и окапываются на очень прочных позициях к северу от Соммы и между Соммой и Уазой.

Жоффр остановился на мысли перебросить войска на неприятельский фланг через Дюнкирхен и Северный департамент. Мильеран затребует из Гавра находящиеся там батареи и тридцать тысяч человек территориальных войск, которые сидят там сложа руки.

Интермеццо. Я принимаю свергнутого султана Марокко Абд-эль-Азиза [26]. Я уже видел его два года назад на набережной д'Орсэй, когда его выходки во Франции и особенно в Марокко приняли скандальный характер. Это — марокканец с темно-коричневым цветом лица, белыми зубами и сильно надушенный. Он производит одновременно впечатление энергичного человека и плута. Явился ко мне в обществе любезного и тонкого переводчика Бен-Габрита. Генерал Лиотэ желал бы, чтобы Абд-эль-Азиз не возвращался теперь в Марокко, где его присутствие может подбодрить кой-кого из недовольных туземцев. Но нам нелегко будет удержать его во Франции теми или иными доводами. Надо будет прибегнуть к более осязательным аргументам.

Вечером Мильеран опять телеграфирует мне: „Положение без перемен". Главная квартира полагала, что немецкий корпус, занимающий Сен-Мигиель и перешедший у Шовонкура на левый берег Мааса, попал там в тяжелое положение и что мы возможно не сегодня-завтра окружим его. Вместо этого на деле немцы атакуют нас на этом участке, как они атакуют нас в Воэвре, как они атакуют нас в предместьях Реймса. В какой мере мы должны вооружиться терпением?

Среда, 30 сентября 1914 г.

Месяц шел к концу, а мы все еще в Бордо. Почему? Никто не может объяснить мне этого. Судьба как будто превратила здесь папки с министерскими актами в недвижимое имущество.

Клобуковский телеграфирует нам [1] со слов секретаря американского посольства в Брюсселе, прибывшего через Голландию в Антверпен, что немцы арестовали почтенного бургомистра бельгийской столицы Макса. Этот человек неоднократно проявлял самоотвержение и гражданское мужество. Немецкие офицеры ставят ему в вину единственно то, что он слишком твердо и с слишком большим присутствием духа защищал права своих притесняемых сограждан.

Префект Северного департамента сообщает нам, что третьего дня посетил Орши, злополучный город, сожженный в прошлую пятницу немцами. Из тысячи двухсот домов уцелело только около ста; ратуша и церковь разрушены.

[1] № 474.

Ко мне пришел весь в слезах бельгийский посланник барон Гильом. Бельгийское правительство поручило ему просить у нас помощи для Антверпена, подвергающегося большой опасности. Действительно, мы получили вчера и третьего дня ряд тревожных телеграмм от Клобуковского[1]. Немцы возобновили атаку на форты Вальхема и Вавр-Сент-Катерин и обстреливают их из гаубиц 36-сантиметрового калибра; они распространили свою атаку на весь юго-восточный фронт вплоть до Льерра. Очевидно, ни один из этих фортов не в состоянии противостоять тяжелой артиллерии. Если первая зона укреплений будет взята неприятелем, бельгийское правительство намерено отступить со своей нынешней полевой армией, составляющей от шестидесяти до семидесяти тысяч человек, в Остенде. Гарнизон останется в крепости и будет держаться против осаждающих сколько возможно.

Я вызываю Вивиани, Мильерана и Делькассе. Мы легко приходим к соглашению. Мы считаем невозможным требовать от Жоффра, чтобы он ослабил наш фронт, в то время когда мы сами с трудом можем противопоставить на фронте неприятелю равные силы, причем неприятель повидимому должен еще в самом близком времени получить новые контингенты. Тем не менее мы должны протянуть руку Бельгии, проявившей такую храбрость и лойяльность. Поэтому желательно спешно рассмотреть вопрос, не можем ли мы послать из Гавра в Остенде дивизию территориальных войск под командой такого генерала, как По или Ланрезак, или даже английского генерала. Кроме того необходимо потребовать немедленной помощи от Англии. Делькассе обратится к Берти, Мильеран поговорит с По и Ланрезаком, которые оба находятся в Бордо[2].

Четверг, 1 октября 1914 г.

Сегодня утром генерал Жоффр не послал сводки в министерство из боязни, как он выразился, чтобы кто-нибудь не проговорился. Что означает это молчание? Комендант Эрбильон, выехавший вчера вечером из главной квартиры, не привез нам никаких точных известий. Мы с нетерпением ожидаем их. Наконец приходит телеграмма Жоффра к Мильерану. Главнокомандующий извещает нас, что необходимость экономить 75-миллиметровые снаряды заставила его отказаться в ряде мест от наступления. Он прибавляет, что сведения, полученные им от министерства о производстве снарядов, не совпадают с предыдущей информацией, и дает понять, что это является для него неприятным сюрпризом. В действительности же главная квартира должна была бы более точно знать свой средний суточный расход снарядов и заблаговременно предупредить министерство о том, в какой мере это потребление превосходит производство. Беда была в отсутствии более регулярной и более тесной связи между главной квартирой и министерством. Быть может на фронте также злоупотребляли снарядами, „поливали“ ими местность помимо необходимой артиллерийской подготовки атаки. Возможно, что мы не должны были бы быть

[1] № 470, 473, 475, 476, 477, 479, 480.

[2] „Le Déblocus d'Anvers“ par le major E. Menzel, ancien directeur à l'état-major belge, Berger-Levrault, 1928, p. 64 et suiv.

так расточительны; досадно, что центральная администрация не была предупреждена раньше и не была осведомлена точнее.

Как сообщает мне Мильеран, после ухода немцев из Дуэ в городе найдено было сто тысяч оболочек снарядов 75-миллиметрового калибра, вполне годных к употреблению. Это свидетельствует о странной небрежности.

Военный министр запросил генерала Жоффра о возможности послать в Антверпен или Остенде дивизию территориальных войск из Гавра. Главнокомандующий видит неудобства такой экспедиции; он считает ее напрасной и иллюзорной. Во всяком случае он против того, чтобы командование дивизией было поручено генералу Ланрезаку; Мильеран уже предупредил последнего, но Жоффр считает его ответственным за поражения в Шарлеруа и под Гизом. Делькассе уже уведомил Антверпен об отправке одной дивизии. Бельгийское правительство восторженно благодарило нас. Совет министров согласен со мной, что надо настоять перед Жоффром на необходимом удовлетворении Бельгии. Конечно наш долг перед Бельгией сделать серьезное усилие для ее спасения. Мильеран телеграфирует в Ромильи, куда переехала главная квартира: „Вы понимаете, как и мы, что чрезвычайно важно в самый краткий срок действенным образом ответить на призыв, на „мольбы“ бельгийского правительства; вы понимаете также, что в моральном отношении падение Антверпена было бы таким же роковым ударом, как и в военном“. Мильеран спрашивает главнокомандующего, не отпадут ли возражения в том случае, если часть бельгийской армии, в настоящее время отошедшей в Антверпен, выйдет из этой крепости и, как советует наш военный атташе, займет позиции в районе Гента рядом с нашими войсками и дивизией, которой мы требуем от Англии.

Тогда Жоффр предлагает следующий компромисс [1]. Вся армия выходит из Антверпена. В крепости остается только гарнизон, необходимый для защиты. Французские войска будут отправлены из Дюнкирхена в район Куртрэ и будут оперировать в связи с бельгийской армией, если последней придется отступить к Брюгге и Остенде. Крупные французские силы с значительной массой кавалерии формируются в районе Аррас — Дуэ. Кроме того значительные английские войска — часть их высаживается в Булони — направляются на Лилль. Те и другие будут в состоянии в случае нужды обеспечить безопасность бельгийской армии. Последняя, как только будут осуществлены эти диспозиции, окажется на левом фланге союзных армий и в тесном контакте с ними. Жоффр обращает внимание Мильерана на безусловно секретный характер этого плана, который пока должен стать известным в Бельгии только королю Альберту.

Но дело не терпит отлагательства, так как еще сегодня бельгийское правительство повторяет нам, что падение Антверпена может последовать в самое ближайшее время. Генерал де Гиз, губернатор города, заявляет, что не отвечает ни за что ввиду убийственного действия тяжелой артиллерии неприятеля [2]. По некоторым признакам,

---

[1] Телеграмма № 16061.

[2] Из Антверпена, № 481, 482, 485, 486, 487, 488, 492, 493, 494.

у немцев имеются в настоящее время перед Антверпеном мортиры в 400 и 420 миллиметров.

Клемансо вбил себе в голову, что, если бы правительство не проявило небрежности, оно легко могло бы добиться присылки на помощь одной японской армии. Серия статей „тигра“ побудила Делькассе возобновить разговоры в Токио. Однако все более становится очевидным, что Япония сохраняет свои силы, во всяком случае свои сухопутные силы, для Дальнего Востока. Таково твердое убеждение сэра Эдуарда Грея, и Поль Камбон сообщает нам об этом с оттенком той мягкой иронии, которую он охотно пускает в ход в своей корреспонденции, когда считает нужным внести поправку в действия правительства [1].

Попытка сербов атаковать Землин окончилась неудачей и стоила им больших потерь [2]. Сербская армия, как видно, находится в состоянии крайнего изнурения; ряды ее истощены кровавыми боями, и войска начинают испытывать некоторый упадок духа [3].

Пятница, 2 октября 1914 г.

Несмотря на дружеские приглашения бордосского мэра Шарля Грюэ, я к великому своему сожалению не могу интересоваться местными муниципальными делами и жизнью населения города, оказывающего нам гостеприимство. С утра до вечера меня поглощают национальные дела. Проездом в какой-нибудь из госпиталей я еле бросаю беглый взгляд на памятники, дома и проспекты, которые знакомы мне с самых юных лет и которыми я не раз восхищался во время своих частых посещений великого города Жиронды; хорошо помню все эти места: Сен-Серен, Сент-Круа или Сент-Андре, произведения Турни, Луи и Габриеля, аллеи и проспекты, сады и рощи. Лишь изредка мне удается теперь повидать бассейны в порту, менее оживленные, чем обычно, и набережные Шартрон и Палюдат, по которым я так часто прогуливался когда-то. Ни разу не попадаю теперь на внешние бульвары Бегль, Таланс, Тондю, Кодеран, Буска, а если бы очутился там, за железной дорогой в Медок, на авеню Брюгге, мысль моя невольно улетела бы из Гаскони в несчастную Бельгию, к монастырям фламандского города. Самое большее, я иногда провожу с мадам Пуанкаре часок в тихом саду, который Руа де Клотт по-приятельски предоставил мне в свободное пользование. Этот тонкий староста местных адвокатов иногда сопровождает меня здесь, мы вместе прогуливаемся по саду, под ногами шуршат желтые листья, начинающие опадать с деревьев, и мы предаемся воспоминаниям о бордосской адвокатуре.

Новое осложнение в бельгийских делах. Королевское правительство все более впадает в тревогу. Давиньон сказал Клобуковскому: „Торопитесь, теперь это уже вопрос нескольких часов“ [4]. Население Антверпена волнуется. С другой стороны, английское правительство согла-

[1] Из Лондона, № 739.
[2] Из Ниша, № 191.
[3] Из Ниша, № 187.
[4] Из Антверпена, № 495.

шается послать одну дивизию только в том случае, если мы сами отправим регулярные войска очень высокого качества[1]. По спешному предложению Рибо совет министров принимает решение, что наша дивизия территориальных войск во всяком случае будет отправлена из Гавра в Остенде и Гент; что мы известим об этом Лондон, причем укажем, что эта отправка не предрешает будущих; что Мильеран снова запросит генерала Жоффра, не может ли последний изъять одну регулярную дивизию, будь то из действующих войск или из гарнизонов Парижа или Бельфора. Военный министр телеграфирует в этом смысле Жоффру и по соглашению со мной прибавляет, что правительство намерено тотчас послать генерала По в Антверпен для ознакомления с положением.

В течение дня пришел ответ от Жоффра. Главнокомандующий продолжает считать помощь, предложенную Бельгии, неэффективной, согласен однако, чтобы территориальная дивизия была послана из Гавра только для достижения морального результата. По он считает во всяком случае необходимым усилить эту первую дивизию какой-либо другой дивизией территориальных войск из находящихся в Париже. С другой стороны, он не считает возможным перевезти эти войска сушей, так как все железные дороги должны быть забронированы для переброски наших войск в Северный департамент. Жоффр не возражает против немедленной отправки генерала По с миссией в Антверпен, но считает, что командование обеими дивизиями территориальных войск должно быть поручено генералу Брюжеру, командующему территориальной армией Северного департамента. Обо всем этом ставятся в известность Оганьер и Делькассе. Первый должен добыть суда для транспорта; второй уведомляет бельгийское правительство. Но если, по словам Давиньона, дело должно решиться уже в несколько часов, то поспеем ли мы во-время?

Министр народного просвещения Альбер Сарро произнес вчера в бордосском университете по случаю открытия дополнительных классов при лицее, очень красивую речь, которой горячо рукоплескала аудитория, состоявшая из учителей, родителей и учеников. Он в вдохновенных выражениях указал на значение этой войны, произнес красноречивый дифирамб французскому солдату и, обращаясь к молодежи, воскликнул: „Там, на фронте, ураган пулеметов косит людей, как созревший хлеб. Здесь растет другой урожай. Он будет прекрасен, он будет мощен. Он растет на почве, орошенной кровью героев, и созревает под солнцем победы, самым прекрасным из всех солнц“[2].

Суббота, 3 октября 1914 г.

Из секретного и надежного источника мы узнали, что между Румынией и Италией заключено соглашение и что ни одна из этих держав не выйдет из нейтралитета без совещания и согласования с другой. Предоставим же им досуг и свободу принять свое решение.

---

[1] От П. Камбона, № 745.

[2] „L'Instruction publique et la guerre“ par Albert Sarraut, Henri Didier, éditeur, Paris 1916, p. 11 et suiv.

Опять день тревоги. Приехавший из главной квартиры полковник Пенелон говорит, что оставил там генерала Жоффра „в отчаянии" в результате разговора с генералом Годеном. Последний сказал Жоффру, что потребуется многонедельный срок, пока мы добьемся производства пятидесяти тысяч снарядов 75-миллиметрового калибра в сутки. Генерал Жоффр заявляет, что стратегическая ситуация никогда не была так благоприятна, как теперь, но недостаток снарядов обрекает его на бессилие. Он принял решение, что из остающихся у нас четырехсот пятидесяти снарядов на орудие мы можем израсходовать с сегодняшнего дня по 10 октября только триста. К этому времени у нас останутся стало быть только сто пятьдесят снарядов на орудие, затем десять тысяч снарядов суточного производства, сто тысяч снарядов, находящихся в производстве школьных артиллерийских мастерских, шестьдесят тысяч снарядов, собранных там и сям, и наконец, если немцы не вернулись со вчерашнего дня в Дуэ, сто тысяч оболочек, так странно забытых ими в этом городе. Все это вместе взятое дает нам крайне скудное снаряжение.

Другая причина беспокойства. Жоффр уведомляет военное министерство, что наша тактическая ситуация в Аррасе очень неблагополучна по вине одного из регулярных корпусов, который, будучи переброшен сюда, неудачно выступил. Кроме того близ Руа мы подверглись очень сильным атакам неприятеля и лишь в некоторой мере удержали свои позиции. Впрочем вечером от главной квартиры получены были более утешительные известия. Таким образом изо дня в день чередуются длительные периоды страха и опасений и краткие вспышки надежды.

Бельгийское правительство решило переехать сегодня в Остенде. Король отступит во главе своей полевой армии. Антверпен надеется держаться еще восемь дней. От нас настоятельно требует принять все меры, будь то для того, чтобы выручить Антверпен той или иной быстрой диверсией, будь то для того, чтобы помочь бельгийской армии в ее вынужденном отступлении [1].

Однако наши диспозиции были еще раз изменены. Генералу Жоффру внезапно пришла счастливая мысль послать в Бельгию вместо территориальной дивизии Парижа одну бригаду морских частей. Они до сих не имели случая участвовать в морских сражениях. Они одинаково хорошо будут биться на бельгийской территории, как и на далеких берегах.

Португальское правительство предложило Англии предоставить в распоряжение командующего британскими силами во Франции одну дивизию с артиллерией [2]. Однако пройдет конечно некоторое время, пока последние окажутся на английском фронте.

Внезапно из Антверпена получается с пометкой „весьма срочная" новая телеграмма [3]. В Антверпен прибыл умный и стремительный британский морской министр Винстон Черчиль. Он беседовал с королем и министрами и добился от них временного сохранения статус-

---

[1] От Клобуковского, № 504.
[2] От Дешнера из Лиссабона, № 77.
[3] № 512.

кво: полевая армия не уйдет тотчас. Черчиль обязался доставить в трехдневный срок семь тысяч солдат помимо двух тысяч человек морских частей, которых он уже привел с собой в Антверпен. Через семь дней английское правительство пошлет кроме того шестьдесят тысяч солдат, в том числе две кавалерийских дивизии; вместе с ожидаемыми двумя французскими дивизиями это доведет войска союзников приблизительно до ста тысяч человек.

Я снова беседовал с генералом Годеном. Независимо от ста пятидесяти снарядов на орудие, которые останутся у нас после 10 октября, у нас имеются шестьдесят непочатых партий по шести тысяч снарядов, тридцать тысяч снарядов в Бурже, затем продукция от 1 по 10 октября, т. е. сто десять тысяч снарядов, сто тысяч гранат в производстве в артиллерийских мастерских, девяносто тысяч снарядов в Париже и сто тысяч гранат в Дуэ, если возможно вывезти их. Итак, как ни слабы наши ресурсы, они, если ускорить производство, не так уж скудны, как боялся Жоффр. Генерал Годен наводит через районных командиров и префектов справки во всех департаментах, есть ли в них заводы, которые могли бы взять на себя немедленные заказы.

Наконец после настойчивых, ежедневно повторяемых просьб правительство и главная квартира дали мне exeat (разрешение уехать), столько раз откладываемое. Решено, что завтра я отправляюсь с Мильераном к армиям на фронте. До сих пор ни один президент республики никогда еще не совершал официальных поездок без сопровождения министра; последний следовал за ним, как тень, президент не имеет права остаться без него. Я счел нужным считаться и теперь с этой традицией. Но если в будущем я опять натолкнусь на столько препятствий, я освобожусь от этой кабалы, которая в конце концов не предписывается конституцией. Новый Шамиссо при желании напишет книгу о моем приключении.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Посещение главной квартиры в Ромильи. — Генерал Фош назначен заместителем главнокомандующего. — В английской главной квартире. — В армии Франше д'Эсперэ. — В армии Монури. — Развалины Санлиса. — Генерал Гиллиени и укрепленный лагерь Парижа. — Возвращение в Бордо. — Смерть Альбера де Мена. — Отступление бельгийской армии. — Бельгийское правительство в Гавре. — Первые бои на Изере.

Воскресенье, 4 октября 1914 г.

Укороченное заседание совета министров из-за моего отъезда. Наскоро завтракаю. Приветливо раскланиваясь, прощаюсь с населением Бордо. Мы с Мильераном садимся вместе в военный автомобиль. На месте шофера сидит механик из запасных, это не кто иной как сын Мореля, директора банка земельного кредита; рядом с ним молодецкого вида капитан спаги, это Думейру, прикомандированный к канцелярии военного министра. Во второй машине за нами следуют Вивиани с генералом Дюпаржем. Затем в последней, третьей, машине едут директор охранной полиции Ришар и несколько его молчаливых сотрудников, которых я называю своими ангелами-хранителями.

Полным ходом мы проезжаем Ангулем и Пуатье, улицы которых кишат солдатами территориальных войск, праздными и старающимися придать себе сугубо военный вид, а также солдатами из запасных батальонов и молодыми рекрутами. У входа в города нас с серьезным видом останавливают караулы и важно проверяют наши пропуска. В проезжаемых нами местностях жизнь как будто идет своим нормальным ходом, и, если бы не мелькающие на каждом шагу запыленные мундиры, ничто не напоминало бы нам про войну.

Мы приезжаем в Сент-Мор, где два года назад я сопровождал президента Фальльера на больших маневрах мирного времени и где мы завтракали с великим князем Николаем Николаевичем в большом зале, разукрашенном флагами[1]. По профессиональному долгу русский генералиссимус говорил тогда генералу Жоффру о возможности войны, в которой русским и французским армиям придется воевать вместе и защищать обе союзные нации. Но как мало вероятной казалась нам тогда эта гипотеза! Нам казалось, что существование Тройст-

[1] „Les Balkans en feu", p. 206, 207.

венного согласия достаточно для сохранения мира! И вот, несмотря на все наши усилия, наши союзы должны теперь доказать свою действительность на полях сражения; теперь я отправляюсь смотреть не безобидные маневры и буду слышать не холостую пальбу из пушек.

В Туре мы обедаем в здании военного командования. Командует округом генерал Полин, лотарингец из Метца. На фронте он командовал 17-м корпусом в IV армии (де Лангль де Кари) во время жарких боев 21 и 22 августа на Семуа и в лесу Люши. В густой туман его застигли врасплох войска неприятеля, присутствие которых не было ему сигнализировано; в результате поражения, за которое он не был лично ответствен, он, как и столько других, был представлен в распоряжение министра. Главнокомандующий должен был поступать таким образом, производить огулом чистку командного состава. Вынужденный ударять быстро и сильно, он возможно совершил невольно ошибки и несправедливости. Но разве высшим законом не является теперь спасение родины любой ценой?

В Туре офицер связи комендант Эрбильон приехал к нам с известием, что положение в районе Арраса продолжает оставаться серьезным, если не тяжелым. Как и надо было опасаться, немцы снова взяли Дуэ. Для защиты этого города надо было перебросить 21-й корпус в район Лилля и сделать попытку обойти немецкие войска, у которых шел бой с отрядом Мод Гюи. Однако этот корпус удалось подвезти только далеко в тылу, к Сен-Полю, Мервиллю и Арманьеру, причем ему даже пришлось чуть ли не тотчас же отойти еще дальше на юг, в окрестности Лана, где он укрепился на высоте Нотр-Дам-де-Лоретт. Итак, это, как видно, начало натиска немцев на северо-запад и по направлению к морю. Кроме того нами перехвачено радио следующего содержания: „Его величество желает, чтобы завтра, 4 октября, его кавалерия была в тылу у неприятеля". Сегодня 4 октября. Как был выполнен этот приказ кайзера? Командир Эрбильон еще не знает этого.

В восемь часов вечера мы отправились дальше. В прекрасную звездную ночь мы едем по залитому лунным светом берегу Луары; проезжаем Блуа с его замком, покрытым белесоватой дымкой. Ночное очарование этого сада Франции не раз заставляет нас забывать призраки войны, пока мы не приехали в Орлеан, где наши грезы рассеялись перед официальным гостеприимством префектуры.

Во время этого переезда я в промежутке между двумя умиленными приветами ландшафту долго беседую с Мильераном о военном снаряжении, о тяжелой артиллерии, о пулеметах, обо всем том, что нас озабочивает и, можно сказать, даже терзает. В этом разговоре с глазу на глаз к Мильерану снова вернулась нотка дружеской откровенности, как в былое время нашей близости, и его отчасти покинула та молчаливость, в которую он любит замыкаться на заседаниях совета министров.

Понедельник, 5 октября 1914 г.

Из Орлеана мы выехали в семь часов утра. Мы проезжаем Питивье и Фонтенебло, который в прошлом году был так разукрашен

для приема Альфонса XIII [1], и приезжаем в Ромильи-сюр-Сен, мирный городок департамента Обы, где в большом школьном здании разместились канцелярии главной квартиры.

Мы нашли Жоффра в полном здравии физическом и душевном. Он тот же, каким я его всегда видел, каким он, надо думать, был и прежде на Формозе, Тонкине, Тимбукту, бесстрастным, улыбающимся и кротко-упрямым. Коренастый и массивный, с открытым лбом, с большими белыми усами и ясным взглядом голубых глаз под густыми бровями. Все в нем производит впечатление уравновешенности и хладнокровия, т. е. тех военных добродетелей, которые, пожалуй, являются самыми редкими и самыми важными в переживаемое нами тревожное время. Что стало бы с нами на другой день после Шарлеруа при другом главнокомандующем, обладающем более богатым воображением, но зато нервном и импульсивном?

Мы рассматриваем вместе состояние снаряжения. У нас нет возможности согласовать подсчеты главной квартиры с подсчетами генерала Годена. Мы просим Жоффра еще раз проверить цифровые данные его сотрудников. Во всяком случае необходимы будут большие усилия, чтобы согласовать производство с нашими потребностями, и возможно, что рано или поздно недостаток рабочих рук заставит нас снять с фронта известное количество рабочих и мобилизовать их на заводы. Но такая перспектива не улыбается главной квартире.

Жоффр вручил мне подробную записку по вопросу о транспорте британских войск. Маршал Френч требовал, чтобы в общем расположении союзных армий англичане снова заняли то же место, что в начале войны, т. е. левый фланг. Но эта прежняя схема изменилась вследствие создания армии Монури, затем вследствие переброски армии Кастельно и наконец вследствие последовавшего позднее образования отряда Мод Гюи. В настоящий момент фронт английской армии на правом берегу Эны заключен между нашими V и VI армиями. Вначале с маршалом Френчем было согласовано, что английская армия, сохраняя впредь до нового распоряжения свои нынешние позиции, сможет тотчас отвести свой 2-й корпус, который будет переброшен на север. Этот маневр производится теперь и будет закончен 9-го. По новому требованию Френча были приняты диспозиции о перемещении и 3-го корпуса, который последует за 2-м. Эти переброски разорвут в течение почти десяти дней английскую армию на две части и сделают для нас невозможным усилить в этот промежуток времени отряд Мод Гюи на нашем левом фланге. А между тем, повторяет нам главнокомандующий, производимый ныне маневр все еще имеет главной целью обойти правое крыло немцев и опрокинуть его. Поэтому крайне важно, чтобы все войска, перебрасываемые на левый фланг, будь то английские либо французские, участвовали в этой операции с самого своего прибытия; в противном случае успех этого маневра подвергается большой опасности. Генерал Вильсон, приехавший в ставку нашего главнокомандующего, чтобы из-

[1] „L'Europe sous les armes", p. 202 et suiv.

ложить ему мысль Френча, предупредил Жоффра, что фельдмаршал намерен выждать, пока все его войска будут собраны вместе, и только тогда пускать их в дело. К несчастью надо думать, что тем временем неприятель не оставит нас в покое. Если он атакует нас, говорит Жоффр, то это, возможно, выльется в решающее сражение, и будет крайне печально, если именно в этот момент несколько британских дивизий будут оставаться в бездействии. Жоффр на-днях изложил эти соображения Френчу в меморандуме, копию которого он вручил теперь мне. Он просит меня воздействовать также через французское правительство на лорда Китченера в том смысле, чтобы английские дивизии могли, так же как наши, начать бой тотчас по своем прибытии на место и не надо было выжидать, пока полностью закончится стягивание их в одно место. Я сообщил об этом требовании Вивиани и Мильерану, которые вместе со мной обратятся по этому поводу к Делькассе.

Жоффр был извещен Мильераном, что правительство не находит возможным отнять у генерала Галлиени его lettre de service и его возможный титул главнокомандующего; он говорит нам, что охотно соглашается взять Фоша своим заместителем и без непосредственного обеспечения за ним роли своего преемника; Фош, которого он вчера предупредил об этом, согласен на это. Итак, на Фоша возложено поручение обеспечить оборону Северного района и остановить немцев, если они захотят обогнать нас, обойти наше левое крыло и первыми притти к морю. Он немедленно отправляется в Северный департамент, повидается с Кастельно и Мод Гюи и вероятно поместит свою штаб-квартиру в Дуллане.

Военная ситуация, по словам Жоффра, серьезна, но не внушает опасений. Больным местом является та же нехватка снарядов; она в продолжение нескольких недель, а вероятно и нескольких месяцев, если не парализует, то во всяком случае замедлит наши операции.

Водя пальцем по карте, генерал объясняет нам в деталях подготовляемые операции. Мы сопровождаем его потом, среди приветственных криков жителей, к домику, в котором он поселился; там приготовлен для нас завтрак, спартанский характер которого не исключает однако высоких кулинарных достоинств. Генерал говорит нам о Ланрезаке, который, по его словам, прекрасный теоретик, но часто не умеет ориентироваться в топографии местности; Жоффр приписывает ему грубые тактические ошибки. От депутата Беназе, капитана при штабе генерала Франше д'Эсперэ, я тоже слышал в эти дни, что Ланрезак моментами казался растерявшимся при исполнении операций. Жоффр умеет быть также суровым; он даже заявил Мильерану: „Вы доверили Ланрезаку подготовку армии второй очереди, великолепно; но в тот день, когда эта армия выступит, надо будет сместить его".

Вскоре после полудня мы распрощались с Жоффром. Выехав из Ромильи-сюр-Сен, мы сделали небольшой крюк, чтобы проехать по полям сражения в Сезанне и Монмирайле (сражение в Сезанне произошло в 1814 г., в Монмирайле — ровно через сто лет). Здесь снова явилась к нам богиня победы, покинувшая нас на целых сто

лет. Волна неприятельского нашествия разбилась перед деревней, которая по иронии судьбы носит название Аллеман[1].

В этой деревне и во всех прочих в этой местности дома разрушены гранатами или стали жертвою огня. Но крестьяне повсюду возвратились на свои пепелища и с усердием принялись за прерванные полевые работы на полях, залитых кровью. Это — словно воскресенье, которое лишь слегка омрачено воспоминанием смерти и являет нам среди обломков и развалин торжествующую силу жизни.

Мы посетили замок Мондеман, который марокканская дивизия отняла у прусской гвардии. Немецкие офицеры весело пировали в нем, когда одна из наших батарей подъехала к нему ночью и открыла по нем огонь почти в упор. Стены обрушились на пирующих. Сотни пустых бутылок и осколки сотен других валяются во дворе замка, немые свидетели оргии немцев. Недалеко отсюда среди идиллического поля можно узнать французскую могилу по небольшому деревянному кресту и свежевыкопанному могильному холму, на котором положены кепки и несколько осенних цветов. Две бедных женщины молились и плакали у могилы. Мы делаем еще несколько шагов и находим близ опушки леса остатки немецкой батареи, уничтоженной огнем наших 75-миллиметровых орудий. Колесо, обломки зарядных ящиков, окровавленное белье, дырявые портянки, корзины, бумага, французские почтовые открытки с написанными на них немецкими строками. Немного поодаль свежевзрытая земля — здесь зарыты трупы неприятеля.

Подъезжая к Фер-ан-Тарденуа, где находится английская штаб-квартира, мы встречаем длинный ряд грузовиков с провиантом. Как видно, снабжение британской армии обеспечено вдоволь. Маршал Френч ожидал нас в обществе принца Баттенбергского, брата испанской королевы, которого я видел в прошлом году в Лондоне. Принц видимо безмерно счастлив, что сражается бок о бок с французской армией. Стража из англичан и ирландцев отдает нам честь. Французская миссия расположилась при нашем проезде в саду дома, в котором поселился маршал. В каминах ярко горят дрова, хотя еще не очень холодно.

Продолжительный и дружеский разговор с Френчем. Нет надобности обращаться к вмешательству Китченера. Френч заявляет, что совершенно согласен с Жоффром; он обещает, что английские войска начнут операции на левом фланге по мере их прибывания. Зато Френч очевидно не очень ладит со своим военным министром; он упрекает его в том, что он не установил никакой связи между английской штаб-квартирой и теми британскими войсками, которые должны вместе с бельгийцами и нами участвовать в защите Антверпена. Френч даже просит меня обратиться к английскому правительству, чтобы положить конец положению, которое он считает вредным для единства действий. Вечером в Эперне Мильеран составил и отправил Делькассе телеграмму в этом духе.

Осушив обязательный бокал шампанского в честь английской ар-

[1] Игра слов: Аллеман (Allement), название этой деревни, звучит, как слово allemand — немец. — *Прим. перев.*

мии, мы покидаем Френча и возвращаемся берегом Марны. Наступила ночь, и нам приходится проезжать леса, где, как рассказывал нам Жоффр, скрываются отставшие уланы, которые вечером выходят из своих убежищ и грабят жителей соседних ферм; но мы не заметили ни одного из этих ночных бродяг. Мы проезжаем Дорман, родину моего старого друга сенатора Валле, и останавливаемся на ночлег в Эперне.

Военные власти приготовили нам помещение у одного крупного фабриканта шампанского Шандона, у которого недавно, во время битвы на Марне, останавливался генерал фон Бюлов; визитная карточка последнего осталась прикрепленной на дверях одной из уборных. Мне была предоставлена та же комната, полная безделушек и дорогой мебели, которую занимал немецкий генерал. Не без некоторого неприятного чувства я должен был оказаться его преемником.

Около половины одиннадцатого вечера приехал в Эперне комендант Эрбильон. Он сообщил нам, что Лилль несомненно взят немцами, что Лан тоже оккупирован, что еще неизвестен результат кавалерийских боев, идущих под Аррасом, и что у Руа мы несколько поколебались. Одним словом, день далеко не из удовлетворительных. Отряд Мод'Гюи преобразуется в независимую армию, а именно в X армию.

Вторник, 6 октября 1914 г.

Рано утром мы поехали в небольшую деревушку Шампани на север от Шатильон-сюр-Марн; там находится теперь штаб-квартира V армии Франше д'Эсперэ. Армия состоит из 18-го, 1-го и 3-го корпусов и 51-й резервной дивизии. Фронт этой армии простирается от Пуасси на север от Эны до Невилетт на северо-запад от Реймса. На правом фланге к этой армии примыкают остатки армии Фоша, ныне расформированной, на левом — англичане, которые теперь перестраиваются.

Генерал Франше д'Эсперэ — человек невысокого роста, коренастый, пылкий сангвиник, лицо его с детства загорело под солнцем Африки, он закален в ряде экспедиций в южном Оране, Тонкине, Китае, Марокко. Он жалуется, что не может теперь двинуться вперед; но генерал Жоффр не разрешает ему этого ввиду недостатка снарядов, а также из опасения обнажить наш левый фланг. Франше д'Эсперэ хорошо знает Балканы, где он исполнял официальную миссию; он считает, что, если наш фронт во Франции стабилизуется, мы должны будем подумать о том, чтобы вместе с сербами атаковать неприятеля на востоке Европы.

Он представляет мне офицеров своего штаба. Я узнаю среди них одного, который скромно держится в стороне. Это наследный принц Монакский; он служит добровольцем во французской армии в чине капитана.

Мы беседуем с генералом под непрекращающийся гул пушечной пальбы; он слышен в направлении Реймса. Франше д'Эсперэ сообщает нам интересные детали о расположении своей армии. В некоторых местах французские окопы подходят совсем близко к неприятельским окопам: между ними расстояние всего в тридцать,

сорок, самое большее пятьдесят метров. Местами у обеих армий общие проволочные заграждения. Один раненый немец несколько дней оставался между обеими позициями, товарищи не убрали его. Каждую ночь французские патрули находили его на том же месте, и, так как его состояние было настолько тяжелое, что нельзя было перенести его, они втихомолку нарушали инструкцию и оставляли ему пищу. При первой возможности они перенесли его; он не мог нахвалиться нашим обращением с ним. В это время немцы под предлогом сокращения продолжительности войны с помощью террора жгли наши деревни и расстреливали наших крестьян. Но мы останемся самими собой и покажем, что даже в самых жестоких международных столкновениях умеем в пределах возможного примирять свой долг перед родиной и долг перед человечеством.

Вместе с генералом Франше д'Эсперэ мы отправляемся в Жоншери, куда он намерен перевести штаб-квартиру своей армии, и осматриваем здесь эвакуационный пункт для раненых и подвижной лазарет, превращенный в стабильный. Я осведомляюсь о том, как функционируют наша врачебно-санитарная часть и полевая почта, по поводу которых ко мне ежедневно продолжают поступать жалобы. Внесены заметные улучшения, но сколько еще осталось пробелов и неправильностей!

Позавтракав в Шато-Тьерри, у депутата Куэнона, немедленно едем далее в Виллерс-Котере, где находится штаб-квартира VI армии; последняя оперирует на реке Урк и попрежнему находится под командой генерала Монури. Это старый артиллерист 1870 г. Он был ранен в битве при Шампиньи. Я знал его военным комендантом Бурбонского дворца и губернатором Парижа в 1912 г. Он достиг тогда предельного по закону возраста и был снова призван на действительную службу лишь 20 августа 1914 г., накануне того сражения, в котором сыграл столь полезную и блестящую роль. Он тоже, как и Франше д'Эсперэ, сожалеет, что не имеет приказа снова перейти в наступление. Он в тоне высокой похвалы говорит мне о своих войсках, которые, подчеркивает он, так и рвутся в бой.

После Виллерс-Коттере мы делаем остановку в Санлисе. На зеленых берегах Нонетт этот город представляет теперь картину ужаса и разрушения. Этот прелестный городок, который я знал таким свежим и изящным, почти до тла сожжен неприятелем. Большая улица республики подверглась систематическому разрушению. Не осталось ничего от прекрасного здания суда и от здания супрефектуры. К счастью собор пострадал лишь весьма незначительно. Мэр Санлиса Одан был уведен в качестве заложника и расстрелян.

С этими печальными картинами перед глазами мы покидаем Санлис и уезжаем в Париж, в Париж, который я не видел уже более месяца и в который возвращаюсь не без глубокого тайного волнения. Мы приехали к заставе перед наступлением ночи; но, несмотря на трехцветный флажок, наш автомобиль проходит незамеченным среди множества других военных автомобилей, и я приезжаю в Елисейский дворец, никем не узнанный. Никогда еще этот дворец, в котором я пережил столько серых и тоскливых дней, не казался мне таким уютным. Мне представляется, что я наконец возвращен городу, из

которого вынужден был удалиться в силу трагических обстоятельств. Бабетт, моя черная собака с длинной шелковистой шерстью, встречает меня бурными проявлениями радости и ласки.

Среда, 7 октября 1914 г.

„Армейский бюллетень", который выходит теперь в Бордо, помещает в сегодняшнем номере (№ 34) статью, в которой сообщается о моем посещении главной квартиры. По собственному почину Мильерана в статье указывается причина, почему это посещение не состоялось раньше. „С самого начала военных действий президент республики выразил намерение посетить наши армии и приветствовать их. Ему помешали в этом необходимость ежедневно председательствовать в совете министров и отзыв военной власти, не считавшей момент благоприятным для осуществления этого проекта. Ныне обстоятельства позволяют предпринять эту поездку, и г. Пуанкаре в воскресенье выехал из Бордо", и т. д. Итак, мой приезд отсрочивали из боязни, что официальное присутствие президента республики будет стеснительным, будет мешать операциям на фронте. Прекрасно. Но почему необходимо придавать столь естественному шагу, как посещение армий на фронте, какой-либо торжественный характер? Разве такие шаги не могут совершаться теперь молча, просто как акт внимания к нашим войскам? В дальнейшем я позабочусь об этом.

Утром ко мне в Елисейский дворец явился Мильеран. Он пришел в сопровождении генерала Галлиени. Со времени нашего отъезда населению Парижа стали хорошо знакомы высокая фигура Галлиени, его изящная походка, его прекрасная военная осанка. Я нашел его таким же, каким оставил: тот же упрямый и пронизывающий взгляд из-под стекол пенсне, тот же методический ум, та же трезвая и точная манера выражаться. Его шестьдесят пять лет и служба в колониях, несколько отразившаяся на его здоровьи, оставили нетронутыми его разум и моральную силу. Достаточно поговорить с ним несколько минут, и вы чувствуете, что перед вами настоящий вождь. Вместе с ним мы отправляемся осматривать укрепленный лагерь, а именно северный и северо-восточный сектора его. Он с чувством удовлетворения, вполне заслуженным, показывает нам значительные улучшения, которых ему удалось добиться в течение нескольких недель. У солдат территориальных войск очень хорошая выправка, они гораздо лучше вымуштрованы. Батареи из крепостных и судовых орудий установлены на умело выбранных позициях и хорошо замаскированы. Одна из них, близ форта Экуан, помещена среди самого леса на небольшой специально для этой цели вырубленной прогалине, скрытой от самолетов большими деревьями. Я благодарю солдат за их работу и вижу по их восхищенным лицам, что поощрение солдат главой государства — такая вещь, с которой стоило бы обращаться к ним непосредственно, а не приезжать впредь из такого далека, как Бордо. Население окрестностей Парижа узнало меня и оказывает мне горячий прием, причем, как видно, не ставит мне в строку моего отсутствия, хотя не может знать причины его.

Галлиени говорит нам о событиях на фронте с большим беспристрастием и объективностью. У него есть только одно возражение: он находит, что фронт слишком растянут для одного центрального командования. Как видно, он желал бы, чтобы были образованы две отдельных армии, из которых одна под его начальством. Но не будут ли такое дробление войск и двойное командование представлять больше неудобств, чем преимуществ?

К полудню возвращаюсь в Елисейский дворец, опустевший, почти без мебели. Нахожу там полковника Пенелона, который привез мне снова благоприятные известия. Согласно перехваченным радио, генерал фон Марвитц со своей кавалерией вынужден был отступить.

В районе Руа на северо-восток от Мондидье наш 4-й корпус к несчастью дрогнул перед 21-м корпусом неприятеля. Кастельно послал в главную квартиру довольно тревожную телеграмму; но Жоффр дал ему приказ держаться во что бы то ни стало и обещал подкрепления. Наш 11-й корпус перейдет теперь в контратаку. Генерал Фош прибыл на место. Больше никаких новостей. На Hauts de Meuse мы продвигаемся очень медленно. Наши войска вынуждены были сами бомбардировать мой бедный и милый Сен-Мигиель, в котором засели немцы...

Днем посетил вместе с Вивиани роскошно оборудованный английский госпиталь у входа в Елисейские поля, в отеле „Астория"; этот отель выстроили немцы на углу улицы Пресбург в виде небоскреба, не считаясь с правилами, которым подчинены дома, окаймляющие площадь Этуаль. Отель теперь секвестрован, и я надеюсь, что после войны ему без милосердия снесут голову, которую он так дерзко поднимает перед изумленной Триумфальной аркой. Оттуда мы отправились в другой госпиталь, устроенный американской колонией с еще большей роскошью в Нельи, в просторных помещениях лицея Пастера. Меня встретил любезный Майрон Т. Геррик; с сияющим видом он поздравил меня с нашей победой на Марне. По дороге толпа узнала меня и приветствовала, как блудного сына.

Потом мы поехали возложить венки на могилы солдат, похороненных на кладбище Банье, а оттуда в больницу Валь де-Грас, где ко мне присоединились представители Сенского департамента в парламенте, консерватор Дени Кошен, член радикально-республиканской партии Поль Штраусс и социалист Груссье; они изо дня в день продолжают подавать пример священного союза своим братским сотрудничеством.

В конце дня я отправил в Дом инвалидов шесть германских знамен под конвоем военного отряда; эти знамена были доставлены мне в Бордо и по моему приказанию привезены теперь в Париж. Генерал Пиокс принял их под свою охрану и бережно разместил в капелле среди старых трофеев, к которым мы уж так давно отвыкли присоединять новые. Я принял в Елисейском дворце Клотца в форме командира эскадрона, Поля Думера и парижского депутата Галли. Все трое восхваляют перед мною Галлиени, которого они видели за работой, и с восторгом рассказывают о населении Парижа, которого ни на мгновение не покинуло спокойствие.

Четверг, 8 октября 1914 г.

Однако я должен снова оставить Париж, так как правительство осталось в Бордо и ожидает меня, чтобы возобновить под моим председательством свои прерванные заседания. Сегодня утром я с Мильераном отправился на автомобиле в обратный путь. Я очень огорчен этим вторичным отъездом из Парижа, конечно менее печальным, чем первый, но более непонятным. В Туре завтракаем с генералом Полин и делаем остановку в Барбезье, чтобы повидать депутата Жеральда, раненого при автомобильной катастрофе. К восьми часам вечера мы приехали в префектуру Бордо. Немного спустя я узнал, что автомобиль, в котором находился жандармский полковник Жоффруа, везший знамена в Париж и вернувшийся в Жиронду вслед за мной, раздавил на смерть при проезде через деревню приблизительно в двадцати километрах от Бордо одну несчастную старуху. Полковник утверждает, что вина никоим образом не падает на шофера, солдата из территориальных войск. Я немедленно отправил одного из своих офицеров разузнать все обстоятельства, выразить мое соболезнование и помочь семье, которая лишена средств. Эта смерть окончательно омрачила мое возвращение.

Вечером я получил телеграмму от Годена, мэра Сампиньи. Он извещает меня, что сегодня на наш небольшой город упало сорок восемь снарядов большого калибра. Немцы стреляли из нашего форта в римском лагере. Целью немцев, читаю я, было разрушить мой дом в Кло. В него попало несколько снарядов. От веранды, выходящей на долину и лес Айли, остались только мусор и щепы; северо-восточный фасад дал трещину; нижний этаж, пробитый насквозь, разрушен вместе с обстановкой. Это известие оставляет мадам Пуанкаре и меня почти равнодушными. Как ни дорога была для нас эта усадьба, в которой мы провели с близкими людьми столько радостных дней, разве может наша мысль остановиться более одного мгновения на этом личном горе?

Пятница, 9 октября 1914 г.

Главнокомандующий в следующих выражениях сообщает военному министру о бомбардировке Кло: „После грабежей и вандализма — акты хулиганства. Немцам мало было разрушения Реймского собора; недавно они взломали в Нюбекуре фамильный склеп семьи президента республики, а вчера они бомбардировали частный дом президента в Сампиньи; они систематически обстреливали его с высот на правом берегу Мааса близ Сен-Мигиеля из тяжелых дальнобойных орудий. Выбор этой цели не оправдывался никакими военными соображениями. Доказательство — тот факт, что пострадал только дом президента. Можно сказать, немцы сами щадили до сих пор остальные строения в этой деревне". Я хотел бы, чтобы эти слова оказались правильными и Сампиньи остался цел. К несчастью мало вероятия, что разрушительное неистовство неприятеля надолго удовольствуется Кло.

Весь день разбираю документы, пришедшие во время моего отсутствия в бордосскую префектуру.

6 октября в Антверпене состоялось заседание высшего совета обороны под председательством короля и в присутствии Винстона Черчиля. Положение признано было очень тяжелым. Неприятель располагает двумястами орудий и может уничтожить город. Решено, что армия вместе с королем выйдет по направлению к Генту; это движение Жоффр советовал произвести, но оно было приостановлено по требованию английского министра [1]. Действительно, бомбардировка Антверпена началась еще третьего дня вечером и с тех пор продолжалась с неслыханной силой. Большая часть фортов еще держится. Эвакуация армии происходит с 6-го в удовлетворительных условиях [2]. Генерал По прибыл в Остенде. Он счел целесообразным не вводить морские части в бомбардируемый город и направил их в Гент [3]. Со своей стороны Жоффр распорядился отправить 87-ю дивизию территориальных войск в район Поперинге. Ей дано задание немедленно установить контакт с морскими частями и с бельгийскими войсками и таким образом облегчить выход всей армии из Антверпена. Де Броквилль оценивает потери бельгийцев с начала враждебных действий в пятьдесят тысяч человек [4].

Губернатор Таити телеграфирует, что Папаэтэ был 22 сентября бомбардирован двумя германскими крейсерами „Гнейзенау“ и „Шарнгорст“. Благодаря принятым мерам крейсеры не могли войти в рейд. Они отплыли, выпустив в город около ста пятидесяти снарядов и сжегши торговый квартал города. „Вот каков Папаэтэ: дворец королевы в зелени, бухта с высокими пальмами, зубчатые силуэты высоких гор“. Что скажет Лоти? „Таити, Бора-Бора, Океания, боже мой, как все это далеко!“

Палеолог снова вел беседы с Сазоновым по поводу ближайших русских наступательных операций [5]. Он беседовал также с начальником генерального штаба генералом Беляевым. Со вчерашнего дня, т. е. с 8 октября, сражение должно было развернуться во всю свою ширину. Оно будет продолжаться по меньшей мере пятнадцать дней, т. е. примерно до 25-го. Если русская армия окажется победоносной, можно ожидать, что к 6 ноября она дойдет до широты Бреславля, если не далее на север. Но генерал Беляев старательно подчеркивал гипотетический характер этих предсказаний. Император Николай выехал из Царского Села на театр военных действий. Он желает подтвердить этим, что операции против Германии вступают в решающую стадию [6]. Он не возьмет на себя фактического командования армией. Он лишь объедет фронт, чтобы ободрить свои войска [7]. Итак, лишь теперь русские настоящим образом вступают в войну. До сих пор медленная концентрация их войск позволяла им только отдельные попытки. Тем не менее они разбили немецкие армии при

---

1 От Клобуковского, № 533.
2 От Клобуковского, № 541.
3 От Клобуковского, № 550.
4 От Клобуковского, № 545.
5 Телеграммы из Петрограда, № 697, 698, 699, 700.
6 Телеграмма из Петрограда, № 703.
7 № 704.

Августово и воспрепятствовали им перейти Неман. В Карпатах они продолжают преследовать и уничтожать арьергарды австро-венгерских войск [1].

Суббота, 10 октября 1914 г.

Во время моего отсутствия из Бордо граф Альбер де Мен скончался от разрыва сердца. Он хворал уже давно, но волнения последних недель несомненно ускорили развязку. Он сохранил все обаяние своего удивительного таланта. Если он не был уже в состоянии выступать в палате или в стране, выступать с теми прекрасными речами, которым не могли не рукоплескать даже противники, то он ежедневно писал в „Echo de Paris“ и в „Le Gaulois“ статьи, проникнутые горячим патриотизмом. Это был человек очень возвышенной души. Я знал такие черты его характера, которые неизвестны публике и свидетельствуют о его исключительной чуткости и тонкости. Его пламенные католические убеждения не мешали ему воздавать должное противникам. Он был прежде всего французом, и правительство республики всегда находило его на своей стороне, когда дело шло об интересах нации. Я счел своим долгом присутствовать лично при его похоронах, совершенных по церковному обряду; впрочем на них присутствовали также председатели обеих палат и большинство министров. Погребение состоялось временно на кладбище Шартрез. Поль Дешанель произнес очень прочувствованное надгробное слово.

Ввиду этих похорон заседание совета министров было перенесено на послеобеденные часы. На этом заседании мы узнали из телеграмм Жоффра и Клобуковского [2] о падении Антверпена. Неприятель вступил в город раньше, чем ожидали. Форты Шельды еще держатся. Город очень пострадал от канонады. Многие жители отплыли по реке в Голландию или Англию; они уезжали с криками: „Да здравствует Бельгия!“

Жоффр предлагает правительству, чтобы английские войска, новые и старые, которые будут оперировать на оставшейся свободной части бельгийской территории, находились под командой маршала Френча, бельгийские войска оставались под начальством короля, а все французские войска в Бельгии и в Северной Франции поставлены были под начальством генерала Фоша, который обеспечит связь с союзными армиями. Правительство поддерживает в Лондоне и Остенде это предложение. К несчастью наша кавалерия должна была отступить к Бетюну для прикрытия прибывающей английской пехоты. Это, увы, сорвало или в лучшем случае отсрочило наши попытки установить связь с бельгийскими войсками. На другом конце, в Воэвре, все наши усилия освободить Сен-Мигиель через Сент-Аньян и Апремон остаются пока бесплодными.

Получил от румынского наследного принца совершенно неожиданную для меня телеграмму: „Президенту Пуанкаре, Бордо. С чувством глубокой скорби сообщаю вам, господин президент, печальное известие о кончине короля Кароля, моего возлюбленного дяди. Фер-

[1] Из Петрограда, № 711.
[2] Остенде, от 10 октября, № 552.

динанд". Я тотчас отвечаю выражением соболезнования наследному принцу и Румынии, но, признаться, смерть этого государя, столь страстного германофила, не погрузила меня в большую печаль.

Воскресенье, 11 октября 1914 г.

Наконец я узнал действительные обстоятельства, которые повлекли за собой взятие Сен-Мигиеля. Немцы давили на наш фронт вокруг Вердена в двух направлениях: одно — на западе, к Аргоннам, другое — на юго-востоке, к Hauts-de-Meuse, надо полагать, с целью окружить и осадить эту крепость. 8-й корпус, стоявший в Сен-Мигиеле и окрестностях, был спешно снят нами и переброшен в Аргонны, где грозила опасность; на правом берегу Мааса, между Виньелль и Сен-Мигиелем, осталась только дивизия запаса. Немцы без труда воспользовались этим, немедленно пробрались по холмам и откосам к городу и проникли в него без боя. Что касается форта, то немцы явились туда не из Сен-Мигиеля; они атаковали его с тыла, у выхода из леса, и после бомбардировки взяли его. Главная квартира уж не приписывает ошибки генералу Саррайлю, который вынужден был бороться на два фронта сразу и не имел для этого достаточно сил; но она признает, что мы были застигнуты врасплох на холмах и что эта неудача может иметь серьезные последствия. Железная дорога из Лерувилля в Верден и боковой канал Мааса отрезаны теперь на уровне Сен-Мигиеля. Это сделало невозможным сообщение между Верденом, с одной стороны, и магистралью Париж — Панси и каналом от Марны к Рейну — с другой. В действительности укрепленный лагерь осажден на востоке со стороны Воэвры, на юге — со стороны долины Мааса. Можно стало быть ожидать, что рано или поздно немцы поведут атаку с северо-запада и попытаются отрезать железную дорогу из Шалона в Верден, чтобы таким образом совершенно изолировать крепость. В то же время падение Антверпена даст им возможность перевезти из Этэна свои большие осадные мортиры, так что в скором времени надо несомненно ожидать усердной бомбардировки фортов Вердена.

Куйба, бывший министром в первом кабинете Вивиани, телеграфирует мне, что он находится в Сампиньи с сенатором и мэром Коммерси Гродидье, что немцы продолжают бомбардировать Кло и что единственный предмет, уцелевший из обстановки первого этажа, это — бронза „За отечество", поднесенная мне в прошлом году моим родным городом. Символическое исключение, которое утешило бы меня, если бы была в этом надобность, в потере всех других сувениров.

Из Остенде получены известия гораздо более печальные, чем из Кло. Бельгийская армия вышла из Антверпена и отступила под прикрытием Гентского канала в западную Фландрию. Таким образом удалось увести шестьдесят тысяч солдат[1]. По генерал По, оставшийся в Бельгии при короле, находит, что Остенде не является вполне безопасным местопребыванием для королевского правительства и что, ввиду того что неприятель еще вчера атаковал Гент,

[1] Из Остенде, № 548, 549.

благоразумно было бы перенести местопребывание государственной власти дальше в тыл[1]. Вопрос этот рассматривался бельгийским советом министров, и де Броквилль вручил вчера Клобуковскому ноту следующего содержания:

„Бельгийское правительство, загнанное перипетиями войны к границе, видит себя вынужденным в интересах нации оставить национальную территорию, которую армия более двух месяцев защищала от неприятеля. Оно просит у Франции гостеприимства для бельгийской армии. Последняя перенесла тяжелые испытания и нуждается в нескольких днях отдыха, прежде чем продолжать сражаться за общее дело. Бельгийское правительство просит Францию помочь ему обеспечить армии необходимое, для того чтобы в возможно короткий срок снова энергично продолжать борьбу. Относительно расположения армии и ведения военных операций можно будет легко притти к соглашению. В доказательство правительство ссылается хотя бы на то, как легко состоялось теперь соглашение благодаря высокой военной компетенции, а также такту и твердости, выказанным выдающимся генералом (генералом По), которого французская республика послала ему... С другой стороны, бельгийское правительство не может без ущерба для интересов нации оставаться в пределах досягаемости неприятеля; оно должно находиться в таком месте, где, не вмешиваясь в военные операции, будет в состоянии заботиться о всех нуждах бельгийских войск нынешних и будущих, войск, которым Франция уже обеспечивает убежище. Ввиду наших дружественных отношений с Англией, ввиду той поддержки, которую последняя оказывает нам в различных областях, а главным образом в военном снаряжении, бельгийское правительство желало бы находиться в таком месте, откуда легко могло бы поддерживать сообщение со своими друзьями в Англии. Оно спрашивает Францию, может ли она дать ему пристанище в городе, располагающем приморским портом, например в Гавре. Бельгийское правительство, зная по опыту рыцарский характер французской нации, не сомневается, что во время его пребывания на французской территории правительство республики будет всячески стараться облегчить ему исполнение его обязанностей".

Эта декларация сопровождалась следующей нотой: „Важно, чтобы бельгийское правительство поставлено было во Франции в такое положение, которое ясно указывало бы, что, покидая бельгийскую территорию, оно сохраняет свои державные права. Формальное признание этих державных прав и экстерриториальность той части территории, которую будет занимать бельгийское правительство, были бы одним из средств для достижения этой цели. Вместе с правительством переедут канцелярии его министерств. Число и характер чиновников, равно как и размеры необходимых помещений будут сообщены в ближайшее время. За правительством последует контингент жандармов, обычная охрана министерских департаментов".

Французское правительство, чрезвычайно тронутое этими обращениями, составленными в таком благородном тоне, естественно решает

[1] Из Остенде, № 553.

оказать Бельгии гостеприимство и сообразоваться с ее желаниями во всех пунктах. Я пригласил барона Гильома и просил его переслать королю следующую зашифрованную телеграмму (я не считал благоразумным отправлять ее без шифра): „Я узнал о решении, принятом королевским правительством. Правительство республики глубоко тронуто им и немедленно примет все необходимые меры, для того чтобы обеспечить пребывание вашего величества и его министров во Франции в полной независимости и суверенности. Спешу лично выразить вашему величеству, как горды будут мои соотечественники предложить вам до момента нашей совместной победы гостеприимство в городе по выбору вашего величества, и прошу принять уверения в моей несокрушимой дружбе". Король немедленно ответил мне через свое посольство: „Господин президент. Я очень растроган гостеприимством, которое Франция так любезно соглашается предложить бельгийскому правительству, и мерами, которые правительство республики принимает для обеспечения нашей полной независимости и нашего суверенитета. Я выражаю вам за это свою искреннейшую благодарность. Мы с непоколебимой верой ожидаем дня совместной победы в общей борьбе за правое дело. Наша храбрость непоколебима. Прошу вас, господин президент, принять уверения в моей непоколебимой дружбе. Альберт".

В мой кабинет ворвался, как ураган, Шарль Эмбер, мой бывший коллега по представительству департамента Мааса в сенате. Чтобы дать работу его подчас бьющей через край активности, Оганьер поручил ему закупить в Америке от имени морского министерства снаряжение, лошадей, предметы упряжи и обмундирования. Он в несколько недель заключил множество сделок и заявляет, что они для нас выгодны. Мильеран о них другого мнения и отозвал из Соединенных штатов Шарля Эмбера, который мобилизован в чине армейского капитана. Сенатор от департамента Мааса протестует против этой меры. Я обещал поговорить с Мильераном и подчеркнуть перед ним благоприятные для нас результаты этих сделок, как их расценивает Эмбер. Я сам запросил у военного министра справки о главнейших из этих сделок. Речь идет в частности об одной из них, заключенной Шарлем Эмбером с председателем Вифлеемского стального треста; Эмбер показал мне письмо, в котором это лицо предлагает Франции широкое сотрудничество своего треста. „Пользуюсь случаем, — пишет мне сенатор, — чтобы от всей души поблагодарить вас за сегодняшний любезный прием, и прошу принять уверение в моей глубокой преданности. Шарль Эмбер". Однако, что касается выгодности проектируемых или заключенных сделок, я до сих пор не знаю, прав ли военный министр или мой бывший коллега по департаменту Мааса. Мильеран обещал мне, что лично рассмотрит это дело совершенно беспристрастно.

Понедельник, 12 октября 1914 г.

Генерал Жоффр советовал, чтобы впредь до дальнейших распоряжений бельгийская армия оставалась на своей национальной территории и сохраняла связь с англичанами и нами. Тем не менее

она должна будет перестроиться отчасти на нашей территории[1]. По обоим пунктам барон де Броквилль согласен с нашей главной квартирой. Центр снабжения бельгийской армии будет находиться во Франции с базой в Дюнкирхене[2]. Завтра бельгийское правительство уезжает морем из Остенде в Гавр с персоналом различных министерств. Король останется в Бельгии во главе своих войск[3].

Наша бригада из морских частей, прибывшая 3 октября в Гент, на другой же день вступила в бой. Начало было превосходно. Она сражалась весь день 9 октября и всю ночь с 9 по 10 октября против превосходящего ее численностью неприятеля, отразила его и нанесла ему большие потери.

Галлиени и префект Сены сообщают нам об участившихся перелетах „Tauben" над Парижем и неоднократных бомбардировках с самолетов. Я прошу генерала Гиршауера, командовавшего инженерными войсками в укрепленном лагере, а затем снова поставленного во главе департамента авиации при министерстве, зайти в мой рабочий кабинет и дать мне точные сведения о состоянии нашей авиации. Он постарается послать в Париж эскадрилью, которой требует генерал Галлиени.

Вечером главная квартира телефонировала Мильерану: „Сильные атаки на многих пунктах. Мы имели успех во многих местах и нигде не уступили территории". Прекрасно. Но, как мне говорил вчера полковник Пенелон, мы должны были сегодня атаковать вместе с англичанами на левом фланге; в центре должны были атаковать армии Монури и Франше д'Эсперэ; наконец мы должны были атаковать в верховьях Мааса. Сражение затягивается, и решение отдаляется. Возьмем свое сердце в руки, как говорил Альбер де Мен.

Вторник, 13 октября 1914 г.

Де Броквилль и его коллеги приехали сегодня морем в Дюнкирхен, откуда направятся в Гавр. Они послали мне благодарственную телеграмму, я отвечаю на нее, что мы гордимся тем, что даем на своей территории пристанище правительству благородного народа, который так геройски защищает свою национальную независимость и нарушенное международное право.

В тот момент, когда мы принимаем во Франции этих великих изгнанников, мы можем предложить им только неважные новости. Мы сражаемся почти повсюду, но с жалкими результатами. На своем восточном фронте немцы подошли на пятнадцать километров к Варшаве; французская колония должна была оставить город. Сами русские власти тоже удалились[4]. Где те надежды, о которых несколько дней назад распространялся перед нами великий князь Николай Николаевич?

В Бухаресте король Фердинанд, преемник своего дяди Кароля, присягнул в парламенте на верность конституции. Ему оказали

[1] От Клобуковского, № 559.
[2] От Клобуковского, № 561.
[3] От Клобуковского, № 564.
[4] Из Петрограда, № 735, 736, 737.

горячий прием и рукоплесканиями подчеркнули некоторые места в его декларации, а именно его обещание служить стране как честный румын; это произвело на нашего посланника Блонделя вполне определенное впечатление, что народные представители не желают отделяться от династии, но требуют, чтобы династия исходила из интересов и устремлений Румынии. Королеву Марию, англичанку по рождению и известную своими симпатиями к тройственному согласию, приветствовали восторженными овациями, далеко превзошедшими овации королю [1].

Среда, 14 октября 1914 г.

Снова посещаю госпитали. Они, увы, все более и более переполняются ранеными. Я все время восхищаюсь стойкостью этих мужественных людей.

Мы с тоской ожидаем подробных известий о русских операциях. Но остаемся без всяких известий. „Сражение, — телеграфирует Палеолог, — продолжается с большой силой [2]. Потери обеих сторон значительны. К сожалению я не могу сообщить вам более точные сведения о генеральной операции, которая, как видно, развертывается от Сандомира до Варшавы. Наложенная великим князем Николаем Николаевичем печать молчания коснулась и генерального штаба в Петербурге". Английское правительство осведомлено не больше нашего и поделилось с нами своей тревогой [3].

Четверг, 15 октября 1914 г.

Провожу серые и монотонные дни в ожидании и печали. Мне еще не удалось добиться от правительства решения о нашем возвращении в Париж. Некоторые министры были бы большими сторонниками этого, но Мильерану и его сотрудникам в военном министерстве понравилось работать в Бордо. Они боятся, что новое переселение внесет стеснение и задержку в их работу. Итак, я провожу время следующим образом: утром председательствую в совете министров, днем изучаю дела. Самое большее, прогуливаюсь после завтрака часок в саду, предоставленном Руа де Клоттом в мое пользование. Гуляя с женой по аллеям, устланным мертвыми листьями, мы обмениваемся лишь унылыми мыслями. Даже наша брюссельская собачка следует за нами без удовольствия, удивленная, что не может, как бывало, набегаться вдоволь на лужайках Елисейского дворца. Наша сиамская кошка не может привыкнуть к шуму улицы Виталь Карлес и не удостаивает своими посещениями небольшой отцветший сквер у префектуры. Она меланхолически прогуливается по большой серой стене за старым зданием архиепископского дворца, отделяющей его от соседних домов.

Сегодня опять главная квартира довольствуется сообщением, что мы выиграли несколько метров территории между Маасом и Мозелем, на север от Реймса и на Лис. Однако один момент депеша нашего

---

[1] Из Бухареста от 12 октября, № 174.
[2] Из Петрограда, № 742.
[3] От Поля Камбона от 13 октября, № 848.

посланника в Копенгагене Бапста[1] заставила нас опасаться, что немцы готовят большую атаку на Верден, чтобы инсценировать успех кронпринца. Действительно, вчера утром датская королева, дочь великой герцогини Анастасии Мекленбургской, нашей бывшей соседки в Эз, получила от кронпринца, женатого на ее сестре, телеграмму из Стенэ: „Чрезвычайно обрадован полученным мною приказом атаковать Верден". Бапст узнал про это от лица, которому королева показала телеграмму кронпринца; но он не знает, не является ли это немецкой ловушкой, долженствующей навести нас на ложный след, тем более что телеграмма не была зашифрована. В пользу подозрений нашего посланника говорит тот факт, что немцы несомненно подготовляют большое наступление во Фландрии. Они три раза пытались окружить нас; три раза эта попытка кончалась провалом. На запад от Руа, на запад от Бопома и на запад от Лилля они чуть было не обошли наш фланг, но их попытки в конце концов провалились. Нам не удалось обойти их правое крыло, но и они не обошли наше левое крыло. Им остается последнее средство — возобновить операции во Фландрии. Если их усилия увенчаются успехом, они смогут не только обойти здесь наш фланг, но кроме того проникнуть к морю и отрезать сообщение Англии с континентом. По всем признакам они отправляют теперь значительные силы на Лис и Изер.

Как сообщает наш посланник в Стокгольме Тьебо[2], в „Norddeutsche-Allgemeine Zeitung" появилась статья о находке, сделанной немцами в Брюсселе и раздуваемой ими в большую сенсацию. Они якобы нашли в архивах бельгийского генерального штаба документы, доказывающие, что еще в 1906 г. предусматривалась в случае франко-германской войны высадка одного английского корпуса. Вся германская пресса видит в этих документах доказательство „британского лицемерия" и находит в них оправдание поведения Германии по отношению к Бельгии. Однако, как сообщает Тьебо, одна либеральная стокгольмская газета делает вполне правильное замечание: эти документы просто доказывают, что Бельгия опасалась нарушения ее нейтралитета Германией, а не Францией[28].

Пятница, 16 октября 1914 г.

Я начинаю получать письма с упреками и оскорблениями, большей частью анонимные. Меня обвиняют в трусости: я оставил Париж из страха, и страх не позволяет мне вернуться. Несомненно, психика моих корреспондентов пострадала от визитов немецких самолетов („Tauben"), сбрасывавших бомбы в Париж. Но как ни мало эти визиты смутили население Парижа, именно по этой причине мы, правительство и я, должны были бы находиться в Париже, подле него. Теперь уже нельзя утверждать, что наше присутствие в Париже привлечет немцев. В свою очередь медленность военных действий и незначительность наших успехов за последние недели смущают многих, возымевших тотчас после победы на Марне надежду на

[1] № 310.
[2] От 14 октября, № 23.

близкую и окончательную победу. Один из моих старых друзей по адвокатуре, большой мастер в нескольких юмористических словах схватывать моментальное настроение общественного мнения, Жюлемье, пишет Феликсу Декори: „Шансы Жоффра и президента сильно упали, так как у нас ожидали, что Пуанкаре одержит победу над главной квартирой".

Но я все еще не могу вырвать у совета министров в целом согласие вернуться в полном составе. Принято лишь решение, что в ожидании этого постоянно откладываемого момента отдельные министры будут отправляться в Париж, чередуясь друг с другом. Бриану очень не по душе та непопулярность, на которую мы с легким сердцем осуждаем себя, и он вызывается поехать еще раз в Париж. Решено, что он поедет вместе с Альбером Сарро и что они отправятся также к нашим армиям на восточном фронте.

„Телефонные сообщения" главной квартиры так же лаконичны и бессодержательны, как прежде. Мы немного подвинулись вперед близ Биле, перед Сен-Мигиелем и на склонах холма над римским лагерем. Мы очень мало продвинулись под Реймсом, в районе Помпелль, а также между Ланом и Бетюном. Но наряду с этими ничтожными успехами злая судьба принесла нам большое разочарование: немцы двинулись из Гента в Остенде и осели там.

Суббота, 17 октября 1914 г.

Студенты университета в Глазго собираются избрать меня своим лордом-ректором. Кажется, до сих пор это звание не выпадало на долю иностранца. Его носили, среди прочих, лорд Биконсфильд, лорд Розбери, Асквит и Бальфур. Оно дается голосованием студентов на три года и не возлагает на избранного никаких других обязанностей кроме единовременного посещения университета и произнесения благодарственной речи. Я согласился принять предложенный мне титул и сказал из своего далека молодым шотландцам, как я тронут их вниманием. Когда-то я смогу поблагодарить их на месте, в зале святого Андрея?

Воскресенье, 18 октября 1914 г.

Восемь дней назад Германия возвещала, что число военнопленных-французов составляет шестьдесят три тысячи. Теперь она дает цифру сто пятнадцать тысяч человек. Я не могу проверить ее. По оценке нашей главной квартиры, у нас во Франции не более сорока тысяч военнопленных-немцев. Чем объяснить такое расхождение?

На север от канала Бассэ французские и английские войска взяли Живанши, Лоржи, Илли, Фромель и Армантьер. По на бельгийском фронте немцы взяли Вестенде, Сен-Пьер-Капелль, Лек, Кейем. Тем не менее они не могли переправиться на другой берег Изера.

На среднем течении Вислы и в Галиции бои развертываются. Немцы отброшены от Варшавы еще дальше. По Палеолог все еще жалуется на кампанию молчания, на которую он постоянно наталкивается [1].

---

[1] Из Петрограда, № 756 и 759.

Я послал в военное министерство письменный перечень подробных вопросов относительно переделки ружей образца 1874 г., относительно зимних одеял, армейского сукна, шерстяного белья, кушаков и прочих предметов, в которых вскоре будет надобность ввиду холодного времени года. С каждым днем становится все более очевидным, что война затянется и что нашими зимними квартирами будут обледенелые и грязные окопы.

Понедельник, 19 октября 1914 г.

Наш военный атташе в Мадриде подполковник Тиллион сообщает нам о своей аудиенции у испанского короля. Альфонс XIII разочарован и опечален. Он все еще рассчитывает на нашу победу, но в его окружении, даже в его правительстве, находятся сплошь люди, настроенные не в пользу Франции, и он горько жалуется на их тенденциозность.

По настоянию Палеолога, поддержанным сэром Бьюкененом, Сазонов снова ходатайствовал перед русским главнокомандующим о том, чтобы генеральным штабам союзных армий была дана детальная информация о военных операциях в Польше. В результате великий князь Николай Николаевич обещал послать сведения непосредственно Жоффру и Китченеру. Но депеша, которую он действительно отправил нашему главнокомандующему, не содержит никаких конкретных данных. В ней лишь указывается, что концентрация русских войск на правом берегу Вислы еще не закончена и что понадобится еще много времени, пока русская армия сможет предпринять поход на Берлин. Еще раз, где же тот разрушительный каток, о котором писала оптимистическая пресса?

Вторник, 20 октября 1914 г.

Севернее и южнее Арраса наши войска уже более десяти дней без передышки дерутся за какие-то несколько метров изрытой гранатами территории. Более крупное сражение развертывается на Изере и вокруг Ипра. Из района Реймса наша 4-я дивизия переброшена к Ньюпорту для поддержки левого фланга бельгийцев; на правом фланге их поддерживают наши морские части у Диксмюде. В Ипр подвезена на грузовиках наша 31-я пехотная дивизия. На помощь поспешили также 9-й корпус и бригада сенегальских стрелков. Наши войска объединены в армейскую группу (détachement d'armée) и поставлены под начальство генерала Урбаля. По всему видно, что самые решительные бои будут происходить теперь на полях Фландрии [1].

Среда, 21 октября 1914 г.

Генерал По, возвратившийся из Бельгии и присутствовавший при эвакуации Антверпена, а затем при эвакуации Остенде, говорит мне, что король все время обнаруживал замечательное величие характера. Де Броквилль тоже проявил твердую решимость. Но вокруг них создался в эти критические минуты небольшой затор, который вначале

[1] „La retraite d'Anvers et la bataille de l'Yser" par Marguerite Baulu, avec préface de M. Vandervelde, ministre de l'Intendance de Belgique. Firmin et C-ie, 1918.

мешал командованию. В конце концов все устроилось, и отступление войск произошло в удовлетворительных условиях.

Оганьер лично отправился в Гавр, чтобы наблюдать за размещением королевского правительства, а оттуда поехал в Фюрнес, где обосновалась бельгийская главная квартира. Он тоже рассказывает мне, что нашел короля очень спокойным и твердым, но, несмотря на все, озабоченным относительно судьбы своего народа. „Будет ли, — спросил он Оганьера, — Франция защищать Бельгию до конца?“ — „Да, так же, как и самое себя“, — ответил Оганьер, зная, что никто из нас не скажет другого. Король взволнованно благодарил его.

Вдоль побережья морской министр всюду встречал бельгийских эмигрантов, мужчин, женщин и детей, они везли на тележках свою мебель и пожитки. Бельгийская армия остановилась за рекой Изер, перестроилась и окопалась на равнине. На правом фланге ее стоят наши морские части, а в тылу она опирается на одну из наших территориальных дивизий.

Из умолчаний в телеграмме главной квартиры я узнаю, что мы потеряли Варенн. Нам не говорят этого. Но признаются, что бои идут у Вокуа, который лежит на юг от Варенн. Итак, немцы приблизились к железной дороге, соединяющей Сент-Менегульд с Верденом. Если они продвинутся дальше, они смогут отрезать линию, по которой подвозятся в крепость съестные припасы.

От председателя Парижского муниципального совета Митуара я получил личное написанное в очень достойном тоне, письмо, в котором он выражает опасение, что в результате неоднократных изъятий войск из парижского гарнизона город может остаться без достаточной защиты. Я отвечаю ему, что правительство уже приняло все необходимые меры для устранения пробелов, распорядилось послать в Париж орудия различного типа и создать между нынешней линией фронта и укрепленным лагерем целый ряд оборонительных позиций. В заключение я говорю: „Само собою разумеется, что если бы в ходе войны неприятель вновь оказался поблизости Парижа, на защиту последнего двинута была бы одна из наших армий; мы вместе с вами считаем защиту Парижа безусловно необходимым и священным делом. Лично я проникнут такой благодарностью и любовью к населению Парижа, что не могу остаться равнодушным ко всему, что касается его“.

В конце дня русское посольство известило Делькассе, что оно получило из Петрограда депешу, сообщающую наконец о большой победе под Варшавой; немцы отступают.

Четверг, 22 октября 1914 г.

Бриан и Сарро, которых сопровождает мой брат Люсьен, проникли на восточных окраинах до Вердена и констатировали, что на этих днях форт Дуомон был бомбардирован тяжелой артиллерией неприятеля, о чем главная квартира нас не известила.

Большая дискуссия в совете министров. Я снова подчеркиваю те соображения, которые, на мой взгляд, делают необходимым наше скорое возвращение в Париж. Вивиани, которого я мало-помалу перетянул на мою сторону, высказывается также, как я. Оганьер

энергично меня поддерживает. Рибо считает целесообразным выждать конца ноября. Несмотря на все мои доводы, мне не удалось склонить большинство в мою пользу. Тогда я заявил, что в таком случае на ближайшей неделе отправлюсь в Париж один, что в конце концов декреты должны подписываться там, где нахожусь я, а не там, где находятся министры, и что я требую для себя права возвратиться в Елисейский дворец без соответственного постановления совета министров. Мне отвечают, что долг правительства блюсти мою безопасность, что я „царица (матка) пчел", что я „делаю" министров, что легко сменять членов кабинета, но если бы произошло несчастье с главой государства, это было бы катастрофой. Я возражаю: нет никакого вероятия, что со мной произойдет несчастье, но если бы произошло невозможное и случилось такое несчастье, то кабинет пользовался бы всей полнотой исполнительной власти, пока не был бы провозглашен мой преемник; и наконец что если бы действительно была налицо хотя бы тень риска, то это было бы только лишним мотивом не откладывать более нашего возвращения в Париж. В результате опять решение не из удачных. Мильеран запросит Жоффра, есть ли у него серьезные возражения против отъезда правительства из Бордо, и прибавит, что во всяком случае правительство намерено выехать 15 ноября. Я снова подчеркнул, что лично я не буду дожидаться этого срока для отъезда в Париж и намерен, что бы то ни было, пробыть в Париже несколько дней ближайшей недели.

После заседания я снова возвращаюсь к этому вопросу в разговоре с Вивиани и Мильераном. Они наконец как будто соглашаются со мной, что мы через несколько дней отправимся к бельгийской армии, а также к армиям Мод Гюи и Кастельно.

Двоюродная сестра моей жены, мадам Ледо, вдова парижского коммунального чиновника, писала нам, что с 25 сентября не имеет известий от своего сына Макса, унтер-офицера запаса. Я навел справки в главной квартире. Сегодня вечером я получил извещение, что бедный юноша убит в конце сентября в ночном бою у фермы Года, севернее Реймса. Это был молодой архитектор, подававший надежды, бывший воспитанник Ecole des Beaux Arts. Хотя он только недавно был помолвлен, он отправился на войну в бодром, восторженном настроении. Мы его очень любили. Оплакивая его, мы думаем в этот вечер о его матери и о многих других матерях, уже носящих траур.

Пятница, 23 октября 1914 г.

Я попрежнему стараюсь быть в курсе нашего производства на оборону. Заводы в Сент-Этьенне и Шательльру выпустили с 1 августа первый — сто тридцать шесть, второй — семьдесят восемь пулеметов. Предвидится следующее увеличение выпуска их в конце декабря: на первом заводе вместо нынешних трех пулеметов в сутки — пять, на втором — три вместо двух. Выпуск пулеметов Гочкиса должен начаться в конце ноября. Но мы не скоро достигнем производительности в сто пулеметов в месяц, как это предусматривалось вначале. Мы заказали пятьсот пулеметов в Соединенных штатах и две тысячи в Англии. Генерал Гиршауэр представил мне большую докладную

записку за своей подписью о состоянии нашей авиации. У нас в действии тридцать восемь эскадрилий, не считая одной в составе трех аппаратов Мориса Фармана (она состоит при армии де Лангль де Кари и исполняет различные задания). Все эскадрильи снабжены бомбами, винтообразными снарядами и зажигательными снарядами. Заказаны новые типы. В производственной программе до конца марта предусматриваются самолеты для целей воздушной разведки, самолеты для обслуживания артиллерии и армейских корпусов и самолеты-бомбовозы. Что касается последних, мы рассчитываем достичь в январе выпуска ста аппаратов, в феврале — ста пятидесяти, но это еще очень мало в сравнении с безусловно необходимым. Воздушная защита укрепленного лагеря Парижа обеспечена теперь смешанной эскадрильей из трех вооруженных самолетов Фармана и шести быстроходных самолетов, очень быстро поднимающихся и снабженных автоматическими ружьями; кроме того имеются два зенитных орудия 75-миллиметрового калибра, установленные на автомобилях, и установлены посты с прямым телефонным проводом в Бурже.

Одним из наших самых отважных военных летчиков был Реймон, сенатор от департамента Луары. На-днях при перелете над неприятельскими позициями севернее Туля он был тяжело ранен. Ему пришлось сделать вынужденную посадку впереди линии нашего фронта, и, чтобы выручить его, наши войска должны были вступить в жаркий бой. Смертельно раненый, он тем не менее в состоянии был сообщить результаты своей разведки. Он был перевезен в Тульский госпиталь, где Бриан и Сарро видели его в агонии.

Полковник Пенелон рассказывает мне о новых планах главнокомандующего: об атаке армии Мод Гюи, новом наступлении в Эльзасе. Однако ничего конкретного на ближайшие дни. Я хотел бы наконец отправиться к нашим армиям, причем возможно скорее, так как в настоящий момент я не рискую помешать кому-либо ни в центре, ни на востоке. Крупные бои ведутся теперь только вокруг Ипра, где генерал Фош отдал приказ о генеральной атаке. Но из-за Вивиани, Мильерана и Жоффра я смогу осуществить свой замысел только через восемь — десять дней.

Главнокомандующий очень жалуется на Френча, который, по его словам, неохотно решается на выступление и — тоже по словам Жоффра — мог бы третьего дня взять обратно Лилль без боя. Жоффр даже опасается, что Френч, озабоченный в первую очередь защитой своих морских баз и особенно Кале, отступит к этому городу. Он желал бы замены Френча генералом Вильсоном, сотрудничество которого является весьма ценным для генерала Фоша.

Подтверждается известие, полученное от русского посольства: немцы отступают на юго-запад от Варшавы, на запад от Ивангорода и Новой Александрии. В Галиции продолжаются ожесточенные бои[1].

...На сегодняшнем заседании совета министров Вивиани прочитал нам телеграмму специального комиссара в Сербере, сообщающую „из надежного источника“, что барселонские немцы готовят на меня покушение. Когда я с мадам Пуанкаре в первом часу дня отправился

[1] От Палеолога от 23 октября, № 793.

на нашу ежедневную прогулку в саду, любезно предоставленном нам Руа де Клоттом, я нашел у входа в сад целый отряд агентов на велосипедах. Садовник был очень испуган посещением агентов охранной полиции. Меня охраняют так бдительно, что чуть ли не лишают меня свободы. „Пчелиная матка" не должна покидать свой улей.

Суббота, 24 октября 1914 г.

Вместе с Вивиани, Мильераном и генералом Леграном посетил лагерь в Суж. Палатки разбиты среди сосен, в очень живописном месте, на песчаной почве. Здесь размещены солдаты территориальных войск и молодые новобранцы призыва 1914 г. У всех них хорошая выправка, но учение, произведенное в нашем присутствии на соседнем поле, показывает нам, что учеба еще далеко не на высоте и что офицерский состав оставляет желать лучшего. Солдаты не умеют маршировать; продвигаясь вперед прыжками, они не ищут прикрытия, поступают так, как это делалось прежде, и не считаются с уроками последних месяцев, не знают их. Дело надо начинать сначала, говорит генерал Легран и обращается к офицерам с суровой критикой по поводу этого неудачного учения.

Воскресенье, 25 октября 1914 г.

Наша атака перед Ипром отбита неприятелем, имевшим на своей стороне численное превосходство; немцам даже удалось переправиться через Изер между Ньюпортом и Диксмюде. Кроме того в своих радио они хвастают, что заняли Армантьер и Бейлель.

Вивиани, замещающий отсутствующего министра внутренних дел Мальви, сообщает на заседании совета министров об инциденте, который вызван был присутствием в одном из парижских ресторанов Кайо, мобилизованного на фронт в качестве офицера-казначея. Узнанный несколькими лицами, он, кажется, подвергся оскорблениям действием со стороны толпы. Полиция должна была вмешаться, чтобы избавить его от непростительных актов насилия. Два социалиста, Груссье и Кашен, рассказали об этом происшествии группе депутатов Сенского департамента; как сообщает в письме Галли, они без всякой снисходительности отнеслись к позиции и речам Кайо, который, даже в военной форме, резко, а главное пессимистически отзывается о правительстве.

Понедельник, 26 октября 1914 г.

Поль Камбон телеграфирует, что студенты университета в Глазго единодушно избрали меня лордом-ректором. Когда англичане и мы одержим победу, я поеду в Глазго поблагодарить за этот выбор.

Немецкие войска, переправившиеся через Изер между Ньюпортом и Диксмюде, не могли двигаться дальше. На запад от Вислы и севернее Пилицы немцы отброшены к Ловичу, Скерневицам и Раве. Итак, Франция, Бельгия и Россия имеют теперь небольшую передышку.

Сегодня в Париже состоялось годичное заседание пяти академий под председательством Поля Аппеля. Оно прошло с большим подъемом. Аппель, Рене Думик, Гомолль, Лакур Гайе произнесли прекрасные патриотические речи, а я не имел права присутствовать там и рукоплескать им.

Вторник, 27 октября 1914 г.

Во избежание новых инцидентов Мильеран предпочел не удерживать Кайо в рядах армии и предоставил его в распоряжение министра финансов; в свою очередь Рибо, чтобы утолить его жажду личной деятельности, предоставил его в распоряжение министра торговли Томсона, который намерен дать ему поручение за океаном.

Чтобы задержать немцев на Изере, бельгийское правительство распорядилось затопить всю местность между рекой и железнодорожной насыпью. Шлюзы у Ньюпорта были открыты, и вода послушно преградила дорогу неприятелю.

Среда, 28 октября 1914 г.

Возвратившиеся из своей поездки в восточные окраины, Бриан и Сарро оба вполне определенно говорят о том, что в Париже ведется глухая кампания против моего отъезда и моей неподвижности. Они одобряют мое желание возвратиться возможно скорее к армиям на фронте, и в конце концов им удалось убедить совет министров, что я был прав. Наконец поняли, что я был прав и что меня слишком долго связывали по рукам и ногам.

Итак, правительство согласно, чтобы я отправился сегодня вечером в Париж вместе с Марселем Самба, который в восторге, что будет меня сопровождать, и Рибо, который отказался от мысли пробыть в Бордо до последних чисел ноября. Мильеран тоже приедет потом в Париж, и мы вместе с ним отправимся в Дюнкирхен и Фюрнес.

Правда, Жоффр снова писал Мильерану, что преждевременное возвращение правительства в Париж может, по его мнению, стеснить нас в наших военных операциях. Он не возражает против нашего возвращения в Париж примерно 20 ноября, но он желал бы, чтобы мы выждали этот срок. Нет, нет, я и без того слишком медлил. Я распорядился известить бельгийское правительство и короля Альберта о своем предстоящем посещении. Кроме того я и Мильеран встретимся в воскресенье в Дюнкирхене с лордом Китченером. Поль Камбон, информированный Делькассе, устраивает это свидание, на которое будут приглашены Жоффр и Френч. Впрочем Жоффр, кажется, уже не требует назначения Вильсона на место Френча, чего бы нам конечно не удалось добиться.

Из главной квартиры нам телефонируют: „Армия Дюбайля заметно продвинулась вперед в лесу Лепретр, в лесу Айли и Апремонском лесу. Неприятель усиленно бомбардировал участки Сампиньи, Мекрин и Марботт". Что станет теперь с моими злосчастными коммунами в департаменте Мааса, жители которых вынуждены были оставить их и дома которых очутились теперь в непосредственной близости к линии огня? Увы, эти коммуны обречены на страдальческий удел и будут превращены в развалины. Марботт, Мекрин, Сампиньи — что останется от этих деревень, которыми когда-то ограничивался мой горизонт и близ которых я знал счастье?

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В укрепленном лагере Парижа. — Встреча с лордом Китченером в Дюнкирхене. — Фош и маршал Френч. — Визит бельгийскому королю. — В Касселе и Брюэ. — В гостях у армий Мод Гюи и Кастельно. — Снова в Бордо. — Разрыв с Турдией. — Артиллерийский и авиационный материал. — Битва во Фландрии. — Снова отъезд из Бордо.

Четверг, 29 октября 1914 г.

Вчера вечером выехал с министром финансов Рибо и министром общественных работ Марселем Самба поездом из Бордо, сегодня утром прибыл на вокзал инвалидов и немедленно отправился в Елисейский дворец, все еще пустынный и унылый, с голыми стенами. Моя преданная Бабетт, собачка-бриарка с длинной шерстью, весело приветствовала меня.

Принимаю в своем рабочем кабинете сначала военного губернатора, затем префекта Сены. Генерал Галлиени кажется мне теперь несколько склонным к критике. Однако при всем том его замечания заслуживают внимания правительства и моего. Фронт слишком растянут, говорит он, завеса наших войск слишком слаба, „из кружева“. Он убежден, что немцы бросят во Францию еще значительные новые силы. Я отвечаю, что мы вынуждены держать всю линию фронта от моря до Швейцарии, так как у союзников нет более мощных эффективов. Мы должны, продолжает он, спешно создать территориальные дивизии; он считает, что их легко отправить в Париж и вверить его начальству. Берется обучить их и отправлять их на фронт, по мере того как их будут требовать от него. Он сурово отзывается об „инерции“ канцелярий военного министерства.

Деланнэ сообщает мне, как мне кажется, не без доли злорадства, о кампании, которую, по его словам, ведут против меня „консервативная буржуазия и в частности круги адвокатуры и суда“. Мне, как говорит он, не делают никаких конкретных упреков, но эти господа в плохом настроении и, естественно, ополчаются против меня. Это настроение, быть может, в большей мере результат расстройства экономической жизни, пролонгации моратория, застоя в делах, нежели ужасов войны. Оно проявляется в мягких, но непрекращающихся насмешках над „правительством в Бордо“, причем олицетворением правительства охотно считают президента республики.

Извещенный офицерами связи о моем приезде в Париж, генерал Жоффр тоже явился провести со мной часок. Он, как всегда, вполне владеет собой, и его умышленный оптимизм нисколько не расстроен длительностью операций и их неопределенным характером. Он продолжает считать, что правительство не должно возвращаться теперь в Париж; но приводимые им аргументы не кажутся мне безусловно убедительными, и я не скрываю от него своего мнения. Он теперь спокойнее, чем в последнее время, в вопросе о военном материале и снаряжении, хотя медленность производства все еще приносит разочарования. Он был в большой тревоге насчет событий в Бельгии, но послал Фошу одно за другим подкрепления и считает, что с этой стороны опасность устранена. Он поедет со мной в воскресенье в Дюнкирхен и в понедельник в Фюрнес. Лорд Китченер велел передать мне, что будет счастлив встретиться с Жоффром, Мильераном и мною.

Чтобы прощупать немного ту недовольную буржуазию, о которой мне с такой настойчивостью говорил префект Сены, я поехал в академию. Я отправился туда в обществе моего друга Эжена Брие, который на-днях уезжает в Соединенные штаты и берет от меня рекомендательное письмо к президенту Вильсону. Он сообщил мне, что сегодня академия будет редактировать ответ на манифест девяноста трех представителей немецкой интеллигенции [29], пытавшихся возложить на союзников ответственность за войну, и сказал, что многие из моих собратьев по академии желали бы знать мое мнение относительно предполагаемого текста ответа. У меня не было ни малейших возражений по поводу прочитанного мне текста. Он составлен Эрнестом Лависсом, и академия приняла его единогласно. Марсель Прево, служащий теперь в чине артиллерийского капитана в укрепленном лагере, явился в форме, чтобы выполнить свою роль председателя академии и председательствовать на заседании. Пьер Лоти, который благодаря Галлиени тоже снова надел свой мундир морского офицера, принес нам на это мирное собрание помощь от флота.

Некоторые академики, и я в том числе, были того мнения, что после нашествия немцев на Бельгию избрание в академию такого писателя, как Метерлинк, имело бы важное значение в глазах всех дружественных народов. Однако Лависс сообщил мне, что Лами и другие академики противятся этой кандидатуре. Они находят, что Метерлинк является скорее представителем немецкого духа, чем французского, и кроме того ссылаются также на то, что некоторые его книги включены в индекс — возможно даже, что в этом заключается основной мотив их оппозиции. Если избрание не может быть единогласным, то конечно лучше отказаться от нашей идеи и не воздавать Бельгии почести, которая подверглась бы оспариванию.

В конце дня Госсорг, вице-председатель ассоциации парламентских журналистов, сказал мне, что в палате, где слоняется несколько праздных депутатов, мне делают упрек в том, что я посвятил первый день своего пребывания в Париже академическим пустякам. Быть может они правы. Но строгая конституция не раз-

решает мне прогуливаться по кулуарам Бурбонского дворца. А затем манифест девяноста трех пожалуй вовсе не является такой уж мелочью.

Пятница, 30 октября 1914 г.

Вместе с министром общественных работ Марселем Самба инспектировал различные военные учреждения, работающие на распределительных пунктах вокзалов в Нуази-ле-Сек и Пантэн. В Нуази нас обступила толпа, проявлявшая весьма благожелательное отношение к нам. Самба приятно удивлен оказанным нам приемом. „К счастью, — говорит он, — взгляды народа нисколько не походят на взгляды некоторых народных представителей". Мы с интересом осматриваем в помещениях вокзала аптеку и помещения военной врачебно-санитарной части. Мы осматриваем почтовые вагоны, продовольственные склады интендантства, груды припасов и консервов, отбросы и обломки, подобранные на полях сражения артиллеристами и саперами. В Пантэне остановился санитарный поезд. Я вхожу в вагоны, подолгу беседую с ранеными; у них и здесь только одна забота — поскорее выздороветь, чтобы вернуться на фронт. На военном кладбище в Пантэне я возложил венок. Дождь моросит на свежие могилы. Много родственников; они молятся за умерших и имеют вид людей, примирившихся со своей судьбой.

После обеда другие посещения. Мы были в госпитале Божен, в лазаретах в большом дворце на Елисейских полях, в лазарете, устроенном академией на площади святого Георгия в отеле Тьера; в административном комитете лазарета академии участвуют Фредерик Массон, Габриель Ганото, Эмиль Пикар и другие „санитары" с громким именем. Фредерик Массон с добродушной ворчливостью не скрывает от меня, что не одобряет нашего отсутствия из Парижа. „Я тоже, — отвечаю я ему смеясь, — но попробуйте убедить военные власти. Думаю, они ни в чем не смогут отказать историку Наполеона". Я спрашиваю его мнения, что́ лучше передать мне для раненых: знаки внимания или деньги? „Несколько знаков внимания, — говорит он, — и побольше денег". Я, как могу, исполняю это категорическое указание.

В конце дня я с Рибо и Самба отправились на главную почту ознакомиться с работой ее гражданских и военных отделов. Не проходит дня, чтоб я не получал очень резких жалоб против полевой почты и не сообщал о них военному министру. Все попытки реформ не привели до сих пор ни к какому результату. На главную почту ежедневно поступают более девятисот тысяч писем, адресуемых на фронт. Тем не менее почтовые работники утверждают, что теперь всякая волокита уже изжита и только заказные отправления приходят с запозданием на восемь дней, но и это скоро будет приведено в порядок.

Перед зданием главной почты сгрудилась большая толпа прохожих и любопытных, которые приветствуют нас при нашем выходе. Очевидно парижане в целом не питают к правительству злобы за его долгое отсутствие. Однако ругательные письма продолжают поступать, министров и меня продолжают называть „мародерами" и

находящимися „в бегах“ — потому только, что правительство считало своим долгом подчиниться требованиям военной власти. Истории нелегко будет уничтожить эту дешевую, ядовитую легенду.

Суббота, 31 октября 1914 г.

Утром садимся с Галлиени в автомобиль и объезжаем восточный и северный участки укрепленного лагеря. Галлиени продолжает сурово отзываться о работе военного министерства и жаловаться на то, что не сформирована территориальная армия. Каждый раз, когда я обращаюсь к Мильерану, он отвечает мне, что мы формируем новые дивизии, как только собираем необходимый для учебы командный состав, но в последнем все более чувствуется недостаток. Галлиени признает сложность проблемы, но высказывает опасение, что военная администрация не видит всей важности этой проблемы. Мы проезжаем через Мо, и Галлиени показывает мне за городом окопы, которые немцы вырыли в тот момент, когда против их ожидания начались битвы на Урке и на Марне. Хотя эти окопы созданы наспех, они глубоки и устроены по всем правилам искусства. Затем генерал подвез меня к окопам, которые по его приказанию вырыты за последние два месяца. Работы велись весьма энергично, и я поздравляю с этим Галлиени.

„Мы, — говорит он, — изучили первые военные события и извлекли из них положительные уроки, которыми и руководствовались. Мы уже не рассматриваем те укрепления, которые предусматриваются в старых планах, как крайнюю линию укреплений. Мы старались отодвинуть линию сопротивления как можно дальше от города. С этой целью мы подготовили позиции, которые в случае надобности должны были быть заняты отчасти мобильным гарнизоном, отчасти полевыми армиями. На основе этой концепции, плода опыта, нами уже построена линия укреплений от Терена до Отомна. Слева она упирается в мостовое укрепление, построенное нами севернее Бове; справа она тянется до Лонгпон и долины Савьер. На известных промежутках она снабжена защитными сооружениями; мы возвели их вдоль Терена, южнее Бове, вдоль Уазы, между Крейль и Вербери, вдоль Отомны и наконец на северных опушках лесов Виллерс-Коттере и Ретцского. Все эти работы были выполнены исключительно войсками укрепленного лагеря. Кроме этих линий мы решили создать еще одну, которая позволила бы в случае надобности перенести поле военных действий еще дальше. Она теперь строится. Я сейчас покажу вам ее. Слева она упирается в Эпт, справа — в Урк. Как вы увидите, работы уже подвинулись далеко вперед. Мы употребили на них войска укрепленного лагеря, а также пятнадцать тысяч безработных рабочих, которым мы дали работу“. Одновременно Галлиени передал мне несколько докладных записок; одна из них, с чертежами в тексте, содержит данные по устройству окопов, нормы их ширины и глубины, подчеркивает неудобство слишком прямолинейных направлений и профилей с резкими выступами, указывает лучший способ устройства сообщений и прикрытий. По всему, что говорит Галлиени, видно, что это человек порядка и методичности.

Во второй половине дня я принимал в Елисейском дворце Этьенна Лами, непременного секретаря французской академии. Он весьма лойяльно объясняет мне, по каким соображениям он является противником кандидатуры Метерлинка. В Бельгии католическое правительство. Мы рискуем возбудить его недовольство. Зато Лами считает, что после войны мы можем принять в академию союзных государей, причем он, волнуясь, говорит о победе, как о чем-то реальном, уже находящемся в наших руках.

Массар, вице-председатель муниципального совета и редактор „La Patrie", в форме капитана территориальных войск, с грустью говорит мне, что Париж начинает отделяться от правительства и меня; в трамваях ведутся неприятные разговоры; война причиняет много бедствий; газеты жалуются на цензуру; можно ожидать беспорядков в тот день, когда будут отменены вспомоществования семьям мобилизованных. Я отвечаю Массару, что они не будут отменены до заключения мира и даже тогда не будут отменены сразу. Тем временем Рибо вынужден изобретать новые способы для приведения бюджета в равновесие, так как считает затруднительным требовать новых налогов от налогоплательщиков, которые почти все находятся на фронте. Нам придется жить на ссуды Французского банка и на эмиссию бонов национальной обороны. Это конечно не является безупречным финансовым режимом, война заставляет нас входить в долги, которые рано или поздно лягут тяжелым бременем на наше народное хозяйство и нашу валюту.

Воскресенье, 1 ноября 1914 г.

В половине девятого утра приехал из Бордо Мильеран. Мы немедленно отправились в Дюнкирхен — Мильеран, Рибо и я. Ехать поездом не представляется возможным. Все пути забронированы в настоящий момент для перевозок войск; происходят интенсивные транспорты войск во Фландрию. Поэтому мы отправляемся в путь на автомобилях военного министерства. До Амьена я прошу Рибо сесть в мою машину. Завтра утром он должен расстаться со мной в Дюнкирхене и отправиться в департамент Па-де-Кале, который он представляет в сенате. Он сегодня в ударе и изливает предо мною свою душу. О работе военного министерства отзывается с такой же суровостью, как Галлиени. Он находит — и говорит, что мнение его разделяют некоторые другие министры: Оганьер, Сарро, Самба, — что в военном министерстве есть какая-то сила инерции, которую надо сломить... Мы едем среди восхитительного ландшафта, листья деревьев позолочены осенью, небо прозрачно голубое. А там, на фронте, люди убивают друг друга по воле двух высокомерных и ослепленных монархий.

Завтракаем в Амьене, в тихом Рейнском отеле, в котором я некогда останавливался с мадам Пуанкаре, когда выступал здесь в суде. Счастливые времена, безвозвратно минувшие. Две ручные чайки, меланхолически купавшиеся тогда в брызгах садового фонтана, еще здесь, они прохаживаются со степенным видом и тоскуют по морю. С нами завтракает приехавший из ставки Жоффр. Над городом

летает нескромный, но безобидный наблюдатель, немецкий аэроплан „Taube". В четверть второго я с Рибо, Мильераном и Жоффром уезжаю из Амьена в четырехместном автомобиле. Главнокомандующий, как всегда, спокойный и улыбающийся, выслушивает без видимого разочарования сообщения военного министра о темпах заводов, работающих на оборону, к сожалению все еще очень медленных. Всюду, где мы проезжаем — в Сен-Поле, в Сент-Омере — большое оживление. Вот Туссен: жители толпой отправляются с цветами на кладбище, где с каждым днем растет число свежих могил. Близ Сен-Поля неприятельский самолет, жужжащий над нашими головами, сбрасывает бомбу в сотне метров от автомобиля, на котором следуют за нами наши офицеры. Обошлось без несчастного случая. На дорогах множество английских, бельгийских и французских транспортов под военным конвоем. Мы приезжаем в Дюнкирхен к пяти часам вечера и останавливаемся у приятеля г. Теркема, мэра города и капитана пехоты.

С 23 сентября Дюнкирхен защищен от неприятельского нашествия естественным оружием, к которому он так часто прибегал в своей истории, — наводнением. Воды Изера выведены в район Моэр; воды Аа тоже разлились в равнину; вокруг города, наподобие Берга, простирается водяная скатерть приблизительно в восемь тысяч гектаров. Не без чувства глубокого волнения я въезжаю в этот знаменитый город Жана Барта, население которого встречало меня два раза в минувшем июле — первый раз с столь жизнерадостным энтузиазмом, второй раз — с столь благородной серьезностью и доверием. Начиная с середины октября над городом неоднократно появлялись неприятельские аэропланы, сбрасывали бомбы и убивали жителей. Три дня назад две бомбы упали близ ратуши, которая служит теперь резиденцией главы бельгийского правительства (он же военный министр Бельгии) барона де Броквилля. Надписи на многих подвальных помещениях указывают, что последние предназначены городским управлением в качестве убежищ для прохожих, застигнутых бомбардировкой [1].

Лорд Китченер явился на назначенное нами свидание [2]. Это человек высокого роста, с энергичным лицом, живыми и пронизывающими глазами под резко очерченными дугами бровей, коротким, слегка курносым носом, густыми, закрученными вверх усами, крепкими скулами и тщательно выбритым подбородком. Он носит генеральскую форму защитного цвета, явился без пышной свиты и говорит с нами просто и задушевно. Мы сразу приступаем к делу. Китченер говорит нам, что английская артиллерия располагает теперь только шестьюстами снарядов на орудие и что в Англии до сих пор производится только двадцать тысяч снарядов в неделю, приблизительно на четыреста восемьдесят орудий. Он даже высказывает пожелание, не могли ли бы мы дать заимообразно несколько орудий английской армии. Рассмотрев этот вопрос и согласовав его с Жоф-

[1] „Dunkerque, ville héroïque" par Henri Malo, Perrin et C-ie, 1918.
[2] „Life of lord Kitchener by sir George Arthur, vol. III, p. 74. Macmillan and C°, London.

фром, Мильеран обещает триста орудий 90-миллиметрового калибра. Английский министр считает немецкое наступление, развертывающееся во Фландрии, грандиозным и полагает, что оно еще разовьется с помощью новых военных средств. „Я боюсь, — говорит он нам без обиняков, — как бы английская армия, еще слишком малочисленная, не дрогнула под таким ударом. Мы рассчитываем на вашу поддержку". Действительно, как сообщил нам Жоффр, англичане на этих днях несколько подались назад. Они очень храбры. Но после двухдневного или трехдневного боя они приступают к перегруппировке, сменяют свои ряды, и неприятель пользуется этим, чтобы возобновить свои атаки с удвоенной силой. На это жалуется также Фош, который тоже явился в Дюнкирхен для совещаний с Китченером и с нами.

С 4 октября Фош, как я уже упоминал, — заместитель главнокомандующего. 25 октября он перенес свою штаб-квартиру из Дуллана в Кассель. В то время когда он приступил к своим новым обязанностям, немцы уже старались обогнать нас и притти первыми к морю. Чтобы догнать и перегнать их, наши войска одни за другими направлялись к Сомме и По-де-Кале. Маршал Френч, выразивший желание приблизить английскую армию к ее морским базам, концентрировал войска в районе Газебрука и Сент-Омера; все настоятельнее являлась необходимость согласовать операции этих войск с операциями наших и бельгийских войск. Эта деликатная задача выпала на долю Фоша; это была первая попытка единого командования, попытка еще очень робкая и несовершенная. Во всяком случае этот опыт не пропадет даром, и в один прекрасный день, в марте 1918 г., англичане и французы с пользой вспомнят его урок.

Привлеченный обширной равниной Фландрии, где в течение веков разрешалось так много войн, Фош вначале, в первой половине октября, намеревался бросить франко-британские войска на Менен и Куртрэ. Однако падение Антверпена, последовавшее 9 октября, заставило Фоша отказаться от этого заманчивого проекта, и вместо атаки он должен был подготовлять оборону и обеспечить отступление бельгийской армии. Неприятель дошел уже до дюн и подступил к Ньюпорту. Тогда Фош делает мастерский шаг и бросает на позиции 42-ю дивизию, ту самую, которую он так смело послал в обход Сен-гондских болот в сражении на Марне. Она без единой остановки пришла к бельгийской границе и получила задание от Фоша служить опорой бельгийцам в Ньюпорте и на Изере. Таким образом шесть бельгийских дивизий, остановившихся на одной линии, оказались в состоянии сохранить за своим отечеством клочок территории, за который они уцепились, как за эмблему национальной независимости. Отныне фронт союзников во Фландрии построен более прочно: на правом фланге — англичане, в центре — французы, бельгийцы — на левом фланге, а 42-я дивизия — на крайнем левом фланге близ моря, где стоят на страже английские мониторы и контрминоноски. Наши войска тоже получили в разное время подкрепления: 11-й, 16-й 32-й и 20-й корпуса. 22 октября генерал Фош по согласованию с нашими бельгийским и английскими союзниками отдал приказ к наступлению, чтобы предупредить и расстроить большую немецкую

атаку, в близости которой он все более убеждался. Это было возобновление битвы на Изере, за которой вскоре последовало сражение под Ипром.

В первых же боях мы были остановлены немцами, которым удалось перебросить одиннадцать мостиков через Изер. Тогда, 27 октября, гений бельгийцев открывает шлюзы, и натиск неприятеля разбивается о силу воды. Фош рассказывает мне все эти подробности с большой скромностью и простотой. Он сообщает мне также про инцидент, происшедший третьего дня и сильно его взволновавший. Вечером 30 октября он вдруг узнал, что неприятель одним ударом разорвал завесу британской кавалерии и завладел Рамскапелль и Голлебек. Фош помчался в полночь к маршалу Френчу и разбудил его. „Есть у вас резервы?“ — спрашивает Фош. — „Увы, нет“, — отвечает Френч. — „Я вам пошлю их. Продержитесь, пока они подойдут“. — „Я сделаю, что возможно“. В два часа утра Фош вернулся в Кассель и отдал приказ о посылке подкреплений для английской армии. По 1-й британский корпус был почти уничтожен. Маршал Френч собирался уже отозвать свою артиллерию и даже перейти в отступление. Фош мчится в Вламертинге и вызывает к себе Френча. „Верьте мне, — говорит он Френчу, — если мы обнаружим свою слабость, мы будем сметены, словно соломинки. Удерживайте, чего бы это ни стоило, ваш 1-й корпус на его позиции. Я брошу в атаку французские войска на правом и левом флангах“. Фош схватил с конторки листок бумаги, набросал на нем в четырех строках свой план и протянул записку Френчу. Тот прочитал ее, написал от себя несколько слов, позвал своего офицера-ординарца и сказал ему: „Отнесите этот приказ“. Катастрофа была предотвращена [1]. Правда, немцам еще удалось вчера, 1 ноября, взять Мессин и Витшаэтэ, но в конце концов неприятель был остановлен. Фош с большой похвалой отзывается о храбрости англичан; но они, по его словам, все еще как бы смешивают войну с крупным спортом и воображают, что на войне можно по своему усмотрению выбирать часы боя и часы отдыха. Между тем неприятель не ждет. Настала пора, когда наши союзники должны отказаться от этой манеры или же получить смену. Сам Китченер при всем своем хладнокровии признается нам, что не без некоторой тревоги думает об участи небольшой английской армии. Фош обещает ему поддержку французских войск, но присовокупляет: „Пошлите нам как можно скорее дивизии, формируемые вами“. — „Через восемнадцать месяцев во Франции будет миллион английских солдат“, — говорит Китченер. — „Восемнадцать месяцев! Лучше пошлите меньше солдат, но скорее!“ По английский министр отвечает, что он должен все предусмотреть; не исключена возможность попытки высадки немецких войск в Англии, поэтому необходимо оставить некоторые силы в Англии. Кроме того необходимо обучить новобранцев, прежде чем посылать их во Францию. Китченер говорит, что нашел английское военное министерство совершенно неподготовленным и должен все организовать экспромтом. Одним словом, он снимает во Франции

[1] „Réception du maréchal Foch à l'Académie française“, séance du 5 février 1920. Librairie académique Perrin et C-ie.

помещения на два года и обещает нам, что английские войска будут прибывать мало-помалу, начиная с настоящего момента и до истечения этого срока. Тем временем те, которые уже на месте, будут всеми силами помогать нам противостоять натиску неприятеля. „Два года, два года, — замечает мне Рибо, — неужели он думает, что война продолжится два года?“

Бельгийский премьер де Броквилль, который предпочитает не уезжать к правительству короля в Гавр, а оставаться близ короля и армии, — человек совершенно иного склада, чем Китченер. Это не военный, а штатский человек, элегантный, с загорелым, выразительным лицом, черными глазами, плавной речью и улыбкой на устах; однако у него, как и у Китченера, тоже чувствуются энергия и решимость, большая внутренняя сила, неугасающий внутренний огонь. Мало того, он на вид гораздо менее пессимистичен, чем его британский коллега. Фош, как и я, боится, что Китченер не совсем уверен в долготерпении французов и считает нас неспособными к начинаниям на долгий срок. Перед обедом и за обедом Фош без устали повторяет Китченеру: „Мы будем держаться, будем держаться до конца“. Как мне кажется, английский министр несколько успокоился насчет наших диспозиций. Под наружным спокойствием и — даже можно сказать — безразличием он тоже скрывает непоколебимую волю; не обладая экспансивным энтузиазмом, он будет служить союзным нациям своей упорной энергией.

Я оставляю на обед лорда Китченера, де Броквилля, французских министров, присутствующих генералов и мэра города. Разговор между ними принимает более задушевный характер и продолжается до позднего вечера.

Понедельник, 2 ноября 1914 г.

День мертвых[1]. Но теперь каждый день — день мертвых. Немцы продолжают свой неистовый натиск в направлении Кеммеля, но им более не удается продвинуться вперед.

Рано утром мы с Мильераном выезжаем из Дюнкирхена по дороге, ведущей в Бельгию. Дороги переполнены тележками, повозками, линейками, перевозящими эмигрантов всех возрастов с их мебелью, гардеробом, бельем, продуктами. Зрелище отчаяния, ужаса и нужды. Повсюду встречаются также солдаты, французские, английские и бельгийские, одни в строю, другие на отдыхе на своих стоянках. Мы переезжаем границу и приезжаем в Аденкирк, где жалко плетутся в грязи сотни военных и штатских. С своей обычной любезностью король Альберт приехал сюда, чтобы встретить нас на бельгийской территории. Он в походной форме, на его черном гусарском ментике приколота французская военная медаль, другие знаки отличия отсутствуют. Благожелательным, скромным, почти робким тоном он благодарит меня за мое посещение и воздает хвалу нашей армии, особенно же 42-й дивизии, которая послужила прикрытием для левого фланга бельгийцев, и морским частям, которые поддержали их на правом фланге. „Я не скрываю от себя, — скромно заявляет он

[1] 2 ноября — католический праздник поминовения усопших, — *Прим. перев.*

мне, — что это они дали мне возможность защитить от нашествия неприятеля небольшой уголок бельгийской территории". Я отвечаю ему, что Бельгия в своей лойяльности дала в первый момент Франции, захваченной врасплох немецкой агрессией, время концентрировать свою армию и привести себя в состояние обороны. Таковы были первые приветствия, которыми мы от имени наших стран обменялись без пышного церемониала в утопающей в грязи деревушке Фландрии.

Король посадил меня в свой автомобиль. Мильеран, Жоффр, Дюпарж и офицеры следуют за нами в других автомобилях. Так поехали мы свежим осенним утром вдоль фламандских дюн к небольшой вилле на песчаном пляже Ла-Панн, где вот уже несколько дней королева Елизавета устроила свою военную резиденцию. То, что жители прибрежной полосы в Бельгии называют Панн, очевидно является параболическим углублением почвы, там и сям образующимся в цепи дюн под двойным действием моря и ветра; центр его имеет тенденцию все более отодвигаться к суше, тогда как оба крыла, напротив, вытянуты вперед. В этом скромном убежище бельгийская королевская чета укрывает будущее благородного народа. Я вхожу. Светлый салон, очень простая обстановка. Королева в белом платье встречает меня с бесконечной любезностью. Тонкая и хрупкая, она, казалось бы, должна была быть сломлена разразившейся бурей; но она обладает душой, которую ничто не в состоянии сломить. Она всецело отдалась своему мужу, своим детям, Бельгии. Она живет только для семьи и для своей второй родины. Королева осведомляется у меня о мадам Пуанкаре, о Париже, Бордо, Франции, с мужественной решимостью говорит мне о войне, и чувствуется, эта решимость бесповоротна и никогда не дрогнет. Юные принцы и принцесса находятся в Англии. Она ежедневно телеграфирует им по кабелю, конец которого — с благодарностью подчеркивает она — охраняется нашими территориальными войсками. На этом морском пляже, залитом радостными лучами солнца, картина королевского несчастья, переносимого с такой стойкостью, имеет одновременно нечто грандиозное и умиляющее. Когда я собирался проститься с королевой, она попросила у меня разрешения сфотографировать короля и меня перед виллой среди дюн. Потом она переслала мне эту фотографию, и я буду хранить ее с благоговением как воспоминание об этом тяжелом времени. Когда мы приготовились отправиться в Фюрнес, приехали Жоффр и Мильеран. Я представил их королеве; Жоффр в нескольких словах говорит ей о своей вере в победу и о своих надеждах. Я тоже повторяю, что Франция не сложит оружия, пока Бельгия не будет освобождена, и, говоря это, чувствую, что даю торжественную клятву от имени всех своих соотечественников.

Мы садимся в открытый автомобиль и быстро едем по однообразной, обледенелой равнине к древнему городу, который некогда разгромили вандалы и которому теперь снова угрожают испытания его молодых дней. Вчера он подвергся бомбардировке. Сегодня утром мы видим на небе два или три неприятельских аэроплана; они летают над городом очевидно только в целях разведки: ни одна бомба не испортила прекрасного приема, устроенного мне в городе.

На живописной площади перед ратушей выстроились с одной стороны эскадрон французских конных стрелков, взвод нашей пехоты и один из наших военных оркестров, ничего больше — наши солдаты на фронте; на другой стороне выстроились бельгийские солдаты; их несколько больше. Когда мы подъехали, бельгийский оркестр заиграл „Марсельезу", французский играет в ответ „Брабансону". В окнах и всюду кругом площади собралась толпа, приветствующая нас несмолкаемыми криками: „Да здравствует Франция! Да здравствует Бельгия!". Король и я объезжаем войска. При мысли, что они стоят здесь так спокойно, с таким достоинством, в промежутке между двумя боями, я еле сдерживаю свое волнение. Затем мы направляемся в ратушу и по старой витой лестнице поднимаемся в большой зал коммунального совета. Король указывает мне на скромные осенние цветы, заказанные у единственного во всем районе садовника, который продолжает еще заниматься своей профессией. В огромном камине пылает яркий огонь. Несколько минут король, Мильеран, Жоффр и я беседуем стоя; мы говорим о прошлом, настоящем и будущем. Ведь Фюрнес стал для Бельгии своего рода временной столицей, в которой сохраняются национальные традиции и подготовляются будущие акты реванша. Ведь с высоты колоколен святого Николая и святой Вальпургии взор охватывает обширную равнину, на которой вместе с судьбами бельгийской нации решаются судьбы Франции и человечества... Я с сожалением покидаю этот город-символ, где сердце мое билось так сильно. Король пожелал проводить меня в автомобиле до границы. В пути он еще раз повторяет передо мной уверения в своей верности нашему общему делу. Я снова выражаю ему свою преданность и свое восхищение.

Простившись с королем, мы уезжаем в Кассель, где находится штаб-квартира генерала Фоша. По дороге мы делаем остановку в лагере алжирских кавалеристов. Они размещены за изгородями больших ферм. Это красивые люди с коричневым цветом лица, на них тюрбаны и серые плисовые кафтаны; повидимому они не очень страдают от нашего климата в это время года. Я раздаю военные медали тем из них, которые представлены для этого отличия, и вручаю офицерский крест Почетного легиона полковнику дю Жонкэ, командиру этих кавалеристов. Когда я расхаживал между лошадьми и палатками, меня узнали местные крестьяне, и дети поднесли мне букеты хризантем. Ноябрьские цветы, цветы мертвых! Сколько могил приходится нам украшать ими!

Завтрак с Фошем на холме, что у Касселя. Нельзя и мечтать о более прекрасном наблюдательном пункте. Из окон зала, где нам подан завтрак, открывается великолепный вид на фламандскую равнину, расстилающуюся у наших ног и покрытую тридцатью двумя городами, равнину, которая из века в век была неизменным театром различных войн. Фош прекрасно осведомлен о своих победоносных предшественниках в Касселе, начиная от Роберта Фризона до Филиппа Валуа и Monsieur (брата короля), герцога Орлеанского. Ему знакомы все детали военной истории, он вплетает в разговор воспоминания и сравнения, обнаруживающие поразительную эрудицию. С нами завтракает Андре Тардье, молодой и блестящий депутат от депар-

тамента Сены и Уазы, ныне офицер в штабе Фоша. Когда мы завтракали, к Фошу пришел капитан с утренним рапортом. Немцы атакуют нас страшным натиском, но мы держимся. Жоффр, оставшийся с нами, подтверждает нам, что уже не желает смещения Френча. Фош приобрел на английского фельдмаршала благоприятное влияние и установил постоянную связь между обеими армиями благодаря генералу Вильсону, который из всех британских офицеров лучше всего воспринимает французские идеи; теперь дела с нашими союзниками, поскольку возможно, налажены, и нет никакого смысла менять людей.

На некоторое время задержался с Фошем и его помощниками в старой ратуше Касселя. На столах разложены военные карты, они развешаны также на стенах. Фош с несравненным мастерством объясняет мне детали операций вчерашнего и завтрашнего дней.

Я пополняю нашу программу пунктом, который был в ней упущен. Мы возвращаемся в Бельгию, чтобы приветствовать там армию Урбаля. Едем в Поперинге, а оттуда в Фламертинге, где находится стоянка этого генерала. На дорогах необычайное движение. Многочисленные войска перебрасываются в район Ипра. Один за другим следуют грузовики, заполненные солдатами. Вот стрелки 3-го батальона. Узнав меня, они с жаром приветствуют меня и дают мне таким образом доказательство, какое могучее ободряющее влияние оказывает глава государства, являясь к армии. Солдаты, находящиеся на отдыхе в проезжаемых нами деревнях, оказывают нам те же знаки уважения. Хотя они не были предупреждены о нашем внезапном визите, они по собственному почину бегут к нам, как только увидят нас, становятся во фронт и отдают нам честь. Некоторые даже кричат: „Да здравствует Франция!“. „Это не совсем по уставу“, — замечаю я Жоффру. — „Да нет же, — спокойно отвечает главнокомандующий, — они находятся на отдыхе, к тому же они движимы слишком благими намерениями, чтобы можно было порицать их“. Всюду французские, английские, бельгийские, индийские мундиры. Это действительно война народов.

В Фламертинге я, согласовав это с Мильераном и Жоффром, вручаю генералу Урбалю ленту командора ордена Почетного легиона. Это прекрасный и бесстрашный драгунский офицер. С начала войны он отличился под Верденом и Аррасом. Та группа, которой он командует ныне в Бельгии, состоит из 42-й дивизии под начальством генерала Гросетти, из морских частей адмирала Ронарка, из кавалерийского корпуса Митри и двух территориальных дивизий. Я беседую с офицерами и солдатами. Все полны веры и надежды. Они задают себе лишь вопрос, решились ли англичане держаться стойко до конца? Китченер сомневался в нас; они сомневаются в нем, которого они не знают. Мы сообщаем им наши дюнкирхенские впечатления, и нам не стоит большого труда успокоить их сомнения.

Возвращаемся во Францию и держим путь на Байлель и Бетюн. Проезжаем их вечером; в сумерках наблюдаем здесь чрезвычайное оживление. Потом встречаем длинную колонну артиллерии в прекрасном состоянии. Это артиллерия 20-го корпуса, она направляется на север сломить натиск неприятеля. С утра мы слышим пушечную

пальбу, а теперь, с наступлением ночной темноты, видим на горизонте огненные вспышки. Это наши 75-миллиметровые орудия стреляют в неприятеля. В конце дня мы приехали в Брюэ и останавливаемся все у одного из местных шахтовладельцев Эльби; это — друг Рибо и Леона Буржуа, он счастлив, что может оказать нам гостеприимство.

Вторник, 3 ноября 1914 г.

Прежде чем ехать далее, облачаемся в одежду углекопов — круглые жесткие шляпы, синие балахоны, холщевые штаны с поясом — и в таком наряде едем на автомобилях до шахты. Она имеет в глубину триста метров. Нас спускают в бадьях в штольню, в которой работают немногие немобилизованные рабочие и живут бедные лошади, отвыкшие от дневного света. Мне предлагают ударить киркой в жилу, и я довольно неловко справляюсь с этой традиционной обязанностью. Рабочие любезно благодарят меня. Их товарищи очень хорошо ведут себя в армии. Многие из числа оставшихся в шахтах работают под огнем. Я, желая оставить им всем знак внимания и благодарности, внес пожертвование в их кассу взаимопомощи и сказал им, что уношу самые приятные воспоминания о своем посещении. Оно принесло мне за время войны множество крестников в семьях углекопов и обширную корреспонденцию, которая никогда не заглохнет.

Отправляемся в Сен-Поль, небольшой город в Па-де-Кале; его некогда разрушил Карл V и долгое время оспаривали друг у друга испанцы и французы. В настоящее время там помещается штаб-квартира армии Мод'Гюи. Генерал Мод'Гюи, уроженец Метца, отнятого у нас, когда ему было тринадцать лет, с пламенным энтузиазмом сражается за освобождение своей родной страны. Я знаю его уже давно. У нас много общих воспоминаний: мы не только оба служили стрелками, мы были также соседями, так как он до войны командовал бригадой в Сен-Мигиеле. Мы посещаем вместе госпитали, заполненные, увы, тяжело ранеными, из которых многие с ампутированными конечностями. Никто из них не произносит ни слова жалобы. Воистину в народе живет теперь своего рода инстинктивный героизм, который делает страдание второй природой и самые высокие добродетели легким делом. На одной из площадей Сен-Поля выстроились стрелки-велосипедисты. У них великолепный задор. Один из них, калека, подведен ко мне двумя товарищами. Он блестяще держался под огнем, и его начальство считает его достойным награды. Я вручаю ему крест ордена Почетного легиона и обнимаю его. Он восклицает дрожащим голосом: „Да здравствует Франция!". Толпа, собравшаяся на тротуарах позади велосипедистов, аплодирует, потрясенная до глубины души.

Наскоро позавтракав в супрефектуре в обществе генерала Мод'Гюи, я отправляюсь в Гот-Авен, где находится штаб одного из корпусов армии Мод'Гюи. На небольшом лугу у деревни выстроено немного войск, чтобы получить из моих рук ордена и медали. Непрерывный пушечный грохот сопровождает команду: „Знамя!". Затем мы идем по дороге несколько километров пешком и доходим до горы Сент-Элоа, имя которой так часто встречается в официальных сводках

главной квартиры. Немцы бомбардируют ее беспрерывно, и ее окутывает серая туча от взрывов гранат. Наступает ночь. Уезжаем в Аббевилль, где останавливаемся у мэра Биньона, брата симпатичного депутата от департамента Нижней Сены.

Среда, 4 ноября 1914 г.

На сегодняшний день назначено у нас посещение генерала де Кюрьер де Кастельно. Его штаб-квартира находится в Каньи, близ Амьена. Но он ожидает нас на своем командном посту, который находится несколько далее на восток, на Сантеррском плато, в деревне Виллерс-Бретоннэ. Мы встречаем его там среди жителей, оказывающих нам горячий прием. Хотя генералу де Кастельно стукнуло шестьдесят три года, у него чисто юношеская энергия и пыл. Низкого роста, он производит впечатление крепкого и коренастого горца из Севенн. Речь его с небольшим южным акцентом одновременно точна и образна. Он с юмором рассказывает нам, что наш 4-й корпус взял вчера Кенуа-ан-Сантерр и продолжает сегодня свое наступление на Андеши. После некоторого сопротивления он дает свое согласие на то, чтобы мы отправились — всего с двумя автомобилями — до Линьера, который, как он сообщает нам, находится под огнем неприятеля. Там командный пост командира 4-го корпуса, и я не могу упустить случая поздравить его войска с успехом. По дороге мы встречаем отдыхающую эскадрилью. Летчики совершили на этих днях замечательные полеты, но теперь идет дождь и воздушная разведка почти невозможна. Несколько дальше нам попадается лазаретная фура с только что подобранными ранеными. Все они говорят мне: „Будьте спокойны, господин президент, мы прогоним бошей". Боши — это кличка, входящая в употребление у солдат и означающая немцев. Генерал де Кастельно, у которого в автомобиле всегда имеются запасы папирос, щедро наделяет ими раненых. Из Линьера, где нас встретил генерал Боэлль, командир 4-го корпуса, мы видим невооруженным глазом наши 75-миллиметровые орудия на позициях, горящие дома Андеши, взрывы немецких снарядов, а далее — пехотинцев, выходящих из леса и продвигающихся вперед под неприятельским огнем. На переднем плане вырисовываются на фоне этой мрачной картины крестьянин за плугом и женщина, собирающая свеклу. Жизнь бросает вызов смерти.

Мы возвращаемся в Париж через Мондидье, где я осмотрел врачебно-санитарный пункт на вокзале, и Крейль, в котором несколько кварталов разрушены огнем.

Четверг, 5 ноября 1914 г.

Провожу день в Париже. Принимаю префекта Сены Деланнэ. Он говорит мне об интригах, которые ведутся в окружении Галлиени против Жоффра, но не приводит никаких деталей, которые могли бы остановить мое внимание. Председатель торговой палаты Давид Менне вручил мне меморандум, в котором излагается выработанный им с товарищами план пропаганды в нейтральных странах; она должна вестись в брошюрах и газетах и служить ответом на немецкую пропаганду. Социалистический депутат Варенн, лейтенант запаса, при-

командированный по воле правительства к цензуре, рассказывает мне про нее остроумные анекдоты.

В завершение нашей поездки на фронт я обращаюсь к военному министру с поздравительным письмом, которое прошу объявить по войскам. Затем в тот же вечер уезжаю специальным поездом в Бордо, куда меня снова призывают обязанности по председательствованию в совете министров. Я позаботился однако возвестить в печати, что останусь в Жиронде всего несколько дней и по своем возвращении посещу наши армии на восточных окраинах, которые до сих пор оставались у меня против моей воли немного в загоне.

Пятница, 6 ноября 1914 г.

Утром приезжаю в Бордо. Министры ожидают меня на перроне. Не успел я стряхнуть с себя дорожную пыль, как уже председательствую в совете министров. Несмотря на возражения некоторых членов кабинета, а именно Бриана и Рибо, к которым присоединяюсь я, правительство утверждает назначение Кайо, уже решенное в принципе. Кайо едет в Бразилию для изучения вопросов об океанском кабеле и о наших торговых сношениях с Бразилией. Как ни важны эти вопросы, никто не может серьезно поверить, что это назначение надолго удовлетворит жажду деятельности и честолюбие Кайо.

Я докладываю совету министров о своей поездке к армиям и со своей стороны прошу министров поставить меня в известность о том, что произошло во время моего отсутствия. Важные сведения имеет для меня главным образом Делькассе. Турция сбросила маску. Как видно, она намерена открыть военные действия против Египта; кроме того 29 октября две турецких миноноски проникли в одесский порт, пустили ко дну одну русскую канонерку и стреляли во французский пакетбот „Португалия“ [1]. Согласно сообщению Мориса Бомпара, это нападение является делом рук немецких офицеров и матросов [2]. Три посла союзных держав в Турции находили целесообразным объявить Порте, что, если она не уволит немедленно иностранных военных и матросов, она этим самым возложит на себя ответственность за совершенный ими акт войны. Делькассе в согласии с Лондоном одобрил этот демарш наших представителей. Но Сазонов, не согласовав своего шага с нами, уже предписал своему послу потребовать свои паспорта. Затем он предложил вручить Порте коллективную ноту, более сухую, чем нота послов, с требованием отослать в двадцать четыре часа немецкую миссию. Правду сказать, великий визирь не знал о проектах немцев; но Энвер паше они были известны [3]. Такие же атаки немцев, произведенные под турецким флагом, повторились в Феодосии и Севастополе. Это было завершением всех интриг Вильгельма II в Константинополе со времени отправки миссии Лимана фон Сандерса. Впрочем русское правительство с большим хладнокровием относится к тем осложнениям, которые должны последовать в ре-

[1] Из Петрограда от 29 октября, № 809. Из Лондона от 25 октября, № 952. От Гренара из Одессы от 25 октября, № 16.

[2] Из Перы, № 516.

[3] Из Перы, № 518.

зультате этого. „Ни один солдат, — сказал Сазонов Палеологу, — не будет снят с европейского фронта. Прежде всего необходимо победить Германию, ее поражение повлечет за собой гибель Турции. Поэтому Россия сведет к минимуму свою оборону против турецкой армии". Вечером 30 октября состоялось под председательством великого визиря заседание верховного совета турецкого правительства и комитета „Единение и прогресс". Оно единогласно высказалось за сохранение мира с державами Тройственного согласия и постановило вручить русскому послу ноту с предложением уладить инциденты на Черном море полюбовно или с помощью третейского суда. Джавид бей был послан к трем послам, чтобы подготовить пути к соглашению. Бомпар ответил, что оно невозможно, покуда немецкие военные и морские силы будут оставлены в Турции. Джавид бей должен был признать невозможность добиться удаления их или во всяком случае бессилие турецкого правительства декретировать это удаление, особенно же осуществить его [1]. Три посла потребовали у великого визиря свои паспорта.

Несмотря на этот разрыв с Турцией, сэр Эдуард Грей считает, что нейтралитет Болгарии остается надежным. Во-первых, болгарское правительство обещало Панафье и русскому посланнику, что оно не воспользуется случаем для вступления в войну [2]; во-вторых, оно понимает, что, выйдя из нейтралитета, оно вызовет против себя выступление Румынии. Но если английское министерство иностранных дел остается еще спокойным относительно Болгарии, оно уже отнюдь не считает нужным щадить Высокую Порту. Последняя обречена в глазах Англии; она не может более быть стражем проливов [3].

Теперь, когда Великобритания должна оказаться официально в войне с Турцией, она намерена провозгласить свой протекторат над Египтом и низложить хедива, позиция которого становится все более двусмысленной. Лондонский кабинет уведомил нас о своих намерениях. За наше согласие мы требуем от него в свою очередь признать наш протекторат в Марокко; несмотря на наше соглашение от 8 апреля 1904 г., Англия еще с 1912 г. не признала этот протекторат, так как связывала это признание с окончательным разрешением танжерского вопроса. Но теперь она с готовностью обещает признать наш протекторат, если Англия установит свой протекторат в Египте [4].

Клобуковский телеграфирует из Гавра [5]: „Де Броквилль, с которым я беседовал сегодня утром, подтверждает мне то глубокое и благодетельное впечатление, которое произвел в бельгийской главной квартире визит президента республики королю и королеве". Этот визит был для меня обязателен во всех отношениях, и если я о чем-либо сожалею, то только о том, что он так долго откладывался. Необходимо было, чтобы я перед лицом всего мира сказал королю, что Франция связывает свою судьбу с судьбой Бельгии.

---

1 Из Перы, № 524.
2 Из Софии от 1 ноября, без номера.
3 Из Лондона, де Флерио от 1 ноября, № 987.
4 Из Лондона от 3 ноября, № 974.
5 От 4 ноября, № 41.

Великий князь Николай Николаевич телеграфирует сегодня генералу Жоффру [1]: „Развивая наши успехи на Висле, наши войска одержали полную победу. Австрийцы бегут в беспорядке по всей линии фронта в Галиции. Таким образом тот стратегический маневр, на который я вам указывал в начале его исполнения, счастливо закончен и бесспорно увенчался самым важным успехом, достигнутым нами с начала войны. Желаю и твердо надеюсь, что наша общая задача будет быстро и полностью разрешена, убежден, что окончательная победа будет на стороне союзников".

Суббота, 7 ноября 1914 г.

На текущем заседании совета министров Делькассе сообщает нам, что сэр Эдуард Грей официально известил Францию об аннексии Кипра Великобританией [2]. Фактически англичане занимают этот остров с 1878 г. и неоднократно выражали намерение возвратить его Греции. Но жители острова, в большинстве своем греки, никогда не знают, какая судьба им уготовлена. Возможно, что Англия аннексирует остров только для того, чтобы защищать их против Турции.

Я продолжаю внимательно следить за ходом нашего производства на оборону. Выпуск гранат и шрапнелей увеличивается. Число используемых заводов растет. Армиям посланы мортиры 220-миллиметрового калибра, орудия длиной в 155, 120 и 105 сантиметров, батареи 95-миллиметрового калибра на полевых и крепостных лафетах, снаряды 90- и 80-миллиметрового калибра.

Мильеран, отправившийся в поездку к армиям на восточных окраинах, телеграфирует мне из Вердена: „Из вашей страны на Маасе, опустошенной неприятелем, но ежедневно дающей славные примеры героизма наших солдат, посылаю вам вместе с уверениями в своей преданности привет от ваших земляков и от армии. Просил губернатора передать ваш и мой привет сержанту Мажино, получившему военную медаль за отличие перед лицом неприятеля и за участие во взятии леса и двух деревень на север от Вердена".

Воскресенье, 8 ноября 1914 г.

Снова настаиваю перед правительством на скором возвращении в Париж. По среди министров разногласие, и в настоящий момент они обсуждают комбинацию, которая мне отнюдь не улыбается. Вивиани и Бриан будут сменять друг друга в Париже, а правительство будет выжидать в Бордо, пока главнокомандующий не найдет, что не имеется препятствий для его возвращения. Это значит, что военные и экономические министерства останутся в Бордо, а также министерство иностранных дел, и что заседания совета министров будут продолжаться в префектуре Жиронды. Таким образом, если я желаю председательствовать на них, мне придется опять отсрочить свой отъезд.

---

[1] Из Петрограда от 6 ноября, № 859.
[2] Из Лондона, № 585.

Понедельник, 9 ноября 1914 г.

В мое отсутствие Делькассе, слишком любезно следуя за Сазоновым, предпринял демарши в Нише и Афинах с требованием уступок в пользу Болгарии; ни Сербия, ни Греция не расположены были сделать эти уступки, которые к тому же по всем вероятиям не изменили бы позиции короля Фердинанда. Сегодня утром депеши Панафье, Боппа и Девилля не оставляют нам никаких иллюзий насчет судьбы этих попыток. Сам Сазонов в конце концов отказался от них, по крайней мере для данного момента[1].

Вторник, 10 ноября 1914 г.

Мальви сообщает совету министров, что Кайо окончательно принял предложенное ему назначение. Я повторяю, что общественное мнение вряд ли поймет целесообразность этой поездки в Южную Америку. Но подавляющее большинство в совете министров продолжает стоять за это назначение, не столько с целью использовать таланты Кайо, сколько для того, чтобы удалить его беспокойную оппозицию. „Что же прикажете делать, — иронически замечает мне Марсель Самба, — у Кайо нехватает пороха, когда он у власти, но у него достаточно пороха, когда он не у власти, и он считает себя рожденным для поста министра финансов, так как этот порох должен помочь ему найти золото“[2].

Из Петрограда возвратился наш дипломатический курьер в России Саломон. Он сообщает мне, что пресловутый Распутин по меньшей мере два раза был у императрицы во время пребывания императора в ставке. Саломон боится, что эта странная личность находится в тайных сношениях с графом Витте и интригует за сепаратный мир. Со времени своего ранения Витте оставался в немилости, но, выгнанный в дверь, он пытается войти через окно. Саломон имел долгую беседу с графом Витте. Последний защищает немцев и скептически относится к рассказам о зверствах, совершенных немецкими армиями; однако при всем своем германофильстве он верит в победу держав Тройственного согласия.

Несмотря на войну между Францией и Турцией, правительство республики не пожелало сделать ответственными за этот разрыв всех турецких подданных, находящихся во Франции. Оно решило выдавать виды на жительство не только маронитам, грекам и католикам-сирийцам, армянам, православным грекам, но также арабским и турецким политическим эмигрантам. В самом деле, мы не желаем смешивать нынешних хозяев в Константинополе с народами, с которыми мы всегда были в дружественных отношениях.

Сражение продолжается от моря до района Армантьер; особенно ожесточенный характер оно носит в Бельгии.

---

[1] Из Ниша, № 271, 272, 273. Из Афин, № 187. Из Софии, № 114. Из Петрограда, № 881 и 887.

[2] В тексте игра слов: вместо пороха и золота говорится о ртути (по-французски «живое серебро») и серебре. Здесь же также непереводимая игра слов: n'a pas de veine (не имеет энергии) и: il a du vif-argent dans les veines (у него в жилах ртуть). — *Прим. перев.*

Среда, 11 ноября 1914 г.

Слышу, что вчера мы вынуждены были уйти из Диксмюде[1]. Кроме того Оганьер говорит мне, что наши морские части сильно пострадали и нуждаются в отдыхе. Наконец одно германское радио сообщает, что в Бельгии взяты в плен две тысячи человек нашей кавалерии.

Очень ожесточенные бои идут также в Лотарингии, в районе Сен-Мигиеля. Я дал знать Жоффру, что не желаю откладывать свою поездку на восточные окраины далее воскресенья. Главнокомандующий снова просит меня отсрочить мое посещение, чтобы не стеснить проектируемых операций. Он настаивает на этом в двух телеграммах, адресованных Мильерану. Дюбо и Дешанеля, которые выразили желание сопровождать меня, тем паче просили воздержаться от этого.

Четверг, 12 ноября 1914 г.

Неприятель пытался выйти из Диксмюде и предпринял для этого ночную атаку. Она была отбита. Тем не менее он перешел в нескольких местах Изер и занимает еще часть левого берега.

Панафье сообщает нам о стараниях Германии и Австрии вовлечь Болгарию в общее выступление с Турцией[2]. Сэр Эдуард Грей присоединился к взгляду Сазонова о необходимости предложить Болгарии линию Энос — Мидия, если Болгария не выйдет из своего нейтралитета. Французский кабинет согласился примкнуть к этому предложению.

Пятница, 13 ноября 1914 г.

Пашич тоже жалуется на недостаток снарядов. При всей нашей бедности мы уже послали в Сербию двадцать тысяч снарядов. Отправляем еще десять тысяч шрапнелей и десять тысяч зарядов для учебных целей. Это самое большее, что мы можем сделать. Если сербская армия осуждена на бессилие, перед австрийской армией будет открыт путь, и она будет стараться связаться с турками через Болгарию. Главная квартира сербской армии уже перенесена из Вальево далее в глубь страны, в Крагуевац. Сильные подкрепления, полученные австрийцами, и деятельные приготовления, начатые австрийцами вдоль Савы и Дуная, внушают Пашичу опасение, что Австрия собирается сделать крайнее усилие, разгромить Сербию и пресечь сообщение России и Румынии с Западной Европой[3].

Полковник Пенелон говорит, что возобновление немецкого наступления во Фландрии было для нашей главной квартиры совершенной неожиданностью. Мы считали, что силы неприятеля истощены. Он получил значительные подкрепления в районах Диксмюде и Ипра. Под этим мощным натиском наш 32-й корпус понес чрезвычайно тяжелые потери, а от ста тысяч с лишком англичан осталось сорок пять тысяч. Они восстанавливают свои ряды и, пока прибудут новые

[1] Le Goffic, Steensstraete, p. 1—50 („Ночь 10 ноября — прощание с Диксмюде"). См. того же автора, „Dixmude", глава из „Histoire des fusiliers marins"; затем „Saint-Georges et Nieuport", продолжение и конец „Histoire des fusiliers marins", Plon-Nourritet C-ie.

[2] Из София, № 121, 122, 123.

[3] Из Ниша, № 230.

английские дивизии, смогут снова выставить на позиции шестьдесят тысяч человек. Со своей стороны мы отправили в Бельгию тридцать батальонов, взятых с разных мест фронта. Таким образом мы рассчитываем, что сможем оказать отпор немцам. Генерал Жоффр рад, что не перешел сам в наступление на реке Изер. Для этого пришлось бы пожертвовать всем 20-м корпусом и другими силами, которые были необходимы для обороны, да и теперь еще необходимы для нее, так как у нас нет свободных резервов.

Суббота, 14 ноября 1914 г.

Вивиани вернулся из восточных департаментов, которые, как видно, являются запретной зоной только для меня, и продлил свое пребывание в Париже; но по требованию Жоффра правительство оставляется им в Бордо.

Натиск немцев продолжается в том же темпе. Они повели атаку против нашего головного укрепления в Ньюпорте. Они возобновили свои попытки на востоке и юго-востоке от Ипра. Они атаковали нас день и ночь в районе Ласиньи и в районе Эны до Берри-о-Бак. Они возобновили бои в Аргоннах и вокруг Вердена. Мы устояли всюду; но, как видно, инициатива всюду находится в их руках.

Братиану объявил русскому посланнику в Бухаресте, что Румыния готова немедленно выступить против Австрии, если три союзных державы гарантируют ее от результатов эвентуального нападения со стороны Болгарии и обещают помочь ей получить в Америке значительную партию боевых припасов. „Погодите, — говорит нам Сазонов, — я выработаю проект ответа". Он сообщил его нам, но в этом ответе не дается никакой гарантии для Братиану, а имеются новые обещания в пользу Болгарии[1]. Кабинет находит этот ответ совершенно неудовлетворительным.

Воскресенье, 15 ноября 1914 г.

Плохие вести из Марокко. Генерал Лиотэ телеграфирует, что 13 ноября в окрестностях Кенифры пятьсот повстанцев напали на отряд полковника Левердюра. Повстанцы отняли у нас одну батарею.

Полковник Дюплесси отправился из Тадла на помощь небольшому гарнизону Кенифры. Туда же отправился генерал Анрис. Но, даже если допустить, что Кенифра будет держаться до прибытия подкреплений, положение внезапно стало критическим, и генерал Лиотэ опасается, что этот печальный инцидент отразится на состоянии умов туземцев. Он требует восстановления своей артиллерии, а так как в Марокко не осталось более регулярных войск, он требует обратно африканский батальон, который еще на-днях нашел возможным отправить во Францию. Мильеран еще сегодня отправляет ему одну батарею и один батальон. Постараемся также послать ему немного туземных стрелков. В это время года они страдают от холода во Франции; они не смогут сражаться у нас зимой.

Вивиани возвращается из Парижа только сегодня вечером. Бриан уже вчера выехал ему на смену. Гэд и Самба тоже отправились в Париж на ежемесячную конференцию социалистической партии. Фернанд Давид объезжает сельскохозяйственные районы. Прави-

[1] Из Петрограда, № 906.

тельство рассеивается. Неужели в один прекрасный день мне одному будет суждено представлять его в Бордо?

Повидимому руководящие политики в Каире против британского протектората, который сохранил бы за египтянами их турецкую национальность. Они предпочитают аннексию с режимом, подобным тому, которому подчинены мусульмане в Индии. Английское правительство извещает нас, что оно намерено принять решение в этом смысле и не будет возражать, если мы тоже решим аннексировать Тунис и Марокко[1]. Но у нас нет никаких оснований следовать здесь примеру наших английских друзей. Мы не можем жаловаться ни в Марокко, ни в Тунисе на наличие туземных государей. Мы не желаем создавать у верного нам населения впечатление, что их статус зависит от нашей доброй воли. К тому же было бы опасно в момент, когда мы вступаем в войну с Турцией, вызывать недовольство магометан, живущих под защитой французского знамени.

В Петрограде продолжают делить шкуру неубитого медведя. Горемыкин имел продолжительную беседу с Палеологом. Он сказал последнему, что условия мира должны быть установлены между союзниками и будут затем продиктованы Германии и Австрии и что мирный конгресс или мирная конференция состоятся лишь для урегулирования второстепенных вопросов[2] [30].

Сражение во Фландрии затихает. Неприятель, как видно, отказывается от мысли итти напролом. Кайзер, который был здесь и уже видел себя на берегу моря, в мыслях бросал через пролив вызов Англии, оставил теперь свой выжидательный пост и, как говорят, вернулся на наш восточный фронт, затаив в душе разочарование и злобу.

Понедельник, 16 ноября 1914 г.

Вивиани, вернувшийся вчера вечером в Бордо, очень доволен разговорами, которые он вел в Париже с префектами, сенаторами, депутатами, муниципальными советниками. Он выступил перед группой парижских депутатов с весьма энергичной декларацией о необходимости продолжать войну до полной победы. Речь его встретила единодушное одобрение. Парижские депутаты — тоже единодушно — потребовали от него, чтобы ближайшая сессия парламента состоялась в Париже, а не в Бордо, как желал бы Мильеран; эта сессия должна состояться в последних числах текущего месяца для принятия бюджета 1915 г. или временных месячных смет.

Вивиани сообщил в совете министров, что Галлиени все еще опасается большой воздушной атаки с участием самолетов и цеппелинов. Военный губернатор жалуется, что не получил просимого им пополнения парижского гарнизона. Но войска на фронте.

Под вечер в мой кабинет снова входит — с изменившимся лицом — Вивиани, эта милая и лойяльная личность, но недоверчивая и легко возбуждающаяся. „Господин президент, — кричит он мне прямо в лицо, — я подаю в отставку". — „Что это значит?" — „Это значит, что Бриан дает мне отставку. Читали вы эту заметку?" И он протягивает мне бордосское вечернее издание „Matin", в котором перепеча-

[1] Из Лондона, № 1036.
[2] Из Петрограда, № 917, 918, 919.

тано одно парижское сообщение агентства Гаваса. Я читаю: „Вице-председатель совета министров Аристид Бриан пробудет в Париже восемь дней. За это время он окончательно решит ряд вопросов, предложенных в последнее время на усмотрение Вивиани. Эти вопросы интересуют Париж, окрестности Парижа и департаменты, подвергшиеся нашествию неприятеля. Вчера Бриан беседовал с различными политиками и военными". — „И что же?" — спрашиваю я. „Я телефонировал Бриану. Он заявляет, что не инспирировал этой заметки, но не может быть, чтобы она не была им вызвана. Мне это надоело. Я вручаю вам свою отставку". — „Я ее не принимаю. В нынешнее время ваш долг, ваш и ваших коллег, показывать пример единения". Однако Вивиани еще целый час жаловался мне на Бриана. „Бриан не упускает случая выдвинуть себя на первый план и умалить действия своих товарищей по кабинету". Я тщетно пытаюсь успокоить Вивиани. Он повторяет мне, что утром поставил этот инцидент на рассмотрение совета министров.

Вторник, 17 ноября 1914 г.

Вивиани явился на заседание с совершенно прояснившимся лицом. Он еще раз звонил Бриану, который не только уверил его, что не имеет никакого касательства к этой заметке, но обещал также напечатать разъяснение. Все хорошо, что хорошо кончается. При той жизни, которую мы ведем, вполне естественно, что у некоторых министров нервы крайне натянуты. Нервы Вивиани особенно чувствительны.

Многие парижские газеты комментировали, несмотря на цензуру, бразильскую миссию Кайо в нелестных для правительства выражениях. Разумеется, значительная часть этих нападок выпала на мою долю... Я ответствен за все, что происходит, особенно же за все, что происходит против моей воли. Ах, с какой радостью я возьму на себя все это, если после этого Франция будет спасена!

Но мы еще очень далеки от окончательной победы. Если во Фландрии продолжается затишье, то в восточных департаментах бои усиливаются. Под Сен-Мигиелем мы пытались отбросить немцев на правый берег Мааса. Наши войска атаковали их в Шовонкуре и отбили у них наши большие казармы, в которых они устроились. Бешеные бои идут в окрестностях Сампиньи, в Апремонском лесу, вокруг Марботт и Мекрен и главным образом в том идиллическом лесу Айли, который перед моими окнами в Кло так грациозно венчает холмы правого берега.

Продолжительное совещание с Вивиани, Мильераном, Томсоном и Рибо по злополучному вопросу о полевой почте. Военному министру наконец удалось вырвать у главной квартиры несколько реформ: назначение во главе учреждения генерального почтового инспектора, замена секретарей из центрального бюро генерального штаба военными почтовыми чиновникам, придача почтовых чиновников на подмогу чинам, раздающим денежную и простую корреспонденцию солдатам. Однако жалобы еще продолжаются. Недопустимо, чтобы солдаты на фронте не имели возможности более регулярно переписываться со своими близкими. Я еще раз поставлю этот вопрос.

Новые разочарования со снаряжением. Продукция заводов оказалась ниже той цифры, которая была мне указана. Заводы объясняют промедление трудностью наладить новое производство. Пришлось обратиться к помощи агентов-подрядчиков, иногда целой гурьбы их; они были мало знакомы с требуемой работой. К тому же некоторые фирмы, даже из числа самых крупных, как видно, не всегда инструктировали своих агентов надлежащим образом. Кроме того большинство промышленников жалуется, что обещанная им рабочая сила получена ими с большим запозданием, а между тем они рассчитывали на нее для использования своих машин. Действительно, иногда требовался значительный промежуток времени, пока находили на фронте нужных рабочих. Считая недостаточными сведения, доставленные мне по этому пункту, я просил директора артиллерийского департамента притти побеседовать со мной или прислать мне одного из своих сотрудников. Узнав об этом, Мильеран просит меня не приглашать его директоров, не уведомив его об этом. Строго юридически он прав, так как ответственность несет он один. Но я отвечаю ему: мы находимся на войне, мне дана недостаточная информация, и я не намерен ничего упускать, чтобы быть лучше осведомленным.

Английское правительство поручило сэру Джорджу Бьюкенену объявить Сазонову, что ввиду поведения Турции в европейском конфликте Англия считает, что „вопросы о проливах и Константинополе должны быть разрешены согласно с желаниями России". Сазонов принял это заверение „с чувством величайшего удовлетворения" [1]. Разумеется. Но мы никак не можем разделить это чувство удовлетворения. Министры и я не понимаем, как это Великобритания, не запросив нас, дала такую полную свободу действий России в вопросе, который интересует всех союзников, к которому Россия никогда не подходила без задней мысли и в котором Франция всегда отказывалась связывать себя.

Среда, 18 ноября 1914 г.

Получил от генерала Гиршауера, директора авиации, новые сведения о воздушной обороне Парижа, запрошенные мною у военного министра. Центральный пункт воздушной обороны в Бурже (Bourget) располагает теперь тринадцатью самолетами, вооруженными пулеметами или автоматическими ружьями, в его распоряжении двадцать пилотов и сорок солдат. На вокзалах имеются наблюдательные посты. Они связаны по телефону с управлением военного губернатора. Установлена также связь с армиями, с железнодорожными станциями, через которые снабжается город, и с фортами. Имеются только два зенитных 75-миллиметровых орудия. Через пятнадцать дней центральный пункт будет иметь двадцать пять самолетов. К несчастью этого тоже еще очень мало. Жоффр и Галлиени полагают, что немцы строят большой флот из цеппелинов; в Бельгии немцы улучшили существующие ангары и построили новые. Повидимому главными объектами нападения для этого воздушного флота будут Париж, Лондон и английский флот. При нынешнем расположении армий не-

[1] Из Петрограда, № 915.

приятельские дирижабли смогут бо́льшую часть своего пути к Парижу лететь над зоной, не представляющей для них никакой опасности и даже позволяющей им совершать перелеты днем; им придется делать лишь небольшой крюк и направляться вначале на треугольник Лаон, Лафер, Нойон; лишь около ста километров они должны будут пролететь ночью над нашими позициями. Оборона против этих дирижаблей возможна только с помощью прожекторов и орудий, так как нападения будут производиться ночью и аэропланы в их нынешнем виде не в состоянии будут оказывать городу полезную защиту. Прожекторы и орудия надо будет установить перед Парижем. Лучи прожекторов над небом Парижа представляли бы тот серьезный недостаток, что указывали бы неприятелю направление. Кроме того пальба по дирижаблям из Парижа представляла бы опасность для самого населения. Главнокомандующий и военный губернатор Парижа считают, что необходимо приступить к производству большого количества зенитных орудий с прожекторами, причем те и другие должны быть монтированы на автомобилях. Заказы уже сделаны.

Наши атаки в Шовонкуре и Сен-Мигиеле повидимому закончились гибельно для нас. Мы не в состоянии были удержаться в захваченных нами казармах и понесли большие потери. В одном из зданий, которые мы заняли, неприятель заложил мины и адские машины: взрыв произошел в тот момент, когда мы поздравляли друг друга с нашим успехом. Много наших солдат пало жертвой этой возмутительной военной хитрости [1].

Канцлер ордена Почетного легиона генерал Флорентен пишет мне, что совет ордена рассматривал вопрос о многочисленных нарушениях международного права, совершенных неприятельскими армиями, и о последствиях, которые эти коллективные преступления должны повлечь за собою для членов ордена немецкой национальности. „Германия, — пишет он мне, — примкнула к интернациональным конвенциям, устанавливающим обязанности воюющих сторон. Она нарушила свои обязанности и таким образом совершила преступление против чести. В этом возмутительном деле немецкая армия, немецкие писатели, артисты, все подданные Германской империи проявили солидарность. Поэтому совет считает, что они подлежат исключению из ордена, девизом которого является само слово честь“. Канцлер ордена присовокупляет, что, разумеется, надо сделать исключение для эльзасцев и лотарингцев, ставших против воли немецкими подданными. Я ставлю совет министров в известность об этом. Он принимает решение, что исключение немецких членов ордена будет объявлено путем декрета.

Затем правительство обсуждает английское предложение касательно политического режима Египта и наших протекторатов в Африке. Правительство, как и я, считает, что аннексия Марокко и Туниса не принесет нам никакой выгоды. Делькассе обратится к Англии с просьбой не принимать и со своей стороны никакого решения относительно Египта, пока будут продолжаться враждебные действия. В настоящий момент Германия не преминула бы объявить, что

[1] „Quatre années de commandement“ par le général Dubail, tome I, p. 235 et suiv., Fournier, éditeur.

Англия уже теперь устраивает свои дела за счет будущей победы и противопоставить одних союзников другим.

Четверг, 19 ноября 1914 г.

Как сообщает наш военный атташе в Лондоне генерал де Ла Пануз, в первых числах декабря прибудет во Францию новая английская дивизия, 27-я; другая, 28-я, прибудет в первых числах января. В феврале к британской армии присоединится канадский контингент. На первое время этим все ограничится. Но лорд Китченер, со своей методической и упорной энергией, создает новую большую армию в составе двадцати четырех дивизий, или восьмисот тысяч человек. Он намерен даже образовать потом двенадцать дополнительных дивизий с помощью набора добровольцев. Однако на первых порах эти новые войска будут испытывать недостаток в офицерах и снаряжении. Лишь в июне 1915 г. они будут готовы вступить в бой. Мы стало быть должны считаться с тем, что наши испытания затянутся.

Наш военный атташе в России генерал де Лагиш совершил поездку на фронт [1]. Русская армия двигается вперед с большим подъемом, но неприятель отступает по собственной инициативе и не дает остановить себя. Его организация не пострадала, и он может в любой момент остановиться и перейти в контратаку.

Радославов еще раз заявил правительствам держав Тройственного согласия, что по тщательном рассмотрении вопроса болгарский кабинет решил соблюдать „строгий и лойяльный нейтралитет“ [2]. Итак, Сазонов потерпел жалкое фиаско в своих попытках соблазна.

Пятница, 20 ноября 1914 г.

Английское правительство уведомляет нас, что оно отказалось от своего проекта аннексировать Египет и стоит на платформе протектората [3].

Прелестная деревушка Лакруа-на-Маасе бомбардирована немцами и частично разрушена. В Аргоннах продолжаются жаркие бои. Судьба ожесточилась против моей родной стороны.

Суббота, 21 ноября 1914 г.

На прочих участках фронта сражение затихает. Натиск немцев очевидно сломлен. С начала войны неприятель оставался верен той стратегии, которую проповедывали его военные писатели: раздавить французскую армию, прежде чем обратиться против русской армии, а чтобы справиться с нами, обойти нас с левого фланга и окружить нас. Одна цель, одно средство. Нашим первым ответом на немецкую атаку была победа на Марне, которая с 6 по 12 сентября не только остановила обходное движение неприятеля, но угрожала последнему на его правом фланге и таким образом заставила его отступить. Теперь нами дан второй ответ. Это битва во Фландрии. Немецкий генеральный штаб опять упорно пытался окружить союзные армии. Эта попытка опять провалилась.

[1] Из Петрограда, № 929, 930, 931.
[2] Из Софии, № 132.
[3] Из Лондона, № 1032.

Немцы не только не выиграли территории, а, напротив, потеряли ее и принесли в жертву при этой тщетной попытке большие контингенты. Этот второй ряд наших успехов приходится на время от начала октября до середины ноября. Для достижения своей цели, обхода нашего левого крыла, немецкий генеральный штаб бросил в северный район между Лис и побережьем почти двенадцать армейских корпусов. В начале ноября они еще были усилены дивизией морских частей и дивизией 5-го резервного корпуса. Самый мощный натиск неприятеля нам пришлось выдержать в районе Ипра.

В первых числах октября баварский наследный принц обратился к войскам с призывом „сделать решающее усилие против левого крыла французов" и „таким образом решить исход великого сражения, продолжающегося уже несколько недель". Император лично отправился в Тильт и Куртрэ, чтобы стимулировать своим присутствием энтузиазм своих войск. Немецкая пресса, смешивая действительность со своими упованиями, уже окрестила это сражение битвой при Кале. Взять Ипр означало разорвать наш левый фланг на две части; дойти до Кале означало завершить разгром этого фланга; кроме того это означало дойти до моря, поставить под угрозу снабжение британского экспедиционного корпуса, быть может также угрожать самой Англии в ее островной изолированности. Вот тот план, который был задуман немцами, подготовлялся ими, был возвещен ими. Он теперь провалился.

Он провалился благодаря нашим армиям на севере, группе, поставленной 4 октября под начальство генерала Фоша. Он провалился, несмотря на падение Антверпена и вынужденное отступление бельгийской армии. Он провалился, несмотря на неизбежную задержку концентрации английских войск. Он провалился, несмотря на недостаточность французских контингентов, ввиду которой оказалось необходимым посылать от 18 октября до 12 ноября одно за другим подкрепления из всех видов оружия. Немецкое наступление развернулось вокруг Ипра от 23 октября до 13 ноября и велось с неслыханным упорством. С одинаковой свирепостью происходили бои на участке от Ньюпорта до Диксмюде, затем от Диксмюде к северу от Ипра и от Ипра до Лис. В этой бешеной борьбе бельгийцы и англичане дали нам достойные удивления доказательства своего чувства солидарности. В конце концов план немецкого генерального штаба провалился. Надежда кайзера на „краткую, свежую и веселую войну" не сбылась. Не помогут ему также попытки терроризировать нас пожарами и расстрелами. Мы устоим против немцев.

Воскресенье, 22 ноября 1914 г.

Генерал де Лагиш не ошибался, чуя ловушку в отступлении немцев. Сегодня они перешли снова в наступление против Варшавы.

В свою очередь лорд Китченер уведомляет нас, что согласно сведениям, полученным им от охранной полиции (Intelligence Service), неприятель готовится сделать отчаянную попытку разбить наши линии между Бассе и побережьем. Согласно этим сведениям кайзер отдал приказ во что бы то ни стало, любой ценой, прорвать наш фронт и дойти до Кале. Прибыли подкрепления в сто тысяч человек.

Атака должна начаться через два или три дня и превзойдет по своей силе все остальные[1]. Жоффр думает, что эта информация неправильна, и считает, что по крайней мере на время мы нанесли решающий удар немецким попыткам наступления.

Понедельник, 23 ноября 1914 г.

Наконец мне разрешено порвать свои цепи. Завтра вечером я уезжаю в Париж и к армиям на восточных окраинах. Предсказания лорда Китченера не оказали влияния на Жоффра, и он снял свое вето. По предложению Мильерана решено, что я поеду в Ромильи, где вручу главнокомандующему военную медаль. Но Вивиани снова склонен отложить наше окончательное возвращение в Париж и намерен отсрочить созыв парламента.

Вторник, 24 ноября 1914 г.

Великая княгиня Анастасия Михайловна, вдова герцога Мекленбургского, наша бывшая соседка по Эз, прислала мне из Милана длинное письмо, в котором спрашивает меня, нельзя ли считать ее во Франции на таком же положении, на каком она считается в России, т. е. рассматривать ее, несмотря на ее брак, как русскую великую княгиню, а не как вдову немецкого принца. Она желает получить разрешение приехать на Côte d'Azur, где она обычно проводит зиму. Хотя она является тещей германского кронпринца, правительство согласилось дать ей пропуск. Я посылаю ей его, но пожалуй следовало бы следить за тем, чтобы не позволить ей сообщать — даже без плохого умысла — своему зятю о том, что происходит во Франции.

Братиану сказал Блонделю, что убежден, что между Австрией и Болгарией уже существует тайное соглашение. В качестве нового доказательства он сослался на то, что Болгария недавно приобрела в собственность одну австрийскую флотилию на Дунае; эта флотилия будет отныне плавать под болгарским флагом и будет служить для транспорта снаряжения и пищевых продуктов из Австрии в Болгарию и конечно также в Турцию. Братиану проводит аналогию между этой сделкой и той, благодаря которой „Гебен“ и „Бреслау“ вошли в турецкий флот[2].

Около девяти часов вечера я с мадам Пуанкаре выехали особым поездом из Бордо. Завтра я вместе с председателями обеих палат парламента отправляюсь к армиям. Через несколько дней возвращусь в Бордо, чтобы увезти оттуда, — надеюсь, окончательно — правительство и министерские канцелярии. Но жена моя не вернется в Бордо, она останется в Париже. Поэтому мы увозим с собой большую часть нашей прислуги. Мы увозим также нашу собачку и кошку, которые за эти три месяца не могли привыкнуть к новому месту в здании префектуры Жиронды.

---

[1] Из Лондона, № 1074.
[2] Из Бухареста, № 242.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Награждение Жоффра военной медалью. — Посещение армий, действующих на наших восточных окраинах. — В Вердене. — На Гран-Куронне. — Сестра Юлия де Жербвилье. — Визит королю Георгу V. — Новое пребывание в Бордо. — В поисках Японии. — Окончательное возвращение в Париж.

Среда, 25 ноября 1914 г.

Приехали в Париж к восьми часам утра. Погода холодная, снег. На вокзале нас ожидают министр внутренних дел, префекты и генерал Галлиени. На набережных Сены лишь несколько любопытных. Ни одна газета не сообщала о нашем приезде; как видно, цензура запретила всякий намек на мою проектируемую поездку на восточные окраины. Мы приезжаем в Елисейский дворец, почти никем не замеченные. Апартаменты дворца уже наполовину снова обставлены стараниями архитектора Тронше и смотрителя здания Перрепа. Но моя любимая комната, единственная, в которой я чувствовал себя более или менее, как дома, моя „библиотека" в первом этаже, все еще пуста. Мои личные книги, перенесенные в сентябре в помещение для хранения мебели, остались еще там. Неужели ожидают разрешения от главной квартиры, чтобы снова поставить их на полки?

Получил от Майрона Т. Геррика, который оставляет посольство Соединенных штатов, письмо, в котором он еще раз выражает свои горячие симпатии Франции. „С чувством глубокой грусти, — пишет он, — я покидаю Францию в годину бедствий и траура ее народа, который я так скоро полюбил". Он горячо благодарит меня за „постоянное благожелательное внимание", которое мы оказывали ему во время его пребывания во Франции, и в заключение пишет: „Непреодолимая притягательная сила, оказываемая Францией на всех моих соотечественников, а также память о друзьях не раз еще снова приведут меня в Париж". Я уверен, что Майрон Т. Геррик будет в Соединенных штатах убежденным защитником дела Франции. Однако каждый из нас жалеет о его отъезде.

В продолжение дня имел совещания с Галлиени, Вивиани, приехавшим со мной в Париж, и с некоторыми политическими деятелями, а именно с депутатами от Сенского департамента.

Выехал утром в закрытом автомобиле вместе с председателем сената Антонином Дюбо. Он теперь утратил всю свою прежнюю резкость и остался таким, каков он от природы — добрым и лояльным. Все его помышления направлены теперь только на Францию и на средства спасти ее, он уже не думает о чем-либо другом. Он пережил 1870 год. Для него, как и для Фрейсине, нынешняя война — продолжение той войны. Он верит в победу, преисполнен решимости, настроение его бодрое. Ни сегодня, ни завтра он не дозволит говорить в своем присутствии о преждевременном мире. Напротив, Дешанель не в духе; он жалуется, что занимает пост, который оставляет его без дела; как видно, он забыл, что совсем недавно отказывался от предложенного ему мною участия в правительстве. Он едет за мною и Дюбо, в одном автомобиле с Вивиани, и порой кажется, что нервы председателя палаты и председателя совета министров слишком потрясены ужасами переживаемой нами драмы.

Сначала мы посещаем главную квартиру, которая все еще находится в Ромильи, но скоро будет переведена в Шантильи. Мильеран, тоже приехавший сюда, ожидает нас. На просторной лужайке перед школой, в присутствии офицеров главной квартиры, я торжественно вручаю Жоффру военную медаль. Он стоит передо мной в скромной и, можно сказать, смущенной позе. Его ясные голубые глаза все время устремлены на меня. Заиграли рожки. Я приближаюсь к генералу и прикалываю к его могучей груди желтую ленту. Затем, стоя между председателями обеих палат, я обращаюсь к нему с следующей речью:

„Мой дорогой генерал, мне очень приятно вручить вам сегодня в присутствии председателей обеих палат, председателя совета министров и военного министра эту простую и славную медаль, которая является эмблемой самых высоких военных доблестей и которую с одинаковой гордостью носят знаменитые генералы и простые солдаты.

Благоволите усмотреть в этом отличии-символе знак благодарности нации.

Начиная с того дня, когда под вашим руководством так замечательно проведена была концентрация французских сил, вы проявили в руководстве наших армий следующие качества, которые ни на момент не изменили вам: дух организации, порядка и систематичности — его благодетельные результаты распространились со стратегии и на тактику, — затем мудрую и холодную распорядительность, всегда умеющую парировать непредвиденное, и наконец непоколебимую силу души и спокойствие, которое всюду подает спасительный пример и рождает веру и надежду.

Я уверен, что отвечу вашим сокровенным желаниям, не отделяя в своем приветствии от вас ваших верных соратников по главной квартире, призванных подготовлять под вашим верховным руководством ежедневные операции и подобно вам поглощенных своей священной задачей. Но от офицеров и солдат, окружающих меня в этот момент, мысль моя уносится на всю линию фронта, от Вогез

до Северного моря, к тем достойным удивления войскам, которые я снова увижу завтра и в следующие дни, и конечно, мой дорогой генерал, я отвечу вашим собственным чувствам, отнеся ко всем войскам часть той чести, которую вы заслужили.

В пережитые вами теперь бурные и тяжелые недели вы упрочили и продлили защитой Фландрии блестящую победу на Марне; благодаря вашему благотворному влиянию на окружающих все помогало вам достичь новых успехов: совершенное единство взглядов в командовании, активная солидарность между союзными армиями, разумное употребление формаций и различных видов оружия; но еще более содействовала вашим высоким целям та несравненная моральная энергия, которая истекает из души француза и приводит в движение все пружины армии.

Несокрушимая сила идеала позволила с начала войны нашим войскам развить свои приобретенные качества и приобрести новые, приспособиться к обороне, не теряя силы своего натиска, противостоять одинаково изнурению от непрерывных боев и гнетущей усталости от длительной неподвижности, одним словом, совершенствоваться под огнем неприятеля и в то же время сохранять среди тысячи неожиданностей войны свой пыл, свое одушевление, свою храбрость.

В тот день, когда возможно будет сделать обзор некоторых из тех актов самопожертвования и храбрости, которые ежедневно совершаются среди вас, факты покажут, что никогда еще в течение веков у Франции не было армии более прекрасной, обладающей таким сознанием своего долга. Впрочем, не сливается ли эта армия с самой Францией? Разве не Франция, не вся Франция без различия партий и социального положения, поднялась на зов правительства республики, чтобы отразить коварное, предумышленное нападение? У всех граждан, ставших под знамена, теперь только одна душа, один ум; личная жизнь отступает перед общими интересами. В этом возвышенном порыве свободного народа представители страны не остались на последнем месте в своем стремлении уплатить долг родине; оба председателя, явившиеся сегодня высказать армии чувства обеих палат, позволят мне присоединиться к ним и в волнении помянуть здесь павших членов парламента, убитых или раненых на полях сражения.

Ужасы этой кровавой войны, косящая рука смерти не притупят энтузиазма войск, горестные потери, которые несет нация, не смутят ее твердости и не поколеблют ее решимости. Франция истощила все средства, чтобы избавить человечество от катастрофы, подобной которой не знает история. Франция знает, что во избежание повторения такой катастрофы она должна в согласии с союзниками окончательно уничтожить причины ее; она знает, что нынешнее поколение является носителем не только заветов прошлого, но и ответственности за будущее; она знает, что, как ни трагичен данный момент, это только один момент в жизни всего народа в целом и что мы не имеем права, отказываясь от всей нашей истории, отказываться от нашей вековой миссии цивилизации и свободы.

Неокончательная победа и преждевременный мир подвергли бы французский гений завтра новым оскорблениям со стороны утонченного варварства, которое надевает на себя маску, чтобы полнее

удовлетворить свои инстинкты господства. Франция в несокрушимом единении своих сынов и с неослабной помощью своих союзников будет продолжать начатое дело освобождения Европы, и когда она увенчает его, она обретет под сенью своих мертвецов более интенсивную жизнь в славе, согласии и безопасности".

Затем я надеваю ленту ордена Почетного легиона на шею генерала Белена, помощника начальника генерального штаба. По окончании церемонии мы беседуем с Жоффром и Фошем, прибывшим для этого случая из Касселя. Оба они уверенно глядят в будущее. Победа, говорят они, потребует еще, возможно, более или менее продолжительного времени, но она будет нашей. План, задуманный и подготовленный немцами, не удался, карта их бита. Ни Жоффр, ни Фош не верят в возможность новой массовой атаки, которой опасается лорд Китченер.

Между тем у нас новые разочарования в области производства на оборону. Но Жоффр не очень огорчен этим, так как он вынужден, прежде чем предпринимать какие-либо новые операции, выждать две или три недели, пока будут готовы недавно изобретенные приборы для разрушения проволочных заграждений и окопов: взрывные бомбы, якорные и абордажные орудия.

Простой завтрак в главной квартире в буржуазном городе, в котором Жоффр каждый вечер засыпает сном Кондэ. Затем мы уезжаем из Ромильи в Шалон-на-Марне, где встречаем командующего IV армией генерала де Лангль де Кари и генерала Дальштейна, командующего 6-м округом. Генерал Дальштейн остался таким же молодым и элегантным, каким я знал его двадцать лет назад в Елисейском дворце. Генерал де Лангль де Кари тоже выглядит молодцом. Он незадолго до войны вышел в запас. Когда вспыхнула война, его немедленно призвали на действительную службу в качестве командующего армией. В молодости он был ординарцем у генерала Трошю; 19 января 1871 г. в битве при Бузенвале он был ранен пулей в грудь навылет. Генерал Жоффр высоко ценит его. Лангль де Кари не беспокоится относительно своего участка фронта, считает его прочным; некоторое беспокойство есть у него только относительно фронта на Аргоннах, где немцы активнее, чем в других местах. Я вручил ему в присутствии войск, но не произнося речи, ленту большого креста ордена Почетного легиона.

С наступлением ночи небольшой кортеж наших автомобилей отправился полным ходом в Шалонский лагерь. Он внезапно открылся перед нами, полный жизни и движения. Здесь расположены территориальные войска Монтобанского округа; они размещены в обширных сараях, слабо освещенных жалкими свечками. Часть солдат занята стиркой среди лагерной грязи при мерцающем свете плошек. Я спрашиваю их о полевой почте, об их здоровье, питании. Все объявляют себя довольными, и если, возможно, не все действительно довольны, то во всяком случае они гордо желают казаться довольными.

Я долго осматриваю лагерные лазареты и госпитали в городе Шалоне. Много тяжело раненых; здесь тоже у раненых прекрасное, бодрое состояние духа. К несчастью много случаев тифа; начинающаяся эпидемия повидимому охватила несколько армий.

Вечером я оставил на ужин в префектуре генералов и офицеров генерального штаба. При всей своей уверенности Ланглъ де Кари в отличие от Жоффра думает, что немцы еще раз будут пытаться атаковать.

Из Елисейского дворца нам позвонили, что сражение под Лодзью развертывается в самых благоприятных для русских условиях. Поражение немцев, кажется, полное. Русские взяли огромное количество пленных [1].

Пятница, 27 ноября 1914 г.

Вместе с генералом де Ланглъ де Кари отправляемся в Аргонны. Сырая и холодная погода. Мы проезжаем Вальми, где зять Дюбо служит в лазарете старшим врачом. Председатель сената не решился просить меня заехать сюда, для чего понадобилось бы сделать небольшой крюк; но, когда я сам предложил ему это, его хорошее настроение перешло в открытую веселость. Вижу, что мне не помешать ему прочитать мне лекцию о битве при Вальми, объяснять мне тактику Дюмурье и Келлермана и доказывать, что теперь было бы опасно увлекать за собой войска в открытом месте с шапками на остриях сабель. Во всяком случае я не избежал цитаты из Гете, касающейся Вальми: „На этом месте и в этот день начинается новая эра мировой истории". — „Да, да, вы увидите, — весело твердит мне Дюбо, — Гете окажется правым второй раз, по прошествии ста двадцати двух лет".

Мы остановились в штаб-квартире генерала Жерара, которому я при этом случае вручил звезду ордена Почетного легиона. Жерар служил некогда на острове Мадагаскаре, где был начальником штаба у Галлиени. С начала войны он командует 2-м армейским корпусом и сражался во главе его под Манжьенн. В сентябре ему поручена была защита Аргонн; здесь, в „этих Фермопилах Франции", ему приходится изо дня в день выдерживать жаркие бои. Мы вместе объезжаем живописный район лесистых холмов; часть его, прилегающую к Маасу, я хорошо знаю, имена его знаменитых ущелий запечатлелись в моей памяти еще с гимназических времен — я часто совершал сюда экскурсии. В пасмурный день среди обнаженных деревьев мы едем приветствовать войска, размещенные в деревянных шалашах с койками, столами и табуретками. Сделали остановку у батарей 90 и 105-миллиметрового калибра, замаскированных среди буков и дубов. Грохот орудий раздается неумолчно. Генерал Жерар говорит мне, что немцы понемногу ежедневно грызут наш фронт на Аргоннах. В общем они отнимают у нас около ста метров в месяц, и это упорное стремление продвинуться в определенной зоне, в одном и том же направлении, очевидно указывает, что они не оставляют мысли осадить Верден.

Командующий III армией генерал Саррайль ожидает нас в прелестной деревушке Илетт, население которой храбро остается на местах под угрозой неприятеля. Для этого населения я не столько президент республики, сколько бывший сенатор от департамента Мааса,

[1] Из Петрограда, № 982 и 987.

и меня встречают как старого знакомого. В Клермон-ан-Аргонн, куда мой отец и моя мать часто приезжали в свои старые годы подышать свежим воздухом лесов и лугов, я нашел только развалины сожженных домов. 5 сентября вюртембергские солдаты и уланы князя Витгенштейна без всякого повода подожгли это несчастное местечко. Уцелела, кажется, только больница благодаря энергии сестры Габриель. Она отправилась в немецкий штаб к генералу и сказала ему: „Ваши офицеры дали мне слово, что больница будет пощажена. Они не сдержали его. Французский офицер никогда не поступил бы таким образом". В первый момент генерал был раздражен этими гордыми словами, но в результате запретил предавать огню больницу [1]. Я горячо приветствую сестру Габриель; впоследствии я вручил ей крест ордена Почетного легиона. Вот ее простой ответ: „Я лишь исполнила свой долг, господин президент".

Проездом через хорошо знакомые мне деревни Ресикур, Блеркур, Регрэ, жители которых, смешавшись с войсками, дружески приветствуют меня, мы продолжаем наш путь по направлению к Вердену. Крепость на Маасе, тесно сжатая в старых стенах, построенных Вобаном, кишит офицерами и солдатами. Она до сих пор не пострадала от обстрела. Жители спокойно прогуливаются по улицам; магазины открыты; никто как будто и не думает об опасности, которая все нарастает вокруг города. Собор на холме невредим. Грациозные фасады епископского дворца и музея в сохранности. Никак не подумаешь, что неприятель начал уже осаду города и систематически старается окружить его. После битвы на Марне кронпринц, командующий V армией и имеющий свою главную квартиру в Стенэ, всячески пытается проникнуть в лесистый и изрезанный район Аргонн. Он старается достигнуть железнодорожной ветки, идущей от Сент-Менегульд до Вердена, — мы ехали вдоль нее по пути из Илетт, — и немецкий генеральный штаб дал ему для этой цели несколько отборных корпусов, в том числе 16-й, Метский, состоящий главным образом из крепких саарских шахтеров. С нашей стороны стоят против кронпринца 5-й корпус под командой генерала Мишле и 2-й корпус под командой генерала Жерара. 1 октября высоты, господствующие над лесом, находились еще в наших руках. Но мало-помалу неприятель продвинулся вперед. Он атаковал наш 2-й корпус в окрестностях Грюери, оспаривал у нашего 5-го корпуса высоты 263 и 295, Ла Филль Морт (точное имя ее было Ла Фейль Морт), Болант и Го-Жардинэ.

Несмотря на это растущее давление со стороны неприятеля, город сохраняет свой довоенный вид. Я завтракаю в супрефектуре с несколькими мобилизованными депутатами: Альбером Лебреном, моим министром колоний в 1912 г., Альбером Ноэлем, депутатом от Вердена, Абелем Ферри, занимавшим в июле пост товарища министра иностранных дел, и наконец с Маргеном, депутатом от департамента Марны, бывшим воспитанником политехнической школы. Саррайль тоже среди нас. С 30 августа он заменил генерала Рюффей во

[1] „La guerre de 1914–1918 dans la Meuse" par Ch. Aimond, chanoine honoraire de Verdun. Verdun, librairie Martin Colardelle, p. 75 et suiv.

главе III армии. Он отпустил седую бороду, но со своей высокой, статной, подвижной фигурой выглядит очень молодо. Неспокойный взгляд его карих глаз, который то пронзает вас, то устремляется куда-то вдаль, говорит о страстной натуре. В своем разговоре он часто отбрасывает все соображения дисциплины. Он чаще критикует, чем хвалит. Саррайль находит чрезвычайно печальным фактом нашу недавнюю атаку на казармы в Шовонкуре, повредшую к столь губительным последствиям. Он приписывает печальное дело у Hauts-de-Meuse и взятие Сен-Мигиеля неспособности генерала, командовавшего 75-й резервной дивизией и понесшего кару, но главным образом ошибке высшего командования, забравшего оттуда 8-й корпус (он отрицает, что корпус был переброшен по его инициативе).

После обеда мы рассматривали форт Дуомон, единственное из укреплений Вердена, пострадавшее пока от бомбардировки неприятеля. Что ни говори, бомбардировка причинила здесь довольно серьезные повреждения. Тем не менее этот форт в состоянии будет продержаться несколько дней против атак неприятеля. Впрочем, как и Галлиени, Саррайль думает, что отныне невозможна защита какой-либо крепости, будь то за поясным валом, либо даже внутри самих фортов. Необходимо с помощью саперных работ создать обширный укрепленный район. Судьба Вердена не внушает Саррайлю беспокойства. Войска его продвигаются в Воэвре, со стороны Этэна и Френ; он переносит наши передовые позиции сколько возможно вперед.

Посетил в Верденском госпитале раненого депутата от департамента Мааса Андре Мажино, сержанта пехоты. У него прострелено колено; это произошло во время одной смелой рекогносцировки на другой день после того, как он был награжден военной медалью за доблесть. Надеются, что можно будет избежать ампутации ноги, но он уже не будет свободно владеть ею. Он очень стойко переносит свои страдания.

Наступает ночь. Мы отправляемся по шоссе Сульи и приезжаем в Бар-ле-Дюк. Я немедленно посещаю раненых и больных тифом в госпитале нижнего города и в помещении женской школы на краю верхнего города. Здесь, так же как и в Шалоне, много тифозных больных, и смертность среди них велика. Если эпидемия распространится, она подвергнет наши армии большой опасности. Но врачи упорно ищут предохранительную прививку против тифа и надеются найти ее. Проезжая мимо дома, в котором я родился, я вспоминаю свое детство, омраченное картинами войны и оккупации. По на этот раз по крайней мере не подверглась нашествию неприятеля милая моему сердцу долина Орнэн, южнее Бар-ле-Дюка, и мои земляки избавлены теперь от зрелища немецких солдат на площади Реджио, вокруг статуи маршала Удино.

Ужин в префектуре с префектом Обером, женой его и некоторыми друзьями из местных жителей. Дешанель совершенно преобразился со времени своего отъезда из Парижа. Он стряхнул свою меланхолию. Он весел, остроумен, блещет умом; все наше общество восхищено им. Мы запрашиваем по телефону Бордо, получены ли в министерстве иностранных дел известия из России. Получены, притом хорошие.

Жители Бар-ле-Дюка узнали о моем приезде и приходят засвидетельствовать свои чувства ко мне, оставшиеся неизменными. Прежде чем покинуть Бар-ле-Дюк, я поехал утром к несчастным беженцам из коммун, захваченных неприятелем. Эти бедные люди нашли приют в одном доме на Банковой улице. Они спят в небольших комнатушках, одни на складных кроватях, другие — на соломе. Никто из них не жалуется, и при нашем кратком визите лица у всех просияли. Сказав несколько слов ободрения тифозным больным, помещенным в другом конце города, в новых казармах, мы отправляемся в Коммерси и едем в поднявшемся тем временем густом тумане.

В Коммерси нас встретили командующий I армией генерал Дюбайль и генерал де Мондезир, командир 8-го корпуса. Они рассказывают нам, что вот уже три дня идут жаркие бои в направлении Апремон-ла-Форе. Генерал Дюбайль, простой, скромный, вместе с тем мягкий и решительный, очень ясно объясняет мне операции своей армии. В последнюю среду, когда выпал первый снег, неприятель энергично атаковал 8-й корпус на одном из выступающих углов наших позиций в Лувьерском лесу. Огонь минометов, против которого бессильна наша артиллерия, заставил наши войска оставить часть своих окопов, которые перешли в руки неприятеля[1]. Несмотря на энергичные контратаки, нам не удалось отнять потерянную территорию. Вчера правое крыло 8-го корпуса в свою очередь подверглось энергичной бомбардировке на юго-запад от редута Буа-Брюле. Мы должны были очистить еще одну траншею. Генерал Дюбайль обеспокоен этими повторными неудачами. Всю ночь немцы пытались использовать свои преимущества, и сегодня утром атаки их возобновились с удвоенной силой. Перед моим приездом генерал Дюбайль отдал генералу де Мондезир приказ держать во что бы то ни стало атакованный редут и со своей стороны как можно скорее пойти в атаку на лесистую вершину на запад от Буа-Брюле, чтобы заставить неприятеля разрознить свои усилия[2].

Прелестный городок Коммерси, колыбель моей парламентской жизни, заполнен беженцами из соседних общин, занятых или угрожаемых немцами. В Воэвре, в долине Мааса, жители должны были ввиду боев или нашествия покинуть свои очаги. Они ушли с молчаливой покорностью судьбе, без возмущения и чуть ли не без волнения. Они повиновались унаследованному рефлексу населения, привыкшего в течение веков к этому периодически повторяющемуся испытанию. Я беседую с некоторыми из них, которых знаю уже многие годы. Они не только не плачутся на свою судьбу, а благодарят меня за то, что делают в их пользу. Я из собственных средств передал мэру и префекту толику для вспомоществования им, но разве она имеет значение перед лицом такого разрушения и такой нужды!

Мэр Коммерси, очень любимый населением, исполняет свою долж-

---

[1] „Quatre années de commandement" par le général Duball, tome I, p. 249 et suiv., Fournier, éditeur.

[2] „Я объясняю президенту положение I армии. Как я вижу, он вполне в курсе операций; он чрезвычайно интересуется ими". Цит. соч., стр. 253.

ность тридцать лет. Это мой друг Рене Гродидье, горнозаводчик, ставший моим преемником сначала в палате депутатов, потом — в сенате. Хотя Коммерси находится под угрозой бомбардировки, заводы не закрылись. Они работают на оборону, впрочем несколько замедленным темпом ввиду мобилизации большого числа рабочих. Гродидье приютил у себя двух моих товарищей из Сампиньи, тоже эмигрировавших после бомбардировки Кло, мою лошадь Бижу и собаку Браво; оба они с радостью приветствуют меня, без всякого уважения к тому званию, которым я облечен в настоящий момент. Мы завтракаем в частном доме Гродидье под непрекращающийся гул пушечной пальбы и тотчас после еды отправляемся далее — в поездку, которая вызывает у меня воспоминание о других поездках, совершенных в молодые годы в те же коммуны, к избирателям департамента Мааса.

Мы едем по Жиронвилльскому шоссе и останавливаемся, не доезжая гребня Hauts-de-Meuse, налево от форта. Погода ясная, и мы легко можем обозревать фронт, занимаемый нашими войсками. Мы присутствуем при артиллерийском бое. Стреляют главным образом наши батареи из форта Лиувилль. Они обстреливают подступы к редуту Буа-Брюле и лес Жюра. Огненные вспышки, облачки дыма, глухой отдаленный грохот. Вот и вся картина сражения. Не видно ни одного всадника, ни одного пехотинца. А между тем в каждой из враждебных армий по сто тысяч человек; но они спрятаны в ямах и прикрытиях, и огромная равнина, расстилающаяся внизу перед нашими глазами, кажется пустынной.

Форт Жиронвилль был 31 октября бомбардирован неприятелем, и генерал Дюбайль опасается, что вереница наших автомобилей может вызвать новую бомбардировку. Поэтому я с Дюбо и генералами Дюбайлем и Дюпаржем садимся все вместе в один невзрачный автомобиль и едем полным ходом. Бомбардировка не причинила повреждений в форту. Я ищу здесь своего садовника из Кло Эжена Ожара, о котором знаю, что он мобилизован как запасной. Жене его пришлось оставить мой участок в Сампиньи, где снаряды продолжают падать на мою усадьбу и на окружающие ее деревья. Мы наймем в Бар-ле-Дюк дом для жены и детей садовника, поместим там также то, что уцелело от нашей обстановки.

Спускаемся мимо Жиронвилля, Жуйзу-ле-Кот и Корневилля к Тулю. Автомобили наши следуют на приличном расстоянии друг от друга, чтобы не слишком возбуждать любопытство немцев. Губернатор Туля генерал Реми показывает нам устройство передового пояса укреплений, они расположены на холмах и в лесу; он показывает нам батареи, а также прикрытия для пехоты, вырытые с начала военных действий и долженствующие заменить собой постоянные форты, которые не в состоянии держаться против тяжелой артиллерии. Впрочем в настоящий момент укрепленный лагерь Туля может опасаться только визитов „Tauben“ и неприятельских летчиков. Ему не приходится иметь дело с неприятельской артиллерией. Крепость Туль, которую мы считали одним из самых важных и необходимых сторожевых пунктов на нашей восточной границе, одним из наиболее подверженных нападению неприятеля, осталась до сих пор в

стороне от его попыток, тогда как крепость Мобеж, которую защищал нейтралитет Бельгии, пала и оккупирована немцами.

Под вечер мы приехали в Нанси, где нас встретили в префектуре Мирман с женой и детьми, подавшие за последние недели лотарингскому населению прекрасные примеры храбрости. Изящный город Станислава оправился от тревоги, испытанной им во время битвы на Гран-Куронне. Он остается объектом воздушных нападений и даже бомбардировки из дальнобойных орудий. Но город храбро вернулся к нормальной жизни, и улицы его почти так же оживлены, как в мирное время.

Воскресенье, 29 ноября 1914 г.

Утром генерал Дюбайль, приехавший к нам в Нанси, повез нас — Дюбо, Дешанеля и меня — на главные позиции на Гран-Куронне и на поля битвы августовских и сентябрьских сражений. Я знал эту местность в молодости, когда служил вольноопределяющимся; узнаю поля, на которых я так часто маршировал с 26-м полком. Эти холмы на сей раз были свидетелями менее безобидных операций [1]. Мы подъезжаем к Шампену, где был центр сражения, и к Кревик, почти совершенно разрушенному. Мэр этой последней общины, а также те из жителей, которые вернулись в нее, рассказывают нам, что немцы без всякого повода и умышленно поджигали дома, причем начали с дома генерала Лиотэ. „Эти варвары были мальчишки, представьте себе, господа, мальчишки!“ И он как будто еще больше возмущен их возрастом, чем их зверствами.

Затем мы едем на север, почти до самой границы. Около Бренского пруда мы выходим из автомобилей и идем пешком через лес до опушки. По предложению генерала Дюбайля я вручаю военную медаль одному бравому сержанту запаса по имени Лаведан, учителю в Верхних Пиренеях. Восемь дней назад он был ранен в правую руку; после того как ему сделана была перевязка, он добровольно продолжал командовать своим взводом [2]. У выхода из леса наши передовые посты. Солдаты — запасные и территориальные — вырыли под деревьями окопы и подземные прикрытия. В Брене отряд нашего авангарда, а на другой стороне Сейль, в деревнях, которые видны нам отсюда, находятся немцы. Сегодня все тихо. В этом секторе сегодня не идут бои. Обе стороны ограничиваются тем, что наблюдают друг за другом.

Мы возвращаемся в Нанси и немедленно отправляемся дальше, в Люневилль. На улицах толпа, довольно густая, узнает и окружает нас. Мы делаем небольшую остановку в мэрии. Я выражаю жителям свое соболезнование по поводу испытанных ими лишений и приветствую их освобождение и их патриотическое поведение. Затем мы опять садимся в автомобили и едем туда, где некогда был Жербвилье, бедный город-мученик, все дома которого были преданы огню немцами. Торчат лишь обуглившиеся стены и груды камней, над ними

---

[1] „Le Pays Lorrain“ (Nancy, 1928): «La Bataille qui sauva Nancy. Champenoux, 24 août — 12 septembre 1914» par l'abbé Ch. Rolin, curé de Champenoux-Enbeviller.

[2] „Генерал Дюбайль“, стр. 253.

церковь с зияющими дырами; развалины ее колокольни словно обращаются с последней молитвой к небу. По предложению Мирмана и с согласия Вивиани я вручаю крест ордена Почетного легиона начальнице больницы, сестре Юлии, которая по общему отзыву представителей населения великолепно вела себя во все время сражения. Вместе с четырьмя другими сестрами из Сен-Шарль она ухаживала за ранеными и кормила бедных обывателей, которым помимо шрапнелей угрожал также голод. Дюбо говорит, что слышал в толпе несколько негромких протестов против награждения сестры Юлии, и боится, что они внушены политическими соображениями. Но Мирман успокаивает его и уверяет, что, напротив, все партии вполне единодушны в оценке деятельности сестры Юлии и возражают лишь несколько женщин, слишком жадных и считающих, что их обделили в пользу других, более несчастных [1].

В Нев-Мезон мы расстаемся с генералом Дюбайлем. Здесь находится штаб-квартира его армии, и он остается здесь, чтобы подготовить новые атаки; он намерен послать завтра 8-й корпус в атаку против Во-Фери, 31-й — против Соннарского леса, 73-ю дивизию — против Мор-Марского леса. Мы обедаем в супрефектуре Туля с сенаторами и депутатами департамента Мерты и Мозеля и с художником Гиро де Сцевола, в настоящее время артиллерийским бригадиром. Вечером садимся в Туле в поезд, отправляющийся в Париж; по дороге мы то и дело останавливались вследствие встречных военных эшелонов.

Понедельник, 30 ноября 1914 г.

В своем рабочем кабинете в Елисейском дворце я просматриваю бумаги, пришедшие за время моего отсутствия. Прежде всего секретную записку из Лондона [2], в которой Поль Камбон приводит слова, сказанные ему сэром Эдуардом Греем: „Австрия и Пруссия имеют при Ватикане своих представителей, которые ведут среди католического мира беспрестанную кампанию против держав Тройственного согласия. Они изображают эту войну как столкновение между врагом католической церкви — Англией, схизматической Россией и атеистической Францией, с одной стороны, и обеими державами, наиболее почтительными и приверженными к католицизму, — с другой. Эта кампания ведется во всех католических странах, в Испании и в Америке, и может оказать самое печальное влияние на общественное мнение. Поэтому британское правительство решило послать в Рим свою миссию при святом престоле. Каковы будут ее продолжительность, характер и состав? Пока еще ничего не решено, но решение не замедлит быть принято". В заключение своего сообщения Полю Камбону сэр Эдуард Грей ограничился словами: „Желательно было бы, чтобы Франция поступила, как мы". Да, конечно это было бы желательно; с нашей стороны своего рода абсурд оставаться во время войны в стороне от столь важного наблюдательного пункта, как Ватикан. Но захочет ли понять это французское правительство?

---

[1] „L'Ame française et la guerre. Les Saints de la France" par Maurice Barrès, Emile-Paul frères, éditeurs, p. 22 et suiv.

[2] № 1097.

Другая депеша. Великобританский поверенный в делах в Каире считает, что предстоит обнародование его правительством декларации, возвещающей о низложении хедива, замене его принцем Гуссейном и установлении британского протектората[1] [31].

Новая инициатива Сазонова. Он заявляет, что имеет основания считать возможным незамедлительно добиться активной помощи Болгарии против Австрии, если три державы гарантируют Болгарии приобретение Фракии до линии Энос — Мидия и раздел Македонии на основе соглашения 1912 г. Здесь нет ничего нового, Сазонов желает лишь показать нам, что он остается верен своим иллюзиям; но присовокупляется следующее: „Однако, принимая в соображение, что Греция и Сербия придают решающее значение сохранению смежности своей границы, Сазонов предлагает нам осуществить это соседство за счет Албании“[2]. Делькассе придется сделать холодный душ этому не в меру разгоряченному воображению.

Мы получили от Палеолога также другую депешу: „Я наталкиваюсь на препятствия в своем стремлении получить точные сведения о сражении под Лодзью; это заставляет меня опасаться, что победа русских не носит того решающего характера, как полагал сначала начальник генерального штаба. Во всяком случае это сражение еще продолжается“[3]. Россия все более приучает нас к чередованию плохих известий с хорошими. День надежд, затем день разочарований. В конце концов возможно, что русское правительство осведомлено на этот счет не намного больше нашего.

Известия из Сербии еще менее утешительны. Сообщают о признаках упадка духа в войсках I армии и даже о случаях паники среди молодых новобранцев, недавно включенных в состав армии[4]. Принц-регент все время на фронте и старается поднять дух солдат и подать им пример храбрости[5].

Делькассе телеграфирует мне, что английский король приезжает во Францию посетить армию маршала Френча. Вивиани, как и я, того мнения, что я должен отправиться приветствовать короля. Полковник Пенелон, приехавший вместе с нами из восточных окраин, телефонирует в английскую главную квартиру, чтобы подготовить свидание. Оно назначается на завтра в Мервилле.

Как сообщает мне Жюль Камбон, кардинал Аметт передал ему письмо от кардинала Гаспарри. Папа желал бы, чтобы воюющие стороны согласились приостановить военные действия на день рождества. Святой отец даст ход этому проекту только в том случае, если будет иметь шансы на принятие его; он поручил парижскому архиепископу зондировать почву. Жюль Камбон ответил кардиналу Аметту, что не в его компетенции высказаться по этому поводу, что французское правительство, разумеется, может действовать только по соглашению со своими союзниками и кроме того несомненно запросит мнение военного начальства. Посол спрашивает мое мнение. „Разу-

[1] От Дефранса от 28 ноября, № 188.
[2] Из Петрограда, № 991.
[3] Из Петрограда, № 990 и без номера.
[4] Из Ниша, № 331.
[5] Из Ниша, № 334.

меется, — отвечаю я, — я не мог ничего решать помимо правительства, но мне кажется, что идея святого престола нелегко осуществима. Как вы заметили, мы должны сначала рассмотреть этот вопрос с нашими союзниками. Между тем праздник русского рождества не совпадает по времени с нашим. Кроме того никто не может предвидеть, позволит ли военная ситуация приостановить военные действия в день 25 декабря: [32]. Я нахожу мысль папы благородной, но боюсь, что она несколько платонична. Во всяком случае известите правительство в Бордо".

Вторник, 1 декабря 1914 г.

Утром отправились поездом в Сент-Омер. Меня сопровождает только Вивиани с генералом Дюпаржем и полковником Пенелоном. Мы приехали в час дня. На вокзале нас ожидал генерал Жоффр, прибывший в свою очередь. Садимся в автомобиль и едем в Мервилль, где находится штаб одной английской дивизии. Король Георг V принимает нас в частном доме, реквизированном британскими войсками. Он в походной форме вроде той, какую носит Френч, из серого сукна с желтоватым оттенком, в гетрах и кепке, на околыше которой красуются два золотых венчика. Он любезно благодарит меня за мой приезд, представляет мне своих офицеров и приглашает меня занять место рядом с ним в открытом автомобиле и объехать войска, выстроившиеся для парада. Они большей частью взяты из окопов и выстроены по обеим сторонам дороги. Мы медленно проезжаем между двумя неподвижными шеренгами; офицеры отдают честь; солдаты кричат „ура", что не принято у французов. Всюду, где мы проезжаем, в Мервилле, Газебруке, Эстере, жители толпой приветствуют нас. Король, как всегда, очень приветлив, и мы непринужденно беседуем о наших переживаниях за последние месяцы. Видно, он очень доволен, что немцам не удалось дойти до Кале. „Это, — говорит он, — явно было их целью, и чем мощнее был их натиск, тем серьезнее их неудача". Король выражает свое удовлетворение по поводу того, что три союзных правительства взаимно обязались не подписывать сепаратного мира. „Я, — говорит он, — всегда был того мнения, что Англия должна выступить против Германии, если последняя объявит войну Франции. Но на ваше письмо я вынужден был ответить сдержанно, так как мое правительство еще не приняло решения и английское общественное мнение не было еще готово к вмешательству. Я сказал Грею: „Вы должны осведомить страну; конечно вам удастся объяснить ей, что Англия не может остаться безучастной к этому конфликту". Грею действительно легко удалось открыть глаза огромному большинству англичан.

Король очевидно глубоко потрясен зрелищем опустошений, произведенных немцами в коммунах, которые мы проезжаем. Он сам указывает мне на развалины сожженных домов, на повреждения, причиненные снарядами; он отлично понимает, что мы, сражаясь за общее дело на своей территории, находимся не в самом выгодном положении.

Мы посетили две штаб-квартиры; принимаем парад кавалерии, артиллерии, пехоты и поздно возвращаемся в Сент-Омер, где нахо-

дится главная квартира маршала Френча. Сент-Омер производит впечатление английского города. Всюду английские офицеры и солдаты, они находятся в наилучших отношениях с населением. Впрочем жители Сент-Омера на чистейшем французском языке свидетельствуют мне свою радость по поводу моего приезда.

Мы ужинаем у маршала Френча. Король счел нужным сам пригласить меня, так как считает себя посреди своих войск у себя дома, хотя и на французской территории. На ужине присутствуют только принц Уэльский, все еще, можно сказать, такой же юный, как тогда, когда принимал у себя маркиза де Бретейля[1], фельдмаршал Френч, два английских офицера, генерал Дюпарж, полковник Пенелон и полковник Гюгет, глава нашей военной миссии при английской главной квартире. Король в нелестных выражениях говорит мне о Кайо, которого сэр Френсис Берти изобразил ему в мало привлекательном свете[2]. „Наконец-то, — говорит он, — он уезжает в Бразилию. Это утешительно". Король замечает, что лично он, как впрочем и британское правительство, считает необходимым продолжать войну до уничтожения германского империализма. Он воспользуется своим пребыванием во Франции и посетит в Фюрнесе или Ла Панн своего кузена короля Альберта I.

Среда, 2 декабря 1914 г.

Ночью мы выехали из Сент-Омера и сегодня утром вернулись в Париж. Не успел Вивиани расстаться со мной, как снова является ко мне в Елисейский дворец. Бриан позвонил ему, что правительство, собравшись в Бордо в наше отсутствие, ответило Англии, что Франция не намерена посылать своего представителя в Ватикан. Кажется, даже намекнули английскому правительству, что оно несколько поспешило с назначением своего представителя. Какая мелочная и близорукая политика! Неужели мы принесем наши национальные интересы в жертву партийным пристрастиям? Вивиани повидимому примирился с этим злополучным ответом. Но почему Делькассе и Бриан не настояли, чтобы выждали нашего возвращения, прежде чем принять решение? Все воюющие державы будут представлены при Ватикане за исключением нас, как будто отделение церкви от государства запрещает нам дипломатические отношения с папским престолом и как будто мы в праве не интересоваться тем, что происходит в Ватикане!

Сегодня утром Вивиани и я получили от Мильерана — он вернулся в Бордо — копию письма Жоффра, касающегося обороны Парижа. „Опыт нынешней войны, — пишет Жоффр, — показывает, что нельзя с уверенностью рассчитывать на силу сопротивления крепостных сооружений и укреплений, а также на территориальные войска, которые за некоторыми почетными исключениями проявили лишь слабое военное достоинство. Поэтому в том случае, если неприятель будет угрожать Парижу, что впрочем становится все менее вероятным, защита его должна быть обеспечена одной из полевых

[1] „Le lendemain d'Agadir", p. 188 et suiv.

[2] „The Diary of Lord Bertie", Hodder and Stoughton, London, vol. I, p. 224.

армий, состоящей из закаленных войск и опирающейся на укрепленные полевые позиции; армия эта должна быть выдвинута как можно дальше перед Парижем, неприятеля не следует подпускать к последнему. Моими стараниями такие позиции уже были созданы на участке Бове — Виллерс — Коттере; равным образом мне надлежало в нужный момент назначить регулярные войска для занятия этих позиций. Между тем при нынешнем положении вещей в распоряжение военного губернатора Парижа предоставляются четыре дивизии территориальных войск; распределенные в различных секторах, они должны будут защищать линию сопротивления, расположенную всего в нескольких километрах от внешних фортов. После вышесказанного такое положение никоим образом не отвечает требованиям ситуации". Главнокомандующий предлагает поэтому ряд перемен, которые неизбежно должны будут повлечь за собой сокращение функций, возложенных декретом 26 августа на военного губернатора Парижа. Жоффр предвидит, что генерал Галлиени не сможет согласиться на столь урезанную роль, и предлагает в таком случае заменить его генералом Монури. Он пишет, что не желает сам принять это решение, потому что „вопрос связан с возвращением, хотя бы временным, правительства в столицу по случаю предстоящего созыва парламента. Эта возможность связана с тем, что укрепленный лагерь Парижа вплоть до линии внешних фортов будет находиться вне зоны действующих армий".

Итак, главнокомандующий все еще считает, что возвращение правительства в Париж не должно произойти немедленно и может носить временный характер. Сам Вивиани тоже сказал мне, что имеет в виду окончательное возвращение правительства лишь в течение января. Я еще раз подчеркиваю ему, что считаю недопустимыми и неоправдываемыми эти постоянные отсрочки. Однако я тоже, как и он, держусь того мнения, что не годится урезывать миссию Галлиени, не найдя для него другого назначения, достойного его. В согласии со мной Вивиани телефонирует Мильерану, что мы просим не принимать без нас решения по этому вопросу.

Днем я принял Барту. Принятие закона о трехгодичном сроке военной службы должно было бы вернуть его к власти со времени войны, но воспоминание о протоколе Фабра[1] [33] помешало Вивиани призвать его в свой расширенный кабинет после удаления из него Кайо. Барту тоже сгорает теперь от нетерпения получить назначение и, разумеется, огорчен тем, что еще не получил его. Он говорит мне, что охотно согласился бы взять на себя председательство в комиссии по устройству Эльзаса и Лотарингии, как ему предлагал это Вивиани. В самом деле, надо уже теперь приступить к выработке статута для коммун, занятых нашими войсками. Я заметил Барту, что в помещении государственного совета уже функционирует комиссия, являющаяся очевидно продуктом самопроизвольного зарождения, и кроме того главная квартира приняла меры на местах. Генерал Дюбайль даже сказал мне раз в присутствии председателей обеих палат и председателя совета министров: „Я велел выплачивать жалование священ-

[1] „Union sacrée", p. 79 et suiv.

никам в Эльзасе и обещаю населению считаться с их обычаями". — „Я точно того же мнения, — заметил мне Барту. — Но нам очевидно надо будет согласовать работу военных и гражданских властей. В качестве председателя генеральной комиссии я взял бы на себя установить эту связь".

Жюль Камбон говорил по телефону с Делькассе, а затем имел вторично свидание с кардиналом Аметтом. Он указал последнему, какие возражения вызывает идея рождественского перемирия. Главная квартира считает опасной приостановку текущих операций даже на двадцать четыре часа. Кардинал прекрасно понимает этот мотив отказа. Он к тому же находит, что честность германской армии слишком подозрительна, чтобы мы могли положиться на принятые обязательства. Он сам известит Ватикан[1].

Четверг, 3 декабря 1914 г.

Вчера вечером выехал поездом из Парижа и возвратился крайне неохотно в префектуру Жиронды; правительство все еще считает своим долгом заседать здесь. На сей раз по крайней мере предоставили свободу мадам Пуанкаре остаться среди населения Парижа и заниматься делами, требующими ее помощи.

По приезде в Бордо я узнал о смерти одного из старых офицеров моей военной канцелярии, бравого полковника Гошотта. Он родом из Курселль-о-Буа, скромной деревушки в департаменте Мааса; в этой деревушке мой дед по матери обычно останавливался, когда отправлялся на охоту, и я, в то время еще совсем мальчик, посадил там елки. На этих днях старый полковник получил апоплексический удар, от которого и скончался. Я хотел бы присутствовать сегодня на его скромных похоронах, тем более что до конца войны не представится возможности перевезти его тело туда, на небольшое деревенское кладбище, где покоятся его родные, у погоста бедной церковки, в которой часто молилась моя бабушка, когда дед мой охотился на волков и кабанов. Из всех прав, которых меня лишает мое положение президента, я безусловно больше всего жалею о праве оставаться самим собой. Приехав сюда, я всецело поглощен делами совета министров и не имею даже возможности следовать за гробом друга моих родителей.

Среди прочих важных вопросов нам предстоит решить вопрос о военном губернаторе Парижа. Мильеран полностью присоединился к выводам генерала Жоффра. Он желает, чтобы Галлиени был заменен генералом Монури, причем первый в виде возмещения назначен был командующим войсками в тылу. Вместе с тем военный министр, как и главнокомандующий, остается решительным противником официального и окончательного возвращения правительства в Париж. Вивиани, беседовавший вчера с Галлиени, предпочитает, чтобы последнему поручена была более активная роль — командование группой армий; но, судя по словам полковника Пенелона, Жоффр не согласится на это. Жоффр в свое время служил в колониях под начальством Галлиени. Он считает, что Галлиени будет теперь трудно

[1] От Жюля Камбона для Делькассе от 1 декабря, № 157.

быть под его непосредственным начальством и приспособиться к этому подчиненному положению. Вдобавок Бивиани (вместе с Мильераном) находит целесообразным, чтобы официальное возвращение правительства в Париж последовало не раньше, чем произойдут новые события на фронте. По его мнению, правительство должно возвратиться в Париж по частям к 10 декабря и фактически остаться там до предстоящей сессии парламента, причем окончательное возвращение правительства должно быть объявлено на 20 января. Как он говорит мне, он желал бы избежать того, чтобы палаты при виде совершившегося переезда министров в Париж не заявили претензии заседать перманентно в продолжение всей очередной сессии 1915 г., т. е. от января до конца июня. Конституция дает им это право, причем во время этого периода только они сами могут распускать себя на каникулы. Я возражаю, что в настоящее время эти соображения политического характера имеют чисто второстепенное значение. „Военные власти, — говорю я, — уже заставили правительство сделать грубую ошибку, когда продиктовали ему час и условия его отъезда из Парижа. Если бы мы остались хотя бы еще двое суток, как того желал я, мы несомненно совсем не уехали бы. А сегодня было бы новой ошибкой, и на сей раз гораздо более тяжелой, если бы мы сократили гарнизон Парижа и сменили губернатора, прежде чем показали своим присутствием, что город находится отныне в полной безопасности. Не следует предпринимать никаких шагов, пока мы не будем на месте. Впрочем лично я предпочитаю немедленное и окончательное возвращение. Но если вы все же желаете принять меры на будущее, устройте по крайней мере так, чтобы мы все фактически вернулись в Париж вместе с центральными административными учреждениями, пригласите также возвратиться в Париж дипломатический корпус, и тогда, когда все будут снова на месте, мы попытаемся найти с Галлиени удовлетворяющее его решение. Например можно будет оставить за ним звание военного губернатора и в то же время поручить ему командование войсками в тылу. Так или иначе недопустимо лишать Францию такого слуги, как он".

После долгого обсуждения вопроса кабинет в конце концов присоединяется к моему мнению. Он постановляет, что до нашего возвращения не будет принято никакого решения (в вопросе о Галлиени. — *Прим. перев.*) и что мы фактически возвратимся в Париж на следующей неделе.

Сербское правительство приняло решение, что его армия оставит Белград. Оно просит Англию, Россию и нас настоять в Афинах на том, чтобы Греция отправила ему на помощь восемьдесят тысяч солдат. В то же время оно просит у нас новой ссуды в сто миллионов [1]. Венизелос в принципе согласен исполнить желание Пашича, но под условием, что Антанта гарантирует королю Константину, что Греция не подвергнется нападению со стороны Болгарии [2]. Не знаю, каким образом Антанта может дать Греции подобную гарантию.

В мое отсутствие Сазонов снова дал волю своей фантазии. Поль

[1] Из Ниша, № 358.
[2] Из Афин, № 211.

Камбон не мог не предостеречь Делькассе от затей русского министра. Возвращаюсь к своим предыдущим рассуждениям. „Мне, — телеграфирует неоднократно он[1], — приходилось указывать на стремительность Сазонова и высказывать сожаление по поводу той поспешности, с которой передаются его предложения. Я убежден, что, если представители Франции и Англии обратятся к нему со своими замечаниями и подвергнут обсуждению формулы, которые он любит сочинять на каждом шагу, не дожидаясь результатов своих предыдущих предложений, он поймет это, ибо он человек рассудительный и проникнутый благими намерениями". Быть может эти справедливые замечания повлияют на Делькассе в том смысле, что он перестанет так часто итти на поводу у русского министра.

Пятница, 4 декабря 1914 г.

Новый посол Соединенных штатов Вильям Г. Шарп вручил мне свои верительные грамоты, подписанные президентом Вудро Вильсоном и министром иностранных дел Врайаном. Он обратился ко мне с речью на английском языке, так как подобно своему предшественнику не владеет языком страны, в которой он должен представлять свою страну. Повидимому Америка принципиально выбирает теперь даже для Парижа дипломатов, не знающих ни слова по-французски. Итак, Шарп выражает мне на английском языке пожелание, чтобы „из испытаний этих дней скоро родились благодеяния длительного и счастливого мира". Я отвечаю ему несколькими банальными любезностями и присовокупляю: „Благодарю вас за ваши пожелания относительно восстановления „длительного и счастливого" мира. Если бы это зависело только от французского правительства, мир никогда не был бы нарушен. На грубое нападение мы ответили с тем патриотизмом и с той храбростью, которым вам угодно было воздать должное. Мы преисполнены решимости выполнить навязанную нам обязанность до конца. Для того чтобы мир был „длительным и счастливым", для того чтобы он не был иллюзорным и обманчивым, его должно гарантировать полное возмещение нарушенных прав, он должен также быть обеспеченным против посягательств в будущем".

Полковник Пенелон привез мне от Жоффра записку следующего содержания: „1) Генерал Жоффр полагает, что после исхода сражения во Фландрии Париж совершенно вне опасности и немецкая армия утратила свою способность к наступлению. 2) Поэтому он перенес свою главную квартиру между столицей и неприятельской армией, чтобы быть поблизости той зоны, где он перейдет в наступление, когда придет время. 3) В этих условиях он считает теперь лишь полезным изъять Париж из зоны действующих армий и оставить в нем только войска, необходимые для поддержания порядка и безопасности. 4) Он считает также лишь полезным, чтобы правительство возвратилось в Париж и таким образом показало перед Европой, что первая фаза войны, а именно немецкое наступление, закончилась. 5) Из дивизий, изъятых из Парижа, генерал Жоффр намерен обра-

[1] Из Лондона, № 1127.

зовать группу под начальством генерала д'Амаде. б) Ввиду того, что миссия, порученная генералу Галлиени в Париже, закончена, главнокомандующий желал бы поставить его во главе всех запасных батальонов и всех формирований, которые должны быть организуемы внутри страны, с тем чтобы после соответствующей учебы и подготовки отправиться на фронт".

Итак, генерал Жоффр изменил наконец свое мнение относительно целесообразности нашего возвращения в Париж; однако он попрежнему предлагает такое решение вопроса о Галлиени, которое не представляется приемлемым. Я сообщаю содержание этой записки совету министров. Мильеран остается при своем мнении, что лучше не возвращаться в Париж. Что ему ни говори, его не убедишь; как видно, канцелярии его министерства не легко снимаются с места. Он думает оставаться в Бордо впредь до нового распоряжения, но время от времени приезжать в Париж. Тем не менее совет министров решает, что в ближайший четверг я возвращаюсь в Париж вместе с Вивиани и Делькассе. Мильеран поедет с нами и в субботу вернется в Бордо, как он того желает. Вопрос о военном губернаторе Парижа будет решен на месте.

Плохие вести из России. Великий князь Николай Николаевич утверждает, что на его фронте находятся значительные германские силы, перевезенные в ноябре с западного фронта на восточный [1]. Русский главнокомандующий заявляет, что, если на его фронт будет продолжаться посылка неприятельских подкреплений, он будет „вынужден отказаться от своей нынешней тактики и перейти к системе окопной войны, практикуемой на франко-бельгийском фронте". Великий князь желает знать, намерен ли генерал Жоффр вскоре продолжать продвижение вперед. Как видно, он не подозревает тех трудностей, на которые мы наталкиваемся, да и мы сами возможно не представляем себе тех трудностей, которые останавливают его. Однако в настоящий момент Жоффр убежден, что за исключением кавалерии никакие немецкие войска из тех, что стояли против нас на Марне, не были отозваны из Франции и отправлены в Россию.

Известия из Сербии тоже неутешительны. Образован национальный кабинет под председательством Пашича, но положение на фронте не улучшается [2].

Плохие известия также из Греции. Для помощи сербам Венизелос продолжает требовать невозможных гарантий против Болгарии [3].

Суббота, 5 декабря 1914 г.

От имени Жоффра комендант Эрбильон настаивает предо мной на незамедлительном решении вопроса о парижском гарнизоне и военном губернаторе. Как мне кажется, отношения между штабами обоих военачальников к сожалению обостряются. Я повторяю Эрбильону то, что уже сказал полковнику Пенелону: „Предварительно правительство должно вернуться в Париж, снова завоевать своим

[1] Из Петрограда, № 1028, 1029.
[2] Из Ниша, № 366.
[3] Из Афин, № 212.

присутствием и своей деятельностью авторитет, который отчасти потерян им, внушить впечатление, что столица снова в безопасности. Пока это не сделано, мы не можем отозвать из Парижа его гарнизон и лишить город человека, которого он считает своим спасителем".

В совете министров решено, что министры по своему желанию возвращаются в Париж, начиная с завтрашнего дня. Предваряя это постановление, Бриан уже отправился в Париж. Во вторник вечером я наконец оставлю Бордо в обществе Вивиани. Мильеран приедет к нам в Париж в среду. В четверг он будет у Жоффра в Шантильи. В пятницу рано утром он устроит встречу Жоффра с Галлиени в Париже, и в то же утро у нас будет заседание совета министров в Елисейском дворце.

В дальнейшем сегодняшнее заседание совета министров не обходится без некоторых инцидентов. Вивиани не довольствуется уже тем, что думает вслух, он не может удержаться от высказывания своих чувств и даже впечатлений; он переживает вслух свои эмоции. Обеспокоенный известиями из России, он впал сегодня в крайне пессимистическое настроение. Он не видит больше никакого средства спасти Францию кроме следующего: призвать японцев в Европу, чего бы это ни стоило, и уплатить за их помощь любую цену, которую они потребуют, в случае надобности — Индо-Китай.

Делькассе довольно искусно излагает действительное положение дел. Он излагает переговоры, которые велись в Японии, встретившиеся при этом затруднения, колебания правительства в Токио. Он думает, что у Японии нет никаких вожделений относительно Индо-Китая, что она желает лишь, чтобы ее торговля (таможенный режим) с этой колонией строилась на основе тех же соглашений, что и с Францией. Совет министров уполномочивает Делькассе обещать Японии эту уступку. Министр иностранных дел полагает, что Япония сверх того пожелает финансовой помощи для эксплоатации Манчжурии и Кореи. Это тоже возможно предложить ей. Но в первую очередь необходимо, чтобы Россия согласилась подписать договор о союзе с Японией и признала бы за ней определенные сферы влияния в Китае. Решено было, что Делькассе будет стараться убедить Англию и Россию в необходимости сделать известные уступки токийскому правительству с целью заключения, если возможно, союза между четырьмя державами.

Мильеран — я его еще никогда не видел таким мрачным — говорит со мной о депешах из России, которые действительно вызывают все большую и большую тревогу. Повидимому русский генеральный штаб намерен возложить на нас ответственность за свои неудачи. Каким образом русская армия со своим численным превосходством оказывается столь бессильной? Как это великий князь Николай Николаевич может думать о том, чтобы ограничиться обороной? По моему предложению Мильеран ответит в Петроград, что мы продолжаем выдерживать самый значительный напор немецкой армии, что мы не заметили изъятия немецких войск с нашего фронта и что впрочем мы не перестаем приступать к атакам на всем протяжении нашего фронта, чтобы задерживать перед нами силы неприятеля[1].

---

[1] Из Петрограда, № 1031, 1031bis, 1032, 1033, 1035.

Князь фон Бюлов назначен германским послом в Риме. Он женат на итальянке. Очевидно германское правительство желает использовать рассудительность и активность бывшего канцлера и его многочисленные связи во всех слоях римского общества, чтобы остановить растущее на всем полуострове движение в пользу „естественных границ“ [1].

Воскресенье, 6 декабря 1914 г.

Мадам Пуанкаре сообщает мне из Парижа, что Морис Баррес просил ее принять его. Его с полным основанием волнуют те печальные недоразумения, которые произошли в занятом нашими войсками Верхнем Эльзасе и о которых он писал в своей блестящей статье „За Эрмана и Колетт“, помещенной в пятницу в утреннем выпуске „Echo de Paris“.

„Многие французы, — пишет он, — не желают понять, что в Эльзасе и Лотарингии наряду с туземным населением имеется немало людей, пришедших со времени войны 1870 г. с той стороны Рейна и ненавидящих Францию. Наши солдаты, испытав на себе эту ненависть, нередко без разбора платят за нее нашим же братьям... Наша совесть чиста в этом отношении. Мы хорошо присмотрелись к молодым людям в Эльзасе и Лотарингии, поняли их, восхищались ими и по мере своих сил описали этих наших братьев, вынужденных отбывать воинскую повинность в Германии, мы описали также молодых девушек Эльзаса и Лотарингии, отвергающих ухаживания немецких увальней. Нам порой не верили, находили также, что мы слишком настаиваем на этом. А между тем многие французы и теперь еще считают действительным врагом Поля Эрмана (или по крайней мере его товарищей, которые, менее счастливые, чем он, менее подвижные, менее осведомленные, должны были остаться в немецких рядах)“.

Баррес протестует не без основания против той чрезвычайной легкости, с которой у нас посылали эльзасцев и эльзасок в концентрационные лагери. Он сообщает, что в этих лагерях женщины уже четыре месяца спят на соломе, отвратительно, вперемежку с мужчинами. Статья кончается следующими словами: „Пришла зима. Близится рождество, а Колетт в этот день будет терпеть голод и холод. Это — во Франции. Не посылайте мне денег для этих бедных девушек. Я не знаю, как употребить эти деньги с пользой. Но я почтительно обращаюсь к мадам Пуанкаре и прошу ее соблаговолить в своей совершенной доброте рассмотреть, что́ возможно сделать для спасения наших лотарингских соотечественниц и их подруг, наших эльзасских сестер“.

Моя жена обращает мое внимание на факты, взволновавшие Мориса Барреса и обнаруживающие непростительные ошибки или даже преступные злоупотребления. Она сделает все, что в ее силах, чтобы оказать помощь наиболее несчастным семьям, но, очевидно, необходимо, чтобы правительство устроило контрольные объезды концентрационных лагерей и чтобы были освобождены эльзасцы, происхождение которых известно. Для рассмотрения этого последнего

[1] От Баррера, № 678.

можно было бы использовать Ложеля, Веттерле, Блументаля и других беженцев, французские симпатии которых несомненны.

Сегодня не было заседания. Мальви, Рибо и Оганьер уже последовали за Брианом в Париж. Но я вынужден оставаться в Бордо до вечера вторника, так как здесь еще Вивиани с военным министром и министром иностранных дел, и стало быть я должен здесь исполнять свою роль в текущей работе правительства и согласовать действия министров, обслуживающих внутри страны и за ее пределами дело национальной обороны.

Я получаю ежедневно обширную корреспонденцию с фронта; в ней много трогательных писем. Сегодня я нахожу среди них одно, которое особенно захватывает меня. Один лейтенант и два унтер-офицера 6-го корпуса, лично мне совершенно неизвестные, по имени Пиколай, Флоран Дерие и Кардинал, послали мне весточку из Пюбекура, деревни в департаменте Мааса, где они находились проходом; они выражают мне свои чувства, трогающие меня до глубины души. К письму приложены две акварели, изображающие мое небольшое фамильное кладбище, осквернённое немцами; приложены также стихи, сочиненные по поводу этого. Я ответил этим добрым людям несколькими словами признательности, но как выразить им всю свою благодарность? Узнают ли они когда-либо, как утешили они меня в эти тягостные дни своею чуткостью!

Понедельник, 7 декабря 1914 г.

Вчера Джиолитти выступил в итальянской палате депутатов с сенсационными разоблачениями [34]. Он рассказал, как 9 августа 1913 г. итальянское правительство отказалось принять участие в предумышленном австрийском нападении на Сербию. Как я уже говорил, Австро-Венгрия еще до сараевского покушения замышляла уничтожить Сербию [1]. С другой стороны, позиция Италии в начале нынешнего конфликта не могла быть неожиданностью для центральных держав, так как римский кабинет еще в 1913 г. отказался стать их соучастником. Поэтому нельзя утверждать, что в этом году Саландра и его товарищи по кабинету поступили нелойяльно [2].

Полковник Пенелон сообщает мне, что перед главной квартирой встает вопрос, в состоянии ли будет русская армия снова перейти в наступление. Жоффр просил Мильерана и Делькассе отправить великому князю Николаю Николаевичу следующую информацию: „Я не могу поверить, что много немецких войск было переброшено из Франции в Россию. Русские указывают, что были переброшены три корпуса: 13-й, 17-й и 20-й резервный. Между тем в последние восемь дней мы констатировали — в боях, затем на убитых и взятых в плен — наличие всех этих корпусов, за исключением 26-й дивизии 13-го корпуса и 21-й дивизии 18-го резервного корпуса. Эти две дивизии стало быть могут действительно находиться в России. Это возможно также относительно 48-й резервной дивизии. За исключением этих трех дивизий ни одна большая часть не была взята с

[1] См. „Europe sous les armes", p. 231.
[2] От Баррера, № 686.

нашего фронта. Итак, против нас все еще стоят силы пятидесяти армейских корпусов. Если наше наступление временно приостановлено, то это конечно произошло против нашей воли, потому что немцы противопоставили нам непрерывную стену укрепленных позиций от моря до Бельфора и швейцарской границы. Мы были вынуждены подготовлять и собирать материал, необходимый для настоящей окопной войны, навязанной нам неприятелем на всем протяжении нашего фронта. На обширных пространствах, на которых оперируют русские армии, немцам вряд ли возможно будет возвести такие непрерывные укрепления в настоящем смысле слова".

Вторник, 8 декабря 1914 г.

Заседание совета министров состоялось в присутствии лишь следующих министров: Вивиани, Мильерана, Делькассе, Сарро, Фернанда Давида. Я указываю присутствующим членам кабинета, как нежелательно с точки зрения единства действий правительства такое дробление, и требую, чтобы отныне заседания совета министров происходили в Париже часто, в полном составе и регулярно. Принято постановление, что заседания будут происходить не менее трех раз в неделю, а именно по вторникам, четвергам и субботам, в Елисейском дворце, под моим председательством.

Мильеран сообщает нам, что генерал Жоффр, не предрешая вопроса о военном губернаторе Парижа, желает немедленно изъять из укрепленного лагеря Парижа три дивизии и одну бригаду территориальных войск и перебросить их под начальством генерала д'Амаде в тыл действующих армий, но впереди Парижа. Военный министр, находя, что эта мера касается исключительно компетенции главнокомандующего, предоставил ему свободу прибегнуть к ней; однако она все же означает сокращение гарнизона Парижа, и мне кажется, что лучше было бы устроить по этому вопросу завтра совещание с Жоффром и Галлиени. Нет сомнения, что эта торопливость главной квартиры указывает на растущий антагонизм между обоими командующими.

Папа запросил русское правительство, как и нас, согласится ли оно приостановить военные действия в день рождества. Императорское правительство благодарило святого отца за эту милосердную идею, но ответило, что не может согласиться на перемирие, во-первых, потому, что православное рождество не совпадает с католическим, а во-вторых, потому, что отнюдь не доверяет выполнению обязательства со стороны Германии[1]. Итак, русские войска не помышляют о передышке. Однако из опасения, чтоб они не прервали своих наступательных операций под предлогом нашего бездействия, Жоффр обратился сегодня к своим армиям с очень важной генеральной директивой (директива № 8). Он констатирует, что преобразование наших частей и нашего снаряжения подходит к концу. Кроме того, говорит он, из многочисленных признаков явствует, что немцы перебросили часть своих сил в Польшу. „Итак, — объявляет он, — настал момент для нового наступления с целью отбросить неприятеля на северо-вос-

[1] Из Петрограда, № 1054.

ток и подготовить дальнейшие наши операции против его путей сообщения. Это наступление выльется в две главные атаки, развертывающиеся в самых благоприятных зонах. Одна атака будет исходить из района Арраса в направлении Камбрэ и Дуэ и будет проведена усиленной X армией; другая, в Шампани, будет иметь направление на Аттиньи и проводиться усиленной IV армией". Вместе с тем главнокомандующий предусматривает ряд второстепенных операций на других участках фронта. С помощью всех этих комбинированных атак в целом он надеется отбросить неприятеля на северо-восток и даже отрезать его сообщение с Германией. Но возможно ли будет так скоро превратить „окопную войну", о которой Жоффр говорил вчера в своем обращении к великому князю Николаю Николаевичу, в маневренную войну?

Каковы бы ни были дальнейшие события, на сей раз мы уезжаем из Бордо, не имея в виду вернуться. Сегодня вечером я уезжаю из Бордо вместе со своими офицерами, сотрудниками, прислугой, лошадьми и каретами. В Париже я встречусь с женой. В Бордо мы оставляем только Мильерана и его канцелярии, которые, несмотря на согласие Жоффра, все еще не могут решиться возвратиться в Париж. Вивиани едет в одном поезде со мной. Мы беседуем о злополучном конфликте, который по всей видимости произошел между главной квартирой и Галлиени. Вивиани, как и я, желает, чтобы военного губернатора не заставляли оставить свой пост. Этот печальный конфликт отравляет радость, испытываемую мною от сознания, что я приближаюсь к нашим армиям на фронте. Но зато по крайней мере будем иметь теперь возможность приглядеться на месте к людям и вещам. Несомненно, эта перемена перспективы принесет свою пользу.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Фронт стабилизируется. — Уроки первых боев. — Жоффр и Галлиени. — Поездка в Реймс. — Созыв палаты на чрезвычайную сессию. — Временные месячные бюджеты. — Новые попытки наступления. — Эльзасские школьники. — Новогодние пожелания.

Итак, я наконец снова в Париже, в Елисейском дворце. Я никогда не думал, что мог бы жалеть об этом дворце, но сегодня он имеет в моих глазах хотя бы то преимущество, что он ближе, чем Бордо, к нашим армиям на фронте и к провинциям, подвергшимся нашествию неприятеля. Фронт имеет теперь повсюду тенденцию к стабилизации. В районе Кенуа и Андеши мы продвинулись на двести или триста метров, на Эне и в Шампани — на несколько метров, в Аргоннах и перед Вокуа — на несколько сантиметров. При таких темпах понадобятся целые столетия, чтобы освободить Францию. Но какие бы препятствия ни стояли перед нами, я не желаю впадать в уныние. Фош правильно сказал: быть побежденным — это значит считать себя побежденным. И к тому же разве наша ситуация, как она ни ненадежна, не лучше ситуации противника? Основной план немецкого генерального штаба провалился. Немцы рассчитывали раздавить Францию одним грубым натиском и в несколько недель вывести нас из строя. Это Германии не удалось. Наша армия подверглась тяжелым испытаниям, но она перестроилась, она питает доверие к своим вождям и проникнута глубоким убеждением, что в конце концов мы возьмем верх. Немцы за отсутствием немедленной и решительной победы, ускользнувшей из их рук, старались добиться частичных выгод в различных ограниченных операциях. В этом отношении они были не более счастливы. В три дня, последовавшие за объявлением войны, германский генеральный штаб сосредоточил перед Нанси значительные силы с явным намерением в первые же часы внезапной атакой прорвать наши линии. Он отказался от этого намерения: усиление гарнизонов, прикрывающих границы, облегченное введением трехгодичного срока военной службы, и укрепление Гран-Куронне, начатое в первые месяцы 1914 г., заставили неприятеля отказаться от предприятия, которое возможно было до наших военных реформ 1913 г., но с тех пор являлось весьма рискованным. Не

будучи в состоянии достигнуть Нанси, неприятельское командование бросило все свои силы в обходное движение, которое должно было окружить наш левый фланг и таким образом сделать возможным окружение Парижа. Напрасная надежда. Наше левое крыло не было окружено. Париж не был обложен. Напротив, немецкой армии пришлось на второй неделе сентября спасать поспешным отступлением свои сообщения, которым грозила опасность. Немецкий генеральный штаб, не решаясь признаться перед немецким народом в своем поражении, сделал отчаянное усилие и пытался прорвать наш центр на равнинах Шампани; он надеялся таким образом изгладить печальное впечатление, произведенное на умы этим вынужденным отступлением. Его и здесь постигла неудача, и он должен был снова поспешно отступить. В октябре он повторил в более широком масштабе свою попытку окружения, пытался обойти наш левый фланг. Но мы противопоставили ему непроходимый барьер до самого побережья Северного моря. Он сгрудил свои силы в Бельгии, чтобы обойти нас с моря и достичь наших морских баз; атака его была сломлена. Он пытался отрезать нас южнее Ипра; напрасное усилие — мы удержали свои позиции. Короче говоря, кроме крушения всего неприятельского плана в целом, который заключался в том, чтобы быстро раздавить Бельгию и Францию войной-террором, неприятель потерпел с начала войны семь неудач значительной важности: крушение внезапной атаки на Нанси, крушение форсированного похода на Париж, крушение попытки окружить наш левый фланг в августе, крушение попытки прорвать наш центр в сентябре, крушение атаки на Дюнкирхен и Кале со стороны побережья, новое крушение попытки окружить наш левый фланг в ноябре, крушение атаки на Ипр. Итак, при всей своей мощи и прекрасном снаряжении немецкая армия не добилась решительного преимущества ни в одном пункте.

Напротив, Жоффр говорит нам, что констатирует постоянный прогресс в нашей армии. Моральный прогресс — она теперь осознала свою мощь и силу своего сопротивления. Технический прогресс — в процессе самой войны она научилась воевать все лучше и лучше; она умеет использовать местность и с гораздо большей пользой, чем вначале, прибегает к устройству полевых укреплений. Равным образом физический прогресс: наши тела приобрели гибкость и стойкость, приспособились к новой суровой жизни, подобной которой пожалуй не знает вся история человечества. Наконец материальный прогресс — мы создали, правда, еще в недостаточной мере, тяжелую артиллерию, у нас с каждым днем увеличивается производство военного снаряжения всякого рода.

Да и сам Жоффр, само высшее командование извлекли полезный урок из первоначальных ошибок; Жоффр проделал небесполезное ученичество; он мало-помалу отказался от некоторых предвзятых теорий; он приноровился к обстоятельствам, которые принесли всем так много неожиданностей. Итак, мы имеем право надеяться, что при наличии воли и упорства добьемся победы. Во всяком случае мой личный долг вполне ясен: быть стойким и стараться внушать терпение колеблющимся и веру пессимистам.

Мильеран приехал утром из Бордо и отправляется сегодня в главную квартиру в Шантильи. Он будет стараться урегулировать с Жоффром вопрос, касающийся одновременно военного положения Парижа и судьбы генерала Галлиени.

Мильеран рассказал мне, что его посетил сэр Френсис Берти, который от имени лорда Китченера спрашивал, нельзя ли будет перевести английскую армию на крайний левый фланг, так, чтобы она упиралась в Северное море. В настоящий момент мы держим войска вдоль дюн для фланкирования левого крыла бельгийской армии, а английская армия остается направо от бельгийской. Передавая эту просьбу, сэр Френсис Бе́рти от себя лично добавил частным образом, что Китченер, надо думать, обратился с ней, не совещаясь с Френчем. Берти находит, что английский министр поступает в этом деле не как джентльмен и вмешивается в то, что его не касается. Однако в действительности Френч в такой же мере, как Китченер, находится под гипнозом моря. Мильеран ограничился ответом, что запросит мнение Жоффра, но не думает, что главнокомандующий найдет возможным в настоящее время передвижение войск.

Оганьер пришел ко мне беседовать по ряду вопросов, касающихся его министерства. Мимоходом он заметил, что не думает, что Жоффр склонен будет поручить Галлиени командование армией. По мнению Оганьера, лучшим способом уладить это затруднение, не вызывая недовольства Галлиени и не шокируя парижан, было бы назначить Галлиени временно исполняющим обязанности посла при Квиринале, если Баррер, в последние дни не совсем здоровый, возьмет отпуск по соображениям здоровья. Это, подчеркнул Оганьер, было бы ответом на назначение Бюлова в Рим. „Галлиени, — говорит он, — умен и ловок, это большой дипломат". При этом он показывает мне номер «Petit Marseillais», в котором напечатано письмо военного губернатора к миланскому композитору Ванцо, подписанное: Gallieni, Francese, ma anche Italiano (Галлиени, француз, но также итальянец). Я ответил Оганьеру, что его идея весьма остроумна, но Баррер, думается мне, не так болен, что должен оставить Рим; к тому же он пользуется большим престижем в Риме. Однако письмо к Ванцо показывает мне Галлиени с такой стороны, с которой я его не знал.

Япония продолжает прикидываться глухой, когда ее просят послать войска в Европу. Сэр Эдуард Грей объявил Полю Камбону, что он уже зондировал на этот счет японское правительство, получил отказ и не верит в успех нового демарша[1].

Германия, Англия и Бельгия известили святой престол, что они в принципе сочувствуют идее приостановления военных действий на рождество; однако остается маловероятным, дадут ли на это свое согласие православные государства.

По странному капризу судьбы сербская армия воспрянула тогда, когда неприятель воображал, что уже вполне справился с ней. Как видно, это чудо произошло в результате личного воздействия старого короля Петра, отправившегося к своим войскам. Удачными приемами,

[1] Из Лондона, № 1180.

по поводу которых уже начинает создаваться легенда, словами, тронувшими душу мобилизованных крестьян, он поднял дух войск и авторитет командования. Армия снова перешла в наступление и в последних боях взяла в плен семнадцать тысяч человек, захватила у неприятеля двадцать семь полевых орудий, четырнадцать горных орудий, пулеметы и зарядные ящики[1].

Пятница, 11 декабря 1914 г.

Мильеран ничего окончательно не урегулировал с Жоффром в Шантильи. Сегодня он привез Жоффра ко мне в Елисейский дворец, и мы трое имели длинный разговор. Главнокомандующий снова доказывает нам, что, по его мнению, нецелесообразно оставлять в укрепленном лагере Парижа территориальные войска, нужные гораздо ближе к фронту. Впрочем сам Галлиени охотно признает пользу такой переброски их. Однако она уменьшит значение поста военного губернатора, и этот пост уже не будет достоин такого полководца, как Галлиени. Вопреки опасениям Оганьера Жоффр охотно соглашается в ближайшее время поручить Галлиени командование армией в Вогезах и Эльзасе. Пока Жоффр очень доволен, он признается нам, что обстоятельства приводят Галлиени к роспуску своего гражданского управления. „Думер, — говорит он, — недавно был у Фоша в Касселе и сказал ему: „Если я сделаюсь военным министром, я смещу Жоффра, он неспособен, и назначу главнокомандующим Галлиени". Я хорошо знаю, — заметил Жоффр, — чем вызвана эта неприязнь ко мне. Я не дал благоприятного заключения для назначения корпусным командиром генерала Никола, которого Думер мне горячо рекомендовал; я считал, что он не в состоянии справиться с задачей командира корпуса. Но прав ли я был или не прав, мне нелегко мириться с тем, что у военного губернатора такие гражданские сотрудники, которые чернят главнокомандующего перед его заместителем".

Затем Жоффр говорит нам, что, начиная с ближайшей среды, приступит к ряду наступлений местного значения. Он не скрывает от нас, что не ожидает от них очень больших результатов, тем более, что не все приспособления и приборы для разрушения окопов уже готовы; но он боится, что, если будет еще медлить, немцы, не подвергаясь атакам с нашей стороны, отзовут слишком много войск с нашего фронта и отправят их на восточный фронт с целью раздавить русских. Поэтому он приступит к атакам на юге от Ипра, на севере и на юге — от Арраса, на западе — от Аргонн. Он будет счастлив, если на некоторых фронтах немцы отступят на двадцать или тридцать километров. Я очень боюсь, что эти атаки будут нам стоить слишком дорого и натолкнутся на неприступные укрепления ввиду отсутствия у нас достаточного осадного материала. Я не скрываю своих опасений от Жоффра, но он считает, что не может предоставить русских слишком сильному натиску неприятеля.

В первый раз после долгого перерыва совет министров снова заседает в Елисейском дворце в обычном зале своих заседаний. Мильо-

---

[1] Из Ниша, № 388, 389.

ран сообщает, что на просьбу Китченера о переброске английской армии Жоффр ответил: „У меня нет принципиальных возражений против такого передвижения, но я не считаю его возможным сегодня и желаю, чтобы оно было отложено". Китченер главным образом считается с английским общественным мнением: оно лучше поймет, что британская армия сражается за Англию, если эта армия не будет удаляться от побережья. Не чувствуя себя убежденным подобного рода стратегическими аргументами, Жоффр, добрый малый, оставил Китченеру надежду, что ближайшее наступление послужит путем к исполнению желания Англии.

Мильеран сообщает совету министров о своих вчерашних беседах с Жоффром и Галлиени и о беседе, которую мы имели все трое сегодня утром. Галлиени не возражает против отозвания из укрепленного лагеря Парижа трех с половиной дивизий территориальных войск и переброски их вперед, а Жоффр не возражает против того, чтобы Галлиени впредь до дальнейшего распоряжения оставался губернатором Парижа. Монури тоже останется пока во главе своей армии. Итак, остается выждать, пока Галлиени, считая свою роль урезанной, сам выразит желание получить пост с более обширным кругом действий. Тогда Жоффр предложит ему командование армией в Вогезах и Эльзасе. Тем временем Париж останется в зоне действующих армий; но Галлиени уже теперь должен распустить свой гражданский штаб, который с возвращением правительства в Париж совершенно очевидно потерял право на существование. „Сколько дипломатии требуется однако для урегулирования отношений между генералами!" — заметил Вивиани.

Суббота, 12 декабря 1914 г.

Мильеран снова уехал в Бордо и не присутствует сегодня на заседании совета министров. Рибо зачитывает составленную им мотивировку законопроекта о временном бюджете (временных месячных бюджетах), утверждения которого правительство потребует от парламента. Основная часть документа та, в которой трактуются экономические и финансовые вопросы; отдельные министры самое большее вносят лишь некоторые поправки в детали.

Вивиани заявляет, что не решается требовать временного бюджета на целых шесть месяцев. Это необычный срок, который может изумить парламент и восстановить его против законопроекта. Однако Рибо и я настаиваем на том, что не следует его сокращать. Надо обеспечить за военным управлением свободу действий на продолжительное время, а, главное, надо, чтобы Германия знала, что мы твердо решились не принимать преждевременного мира с посредственными результатами. Наши доводы убедили Вивиани, и совет министров постановляет предложить в законопроекте бюджет на шесть месяцев.

Сербские войска вступили в Вальево и Ушицу[1]. Я отправил принцу-регенту приветственную телеграмму.

---

[1] Из Ниша, № 304.

В два часа пополудни я выехал из Парижа на автомобиле один с генералом Дюпаржем, начальником моей военной канцелярии. Отныне я решил совершать свои поездки к армиям на фронт не обязательно в сопровождении военного министра или другого члена правительства. Это — новость, в которой некоторые желчные политики, возможно, усмотрят некорректность. Принято, что президент республики может совершать свои официальные поездки всегда только под контролем министров. Но я считаю, что в настоящий момент и до конца войны мой долг — возможно чаще отправляться к войскам и к пострадавшему населению. За мной не поедет ни один журналист, ни одна моя речь не появится в газетах, но солдаты и жители опустошенных коммун будут знать, что глава государства не относится к ним безучастно. Итак, я сговорился с префектом Марны Шапроном, что отправлюсь завтра в Реймс.

Вечером в префектуре Шалона я снова увиделся с командующим IV армией генералом де Лангль де Кари и с генералом Дальштейном. У первого сегодня утром был Жоффр и спрашивал его, в состоянии ли он перейти в наступление в пятницу или субботу. Как ни горяч де Лангль де Кари, эта перспектива ему не улыбается. Он считает, что лучше выждать еще некоторое время. Ему нужны специальные орудия для разрушения неприятельских окопов и проволочных заграждений, орудия, производство которых у нас теперь только налаживается. Ему понадобятся также неограниченные возможности в расходовании снарядов 75-миллиметрового калибра. К тому же он не ожидает больших результатов от этого наступления. Немцы слишком сильно укрепили свои позиции, и мы не можем добиться решения, сравнимого с битвой на Марне. Тогда, говорит он, мы сделали ошибку, не преследуя неприятеля безостановочно и дав нашим войскам двадцатичетырехчасовой отдых. Одним словом, генерал де Лангль де Кари с большим тактом и умеренностью делает замечания о прошлых операциях и об операциях завтрашнего дня, вполне совпадающие с моими собственными мыслями. Однако надо считаться с русскими; ясно, что мы не можем иметь в виду только наш фронт, так как если произойдет катастрофа на восточном фронте, то немцы затем обратят все свои силы против нас.

Воскресенье, 13 декабря 1914 г.

Наскоро позавтракали в префектуре еще до десяти часов утра. Я отправляюсь в Реймс совершенно инкогнито, в своем небольшом ландо, в том самом, в котором три года назад, в более спокойные времена, приехал в этот город с мадам Пуанкаре; мы тогда приехали из департамента Мааса, совершали каникулярную поездку с нашими племянницами и хотели проездом показать им достопримечательности старого собора. На этот раз меня сопровождают генерал Дюпарж и префект, но мы только втроем, и наш отъезд из Шалона почти никем не замечен. Мы медленно едем по шоссе, огибающему с востока и северо-востока Реймскую гору. Проезжаем богатый район виноградников Шампани; в этом году сбор винограда сведен на-нет из-за боев. Проезжаем Вев, Гранд-Лож, Птит-Лож; потом, чтобы не попасть на линии позиций, окружающих Реймс, сворачиваем влево,

к Верзи. Направо от нас мы видим окопы, выделяющиеся белесоватыми полосками на пригорках меловой породы; мы слышим непрекращающийся гул орудий. Вдруг — в облачный, но довольно ясный день перед нами открывается вид на многострадальный город. Моментами над крышами домов взвивается и кружится облако черного дыма, предшествуемое оглушительным взрывом. Это упал немецкий снаряд, посланный из батарей на Бримоне или в Пожан л'Абесс.

Префект просил мэра города и тех муниципальных советников, которые, несмотря на постоянную опасность, остались в Реймсе, прийти к полудню в ратушу. Он просто известил их, что приедет видное военное лицо, которого однако не назвал. Никто стало быть не ожидал моего приезда. Через предместья города — в них еще довольно много народа, но большинство магазинов закрыто — мы отправляемся прямо в ратушу. Когда мы подъехали к площади Людовика XV, перед нашими глазами открылось ужасное зрелище опустошения и разрушения.

Мэр города доктор Лангле, который вместе с сенатором от Реймса Леоном Буржуа [1] так горячо приветствовал меня в воскресенье 19 октября 1913 г., сразу узнал меня, и лицо его просияло радостью. Я обращаюсь к нему и муниципальным советникам со словами приветствия, восхищаюсь их неустрашимым поведением, их стойкостью под канонадой неприятеля. Я говорю им, что, посетив их в дни торжества, хотел теперь, в дни испытаний, дать им свидетельство своего сочувствия и восхищения. Известие о моем приезде не преминуло распространиться в городе. Жители собираются на площади. Префект опасается, что шпионы, которые, очевидно, располагают в Реймсе какими-то таинственными средствами, известят немцев о моем прибытии и это вызовет усиление канонады. Он просит любопытных разойтись и выражает желание, чтобы нас сопровождал к собору только доктор Лангле. На этот раз я не увижу даже кардинала Люсона, которому в одно из своих следующих посещений лично вручу среди развалин знак отличия.

Вид величественного здания позволяет мне зато с первого же взгляда судить о всем варварстве этой войны. Пораженный, я останавливаюсь перед изуродованным фасадом собора. Разрушения более основательны, чем я мог думать по имевшимся в моих руках фотографиям. Порталы возмутительно повреждены, расписные стекла разлетелись вдребезги; группы изваяний превращены в прах; статуи царицы Савской, святой Клотильды, святого Ремигия, святого Тьерри, Христа страшно искалечены; свод рухнул; раскаленные и закопченные камни там и сям крошатся в мелкий мусор. Без слов от ужаса я не могу оторвать глаз от этого грандиозного и страшного скелета. В нескольких шагах от меня развалины сгоревшего до тла архиепископского дворца. По ту сторону улицы злополучный отель „Золотого льва", из окон которого я любил созерцать собор, каждый раз, когда приезжал в Реймс; этот отель на три четверти разрушен. Только Жанна д'Арк, творение Поля Дюбуа, осталась невозмутимой

[1] „Europe sous les armes", p. 308.

на своем бронзовом коне и как бы торжествует над огненной стихией.

Последний снаряд упал на верхушку колокольни собора в пятницу, 4 декабря. 28 ноября снаряды попали в верхнюю арку первого контрфорса корабля и в шпиц правой колоколенки, на выступ Вознесения. Так можно считать изо дня в день до начала сентября. За весь этот промежуток времени, больше трех месяцев, дикая бомбардировка не прекращалась, и по всем признакам она возобновится завтра, если не сегодня же. Жители Реймса в один голос заявляют, что предлоги, сочиненные кайзерским генеральным штабом для оправдания этого циничного нарушения международного права, — сплошной вымысел и ложь. На вершине собора ни разу не было установлено пулеметов против аэропланов, а тем более не было установлено пушек, как утверждало сообщение агентства Вольфа. Ни разу близ собора, а тем более внутри его, не собирали солдат и не устраивали склада военных материалов. Ни разу собор не служил наблюдательным пунктом. Неоднократная бомбардировка собора остается таким образом без какого-либо оправдания [1].

Потрясенный до глубины души этим ужасным зрелищем, я не могу оторваться от него. Между тем время проходит. Мне надо еще поговорить с жителями, раздать кой-какие вспомоществования. Наступает вечер. Скрепя сердце, я покидаю этот несчастный город, где короновались короли Франции, и возвращаюсь в Париж через Дорман, Шато-Тьерри и Мо.

Вернувшись в Елисейский дворец, я узнаю, что сегодня немцы бомбардировали Коммерси. Как и Шампани, моей Лотарингии суждено испить до дна чашу несчастий, обрушившихся на отечество.

Понедельник, 14 декабря 1914 г.

Генерал фон дер Гольц отправился в Константинополь, словно в немецкую колонию, и на два дня остановился в Софии, словно в другом владении кайзера. Он передал для короля Фердинанда собственноручное письмо кайзера. Прочитав это письмо, король, который сначала не хотел или не решался принять этого назойливого путешественника, вынужден был дать ему аудиенцию. О беседе их ничего не сообщается, но легко догадаться о теме ее и предвидеть ее результат [2].

Не обращая большого внимания на эти интриги, сербы продолжают сражаться. Они атаковали неприятеля в белградском направлении и вытеснили его из самых главных его позиций [3].

Мы осведомлены о том, что государи трех скандинавских королевств встретятся перед рождеством в Швеции, чтобы сообща принять решение об окончательном нейтралитете своих стран [4]. Это явно самое большее, чего бы мы могли желать здесь.

---

[1] „La Cathédrale de Reims“ par Mgr. Landrieux, évêque de Dijon, ancien archiprêtre de la cathédrale de Reims. Paris, librairie Renonard, H. Laurens, Paris 1919.

[2] Из Софии от 13 декабря, без номера.

[3] Из Ниша, № 402 и 404.

[4] Из Стокгольма, № 134.

Вторник, 15 декабря 1914 г.

Полковник Пенелон сообщает мне по телефону из главной квартиры, что молодой Макс Барту, единственный сын бывшего председателя совета министров, убит вчера снарядом, разорвавшимся на одной из улиц Танна; тем же снарядом убито еще трое, в том числе Жан Бенак, сын бывшего директора фондового отдела[1]. Сын Барту поступил несколько недель назад добровольцем в армию и по собственной просьбе был отправлен на-днях на наш фронт в Эльзасе. Он не мог дождаться дня, когда примет участие в бою; этого случая ему еще не представилось. И вот он пал во цвете лет и не имел даже возможности удовлетворить свой благородный патриотический пыл. Я посетил его подавленного горем отца. „Бедный мальчик! — говорит он, — он стремился на фронт. Он говорил мне: „Сын француза, проведшего закон о трехгодичной военной службе, должен три раза подать пример, это его долг. Кто носит твое имя, папа, тот должен отдаться родине". Конечно я предоставил ему поступить по его желанию. Но я знал, что отдаю его Франции".

После этого горестного и дружеского разговора я поехал в президиум палаты депутатов. Дешанель ранен третьего дня при автомобильной катастрофе. Он в постели, голова его забинтована. От меня он узнал о смерти бедного Макса Барту. Это известие взволновало его до слез. „Ах, эти немцы! — воскликнул он, — надеюсь, что мы не дадим им пощады".

В конце дня я вместе с Вивиани, Делькассе, Мальви и Рибо принял трех бельгийских министров и потом оставил их у себя обедать, причем присутствовали только упомянутые лица. Бельгийские министры явились для обсуждения с французским правительством одного очень важного вопроса. Это — председатель совета министров и военный министр де Броквилль, министр внутренних дел Беррье и министр финансов ван де Виверс. Они обращаются к Франции с настоятельной просьбой ссудить семьсот-восемьсот миллионов франков для снабжения гражданского населения оккупированной Бельгии. Тяжелый и щекотливый вопрос. Ассигновать необходимые кредиты — значит сделать для бельгийцев то, чего мы не можем сделать для своих соотечественников в оккупированных районах, и кроме того возможно также, это значит снабжать самое немецкую армию; отказать — это значит поступить нелюбезно с дружественным народом, которому мы бесконечно обязаны. Несмотря на все, Рибо находит, что первые соображения сильнее вторых. Бельгийские министры отвечают ему, что они получили согласие Англии и генерала Жоффра, и добавляют, что король с нетерпением ожидает нашего решения. Мы попытаемся найти наилучшее решение этой деликатной проблемы. Надо будет, чтобы и французские граждане тоже могли получить помощь и чтобы за распределением ее в оккупированных территориях наблюдала нейтральная комиссия.

Среда, 16 декабря 1914 г.

Вчера в одиннадцать часов утра старый король сербский Петр в сопровождении принца-регента и принца Георгия победоносно всту-

[1] „Vie et mort du général Serret" par Henry Bordeaux, p. 116, Librairie Plon.

пил во главе своих войск в свою столицу Белград. Прежде всего он направился в собор, где был отслужен благодарственный молебен. В Сербии, между Дриной и Савой, не осталось ни одного австрийского солдата кроме тех шестидесяти тысяч, которые были взяты в плен сербами. Пашич, к которому Бопп обратился с поздравлениями и с восхвалением героизма сербского солдата-крестьянина, растроганно ответил нашему посланнику, что своим блестящим успехом Сербия частично обязана французским пушкам [1].

Четверг, 17 декабря 1914 г.

По приказу генерала Жоффра сегодня в определенных пунктах нашего фронта, а именно в Нотр-Дам-де-Лоретт и в Аргоннах, наши войска пошли в энергичную атаку против неприятельских позиций. Тяжелая артиллерия, полевые орудия, бомбометы, все, что находилось в нашем распоряжении, было пущено в ход. Там и сям мы продвинулись на несколько метров и к несчастью потеряли много людей. Наступление в Шампани произойдет через несколько дней, надо опасаться, с тем же успехом... Мы должны примириться с тем, что маневренная война долго еще будет невозможна. Теперь уже не Парижу угрожает осада; осаждена Франция от Бельгии до Швейцарии. Придется ли, как полагает Франше д'Эсперэ, искать диверсии на Востоке?

После победы король Петр простился со своими ликующими солдатами и снова уединился [2].

Английское министерство иностранных дел извещает нас, что завтра, в пятницу, будет торжественно провозглашен в Каире британский протекторат над Египтом [3].

Длинная беседа Делькассе с Титтони. Итальянский посол внимательно следит за событиями на Балканах. „Моя страна, — говорит он, — прекрасно понимает стремление сербов не оставаться замкнутыми на своей территории и получить выход к морю. Они не могут получить выхода к Черному морю, так как на реках, впадающих в это море, уселись румыны и болгары. Они не могут также найти выхода к Эгейскому морю, так как в Салониках основались греки. Им остается следовательно только Адриатическое море, и мы совершенно согласны, что они должны получить доступ к нему. Это для них вопрос жизни и смерти. С другой стороны, никто не станет оспаривать, что у Италии на этом море важные интересы. Адриатическое море для нас то же, что для вас западное Средиземное море. Поэтому мы надеемся, что Антанта в своих совещаниях не будет решать без нас относящиеся сюда проблемы". — „Приходите на наши совещания, — ответил Делькассе, — Вы тотчас увидите, что там не питают против вас никаких злых умыслов". На это Титтони заметил: „Политика должна теснее сблизить нас" [4].

---

[1] Из Ниша, без номера, от 15 декабря, получена 16-го.
[2] Из Ниша, № 412.
[3] От Поля Камбона, № 1211.
[4] От Делькассе Барреру, № 503.

Пятница, 18 декабря 1914 г.

В России, как видно, дела идут все хуже и хуже. Вследствие понесенных потерь и недостатка снаряжения русские почти повсюду за исключением Восточной Пруссии терпят неудачи и отходят назад. Армии вынуждены отходить на тыловые позиции на пополнение и для снабжения[1].

Французское правительство признало английский протекторат в Египте, зато британское правительство наконец признало договор между Францией и Марокко от 30 марта 1912 г. Если бы Англия и мы не находились теперь в войне с Турцией, нам несомненно пришлось бы еще дожидаться этого признания и эта задержка не говорила бы об особенной любезности к нам.

Суббота, 19 декабря 1914 г.

Я намеревался отправиться на рождество вместе с мадам Пуанкаре в занятые нашими войсками коммуны Эльзаса и раздать там кой-какие подарки детям. Генерал Жоффр и командующий вогезской армией генерал Пютц настоятельно просили меня отложить эту поездку. Они боятся, что она может вызвать усиление активности немцев в Верхнем Эльзасе. Действительно, после недавнего посещения Танна Жоффром и после того как в газетах было напечатано об этом посещении, неприятель стянул войска в районе Мюльгаузена и, как видно, подготовляет новое наступление. Но странное противоречие: в то время как военные власти заставляют меня отказаться от своего намерения, „Бюллетень армий“ с большим треском комментирует сегодня назначение французского судьи в Танне. Эта мера, говорится там, принята комендантом города „от имени французского народа“. Совет министров не без основания находит, что в главной квартире имеются кой-какие офицеры, слишком склонные игнорировать гражданские власти; Мильерану поручено напомнить генеральному штабу о существовании правительства.

Известия из России уточняются. Потери людьми были весьма значительны, но они могут быть восстановлены довольно быстро. В запасных батальонах много солдат. Однако ощущается недостаток в винтовках. Их требуется несколько сот тысяч, между тем как заводы выпускают только сто тысяч в месяц. Кроме того расход снарядов превзошел все предусмотренные цифры. За четыре месяца войны он составил почти шесть миллионов. Довести количество имеющихся снарядов до той цифры, которая требуется для возобновления больших сражений, будет возможно лишь к 15 апреля 1915 г.[2]. Итак, всякое наступление должно быть поневоле отложено до этого времени, и надо опасаться, что немцы, будучи спокойны на восточном фронте, перебросят силы на наш фронт. Это — обратное тому, чего боялся Жоффр. Во всяком случае на русском фронте, как и на западном, война неизбежно затянется.

---

[1] Из Петрограда, № 1109, 1110, 1111, 1113.
[2] Из Петрограда, № 1116.

От Вогезских гор до Ньюпорта мы продолжаем то терять, то завоевывать окопы. Однообразие ежедневной сводки приучает публику к мысли, что конец военных действий еще очень далек. Мало-помалу парижское общественное мнение привыкает к этой мысли и не обнаруживает никаких признаков усталости.

Мадам Пуанкаре и я проводим часть своего времени в посещениях больниц и благотворительных учреждений, куда мы приносим свои пожертвования. Существует уже много таких учреждений, приносящих действительную помощь солдатам и их семьям. Частная инициатива усердно и полезно соперничает в этом деле с официальной инициативой. Все классы населения наперерыв подают достойные удивления примеры благородства и самопожертвования. Страшный бич войны при всех ее ужасах вызывает в нашей многострадальной стране не только вспышки героизма, но чудеса самопожертвования и доброты.

Извольский вручил Делькассе от имени Сазонова новую ноту. Русский министр, который попрежнему каждое утро разрешается от бремени новой идеей и каждый вечер отказывается от нее, предлагает сороковое или пятидесятое средство, столь же непогрешимое, как и предыдущие, для возобновления балканского блока и привлечения Болгарии на нашу сторону с помощью территориальных уступок. На сей раз речь идет о том, чтобы побудить Братиану вступить в переговоры с Белградом и Софией. Согласовав свой ответ с советом министров, Делькассе ответил России, что Пашич не желает преждевременно предоставлять Болгарии выгоды в Македонии, где Сербия путем расширения своих собственных границ сможет сама осуществить свое национальное единство. Настаивать перед Пашичем значит задеть его без всяких шансов на успех. Что касается Румынии, то она все время держится выжидательной позиции и не желает выйти из нее в настоящее время. Поэтому требовать от Братиану немедленного ответа значило бы увеличить его нынешнее нежелание вступить в союз с Сербией. Мы с достойной жалости настойчивостью увиваемся вокруг малых держав, а они вовсе не склонны в данный момент броситься в наши объятия и отвечают нам кокетством. Мы забываем, что они считаются не с нашими интересами, а со своими собственными. Поэтому не будем дольше являться в смешном виде и ежедневно выступать с новыми демаршами, которые никогда не ведут к цели. К тому же по всей вероятности Болгария уже не может распоряжаться собой. Румыния конечно настроена гораздо более благоприятно, но предоставим ей выбор времени, а сами будем сражаться. Мы приобретем союзников, сражаясь во Франции, на нашем фронте, а также на русском фронте, а не путем дипломатических переговоров [1].

---

[1] Телеграммы от Делькассе Палеологу № 534 и 535. В русских дипломатических документах (Государственное издательство, Москва — Петроград 1922 г.) можно найти депеши Сазонова своим послам и посланникам на Балканах. Впечатление, получаемое от них, подтверждает впечатление, произведенное в 1914 г. на правительство республики и на Поля Камбона (перевод с русского Полонского, изд. Пайо, Париж).

Сегодня состоялся обед в Елисейском дворце, на котором присутствовали бельгийский министр юстиции Картон де Виар, Бриан и Делькассе. Так как сегодня же происходила встреча Картон де Виара в ратуше, я пригласил также председателя муниципального совета Митуара, префекта Сены и префекта полиции. Я давно знаю Картона де Виара, который является моим коллегой по адвокатуре. Это видный адвокат, совершеннейший джентльмен и человек большой культуры. Как и де Броквилль, он говорит мне о чрезвычайном желании бельгийского правительства иметь возможность снабжать гражданское население оккупированной Бельгии и получить для этой цели ссуды от Франции и Англии. Он думает, что Соединенные штаты согласятся взять на себя распределение или по крайней мере назначить одного из своих граждан для надзора за ним. Мы от всего сердца желаем, чтобы удалась такого рода комбинация, но пока еще — это дело будущего.

Россия торжественно празднует теперь двадцатилетнюю годовщину восшествия на престол императора Николая II. По случаю этих юбилейных торжеств в моей памяти встают две картины. Я вижу царя, приехавшего в первый раз в Париж в 1896 г., бледного, боязливого, смущенного непривычной еще для него ролью императора; я вспоминаю также наши последние разговоры в августе, еще столь полные иллюзий о прочности мира. Я послал Николаю II поздравительную телеграмму, в которой выражаю желание, чтобы следующую годовщину он мог праздновать в ореоле общей победы. Он отвечает мне, что он тоже уверен в успехе союзных армий. К несчастью наши взаимные уверения не дадут теперь русским снарядов, в которых у них, по последним сообщениям генерала де Лагиша, „полнейший“ недостаток [1].

По той же причине недостатка средств генерал Жоффр должен был отказаться от одной из тех атак, которые предусматривались в его директиве № 8 от 8 декабря. Однако он подтвердил свои приказы о наступлении IV армии в Шампани. В результате замечаний генерала де Лангль де Кари эта армия была усилена и снабжена по мере возможности мощным снаряжением. Операция начата была сегодня 17-м корпусом и колониальным корпусом с обеих сторон Перт и у Мэн-де-Массиж. Бой был очень ожесточенный, но не дал больших результатов.

Понедельник, 21 декабря 1914 г.

Заседание совета министров. Речь шла главным образом об открытии сессии парламента. Оно состоится завтра, во вторник. Правительство выслушивает и изменяет в нескольких пунктах министерскую декларацию, которую Вивиани прочитает в палате депутатов, а Бриан в сенате. В кулуарах обеих палат снова начались кой-какие интриги, которые конечно скажутся и в открытом заседании. Клемансо, злобный пыл которого теперь неистощимее, чем когда-либо, яростно обрабатывает зал совещаний. В частности он старается зажечь фронду в военной комиссии. Сегодня Мильеран должен предстать перед этим

[1] Из Петрограда, № 1119.

ареопагом. Естественно, ему поставят вопросы о нашем вооружении, продовольственном снабжении, снаряжении. Думер, который, правильно или неправильно, считается подголоском Галлиени и во всяком случае имеет вполне определенные военные взгляды, намерен взять в переделку военного министра. Согласно циркулирующему в сенате каламбуру, Мильерана упрекают в том, что он воздвигает памятник Жоффру, с тем чтобы самому поместиться в нише его пьедестала. Другими словами, утверждают, что слишком много власти дается главнокомандующему, главной квартире и военным канцеляриям. В действительности же раздавалось бы гораздо больше жалоб и пожалуй с гораздо большим правом, если бы ему пришла блажь обходиться без них. В таком случае не преминули бы говорить, что свое некомпетентное мнение он ставит выше мнения специалистов.

Наш военный атташе в Сербии сообщает нам некоторые новые детали о положении небольшой армии, отнявшей у австрийцев Белград. Численный состав ее снизился на пятьдесят процентов. От пехотных дивизий остались одни остовы в семь-восемь тысяч человек, не более. В целом Сербия может располагать теперь только ста десятью — ста двадцатью тысячами солдат. Недавно призваны новобранцы 1915 г.; когда закончится их обучение, это даст контингент в сорок тысяч рекрут. Снова ощущается недостаток снаряжения. Тем не менее сознание одержанной победы придает сербской армии значительную моральную силу[1]. Я вижу моральную силу во Франции, Англии, Сербии, России; но вместе с тем не могу не констатировать, что в Германии она находит несравненный стимул в материальной силе.

Посетил в Зале игры в мяч склады комитета военной помощи, организованного под патронатом парижской торговой палаты. Председатель Давид Менне говорит мне, что сто шестьдесят девять тысяч посылок уже отправлены на фронт. Мадам Пуанкаре с помощью нескольких приятельниц тоже устроила в Елисейском дворце небольшую мастерскую в этом роде, и число ее крестников растет с каждым днем. Но ведь все это недостаточно для такого множества людей.

Вторник, 22 декабря 1914 г.

Сегодня открылась чрезвычайная сессия парламента. Со времени его роспуска прошло более четырех с половиной месяцев, и каких месяцев! Битвы в Лотарингии, битвы в Эльзасе, битвы в Арденнах и Шарлеруа, общее отступление, тщетные попытки перестроить войска, нашествие неприятеля, победа на Марне, сначала слишком большие надежды, потом опять разочарование, устремление к морю, битва во Фландрии, начало окопной войны — сенаторы и депутаты следили за всем этим: одни вблизи, в тех корпусах, в которых они были мобилизованы, другие издали, из Парижа, Бордо или представляемых ими округов. Все они знали и разделяли наши переживания. В общем, если не считать нескольких мелких интриг, все они вернулись такими же, как ушли, полными патриотической веры и с твердой решимостью быть стойкими до конца.

[1] Из Ниша, № 420, 421.

Заседания обеих палат прошли с большим подъемом. Председатель сената Антонин Дюбо почтил память сенаторов, умерших со времени 4 августа, того дня, когда зачитано было мое послание и запечатлен был союз всех партий для блага Франции. Дюбо напомнил, при каких обстоятельствах погиб славной смертью Эмиль Реймон, которому по крайней мере одному из первых дано было созерцать во время своих героических полетов равнину освобожденного Эльзаса. Оратор обратился к генералу Жоффру и его сотрудникам с приветствием от имени парламента и нации. Он говорил о том, что полное доверие между правительством, парламентом и страной сохранит наше моральное единство и нашу решающую силу. Ему много аплодировали.

В палате депутатов места депутата от Эны Гужона, депутата от Нейи-на-Сене Нортье, депутата от Савойи Пруста, павших на поле брани, были задрапированы траурным крепом и украшены трехцветными шарфами. Место Жореса осталось пустым. Председатель Поль Дешанель выступил с прекрасной речью, которую палата постановила расклеить в стране: „Представители Франции, обратим взоры к героям, сражающимся за Францию. Никогда еще Франция не была столь великой, никогда человечество не поднималось на бо́льшую высоту... В эту божественную годину родина как бы объединила все великое в своей истории: храбрость Жанны Лотарингской и энтузиазм освободительных войн революции, скромность генералов первой республики и несокрушимую веру Гамбетты, Пантский эдикт, прекращающий внутренние раздоры, и ночь на 4 августа, уничтожающую социальное неравенство". Дешанель был в ударе; он подчеркнул также глубокий смысл этой войны: „Вопрос в том, подчинит ли материя себе дух и станет ли мир окровавленной жертвой насилия. Но нет, политика тоже подвержена своим нерушимым законам. Каждый раз, когда Европе угрожала гегемония, против последний образовывалась коалиция, которая в конце концов устраняла эту опасность... Народы желают свободно распоряжаться собой. Будет ли это завтра, послезавтра, не знаю! Но вот что несомненно — свидетелями являются наши мертвецы; все мы до конца исполним весь свой долг, чтобы осуществить идею нашей нации: право выше силы".

Затем Вивиани прочитал министерскую декларацию: „В настоящий момент возможна только одна политика: беспощадная борьба до окончательного освобождения Европы, которое даст мир на основе полной победы. Этот крик вырвался у всех, когда на заседании 4 августа возник, как удачно выразился президент республики, священный союз, который в истории составит честь и славу нашей страны".

Затем правительство при рукоплесканиях всей палаты говорит о происхождении этой войны и об ответственности за нее: „В первый день войны Германия отрицает право, апеллирует к силе, презирает историю и, нарушая нейтралитет Бельгии, ссылается исключительно на закон интереса. Впоследствии германское правительство поняло, что ему надо считаться с мнением всего мира; и недавно оно пыталось реабилитировать себя, взвалив на союзников ответственность

за войну. Но все эти неуклюжие попытки, все эти лживые утверждения, которым не верят даже легковерные и благожелательные элементы, не могли скрыть истину. Все документы, опубликованные заинтересованными нациями, и еще недавно сенсационное выступление одного из самых выдающихся представителей благородной Италии свидетельствуют о давно задуманном плане наших врагов прибегнуть к насилию. Если бы была в этом надобность, то достаточно следующего документа, чтобы убедить в этом весь мир: когда по инициативе английского правительства всем государствам, стоявшим друг против друга, предложено было приостановить свои военные приготовления и прибегнуть к посредничеству в Лондоне, 31 июля 1914 г., Франция и Россия дали на это свое согласие. Мир был бы спасен даже в эту последнюю минуту, если бы Германия примкнула к этой инициативе. Но Германия форсировала события, объявила 1 августа войну России и сделала неизбежным вооруженный конфликт... А раз Франция и ее союзники, несмотря на всю их приверженность к миру, вынуждены были вступить в войну, они будут вести ее до победного конца. Верная своей подписи под договором от 4 минувшего сентября, обязавшись в нем своей честью, т. е. жизнью, Франция в согласии со своими союзниками не сложит оружия, пока не отмстит за поруганное право, не присоединит навсегда к французской родине провинции, отнятые у нее силой, не восстановит героическую Бельгию во всем объеме ее материальной жизни и ее политической независимости и не разобьет прусский милитаризм, чтобы иметь возможность воссоздать на основе справедливости возрожденную наконец Европу".

Эта декларация, полностью одобренная всеми министрами, социалистами и другими, и ясно указывавшая наши мирные условия, была встречена с энтузиазмом. Затем правительство внесло ряд законопроектов, которые были переданы в соответствующие комиссии. Заседание было закрыто, следующее назначено на другой день.

В то время как парламент явил этот прекрасный пример патриотизма, наши армии и армии фельдмаршала Френча продолжали на всем протяжении фронта свои тщетные попытки наступления. Кажется, мы нигде не продвинулись вперед.

Среда, 23 декабря 1914 г.

Так как генерал Жоффр просит меня отложить мою поездку в Эльзас, я не буду иметь удовольствия лично раздать рождественские подарки детям в коммунах, занятых нашими войсками. Мы с мадам Пуанкаре удовольствовались тем, что послали лакомства и игрушки трем тысячам эльзасских школьников. Не без грусти смотрели мы, как эти ящики отправлялись без нас в долины Тур и Доллер.

Открывшаяся вчера чрезвычайная сессия парламента закрыта сегодня. После горячего и серьезного приема, оказанного декларации правительства, все поняли, что теперь не время для речей. Без прений, с молчаливым и импонирующим единодушием, сенат и палата депутатов приняли все законопроекты правительства. На первое полугодие грядущего года утверждены были временные кредиты в сумме девять миллиардов двести девяносто восемь миллионов семьсот пять

тысяч шестьсот шестьдесят девять франков. С согласия всех партий взимание общего подоходного налога было отложено до 1 января 1916 г. Налог на наследства был отменен для родственников по восходящей и нисходящей линиям, а также для вдов военных, умерших до прекращения враждебных действий. Правительство получило полномочие на выпуск бонов казначейства в размере до двух с половиной миллиардов. Первый кредит в триста миллионов был утвержден для восстановления материальных убытков, причиненных войной. Кредиты, открытые путем декретов со времени 4 августа, были утверждены. Все выборы — в сенат, в палату депутатов, окружные и коммунальные — были отсрочены до прекращения военных действий. Парламент снова соберется во вторник, 15 января 1915 г., как предписывает конституция.

Сражение продолжается на всем протяжении фронта, но мы нигде не продвинулись заметно вперед. Между побережьем и шоссе, ведущим из Ньюпорта в Остенде, мы продвинулись на сто пятьдесят метров. Совместно с англичанами мы отняли у неприятеля Живанши. Близ Мулен-де-Перт-ле-Гюрлюс мы с великим трудом завоевали восемьсот метров территории. В Грюерском лесу сто пятьдесят — двести метров. Вот и все.

Четверг, 24 декабря 1914 г.

Печальный сочельник. Теперь уже окончательно известно — войскам не суждено даже на сегодняшний день приостановление военных действий, о котором хлопотал для них папа. Не состоялось соглашение и с союзниками греко-православной веры и даже с французским генеральным штабом, который не считал возможным прервать свои наступления.

Мадам Пуанкаре весь день провела в мэрии 11-го округа, на площади Вольтера, где раздавала платья и игрушки шести тысячам детей мобилизованных.

Мы пытаемся телеграфировать по радио из нашей Лионской радиостанции в Москву. Русский император присутствует при приемке радио в своем святом городе и обменивается со мной несколькими словами. „Примите, — телеграфирует он, — вместе с выражением моих искренних дружеских чувств мои наилучшие пожелания к празднику рождества". Волны эфира доходят до меня прямо и без каких-либо помех; но праздник, праздник — где он?

Мой друг Брие, всецело отдавшийся патриотическим деяниям, поехал в Соединенные штаты защищать там наше дело и представлять нашу академию на съезде, организованном американской литературной и художественной академией. Я передал ему письмо для президента Вильсона и, воспользовавшись этим случаем, выразил последнему сожаление, что события не позволили мне последовать приглашению, полученному мною от Николая Муррея Бэтлера и от самого Вильсона [1]. Президент Вильсон ответил мне следующим письмом:

---

[1] См. „Union sacrée", p. 8, 9.

7 декабря 1914 г.

Дорогой господин президент.

Считаю для себя честью, что обращаюсь к вам как к своему товарищу по литературе, и искренне благодарю вас за любезное письмо, которое вы переслали мне через г. Брие.

Разумеется, я вполне понимаю те обстоятельства, которые сделали невозможным ваш приезд в Соединенные штаты. Тем не менее разрешите выразить мое глубокое сожаление по поводу того, что он оказался неосуществимым. Пользуюсь случаем, чтобы выразить вам не только свое личное глубокое уважение и восхищение, но также горячие симпатии всех литераторов и мыслителей Соединенных штатов к достойному президенту Франции.

Отношения между обоими нашими народами всегда носили столь искренне дружественный и задушевный характер, что я как официальный представитель народа Соединенных штатов с особым удовольствием обращаюсь к вам как достойному представителю Франции с выражением своих самых горячих пожеланий гражданам великой Французской республики.

Примите, дорогой президент и уважаемый коллега, уверение в моем искреннейшем почтении.

Вудро Вильсон".

Пятница, 25 декабря 1914 г.

Адмирал Буэ де Лапейрер послал в Полу нашу подводную лодку с славным именем Кюри. Она была пущена ко дну береговыми батареями и австрийскими судами, патрулировавшими у входа в рейд. Командир и двадцать пять человек экипажа взяты в плен. Эта катастрофа вызывает у меня воспоминание о Пьере Кюри и о его смерти от несчастного случая, ошеломившей Париж восемь лет назад. Пусть судьба ополчается против этого имени — радий все же был открыт во Франции.

Одновременно с известием о гибели „Кюри" я узнал также про другую катастрофу на море, которая могла бы быть еще печальнее. „Жан Барт", сопровождавший меня во время моей поездки в Россию, торпедирован в Отрантском проливе австрийской подводной лодкой. Корпус судна пробит, но к счастью непроницаемые переборки и подводные части судна не пострадали, и мой бравый „Жан Барт", раненый, можно сказать с распоротым животом, медленным ходом отправился на остров Мальту, где надеется оправиться.

На нашем фронте наши наступления, которые должны были продолжаться в день рождества, уже сменились нелегкой обороной. Между Берри-о-Бак и Брей-ан-Лаоннэ нам пришлось выдержать ряд атак неприятельской пехоты. На участке фронта перед моим разрушенным Кло мы с грехом пополам отразили ожесточеннейшую атаку в лесу Айльи. В Аргоннах мы должны были оказывать сопротивление немцам, бросившим свои силы против Сент-Гюбер, Багателль и Грюерского леса. В районе Перт и Мениль-ле-Гюрлюс мы вынуждены были бороться против страшного натиска неприятеля. На севере от Сапиньель тоже были жаркие бои. Всюду льется кровь. Гром пушек заглушает рождественский трезвон. Однако мы должны быть стойкими и твердыми.

Суббота, 26 декабря 1914 г.

Несмотря на все усилия, сделанные правительством, чтобы добиться от Японии военной помощи в Европе, Клемансо, который не упускает случая проявлять свою оппозицию, вошедшую у него в систему, не перестает взваливать в „L'Homme enchaîné" на нас вину в упорном уклонении токийского кабинета. Мой друг Стефан Пишон, с которым его бывший шеф так грубо обошелся в прошлом году, снова попал в лапы тигра и вторит ему в „Petit journal". Между тем японское правительство само натолкнулось на энергичную оппозицию в своей же палате депутатов в вопросе о характере его вмешательства в войну; вдобавок оно оказалось в меньшинстве по одному вопросу внутренней политики. Поэтому есть все основания опасаться, что восточная мечта Клемансо не осуществится [1].

Дюбо и Александр Берар сообщают мне, что финансовая комиссия сената заинтересовалась военными поставками и находит, что некоторые сделки очевидно были заключены весьма легкомысленно. Если парламентский контроль практикуется обеими палатами добросовестно и комиссии обладают достаточным тактом и скромностью, чтобы наблюдать за действиями правительства без претензии руководить ими, они несомненно смогут оказать ценные услуги. Я обращаю внимание Мильерана на замечания Дюбо и Берара. Он говорит, что уже вынужден был прибегнуть к карательным мерам и будет и далее внимательно проверять факты сам лично. Я не сомневаюсь, что он сделает то, что необходимо.

Воскресенье, 27 декабря 1914 г.

Итальянский король известил меня телеграммой, что королева благополучно разрешилась от бремени принцессой. Я послал ему поздравительную телеграмму. Но король и королева — для меня пока только незнакомая монаршья чета дружественной страны. Приведет ли в один прекрасный день война к тому, что мы будем иметь удовольствие принимать их в Париже, удовольствие, которого мы не имели в мирное время?

А пока что Италия не теряет времени и принимает все меры, чтобы ее нейтралитет послужил ей на пользу. Из Дураццо де Фонтенэ телеграфирует нам, что итальянцы заняли Валлону [2].

Немцы распространяют в Копенгагене слух о своей большой победе в Польше [3].

Так как в конце своего письма ко мне Вильсон обращается ко всему французскому народу, я просил Делькассе запросить у президента через посредство нашего посла, могу ли я огласить его письмо в академии. Сегодня, 27-го, мы получили от Жюссерана ответ: „С первых же слов и не раздумывая президент Вильсон сказал мне: „Президент Пуанкаре волен прочитать мое письмо и использовать его так, как найдет нужным. Оно лишь неполно выражает те горячие чувства, которые я испытываю". Вильсон прибавил, что питает к

[1] Из Токио, № 164 и 166.
[2] От 27 декабря, № 106.
[3] Из Копенгагена, № 473.

личности и характеру президента в разгаре этой ужасной борьбы чувства дружбы и восхищения. Затем он долго расспрашивал меня о положении нашей страны, о состоянии духа войск и общества. Данные мною удовлетворительные сведения видимо обрадовали его. Я сказал ему, что во Франции тронуты тем благородным порывом, с которым американцы всех классов общества выказали свою благожелательность столь многочисленным жертвам войны во Франции и оказывали помощь нашим беженцам и раненым“ [1]. Итак, я передал письмо президента Вильсона непременному секретарю Этьену Лами, который зачитает его в академии [2].

Понедельник, 28 декабря 1914 г.

Главная квартира доставила мне следующее трогательное обращение мэров территории Танна: „Мэры долин Танна, Сент-Амарена и Мазво благодарят президента республики от имени малолетних мальчиков и девочек Эльзаса за игрушки, которые он послал им на рождество. Его благородный почин принес им радость и материнскую улыбку незабвенной Франции; они поняли, что первое должностное лицо республики не отделяет в своем сердце лотарингца детей верного Эльзаса от детей вспомнившей о них Франции. Они понимают, что этим чутким вниманием обязаны в значительной мере госпоже Пуанкаре, и почтительно просят ее принять их глубокую благодарность“.

Вслед за этим обращением я стал получать много других, подписанных — одни учителями и учительницами, другие — самими детьми. Я получил их из Крит, Вессерлинг, Сент-Амарен, Мазво, Монтре-ле-Вье, Монтре-жен, Даннмари, Битчвиллер, Шаванн-сюр-Этан и из других коммун, и все они написаны так трогательно, что волнуют меня до глубины души. Бедные малолетние школьники, они еще не знают, будут ли они завтра немцами или французами, и все же с доверием обращаются к нам; неужели же мы имели бы право обмануть их надежды?

Я принял депутата от Мерты и Мозеля Лебрена, бывшего министром колоний в моем кабинете 1912 г. Это один из самых уравновешенных людей, которых я знаю. Он приехал в Париж на сессию парламента и отправляется обратно в Верден, где служит в чине артиллерийского офицера и где я раз встретился с ним. „Главная квартира, — говорит он, — попрежнему очень плохо осведомлена о том, что происходит на фронте. Она все более и более замыкается в свой чрезвычайный оптимизм. От правительства и публики скрывают множество мелких неудач, которые следуют за неосторожными попытками. Серьезные ошибки первых дней войны, безумное наступление в Арденнах и Шарлеруа, слепое непонимание пользы окопов, преждевременный отдых, данный войскам после трех дней преследования неприятеля в результате битвы на Марне, — все это должно было бы служить уроком, но забыто, и можно сказать, что мы готовы при случае повторить те же серьезные ошибки. Мне кажется, что

[1] Из Вашингтона, № 621.
[2] Письмо это хранится в архиве академии.

правительство, не беря на себя командование, все же должно контролировать командование". Конечно, но в какой мере и до какого предела? Нелегко установить этот предел. Он установится только в результате опыта и после целого ряда попыток ощупью.

Меня посетил в моем рабочем кабинете Оганьер. „Не находите ли вы, — спрашивает он меня, — что после прекрасных боев, данных нашими морскими частями под Диксмюде, эти части достойны получить знамя, как если бы составляли регулярную военную часть?". — „Разумеется". — „Согласны ли вы вручить им лично это знамя в январе?". — „С великой радостью". — „В таком случае я распоряжусь о подготовке этого торжества и сообщу вам точный день и месяц. Если желаете, мы сможем вместе отправиться к северным армиям". — „Весьма охотно. Действуйте. Чем раньше, тем лучше".

Румынский посланник Лаговари направил ко мне своего соотечественника Диаманди, бывшего недавно проездом в Софии. Радославов сказал ему, что Болгария никогда не выступит против Антанты. Поймите меня, никогда. Напротив, возможно, что она двинет свои войска на линию Энос — Мидия, когда Турция отзовет оттуда часть своих войск. Диаманди уверяет меня, что в конце февраля Болгария вступит в войну. Боюсь, что он ошибается. Он был также в Нише. Уверяет, что своей победой сербы обязаны не только своей храбрости, но и тому, что словенские полки добровольно сдались сербам, после чего австрийцы обратились в беспорядочное бегство.

—

Вторник, 29 декабря 1914 г.

Заседание совета министров. Мильеран еще в Бордо. Все его товарищи по кабинету жалуются на его упорное отсутствие. Вивиани, Рибо, Марсель Самба обвиняют его в показном презрительном равнодушии к парламенту, в том, что он позволяет своему окружению утверждать, что мы обойдемся без парламента, и слишком охотно соглашается на независимость генерального штаба от гражданской власти.

Имел длинную беседу с генералом Галлиени с глазу на глаз. Я просил его сказать мне откровенно, каковы его личные желания на завтрашний день. Он ответил, что желал бы получить командование армией, предпочтительно в Эльзасе, как это предложил ему Жоффр. Но он боится, что это назначение заставит себя долго ждать, так как в настоящий момент у Жоффра нет в распоряжении достаточных свободных сил, чтобы можно было образовать в Эльзасе отдельную армию. С другой стороны, Галлиени, что вполне естественно, согласится принять только такой командный пост, который имеет более или менее важное значение, но не видит таких вакантных постов. Он говорит мне об этом ложном положении не без горечи, но не проронил ни одного некорректного или неуместного слова. Я обещал ему сделать все от меня зависящее, чтобы он получил достойное его назначение.

Галлиени полагает, что будет очень трудно прорвать неприятельский фронт; он не ожидает значительных результатов от ведущихся теперь наступлений. Они кончились полным провалом в окре-

остностях Арраса и повидимому не более удачны также на фронте армии де Лангль де Кари.

Начали уже поступать новогодние поздравления. Сегодня я получил очень теплые поздравления от короля Альфонса XIII и короля Виктора-Эммануила III. Но их телеграммы носят личный характер и направлены исключительно лично мне. В них даже не упоминается имени „Франция". Нейтралитет налагает свои обязанности. Разве можно желать счастья в новом году Франции и не вызвать этим впечатления, что желаешь Германии в новом году несчастья?

Среда, 30 декабря 1914 г.

Принц-регент сербский выражает нам желание получить возможно скорее новые партии снарядов. В то же время он требует три батареи горных орудий и заявляет, что без них трудно будет перейти снова в наступление в Боснии. Регент опасается возможности новой австрийской атаки. Назначение эрцгерцога во главе армии, которая должна действовать против Сербии, заставляет его предполагать, что Австрия всеми средствами будет стараться исправить свое недавнее поражение [1]. Итак, куда ни бросишь взор, грядущий год окутан туманом неизвестности.

Титтони исчерпал все ресурсы своего удивительного красноречия, пытаясь оправдать перед Делькассе занятие Валлоны. Вместе с тем он высказался в том смысле, что Эссад паша, отбиваясь в своей вотчине Тирана против соединенных сил турок и австрийцев, находится в весьма критическом положении. „И призывает вас на помощь?" — спросил Делькассе. — „Мы не тронемся с места, — ответил Титтони, — я это неоднократно заявлял в Риме. Наш десант не должен пускаться в авантюры дальше расстояния пушечного выстрела от места стоянки нашей эскадры. Особенно опасно впутаться в переделку в Албании. Мы не желаем выступать на одной стороне, тогда как в наших интересах было бы выступить на другой стороне" [2].

Мы возобновили атаки в Шампани; они дорого обошлись нам и не принесли нам бо́льших успехов, чем бои 20 и 21 декабря. Мы повсюду находимся перед неприступной крепостью.

Четверг, 31 декабря 1914 г.

На заседании совета министров Мальви сообщает мне, что цензура задержала сегодня половину статьи Клемансо, всецело посвященной мне. В первой части, не урезанной цензурой и появившейся в своем оригинальном виде, неутомимый полемист рассказывает, что по моей просьбе Мильеран вызвал с фронта драгун сопровождать меня завтра, 1 января, при моих официальных поездках с визитами к председателям обеих палат. Во второй части, задержанной цензурой, Клемансо намекал, что у меня хватило печального мужества настоять на увеличении ассигновок на мои расходы на представительство, в то время как несчастные люди умирают с голода.

---

[1] Из Ниша, № 434.

[2] От Делькассе Барреру, № 543.

Как я ни привык к несправедливым фантазиям человека, который презирает человечество потому, что раз навсегда сделал себе о нем представление, достойное презрения, признаюсь, я был возмущен этой двойной клеветой; к тому же он пытался очернить ею в такое время, как переживаемое нами, гражданина, который, несмотря на все, несет задачу представлять Францию в глазах наших фронтовиков, их матерей и заграницы. Я послал Клемансо следующий ответ:

„Господин президент, я узнал сегодня, что цензура задержала часть заметки, в которой вы выдвигаете против меня два обвинения. Я конечно не имею в виду объясняться с вами по поводу этой меры; но, узнав содержание задержанной статьи, я не нахожу возможным оставить без личного ответа ваше двойное обвинение. Вы — сенатор, вы были председателем совета министров, вы — Жорж Клемансо; я — должностное лицо республики перед лицом неприятеля; пусть не говорят, что я когда-либо упустил случай предотвратить гражданские раздоры.

Вы стали жертвой двойной мистификации.

Никогда мне не приходила в голову парадоксальная мысль вызывать с фронта войска для сопровождения меня при моих завтрашних посещениях обеих палат. Если бы я желал сохранить традиционный эскорт, мне легко было бы найти свободных кавалеристов, так как таковые имеются в укрепленном лагере Парижа. Но более десяти дней назад состоялось соглашение с Дюбо и Дешанелем, что президиумы обеих палат, министры и я выедем завтра без всякого эскорта. Итак, ни одного драгуна не было взято с фронта.

Никогда также не приходила мне преступная мысль требовать какого-либо увеличения ассигновок для себя, и я считал бы величайшим негодяем президента, который в настоящее время питал бы подобное намерение и не отдавал бы все свои ресурсы на помощь несчастным. Законопроект о временном бюджете был составлен согласно давнишнему обычаю: так как суммы, ассигнованные для президента на расходы по представительству, выплачиваются за четверть года вперед, министр, как это делается обычно, и к тому же без моего ведома, внес в графу этих расходов кроме шести месяцев еще одну четверть года; но само собой разумеется, что аванс за четверть года никоим образом не увеличивает всей суммы и вычитывается потом из годичной цифры. Плохо ли это или хорошо, это практиковалось так с 1875 г., и по поводу этого несколько лет назад даже произошел в сенате обмен мнений между Делахэ и Андре Лефевром, товарищем министра финансов.

В последней сессии палаты вотировали временный бюджет, не сделав никаких возражений против сметы, приложенной к законопроекту. Но, когда я уже после этого заметил цифры, назначенные на расходы по представительству, я справился у Рибо и, несмотря на его разъяснения — я изложил их вам выше, — я потребовал, чтобы он порвал с обычаем, который, по моему мнению, ничем не оправдывается, и внес в распределительном декрете только точную цифру — шесть месяцев, что и было сделано.

Итак, не только не было ни у кого того возмутительного намерения, которое вы мне приписываете, но я сам, по собственному

почину, прекратил практику, которая могла подать повод к недоразумениям.

Я остаюсь пораженным той легкостью, с которой вы принимаете на веру самые нелепые слухи, если они отвечают вашим предубеждениям. То, что я услышал от вас при нашей последней встрече, уже показало мне, в какие странные психологические ошибки вы впадаете, если вы a priori решили, что данное лицо не достойно уважения. Однако во всяком случае вы должны были бы понимать, что человек, исполняющий известные почетные функции, если он не подлец и не сумасшедший, уже в силу обстоятельств морально и физически не способен при нынешней обстановке действовать по эгоистическим соображениям. Если вы действительно не понимаете этого, мне приходится пожалеть вас за то, что в вашей душе живет такая бездна слепой ненависти и презрения".

Вот к каким оправданиям вынужден во время войны прибегать президент республики по прихоти Клемансо. Письмо мое конечно останется без ответа, но признаюсь, что, написав его, я почувствовал известное облегчение.

Более любезны, чем статьи в „L'Homme enchaîné", новогодние поздравления, поступающие в Елисейский дворец. Они поступили от английского короля, бельгийского короля, бельгийского правительства, от сербского короля Петра, от сербского принца Александра, от генерала Жоффра и армий республики и т. д. Всюду та же уверенность в успехе, всюду те же клятвы бороться до победного конца.

Спора нет, год заканчивается не под триумфальные песнопения. Неприятель потерпел неудачу во всех своих попытках большого масштаба; он был побежден под Нанси, на Марне, во Фландрии; он повсюду иммобилизован; но мы тоже иммобилизованы не в меньшей мере, и часть нашей территории остается оккупированной неприятелем. Каждое наше усилие разрушить воздвигнутую перед нами стену стоило нам ужасающей цены, и оно разбивалось о несокрушимое сопротивление. Нам не удалось прорвать неприятельский фронт ни в центре, ни на флангах. Мы не даем неприятелю двинуться с места, но и он связывает нас по рукам и по ногам. На первый взгляд нет оснований думать, почему бы немцам и нам не оставаться так друг против друга целую вечность.

Однако для каждого рассуждающего и сохранившего свое хладнокровие француза ясно, что минувший год оставляет нам обещания успеха. Я не скажу, что время работает за нас; оно работает только за тех, которые сами о себе заботятся, но оно позволит нам заботиться о себе. Мы будем иметь возможность производить или закупить недостающие нам военные материалы. Нам открыты все моря; мы свободно сообщаемся не только со своими союзниками, но и с Америкой. Напротив, наши враги подвержены почти полной блокаде. Англия и ее доминионы готовят новые армии; со слов лорда Китченера, мы можем ожидать их в 1915 г. У нас самих проходит военную подготовку молодежь, жаждущая присоединиться к старшим; скоро у нас будут свежие силы, вооруженные и снаряженные лучше, чем когда-либо. Как же не верить в будущее?

Все запрещает нам впадать в отчаяние. Что касается меня, то, если меня посетят сомнения, я просто обращусь к Франции и буду просить ее поддержать и укрепить меня. Денно и нощно я чувствую ее присутствие. Чем больше ее страдания, тем больше она представляется мне как конкретное существо, как живая личность с знакомыми чертами. Я вижу ее перед собой с ее ранами, полученными в 1870 г., но спокойной, гордой, решительной. И слышу, как она говорит мне тоном, не допускающим возражений: „Так как я сама поставила тебя на этот пост и ты согласился принять его, ты должен теперь подавать пример. Оставайся на своем посту и будь стоек до конца".

Том VI

В ОКОПАХ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Новогодние разговоры. — Телеграмма папы. — Жоффр и проект диверсии на востоке. — Знамя морской пехоты. — Поездка в Кассель, Сент-Омер и Газебрук. — Аррас. — Битва под Суассоном. — Герцог Гиз и Фердинанд Болгарский. — Проект операций на Дарданеллах. — Комендант Вио.

На смену года траура и страданий пришел новый год, от которого Франция с уверенностью и надеждой ожидает победы и мира. Без всякой пышности я исполняю новогодний церемониал. В сопровождении Вивиани, без эскорта и свиты, отправляюсь к председателям обеих палат. Наш автомобиль не обращает на себя ничьего внимания; председатель совета министров волнуясь и с тревогой говорит мне о военных операциях, проводимых с 20 декабря на равнинах Шампани. Он совершенно не владеет собой и в разговоре с глазу на глаз дает волю своему пессимизму. Он не верит в успех нашего наступления и дошел до того, что обвиняет командование в отсутствии всякого стратегического плана, считает, что оно изо дня в день идет на поводу у событий. Когда мы вернулись в Елисейский дворец, я пригласил министров позавтракать у меня, и мы продолжаем разговор на ту же тему с Брианом; он высказывается более сдержанно, но в том же духе, что и Вивиани. Оба ставят вопрос, нельзя ли было бы вместе с англичанами образовать экспедиционный корпус в четыреста или пятьсот тысяч человек и напасть с тыла на Австрию со стороны Сербии. Высадка произошла бы на побережье Адриатического моря или в Салониках; наши войска пошли бы на Будапешт и Вену и по дороге пытались бы поднять всех славян двуединой монархии. Соблазнительная мысль. Ее недавно высказал мне Франше д'Эсперэ, когда я посетил его армию[1]; я беседовал об этом и с другими генералами. Правда, большинство их возражало мне. Их смущал вопрос, каким образом нам удастся создать базы для этого экспедиционного корпуса и в случае его проникновения в глубь страны обеспечить снабжение провиантом и военным снаряжением.

По словам Мариуса Ари Леблона, состоявшего в 1915 г. при секретариате генерала Галлиени, последний в 1914 г. советовал Бриану предпринять через Салоники диверсию сначала на Константинополь,

[1] См. „Нашествие", стр. 194.

а затем на Дунай[1]. Гези утверждает, что этот совет был дан министру юстиции в январе 1915 г. за завтраком[2]. Что касается меня, я ничего не слышал об этих разговорах ни от Бриана, ни от Галлиени; но в октябре Франше д'Эсперэ определенно говорил мне о желательности этой балканской экспедиции, а сегодня, 1 января, Вивиани, Бриан и я, обеспокоенные застывшим, неподвижным положением на фронтах наших армий, все трое останавливаемся на этой проблеме; в том состоянии неизвестности, в котором мы очутились, она открывает нам перспективы активных действий. Мы даже решаем срочно пригласить Жоффра к нам на совещание. Впрочем мы отнюдь не намерены вмешиваться в компетенцию высшего командования и навязывать ему план военных действий; мы желаем лишь обменяться с ним мыслями о целесообразности такой диверсии на востоке.

Разумеется, на сей раз я отказался от торжественных новогодних приемов властей, суда, чиновников, офицеров — у большинства из них, особенно у военных, теперь более серьезные заботы, чем дефилировать в парадных мундирах в салонах Елисейского дворца. Но этикет обязывает меня принять дипломатический корпус, собравшийся по обычаю в большом приемном зале. Отсутствуют только представители Германии, Австрии и Турции. Старшина дипломатического корпуса сэр Френсис Берти, с розовыми щечками и вьющимися волосами, обращается ко мне с короткой и осторожной речью, на которую я отвечаю столь же лаконично, подчеркивая перед нейтральными странами свою веру в победный мир.

В то время как я произносил эти слова надежды, четырнадцать немецких снарядов упали в неукрепленный город Коммерси, откуда ни разу не было выпущено ни одного снаряда по неприятелю. Повреждены пять домов, в том числе один детский дом. Эти новогодние подарки немцев не смутили храброго населения города, проявившего такой трогательный патриотизм во время моей последней поездки в Лотарингию. Но в течение всего дня стоит у меня перед глазами моя родная страна, подвергнувшаяся нашествию и опустошению.

Сводки главной квартиры становятся все более однообразными. Ежедневно встречаются в них те же названия: Буа-ле-Претр, Буа д'Айльи, Буа-де-ла-Грюри, Фонтэн-Мадам, Перт и Мениль-ле-Гюрлюс, Нотр-Дам-де-Лоретт.

Та же монотонность, та же бессодержательность в телеграммах из России. Принятое ввиду недостатка снаряжения и ружей решение ограничить в ближайшие месяцы операции на восточном фронте было очень тягостно для великого князя Николая Николаевича, ему пришлось сдержать свой врожденный пыл и отказаться от наступления, о котором он мечтал. 2 января он еще заявлял, что готов снова двинуться вперед, как только 4-й сибирский корпус и гвардия прибудут в Варшавский округ. В понедельник, 4 января, он по телеграфу обратился к Жоффру с вопросом, который выдает его растерянность: „Считает ли французское командование более выгодным оставить рус-

---

[1] Marius-Ary Leblond. Gallieni parle... Albin Michel, éditeur.

[2] P.-B. Gheusi (Pasquelle) Gallieni; „La Gloire de Gallieni", le même auteur. Albin Michel, éditeur.

скую армию на положении обороны, по возможности активной, и сохранить за французской армией все имеющиеся у нее ресурсы по снаряжению? Или же оно предпочитает придать ныне операциям на восточном фронте чисто наступательный характер, уступив русскому верховному командованию, если имеющиеся запасы и производство позволяют это, часть снаряжения, предназначенного для западного фронта?" (Петроград, № 19). У нас нет выбора; наш ответ продиктован нашим собственным тяжелым положением; мы ничего не можем дать, так как у нас самих нет необходимого. По словам Палеолога и генерала де Лагиша, русский военный министр, загадочный Сухомлинов, и центральная администрация ввели великого князя Николая Николаевича в заблуждение относительно размеров запасов снаряжения, а также сделанных надежных заказов. Что касается Франции, то у нас конечно не было ни обмана, ни сокрытия истинного положения дел; но у нас перед войной был недостаток в бюджетных ассигнованиях, и мы слишком уверены были в вечной продолжительности мира; а когда вспыхнула война, мы слишком расточительно расходовали снаряды. По по тем или другим причинам мы страдаем от того же недостатка, что Россия, и не можем в этот критический момент оказать ей действительную помощь. Итак, на обоих фронтах придется ограничиться генеральной и систематической обороной, поддерживаемой некоторыми наступлениями местного характера.

Встревоженный тем, что положение принимает затяжной характер и таким образом замедляет всякое стратегическое решение, Палеолог по собственному почину посоветовал Сазонову рассмотреть, не возможно ли будет для России заключить сепаратный мир с Австрией, чтобы потом направить все свои усилия против Германии. Сазонов признал, что, если Австрия отказалась бы от Галиции и Боснии и Герцеговины, это был бы результат, которым не следует пренебрегать; идея отдельного мира с габсбургской монархией, заметил он, заслуживает внимания. Сообщая нам об этой беседе, Палеолог в заключение подчеркивает: „Пока будут существовать Германия и Италия, мы будем заинтересованы в сохранении Австрии" (Петроград, № 3). Когда телеграмма Палеолога была получена в Париже, министры и я не могли отогнать от себя мысль, что сепаратный мир Австрии и России пожалуй охладит активность последней, отвратит Италию от всякого вмешательства в войну и скоро оставит нас с Англией одних лицом к лицу с Германией. Предположим, что Россия аннексировала Галицию, а Сербия получила Боснию и Герцеговину; Витте и его германофильские друзья конечно не преминули бы интриговать в Петрограде с целью отвратить царя от продолжения войны с нашим главным врагом. Испуганное этой перспективой, французское правительство предложило Палеологу снова повидать Сазонова и сказать ему, что он высказал лишь свой личный взгляд, не имея на то инструкций из Парижа.

На том же заседании во вторник, 5 января, я сообщил министрам телеграмму, полученную мною накануне вечером и исходящую от папы Бенедикта XV: „Полагаясь на чувства христианского милосердия, которыми воодушевлено ваше высокопревосходительство, мы просим вас ознаменовать начало нового года благодетельным актом суверенного

благородства и принять наше предложение о том, чтобы между воюющими сторонами произошел обмен военнопленными, признанными отныне негодными для военной службы. Мы не сомневаемся, что глава благородной и великодушной французской нации согласится последовать примеру государей других воюющих наций, которые все приняли наше предложение". Итак, папская курия и французская республика уже не совсем игнорируют друг друга, и на сей раз ни один из министров не возражает против того, чтобы я подтвердил получение послания папы. Я телеграфирую в Ватикан: „В ответ на благожелательное предложение, которое я имел честь получить от вашего святейшества в телеграмме от вчерашнего числа, спешу уверить ваше святейшество, что Франция, верная своим традициям великодушия, всегда гуманно поступала с военнопленными и обсуждает средства для полного обмена военнопленными, окончательно признанными негодными для военной службы". Действительно, этот обмен уже подготовлен под знаком женевского Красного креста, и все позволяет нам думать, что эти приготовления увенчаются успехом [1].

Проект диверсии на Балканах начинает многих соблазнять. В среду, 6 января, у меня был видный военный писатель подполковник Руссе, бывший депутат от Вердена, с которым я поддерживаю дружеские отношения; он пришел побеседовать о застое на фронтах. Руссе полагает, что наступление на востоке против Австро-Венгрии, возможно, позволит в скором времени снова перейти к маневренной войне. Беназе, ординарец Франше д'Эсперэ, приехавший в Париж в качестве депутата на чрезвычайную сессию парламента, привез мне очень интересную докладную записку этого генерала, в которой рекомендуется напасть на неприятеля с тыла на Балканах. Эта концепция сводится в основном к следующему: направить через Белград экспедиционный корпус на Вену и Берлин, использовать с этой целью сербов, одерживающих теперь победы, и сосредоточить на Дунае достаточно мощную французскую армию; отрезать турок от их союзников; установить связь с Россией через Румынию [2].

Как было решено, я просил Жоффра приехать в Елисейский дворец и дать правительству свое заключение о такого рода экспедиции. 7 января он завтракал у меня с министрами; после кофе в комнате первого этажа, носящей галантное название дамского салона, завязался длинный разговор при закрытых дверях. Вивиани считает, что диверсия на Балканском полуострове может быть полезной для выхода из нынешнего неподвижного состояния. Бриан энергично защищает тот же взгляд. Не упоминая Франше д'Эсперэ, я в своих замечаниях исхожу из того плана, который он переслал мне. Но главнокомандующий решительно высказывается против всяких операций на востоке. Он говорит, что все наши войска нужны ему здесь; германская армия недавно усилена была двадцатью четырьмя полками и несомненно намеревается атаковать нас. Согласно Жоффру решение последует безусловно на западном театре военных дейст-

[1] См. G. Cahen-Salvador, Les Prisonniers de guerre, 1914 – 1919, conseiller d'Etat, Payot, éditeur, p. 212 et suiv.

[2] См. статью Жюля Дешанеля, появившуюся после его смерти в „Revue des Deux Mondes", 15 февраля 1922 г.

вий. К тому же мы имеем право надеяться, что через более или менее продолжительный период времени нам удастся прорвать немецкие позиции. Будет ли это через восемь дней, два месяца, шесть месяцев, год — этого никто не может сказать; но результат обеспечен с того момента, как будет изжит кризис нашего снаряжения, что должно наступить в скором времени. Кроме того Жоффр считает весьма трудным, чтобы не сказать невозможным, делом снабжать через Салоники провиантом французскую армию хотя бы всего в сто тысяч человек, особенно если ей придется отдалиться от морского берега и проникнуть более или менее далеко в глубь страны. Жоффр высказывается с твердостью, хотя наружно речь его носит мягкий характер; он не оставляет никаких сомнений относительно непоколебимости своего убеждения. Слова его заставляют Вивиани, Бриана и меня если не присоединиться к его мнению, то во всяком случае поколебаться в своем мнении, и в настоящий момент мы не считаем целесообразным настаивать далее.

Рибо поднимает все еще не решенный вопрос о судьбе Галлиени. Жоффр говорит нам, что имел в виду поручить военному губернатору Парижа командование эльзасской армией, но ему пришлось отказаться от этого решения: он более не намерен занимать эльзасскую равнину, желает лишь удерживать выходы из горных проходов в Вогезах; на этих днях был взят Штейнбах, мы не будем двигаться дальше к Рейну; Жоффр намерен передать десять стрелковых батальонов генералу Пютцу, который очень хорошо ведет операции и которого он не считает возможным поставить под начальство генерала Галлиени. Главнокомандующий снова жалуется на бывшее гражданское окружение военного губернатора. Он говорит без резких выпадов, с точностью военного, который знает, о чем он говорит, и с вежливым упорством человека, который уже принял определенное решение.

Гастон Томсон спрашивает Жоффра о возможности создать армию второй очереди и большую группу для маневренных движений (une masse de manoeuvre). „Невозможно, — отвечает Жоффр. — Мне нужны вплоть до самого конца войны все солдаты из запасных батальонов. К тому же для образования новых частей у нас нет теперь ни офицеров, ни унтер-офицеров, ни артиллерии, ни полковых обозов".

Жюль Гэд в восторге от Жоффра. Этот социалистический апостол — горячий патриот. Войдя в комнату, он обратился к Жоффру со словами: „Вы организатор победы". Ушел он со словами: „Это изумительный человек. Он все обдумал и все предусматривает".

Мильеран по своему обыкновению больше слушал, чем говорил. Он наконец возвратился из Бордо. В четверг, 7 января, в „Бюллетене армий" была помещена заметка: „Военный министр Мильеран снова окончательно перенес свою канцелярию в здание министерства на улице святого Доминика".

Два брата Гарибальди, Бруно и Константин, убиты в Аргоннах, где храбро сражались за Францию во главе группы итальянских добровольцев. Я отправил телеграмму с выражением сочувствия генералу Риччиотти Гарибальди и посылаю состоящего при Елисейском дворце подполковника Бонеля в Рим, куда будут пере-

везены тела погибших: он выразит мое соболезнование их семьям и возложит венки на могилы. Но Италия пока не думает еще следовать примеру этого небольшого гарибальдийского батальона; она довольствуется тем, что заняла Валлону, и внимательно наблюдает за Албанией, где недавно вспыхнуло восстание против Эссада паши и Дураццо чуть не попал в руки повстанцев (телеграмма из Ниша, № 17 и из Рима, № 19).

Вечером 10 января я выехал из Парижа вместе с морским министром Оганьером. Как у нас было решено в декабре, мы отправляемся к морским частям пехоты вручить им знамя, которое они заслужили своим доблестным поведением на Изере. Железнодорожные пути в такой степени запружены военными транспортами, что нам понадобилось двенадцать часов, пока мы добрались до Дюнкирхена. На северных дорогах я разъезжаю в вагоне-салоне, который компания восточных дорог построила в начале 1913 г. для моих поездок в Сампиньи и теперь предоставляет в мое распоряжение для моих поездок к армиям. Он лучше подходит к теперешним суровым обстоятельствам, чем роскошные вагоны, которые Феликс Фор оставил в наследство своим преемникам. В пути мы долго беседуем с Оганьером. Некогда он был моим решительным противником в парламенте. Теперь отношение его ко мне безусловно корректно. Это энергичный человек, прекрасный патриот, несколько резкий в своих высказываниях, но с живым умом и обходительный в обращении.

Город Дюнкирхен, где я в последний раз был 1 ноября[1], снова бомбардирован вчера эскадрильей из двенадцати немецких аэропланов[2]. Благодаря мерам предосторожности, принятым мэром города Анри Терканом, жертв к счастью было немного. Мы с Оганьером, сопровождаемые нашими офицерами, садимся на реквизированные автомобили и едем за город; там, в нескольких километрах от Дюнкирхена, на пустырях, оголенных ветром и окаймленных со стороны моря желтой линией дюн, находится бригада морской пехоты, отличившаяся под Ньюпортом, Диксмюде и в последние дни в Сен-Жорже[3]. Она недавно была отведена с фронта, как говаривал бойкий Буасса-Мазера, на поправку. Вот она перед нами почти в полном составе. Отсутствуют только убитые и раненые; увы, их много! Мы сначала обходим шеренги войск. Я восхищаюсь прекрасной выправкой этих людей, которые всего лишь несколько дней на отдыхе и уже видимо горят нетерпением возвратиться на линию огня. Останавливаюсь в центре бригады, перед адмиралом Ронархом, который стоит, словно вылитый, воплощение силы и простоты; по бокам его взвод, который будет принимать знамя. Ветер все крепчает. Над нами кружатся два французских самолета, чтобы отогнать в случае надобности немецкие „Tauben“. Они ныряют в воздухе словно корабли в разбушевавшемся море. Холод ли это, ветер, волнение — я

---

[1] См. „Нашествие“, стр. 218 и сл.

[2] „Dunkerque, ville héroïque“, par Henri Malo. Perrin et Cie, 1918, p. 303.

[3] „Dixmude, un chapitre de l'histoire des fusiliers marins“, „Saint-Georges et Nieuport“ par Ch. Le Goffic. Plon.

с трудом удерживаю в руке древко нового знамени, пока произношу свою краткую речь к морской пехоте [1].

Затем они дефилируют перед нами с высоко поднятой головой — полуоборот в нашу сторону, — с гордой решимостью во взоре. Мы поздравляем адмирала и его офицеров и уезжаем в восторге от этих молодцов.

Автомобили быстро привезли нас в Кассель, фламандский город, живописно взгромоздившийся на вершине холма того же имени. Я еще раз навещаю здесь Фоша и его штаб. Они все еще помещаются на небольшой площадке на откосе, в старом отеле „благородного двора", где некогда находился суд, а вчера заседал муниципалитет. Мы снова завтракаем в залитой светом столовой, из которой открывается грандиозный вид на равнину. Фош так же стремителен, как Жоффр бесстрастен, и так же, как он, преисполнен уверенности. Он говорит мне, что наше наступление задержано только временным недостатком снаряжения и временными трудностями топографического характера — почва стала непроходимой из-за зимнего времени. Как только снова наступит сухая погода, мы попытаемся пройти, и Фош верит, что мы имеем шансы на успех.

Из Касселя мы отправились в Сент-Омер, где я, как и в прошлый раз, нашел оживленную картину британского лагеря. Нас приняли фельдмаршал Френч и принц Уэльский; свежее юное лицо принца сияло среди английских мундиров. По предложению французского командования и по постановлению правительства я вручил звезду ордена Почетного легиона двум генералам Френча, отличившимся в последних боях, — Смиту Дарриену и сэру Дугласу Хейгу. Мне особенно указывали на военные достоинства этого последнего. Шотландец по происхождению, высокого роста, статный, с располагающим лицом, он довольно бегло говорит по-французски и прекрасно понимает необходимость тесной связи между союзными армиями. Что касается Френча, то он говорит мне, что с нетерпением ожидает подкреплений, обещанных ему Китченером; он боится, что министр не пошлет их в указанные сроки. Кроме того он опасается, что английское правительство помышляет о диверсии в Сербии в ближайшее время; об этой операции, которая произошла бы вдали от него, он отзывается столь же отрицательно, как и Жоффр.

Осушив с фельдмаршалом обязательный бокал шампанского, мы отправляемся в Газебрук, где нас ожидает окруженный своими согражданами мэр и депутат города аббат Лемир, столь любимый и уважаемый всеми знающими его. Он собрал в ратуше муниципальных советников, чиновников, английские и французские военные власти, учителей, жандармерию — кого еще? — женщин, детей, стариков, одним словом, всех жителей, не находящихся на фронте. С колокольни церкви Сент-Элуа несется трезвон. Я вручил аббату пожертвование для бедных. Выслушиваю небольшую патриотическую речь, с которой он обращается ко мне; отвечаю на нее; все это за полчаса. Тем временем толпа запрудила площадь. При выходе

[1] „Messages, discours, allocutions", Bloud et Gay, éditeurs, t. I, p. 39.

меня окружают и приветствуют как спасителя, и передо мной ярче, чем когда-либо, встает сознание долга быть стойким и твердым до конца, долга, который налагает на меня это доверие народа.

Из Газебрука мы едем длинными зигзагами, мимо Лильерс с его прекрасной церковью романского стиля, до небольшой деревни близ Обиньи-ан-Артуа. Здесь находится командный пост генерала де Мод'Гюи; генерал принимает нас в убогом на вид доме. Он не скрывает от нас своего мнения, что наступление было бы весьма рискованным, даже после того как почва просохнет. Я еще раз получаю впечатление, что по мере удаления от главной квартиры к фронту температура оптимизма падает градусом ниже и ниже. Оганьер, как и я, поражен этой иерархической разницей в военных оценках.

Вместе с генералом Мод'Гюи отправляемся в Обиньи, куда стараниями генерала Фоша вызван был префект Па-де-Кале Бриер. Столь же осторожный там, где дело идет о президенте республики, как храбрый в отношении самого себя, Фош надеялся, что эта предусмотрительная комбинация удержит Оганьера и меня от искушения распространить свою поездку и на город Аррас. Однако я никак не имел права уклониться от посещения последнего. У мэра города Обиньи нас ожидали префект и епископ, первый — худой и замкнутый, другой, монсеньор Лоббедей, — тучный и экспансивный. „Как! — воскликнул я, — вас потревожили, и вы приехали сюда приветствовать нас! Нет, это мы должны приехать к вам в Аррас, где вы оба, как я знаю, храбро остаетесь, несмотря на бомбы". В восторге от моего предложения они вызвались провожать нас в столицу Па-де-Кале.

Наступает ночь. На улицах Обиньи войска без оружия радостно приветствуют нас. Мы садимся в автомобили, выключаем рефлекторы и едем в Аррас по шоссе, которое, как нам говорят, ежедневно обстреливается артиллерией неприятеля. Так приехали мы в этот мертвый город, в котором только взрывы снарядов нарушали зловещую тишину. Вдоль темных и пустынных улиц ни одного огня. Лишь кое-где булочная или бакалейная лавка освещены жалкой керосиновой лампочкой или свечами. Какие-то тени быстро шагают там и сям по панели. В городе осталось только три тысячи пятьсот человек, большей частью старики и дети. Префект и епископ печально принимают нас в опустошенном городе. Они привели нас к ратуше. Это чудо архитектуры страшно пострадало от бомбардировки и огня. Готический фасад и украшения в стиле Ренессанса изуродованы. Из здания вынесли его сокровища: драгоценную резьбу на дереве и украшения из кованого железа. Salle des gardes представляет собой груду обломков. Соседняя башня страшно изувечена. Пораженный в сердце лев Фландрии упал на землю и лежит среди вороха камней. В ночной темноте это зрелище кажется мне еще ужаснее, чем то, что я видел в Реймсе[1].

Мы бродим, как призраки, среди развалин и отправляемся потом к зданию префектуры и епископскому дворцу. Оба здания мало повреждены, хотя в них тоже попали снаряды. Я осведомляюсь у префекта, мэра и епископа о самых насущных нуждах населения,

[1] См. „Нашествие", стр. 271.

оставшегося в городе, оставляю вспомоществования для самых бедных семейств, ободряю, как могу, редких встречающихся мне жителей и отправляюсь назад в Обиньи. Затем в морозную ночь сажусь с Оганьером в поезд и с тяжелым сердцем возвращаюсь в Париж.

В Елисейском дворце меня ожидала следующая интермедия. Я принимаю знаменитого испанского романиста В. Бласко Ибаньеса, автора „Кровавых арен“ и „Проклятых земель“, горячо рекомендованного мне Марселем Самба. Он представляется мне как „солдат пера“, солдат Франции. В настоящий момент он пишет историю войны в весьма сочувственном для нашей страны духе; она выходит иллюстрированными выпусками и распространяется нашей пропагандой во всех странах с господствующим испанским языком. Он в экстазе выражает мне свои горячие пожелания для Франции; при этом он картавит, произнося *р*, и все время бросает взгляды на свои пальцы, унизанные толстыми перстнями. Он хотел бы, чтобы Испания вышла из своего нейтралитета, но признает, что это его личное желание разделяется лишь немногими его соотечественниками, а о других говорит с буйным гневом, который на момент развлекает меня.

Офицеры связи сообщают мне, что 12 и 13 января мы добились местных успехов на Эне и в Шампани благодаря блестящим действиям наших войск. Мы ведем теперь атаку усовершенствованным способом. Она долго и тщательно подготовляется. Сначала интенсивный артиллерийский огонь разворачивает окопы неприятеля и уничтожает защитные сооружения. Когда замолкает артиллерия, пехота идет в атаку и берет позиции в штыковом бою. Но после этого трудность заключается в том, чтобы держать под огнем неприятельские батареи; наши орудия должны отвечать на их стрельбу мощной контратакой. В этих ожесточенных боях, в которых выказываются чудеса храбрости и кровь льется ручьями, мы по всей видимости не добиваемся никаких реальных преимуществ, не только стратегических, но даже тактических.

Сколько энергии требует ежедневно эта жизнь войск, наполовину под землей, в окопах, под дождем и снегом, в окопах, разрушаемых гранатами и минами, в убежищах без чистого воздуха и света, в параллельных рвах, всегда подверженных разрушительному действию снарядов, в боковых ходах, которые внезапно могут быть отрезаны неприятельской артиллерией, на выдвинутых вперед постах, где патруль ежеминутно может быть застигнут надвигающейся атакой! Как можем мы в тылу еще знать минуты обманчивого спокойствия, если там, на фронте, такие же люди, как мы, обречены на этот ад?[1]

В настоящий момент наши взоры обращены на Суассон. 8-го утром мы атаковали неприятельскую армию между Кюффи и Круи. Немцы приняли бой, и битва продолжалась в течение двух следующих дней. 11-го мы удерживали завоеванные позиции. Но в среду, 13-го, вдруг завязался самый жаркий бой вокруг шпорообразной высоты № 132. Немцы бросились на нас с удвоенными силами. Мы с великим трудом оказываем сопротивление наверху откоса, к западу от укрепле-

[1] „La Psychologie du combat“ par Charles Coste, Berger-Levrault, p. 64 et suiv.

ния, но на восток от него наши войска вынуждены были отступить. Битва продолжается между Круи и Шин на всем протяжении плато, и в результате линия нашего фронта снова отодвинута назад до края северных склонов Монсель и Бюси-ле-Лон. 14-го, в четверг, утром Жоффр телеграфирует нам, что по неизвестным еще причинам совершенно свежая регулярная дивизия, подвезенная ночью на север от Суассона, не вступила в действие в тот момент и с той силой, как это было предусмотрено. Разливом Эны снесены были мосты за исключением мостов у Суассона и Венизель, которые немцы, будучи господами высот на правом берегу, могут обстреливать своими полевыми орудиями. Это подвергало опасности подвоз провианта и снаряжения к войскам, оставшимся на север от реки; к тому же эти войска не могли быть поддержаны своими 75-миллиметровыми орудиями, которые находились на невыгодных позициях у подошвы холмов, и должны были еще раз переправиться через Эну. В таких обстоятельствах главнокомандующий, предупредив нас об этом, одобрил принятое генералом Монури решение отвести наши атакованные войска на левый берег и держать на север от Суассона только мостовое укрепление. Это, подчеркивает нам Жоффр, не вынужденный, а добровольный отход; он присовокупляет, что этот печальный факт имеет чисто местное значение и останется без всякого влияния на общий ход операций.

Совет министров однако встревожен вопросом, в чем заключались причины запоздания и вялости, в которых обвиняют одну из наших дивизий? Не начинают ли солдаты падать духом в грязи и холоде жизни в окопах? Некоторые офицеры высказали нам свои опасения в этом смысле. Другие офицеры говорят нам, что частые наступления обходятся слишком дорого и ведут лишь к разочарованиям. Чтобы взвесить надлежащим образом эти разноречивые мнения, совет министров желал бы, чтобы главная квартира была в более тесном контакте с войсками и не воздвигала густой завесы между генералом Жоффром и фронтом.

В четверг, 14 января, в Бурбонском дворце Поль Дешанель, снова избранный третьего дня почти единодушно председателем палаты, заявляет уже, что одним из главных уроков военных действий будет „необходимость более сильного, более энергичного контроля, чем когда-либо". — „Если бы, — сказал он, — парламент решился выступить, если бы он знал больше, Франция находилась бы сегодня в лучшем положении". Да и нет. Если парламент захочет завтра захватить в свои руки функции высшего командования, если он захочет полностью подчинить техническую компетенцию законному суверенитету, он узурпирует власть, которой он не в состоянии пользоваться, и конечно войны не выиграет. По что касается контроля, энергичного и сильного, контроля правительства над поставками и вооружением и контроля парламента над правительством, то Дешанель прав: этот контроль станет более необходимым, чем когда-либо.

15 января во Францию отправляется 28-я английская дивизия. Это все, что Китченер может послать нам пока. В течение февраля за этим последуют канадская дивизия и 29-я дивизия (телеграмма из Лондона, № 68). Английский военный министр добросовестно

исполняет свои обещания, данные в Дюнкирхене. Но при всем его усердии и лойяльности в этом отношении мы в своем нетерпении находим эти сроки слишком долгими.

В ожидании этих подкреплений часть наших войск в настоящий момент изнурена тем чрезвычайным напряжением своих сил, которое требовалось от них. Немцы возвещают, что 13-го они взяли под Суассоном в плен четырнадцать офицеров и тысячу сто тридцать солдат и захватили четыре орудия большого калибра и четыре пулемета. Вместе с добычей вчерашнего дня они насчитывают три тысячи пятьдесят военнопленных, восемь орудий и шесть пулеметов (телеграмма из Берна, № 85). Эти известия, распространяемые за границей, приводят в смущение наших сторонников.

Из Вашингтона нам телеграфирует Жюссеран, что президент Вильсон, питающий особое пристрастие к специальным миссиям, посылает в Европу полковника Хауза, который будет осведомлять его по вопросам войны и быть может так же и мира; полковник — самый близкий друг президента, одна из тех немногих личностей, с мнением которых он считается. Полковник Хауз — уже зрелый, уравновешенный человек, с любезными манерами и, несмотря на свой титул, не занимает никакого военного поста. Он будет официально выступать перед европейскими государствами наряду с послами своей страны. Жюссеран уже уведомил его о „твердой решимости Франции и ее союзников продолжать войну до победного конца“ (из Вашингтона, № 39).

По просьбе Делькассе я принял герцога де Гиза, который со времени войны вел себя как французский патриот, а теперь пришел поговорить со мной о болгарском короле Фердинанде. По случаю православного нового года я отправил поздравительные телеграммы государям России, Сербии и Болгарии. Первые два ответили мне горячими пожеланиями. Что касается третьего, то он любезно благодарил меня, но не упомянул Францию ни единым словом. Тем не менее герцог де Гиз думает, что не следует отказываться от надежды добиться от короля лучшего отношения. Он готов сделать все, что в его силах, и попытаться убедить Фердинанда, причем использует свои родственные отношения с ним. По роль, которую Фердинанд играл в 1912 и 1913 гг., внушает мне мало доверия к его политической честности.

Вечером 15 января Мильеран звонил мне, что был в главной квартире. Он послал Жоффру по поводу битвы при Суассоне ряд серьезных замечаний, о которых ничего не сказал мне. Повидимому они чувствительно задели Жоффра. Министр отправился в ставку главнокомандующего, чтобы объясниться с ним и в точности узнать причины нашей неудачи. Он говорит мне, что сообщит о них в совете министров.

Действительно, в субботу, 16 января, Мильеран излагает министрам, собравшимся в Елисейском дворце под моим председательством, при каких обстоятельствах произошло наше непредвиденное отступление. Командующий 14-й дивизией генерал Фейсс получил от генерала Монури и от генерала Бертело, который совсем недавно перешел из главной квартиры на боевые позиции, приказ перейти

в контратаку на правое крыло немцев. Всю ночь генерал Фейсс совещался с командиром резервной дивизии генералом Бюиссон д'Арманди; последний настойчиво указывал ему на опасность быть отрезанным в результате разлива Эны. В начале своей контратаки 14-я дивизия продвинулась вперед и взяла около ста пленных. Но среди них оказались солдаты семи-восьми различных немецких полков, и генерал Фейсс заключил отсюда, что перед ним находятся значительные неприятельские силы. Во избежание катастрофы он остановил свое наступление. Немцы тотчас же бросились на нас и помяли нас. Они хвастают теперь, что одержали большую победу.

В то же время они воспользовались этим сражением, чтобы усилить бомбардировку Суассона. Анатоль Франс с негодованием [1], протестует против грубого и нелепого разрушения памятников, освященных „искусством и годами"; с начала войны элегантный скептицизм Анатоля Франса сменился пламенным шовинизмом, и на новый год писатель обратился к Густаву Эрве с призывом продолжать в „Guerre sociale" стойкую борьбу. По поводу бомбардировки Суассона он вспоминает прелестные слова моего школьного товарища Андре Галлей (Hallays) об этом „белом, мирном, улыбающемся городе с его башней и остроконечными колокольнями на берегу ленивой реки, в лоне зеленых холмов" [2]. Куда девались теперь белизна, улыбка и мир?

Версия главной квартиры относительно нашего поражения оспаривается очень многими офицерами, которые поспешили рассказать парламентским деятелям, что, по их мнению, приказ о наступлении отдан был необдуманно.

Мессими, временно оставивший армию и появившийся в палате депутатов, пришел побеседовать со мной. Его военные впечатления не очень радужны. Он заслужил на поле сражения галуны подполковника и крест ордена Почетного легиона. Очень достойно ведет себя с начала войны. Но он находит полный разрыв между офицерами главной квартиры и офицерами-фронтовиками. „Эти господа в главной квартире находятся как бы под стеклянным колпаком, они мало знают о том, что происходит на фронте. Отдают приказы о частичных наступлениях, для того чтобы было чем заполнить сводки. Эти наступления стоят много жертв и заранее осуждены на неуспех. Существенные результаты будут достигнуты только тогда, когда возможно будет начать генеральное наступление в секторах, выбранных с большой осмотрительностью, со свежими войсками" [35].

Я сообщил об этом разговоре Мильерану. Он говорит мне, что, хотя Жоффр все еще продолжает считать крайне трудным создание армии для маневренных действий, тем не менее вот уже несколько дней вопрос этот по его приказу изучается. Надо думать, главнокомандующий откажется от мысли включить в полки, находящиеся на фронте, те пятьдесят батальонов, которые мы стараемся теперь сформировать. Как того требуют де Фрейсине, Думер и Мессими, как это считает целесообразным большинство членов правительства, как я сам желал бы, Жоффр, надо думать, решит создать из этих

[1] „Journal des Débats", 17 января 1915 г.
[2] „Autour de Paris", p. 207.

новых батальонов генеральный резерв. В настоящий момент, говорит мне полковник Пенелон, Жоффр еще не вполне примкнул к этой идее, но она его уже не отталкивает. Он взвешивает ее положительные и отрицательные стороны и примет решение только после совершенного ознакомления с вопросом.

Имел длинный разговор с директором авиационного отдела военного министерства генералом Гиршауэром. Сенатор от департамента Мааса Жюль Девелль, зять которого Жак Бреге работает по конструированию аэропланов, и редактор „Matin" Бюно-Варилья, информированный Мишленом, оба говорили мне, что нам грозит опасность быть опереженными Германией в производстве быстроходных аэропланов. Я прошу Гиршауэра осведомить меня о положении вещей. Он сам находит, что главная квартира не уделяет должного внимания вопросу о скоростных полетах. Я сообщаю об этом военному министру, но Мильеран снова укоряет меня, что я помимо него обратился к одному из его сотрудников. Итак, когда я во время войны стремлюсь быть осведомленным о состоянии наших вооружений, министр, в то же время один из моих старейших друзей, хотел бы, чтобы я в этом отношении имел меньше прав, чем любой сенатор или депутат: я, видите ли, не имею права без его предварительного согласия совещаться с начальником отделения. Мне думается, что, если бы мы с Мильераном поменялись ролями, он иначе толковал бы наши обязанности. Но теперь война, и для блага страны я должен мириться со всем.

В понедельник, 18 января, мы получили интересную информацию из-за границы. Недавно в разговоре с Морисом Палеологом русский император резюмировал свои мысли в следующих трех конкретных утверждениях: твердая решимость продолжать войну до победного конца (à outrance), твердое намерение уничтожить военную силу Германии, невозможность перейти в наступление до начала апреля (Петроград, № 80). К несчастью этот последний пункт не способствует предыдущим [36].

По словам Сазонова, последние известия, полученные им из Бухареста, говорят, что румынское правительство решилось теперь выступить в скором времени против Австрии (Петроград, № 79). Но в Париже приходят к убеждению, что русский министр слишком склонен принимать свои желания за действительность; от постоянных надежд здесь начинают терять надежду.

Подал в отставку министр иностранных дел граф Берхтольд, этот австрийский барин, который своей высокомерной небрежностью так много способствовал с 1912 г. ухудшению интернациональных отношений. Кажется, румыны видят в этой отставке скорее основание для беспокойства, нежели успокоительный момент. Некоторые из них боятся, что Австрия в ближайшем времени поставит Бухарест перед необходимостью высказаться в ту или другую сторону и не оставит уже за ним свободы выбрать момент для этого. Другие опасаются открытия переговоров, которые поведут к сепаратному миру в пользу Венгрии и следовательно в ущерб Румынии (Бухарест, № 25). Но, согласно Сазонову, замена графа Берхтольда бароном Бурианом означает, что Австрия чувствует, что ей приходит конец вследствие внут-

реннего распада, и в отчаянии бросается в объятия Германии (Петроград, № 78). Нам остаются только догадки.

Жоффр пришел к окончательному решению: он признает необходимым создание резервной армии или армии для маневренных действий. Письмом от 19 января он извещает сэра Джона Френча, что, по мере того как станут прибывать английские подкрепления, он будет постепенно снимать французские корпуса на северном фронте; он сообщает, что армия второй очереди будет состоять из десяти регулярных дивизий, четырех дивизий территориальных войск и семи кавалерийских дивизий. Вместе с тем, несмотря на неудачу наших попыток 20 декабря 1914 г. и 8 января, он сохраняет для наступления в Шампани в силе свои директивы от 8 декабря. В том же письме от 19 января он пишет с той свойственной ему ясностью ума, которая была одним из источников его силы до битвы при Марне и во время ее: „Наступление IV армии в Шампани является главной операцией и будет проводиться с возможно бо́льшей энергией и быстротой средствами IV армии, а для использования успеха могут быть взяты дивизии из генерального резерва“ [1].

Однако по поводу этих местных атак ко мне со всех сторон обращаются с очень резкой критикой. В первую очередь отмечаю письмо Мессими; содержание его я сообщил Вивиани и Мильерану. Он пишет, что операции в конце декабря стоили нашим войскам так же дорого, как немцам битва во Фландрии. Сообщает, что в немецком бюллетене от 18 января наши потери с 17 декабря по 17 января определяются в двадцать шесть тысяч убитых и восемнадцать тысяч взятых в плен, и кроме того число наших раненых указывается в восемьдесят тысяч. Мессими убежден, что эти цифры не преувеличены. Он снова очень сурово отзывается об „этом наступлении, повсюду начатом на-авось, без общей идеи, без стратегического плана“. Пишет мне, что перед своим отъездом из Парижа на фронт в Вогезах считал нужным подчеркнуть своим письмом „то глубокое негодование и скорбь, которые вызвали у него события истекшего месяца“. В несколько резкой форме эти строки к несчастью содержат долю истины.

Краткое освежающее интермеццо. В среду, 20-го, в Елисейском дворце обедают в дружеской среде несколько собратьев из академии: Фредерик Массон, Франсис Шармс, Альфред Капюс, Морис Баррес. Все они стараются своими писаниями поддержать дух страны; всем им хочется иметь верные известия. Морис Баррес сообщает мне новые подробности об указанных уже мне злосчастных мерах, которые военные власти сочли нужным принять против подозрительных или якобы подозрительных лиц. Были случаи несправедливых эвакуаций и слишком поспешных интернирований в концентрационные лагери. По моему предложению правительство поручило эльзасским беженцам во Франции — Гельмеру, Блументалю, Веттерле и Ложелю — посетить эти лагери и раздать удостоверения личности всем тем интернированным, образ мыслей которых не возбуждает сомнений и которым можно без опасения дать свободу передвижения. Однако надо

[1] Cv. „Histoire de France contemporaine“ par E. Lavisse („Les opérations militaires“ par Henry Bidou, p. 171 et suiv.).

думать, что столь тяжелая психологическая ошибка военных властей вызовет в Эльзасе длительное недовольство. Мы вступили в страну, которая растеряла свое знание французского языка. Не требует ли благоразумие, чтобы мы не судили по внешним признакам?

Герцог де Гиз отплыл 20 января из Марселя; он поедет через Грецию в Софию. Его сопровождает приятель-француз де Дувр, пользующийся доверием Фердинанда. Делькассе поручил нашему посланнику де Панафье предупредить короля о предстоящем приезде его родственника (№ 39). Герцог де Гиз будет стараться убедить короля, что его личные интересы, а также интересы его королевства диктуют ему притти в соглашение с Антантой. Германия и Австрия могут давать Болгарии только пустые обещания. Будучи союзниками Турции, они не могут вырвать у Порты Фракию. Питая властолюбивые планы дойти до Эгейского моря, они никому не позволят занять Македонию, другими словами, путь к побережью. Напротив, Антанта не заявляет притязаний ни на Фракию, ни на Македонию и поэтому имеет возможность дать Болгарии в обеих этих странах самые широкие сатисфакции. Конечно герцог де Гиз исполнит свою миссию со всем авторитетом своего имени и со всем жаром своего патриотизма. Но сохранил ли Фердинанд еще свою свободу, не заключил ли он тайных соглашений с центральными державами?[1]

Сэр Френсис Берти, к которому после возвращения из Бордо вернулось его хорошее настроение, привел ко мне и представил мне биканерского магараджу. Это красавец-индус с черными, как смоль, волосами и ослепительной белизны зубами. Четырнадцать лет назад он служил в Китае в английской армии и командовал Биканерским верблюжьим отрядом. Его княжество — одно из самых значительных в Индии. Он приехал с фронта, где состоит при британской главной квартире. Он снова надел военный мундир и говорит о войне с твердой решимостью, как подобает лойяльному гражданину Британской империи. Индия, как и доминионы, составляют теперь одно целое с метрополией.

Кайо, находящийся теперь на пути в Южную Америку, обратился к правительству с просьбой распространить его миссию по вопросу о подводных кабелях не только на Бразилию, но также на Аргентинскую республику и Монтевидео. Мнения министров разделились, но в конце концов желание бывшего председателя совета министров было удовлетворено[2]. Надо думать, что при этом сыграло свою роль желание держать Кайо более продолжительное время вдали от палаты.

В субботу, 23 января, Бриан сообщил совету министров, что в некоторых кварталах Парижа массами распространяли листовки подозрительного происхождения, по всей вероятности инспирированные Германией. Это — брошюрки под заглавиями: „Нас обманывают“, „Нас водят за нос“, полные оскорбительных нападок на правительство, военных вождей и на меня. Чувство тревоги, вызываемое почти всюду неудачей наших последних операций, создает прекрасную почву

[1] По приезде в Софию герцогу де Гизу пришлось несколько дней ожидать аудиенции у короля Фердинанда; последний не пожелал дать никаких обещаний (№ 63).

[2] От Делькассе в Монтевидео (№ 5) и в Буэнос-Айрес (№ 9).

для культуры ядовитых микробов. Долг правительства и мой совершенно ясен. Мы должны неослабно оказывать сопротивление заражению национального организма.

Мильеран, отправившийся в Лондон на совещание с Китченером, телеграфирует 23 января в военное министерство, что по своем возвращении он сговорится с главнокомандующим об использовании в самом скором времени контингентов запасных батальонов для создания армий второй очереди (Лондон, № 107). Мудрое решение, так как моральное состояние солдат, остающихся праздными в запасных батальонах тыла, ухудшается от безделья; дисциплина приходит в упадок; гражданское население, являющееся свидетелем этого скандального положения, все более возмущается им. Пора обратить внимание на это. Впрочем военная комиссия сената уже занялась этим важным вопросом, а Клемансо писал о нем — не без желчи — в статье в „L'Homme enchaîné".

Морской министр сообщает совету министров, что английское морское министерство намерено предпринять помимо нас экспедицию на Дарданеллы. Между тем в силу франко-британской морской конвенции право командования союзными эскадрами на Средиземном море принадлежит Франции. Следовательно ничего не может быть предпринято без предварительного соглашения с нами. Совет министров постановляет, что Оганьер на этих днях отправится в Лондон и обсудит вместе с Винстоном Черчилем этот проект, который не может быть принят без зрелого обсуждения.

В субботу, 23 января, я пригласил на совещание несколько бывших министров и оставил их потом на обед в Елисейском дворце; это — Этьенн, Жорж Лейг, Клемантель и Тьерри. Все они находят безусловно необходимым создать как можно скорее армию для маневренных действий. Они говорят, что Думер не прекращает в сенате своих нападок на главнокомандующего, утверждают также, что на Поля Дешанеля находят припадки пессимизма, что в кулуарах палаты депутатов намечаются признаки кампании в пользу преждевременного мира и что крайне важно было бы не допустить продолжения парламентской сессии. Правительство не имеет права закрыть сессию, но парламент может отсрочить ее. Вряд ли он примет это решение. Он конечно сочтет его несовместимым с осуществлением права парламентского контроля. Итак, я постараюсь переговорить с возможно бо́льшим числом сенаторов и депутатов и предостеречь их против пропаганды, о которой поставлен в известность.

В понедельник, 25 января, я должен был пригласить на завтрак князя Юсупова, генерала, привезшего от императора Николая II целые тюки русских орденов для наших армий. Он приехал в Париж с коллекцией больших сундуков, наполненных лентами, значками и всякого рода погремушками, и водворил их в Елисейском дворце. Вместе с ним присутствуют на завтраке кроме Извольского — в последнее время я его почти не вижу, зато он постоянный гость на набережной д'Орсэй — персонал русского посольства, Делькассе, Мильеран, генерал Жоффр и генерал По, который в ближайшем времени в свою очередь повезет в Россию французские знаки отличия. Князь Юсупов — рослый и крепкий мужчина, свободный в обращении и

болтливый. Он рассказывает мне, что в России на каждом шагу видишь следы немецкого влияния, что в Москве полиция находится в руках Германии, что в России не осмеливаются изгнать немцев ни из торговли, ни с государственных должностей, потому что у немцев защитники при дворе, у великих князей, во всех кругах общества. С такой свободой выражается посланец императора. Правда, в виде поправки он добавляет, что император твердо решился вести войну до победного конца. „Святая Русь, — говорит он, — поднялась и выступает, как один человек". Увы, в данный момент она выступает, как хромой, она также не стряхнула с себя паразитов, кишащих в складках ее одежды.

Во время визита генерала Юсупова мы узнали некоторые детали о большом морском сражении, которое английский адмирал сэр Давид Битти дал вчера немцам у берегов западной Фрисландии, у входа в Гельголандскую бухту. Неприятель потерял один легкий крейсер и шесть истребителей; три его тяжелых крейсера (croiseurs de bataille) потерпели серьезные повреждения.

На заседании совета министров во вторник, 26 января, военный министр докладывает о своей поездке в Лондон. Он был принят королем Георгом. Виделся с Китченером, Асквитом, Греем, Винстоном Черчилем. У Китченера было намерение оставить часть набираемых и обучаемых им новых войск для высадки в тылу немцев на бельгийском побережье или же для посылки одной дивизии в Сербию. На ту или другую операцию он намеревался употребить не более тринадцати тысяч человек. Мильеран, напротив, настаивал перед Китченером, чтобы все части, сформированные в последнее время в Англии, были, согласно желанию Жоффра, возможно скорее использованы на территории Франции. Китченер согласился с доводами Мильерана и отправит во Францию до 20 февраля три дивизии, т. е. семьдесят пять — восемьдесят тысяч человек. Мильеран принял парад части новых английских войск; он нашел их преисполненными энтузиазма; в целом эти войска составляют до одного миллиона восьмисот тысяч — одного миллиона девятисот тысяч человек, но далеко не все они вооружены, а производство новых ружей составляет пока только десять тысяч в неделю; кроме того нехватает артиллерии; английская промышленность работает ускоренным темпом, но заводы только теперь начинают выпускать первые орудия. Английское правительство желает кроме Гавра и Булони иметь морскую базу также в Дюнкирхене, но Жоффр считает, что оккупация этого нового порта англичанами сопряжена с большими неудобствами для наших армий, и Мильеран не дал никаких обещаний. Самое важное для нас в этих сообщениях — это то, что если Англия еще не вполне готова, она во всяком случае выполнит в ближайшие месяцы обещания, данные ею Бельгии и Франции. До сих пор она могла послать на театр военных действий только немногие части. Как ни храбры были ее войска, главный натиск неприятеля в продолжение почти шести месяцев приходилось выдерживать нам. Франция жертвовала для дела союзников, как для своего, своими сынами, их домами и пажитями. Близится час, когда она наконец будет не столь одинока и получит более действительную помощь. Итак, что самое важное в данный момент? Это — не падать

духом, быть стойким и каждодневно улучшать наше вооружение, подготовиться к решающим боям.

Мильеран сообщил совету министров также содержание двух писем Жоффра. В одном из них главнокомандующий в несколько резком тоне жалуется на участившиеся случаи вмешательства парламентских деятелей и требует от правительства защиты, требует от него также эффективного руководства общественным мнением; в другом письме он встревоженно отмечает тот факт, что мобилизованные депутаты то и дело снуют и мечутся между фронтом и палатой. Он желал бы, чтобы они сделали выбор между обеими ролями, но, раз сделав его, уже не имели права совмещать их. В самом деле, если палата не отложит своих заседаний, перед депутатами-офицерами должна будет стать следующая альтернатива: либо пребывать в Бурбонском дворце, либо оставаться на своем посту в армии? Ответ на этот вопрос подскажет каждому его совесть, они могут колебаться между тем и другим долгом, но у них нет возможности исполнять одновременно и тот и другой.

Январь подходит к концу, не принеся заметных перемен в положении на фронтах. Неудача немцев в Бассэ, бои в Бланжи, Буассель, Берри-о-Бак, Перт, небольшое продвижение наших войск в Буа-ле-Претр, прекрасный военный эпизод на вершине Гартманнсвайлеркопфа — вот почти все содержание сводок, а офицеры связи сообщают нам в сущности немногим больше.

В субботу, 30 января, Оганьер, тоже вернувшийся из поездки в Англию, вкратце сообщает о ней совету министров и заявляет, что весьма доволен достигнутым результатом. Он добился того, что командование союзными эскадрами на Средиземном море, а именно у берегов Сирии, остается за Францией. Он не делает никакого намека на проект экспедиции в Дарданеллы, о котором его информировал на прошлой неделе наш морской атташе в Лондоне. Но во второй половине дня он входит ко мне в кабинет и дает мне дополнительные сведения. Он сообщает мне содержание конфиденциального письма, которое написал ему Винстон Черчиль после лондонских переговоров. Английский министр обязуется не высаживать изолированно от нас войска в Александретте. По этому вопросу Оганьер сослался на дух нашей конвенции 1912 г.[1]; впрочем он говорит, что ему нелегко удалось добиться своего, потому ли, что Англия, встревоженная действиями немцев и турок в Египте, желала оставить за собой право прибегнуть в свое время к диверсии через Александретту, потому ли, что она имеет особые виды на этот порт. Зато Черчиль сам настаивал на том, чтобы Франция в какой-либо мере приняла участие в экспедиции, которую адмиралтейство действительно подготовляет против Дарданелл. Но он поставил требование, чтобы эта экспедиция оставалась в строжайшей тайне. Атака должна произойти примерно 15 февраля. Английское адмиралтейство готово посвятить несколько старых броненосцев или, вернее, пожертвовать ими для нее. Оно надеется без труда разрушить форты, охраняющие вход в Дарданеллы. С помощью полученных от нас

[1] См. „Les Balkans en feu", p. 411 et 412.

рыбацких шаланд попытаются выловить мины и затем пойдут напролом в пролив. Экспедиция весьма ненадежная. Но так как она не будет возвещена, то в случае неудачи объявят во всеуслышание, что вовсе не имели целью взять Дарданеллы и единственной целью этой операции была бомбардировка фортов. Оганьер не обманывает себя иллюзиями относительно успешного исхода этой экспедиции, но так как почти весь риск будет нести Англия, он не счел нужным отговаривать последнюю.

„Отдел шифра" в военном министерстве ежедневно сообщает мне перехваченные радиотелеграммы. Чтение их — иногда довольно скучное и тошнотворное дело, но я узнаю при этом много военных событий, о которых цензура не пропускает никаких сообщений в печати, а главное, я вижу при этом гений германской пропаганды за его повседневной работой и во всей его силе. Он замечательно эксплоатирует всеобщее легковерие.

В конце месяца я получил изящное письмо на желтой бумаге. Я узнал почерк Пьера Лоти. Собственно говоря, ко мне обращается здесь не мой знаменитый собрат по академии, а морской капитан Вио. 13 января генерал Галлиени обратился к морскому министру с просьбой призвать этого офицера на действительную службу, считая с 20 сентября, т. е. с того времени, как Вио исполнял различные поручения военного губернатора Парижа. Оганьер сухо ответил 18 января, что морской капитан Вио был уволен в отставку 1 сентября, что с тех пор не последовало никакого постановления министерства, разрешающего ему снова исполнять функции действительной службы, и что одни и те же правила должны одинаково применяться ко всем. Отсюда великое волнение Пьера Лоти. „Вы официально писали мне в сентябре, что морской министр охотно разрешает мне служить при военном губернаторе Парижа. Имел ли он право отречься от этого в своем грубом ответе, копию которого при сем препровождаю? Многие морские капитаны, вышедшие в отставку на много лет раньше меня, были мобилизованы на войну. Почему же отказывать в этом мне, находящемуся к тому же на особом положении, так как я единственный, не требующий никакого оклада. В действительности я прошу даже не о полной мобилизации; я прошу лишь о той милости, чтобы у меня не отнимали моего бесплатного поста при генерале, чтобы этот пост мой более не зависел от чьей-либо прихоти, и конечно о том, чтобы за мной был оставлен мой мундир, без которого я уже ни к чему не буду годиться, даже для службы „офицера связи". С великой тревогой я буду ожидать решения вопроса, которое вы столь любезно обещали мне после возвращения министра! Прошу вас, господин президент, принять еще раз уверение в моей преданности и глубокой благодарности. Пьер Лоти".

Я действительно обещал еще раз свое содействие. Оганьер, которого я прошу уладить это дело, отвечает мне, что он большой поклонник Лоти и сделает все возможное, чтобы удовлетворить его. Если он несколько резко написал Галлиени, то потому, что считал, что последний уж с слишком большой вольностью и фантазией набирал свой гражданский и военный штаб. Это замечание морского

министра вызывает в моей памяти унылые заседания министров в префектуре Жиронды, вспыхнувшие в то время недоразумения между Бордо и Парижем, то прискорбные, то смехотворные, возбужденные разговоры по телефону между Вивиани и военным губернатором, а также рекогносцировочную поездку „обеих ласточек“ — Бриана и Самба; им посчастливилось, тогда как я вынужден был оставаться в Бордо в роли неподвижного и покорного своей судьбе исполнителя решений правительства [1].

Термин „священный союз“, к которому я прибегнул в своем послании 4 августа, остается лозунгом прессы и общественного мнения. Однако порой имеют место случайные уклонения. Один лионский католик, Пьер Жей, позволил себе в появившейся не ко времени статье отождествить протестантизм с германизмом. „Тан“ энергично ответил на это нарушение духа согласия, являющееся вместе с тем искажением истины. Со своей стороны Шарль Моррас упрекнул „Тан“ за тон этого ответа и принялся разделывать под орех гуртом Вольтера и Жозефа Рейнака. Роялистский писатель воспользовался этим мелким инцидентом, чтобы обобщить спор, и доказывал — впрочем совершенно правильно, — что единство действий не исключает различия в толковании и что это различие не терпит никаких ограничений кроме тех, которые налагает соблюдение военной и гражданской дисциплины [2]. В своем „Общем руководстве для низших школ“ мой бывший сотрудник по улице Гренелль Фердинанд Бюиссон присоединился к тезису Морраса. Несмотря на некоторые проявления нетерпения, между партиями продолжает царить согласие — они подчиняют все воле к победе. Я без устали буду работать над сохранением этого согласия. Без него уже все погибло бы. С ним и благодаря ему все должно быть спасено.

---

[1] См. „Нашествие“, стр. 159.

[2] „Les Conditions de la Victoire, le Parlement se réunit“ par Ch. Maurras. Nouvelle librairie nationale, p. 93 et suiv.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Кардинал Аметт. — Русский министр финансов Барк. — Ллойд-Джордж. — Финансовые соглашения союзников. — Миссия генерала По. — Риччиотти Гарибальди. — В Вогезах. — Шлухт. — В Вессерлинге и Сент-Амарене. — В Данимари и Масво. — Записка военной комиссии сената. — Визит президиума комиссии. — Неопределенное положение в Бухаресте и Афинах. — Новое наступление в Шампани. — Марсель Самба на социалистическом конгрессе в Лондоне. — Бомбардировка Дарданелл.

Кардинал Гаспарри, государственный секретарь при Ватикане, обнародовал папское послание, помеченное 1 января, в котором предписывается, чтобы „во всем католическом мире возносились смиренные молитвы к господу богу, да дарует он в своем милосердии столь желанный мир". Все французские епископы сообщили этот документ верующим своей епархии. Один из этих прелатов, епископ в Ванн, подчеркнул в своем пастырском послании миролюбивый характер послания Бенедикта XV. Эта манифестация рисковала внести разлад в единодушное доверие нации и встревожила правительство. Цензура — ее меняющийся состав мне неизвестен, и я не имею средств наблюдать за ее функционированием — запретила газетам перепечатывать послания ваннского епископа и другие пастырские послания в том же духе; не знаю почему, такая же участь постигла безусловно безупречное послание парижского архиепископа.

Монсеньор Аметт по собственному почину предписывал молитвы только о „прочном и длительном мире", о мире, построенном на „торжестве права и на царстве права". От Жюля Камбона я узнал о странной ошибке цензуры; я известил о ней Мальви, который с согласия председателя совета министров немедленно отменил эту неуместную меру. Архиепископ парижский перед своим отъездом на конклав известил меня о своем намерении отдать мне визит и просит у меня теперь аудиенции на 1 февраля. Он явился в Елисейский дворец облаченный в пурпур и с кардинальской шапкой в руках. Если не ошибаюсь, парижский архиепископ уже много лет не переступал порога президентского дворца. Кардинал Аметт со всей откровенностью рассказал мне, что молитва, составленная папой, показалась ему с первого же взгляда нуждающейся в допол-

нении и что он не скрыл этого своего впечатления от Рима. „Но, — говорит он, — очень досадно, что у нас нет представителя Франции при Ватикане. Святейший отец мог бы быть предостережен от текста, способного вызвать плохое истолкование“ [37]. Когда я высказал мнение, что пожалуй трудно будет восстановить в военное время посольство, не возбуждая опасной полемики, он тотчас же согласился с этим и заверил меня, что все католики — горячие патриоты и не желают причинять никаких затруднений правительству, ничего не требуют и думают только о спасении страны. Речь его была полна простоты, доверия и благородства. На прощание он сказал мне: „Я возношу самые горячие пожелания победы нашей стране. Надеюсь, что в день победы смогу просить вас, господин президент республики, присутствовать лично на Te Deum“. — „Монсеньор, — ответил я, — я надеюсь, что после победы правительство не будет возражать против принятия мною этого приглашения. Я горячо желаю, чтобы от нынешнего единения осталась в будущем у всех французов постоянная потребность в национальном согласии“ [38].

В то время как к небу возносятся молитвы о мире, целесообразно исправленные, в окопах продолжается война, кровавые местные наступления. А дипломатия упорно пытается добиться более эффективного сотрудничества Японии; она старается также путем сохранения нейтралитета Болгарии добиться помощи Греции и Румынии. Тем и другим делают все больше предложений, дают все больше обещаний: Болгарии — сербскую Македонию до линии Вардара; Сербии — в виде компенсации широкий доступ к Адриатическому морю, аннексию Боснии и Герцеговины, часть Темешварского баната, смежную границу с Грецией; Греции и Румынии — выгоды, меняющиеся с каждым днем в зависимости от капризов Сазонова, рассуждений Делькассе и размышлений сэра Эдуарда Грея.

Но в Англии все более и более приходят к убеждению, что лучшим способом привлечь Румынию, а быть может и самое Болгарию, была бы отправка на Ближний Восток англо-французского корпуса. Английское правительство даже ставит Мильерану в упрек, что он в бытность свою в Лондоне возражал против этого проекта. Об этом рассказал Рибо канцлер казначейства Ллойд-Джордж, приехавший в Париж для совещаний с французским и русским министрами финансов. Рибо сообщил об этом совету министров на заседании 2 февраля, и Мильеран ответил, что действительно во время своего пребывания в Англии он пытался доказать Грею, Китченеру и Винстону Черчилю невозможность снимать войска с нашего фронта. Напротив, Рибо, Бриан и я заявляем, что присутствие французских и английских солдат на Ближнем Востоке могло бы иметь благоприятные последствия как морального, так и дипломатического характера. Принятый мною сегодня русский министр финансов Барк подтверждает мне со слов Ллойд-Джорджа, что Асквит и Грей считают необходимой отправку в Сербию одного или двух корпусов союзных войск с целью побудить к выступлению Румынию и по меньшей мере держать под угрозой Болгарию. Барк считает даже возможной экспедицию с участием русской армии. Это толстый, улыбающийся человек, еще молодой, очень хорошо говорящий по-фран-

цузски и повидимому большой специалист в области финансов. Я спрашиваю его, как обстоит дело с ружьями и снаряжением. Он ничего об этом не знает. Русский военный министр ни разу не сообщал своим коллегам детали относительно состояния вооружения, характер которых мог бы внушить им беспокойство. Ни разу он не говорил им, что великий князь Николай Николаевич и генеральный штаб обращались к нам с настоятельными и спешными просьбами о посылке оружия. Барк имеет лишь поручение просить у англичан и у нас финансовой помощи. Я напоминаю ему, что ни текст союзного договора, ни дух его не позволяли нам предвидеть, что Россия в один прекрасный день обратится к нам с просьбой поставить наш кредит на место ее кредита или же будет заклинать нас предоставить в ее распоряжение наш военный материал. Мы хотели сделать все, что в нашей власти. Но надо, чтобы нам дали сведения о состоянии русского снаряжения и производства, сведения, которых мы тщетно требовали. Вполне соглашаясь с правильностью моих замечаний, Барк ограничился тем, что обещал довести их до сведения царского правительства.

На другой день, в среду, 3 февраля, сэр Френсис Берти представил мне Ллойд-Джорджа [1]. В дни, предшествующие войне, этот министр из Уэльса проявлял в британском кабинете мало сочувствия к сердечному согласию; но сегодня он в такой же мере проявляет твердость и решимость. Он приспособился к событиям, выказав при этом необычайную гибкость ума. Меня поразило выражение его лица, меняющееся и страстное; это скорее лицо артиста, чем государственного деятеля. Его длинные и вьющиеся седые волосы, живые глаза, румяный цвет лица придают ему вид музыканта, выходящего на эстраду сыграть пьесу на виолончели. Но он довольствуется красноречием и старается соблазнить им своих собеседников. Он блещет умом, его вдохновение кажется неисчерпаемым. Не знаю, не скрывается ли под этой блестящей поверхностью кое-где и пустота. Противники его обвиняют его в поверхностности и неустойчивости. Но в данный момент я с легким сердцем покоряюсь очарованию, исходящему от его личности. Он не знает ни слова по-французски, и сэр Френсис Берти любезно берет на себя обязанности переводчика. Ллойд-Джордж говорит мне, что высший британский военный совет, состоящий из Асквита, Грея, Китченера, Черчиля и представителя оппозиции Бальфура, единодушно считает безусловно необходимым отправить в Грецию и Сербию франко-английский корпус, а именно одну английскую и одну французскую дивизии.

К этому мнению наверное присоединится все английское правительство. Впрочем сначала можно было бы поставить следующий вопрос Румынии: „Выступите ли вы в такой-то день, если мы отправим франко-английский корпус?“ Если Румыния ответит отрицательно, мы откажемся от своего плана. На совещании, состоявшемся между Вивиани, Рибо, Мильераном, Делькассе, Барком и Ллойд-Джорджем, французский военный министр все еще возражал против

[1] „The Diary of lord Bertie“, chap. VII.

английского плана, так как он вместе с Жоффром продолжает считать безусловно необходимым присутствие этих двух дивизий на нашем фронте. Но разве не возможно, чтобы мы сформировали одну дивизию из войск тыла, а Китченер сформировал другую сверх тех четырех дивизий, которые должны прибыть во Францию до конца февраля? [39].

Рибо докладывает мне о беседе по финансовым вопросам, которую он вел с Барком и Ллойд-Джорджем. Франция была представлена Рибо, Вивиани, Сержаном, Леммом и Октавом Гомбергом; Англия — Ллойд-Джорджем, Монтегю и Канлиффом; Россия — Барком, Федосьевым, Шатленом и Рафаловичем. Канцлер казначейства не желает и слышать о коллективном займе в пользу трех союзных наций. Зато он желает, чтобы металлическая наличность Французского банка могла быть предоставляема к услугам Англии в случае сокращения золотого запаса Английского банка. Рибо совершенно правильно выступил решительным противником этой комбинации, которая могла обесценить нашу валюту. Самое большее, он соглашался на то, что в случае непосредственной опасности мы ссужаем Англии определенную сумму, например сто пятьдесят миллионов. Взамен этого он требовал, чтобы Англия открыла свой рынок для наших фондов и во всяком случае не запрещала своим банкам принимать наши боны национальной обороны. Кроме того Рибо высказался в том смысле, что Антанта должна сообща выпустить или по крайней мере гарантировать займы, необходимые Бельгии, Сербии, Греции, Румынии. По этим последним пунктам еще ничего не решено. Однако установлены некоторые положения и приняты некоторые меры [1]. По инициативе Ллойд-Джорджа конференция провозгласила финансовую и экономическую солидарность союзников. В силу этого и в ожидании того, что обстоятельства позволят России разместить свои займы на рынках Франции и Англии, каждое из обоих правительств, английское и французское, выдают русскому правительству ссуды размером до двадцати пяти миллионов фунтов стерлингов. Таким образом первый кредит, открытый в 1915 г. Францией для России, был установлен в максимальную сумму — в шестьсот двадцать пять миллионов франков. Та солидарность, которую придумал Ллойд-Джордж, обращается пока только против нас.

Генерал По, который в свою очередь должен повезти французские знаки отличия для армий России и Сербии, явился ко мне перед отъездом. Я просил его, чтобы он старался получить в обеих этих странах точные сведения о вооружении и снаряжении. То, что мы знаем об этом, столь же неопределенно, как и мало утешительно.

На заседании совета министров в четверг, 4 февраля, подписан декрет об учреждении правительственных органов для констатиро-

---

[1] „Russian Public Finance during the War" by Alexander M. Michelson, Paul N. Apostol and Michael W. Bernatzky, with introduction by count V. N. Kokovtzov, New Haven: Yale University Press, p. 293 s.; „Histoire des finances extérieures de la France" par Lucien Petit, inspecteur général des finances, Payot, Paris, p. 60 et suiv.; „Lettres à un ami" par Alexandre Ribot, éditions Bossard, p. 79 et suiv.

вания и оценки убытков, причиненных войной. Эти органы будут состоять из кантональных комиссий, департаментских комиссий и высшей комиссии. Однако до сих пор предусмотрено только установление случаев, требующих возмещения на основе закона о военных реквизициях. Понадобится стало быть еще создание многих органов, многих, пока можно будет возместить весь ущерб, нанесенный населению. Рано или поздно придется конечно расширить это законодательство.

На том же заседании снова рассматривался английский проект совместной экспедиции на Ближний Восток. Рибо, Бриан, Думерг, Оганьер, Самба энергично поддерживают план нашего союзника. Я тоже подчеркиваю его положительные стороны. Если эта экспедиция, как высказался Ллойд-Джордж, будет поставлена в зависимость от решения Румынии, она фактически совпадет с выступлением новой армии в пятьсот или шестьсот тысяч человек. Таким образом отправка двух дивизий принесет нам значительное увеличение наших сил.

Правительство принимает решение, что Франция примет участие в экспедиции, но будет просить Англию формировать еще одну дивизию сверх тех четырех, которые она собирается послать нам. Мы сообщаем об этом решении Барку и Ллойд-Джорджу, присутствовавшим на завтраке в салоне Мюрата вместе с большей частью наших министров. Рибо говорит мне, что Ллойд-Джордж посетил Клемансо и нашел его очень раздраженным, особенно против Делькассе. Тигр попрежнему крайне недоволен, что мы не добились присылки японских войск в Европу. „Мы сами тоже настаивали на этом в Токио, — сказал ему Ллойд-Джордж, — но безуспешно“. Тем не менее Клемансо остается при своем убеждении, что, если бы он находился у власти, он добился бы всего у микадо.

В пятницу, 5 февраля, в газетах появилось официальное сообщение о конференции министров-союзников, столь же краткое, сколь оптимистическое. „Три державы, — говорится в нем, — намерены объединить свои финансовые ресурсы, так же как военные, чтобы продолжать войну до победного конца. С этой целью министры решили предложить своим правительствам взять на себя в равных долях ссуды, сделанные и имеющие быть сделанными для государств, которые сражаются в настоящее время на нашей стороне или будут склонны вступить в близком времени в войну за общее дело...“ Несмотря на это сообщение, целый день еще продолжались переговоры, причем дело шло очень туго и не обошлось даже без резкостей. Барк требовал либо открытия французского и английского рынков для большого русского займа, либо ссуд в два с половиной миллиарда. В конце концов он удовольствовался тем решением, о котором я упоминал выше. Со своей стороны Ллойд-Джордж требовал, чтобы металлические наличности были предоставлены в своего рода совместное пользование. Решено было только, что Французский и Русский государственные банки внесут каждый в Английский банк сто пятьдесят миллионов золотом в том случае, если кассовая наличность в Лондоне упадет ниже определенной суммы. В результате все уладилось. Но непримиримая позиция Барка произвела очень скверное впечатление на

Рибо; в разговоре со мною последний отзывался о Барке с презрительной резкостью [1].

Рибо рассказал мне о своей встрече в сенате с Клемансо. Последний на сей раз возмущался Мильераном. „Он представлял жалкий вид в военной комиссии, — резко заявил тигр. — Так не может продолжаться. Президент уже сменил одного военного министра. Он может взять теперь третьего". — „Да, — заметил Рибо, — третьего в ожидании четвертого". „Я, — говорит Рибо, — хотел дать ему этим понять, что если этот третий будет он, Клемансо, это тоже не могло бы быть на более длительный срок. Он слишком импульсивен. У него тотчас же были бы нелады и стычки с Жоффром. Он сказал мне, что посетил Жоффра в ставке и нашел, что главнокомандующий не желает признавать подле себя ничьего авторитета и влияния".

В „L'Homme enchaîné" от 5 февраля Клемансо без всякого основания бешено обрушивается на малинского кардинала Мерсье и уверяет, что уже давно знает его антифранцузские чувства. Этот выпад служит Клемансо попутно для издевательства над „римской благотворительностью".

Несмотря на свои нападки на Мильерана, а может быть именно вследствие этих нападок, Клемансо избран вице-председателем военной комиссии сената. Председателем этой комиссии является Фрейсине; кажется, он тоже принял с холодком объяснения министра. Я спрашиваю Мильерана об этом заседании. Он признает, что не мог притти к соглашению с комиссией, которая предлагала ему создать новые части и до наступления весны усилить наши боевые позиции. „Это требование, — говорит Мильеран, — покоилось на ошибке. Фрейсине не известно действительное число солдат на фронте. Он и товарищи его полагают, что у нас на фронте один миллион двести тысяч человек; действительное число их гораздо выше; но из боязни, что не будет соблюдена тайна, я предпочел молчать". В субботу, 6 февраля, я посетил госпиталь, устроенный итальянской колонией в одном изящном санатории в Отэйле. Меня встретил Титтони, как всегда, загадочный и улыбающийся; среди раненых много гарибальдийцев в красных рубахах, они веселы и производят живописное впечатление.

Мильеран снова виделся с Жоффром и сообщил ему о решении совета министров по поводу экспедиции в Сербию. Жоффр наконец изменил свое мнение.

В понедельник, 8 февраля, я принимаю генерала Риччиотти Гарибальди. Он с трудом входит в мой кабинет, опираясь на костыли, и с места в карьер обдает меня потоками сладких слов, как будто льющихся из его седой бороды. Он напрямик заявляет мне, что, если Италия не пойдет вместе с нами, он вызовет там революцию. Но он уверен, что Италия в конце концов пойдет с нами. Лично каждый из членов правительства — сторонник выступления; но в целом они колеблются. „Мой друг Саландра, мой друг Соннино..." Выставив на показ все свои дружеские связи, генерал пространно выражает мне три пожe-

[1] „Le Règlement des dettes interalliées et le plan Dawes" par Jean Mircea Nonu, Paris, librairie Blanchard, p. 148 et suiv.; Lucien Petit, op. cit., p. 188 et suiv.

ланий: во-первых, чтобы мы оказали денежную помощь Италии, которая одна не в состоянии нести финансовое бремя войны; во-вторых, чтобы наш флот проявил больше активности на Адриатическом море; в-третьих, чтобы мы разрешили ему, Гарибальди, собрать корпус в тридцать тысяч гарибальдийцев среди итальянцев, проживающих во Франции. Он желает, чтобы этот корпус был отправлен на Балканы. Уверяет, что это не вызовет никаких подозрений со стороны Сербии. Я, говорит он, заверил ее, что Италия не имеет видов на Далмацию. Самое большее — она потребует особого режима для Зары и Спалато, ничего не потребует для Рагузы, ничего для Каттаро. Но от чьего имени он говорит?

Я принял также доктора Костинеску, сына румынского министра финансов. Он был командирован во Францию для изучения постановки у нас военно-санитарного дела и теперь закончил свою работу. Говорит мне о своем убеждении, что Румыния рано или поздно станет на сторону союзников.

9—13 февраля я в сопровождении Мильерана посетил вогезскую армию. Мы выехали во вторник вечером с восточного вокзала в моем специальном вагоне. Суждено ли мне еще когда-нибудь отправиться в этом вагоне на мирные каникулы в Кло? Это изящный салон с нежной обшивкой, медными инкрустациями, большими зеркалами и комфортабельными креслами; в каждом из двух смежных отделений кровать, стол и стулья. Когда я путешествую один, одно из них служит мне рабочим кабинетом; на сей раз я предложил смежное отделение Мильерану.

В среду, 10-го, мы просыпаемся на рассвете в долине Валони. Погода пасмурная, небо заволокло тучами, равнина покрыта снегом. К девяти часам мы приезжаем в Жерармер. Здесь нас встречает командующий вогезской армией генерал Пютц в сопровождении дивизионного генерала Ф. Блазе [1]. На площади выстроен оркестр 11-го батальона альпийских стрелков. Он встречает меня знакомыми звуками Сиди Брагим и батальонного марша. Первым делом я посетил раненых и больных. Они помещены в нескольких лазаретах; один из лазаретов занимает отель, в котором я некогда отдыхал с женой и приятно провел время. С веранды, на которой мы с мадам Пуанкаре завтракали, открывался вид на красивое синее озеро; теперь оно замерзло и покрыто туманом. Во дворе казармы я принимаю парад 11-го батальона; он с гордым видом быстро дефилирует предо мною по обледенелой земле. Из офицеров, бывших в батальоне в августе 1914 г., остался теперь только один единственный, капитан Сабардо [2]; большая часть стрелков убита или тяжело ранена; но, несмотря на понесенные потери, батальон теперь почти целиком пополнил свои ряды. Меня осаждает рой воспоминаний: Аннеси, молчаливые улицы, старые аркады, канал Тиу с его трясогузками, мост перед епископским дворцом, башни замка, офицерская столовая и это большое озеро с его меняющимися цветом и видом; как часто в промежутке между уче-

[1] См. рассказ об этом посещении в „Mes souvenirs de montagne“ par le général Blazer, éditeur B. Arthaud, Grenoble 1929.

[2] Через несколько месяцев он тоже был убит.

шиями я совершал на его берегах прекрасные одинокие прогулки верхом! Все это встает перед моими глазами во время завтрака, предложенного мною офицерам батальона в отеле над озером. Оркестр батальона усилен и будет нас всюду сопровождать.

Мы садимся в поезд небольшой железнодорожной ветки Шлухт, которую один саперный офицер запаса сумел, несмотря на зимнее время года, привести в годное состояние. Солдаты вогезских территориальных войск все время очищают железнодорожное полотно, по обеим сторонам которого навалены высокие стены снега. Поезд быстро идет среди зимнего пейзажа. Склоны Вогез окутаны великолепным белым саваном; сосны надели на себя большие белые покрывала. Всюду господствует белый цвет. Под тяжестью снега ветви деревьев сгибаются и жмутся к черным стволам, почти совершенно покрывая их. Иней рисует узоры на скалах. Ледяные сталактиты и сталагмиты украшают все выступы гранита и песчаника. К сожалению туман закрывает вид вдаль, и не все части этой грандиозной картины доступны взору. Водопад Кюв, озеро Лонжмер, озеро Ретурнмер совершенно замерзли. Пересев с парового трамвая на электрический, мы поднимаемся до старой таможни. У дебаркадера в Шлухт нас ожидают сани, запряженные мулами. Прежде чем сесть в сани, я принимаю близ гребня Вогезских гор парад 3-го стрелкового батальона территориальных войск и роты 12-го батальона регулярной армии; среди офицеров нахожу двух старых своих товарищей и очень рад приветствовать их. Затем сажусь в приготовленные для меня сани; передок их имеет форму корабельного носа и украшен фигурой лебедя. В этот челн Лоэнгрина садится рядом со мною генерал Пютц, и три мула мирно везут нас к ферме, находящейся на склоне южнее Шлухт и превращенной теперь в походную булочную. Человек тридцать солдат пекут здесь в импровизированных печах, вырытых в земле, очень хорошо пахнущий хлеб. Несколько поодаль выходят из тумана фигуры, напоминающие одетых в синее чертей; это взвод альпийских стрелков, упражняющийся в беге на лыжах. Они проделывают перед нами разные движения, спускаются под гору, кружатся, поднимаются вверх, падают, встают, молча скользят и вертятся вокруг нас, словно гномы. Окруженные этим эскортом лыжников, мы возвращаемся на санях к дороге. Здесь мы сходим с саней, переходим старую границу и идем по эльзасской территории к отелю Альтенберг, в котором я несколько лет назад останавливался с мадам Пуанкаре на обратном пути из Кольмара в Сампиньи. Теперь из этого отеля сделана казарма. Во всех комнатах первого этажа, в большой столовой, где мы тогда обедали и столько изящных женщин показывали свои элегантные туалеты, теперь лежат на полу тюфяки и разостлана солома. Где то время, когда сам Вильгельм II приезжал сюда и ночевал в этом отеле или совсем близко от него, в доме Гартманна, чтобы подойти к нашей границе и доставить себе, своей спеси удовольствие попирать ногами нашу почву? Теперь на этой французской земле, ставшей немецкой против воли ее обитателей, ступают наши солдаты, они чувствуют себя здесь, как у себя дома.

В ясную погоду с террасы отеля можно видеть далекий Мюнстер в уголке живописной долины Фехт. По завеса тумана раздирается

лишь на мгновения, и мы видим тогда только вспышки огня и клубы дыма — это стреляют перед нами орудия. Пушечная пальба подхватывается в горах многоголосым эхо, грохот ее несется, словно раскаты грома. Вечером наш небольшой поезд привозит нас в Жерармер, оркестр 2-го батальона еще раз приветствует нас, и мы уезжаем в Эпиналь.

На обед в префектуре я пригласил префекта с женой, губернатора, нескольких офицеров штаба и своего кузена полковника Эдмонда Ломбарда, артиллерийского командира в одном из секторов крепости. В четверг утром мы осматриваем выдвинутые вперед защитные сооружения укрепленного лагеря и лазареты, заполненные ранеными; последние сохраняют прекрасное состояние духа. Затем мы берем генерала Пютца в его штаб-квартире и вместе с ним отправляемся в Бюссан, где я останавливаюсь для осмотра других лазаретов, устроенных вблизи источников. Отсюда мы попадаем к туннелю, который перерезал границу 1871 г., и проникаем в Эльзас. Я снова очутился на той красивой дороге, по которой мы некогда проезжали с мадам Пуанкаре, оставив в Летрэй гостеприимный дом наших друзей, Мориса Бернара с женой, и направляясь через Мюльгаузен в Италию и Грецию. Мы спускаемся по живописной долине Юрбес, по которой протекает небольшой приток Туры.

Делаем остановку в деревне Юрбес. Я принимаю парад эскадрона конных стрелков, того самого, который в августе проник в Кольмар. Как быстро миновала эта блеснувшая нам тогда надежда! Я прошел пешком по главной улице Юрбес. Жители радостно приветствуют меня, машут платками. Приезжаем в Вессерлинг. В тополевой аллее, ведущей к старому замку аббатов фон Мурбах, реставрированному в 1786 г. и занимаемому ныне владельцами прядильной фабрики Гро, Роман и К°, выстроены стрелки. Нас встречает генерал Серре, наш бывший военный атташе в Берлине; с 5 января он командовал в Эльзасе группой из пяти альпийских батальонов (7-й, 14-й, 24-й, 27-й и 13-й), а недавно назначен командиром 66-й дивизии, составленной из этой группы и двух других бригад [1]. Население замка и обитатели Вессерлинга встречают нас восторженными виватами. Я принимаю парад стрелков, затем они дефилируют предо мною вдоль аллеи перед замком. На главном строении замка взвились два старых трехцветных знамени; они служили еще до 1870 г., и владельцы сохранили их с тех пор, ревниво пряча от взоров людей. При виде этих священных реликвий меня охватило невыразимое волнение. Это сам Эльзас бросается в объятия вновь обретенной Франции. Я посетил прядильную фабрику; на стенах еще висят немецкие правила, здесь работают молодые эльзаски. В этой части долины все спокойно. Лишь временами слабо доносится издали глухой гул орудий.

Мы едем вниз вдоль реки Туры и приезжаем в живописно расположенный небольшой город Сент-Амарен. Толпа смешалась с нашими солдатами, и из уст ее раздается единодушный крик: „Да здравствует Франция!“ Этот прием тем более трогает меня, что

[1] „Vie et mort du général Serret“ par Henry Bordeaux, librairie Plon, p. 120 et suiv.

эльзасцы постоянно произносят при этом также мое имя, словно видят в президенте республики олицетворение родины. Мы входим в мэрию; здесь вместе с муниципалитетом Сент-Амарена собрались мэры со всей долины. Я приветствую их, говорю им, как мы счастливы, что можем возвратить Эльзасу его место у родного очага нации. В согласии с Мильераном, который мне помогает, я заверяю их, что мы будем уважать их традиции и вольности. Мэр Сент-Амарена желает мне ответить, но не в состоянии говорить от волнения. Я тоже вынужден сделать над собой невероятное усилие воли, чтобы пролепетать два-три слова. Вручаю знаки отличия двум другим мэрам по предложению военных властей; слезы радости душат этих людей, и они еле в состоянии благодарить меня. Как и они, я чувствую, что не могу говорить. Направляемся к школам. На улицах солдаты весело приветствуют меня, жители снова оглашают воздух непрекращающимися виватами; из толпы выходят старухи, девушки, дети и подносят мне цветы, трехцветные ленты, французскую брошюру о своей родной долине — уж не запомню всего. Трогательные знаки их верности. Сначала мы посещаем школу для мальчиков, которой заведует эльзаска, сестра де Рибовилье, с белым капором на голове и большими очками на носу. Девятилетний мальчишка в одежде французского поручика декламирует мне умилительное приветствие; имя его Вийяр, отец его фабрикант в Сент-Амарене, старший брат поступил добровольцем во 2-й полк зуавов и недавно второй раз ранен на Дарданеллах.

Затем школа для девочек. Прелестная крошка с веселым задором декламирует басню о волке и ягненке „в переработке солдата из окопов"; это — язвительная критика германского милитаризма. Сестры обращаются к девочкам с вопросами на французском и немецком языках, спрашивают их, как называются по-французски различные указываемые им предметы. Те девочки, которые думают, что могут ответить, волнуются, суетятся, поднимают руки; каждый раз почти весь класс поднимает руки с торжествующим видом. Действительно, они начинают хорошо говорить по-французски. Здесь около шестидесяти девочек с миловидными эльзасскими личиками, потешная и развитая детвора. Это зрелище так волнует меня, что на приветствия детей я даю самые смущенные и бестолковые ответы.

Оставив несколько тысяч франков для вспоможения бедным в долине Туры, я покидаю Сент-Амарен. Мы отправляемся дальше, осматриваем окопы второй линии, вырытые на склонах гор с обеих сторон реки. Затем спускаемся до Моош, где в большом новом здании больницы помещается эвакуационный лазарет. Здесь тоже прием, оказанный нам, превзошел все ожидания. Но наступает ночь. Снежные вершины окрашиваются в розовый цвет; небо переливается перламутровыми тонами. Мне хотелось бы подольше пробыть в этой восхитительной местности. Особенно хотелось бы дойти до Таина, который, как мне известно, частично разрушен бомбардировкой. По генерал Пютц решительно заявляет, что, если немцы узнают о моем посещении, это повлечет за собой новую бомбардировку несчастного города, как это было недавно после приезда туда генерала Жоффра. Мне пришлось покориться перед этим доводом, и я с сожалением возвращаюсь вверх

по долине до Бюссанского ущелья, откуда едем обратно в префектуру Эпиналя.

В пятницу на рассвете мы отправляемся в Бельфор, где губернатор генерал Тевнэ показывает нам цитадель и замок. Затем мы возвращаемся в Верхний Эльзас через деревню Шаванн-на-пруду[1]. Навстречу нам вышли мэр и коммунальные советники и приветствуют нас. Отсюда наши автомобили быстро привозят нас в Старый Монтрэ[1]. Мы осматриваем здесь школы, дети весело благодарят нас за подарки, которые я послал им на рождество. После занятия местности нашими войсками двум французским унтер-офицерам и двум молодым женщинам из местного населения поручено было обучать детей французскому языку. Дети стоя поют „Марсельезу". Офицеры плачут.

В Даннмари[1] оказанный нам прием носит более сдержанный характер. Я принимаю парад войск на большой площади. Жители стояли у ворот своих домов, они вежливы и почтительны, но нельзя сказать, что они выказывают восторг. Командующий в городе генерал Шато говорит, что население проявляет еще мало общительности, а отчасти даже не доверяет нам. Оно боится, что мы не останемся здесь и снова придут немцы. Бедные люди, которых в продолжение веков бросали, как мяч, между обеими великими соседними нациями!

Отправляемся через Наубах на Родеренскую вышку и в Мазво. Во всех проезжаемых нами деревнях солдаты братаются с крестьянами, и все они встречают нас радостными восклицаниями; дети посылают нам воздушные поцелуи, мужчины машут шапками, женщины улыбаются и машут нам рукой. Когда мы подъехали к Родеренской вышке, перед нами открылась внизу под легкой пеленой тумана восхитительная равнина Эльзаса, еще дальше белеет Мюльгаузен, а на горизонте видны горы Шварцвальда. Пока это еще даже не обетованная страна, это — потерянная и запретная страна. Мы долго созерцаем эту необъятную панораму. В вышине виден немецкий привязной воздушный шар. Он наблюдает наши позиции и осведомляет неприятельскую артиллерию; он как бы говорит нам: „В ваших руках только небольшая часть Эльзаса, дальше вы не пройдете".

Возвращаемся назад и отправляемся в Мазво. Муниципалитет города только во второй половине дня был извещен о моем возможном приезде. Тотчас же, словно по мановению волшебного жезла, все дома разукрасились флагами. Но большинство населения не имеет еще французских флагов и украсило окна своих домов эльзасскими, красно-белыми флагами. Мы приехали поздно. Я выхожу из автомобиля и подвигаюсь в темноте среди густой толпы, которая устраивает мне шумную овацию. Какой-то карапуз подносит мне великолепный букет. „Не благодарите его слишком любезно, — шепнул мне один из представителей муниципалитета, — это сын эмигрировавшего немецкого чиновника". Этот мелкий факт заставляет меня догадываться, какой глубокий разлад внесла оккупация среди населения Эльзаса, на вид столь единодушного. Мы входим в мэрию, для кото-

[1] В тексте рядом с французским названием местности указано также немецкое, причем немецкое предшествует французскому. — *Прим. перев.*

рой, как и для школ, немцы выстроили роскошные помещения, правда, за счет чрезмерно высоких коммунальных налогов, как говорит мне заместитель мэра. Я обмениваюсь с представителями города краткими прочувствованными словами и по указанию генерала Пютца вручаю крест ордена Почетного легиона старшей сестре госпиталя в Танне, в настоящий момент эвакуированного ввиду бомбардировки города. Здесь тоже я оставляю несколько тысяч франков для бедных долины Доллер и прошу священника в Мазво взять на себя наблюдение за распределением их. Доехали до Пидербрюкка, где я вручаю знак отличия одному промышленнику, который уже имеет медаль 1870 г. и рыдая говорит своей жене: „Теперь я могу умереть, потому что Франция вернулась". Глубокой ночью мы вернулись в Бельфор и едем отсюда в Париж с кучей впечатлений, которые никогда не изгладятся из памяти.

Возвратившись в Елисейский дворец в субботу утром, 13 февраля, тотчас же председательствую на заседании совета министров. Вернувшийся из Англии Делькассе докладывает о результатах своей поездки; говорит он, не знаю почему, с видимым напряжением. Он пришел в соглашение с английским правительством относительно отправки в Сербию смешанного франко-англо-русского корпуса. Но будет сделано предложение не Румынии, а Греции. Действительно, в ноте от 26 января, врученной Делькассе Романосом, Венизелос сам требует этой экспедиции трех держав; это ответ на советы вступить в войну, с которыми эти державы сочли возможным обратиться к Греции. Впрочем Венизелос осторожен и указывает в своей ноте, что Греция вступит в войну только в согласии с Румынией. Венизелос берется счестись с румынским кабинетом, так что мы можем не рисковать получить от последнего прямой отказ — русские неудачи, кажется, настроили теперь румынское правительство не в пользу выступления. В самом деле, все усилия нашей дипломатии парализуются в настоящий момент бездействием России.

Я сообщаю совету министров о несколько необычным шаге, предпринятом предо мною военной комиссией сената. Если не ошибаюсь, это первый случай непосредственного обращения парламентской комиссии к президенту республики, который по статье 6-й основного закона конституции от 16 июля 1875 г. может сноситься с парламентом только через послания, оглашаемые одним из министров. Но пожалуй война оправдывает некоторые уклонения от правил и обычаев. Председатель комиссии Фрейсине переслал мне решение комиссии от 9 февраля, а в своем официальном препроводительном письме прибавил от себя лично несколько строк, в которых просит принять его, а также президиум комиссии, т. е. Леона Буржуа, Будано, Клемансо и Думера[1].

Приложенное решение весьма пространно. Вначале оно повторяет представленные 3 февраля военному министру соображения относительно необходимости усилить армию.

„Имеется ли в стране материал для этого? — спрашивает комиссия и продолжает: — Из заявления военного министра явствует, что за-

[1] Mermeix, Au sein des commissions, librairie Ollendorf, p. 258 et suiv.

пасные батальоны могут дать более одного миллиона двухсот тысяч человек. Если вычесть максимальную цифру для нормального комплектования нынешних формирований, если вычесть также цифру для пополнения потерь в течение шести месяцев, остается свободный контингент приблизительно в пятьсот тысяч человек...

...Эта большая цель, усиление нашей армии, сопряжена будет теперь с другой немаловажной выгодой: она освободит запасные батальоны от людей, которые загружают их порой в ущерб дисциплине и порядку..."

Вторичное рассмотрение вопроса, продолжает комиссия, лишь еще больше, если возможно, утвердило ее в этом убеждении. Она единодушно повторяет заключение, подтвердила вынесенное, тоже единодушно, комиссией 1914 г. решение, доведенное до сведения военного министра в письме от 22 января 1915 г. Она самым решительным образом настаивает на том, чтобы безотлагательно приступлено было к организации пополнений в количестве от четырех до пятисот тысяч человек, предоставляемых в распоряжение главнокомандующего. Комиссия полагает, что по крайней мере часть этих пополнений целесообразно было бы подготовить в укрепленном лагере Парижа. „Проникнутая сознанием серьезности момента и твердым намерением не упустить ничего, что в ее власти, для предотвращения опасности, комиссия постановляет препроводить копию этого решения вместе с мотивировкой его президенту республики как председателю верховного совета национальной обороны, председателю совета министров и военному министру. С подлинным верно. Ш. де Фрейсине".

Я зачитал перед советом министров этот документ, и было решено, что я приму сегодня президиум сенатской комиссии, но в присутствии Вивиани и Мильерана. Я сам неоднократно требовал образования дополнительной армии. Весь совет министров согласился с моим мнением. Мильерана удалось убедить. Но он долгое время наталкивался на сопротивление со стороны Жоффра. В тот день, когда состоялся завтрак с участием членов правительства и главнокомандующего, последний определенно высказался против образования армии для маневренных действий, равно как против образования экспедиционного корпуса. Теперь он примкнул к нашему взгляду, но Мильеран все еще натолкнулся при исполнении на такие затруднения, что не решился дать комиссии твердое обещание. Отсюда инцидент, по поводу которого обратились ко мне.

Итак, Фрейсине, Леон Буржуа, Клемансо, Думер и Будано явились в Елисейский дворец. Клемансо входит с сердитым видом, я протягиваю ему руку, он слабо пожимает ее своей рукой, затянутой в серую перчатку. Прежде всего я замечаю своим посетителям, что их шаг несколько необычен, что я не имею права входить в обсуждение какого-либо вопроса с парламентом или его комиссиями, но в виде исключения в данных обстоятельствах я готов их выслушать. Они отвечают мне, что, так как теперь фактически отменена возможность интерпеллировать правительство, им в случае конфликта с последним не остается ничего другого, как обращаться к моей юрисдикции. К этому термину прибег Фрейсине. Что ка-

сается Клемансо, он менее любезно заявил, что желает облегчить свою ответственность, другими словами, поскольку я понимаю, свалить ее на меня; он прибавил также, что умел же я сменить военного министра без участия парламента. Я ответил, что перемена была произведена не мною, а председателем совета министров и правительством, конечно с моего согласия, но в полной независимости и под их конституционной ответственностью. Установив этот факт, я даю слово своим посетителям, и они излагают свое предложение.

Я не могу сказать им, в какой мере я согласен с ними, и даю слово Мильерану, не желая показать им, что расхожусь с ним во взглядах. Он не без резкости защищает то, что́ называет прерогативами правительства, и слова его отнюдь не могут произвести на наших собеседников впечатление, что он действительно намерен создать дополнительную армию. Фрейсине настаивает дребезжащим голосом, мягко, деликатно, но ясно; Клемансо — сердито, резко, категорически; Думер — властным и жестким тоном. Мильеран продолжает обороняться и не выдает своих мыслей. Я пытаюсь дать понять президиуму комиссии, не выдавая военного министра, что правительство одного мнения с комиссией. Но все это произвело на сенаторов неопределенное впечатление, и эта неопределенность еще усугублена была тем, что в тот же день Мильеран написал Фрейсине письмо, которое показалось уклончивым и не удовлетворило Фрейсине. Когда наши собеседники удалились, я упрекнул Мильерана в том, что он был слишком замкнут. „Я не могу переделать себя", — ответил он. В надежде уладить дело я посылаю письмецо Фрейсине и прошу его повидаться со мной, причем из уважения к его преклонному возрасту вызываюсь сам посетить его. Он желал явиться снова в Елисейский дворец, но я настоял на своем и отправился к нему на квартиру на улице Фазаньего двора; это было в воскресенье утром, 14-го. Я конфиденциально сообщаю ему, что Мильеран и правительство оказались в разногласии с Жоффром. Главнокомандующий желал, чтобы не трогали запасных батальонов, он боялся, что у него будут отняты резервы, необходимые для пополнения эффективов и особенно для возмещения потерь в ходе операции. Фрейсине признает, что здесь налицо серьезное затруднение; однако полагает, что Жоффр главным образом опасается передачи новой армии в руки независимого от него командующего. Поэтому Фрейсине вызвался добиться постановления комиссии о том, что эта дополнительная армия тоже должна находиться под верховным командованием генералиссимуса. Я сказал ему, что во всяком случае правительство и Мильеран твердо решились создать эту армию, но надо считаться с Жоффром, который уже говорил о своем намерении подать в отставку. Фрейсине согласен, что последняя была бы несчастьем. „Но, — замечает он, — Жоффр несколько раз ошибался. Он ошибся в Шарлеруа. Он ошибся в Эльзасе. Надо открыть ему глаза".

Фрейсине рассказал мне, что президиум обратился ко мне не по инициативе Клемансо или Думера. Это Леон Буржуа потребовал, чтобы председатель комиссии отправился к президенту республики; а Фрейсине со своей стороны пожелал, чтобы его сопровождали оба

вице-председателя. Он уверяет меня, что комиссия ничуть не питает враждебных чувств к Мильерану, но министр поступает неправильно, не становясь открыто на указываемый ему путь. В остальном Фрейсине подчеркивает, что на фронте, всюду ставшем неподвижным, местные бои обходятся нам слишком дорого; в самом деле, в сводках главной квартиры с их тягостной монотонностью можно вычитать между строк, что наши потери продолжаются изо дня в день.

Чтобы избежать этого застоя, правительство помышляет не только о создании резервной армии; оно продолжает иметь в виду диверсию через Салоники. В бытность Делькассе в Лондоне Китченер обещал нам одну дивизию. Но английский военный министр и сэр Эдуард Грей держались того мнения, что если отправка франко-английского корпуса может побудить Грецию вступить в войну на стороне Сербии, то только присутствие русских войск может увлечь болгарский народ и заставить действовать короля Фердинанда и правительство Радославова. Тогда и Румыния несомненно окажется в необходимости последовать за Болгарией (Лондон, № 200). Между тем великий князь Николай Николаевич сначала заявил, что лишен возможности послать русские войска на Балканский полуостров. Впоследствии он говорил об отправке одного казачьего полка (Петроград, № 209). Пришлось оказать на него давление, как это сделал Жоффр, и только тогда он согласился с мыслью послать одну пехотную бригаду (Петроград, № 230) [40].

Тем временем фантазия Сазонова продолжает неутомимо работать и сочинять новые демарши в Афинах, Бухаресте и Софии (Петроград, № 219 и 220). Но Братиану со дня на день откладывает решение Румынии (Бухарест, № 69). Что касается Венизелоса, он раздумал и формулирует свою позицию следующим образом (Афины, № 42): „Одно из двух: либо Болгария выступит против Турции — тогда Греция поддержит Сербию, либо же Болгария останется при своей, скорее недоброжелательной, позиции, несмотря на все противоположные заверения Радославова, — тогда Греция выступит лишь в том случае, если выступит Румыния". В ответ на это Делькассе счел целесообразным подбодрить Венизелоса и известить его о предстоящей в близком времени отправке франко-британских войск (из Парижа в Афины, № 62).

В то же время внимание союзных правительств останавливают также другие вопросы. Сначала вопрос второстепенного значения. 11 февраля Жуве обратился в палате общин к сэру Эдуарду Грею с запросом, были ли сообщены английскому правительству и будут ли опубликованы письма, которыми король Георг и президент Пуанкаре обменялись 31 июля и 1 августа прошлого года и которые упоминаются в „Желтой книге", но не воспроизведены там. Английский министр иностранных дел ответил, что содержание писем было ему известно, но он не имел полномочия обещать опубликование их. Однако сэр Эдуард Грей полагает, что было бы полезно опубликовать их, так как в них можно найти новое доказательство миролюбивых устремлений обоих правительств до открытия военных действий. Он просил у короля разрешения опубликовать их и через Поля Камбона обратился с подобной же просьбой и ко мне (Лон-

дон, № 222). Я охотно дал свое согласие, и Делькассе сообщил об этом нашему послу [41].

Другой вопрос более деликатного характера. 4 февраля Германия возвестила, что Ламанш, северное и западное побережья Франции и воды, окружающие британские острова, являются „зоной военных действий". Она официально известила правительство Соединенных штатов, что „все неприятельские корабли, встреченные в этой зоне, будут уничтожаться и что нейтральные корабли могут оказаться здесь в опасности". Итак, здесь высказано намерение пускать ко дну всякий торговый корабль, плавающий под любым флагом, и не считаться с жизнью экипажа и пассажиров. Президент Вильсон ответил на это 13 февраля весьма энергичной нотой протеста и заявил, что в таком случае он будет считать ответственным за подобные акты германское правительство и примет необходимые меры для охраны жизни и имущества американских граждан. Англия тоже взволновалась. Так как Германия не в силах держать в упоминаемых ею водах надводные корабли, то речь может итти только о нападениях подводных лодок. Англия весьма не прочь воспользоваться германской угрозой нейтральному судоходству и организовать настоящую блокаду центральных держав. Французское министерство иностранных дел предпочитало бы, чтобы предварительно Франция и Великобритания обратились с соответствующей декларацией к нейтральным странам. Мы призовем их отстаивать свои права и скажем им, что, если они лишены возможности этого, мы вынуждены будем считать недействительными интернациональные соглашения, касающиеся морской войны, и следовательно снова получим полную свободу действий. Метод набережной д'Орсэй, состоящий из двух стадий, представляется более целесообразным, чем метод Лондона. Мы ведем переговоры, чтобы притти к соглашению.

Мы сговариваемся также с союзниками относительно наших закупок в Соединенных штатах для нужд наших армий. Это соглашение преследует главным образом цель избежать конкуренции на американском рынке, которая вздувает цены во вред общим интересам. Итак, в Нью-Йорке будет заседать комиссия из представителей трех главных союзников.

Во вторник, 16 февраля, полковник Пенелон уведомляет меня, что началось — в условиях, которые мы считаем благоприятными для нас, — наступление, предписанное одновременно армии де Лангль де Кари и армии Саррайля. Это начинается новая битва в Шампани. Ввиду сосредоточения наших сил на этих двух участках фронта и наличия резервов, у нас, по словам полковника Пенелона, имеется тройное численное превосходство перед неприятелем. Кроме того у нас изобилие тяжелой и полевой артиллерии. 1-й и 17-й корпуса ведут атаку из Перт на Босежур. Но, в то время как Жоффр всеми силами старается оживить наши надежды, мы получаем от Палеолога самые печальные известия о состоянии русской армии после очищения ею Восточной Пруссии и отступления на Неман (Петроград, 15 февраля, № 258).

Марсель Самба тоже отправился в Лондон, но, как он заявляет, не в качестве министра общественных работ, а как член социалисти-

ческой партии. Вместе с несколькими французами, одним русским и Вандервельде он участвовал на конгрессе, на котором германофильские делегаты-лейбористы пользовались нежелательным влиянием. Британская делегация, возглавлявшаяся Рамзаем Макдональдом и Артуром Гендерсоном, состояла из шести членов палаты общин, из которых некоторые в прошлом году прилагали все усилия, чтобы Англия осталась нейтральной. Чтобы добиться единодушия при принятии резолюции, пришлось вставить в нее фразы вроде следующих: „Эта конференция не может игнорировать глубокие общие причины европейского конфликта, который является чудовищным продуктом антагонизма, раздирающего капиталистическое общество, политики колониальных завоеваний и агрессивного империализма"; „Социалисты воюют не с народами Германии и Австрии, а только с правительствами этих стран, угнетающими эти народы"; „Социалисты требуют, чтобы во всей Европе населению, аннексированному путем насилия, дано было право свободно распоряжаться самим собой"; „Они протестуют против ареста членов Думы, против запрещения русских социалистических газет и осуждения их редакторов, против угнетения финнов и евреев в России". Итак, вмешательство в дела союзных стран; намек на прямое расхождение между немецким народом и его императором; право Франции на аннексированные провинции ставится в зависимость от плебисцита; публично выносится осуждение одному союзному правительству — вот как Лондонский конгресс перед лицом неприятеля помогал военным действиям Антанты! Бо́льшая часть французского общественного мнения была глубоко возмущена этой неуместной демонстрацией; сам Жюль Гэд без колебаний высказал в совете министров свое сожаление по поводу нее. Он повторяет, что Эльзас и Лотарингия были оторваны у нас силой и что для такого преступления не может быть никакой давности. Впрочем он думает, что резолюция, принятая конгрессом, является лишь тактическим маневром, долженствующим объяснить твёрдую волю социалистов бороться до победного конца.

Делькассе счел благоразумным предупредить возможные возражения русского правительства против Лондонского конгресса и телеграфировал Палеологу (№ 287): „Если вам поставлен будет вопрос относительно присутствия Самба на Лондонском социалистическом конгрессе и, пожалуй еще лучше, не дожидаясь этого вопроса, укажите, что Самба присутствовал на этом конгрессе как делегат французской социалистической партии, а не как член правительства, и что целью его было не допустить разногласий относительно продолжения войны до победного конца. Дело в том, что опасались возражений со стороны некоторых представителей английского социализма. Действительно, на конгрессе удалось добиться единодушного принятия резолюции о сокрушении германского милитаризма („l'écrasement militaire" — буквально: „военное сокрушение" Германии. — *Прим. перев.*). Вы укажете, что Самба конечно должен сожалеть о том, что ему не удалось помешать принятию конгрессом третьей резолюции, предложенной русскими делегатами, ибо на предварительной конференции, состоявшейся несколькими днями раньше в Париже, он подчеркивал эффективность русской помощи и категорически за-

явил: „Скажите без боязни, что, не будь России, нас бы захлестнула волна неприятельского нашествия. Имейте это в виду каждый раз, когда натолкнетесь на то или другое последствие внутреннего режима этой великой страны". Самба — он еще не вернулся из Лондона — первый протестовал бы против мысли, что он отправился на Лондонский конгресс не как социалист и что он в той или иной мере мог обязать там правительство". Разумеется, „L'Homme enchaîné" не упустил столь удобного случая возобновить кампанию не только против Самба, но также против Вивиани, Делькассе и президента республики, „пустозвона, гарцующего между крайним величием и крайним ничтожеством и обязанного клерикалам своим картонным троном" [42].

Ряд депутатов, скандализованных выступлением социалистов, обрушился на Вивиани. Председатель совета министров показал мне декларацию, которую он намеревался прочесть в четверг, 18-го, в палате. Она составлена в весьма категорических выражениях. Правительство подчеркивает в ней свое единодушие по ряду существенных вопросов. Вооружения Франции были вызваны лишь вооружениями держав Тройственного союза; она приложила все усилия, чтобы избежать войны; но раз ей навязали войну, Франция будет продолжать ее до победного конца; Франция будет считать войну законченной только тогда, когда будет уничтожен германский империализм, будет освобождена Европа, Бельгия восстановлена, Эльзас и Лотарингия возвращены. Наконец декларация подчеркивала тесную солидарность с нашими союзниками. Декларация Вивиани составлена в несколько высокопарном стиле, но дает ясный ответ на те опасения, которые вызвала социалистическая резолюция. По моему предложению Вивиани прочитал в четверг утром декларацию членам правительства. Гэд не чинил препятствий. Самба, который лишь к одиннадцати часам приехал из Лондона и ничего не знал о поднятой им буре, пытался настоять на том, чтобы в декларации оставлено было указание на возможность плебисцита по поводу Эльзаса и Лотарингии или по крайней мере не исключалось а приори подобное освящение возврата. Но все, и я в том числе, возражали ему, что в таком случае невозможно будет отказать в праве голоса также иммигрантам и что результат голосования неминуемо даст ложную картину. „Да, это правда, — говорит Самба, — но первые выборы в Эльзасе были бы равносильны новому присоединению к Франции". — „А если выбранными оказались бы депутаты противоположного лагеря, — возражает Оганьер, — отдадите ли вы в таком случае Эльзас? Ведь нет, неправда ли?" Мало-помалу Самба сам соглашается, что поскольку Эльзас в федерации 1790 г. примкнул к Франции, поскольку он в 1870 г. протестовал против аннексии, поскольку у него ни разу не спрашивали утверждения последней и он никогда не давал своего согласия на нее, занятие нами будет просто реституцией. Итак, ничего не было изменено в декларации Вивиани. Он огласил ее в палате, и этого достаточно было для успокоения расходившихся страстей.

Но тогда как среди депутатов наступило успокоение, снова взволновались сенаторы. Леон Буржуа говорит мне, что военная комиссия сената еще раз выслушала Мильерана и что он восстановил против

себя всю комиссию. Под тем предлогом, что желательно избежать дальнейших вопросов об эффективах, он не проронил о них ни слова. Он был так односложен и замкнут, как никогда еще. Давал объяснения только по вопросу о вооружении и снаряжении. Своими многочисленными умолчаниями он к тому же вызвал у всех присутствующих впечатление, что в нашем производстве на оборону имели место грубые упущения. Он отказался сообщить, сколько снарядов остается у нас в резерве. Его упорное молчание смутило всю комиссию. Я знаю, что Мильеран относится с недоверием к одному-двум членам комиссии, боится с их стороны преступного несоблюдения тайны. Но он должен был осведомить индивидуально тех членов комиссии, в которых он уверен, и не отвечать всем упрямым молчанием, которое дает место самым недоброжелательным предположениям. Я сказал это Вивиани, а также самому Мильерану.

Кроме того, чтобы в точности быть осведомленным о требованиях комиссии сената и о возражениях главнокомандующего, я просил военного министра дать мне письменную справку о состоянии наших эффективов на 1 февраля. Общая цифра строевых и вспомогательных частей, запасных батальонов и войск, охраняющих пути сообщения, составляет в зоне действующих армий 56 020 офицеров и 2 417 600 солдат. Сверх того имеется в тылу 35 979 солдат в учебных лагерях и 95 327 солдат во временных учебных лагерях. Что касается запасных батальонов не в зоне действующих армий, то в них находятся 12 552 офицера, в том числе 9 033 раненых, не годных для фронта и служащих инструкторами, и 1 158 793 солдата, из которых 428 399 еще не прошли военной подготовки, 173 200 — раненые, больные и выздоравливающие, 43 562 не годны для службы на фронте, 92 673 составляют кадры запасных батальонов или служат инструкторами и 21 553 командированы на заводы. К этому следует еще прибавить проектируемое создание сорока батальонов и двух дивизий территориальных войск. В общем мы, как видно, не располагаем достаточными свободными силами, чтобы создать мощную армию для маневренных действий.

Итак, за неимением лучшего Жоффр продолжал в Шампани и в Аргоннах наступления, которые опять связаны были с чрезвычайными потерями и не дали больших результатов. Мы продвинулись севернее Перт и в лесу Грюри. Взяли в плен несколько сот немцев и захватили несколько окопов. Но нигде нам не удалось прорвать фронт неприятеля.

В результате мы вернулись к идее диверсии на Балканах. Великий князь Николай Николаевич обещает теперь послать отряд своих отборных войск (Петроград, № 271); но когда он примкнул к этому плану, англичане отказались от последнего. Они находят, что ввиду уклончивого ответа Венизелоса надо отложить всякую посылку войск в Салоники. Ссылаясь на то, что флот требует поддержки армии в своих операциях против фортов на Дарданеллах, они предлагают нам теперь отправить в возможно скорый срок одну дивизию на Лемнос (Лондон, № 253). Таким образом в представлении союзников Винстон Черчиль связывается с миражем победы. Они даже отложили предполагавшиеся новые демарши в Софии и Бухаресте,

впрочем иллюзорные, до того времени, когда будут форсированы проливы (Петроград, № 264 и 276; Лондон, № 270 и 305).

После долгих совещаний английское правительство решило не обращаться к нейтральным странам с ответом на германскую декларацию от 4 февраля (Лондон, № 274 и 275). Оно считает, что Великобритания вынуждена прибегнуть для своей защиты к немедленным мерам, не обсуждая их предварительно с третьими государствами. Оно указывает миру на приемы подводной войны, к которым прибегает Германия, и возвещает, что в виде репрессии Англия воспрепятствует морскому подвозу товаров в Германию и вывозу их из нее морским путем. Эти меры, заявляет оно, будут приняты, „не подвергая риску нейтральные корабли и жизнь граждан нейтральных государств и мирных пассажиров, будут строго согласны с принципами гуманности. Итак, британское правительство считает себя вправе останавливать и уводить в свои порты корабли с грузом, предназначенным для Германии, являющимся собственностью Германии или же германского происхождения". Перед лицом этой настойчивости Англии мы присоединяемся к этой декларации.

В Соединенных штатах притязания Германии вызвали всеобщее негодование (Вашингтон, № 137 и 138). Германский посол граф Бернсдорф пытался разжалобить общественное мнение Америки, доказывая, что Германия борется за свое существование и стремится восстановить свободу морей, за которую она всегда сражалась (Вашингтон, № 145). Но все газеты Нового света в один голос заявляют, что, если Германия пустит ко дну хоть один американский корабль, она понесет все последствия этого.

В пятницу, 19-го, сенаторы Девелль, от департамента Мааса, и Ковен, от департамента Соммы, привели ко мне около шестидесяти бедных жителей районов, подвергшихся нашествию; эти люди уведены были в Германию в качестве заложников и пленников, а потом внезапно были доставлены на швейцарскую границу, а оттуда во Францию. Они худы, бледны, измождены. За несколько месяцев своего интернирования они жили впроголодь. В общем они не жалуются на плохое обращение, но их посадили на голодный паек. Почти всюду им говорили: „Президент окочурился, Париж взят". Увидев Париж невредимым, увидев меня, они проявляют искреннюю и трогательную радость. Я разговариваю с ними. Жители департамента Мааса сообщают мне печальные новости из Сен-Мигиеля и соседних коммун Виньелль, Ламорвилль, Гедикур. Одна несчастная женщина только три-четыре недели назад рассталась с некоторыми нашими друзьями, которые остались по ту сторону фронта и разделены теперь от нас непроходимой пропастью, например мадам Фасман, вдова достойнейшего мэра Сен-Мигиеля, бывшего одним из моих лучших товарищей в моей политической карьере. Подкрепившись скромной закуской, наши гости уходят, а мы с мадам Пуанкаре так расстроены их видом, что со слезами на глазах поспешили в свои частные покои.

В тот же день, 19-го февраля, мы узнали, что началась бомбардировка Дарданелл (Лондон, № 286 и 287). Силы союзников перед проливами находятся под начальством английского адмирала Кардена.

Прежде всего должны быть уничтожены турецкие форты у входа; затем рыбачьи суда должны выловить мины. Как только проход будет свободен, подойдут броненосцы, станут один за другим против европейского и азиатского берегов и откроют огонь по фортам. Успех зависит от того, удастся ли выловить мины. Возможно, что на побережье расположены турецкие отряды, снабженные полевой артиллерией, и что они уничтожат рыбачьи суда. Поэтому тотчас по уничтожении фортов у входа необходимо будет проверить положение и очистить от неприятеля край полуострова, если он занят им (Лондон, № 305 и 306). Сэр Эдуард Грей рассчитывает послать на Дарданеллы австралийский и новозеландский контингенты и заявляет также, что будет приветствовать участие французских войск.

Сербский принц-регент телеграфирует мне: „Ниш, 21 февраля. Генерал По[1] вручил мне военную медаль, и я спешу выразить вам свою горячую благодарность. Я очень тронут этим новым знаком внимания вашего высокопревосходительства ко мне, а также к моей стране и прошу принять уверение в чувствах глубокой любви и уважения, которые моя страна и я питаем к благородной Франции, нашему союзнику, и к ее достойной удивления армии. Александр".

Великий князь Николай Николаевич, которого недостаток снарядов осуждает на отступление или неподвижность, желает, чтобы Жоффр усилил наше наступление в Шампани и таким образом удержал немцев на нашем фронте (Петроград, № 301 и 302). Но мы страдаем от той же беды, что и Россия, и наши атаки, как они ни налажены, отбиваются неприятелем.

В понедельник, 22 февраля, я пригласил на завтрак в Елисейском дворце Жоффра, Фрейсине, Этьенна и Леона Буржуа. Целью моей было дать им случай побеседовать между собой. Главнокомандующий, который читал постановление военной комиссии сената, выражается с спокойным добродушием, как крестьянин, у которого природная хитрость скрывается под видом простоватости. Он рад, что удалось послать на фронт сорок новых батальонов. „Я охотно согласен на продолжение. Я даже желаю его, требую его. Чем больше мне дадут войск, тем больше будет у меня средств для действия. Но я не думаю, чтобы можно было создать новые дивизии и даже бригады. Для этого у нас нехватит высших кадров и штабных офицеров. Пусть создают новые полки в возможно большем количестве и посылают их мне. Я размещу их на фронте либо бригадами из трех полков, либо дивизиями из пяти. Таким образом мои корпуса, располагая более сильными эффективами, будут держать более обширные участки фронта, и это даст мне возможность выделить из всего фронта один, два, три, четыре новых корпуса для усиления того резерва в четыре с половиной корпуса, который уже организован мною". Короче говоря, Жоффр всецело стал теперь сторонником идеи создания мощной армии для маневренных действий.

Затем он жалуется, что переделка ружей образца 1874 г. на образец 1884 г. происходит у нас в недостаточном размере и что у нас отсутствует прямое производство ружей нового образца. Особенно

[1] Он был послан с особым назначением в Ниш, Бухарест и Петроград.

он жалуется на задержку в производстве взрывчатых веществ: англичане, говорит он, никак не проявляют усердия в снабжении нас феноло́м и бензоло́м. Он дал нам понять, что в скором времени вынужден будет приостановить операции в Шампани ради экономии в снарядах. Тот запас снарядов, с которым он начал новое наступление, подходит к концу; Жоффр не желает допустить снижения его ниже четырехсот снарядов на орудие. Если мы не прорвем фронта неприятеля, прежде чем будет достигнут этот минимум, Жоффр откажется пока от продолжения сражения.

В ходе беседы Этьенн заметил Жоффру: „Галлиени, встретившись с Думером, упрекал его за его кампанию против вас; он умолял его положить конец ей. Думер обещал прекратить ее. Пожалуй хорошо было бы, если бы вы выразили благодарность Галлиени". — „Да, — сказал Жоффр, — я выскажу ему благодарность, я знаю, что он лойялен, и не возлагаю на него ответственность за поведение его друзей".

Так как Вивиани и Мильеран должны выступить во вторник, 23-го, перед комиссией сената, я сообщаю им содержание беседы, которую Буржуа и Фрейсине имели в Елисейском дворце с Жоффром. „Отлично! — улыбаясь говорит Мильеран. — Я предупреждал, что в скором времени Жоффр будет уверен, что он сам требовал образования новых частей". Что касается Вивиани, то он горячо обрушился на Жоффра: „Он хочет уверить нас, что его наступление проваливается по нашей вине. Начиная его, он отлично знал, чего он может ожидать от нашего производства. Он хочет теперь взвалить на правительство вину в своем неосторожном решении". Я всячески стараюсь успокоить Вивиани, и нервы его действительно успокоились. Оба министра отправились в комиссию, и председатель совета министров докладывает мне потом о своих впечатлениях — они весьма благоприятны. Мильеран, говорит он, был восхитителен. На сей раз он не дал зарок молчания. Он много говорил в продолжение часа с лишком, говорил с удивительной ясностью и логичностью. Он привел точные цифры о нашем производстве на оборону в начале войны и в настоящее время. Он рассказал о сделанных усилиях и достигнутых результатах. Его данные всех поразили. „Клемансо, — замечает Вивиани, — пытался выступить с кой-какими возражениями, но он был совершенно ошеломлен".

В среду, 24-го, полковник Пенелон сообщает мне, что наши наступательные операции в Шампани расширяются с участием 12-го корпуса и колониального корпуса. Мы пытаемся завладеть выступающим углом небольшого форта Босежур. Не теряем надежды прорвать фронт. Но если это не удастся, Жоффр в двадцать четыре часа прекратит огонь, чтобы не расходовать без пользы снарядов. Полковник признается мне, что главная квартира надеялась достичь успеха скорее и легче, не рассчитывала на столь продолжительное и упорное сражение и не предвидела такого большого расхода снарядов.

В тот же день я принимаю бывшего сенатора от Индианы в Соединенных штатах Бевериджа, явившегося ко мне с рекомендательным письмом от Теодора Рузвельта. Он приехал в Европу собрать материал о войне для большого американского журнала „Colliers Weekly". Свою поездку он начал с Германии и повидимому принял там на веру

некоторые германские тезисы. Я всячески стараюсь доказать ему, что Германская империя, не желая остановить Австро-Венгрию, возбуждая своей военной миссией Турцию и форсируя объявление войны, сделала катастрофу неизбежной. Особенно же заявляю ему категорически, что, после того как немцы напали на нас и вторглись в нашу страну, нарушив нейтралитет Бельгии, мы твердо решились продолжать войну до победного конца.

Киньонес де Леон навестил меня перед отъездом в Мадрид. Он сообщает мне, что Германия предложила Испании Португалию и Гибралтар. Король отклонил эти соблазнительные предложения и желает, чтобы это было доведено до моего сведения. Многие испанцы упрекают его в том, что из дружбы к Франции он упускает благоприятный случай. Я подтверждаю то, что Делькассе уже сказал Киньонесу де Леону: после победы мы не забудем дружественного отношения к нам короля и его народа. В частности я выражаю благодарность Испании за то, что она взяла на себя защиту французов в Германии и особенно наших военнопленных. Я говорю Киньонесу, что, по моим сведениям, эти несчастные умирают с голоду. При каждом посещении концентрационных лагерей испанским послом в Берлине немцы устраивают так, чтобы правда не дошла до него.

В среду вечером, 24-го, Мильеран передает мне по телефону, что, по мнению главной квартиры, дела в Шампани идут хорошо; но в четверг утром мы получили не столь успокоительные сведения. Неприятель перешел в контратаку, и мы не в состоянии были удержать все свои позиции. Очевидно мы не могли добиться решения еще в тот же вечер. Жоффр дал теперь знать Мильерану, что не остановит операций. Он изменил свое мнение. Эти колебания внушают совету министров беспокойство относительно настоящего и будущего. Он просит Мильерана затребовать у Жоффра немедленно по окончании сражения подробный рапорт о причинах нашей неудачи и о последствиях ее. Пусть нам скажут, надеются ли еще прорвать фронт неприятеля при новом наступлении такого же рода, или же надо отказаться от этой надежды? Надо ли будет искать решения с помощью других движений, массовой атаки, диверсии со стороны резервной армии, операции на дальнем театре военных действий? Рибо находит, что правительство слишком щедро отказывается от своих прерогатив. Вивиани нервно замечает, что настойчивые шаги перед главнокомандующим повели бы к его отставке, которая внесла бы смуту в страну и армию.

Разумеется, нервы Вивиани ежедневно подвергаются тяжелым испытаниям. В качестве председателя комиссии сената по иностранным делам Фрейсине пригласил Вивиани, а также Оганьера и Делькассе с целью запросить у них разъяснений по поводу атаки на Дарданеллы. Комиссия желает знать, почему Франция предоставила Англии командование в этой операции [43] и как союзники предполагают определить будущий статус Константинополя. „Это значит выносить переговоры на улицу, — говорит мне Вивиани. — Сенаторы теперь менее благоразумны, чем депутаты. Науськиваемые Клемансо, они то и дело задирают правительство и вмешиваются в функции исполнительной власти“. Факт тот, что открытые заседания происходят теперь

редко и ввиду этого постоянные комиссии все более и более присваивают себе прерогативы палат. Вивиани, перед тем как предстать пред комиссией, был очень неспокоен, но вернулся оттуда совсем веселый. Объяснения, которые Оганьер, Делькассе и Вивиани дали Фрейсине и его товарищам, встретили весьма благоприятный прием. Что касается будущего, они ограничились утверждением, что Англия и Россия согласны с нами относительно свободы проливов. Что касается настоящего, они заявили, что начатая операция преследует цель прорваться через Дарданеллы и будет продолжаться, пока мы не дойдем до Константинополя. Фрейсине определенно заявил, что не допускает возможности неудачи. „Не будем слишком большими оптимистами, — заметил я Вивиани. — Как вы знаете, английское морское министерство не уверено в успехе, и Черчиль предвидел возможность того, что придется отказаться от операции в самый разгар ее". Вивиани признает, что он представил дело комиссии в розовом свете и что надежды комиссии могут рано или поздно натолкнуться на досадное разочарование; но он часто находится во власти своих настроений и, избежав какого-либо затруднения благодаря своим прекрасным интеллектуальным дарованиям и прекрасному ораторскому таланту, он чувствует облегчение и веселее принимается за работу.

Впрочем первые известия, полученные нами из Дарданелл, удовлетворительны. Полностью уничтожены два форта на европейском берегу и два форта на азиатском берегу. Приступили к вылавливанию мин под защитой броненосцев и крейсеров. Один из этих четырех фортов был предварительно вооружен немцами. Кроме того морские силы турок находятся под командой германского адмирала Мартенса.

Мы извещаем сэра Эдуарда Грея (№ 629), что французский экспедиционный корпус под командой генерала д'Амаде будет готов к отплытию 2 марта для сотрудничества в операции союзных эскадр против Турции. Этот корпус будет состоять из двух бригад пехоты, из полка кавалерии, из двух батарей 75-миллиметровых полевых орудий и одной батареи горных орудий 65-миллиметрового калибра, в общем четыреста офицеров, восемнадцать тысяч солдат, пять тысяч лошадей и тысяча повозок.

Генерал По, везущий французские знаки отличия, отправился в Россию через Балканы; стараясь завоевать на своем пути новые симпатии в пользу Франции, он, естественно, использовал эту дарданельскую экспедицию и ее возможное развитие. В Софии население оказало ему горячий прием, а военный министр генерал Фитчев встретил его корректно, но король Фердинанд, извещенный о его приезде, не дал ему аудиенции (от де Панафье, № 86 и 87). В Бухаресте население оказало нашему генералу восторженный прием. Его сопровождала и приветствовала толпа, которую префект полиции определяет в двести тысяч человек. Город был разукрашен французскими флагами. Король и королева приняли знаменитого участника войны 1870 г., раненого в этой войне. В честь его состоялись два торжественных банкета. Правительство содействовало всем этим манифестациям, не присоединяясь к ним официально. Братиану повторил Блонделю, что в один прекрасный день придет время для вступления в войну Румынии, точно так же как Италии, но что ввиду позиции Болгарии и русских

поражений необходимо выждать более благоприятных обстоятельств (Бухарест, № 79 и 80).

Тем временем пропаганда немцев по своей неутомимой активности не уступает их военным действиям. В настоящий момент она добивается в Вашингтоне того, чтобы снабжение гражданского населения Германии происходило под контролем Америки. В обмен за это несравненное преимущество Германия обещает отказаться от систематического уничтожения торговых судов. В ночь с 23 на 24 февраля она без предварительного требования остановиться, без предостережения, без предварительного захвата пустила на уровне Булони ко дну пакетбот англо-французской службы „Виктория", причем среди жертв были четыре американских гражданина. Соединенные штаты склонны положить конец состоянию вещей, столь сильно нарушающему их интересы. Они выступили в Лондоне с поддержкой германского предложения. Но Англия и Франция знают, в какой мере экономические затруднения Германии могут сократить продолжительность войны; они приложат все усилия, чтобы расстроить этот ловкий маневр неприятеля [1]. Мы являемся господами на море! Пусть Германия попробует отнять у нас это господство, это вполне естественно. Но разве могут Соединенные штаты, оставаясь нейтральными, сами лишить нас этого господства?

В пятницу, 26-го, бельгийское правительство прислало ко мне своего посланника барона Гильома. Бельгийское правительство подготовляет „Серую книгу", в которой должны фигурировать некоторые документы довоенного времени, находящиеся в архивах Брюсселя и посольства и следовательно попавшие теперь в руки немцев. Барон Гильом спрашивает меня, нахожу ли я неудобным напечатание в „Серой книге" отчета о двух беседах, состоявшихся между ним и мною на набережной д'Орсэй в июне и ноябре 1912 г. [2]. Хотя оба эти документа содержат несколько ошибок в деталях, я считаю, что их можно опубликовать, но запрошенный мною совет министров предпочитает не воспроизводить их в настоящий момент. Действительно, из слов моих, сказанных в 1912 г. барону Гильому на основе информации нашего генерального штаба, вытекает, что я ожидал в случае войны нарушения Германией нейтралитета Бельгии. Я заявил посланнику, что Франция никогда не нарушит мира, что она никогда не посягнет также на этот нейтралитет, и продолжал (в передаче барона Гильома): „В парламенте ни один депутат не голосовал бы за агрессивную войну. Я питаю также самое большое доверие к мирным устремлениям германского императора, но с сожалением констатирую, что с минувшей осени усилился актив пангерманистов, они ведут непрекращающуюся пропаганду. Если Германия объявит нам войну, то это конечно произойдет против сокровенных желаний императора и будет доказательством, что император уступил перед напором общественного мнения" [3].

---

[1] От Делькассе в Лондон, № 621; от Делькассе в Вашингтон, № 132; из Лондона, № 350; из Вашингтона № 154.

[2] Письмо от 6 июня 1912 г. № 5086/1798; письмо от 24 ноября 1912 г. № 9944/3486.

[3] Это мнение было высказано до потсдамского разговора между королем Альбертом и Вильгельмом II [44] (см. „L'Europe sous les armes", p. 329 et suiv.).

Но, по словам посланника, я также конкретно заявил, что в случае франко-германской войны первым действием немцев будет вступление в Бельгию через Э-ла-Шапелль и Льеж; при этом я выразил пожелание, чтобы бельгийское правительство само приняло некоторые меры предосторожности. События оправдали все это. Поэтому я лично желал бы опубликования этих документов. Но перед правительством встал вопрос, не вызовет ли опубликование их нападок на французское командование со стороны некоторых политических деятелей, не станут ли они обвинять его в том, что оно не предусмотрело в плане XVII в большей мере той эвентуальности, которую в 1912 г. считало возможной. Перед этим возражением я не счел возможным настаивать на своем мнении. Тем не менее остается фактом, что, если Франция могла поступить неправильно, будь то по непредусмотрительности, будь то по чрезмерному доверию к лойяльности другого, она никогда не виновата была в воинственных намерениях или в империалистических устремлениях. Эти письма барона Гильома примыкают ко всем документам, свидетельствующим о нашем желании мира; они тем более показательны, что в других докладах бельгийского посланника, с большим шумом опубликованных немцами, он, как известно, вдается в довольно фантастические оценки, опровергнутые фактами и всей его корреспонденцией в целом.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Разногласия среди союзников. — Английский фронт. — Константинополь и проливы. — Гарибальдийские проекты. — Адриатическое море и адмирал Буэ де Лапейрер. — Отставка Венизелоса; кабинет Гунариса. — Комиссия Пайелля. — Первые пожелания Италии. — Ранение генерала Монури. — Судьба святой Софии. — Доброволец в шестьдесят шесть лет. — Рапорт Жоффра. — Переговоры Италии в Лондоне и Вене. — Цеппелины над Парижем. — Совещание между Жоффром и министрами. — Американский лазарет. — Пьер Лоти и бельгийский король. — Посещение IV и III армий. — Генерал де Лангль де Кари и генерал Сарайль.

В Шампани усиливаются бои между Перт и Босежур. Они усиливаются в Аргоннах, вокруг Борейль и на высоте Вокуа. Мы берем окопы, теряем их, снова проникаем в них и должны почитать себя счастливыми, если в конце концов остаемся на развороченном гранатами и залитом кровью клочке земли, за который уцепились. До сих пор никакой надежды на прорыв.

Жоффр обратился к Мильерану с большим письмом, в котором опять жалуется на английское командование. Френч — как видно, по приказу Китченера — не соглашается ни расширить свой фронт, ни освободить французские корпуса, которые фланкируют оба его крыла и нужны нам для усиления нашей армии для маневренных действий. А между тем фельдмаршал уже получил три новых дивизии из четырех обещанных ему и стало быть имеет теперь возможность расширить радиус своих действий. Но Китченер заявляет, что если мы могли взять одну дивизию в зоне действующих армий и отправить ее на Дарданеллы, то значит у нас есть свободные войска. Он заключает отсюда, что ничто не заставляет нас снимать с фронта наши корпуса, расположенные по соседству с англичанами. Слабое рассуждение, так как дивизия, приготовленная Мильераном для участия в восточной экспедиции под командой генерала д'Амаде, составлена из частей, взятых в тылу. Дело очевидно в том, что Китченер не верит в успех наступления, начатого Жоффром. Он не верит, что мы можем прорвать фронт немцев, и сам не прочь держать у себя в резерве несколько из своих дивизий, чтобы в случае надобности послать их на Балканы или на Дарданеллы. Как бы то ни было, Френч, который с недавнего времени любезно стал называть Жоффра „главнокомандующим союзными армиями", никогда не принимает с готов-

костью приказы французского генералиссимуса; он мало считается также с его директивами и советами, и эти разногласия могут приобрести роковое значение. Правительство поручило Делькассе и Мильерану указать Англии на опасность подобного положения, поддержать протест нашего главнокомандующего и в то же время стараться добиться единства командования во Франции под начальством Жоффра, в особенности раз мы согласились на английское командование дарданельской экспедицией.

Однако мы не только далеки от единства действий на полях сражения, у нас еще нет такого единства даже в области дипломатии. Палеолог телеграфирует из Петрограда (№ 347 и 348): „Двусмысленные слова, произнесенные недавно сэром Эдуардом Греем в палате общин относительно ближайшей судьбы Константинополя, произвели в России неблагоприятное впечатление. Русское общественное мнение опасается, что Англия в последний момент будет настаивать на том или другом решении, которое не удовлетворит полностью исторических устремлений России. В течение последних дней Сазонова забрасывают требованиями объявить публично, что турки будут прогнаны из Европы и русский стяг будет отныне развеваться над Золотым Рогом. Еще сегодня утром Сазонов просил меня и сэра Джорджа Бьюкенена быть свидетелями движения, происходящего в русском народе: „Несколько недель назад, — сказал он нам, — я мог думать, что вопрос о проливах не повлечет за собой обязательно окончательного занятия Константинополя. Сегодня я должен констатировать, что вся страна требует этого радикального решения. Между тем до сих пор сэр Эдуард Грей ограничился сообщением нам, что вопрос о проливах должен быть полностью урегулирован в согласии с Россией. Правда, король Георг V пошел дальше, так как он заявил графу Бенкендорфу: „Константинополь принадлежит вам“. Но теперь настал час говорить более определенно“. В заключение Сазонов просил сэра Джорджа Бьюкенена настаивать перед сэром Эдуардом Греем на том, чтобы английское правительство дало свое согласие на планы России. Он будет благодарен вашему высокопревосходительству за поддержку его просьбы“.

Язык Сазонова в передаче Палеолога показался мне очень серьезным. Поскольку мне известно, Россия здесь впервые объявляет нам о своих притязаниях на Константинополь. Она всегда заявляла нам, что уже не имеет подобных устремлений, и со времени войны ее самыми недавними максимальными требованиями были свобода проливов, нейтрализация Константинополя и пункт на Босфоре. Она не получила еще от Франции никаких обещаний. Тем временем Россия до сих пор не участвует в дарданельской экспедиции. Войска, отправка которых возвещалась, даже не дали о себе никаких признаков жизни. Если Константинополь падет, Россия будет здесь не при чем. Она не может также не знать, что Румыния никак не согласится с перспективой быть закупоренной и что греки предпочитают видеть в Константинополе турок, а не русских. Итак, Россия вызовет раздражение двух наций, симпатии которых для нас ценны и пожалуй даже необходимы. Наконец, когда России обеспечат обладание Константинополем, она несомненно потеряет всякий интерес к войне с Германией.

Я пригласил Вивиани и Делькассе к себе на совещание по поводу этого неприятного инцидента. Оба они удручены им. Делькассе даже приготовил уже депешу для Палеолога; в ней говорится, что, прежде чем решать судьбу Константинополя, союзники должны высказаться относительно свободы проливов, которую русское правительство признавало в принципе во всех прежних разговорах. Совершенно верно. Но как совместить свободу проливов с выраженным прежде намерением России занять укрепленный пункт на Босфоре? Все это необходимо уточнить. Решено, что Делькассе, вместо того чтобы неопределенно говорить о проливах, обусловит, что свобода должна быть безусловной во всякое время и для всякого и распространяться на Босфор, равно как и на Дарданеллы. Что касается вопроса о Константинополе, который Россия поднимает теперь в новом освещении, то он может быть решен только после вопроса о проливах, и мы просим Сазонова воздержаться от всяких деклараций по этому поводу.

Делькассе действительно телеграфировал в этом смысле 3 марта (№ 364). Но в тот же день в Петроград приехал генерал По, и император пригласил его с Палеологом на завтрак; после завтрака Николай II отвел посла в сторону и сказал ему: „Вы помните мой разговор с вами в этом же зале в минувшем ноябре? С тех пор мои взгляды не изменились. Но есть один пункт, который обстоятельства вынуждают меня уточнить, — я буду говорить о Константинополе. Вопрос о проливах в высшей степени волнует русское общественное мнение. С каждым днем это течение становится все более мощным. Я не буду считать себя вправе требовать от своего народа ужасных жертв этой войны, не дав ему в вознаграждение осуществления его вековой мечты. Поэтому мое решение принято: я коренным образом разрешу проблему Константинополя и проливов. Решение, которое я указывал вам в ноябре, есть единственно возможное, единственно действительное. Город Константинополь и южная Фракия должны быть включены в Российскую империю". Когда Палеолог напомнил императору, что у Франции имеются в Константинополе и Фракии экономические и культурные интересы, привилегии и традиции, царь ответил: „Ваши интересы, привилегии и традиции будут полностью соблюдены", — и в заключение заметил: „Вы знаете, что английский король недавно заявил моему послу: „Константинополь принадлежит вам". Это заявление обеспечивает мне благосклонность британского правительства. Если же тем не менее возникнут некоторые незначительные затруднения, я рассчитываю, что ваше правительство поможет мне уладить их". Палеолог продолжал: „Могу ли я известить свое правительство, что в вопросах, касающихся непосредственно Франции, намерения вашего величества тоже не изменились?" — „Конечно. Я желаю, чтобы Франция вышла из этой войны такой великой и сильной, как только возможно. Я заранее подписываюсь под всем, что может пожелать ваше правительство. Берите левый берег Рейна, берите Майнц, берите Коблетц; идите еще дальше, если находите это полезным. Я буду счастлив этим и горд за вас" (Петроград, № 361 и 362).

Прочитав эту телеграмму, я был ошеломлен и не мог объяснить

себе ни этот необычный язык, ни эти опасные и странные концепции. Правда, уже в ноябре Николай II обратился в царскосельском дворце к нашему послу с довольно неожиданными замечаниями (телеграмма от 22 ноября 1914 г. № 957 и сл.); но, во-первых, он не забыл подчеркнуть, что говорит только от себя лично и намерен в нужный момент посоветоваться со своими министрами; во-вторых, он определенно заявил, — а это самое существенное, — что мирные условия должны быть обсуждены между Англией, Францией и Россией; и наконец он прибавил: „В Малой Азии мне обязательно придется заняться армянами; конечно я не смогу снова отдать их под турецкое иго. Оставить ли мне Армению за собой? Я аннексирую ее только по требованию армян. В противном случае я проведу автономию их. Наконец я вынужден буду обеспечить для России свободный проход через проливы. По этому вопросу о проливах я имею основания говорить несколько определеннее. Мои взгляды еще не окончательны. Однако мне всегда придется возвращаться к следующим двум выводам. Первый — турки должны быть изгнаны из Европы, второй — Константинополь должен быть отныне нейтральным городом с интернациональным режимом. Само собой разумеется, что мусульманам будут даны всяческие гарантии уважения перед их святилищами и гробницами. Фракия до линии Энос — Мидия достанется Болгарии; остальное, от этой линии до морского побережья и за исключением окрестностей Константинополя, будет отдано России. Сербия присоединит к себе Боснию и Герцеговину, Далмацию и северную Албанию; Греция присоединит к себе южную Албанию за исключением Валоны, которая достанется Италии; Болгария, если она останется благоразумной, получит от Сербии компенсацию в Македонии...“ Конечно в этих идеях императора было мало искренности и много смелости. Но по крайней мере Россия в ноябре не требовала Константинополя для себя. Теперь же, напротив, она, воспользовавшись фразой, вырвавшейся у короля Георга, заявляет притязание на обладание столицей Оттоманской империи и наносит таким образом серьезный ущерб традиционной политике Франции.

Как видно, русская политика в конце 1914 и начале 1915 г. действительно лишь с великим трудом могла определить свои намерения в вопросе о Константинополе и проливах. Возникли даже жаркие прения между Сазоновым, великим князем Николаем Николаевичем, генералом Янушкевичем, генералом Даниловым и адмиралом Ненюковым[1]. Нам были не известны эти детали. Мы не знаем также, что в продолжение 1915 г. Германия будет через различных посредников неоднократно обращаться к России с предложениями сепаратного мира, обещая ей Константинополь и проливы. В частности фон Ягов играл темную, но очень активную роль в этих попытках, которые всегда лойяльно отклонялись царем и царицей, но находили поддержку у многих русских германофилов[2] [45].

[1] „Красный архив“, т. XXVI, XXVII, XXVIII, Москва — Ленинград. См. также Michael T. Florinsky, Political Science Quarterly, vol. XLIV, I/III 1929.

[2] „Les Tentatives de paix séparée entre l'Allemagne et la Russie tsariste“ par André Pierre. „Revue de l'histoire de la guerre mondiale“, juillet 1930.

Впрочем телеграммы Палеолога было достаточно, чтобы внушить нам беспокойство, и я указал Делькассе на опасность, заключающуюся в этих взглядах императора. Министр нашел мои опасения основательными и просил меня написать лично письмо для нашего посла, которое перешлет ему министерство. Это было единственный раз, когда я, будучи президентом республики, обратился с письмом к одному из наших представителей за границей, но, думается мне, это уклонение от конституционных правил оправдывалось обстоятельствами и согласием министра. Вот быстро набросанный мною текст этого письма:

„Париж, 9 марта 1915 г. Мой милый друг, пишу тебе не как президент и даже не как твой бывший министр, а как старый товарищ по лицею. Я дал прочитать свое письмо Делькассе, чтобы быть уверенным, что оно не содержит ничего, могущего помешать тебе в твоих действиях, но хотя эти строки попадут к тебе через нашу дипломатическую почту, они тем не менее нисколько не будут носить официального характера. Твои телеграммы за последние месяцы не позволяли нам предвидеть внезапную перемену, которая произошла теперь в намерениях русского правительства. До сих пор это правительство ограничивалось деликатным указанием, что оно, возможно, потребует в свое время укрепленный пункт на Босфоре, но оно не заявляло никаких притязаний ни на Константинополь, ни на Дарданеллы, ни на Фракию, ни на острова, господствующие над проливами. Мы поражены той поспешностью и стремительностью, с которыми формулированы все эти новые требования в момент, когда начинается весьма трудная операция, — Россия не могла и думать о том, чтобы вести ее одна, она даже одно время, казалось, не желала принимать на себя никакой доли в ее бремени. Если Константинополь окажется в руках союзников, это по меньшей мере будет общей победой; эта победа будет лишь одним из эпизодов войны, которую союзники обязались продолжать в полном согласии между собой до того дня, когда все они придут к решению заключить мир. Некоторые русские из школы Витте конечно очень не прочь были бы присвоить себе Константинополь и не продолжать затем войны против Германии и Австрии. Я не могу думать, чтобы император когда-либо пошел на их коварные наущения. Однако будем остерегаться неосторожных шагов, которые благоприятствовали бы их интригам. Первой безусловно необходимой предосторожностью я считаю: не обсуждать публично будущей судьбы Константинополя и оставлять Румынию, Италию и все другие нейтральные государства в неведении относительно желаний России, ибо открыть им эти желания значило бы отпугивать их от поддержки, которую Сазонов, на мой взгляд, надеется купить слишком дешево.

Итак, ограничимся секретными беседами между собой — между Францией, Англией и Россией — и будем беседовать в духе совершенного доверия и дружбы. Россия не может не признать, что она требует от нас теперь рассмотреть отдельно и преждевременно вопрос, который является лишь частью целого и не может быть отделен от него. Этот вопрос должен быть разрешен только тогда, когда последует общее разрешение; он связан со всеми другими вопросами,

которые встанут тогда, причем решение их будет зависеть от размеров совместной победы. Мы знаем устремления России и желаем, чтобы они могли осуществиться; но мы не можем принести при этом в жертву свои устремления. Отдача России Константинополя, Фракии, проливов и берегов Мраморного моря означает раздел Оттоманской империи. Мы не имеем никаких разумных оснований желать этого раздела. Если он неизбежен, мы не желаем, чтобы он произошел за наш счет. Поэтому надо будет, с одной стороны, найти такую комбинацию, которая позволит нам успокоить наших мусульманских подданных в Алжире и Тунисе относительно дальнейшей независимости повелителя правоверных, и, с другой стороны, помимо сохранения наших институтов на Ближнем Востоке и соблюдения наших экономических интересов в Малой Азии, добиться признания наших прав на Сирию, Александретту и вилайет Адану. Но обладание Константинополем и его окрестностями даст России не только своего рода привилегию в наследовании Оттоманской империи. Оно введет Россию через Средиземное море в концерт западноевропейских держав и даст ей возможность благодаря выходу в незакрытое море стать великой морской державой. Таким образом в европейском равновесии наступит полная перемена. Такой прирост сил мог бы быть приемлем для нас лишь в том случае, если бы мы сами извлекли из войны равноценные выгоды. Итак, все тесно связано между собой. Мы будем в состоянии поддерживать желания России только в соответствии с теми удовлетворениями, которые мы сами получим. Война с Турцией и перспективы, которые она открывает для России, не заставят нас забыть происхождения общей войны. Пожар в Европе вспыхнул из-за сербского вопроса. Агрессивность Германии проявилась по вопросу, который затрагивал Россию гораздо более непосредственно, чем Францию; последняя была вовлечена в конфликт против своей воли. Франция осталась верна своему союзу. Ныне ей трудно было бы примириться с тем, что перспектива овладения Константинополем отвлекла русское общественное мнение от истинных причин и существенного объекта войны. Для союзников возможна здесь только одна разумная и лойяльная линия поведения: продолжать борьбу соединенными силами, исключать всякую мысль о сепаратном мире и отложить все вопросы о дележе до окончательного решения. Каждый может иметь свои желания и даже заявлять свои требования. Но невозможно определять доли в дележе, прежде чем знаешь, что́ именно будет подлежать дележу. Как тебе телеграфировал министр, предварительно надо одержать победу, и одержать ее как можно скорее... Я не сомневаюсь, что при известной твердости тебе удастся внушить императору и русскому министру более правильный взгляд на постоянные интересы союза. Ты пользуешься их доверием. Используй его для того, чтобы разъяснить им положение и предостеречь их от начинаний, в которых воображение часто играет бо́льшую роль, чем чутье действительности. Шлю тебе, дорогой друг, сердечнейший привет".

Это интимное письмо, в котором я высказываюсь со всей свободой, достаточно показывает, что, что бы ни говорили и писали об этом, ни правительство, ни я не разу не принимали ни малейшего

обязательства перед Россией и, напротив, были очень изумлены ее новыми притязаниями [1].

В то время как император сделал Палеологу эти внушающие тревогу заявления, Сазонов со своей стороны совершил странный и неумный шаг. Под предлогом, что Италия, согласно конфиденциальным сообщениям маркиза Карлотти, старается добиться от нас в обмен за свое вступление в войну очень больших преимуществ, русский министр представил царю записку, составленную в духе, совершенно противоположном французским взглядам. „Сазонов не без опасений относится к выступлению на сцену Италии, военная и морская помощь которой утратила главную свою ценность. Всякий новый участник войны затруднит мирные переговоры. Глубокое взаимное доверие между тремя союзными державами является источником их силы. Если в их среду вмещается четвертая держава, не придется ли опасаться, что она будет стараться в своих частных интересах разъединить их? Поэтому Сазонов считает, что, если итальянское правительство предложит нам свою помощь, мы должны под самым дружественным видом уклониться от нее“ (Петроград, № 353 и 354). Французский кабинет поспешил дать знать России, что он отказывается присоединиться к этой политике пренебрежения и отрицания.

Однако он не разделяет нетерпения некоторых наших политиков, которые готовы на неосторожные шаги, лишь бы ускорить решение Италии. Финансовая комиссия сената, выйдя отчасти из своей конституционной роли, требует, чтобы мы освободили солдат-гарибальдийцев в нашей армии и выдали им вознаграждение в несколько сот тысяч франков, для того чтобы они могли составить самостоятельный корпус волонтеров и отправиться против Австрии. Ко мне уже пришел с весьма таинственным видом Жюль Гэд рассказать об этом плане, пришедшемся по сердцу его революционному романтизму. Он сказал мне, что гарибальдийцы желают, чтобы их уволили из армии, выдав им немного денег и винтовки. Они отправятся тогда — не знаю, какими путями, — в Трентино, где начнут партизанскую освободительную войну. Они убеждены, что Италия последует за ними. При другом случае генерал Риччиотти Гарибальди выразил мне с полуслова то же желание. „Италия выступит, — сказал он, — или же это будет конец монархии“. Гэд хотел знать, нахожу ли я это предприятие неосуществимым или опасным, и прибавил со своей обычной лойяльностью: „Без вашего согласия я не буду говорить об этом в совете министров“. Я ответил ему, что не вижу, какими путями гарибальдийцы могут добраться до Трентино, если не добьются того, чтобы итальянское правительство смотрело сквозь пальцы на их начинание; но, добавил я, не исключена возможность, что их предприятие покоится на одной из тех комбинаций, из которых в свое время извлек такую пользу Кавур. Так что, заметил я, не представляет никаких неудобств

---

[1] См. телеграмму от 15/28 марта 1915 г., в которой Извольский заявляет Сазонову: „Вам известно, что личное мнение Пуанкаре, оставшееся неизменным и полностью проникнутое старыми традициями восточной политики Франции, явится конечно для нас преимуществом, даже если у правительства другие взгляды“. Documents diplomatiques secrets russes, 1914—1919, d'après les archives du ministere des Affaires Etrangeres a Pétrograd, Payot, éd.

обратиться по этому вопросу к совету министров. Правительство, поставленное в известность Гэдом, находит, что под условием затребования у гарибальдийцев объяснений о том, как они рассчитывают проникнуть в Трентино, можно освободить их и содействовать их предприятию, снабдив их деньгами и винтовками. Финансовая комиссия, извещенная не знаю, каким образом, приглашает стало быть правительство сделать то, что оно уже сделало. Однако она, кажется, более нашего верит в успех этой авантюры.

К тому же все внимание Италии, как и Греции и Болгарии, устремлено теперь на Дарданеллы, она выжидает результата операций союзников. К несчастью до сих пор наши усилия столь же бесплодны на Ближнем Востоке, сколь в Шампани. Мы бомбардировали форт Дарданос и Ильдизский редут, но корабли не прошли в пролив.

Пропала также всякая надежда на военную помощь Японии в Европе. Полномочный министр Бельгии в Токио говорил с министром иностранных дел, который сказал ему: „Правительство не считает возможным дать ход этому делу. Армию, собранную на основе всеобщей воинской повинности для защиты страны, нельзя отправлять далеко за пределы страны. Ни одно правительство не решится предложить это императору“ (Токио, № 34). Охладит ли этот ответ кампанию Клемансо? Сказать по правде, это менее всего вероятно.

Среди всеобщего удрученного состояния, порождаемого нашим бессилием на фронтах, на нас обрушиваются с противоречивыми обвинениями. Одни ставят Жоффру в вину, что он то и дело продолжает попытки наступления, сопряженные с столь тяжелыми потерями, другие жалуются на нашу неподвижность. Одни проповедуют доктрину о всемогуществе огнестрельного оружия, другие превозносят всемогущество храбрости[1]. Здравый смысл требует соединения того и другого.

В комиссиях парламента взялись теперь за адмирала Буэ де Лапейрера. Упрекают его в том, что он не проявляет достаточной активности в Средиземном море. Сам английский морской министр выразил Оганьеру пожелание, чтобы во время битвы в Дарданеллах была сделана попытка наступления на этом море. 24 февраля Лапейрер писал морскому министру, что он подверг всестороннему рассмотрению вопрос об экспедиции на Адриатическое море, даже созвал пять своих высших офицеров на борт „Курбе“, и что все они вместе с ним нашли эту экспедицию гадательной и даже опасной. „Однако один из них, — пишет он, — высказался в том смысле, что можно было бы, не расстраивая расположения линейных кораблей (sans déranger les unités de ligne), выделить два крейсера и послать их по направлению к Триесту. В принципе эта идея правильна; но, по моему мнению, она осуществима только при условии поддержки крейсеров броненосцами, дабы избежать опасности, что отступление крейсеров будет отрезано броненосцами, вышедшими из Полы... С другой стороны, принимая в соображение, с каким великим удовлетворением экипаж наших судов и наши штабы встретят наконец возможность помериться силами с противником, я в конце концов считаю подобную операцию возможной, несмотря на то, что она сопряжена с большим

[1] См. „L'Infanterie sacrifiée“ par le général Arthur Boucher, Berger-Levrault.

риском; я прихожу к этому заключению потому, что эта операция — единственная, представляющая шансы на успех, но я отдаю себе отчет в том, что не могу предпринять ее без согласия морского министра или правительства, которые одни компетентны судить о ее целесообразности и о ее возможных последствиях". Нелегкий вопрос для министра и кабинета; они хотят обсудить его, прежде чем ответить. Операция с направлением на Триест представляется нам во всех отношениях нецелесообразной. По всем вероятиям она произведет плохое впечатление в Италии. Вдобавок после внимательного рассмотрения вопроса Оганьер и канцелярии его министерства находят, что рейд, о котором с такими колебаниями говорит адмирал де Лапейрер, сопряжен с слишком большим риском, и поэтому, несмотря на выраженное английским правительством желание, благоразумнее будет отказаться от него.

В Греции с грубой силой сказалось личное влияние Вильгельма II. 6 марта все население Салоник радостно праздновало годовщину взятия Янины. На улицах города происходили народные демонстрации. Всюду развевались греческие, французские, английские, русские и сербские флаги. Раздавались крики: „Да здравствуют союзники! Долой бошей! В Берлин! В Константинополь!" Толпа приветствовала французского консула Сеона (Салоники, № 29). На другой день греческий посланник Александропуло уведомил в Нише Пашича, что греческое правительство приняло решение выйти из нейтралитета и предоставить в распоряжение Антанты свой флот и одну дивизию своих сухопутных войск. Пашич горячо благодарил посланника за его сообщение. Но вдруг в одиннадцать часов вечера он получает от сербского посланника в Афинах известие об отставке Венизелоса (Ниш, № 131). Действительно, король Константин не одобрил политики вмешательства в войну, и греческий политический деятель, дезавуированный своим государем, должен был подать в отставку. Королева София, а с ней и ее брат Вильгельм одержали верх над ним.

Зима подходит к концу, дни становятся длиннее, и мы чувствуем облегчение при мысли, что наши войска, скованные в окопах, не будут уже терпеть столь жестокую муку от зимней непогоды и после снега, грязи, туманов и заморозков смогут скоро отогреться на весеннем солнышке. Но меня продолжает удручать наше бессилие на фронтах, и я думаю о том, не вернется ли с наступлением хорошей погоды у нас надежда на быстрый успех. Дни проходят медленно, печально, и нигде не видать шансов на близкую победу.

Среда, 10 марта 1915 г.

Знакомлюсь с помеченным 8 марта отчетом комиссии, назначенной правительством для установления случаев нарушения международного права неприятелем на нашей территории. Комиссия состоит из самых беспристрастных, самых добросовестных лиц: первого председателя счетной палаты Жоржа Пайелля, нашего бывшего посланника в Люксембурге Армана Моллара, члена государственного совета Жоржа Маренже, члена кассационной палаты Эдмонда Пайо. Она опросила французов, взятых в плен немцами в оккупированных районах и недавно возвратившихся через Швейцарию; их около двенадцати тысяч, все они более или менее продолжительное время пробыли в концен-

трационных лагерях в Гольцминдене, Эрфурте и др., в Раштадтской крепости или в баварских лагерях. Повествование о жестоком обращении, которому подвергались эти бедные люди, производит крайне тяжелое впечатление. В частности я останавливаюсь на некоторых местах отчета, в которых говорится о возмутительных насилиях, совершенных в деревнях департамента Мааса: Бантвилль, Лавиньевилль, Сен-Морис-су-ле-Кот.

В Греции образован кабинет Гунариса. Король заявил английскому посланнику, являющемуся старшиной дипломатического корпуса, что в политике страны не произойдет никакой перемены и Греция будет соблюдать благожелательный нейтралитет по отношению к державам Тройственного согласия. Это, по его словам, будет самым лучшим средством помешать вступлению Болгарии в войну (Афины, № 90).

Жоффр ходатайствовал о разрешении назначить себе временного заместителя, ввиду того что обстоятельства могут на время лишить его возможности исполнять свои функции главнокомандующего. Мильеран сообщил об этом правительству. Я высказался против того, чтобы отнимать находящееся в руках у Галлиени назначение его эвентуальным преемником главнокомандующего. Но так как Жоффр не согласится, чтобы Галлиени временно замещал его, пришлось выбрать на этот случай другого генерала. Совет министров постановил вчера, что Жоффр может в случае надобности назначить своим заместителем Дюбайля. Этот выбор представлен был на утверждение главнокомандующего, который согласился с ним.

Четверг, 11 марта 1915 г.

Лорд Китченер заявил о своем желании встретиться с Мильераном и генералом Жоффром. Он предлагает приехать во французскую главную квартиру, но уточняет, что на этом свидании речь не будет итти ни о дарданельской экспедиции, ни об использовании формируемой ныне новой английской армии (Лондон, № 414). Мы чувствуем, что англичане чем-то недовольны. Они хотят иметь морскую базу в Дюнкирхене, а Жоффр до сих пор не соглашался на занятие ими этого города и заявлял, что Дюнкирхен нужен ему для наших войск. Между тем события с каждым днем выявляют выгоды построенного на взаимном доверии сотрудничества обеих армий. Еще вчера англичане благодаря поддержке нашей тяжелой артиллерии имели блестящий успех между Лис и каналом Бассэ. Правительство решило настаивать перед Жоффром на том, чтобы он разрешил нашим союзникам пользоваться портом Дюнкирхена и городом для своих нужд. С другой стороны, совет министров поручает Делькассе запросить в Лондоне разъяснений относительно операций в Дарданеллах и роли, предназначаемой для нашего экспедиционного корпуса.

Министр иностранных дел конфиденциально сообщил мне телеграмму, которую он получил от Поля Камбона и о которой не желает пока говорить в совете министров (Лондон, № 417): „Совершенно секретно. Вчера итальянский посол сказал сэру Эдуарду Грею, что в случае если его правительство решится выйти из своего нейтралитета, оно будет в состоянии действовать не ранее 15 апреля ввиду недостаточной подготовки. Оно согласится примкнуть к союзникам

на известных условиях, перечисленных в меморандуме, который он (посол) вручил министру иностранных дел с просьбой хранить его в тайне. Сэр Эдуард Грей ответил, что не может высказаться по поводу этого меморандума без предварительного совещания с Францией и Россией. Маркиз Империали требовал, чтобы при этом соблюдена была строжайшая тайна и чтобы меморандум не был вручен нам. Поэтому сэр Эдуард Грей ограничился тем, что прочитал его сегодня моему русскому коллеге и мне. Граница, требуемая Италией на севере, включает в себя часть Тироля; начиная от горы Ортлер [1], она поднимается до горного прохода Бреннер, достигает нынешней границы, проходя восточнее Брунека [2], затем покидает эту границу и тянется до одного пункта западнее Клагенфурта, наконец спускается прямым путем на запад от Фиуме. Таким образом она оставляет за Италией Трентино и Истрию с островами Чезо, Люссин, Паго и Премуда. Побережье Кроации, включая Фиуме, должно быть нейтрализовано. Далмация отдается Италии. От северной границы Далмации до Дрины ниже Сен-Джиованни ди-Медуа нейтрализованный берег будет предоставлен Сербии и Черногории. В Албании Сербия и Греция получат некоторые преимущества, но Дураццо станет столицей автономной и мусульманской Албании. Берега ее вплоть до мыса Стилос тоже будут нейтрализованы. Италия возьмет себе Валону с окружающей территорией. Она сохранит за собой Додеканезос. В Малой Азии за ней будет признана сфера влияния вокруг Адалии. Если союзники оккупируют территории в Турции, Италия оккупирует свою зону влияния. Если союзники присвоят себе немецкие колонии в Африке, Италия получит преимущества на территории, прилегающей к Эритрее. Сэр Эдуард Грей не скрыл от маркиза Империали, что находит притязания его правительства несколько чрезмерными. Я думаю, что это не является последним словом Италии. Поль Камбон".

Да, конечно эти итальянские притязания в их первоначальном виде несколько чрезмерны. Возможно, что наша соседка получила от Австрии некоторые условные обещания и желает сравнить выгоды, которые она может ожидать от той и другой из воюющих сторон. Так или иначе, прежде чем вступить в войну, она определенно требует от нас кроме доступа к Эфиопии через Джибути господства на Адриатическом море и в восточной части Средиземного моря. Это много. Ее меморандум был вручен Грею 4 марта, а Империали получил его 16 февраля. Она стало быть взяла себе время на размышление [3].

Пятница, 12 марта 1915 г.

Сэр Френсис Берти передал Делькассе содержание итальянского меморандума, после того как Империали в конце концов позволил поставить нас в известность о нем.

---

[1] В тексте — Ортер. Это неверно. — *Прим. перев.*

[2] В тексте — Брунекер. Тоже неверно. — *Прим. перев.*

[3] „L'Intervention italienne dans la guerre" par Albert Pingaud, „Revue de France" du 1-er mai 1929; „L'Autriche et l'Hongrie pendant la guerre" par Bertrand Auerbach, doyen de la faculté des lettres de Nancy, p. 57 et suiv. Felix Alcan, éditeur.

В противоположность тому, что думал Поль Камбон, в этом документе не говорится об Эритрее. Возможно, что английский министр немедленно отклонил это притязание. Но Италия требует, чтобы в случае ее вступления в войну на стороне Антанты за ней были признаны в Европе и Малой Азии те преимущества, которые перечислены Полем Камбоном, кроме того чтобы мир не был заключен помимо нее, чтобы англо-французский флот поддерживал ее флот против Австро-Венгрии и чтобы Россия держала на австрийском фронте определенный минимум войск. Делькассе и департаменты его министерства рассмотрели территориальные требования Италии. Как и я, он считает, что мы должны изучить их в духе благожелательства, но три пункта требуют серьезных оговорок, а именно: занятие Италией Далмации, нейтрализация славянских земель, отдаваемых Сербии и Черногории, и восстановление мусульманской Албании. Конечно очень желательно поощрить Италию; но не следует обескураживать Сербию, которая с таким трудом борется за свое национальное существование.

Главная квартира опубликовала официальное сообщение под следующим заглавием: „Наши действия в Шампани, их цель и результат". Согласно выводам этого сообщения наши операции были „непрерывной цепью местных успехов". Они стоили нам лишь „относительно небольших потерь и очень малой цифры взятых в плен". Они „нанесли неприятелю огромные потери, превышающие потери, понесенные им за тот же период времени в России". Они „заставили неприятеля сосредоточить на этом участке фронта пять армейских корпусов и израсходовать здесь множество снарядов". Они „содействовали блестящим успехам русских и англичан". Они „вынудили у немецкого генерального штаба объяснения, равносильные признанию". При всем этом медоточивом оптимизме цель, преследовавшаяся нашим командованием и возвещенная им, увы, не достигнута. Мы взяли тригонометрический пункт № 196 (высоту), потом потеряли его, затем опять взяли. Мы нигде не прорвали неприятельских линий. Мы даже не заставили неприятеля отступить в сколько-нибудь заметной мере. Наши солдаты, как всегда, отличались изумительной храбростью, но теперь не время для торжествующих песнопений.

Печальное известие. Командующий VI армией генерал Монури, осматривая вместе с одним из своих корпусных командиров генералом де Вилларе передовые окопы, позволил себе безумную неосторожность подняться с внутренней стороны бруствера и разглядывать через амбразуру расположение неприятеля. Его заметил немецкий наблюдатель, находившийся в немецкой траншее в пятидесяти метрах от него; раздался выстрел, и оба генерала были ранены одной и той же пулей. Генерал Монури лишился левого глаза, у него также сломана челюсть; опасаются, что он ослепнет и на оставшийся правый глаз. У генерала Вилларе пуля пробила лобную кость; ему сделали успешную операцию (трепанацию). Надеются, что оба будут спасены, если не произойдут непредвиденные осложнения.

Узнав про это двойное несчастье, я с генералом Дюпаржем бросаемся в автомобиль и едем в Виллерс-Коттере, куда отвезен Монури. Я нахожу его в постели, он задремал. Остерегаюсь нарушить покой

достославного раненого, ограничиваюсь тем, что кладу на одеяло военную медаль, которую Жоффр просил меня вручить ему. Остаюсь несколько минут в молчании у изголовья заснувшего генерала. Он не просыпается. Покинув его, посещаю соседний лазарет, устроенный в здании богадельни. Здесь мало раненых, но зато много больных: тифом, скарлатиной, рожей, дифтеритом, менингитом спинного мозга. А между тем меня уверяют, что санитарное состояние VI армии хорошее. Что же было бы в противном случае? Изумительные солдаты, вы не только подвергаетесь каждый день опасности пролить свою кровь за отечество, но кроме того находитесь под угрозой стольких напастей! Как сможет Франция когда-либо отблагодарить вас за ваш патриотизм и ваше самоотвержение?

Суббота, 13 марта 1915 г.

Запрошенный Делькассе Поль Камбон сообщает, что „итальянский меморандум содержит формальное требование, что союзные державы присвоят себе в Африке преимущества за счет немецких колоний, что Италия тоже должна получить пропорциональную долю, а именно на границах Эритреи, страны Сомали и Ливии. В своем резюме, адресованном сэру Френсису Берти, сэр Эдуард Грей не упомянул про этот пункт, который показался ему имеющим второстепенное значение. Он находит очень трудным сделать уступки на границах страны Сомали“ (Лондон, № 434). Легко сказать „второстепенное значение“, но на границах Эритреи и Ливии эти уступки должны быть сделаны за счет Франции, а она не имеет никаких оснований соглашаться на это.

Согласно телеграммам из Вены и Берлина, прочитанным новым греческим министром иностранных дел нашему посланнику в Греции Девиллю, во вторник состоялось под председательством австрийского императора совещание, на котором участвовали оба председателя австрийского и венгерского советов министров, три общих министра и генерал Конрад фон Гетцендорф. Все высказались в том смысле, что ввиду ожидаемых успехов англо-французской эскадры под Константинополем, ввиду неотложности новых операций против Сербии и необходимости связать Италию Австрия должна сделать последней уступки территориального и экономического характера. Император сначала колебался, потом уступил, и соглашение налаживается (Афины, № 93). Несомненно, Италия стучится попеременно, если не одновременно, в обе двери, но она слишком осторожна, чтобы действовать наобум, не взвесив основательнейшим образом доводы за и против.

Наш посланник в Голландии Аллизе тоже сообщает нам, что секретарь германского посольства в Гааге привез 8 марта из Берлина известие, что Италия получила от Австрии удовлетворительные обещания (Гаага, № 310).

В ожидании решения итальянского кабинета Грей сообщил Сазонову перечень требований Италии. Как можно было предвидеть, русский министр возражает против аннексии всей Истрии (Петроград, № 408). Он требует, чтобы морское побережье от мыса Планка до бухты Каттаро было отдано славянским государствам, равно как заливы от Каттаро до Дрины. Кроме того он выражает желание, чтобы Албания была разделена между Грецией и Сербией. Он не соглашается

на нейтрализацию побережья между бухтой Каттаро и устьем Воюзы. Он не возражает против аннексии Додеканезоса и признания итальянских интересов в районе Адалии. Удастся ли нам примирить столько противоположных притязаний и противоречивых взглядов?

Узнали о смерти графа Витте. Эта смерть чуть ли не имеет для Антанты значение выигранного сражения. Царь не любил его и говорил мне о нем в нелестных выражениях. Но все же можно было опасаться его влияния, которое чаще всего было направлено в пользу Германии [1].

В качестве цены за свое слишком угодливое согласие на планы Николая II на Константинополь и проливы английское правительство, которое не теряет времени, потребовало сегодня утром от России согласия на то, чтобы отныне нейтральная зона в Персии была включена в английскую зону. Император немедленно дал свое согласие (Петроград, № 414).

Приехавший из главной квартиры полковник Пенелон говорит мне со своей обычной откровенностью, что операции в Шампани окончательно провалились. Главнокомандующий очень разочарован ими и решился прекратить их. Мы почти без всякой пользы потеряли двадцать пять тысяч человек убитыми, взятыми в плен и ранеными. Кроме того израсходовали невероятное множество снарядов. Выиграли несколько считаных километров. Все происходило по безупречному методу, но так медленно, что за взятыми нами окопами немцы всегда успевали создать новые, тоже сильно укрепленные. Жоффр видит, что, если продолжать наше наступление, оно может дать нам только незначительные выгоды. Он намерен теперь воспользоваться успехами англичан и предложит Фошу начать концентрированную атаку с обоих флангов английской армии. Новая операция должна начаться завтра.

По соглашению с Жоффром военный министр предложил Галлиени занять место Монури во главе VI армии. После нескольких часов размышления Галлиени ответил отказом. Имеет ли он другие виды? Или же не согласен с Жоффром относительно ведения операций? Он не назвал своих мотивов. Тогда главнокомандующий предложил генерала Дюбуа, который и был назначен Мильераном. Это прекрасный кавалерийский офицер, бывший начальник Сомюрской школы и директор отдела кавалерии в министерстве. Он отличился во главе 9-го корпуса на Сомме, на Маасе, в Сенгонских болотах, на Изере, во всех боях, в которых этот корпус принимал участие.

Воскресенье, 14 марта 1915 г.

Фрейсине просил у меня аудиенции и извинился, что, будучи болен гриппом, сам предлагает мне определенный час для нее. Разумеется, я вызвался заехать к нему. Он ответил мне несколькими словами, изысканно любезными: „Ваш визит окончательно прогонит грипп, который уже на исходе. Заранее благодарю вас“. Сегодня утром я был у него; он был одет по-домашнему; у него насморк, но голова работает прекрасно. Он говорит мне, что военная комиссия сената снова очень раздражена против Мильерана. Делегаты, назначенные ею для осмотра военных заводов, всюду нашли страшный беспорядок.

[1] „Mémoires de Sir George Buchanan“, trad. fr., Paris, Payot.

В общем переделано только двадцать шесть тысяч ружей, а новые еще не производятся. Заказанные пятьсот орудий 75-миллиметрового калибра, о которых говорил Мильеран, еще не готовы. Фрейсине жалуется, что министр не умеет сломить силу инерции канцелярий своего министерства. Комиссия очень недовольна и против воли председателя выразила в своем докладе порицание.

Я написал Мильерану подробное письмо и уведомил также Вивиани. „Все эти проволочки, — пишу я Мильерану, — тревожат комиссию также еще потому, что, надо думать, они еще более затруднят формирование новых частей. Я не могу найти для них объяснения после твоих приказов, очевидно не выполненных. Еще раз умоляю тебя, прими меры и наложи строгие взыскания. Правда, генерал Баке, вступая в должность начальника артиллерийским управлением, имел смелость утверждать, что у нас слишком много орудий; но этого мнения не разделяют ни Госсе, ни Деламотт, ни многие другие специалисты, а при сомнении, — если предположить, что здесь возможно сомнение, — ясно, что надо производить, причем в возможно более быстром темпе".

Меня посетил Поль Камбон. Он жалуется на бессистемные начинания (initiatives incohérentes) Сазонова и сожалеет, что Палеологу не удается положить предел этому. Русский министр занимается тем, что регламентирует на бумаге будущую оккупацию Константинополя (Петроград, № 418 и 419). Он требует, чтобы квартал святой Софии был предоставлен русским войскам. Ни дать ни взять, герцог Менуайль, граф Спадассен, излагающий Пикрошолю свои завоевательные планы: „Я велю построить храм Соломона".

Но в свою очередь кардинал Гаспарри от имени папы просил монсеньора Аметта запросить французское правительство, нельзя ли будет восстановить в храме святой Софии католическое богослужение. Парижский архиепископ, обратившийся к Жюлю Камбону с этим запросом, сам напомнил при этом, что в 1453 г., в год взятия Константинополя турками, храм святой Софии уже был не католическим, а греко-православным; и от себя же добавил, что желание Ватикана рискует натолкнуться на притязания России. Жюль Камбон сообщил мне об этом разговоре. Он предлагает ответить монсеньору Аметту, что, если дело дойдет до этого, Франция приложит все усилия, чтобы для католического богослужения было отведено в Константинополе другое здание. Но вместе со мной он считает ребячеством регламентировать заранее будущее города, который еще не взят.

Понедельник, 15 марта 1915 г.

Вивиани жалуется на Мильерана, говорит, что против него все растет враждебное настроение. Леон Буржуа подтвердил мне замечания Фрейсине. Он говорит, что кроме Клемансо и возможно также Думера никто не желает вызвать ни министерского кризиса, ни кризиса в высшем командовании, но необходимо, чтобы Мильеран взял в руки работу своего министерства, ускользающую от его контроля.

Как сообщил мне Пенелон, имеются новые трения между Жоффром и фельдмаршалом Френчем. Последний приостановил свое наступ-

ление, причем мы не знали в точности причины этого. Поэтому Фош должен был отказаться от своего наступления. Итак, на этом участке фронта все приостановлено. Зато была произведена энергичная атака на Вакуа. Половина этой деревни была занята нашими войсками. Я больше кого-либо радуюсь этому успеху, так как это одна из дорогих моему сердцу небольших коммун в департаменте Маас; но в печати появилось по этому поводу сообщение, составленное в таком дифирамбическом тоне, что я никак не могу одобрить эти преувеличения.

Вторник, 16 марта 1915 г.

Вивиани беседовал с Мильераном и теперь более спокоен. Орудия действительно заказаны. Сенатская комиссия запросила только завод в Шательльру; между тем именно в Шательльру, причем только в Шательльру, не было сделано заказов. Что касается ружей, приняты новые меры.

Вернувшийся из Афин Романос уверяет меня, что иностранная политика Греции не будет изменена, что она останется очень благожелательной для Франции, что министерский кризис был вызван только разногласием по вопросу о немедленном выступлении, но что новое правительство возможно тоже скоро будет вынуждено само принять решение о вступлении в войну. „Однако, — продолжал он, — король находится под влиянием своего шурина. „Я не верю, — сказал он мне, — в большую победу Германии, но я думаю, что в этой войне не будет ни победителей, ни побежденных; поэтому мы должны быть осторожны". Я описал ему настроение Франции, ее уверенность в победе, но он остался при своем скептицизме".

Генерал д'Амаде отправился с нашим экспедиционным корпусом на Ближний Восток. Наши войска и английские войска должны сначала высадиться на полуострове Галлиполи, укрепиться там и бомбардировать оттуда форты на азиатском берегу, так как судовых орудий недостаточно для уничтожения возведенных турками укреплений. Совет министров обсуждает ситуацию, изложенную нам английским правительством. Генералу д'Амаде будет отдан приказ высадить свои войска только согласно директивам английского генерала сэра Джона Гамильтона и только после прибытия английского экспедиционного корпуса. Китченер рассчитывает приехать в скором времени в Париж для обсуждения всех этих вопросов с Мильераном и Жоффром (Лондон, № 461).

В полном достоинства письме от вчерашнего числа генерал Флорентэн, великий канцлер ордена Почетного легиона, по собственному почину предоставляет свой пост в мое распоряжение, для того чтобы он мог быть отдан кому-либо из генералов, отличившихся на войне. Я благодарю его за его бескорыстие, но пока мы оставляем его на его посту.

Среда, 17 марта 1915 г.

Шведский министр иностранных дел сказал вчера Тьебо, что, по его мнению, в ближайшем времени предстоит заключение соглашения между Италией и Австрией. Италия получит Трентино и выпрямление

границы у Триеста (Стокгольм, № 57). Действительно ли этот проект накануне осуществления? Или же эти слухи распространяет Италия, чтобы добиться от нас бо́льших выгод?

Я получил из Клермон-ан-Аргонн телеграмму следующего содержания: „Подполковник Симон, командир 46-го пехотного полка, президенту республики. С прискорбием сообщаю вам о смерти государственного советника Анри Колиньона, бывшего солдатом в моем полку и павшего на поле брани 15 марта. О нем скорбит весь полк, в котором он приобрел своей храбростью всеобщую любовь. Примите и т. д.". Префект департамента Финистер Анри Колиньон был внезапно отозван со своего поста, без всякого разумного основания, просто из-за разгулявшихся нервов Клемансо, бывшего тогда председателем совета министров и министром внутренних дел. Фальер не мог успокоиться, что ему пришлось подписать этот декрет, и назначил Колиньона своим генеральным секретарем. Когда я был избран президентом, мой предшественник горячо рекомендовал мне своего преданного сотрудника. Моими стараниями он был назначен государственным советником. Когда вспыхнула война, этот прекрасный человек оказался также храбрейшим солдатом. Несмотря на свои шестьдесят шесть лет, он поступил в армию простым солдатом и отказывался впоследствии от всяких повышений. Еще 26 декабря в замечательном письме, написанном карандашом, он с гордостью писал мне: „Я живу, как простой солдат, в солдатской среде". Он блестяще держался и убит теперь во время штурма на склонах Вокуа.

Другая смерть, еще больше волнующая меня. Доктор Демон в Бордо сообщает мне, что его шурин Руа де Клотт, бывший староста адвокатов Жиронды, умер от апоплексического удара. Это был один из самых выдающихся адвокатов, с которыми я встречался, прекрасный диалектик, великолепный и тонкий оратор, а в частной жизни веселый товарищ, человек высокой культуры, художник в душе, неутомимый путешественник. В его лице я теряю истинного друга; я с грустью вспоминаю, как мы несколько месяцев назад гуляли вдвоем в садах Бордо среди шуршащего мертвого листа [1].

Четверг, 18 марта 1915 г.

Мильеран прочитал в совете министров письмо, посланное ему вчера Жоффром. „С 4 сентября, кануна битвы на Марне, — пишет главнокомандующий, — инициатива в стратегических операциях беспрестанно принадлежала французским армиям. Маневр, последовавший за нашей победой, имел целью продвинуть наше левое крыло до моря, протянуть руку помощи бельгийской армии, запертой тогда в Антверпене, и наконец зайти в тыл правого фланга противника. Из этих целей первые две были достигнуты. Благодаря прибытию новых корпусов, которые удалось формировать немцам, последние оказались в состоянии парировать наше обходное движение, но, с другой стороны, они не были в силах отбить наше левое крыло. После окончания сражения во Фландрии мы предприняли ряд операций в районах, выбранных нами по тактическим соображениям; ко-

[1] См. „Нашествие", стр. 185 и 212.

нечной целью этих операций было разбить линию укреплений, построенную немцами, прорвать ее в таких направлениях, в которых возможно было бы стратегическое использование успеха. Для такого дела требуются мощные средства. Я остаюсь при убеждении, что оно необходимо и осуществимо. Предпринятое нами наступление в Шампани, так же как атака англичан между каналом Бассэ и Лис, является лишь одной фазой в этом генеральном плане, который я буду продолжать до конца... Однако я считаю, что в настоящий момент необходимо изменить характер предпринятых здесь операций, а именно по следующим соображениям: а) неприятель значительно увеличил свои силы на нашем фронте; б) известное утомление наших войск не позволяет более, несмотря на весь их пыл, продолжать непрерывно операции с прежней силой; в) наконец у нас был большой расход снарядов... В будущем мы будем располагать все растущими контингентами и материалами, это даст нам больше шансов на успех. Будут приняты все меры, для того чтобы упрочить и округлить результаты, достигнутые в Шампани, базе наших будущих операций, а также для того, чтобы пополнить наши резервы и приготовить в скором времени ряд мощных операций. Когда настанет время, та или другая из них будет проведена со всей той скоростью, которую позволяют нам наши транспортные средства, и в величайшей тайне, что безусловно необходимо, чтобы взять неприятеля врасплох. В ожидании этого я буду продолжать мелкие операции и начинать новые, тоже мелкие, операции; при этом преследуется цель поддержать дух армии и страны, занимать внимание неприятеля во второстепенных направлениях и таким образом помешать тому, чтобы инициатива перешла в его руки... Использование новых английских подкреплений, а главным образом новых частей, формируемых теперь в тылу, расширение производства снаряжения в признанном необходимым размере постепенно дадут нам возможность прибегать к комбинированным операциям нескольких армий. Я убежден, что эти операции принесут нам окончательные победы, которых мы должны добиваться и достигнуть на нашем главном театре военных действий помимо целей, преследуемых дипломатическим путем и экономической борьбой".

К этому письму были приложены весьма оптимистический рапорт о наступлении в Шампани, а именно об атаках 1, 2, 4, 12 и 17-го корпусов и колониального корпуса, сводка расхода снарядов в IV армии за время от 26 февраля по 15 марта и перечень потерь. Израсходовано 1 094 513 снарядов 75-миллиметровых, 31 706—90-миллиметровых, 23 404 снаряда к дальнобойным орудиям — 120-миллиметровых, 14 554 к дальнобойным орудиям — 105-миллиметровых и т. д. 326 офицеров убиты или пропали без вести; ранено 382 офицера. 14 659 солдат убиты или пропали без вести, 21 923 — ранены. При чтении этих документов ряд министров находит новые проекты главнокомандующего неясными и иллюзорными. Правительство предлагает мне пригласить Жоффра для получения от него более подробных указаний. Решено было, что в воскресенье в Елисейском дворце состоится завтрак с присутствием Жоффра и министров и Жоффра будут просить изложить нам свои планы более конкретно.

Рибо выступил сегодня в палате с финансовым экспозе, состав-

ленным с большой четкостью и ясностью. Речь его удостоилась чести быть расклеенной по всей стране. Кто помнит теперь, что в прошлом году кабинет, возглавляемый Рибо, был свергнут при первой встрече с парламентом? Это было до войны. То был другой век [46].

Русский император пригласил Палеолога посетить фронт. На границе Литвы и Польши Палеолог вел разговоры с Николаем II, Сазоновым, генералом Янушкевичем и великим князем Николаем Николаевичем (Петроград, № 426 и сл.). Царь и его министр иностранных дел заявили нашему послу, что предоставят нам полную свободу действий в Сирии и Киликии, но что Россия никогда не согласится отдать Иерусалим, Галилею, Иордан и Тивериадское озеро под протекторат католической (очевидно также и протестантской) державы. Генерал Янушкевич описывал в мрачных красках положение русской армии. Великий князь Николай Николаевич, которого Палеолог нашел исхудавшим, поседевшим, с искаженными чертами лица, повторил, что немедленное сотрудничество Италии и Румынии было бы „в высшей степени ценным"; он даже подчеркнуто прибавил: „и повелительной необходимостью" [47]. Как согласовать столько дипломатических требований с такой военной скудостью? Как согласовать мнение великого князя с сопротивлением Сазонова?

Пятница, 19 марта 1915 г.

Немецкое радио извещает, что один из наших крейсеров, „Буве", натолкнулся в Дарданеллах на подводную мину. До половины шестого вечера я остаюсь без подтверждения этого печального известия. В этот момент Оганьер передал мне по телефону, что оно к несчастью подтвердилось. „Голуа" тоже потерпел крушение. Мы еще не знаем, каковы результаты бомбардировки фортов.

Вчера и сегодня состоялись заседания палаты депутатов. Вивиани сообщает мне, что в кулуарах царит лихорадочная атмосфера. Циркулируют самые невозможные слухи; кучка паникеров с испуганными физиономиями предсказывает катастрофы. Этого достаточно, чтобы отравить атмосферу Бурбонского дворца.

Суббота, 20 марта 1915 г.

Китченер откладывает свою поездку во Францию. А между тем присутствие его в Париже становится все более необходимым. Мильеран и Оганьер не могут более откладывать своей беседы с ним о дарданельской экспедиции. Английский экспедиционный корпус еще не вышел из Египта, и английское правительство желает, чтобы генерал д'Амаде, дивизия которого находится уже в Лемносе, возвратился в Александретту. Из разговоров с Винстоном Черчилем Оганьер вынес впечатление, что английское адмиралтейство питает тайное намерение начать боевые операции поблизости Египта.

Сегодня у меня в Елисейском дворце завтракали Мажино, передвигающийся еще только на костылях, и Бриан. Доктор Гартман, лечащий Мажино, сказал мне вчера в госпитале Hôtel Dieu — я навестил там бельгийских и французских раненых, — что колено Мажино уже никогда не будет действовать нормально и нога останется несгибаемой. После завтрака Мажино и Бриан не без резкости кри-

тикуют Жоффра и главную квартиру, говорят, что они слишком игнорируют реальности войны.

Получены сведения об атаке на Чанак, предпринятой третьего дня британской эскадрой. Наши крейсеры „Суффран", „Голуа", „Шарлемань" и „Буве" прошли в пролив, чтобы обстреливать форты на более близком расстоянии. „Буве" наскочил на мину и пошел ко дну менее чем в три минуты. Удалось спасти только четырех офицеров и около шестидесяти человек экипажа. Передняя часть „Голуа" сильно повреждена огнем неприятельской артиллерии; он получил течь и отведен к берегу. Адмирал Гепратт с замечательным мужеством руководил нашей попыткой форсировать пролив, но она окончилась неудачей.

Итальянский министр иностранных дел Соннино сказал Барреру несколько слов о разговорах, которые Италия ведет с Австрией (Рим, № 204). „Это не переговоры в собственном смысле слова, — сказал он. — В противном случае я не имел бы возможности ответить вам. К нам обратились с предложениями, и естественно мы должны выслушать и рассмотреть их. Я не думаю, что они легко приведут к соглашению".

Со своей стороны сэр Эдуард Грей, запросив мнение нашего и русского правительств и получив наши отзывы, продолжает вести переговоры с маркизом Империали. Сазонов считает теперь возможным предоставить Италии обосноваться в районе Зара-Себенико (Лондон, № 498). Но Грей находит, что требования Италии относительно Далмации и островов в заливе Кварнеро слишком ограничивают выход Сербии к морю; в результате в Лондоне, как и в Вене, ничего не достигнуто. Никто еще не знает, кто возьмет верх.

Воскресенье, 21 марта 1915 г.

В половине второго ночи меня разбудил звонок по телефону. Почтовое отделение Елисейского дворца извещало меня, что согласно предупреждению, полученному управлением военного губернатора из Компьена, два цеппелина направляются в Париж. Через несколько минут по соседним с дворцом улицам проехали автомобили пожарной команды, их гудки слышны были по всему кварталу. Дворцовые сторожа погасили огни в саду, завернули газовые рожки и выключили электрические лампочки. Весь город внезапно погрузился в мрак. Тотчас же прожекторы на Эйфелевой башне и на Триумфальных воротах направили снопы своих лучей на ясное звездное небо. Мы открыли в большой спальной окно, выходящее в парк, и вперились глазами в усеянное звездами необъятное пространство над верхушками деревьев. Вдруг часовой в саду дает знать, что прямо на нас идет цеппелин со стороны предместья Сент-Оноре. Тогда мы перешли в одну из комнат с видом на террасы, и почти тотчас же я различил на небе, пересекаемом лучами прожекторов, движущееся гигантское позолоченное веретено. Наши батареи взяли его под обстрел, и вокруг него летали раскаленные докрасна снаряды, словно дождь аэролитов. Он словно смеялся над их бессильным роем и продолжал свой путь с величественным спокойствием. Однако, чувствуя себя пресле-

дуемым светом прожекторов, внезапно повернул на север и исчез в темноте. Два-три других дирижабля тоже приблизились к Парижу, но были принуждены удалиться. Бомбы были сброшены на улицу Дам, в Батиньоль и Нейи. Из укрепленного лагеря поднялись аэропланы и погнались за цеппелинами. Около четырех часов утра немецкие дирижабли удалились, канонада прекратилась, и мало-помалу зажглись огни в городе, снова безопасном.

Утром я узнал, что в Париже не было раненых, но шесть человек ранены в окрестностях Парижа, на острове Гранд-Жатт, в Курбвуа и Леваллуа. Я отправился с мадам Пуанкаре осведомиться об их состоянии. Никто не ранен тяжело, но среди жертв находятся две девочки тринадцати и восьми лет; отец их мобилизован. Много других бомб упало в Компьене и Сен-Жермене. Они везде причинили только материальные убытки.

Жоффр завтракал в Елисейском дворце вместе с министрами. После завтрака между всеми нами состоялся разговор, затянувшийся до четырех часов дня. Главнокомандующий очень ясно изложил нам свои идеи. Он снова объяснил операции в Шампани тем, что был поставлен в необходимость помочь русским и не допустить немцев раздавить русских в Польше. Он говорит, что считает достигнутые результаты удовлетворительными, но не желает продолжать атаки дальше, так как в настоящий момент вынужден еще экономить снаряжение. В противоположность тому, что мне сказали офицеры связи, мы за один месяц израсходовали больше снарядов, чем произвели, и запас их снова снизился с шестисот до четырехсот пятидесяти снарядов на орудие.

Жоффр предупреждает нас, что мы вступаем теперь в период ожидания. Нет недостатка ни в орудиях, ни в ружьях, но кризис эффективов не прекратился, он прекратится не раньше 15—20 апреля. Кроме того резервная армия состоит пока еще только из четырех корпусов; вместе с призывниками 1915 г. и с формируемыми теперь частями — Жоффр признает теперь их целесообразность — она будет насчитывать восемь корпусов. К 15 апреля он намерен снова перейти в наступление, одновременно на двух участках фронта, и не сомневается, что нам удастся тогда прорвать линию немецкого фронта. Он высказывается весьма категорически. Решение должно наступить на нашем фронте и наступит вероятно до лета, несомненно — до осени. Перед нами находятся лучшие немецкие армии. Когда они будут побеждены, Германия будет всецело в нашей власти; они уже теперь на пути к поражению; мы берем гораздо больше пленных, чем в последние месяцы; даже офицеры-немцы начинают сдаваться в плен. Когда у нас будут в необходимом количестве снаряды и резервы, генерал примет свои решения, от которых ожидает победы. Он не желает, чтобы Китченер отправил нам всю армию, которую он теперь формирует. Считает, что после пополнения армии Френча, которое должно произойти через несколько дней, у нас будет достаточно английских войск. Повидимому он не желает получить их больше этого количества. Но он считает необходимым, чтобы маршал Френч был подчинен его командованию. По этому вопросу придется вести переговоры с Китченером, когда он прибудет во Францию.

Жоффр говорит об англичанах с некоторым оттенком горечи. Отказывается дать им Дюнкирхен в качестве морской базы. Между тем Китченер настойчиво заявляет, что, если ему не дадут эту базу, он не будет в состоянии снабжать свои войска. Здесь заложено опасное семя раздора. Я указываю на это главнокомандующему и предостерегаю его, но он не уступает.

Я обращаю его внимание на то, что, если нам не удастся сговориться с англичанами, они не пошлют свою новую армию во Францию и будут искать другой театр военных действий. Жоффр отвечает мне, что ничего не имеет против этого. „По предположите, — говорю я, — что Италия решила принять участие в войне и что Англия послала свои войска в Пьемонт. Возможно, что по политическим соображениям нам нельзя будет допустить, чтобы Англия одна оказала помощь Италии, ибо мы имеем основания полагать, что Италия все более обращается в сторону Англии и готовится заключить с ней в будущем средиземноморский союз". — „Никогда я не соглашусь, — отчеканивает свои слова Жоффр, — на изъятие хотя бы небольшой части наших войск с нашего фронта, так как решение наступит именно здесь". Жоффр объявил нам этот ультиматум так решительно, с таким твердым сознанием своей полной независимости от гражданской власти, что я счел себя вынужденным возразить ему: „Генерал, правительство не приняло решения по этому вопросу, но, если оно решит отправить войска в Италию, вам придется только подчиниться". — „В таком случае, господин президент, — с жаром воскликнул Жоффр, — мне не останется ничего другого, как дать убить себя перед своими войсками". — „Нет, мой дорогой генерал, вы не сделаете этого, так как это тоже особый способ неповиновения. Как страж конституции я могу только поддерживать права правительства. Но мы благодарны вам за то, что вы открыто высказали нам свои мысли". Жоффр глядит на меня своими добрыми голубыми глазами и спокойно продолжает: „Я рассчитываю добиться до мая решения во Франции и, когда наш фронт будет отодвинут и менее растянут, я не стану более возражать против отобрания нескольких воинских частей, могущих быть полезными на другом театре военных действий". Добродушие Жоффра, его откровенные объяснения, его мягкое упорство произвели на министров и на меня благоприятное впечатление. Итак, мы снова оказываем ему доверие, которого он требует от нас.

Понедельник, 22 марта 1915 г.

Бриан привел ко мне принца Георга греческого, зятя принца Роланда Бонапарте и на этом основании большого друга Франции. Он едет в Афины и надеется уговорить короля Константина вмешаться в войну. Но он желал бы иметь возможность обещать ему, что Греции будет гарантирована ее территория на случай нападения со стороны Болгарии; он не скрывает также, что единственный мотив, который способен склонить Грецию, — это перспектива вступить вместе с союзниками в Константинополь. Согласится ли Россия на такое сотрудничество?

Агентство Гаваса сообщает о взятии Перемышля русскими, осa-

ждавшими его в течение шести месяцев. Гарнизон насчитывал около ста двадцати тысяч человек. Я телеграфирую императору и великому князю Николаю Николаевичу и поздравляю их с успехом, который может открыть нашему союзнику через Галицию главные пути в Венгрию.

Вторник, 23 марта 1915 г.

Мильеран сообщает совету министров следующий стратегический план, придуманный генералом д'Амаде. Последний желает, чтобы ему послали бригаду морской пехоты и разрешили ему, во-первых, высадиться в Адрамитском заливе и пойти на Бали Кессир и Пандерма, во-вторых, атаковать Смирну. Наш генеральный штаб находит эти предприятия неосуществимыми. Военный министр известит генерала д'Амаде, что от них надо отказаться.

Титтони, который на другой день после первой атаки Дарданелл был полон огня и воодушевления, радостно возвещал самое близкое вступление Италии в войну и не выходил из кабинета Делькассе, теперь, после гибели „Буве", совершенно охладел. Он все время взвешивает выгоды и невыгоды выступления Италии; рекомендует своему правительству осмотрительность и осторожность. Между тем в Лондоне Империали продолжает вести переговоры с Греем. Державы Тройственного согласия готовы обещать Италии почти все, на что простираются ее вожделения: Трентино, Триест, бо́льшую часть Истрии, бо́льшую часть Далмации, Валону и ее хинтерланд, Родос, Додеканезос, Адалию — мало ли что еще! Итальянское правительство требует столько же славянских и греческих земель, сколько итальянских. Оно забывает стихи Данте:

Si com'a Pola presso dal Quarnaro
Che Italia chiude e suoi termini bagna[1].

(Как у Полы близ Кварнаро, который замыкает Италию и омывает ее границы.)

Таким образом Италии, которая совершенно не знала первых тяжелых времен войны, достанутся лучшие плоды победы. Совет министров желает, чтобы по крайней мере не обещали теперь Италии слишком много ни на Адриатическом море, ни в Малой Азии. Эти обещания могут, когда придет время, лечь тяжелым бременем на мирные условия. Делькассе поручено сдерживать пока итальянские аппетиты[2].

По мнению правительства, поездка принца Георга в Афины представляет только выгоды. Бриан уполномочен заявить брату Константина, что если Греция объявит себя против всех наших врагов, то мы гарантируем ее после войны от последствий насильственных действий со стороны Болгарии.

Румыния, видя теперь Россию увязшей в Польше, высказывает все растущие притязания (Бухарест, № 125 и 126). Россия же, которая уже видит Константинополь и проливы в своей власти,

[1] „Inferno", canto IX.
[2] „La guerre et l'Italie" par Jacques Bainville, A. Fayard, éditeur.

проявляет к Румынии больше сдержанности (Петроград, № 448); но она вместе с сэром Эдуардом Греем считает целесообразным предпринять демарш в Софии и заставить болгарское правительство немедленно высказаться за ту или другую сторону (Петроград, № 447; София, № 127).

Китченер заявил нашему военному атташе, что трудности, на которые натолкнулись морские операции в Дарданеллах, и невозможность приступить к высадке войск на полуострове без длительной и тщательной рекогносцировки отсрочат на известное время использование союзных контингентов. Ввиду этого Китченер по предложению генерала Гамильтона предписал направить британский экспедиционный корпус в Александрию и Порт-Саид. Он требует, чтобы генерал д'Амаде оставил в Лемносе только небольшую часть своих войск и отправил остальные в Египет (Лондон, № 514 и 513). Странная судьба экспедиции в проливы!

Отправился в Жюйи близ Мо и посетил там лазарет, оборудованный группой американцев; лазарет помещается в школе ораторианцев, существующей с 1638 г. В живописном здании, построенном еще старым аббатством и окруженном красивым парком, находятся могила и статуя кардинала де Берулль. Меня встретили посол Соединенных штатов Шарп, который все еще не говорит ни слова по-французски, и многочисленный персонал американских врачей, хирургов и санитаров. В трех больших залах я беседовал со ста двадцатью — ста тридцатью ранеными; состояние их духа, как всегда, превосходное.

Среда, 24 марта 1915 г.

Феликс Декори, встретивший вчера на обеде у Поля Адама Думера, нашел его чрезвычайно возмущенным Жоффром. По его словам, Жоффр окружен комитетом младотурок, и беспомощность его скоро бросится всем в глаза. По словам Шарля Бенуа, в самой палате депутатов тоже очень раздражены против главнокомандующего. В частности его упрекают в том, что во время операций в Шампани он не предоставил генералу де Лангль де Кари свободного распоряжения своими резервами.

По словам самого Пенелона, большинство офицеров главной квартиры находит, что Жоффр должен был либо дать генералу де Лангль де Кари право использовать свои резервы, либо же взять на себя лично командование операциями. Таково мнение генерала Пелле, который должен заменить генерала Белена при Жоффре и станет отныне главным сотрудником главнокомандующего. Пенелон приветствует это, потому что у Пелле, бывшего военным атташе в Берлине, широкие взгляды; однако Пенелон тут же заметил, что Жоффр не поддается влиянию своего окружения и, напротив, упрямо держится за свои собственные идеи. Никто в Шантильи не разделяет его уверенности, что война может быть окончена этим летом. Тогда как Жоффр желает скоро пустить в дело призыв 1916 г. и уже в июле зачислить в полки новобранцев призыва 1917 г., генеральный штаб считает, что это значит „поедать хлеб на корню“ и что не следует спешить с использованием на позициях последних призывов. Между тем Мильe-

ран по требованию Жоффра представил мне на подпись, и я подписал, законопроект, предписывающий зачисление в полки призыва 1917 г. Военная комиссия палаты соглашается вотировать только подготовительные меры и откладывает решение о зачислении до следующего закона. Мильеран готов был подчиниться, но Жоффр продолжает настаивать перед ним, и я не знаю, каково будет окончательное решение правительства.

У меня обедали в интимной обстановке Марсель Прево и Морис Доннэ с женами. Мы вспомнили идиллический завтрак в Приорстве накануне моего отъезда в Россию[1]. Марсель Прево мобилизован в качестве артиллерийского офицера; недавно в „Revue de Paris" появилась прекрасная статья его о „нытиках". Он рассказывает, что некоторые редакции кишат паникерами. Надо будет принять меры против этого упадка духа, который может стать роковым при затяжной войне.

Грей все еще продолжает беседы с Империали, Италия настаивает на нейтрализации берега Адриатического моря от Каттаро до Валоны и от Валоны до границы Эпира. Она требует для себя Далмации до пункта близ Рагузы, а также острова, лежащие по соседству с Истрией. Грей находит, что мы должны подписать теперь соглашение (Лондон, № 524).

Четверг, 25 марта 1915 г.

Мильеран и Оганьер сообщают совету министров, что английское правительство не рассчитывает фактически возобновить операции в Дарданеллах раньше 15 апреля. А пока будут отделываться словами. Эта экспедиция была предпринята наспех, недостаточно изучена в Лондоне, она является плодом фантазии морского министерства, причем не были приняты во внимание ни военные трудности, ни дипломатические последствия.

Берти от имени Грея вручил Делькассе ноту об итальянских предложениях (Лондон, № 530; из Парижа в Лондон, № 916 и 917). Грей находит, что надо принять их без замедления, и совет министров, информированный Делькассе, решается пойти на них. Но Рибо, Думерг и Мильеран вместе со мной подчеркивают, что некрасиво ограничивать выгоды, оставленные для сербов. Впрочем у нас еще нет согласия Сазонова (Петроград, № 460).

Пятница, 26 марта 1915 г.

Пьер Лоти просил меня несколько недель назад, чтобы Оганьер командировал его в военное министерство и дал ему таким образом возможность отправиться на фронт. Это было сделано, и я известил об этом Пьера Лоти. „Приятное известие, сообщенное вами, — пишет он мне, — наполняет мое сердце радостью, и я от всей души благодарю вас. А теперь я хотел бы в ожидании лучшего быть полезным Франции хотя бы своими писаниями; я не хочу принадлежать к тем, которые ничего не знают, ничего не видят, не были даже на поле

[1] „L'Union sacrée", p. 203.

сражения и поэтому не могут ничего писать. Прошу вас, усмотрите в моих словах не придирки и жалобы, а исключительно желание работать для общего дела и для воздействия на нейтральные нации. Если бы я мог получить подобие миссии на Ипр и к королю Альберту, как это пришло в голову вам и Барту, это было бы для меня большим счастьем. Поскольку я остаюсь в пределах укрепленного лагеря Парижа, меня давит сознание своей бесполезности, тогда как я чувствую в себе силы быть полезным. Выражаю вам свое пламенное желание быть очевидцем событий и запечатлеть их для тех, кто не был их очевидцем".

Я послал Лоти рекомендательное письмо к королю Альберту. Лоти поехал в Ла-Панн и по своем возвращении написал мне на своих излюбленных желтых листочках: „Господин президент, в субботу я вернулся из Бельгии. Не решаясь еще раз просить у вас аудиенции, я позволяю себе выразить свою глубокую признательность в этом письме. Король долго беседовал со мной; он просит благодарить вас и сказать вам, что скоро напишет вам. Затем я по меньшей мере час беседовал с королевой. Хотя я не удостоился услышать грохота пушек, я кое-что видел между Ипром и Фюрнес и попытаюсь построить на этом свои статьи для американской публики. Если бы я хоть чуточку видел поля сражения, если бы меня хоть чуточку вмешали в войну, как это не преминули бы сделать во всякой другой стране кроме нашей, вместо того чтобы систематически держать меня вдали от нее, ах! я знаю, что мог бы написать не мимолетную (dirable) книгу во славу нашей Франции. Вы как-то сказали раз, быть может в рассеянности: „Я пошлю (или повезу) вас в Эльзас". Я не забыл этих слов. Ах, если бы это могло осуществиться! Примите, господин президент, уверения в моей благодарности и почтительной преданности".

Да, конечно я доставлю себе удовольствие и повезу Пьера Лоти в Эльзас, но что собственно понимает он под тем, чтобы быть вмешанным в войну? Имеет ли он под этим в виду участие в войне или описание ее?

Бельгийский король со своей стороны пишет мне: „Господин президент, я счастлив, что мог услужить и воздать должную дань великому французскому писателю, и поспешил исполнить выраженное вами желание. Королева и я находимся еще под обаянием нашего разговора с Пьером Лоти. Должен поблагодарить вас, господин президент, за чуткое внимание, проявленное вами в выборе такого интерпрета для проверки фактов и освещения перед потомством роли бельгийских войск и общей доблести наших армий. Прошу вас принять уверения в моих искренних дружеских чувствах. Альберт. Фюрнес, 21 марта 1915 г.".

Я показал это письмо короля Лоти, который заметил на это: „Даже учитывая в этих словах просто комплименты, я счастлив, что мое небольшое посольство не оставило в Бельгии плохого впечатления, и глубоко признателен вам за это сообщение. А теперь я буду жить надеждой на обещанную вами поездку в Эльзас. В ближайшем номере „Illustration" начинается серия моих статей о поездке в Бельгию".

Суббота, 27 марта 1915 г.

В два часа я выехал на автомобиле из Парижа; остапусь ночевать в префектуре департамента Марны. Сопровождают меня только генерал Дюпарж и полковник Пенелон. Обедал в Шалоне с префектом Шапроном, командующим IV армией генералом де Лангль де Кари и командующим 6-м округом генералом Дальштейном. Нашел де Лангль де Кари в очень оптимистическом настроении. Когда я в паши прежние встречи спрашивал его, рассчитывает ли он в один прекрасный день прорвать фронт неприятеля, он отвечал мне очень сдержанно. Сегодня он более уверен. Он говорит мне, что не только он сам, но все его офицеры и солдаты убеждены теперь, что приобрели неоспоримый перевес (ascendant) над противником. Битва на Марне показала, что, если поставить себе это задачей, мы можем вышибить немцев из их позиций. На мой вопрос генерал де Лангль де Кари дает мне определенно понять, что, если бы он мог свободно распоряжаться своими резервами, он форсировал бы вторые линии неприятеля. Он не жалуется на то, что был парализован главной квартирой, — он слишком тактичен и дисциплинирован, для того чтобы высказывать подобные обвинения, — но когда я задаю ему вопросы, он не отказывается высказать мне обиняком свое мнение, а его мнение сводится именно к этому. Главная квартира неправильно отняла у командующего армией право распоряжаться своими резервами; это замедлило наши движения и дало немцам время укрепиться на своих вторых позициях, защищенных так же, как и первые линии.

Воскресенье, 28 марта 1915 г.

В половине восьмого утра я отправился на автомобиле в Шалон вдвоем с генералом де Лангль де Кари. Дюпарж и Пенелон следовали за нами в другом автомобиле. Мы спустились по долине реки Турб мимо Сомм-Турб, Сен-Жан-сюр-Турб, Лаваль и Варжмулен. Картина ужаснейшего разрушения. Все деревья срезаны точно бритвой. Не видать ни кустика, ни травинки. Одна сухая меловая почва. В пыли двигаются люди, обозы, лошади 16-го и 17-го корпусов. Делаем остановку в разрушенной до тла деревне Варжмулен; погреба ее служат убежищем для паших солдат. На всем протяжении долины досчатые хижины, шалаши, пещеры троглодитов, кое-где палатки — вот как расквартированы войска. Чтобы не привлечь внимания самолетов неприятеля своими автомобилями, мы отправляемся пешком в зону, часто обстреливаемую немецкой артиллерией, и доходим до командного поста генерала Видаля, командующего одной из двух дивизий 16-го корпуса. Почва изрыта разрывными снарядами. Не успел генерал Дюпарж выйти из своего автомобиля, как совсем близко от него взорвались две гранаты, подняв столб черного дыма, но никого не ранив. По дороге к командному посту мы проходим мимо наших стреляющих батарей 75-миллиметрового калибра и оставляем их позади себя. Затем мы поднимаемся на покрытый деревьями пригорок, где находится генерал Видаль с несколькими солдатами; немцы уже несколько дней как открыли это место и „поливают“ его снарядами. Но в данный момент они перестали стрелять. Вер-

шина холма изборождена окопами и ходами, ведущими к наблюдательным пунктам, покрытым бревнами и листьями. Солдаты называют этот командный пункт „балконом". Отсюда мы хорошо видим тригонометрический пункт 196 и территорию, выигранную в последних сражениях, но с тех пор беспрестанно обстреливаемую неприятельской артиллерией. Возвращаемся пешком по полям, изрытым гранатами. Осматриваем в Варжмулене помещения войск в погребах и в настоящих пещерах. Солдаты преисполнены воодушевления. Поднимаемся по долине Турб. В Лавале останавливаемся на момент у командного поста генерала Гроссетти, командующего теперь 16-м корпусом; прежде он командовал дивизией, так блестяще отличившейся в Ньюпорте. В Сен-Жан-сюр-Турб осматриваем лазареты, устроенные в церкви и в палатках. Много раненых в грудь и голову. В Сомм-Турб большие досчатые бараки, очень низкие, сколоченные наспех; солдаты счастливы, когда их сменят и они могут отдохнуть здесь на соломе. Отсюда мы прошли четыре-пять километров на северо-запад и попадаем в авиационный парк 17-го корпуса, размещенный среди сосен. Офицеры и саперы построили здесь бараки из досок и разбили вокруг них клумбы, с дорожками, посыпанными песком и украшенными ракушками. Мы входим в некоторые из этих домиков, они воистину очаровательны, и мы находим в них веселых жителей Тулузы. Завтракаем в хижине капитана, командующего парком. В небольшом камине ярко горит огонь, но ветер и холод проникают через щели бревенчатых стен, и окошечко на крыше пропускает мало света в каморку. Зато с каким аппетитом поедаем мы яичницу, картофель и говядину, любезно предложенные нам хозяином!

После чашки превосходного черного кофе мы присутствуем при маневрах нового привязного шара, только что полученного в этой армии; он совершенно походит на немецкие Drachen. Он имеет продолговатую форму в виде гусеницы; в своей задней части он имеет расширенный придаток, который служит ему рулем; кроме того снабжен длинным хвостом на манер воздушного змея. Он безобразен, но зато более устойчив, чем круглые шары.

Во второй половине дня мы отправились к генералу Гуро, который командовал прежде 10-й дивизией и был ранен в Аргоннах, а теперь командует в Шампани колониальным корпусом. Войска всюду восторженно встречают нас. К концу дня мы уезжаем наконец в Сент-Менегульд, где для меня приготовлена в частном доме комната, в которой, увы, останавливался на ночлег кронпринц.

Обедаю с генералом Саррайлем, который попрежнему командует III армией. Он далеко не так уверен в возможности прорыва неприятельского фронта, как генерал де Лангль. Он предпочел бы оперировать на другом театре военных действий. Во всяком случае утверждает, что в Аргоннах мы можем выиграть лишь очень незначительный клочок земли, заплатив за него слишком дорогой ценой. Если мы желаем прорвать немецкие линии, то, по его мнению, мы должны пытаться сделать это либо в Бельгии, либо у Спенкура, либо в Эльзасе, причем в этом последнем случае должны стараться пройти через один из рейнских мостов и дойти до великого герцогства Баденского. Однако он лично предпочитает действовать у Спенкура.

Саррайль с раздражением говорит о получаемых им от главной квартиры приказах и контрприказах. Он видимо очень зол на Жоффра. Сообщает мне, что главнокомандующий потребовал от него доложить ему в точности о содержании нашего разговора. Что это? Недоверие к Саррайлю? Или недоверие ко мне? Как бы то ни было, я встретил столько различных мнений, сколько мундиров.

Понедельник, 29 марта 1915 г.

Сегодня утром я с Саррайлем и в сопровождении Дюпаржа и Пенелона отправился в Гессенский лес, на тригонометрический пункт 290. По дороге мы проехали Илетт, Клермон и Обревилль, несчастные коммуны, столь знакомые мне. С упомянутого пункта прекрасно виден холм Вокуа, на котором пролито было столько крови, видны жалкие остатки этой бедной маасской деревушки. Здесь в погребах разрушенных домов окопались друг против друга французский и немецкий полки. В Клермоне и Обревилле мы как раз встретили войска, возвращающиеся из Вокуа; у них прекрасный вид. В продолжение нескольких часов мы осматриваем окопы в лесу Шалад, бараки, наспех построенные солдатами, тяжелые орудия, искусно замаскированные в купе деревьев. Вечером я возвратился в Париж, причем перед моими глазами продолжали стоять эти картины войны.

Вторник, 30 марта 1915 г.

Перед заседанием совета министров ко мне пришел Мильеран и рассказал мне о разговоре, который он имел вчера в Париже с Китченером. Английский военный министр обещает послать до конца апреля во Францию две новых дивизии, так что к этому времени Жоффр сможет высвободить 9-й и 20-й корпуса, и у него будет армия в восемь корпусов для маневренных действий. Для операций на Дарданеллах Китченер полагает отправить экспедиционный корпус через Эгейское море и высадить его на юге полуострова Галлиполи позади Седил Бар, напротив Чанака.

По сведениям Оганьера, форты были повреждены нашей бомбардировкой, но из строя выведено было только одно орудие, и поэтому результаты были в общем очень неважны. Винстон Черчиль все же хотел, чтобы эскадра продолжала свои операции, не выжидая сухопутных войск; английский адмирал Робек возражал против этого, и его мнение взяло верх.

По вопросу о командовании сухопутными армиями Китченер заявил, что вполне согласен с Жоффром относительно необходимости единства. Он с самого начала войны дал директивы Френчу и готов сообщить их Полю Камбону, чтобы Жоффр в случае надобности мог сослаться на них. „Но, — заметил он, — почему вы не производите Жоффра в маршалы? Френч постоянно возражает, что он является маршалом, тогда как Жоффр только генерал".

Китченер продолжает настаивать на Дюнкирхене в качестве морской базы, но был поражен некоторыми замечаниями Жоффра и требует, чтобы вопрос был рассмотрен на месте смешанной комиссией. Китченер утверждает, что, по его сведениям, Германия объявит

войну Голландии с целью приобрести новые морские базы и иметь свободу действий в тылу Бельгии. „Что сможем мы в таком случае сделать для помощи Голландии?“ — воскликнул английский министр. Вместо ответа Жоффр только воздел руки к небу.

Мильеран в общем весьма удовлетворен своим разговором с британским коллегой, но нашел, что маршал Френч и его министр слишком пикируются.

Делькассе радостно возвещает совету министров, что теперь девять шансов из десяти в пользу вступления Италии в войну. Но Сазонов, который вначале склонен был сверх меры приносить в жертву интересы Сербии, теперь в такой же мере впал в противоположную крайность и на первых порах как бы готов был пренебречь выгодами итальянского вмешательства. Делькассе пришлось послать третьего дня телеграмму Палеологу (№ 492 и сл.); я нашел ее по своем возвращении; сегодня он прочитал ее в совете министров, и она привела в восторг Рибо, Томсона и Самба. Италия сделала один шаг (Лондон, № 544). Согласно ноте, сообщенной Извольским, Россия со своей стороны сделала другой шаг (Петроград, № 482 и 483). Она поручила графу Бенкендорфу объявить Грею, что рассчитывает на него для достижения наиболее благоприятных условий для Сербии, но не осталась на непримиримой позиции. Итак, казалось, все налаживается, как вдруг Сазонов, под предлогом, что не желает насиловать славянскую совесть, снова раздумал и ответил на телеграммы Делькассе, что Италия уже не может не напасть на Австрию, что она во всяком случае выйдет из своего нейтралитета и что поэтому нет оснований проявлять по отношению к ней такую щедрость (Петроград, № 488).

Среда, 31 марта 1915 г.

Державы Тройственного согласия продолжают изучать будущий временный статус Константинополя. Париж, Лондон и Петроград ежедневно обмениваются телеграммами. Можно подумать, что наши знамена уже развеваются над Золотым Рогом и три вероисповедания оспаривают друг у друга храм святой Софии.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Призыв 1917 г. — Телеграмма жены кронпринца. — Продолжение переговоров с Италией. — Посещение X армии. — В Кассели и Ипре. — Немецкое пасхальное яичко. — Бельгийские король и королева. — Марокко и Испания. — Демарши в София. — Телеграмма царю. — Чего добилась Италия. — Удушливые газы. — Военный крест. — Посещение VI армии. — Подписание лондонского соглашения. — Ирландцы в Елисейском дворце.

Четверг, 1 апреля 1915 г.

Мильеран скоро заканчивает формирование пяти новых дивизий. Они прибавятся к четырем недавно образованным дивизиям, которые уже находятся в укрепленном лагере Парижа, затем к той, которая отплыла на Ближний Восток, и к той, которая теперь формируется близ Марселя и тоже предназначена для полуострова Галлиполи. Из пяти новых дивизий Мильеран четыре немедленно передаст Жоффру, предоставив ему использовать их по своему усмотрению; но министр заявит, что правительство оставляет за собой право в любое время взять с фронта эквивалент их, если сочтет необходимым послать войска на другой театр военных действий. Жоффр намерен включить эти четыре дивизии в корпуса на фронте не полками, как он предполагал раньше, а бригадами; таким образом он освободит два корпуса и присоединит их к своей армии для маневренных действий. Впрочем Мильеран напомнил ему, что он является не генералиссимусом всех французских армий, а только главнокомандующим армиями на северо-востоке, что только правительство может распределять войска между различными фронтами и что эти четыре дивизии или два корпуса могут, когда представится в этом надобность, быть отобраны у главной квартиры в Шантильи и отправлены в другое место. Я очень настаивал на том, чтобы это было предусмотрено на будущее. Мысль о диверсии на Балканах, отклоненная в январе советом министров по настоянию Жоффра, еще не окончательно оставлена. Может притти время, когда надо будет вернуться к ней и осуществить ее.

Китченер прочитал Полю Камбону инструкции, одобренные английским правительством и врученные 9 августа маршалу Френчу перед его отъездом во Францию (Лондон, № 588). Они далеко не так конкретны, как представлял дело Китченер. Правда, в них говорится,

что по своем приезде Френч должен столковаться с Жоффром относительно общего ведения операций. Правда, в них английскому генералу рекомендуется „приложить все усилия для возможно дружественного согласования с планами и желаниями командующего французской армией". Но ему приказывается не подвергать свои войска опасности со стороны численного превосходства неприятеля, если не обеспечена поддержка их французскими войсками. Если Жоффр предложит операции, которые могут поставить английскую армию в затруднительное положение, Френч должен доложить о них лорду Китченеру, причем однако продолжает нести всю ответственность. Если взвесить все эти инструкции, он должен понять, что является независимым в своем командовании и не может отклонить от себя ответственность, ссылаясь на приказ, полученный от Жоффра. Ясно, что подобного рода предписания имеют лишь отдаленное касание к единому командованию и скорее благоприятствуют разногласиям, нежели предотвращают их.

Мильеран выступил сегодня в палате депутатов с очень большим и вполне заслуженным успехом, защищая законопроект о составлении призывных списков для призыва 1917 г. Он воспользовался этим случаем, чтобы при аплодисментах всей палаты изложить наше положение на фронтах и успехи нашего производства на оборону. В частности он указал, что в области тяжелой артиллерии мы в семь раз увеличили число наших батарей со времени начала войны. С волнующей силой убеждения он говорил о вере нации в победу и о воле к победе. Надо надеяться, что эта речь несколько успокоит оппозицию, возникшую против него в военной комиссии сената, оппозицию, душой которой является Клемансо. Особый закон установит срок созыва под знамена призыва 1917 г. Палата, благоразумно сознавая бесполезность слишком частых заседаний, отсрочила их до 29 апреля.

Пятница, 2 апреля 1915 г.

Председатель Красного креста, бывший президент швейцарской республики Густав Адор, был недавно в Германии и рассказывает мне, что там наблюдается заметный упадок духа населения. В Швейцарии теперь все настроены в нашу пользу. С Адором я находился в прекрасных отношениях как с коллегой по адвокатуре и знаю, что он большой франкофил и может принять свои желания за действительность. Тем не менее я слушал его с радостным волнением, душа моя не желает терять надежды.

Начала функционировать комиссия помощи, организованная американцами, а именно Гувером, для снабжения бельгийского населения в оккупированных провинциях. Она должна распространить свои действия также на французские департаменты, подвергшиеся нашествию неприятеля. Комиссия начала функционировать довольно успешно, но немцы вставляют еще палки в колеса (Гаага, № 390).

Рейхстаг пышно праздновал столетнюю годовщину дня рождения Бисмарка. Тень старого канцлера восемь месяцев витает на полях сражения. Немцы правы, что не забывают своего вдохновителя.

Продолжаются нелегкие переговоры между Россией и Италией под сенью Англии (Петроград, № 505 и 506; Лондон, № 601).

Суббота, 3 апреля 1915 г.

Защитники турок, немецкие офицеры, все солиднее и основательнее организуют защиту Дарданелл. За последние недели в Константинополь пришло много вагонов с военными материалами, посланных из Германии и Австрии через Румынию и Болгарию. Оставшемуся в Пере первому драгоману нашего посольства Леду удалось переправить нам подпольным путем эту информацию.

Воскресенье, 4 апреля 1915 г.

Унылый праздник пасхи.

Полковник Пенелон сообщает мне, что генерал Пютц смещен Жоффром, который остался недоволен недавними операциями в Эльзасе, в особенности в долине Мюнстер. 9-й и 20-й корпуса скоро будут совершенно сняты с фронта на севере, и там останутся только дивизия Эли д'Уассель и несколько небольших частей, предназначенных для поддержки бельгийцев. Генералу Пютцу будет поручено командование этой небольшой армией. В Вогезах его заменит генерал Мод'Гюи, командующий теперь X армией. Генерал д'Урбаль, под начальством которого находились 9-й и 20-й корпуса в Бельгии, станет во главе X армии. Перемен немало. Я слышу от многих офицеров жалобы на эти беспрестанные перемещения.

Великая княгиня Анастасия, наша бывшая соседка по Эз[1], передала мне телеграмму, полученную ею от одной из своих дочерей, жены кронпринца. Вот эта телеграмма: „Можешь ли ты обратиться прямо к президенту Пуанкаре и просить его прекратить жестокое обращение с лейтенантом Ширштедтом из гвардейских кирасиров и графом Страхвитцом из гвардейского корпуса? Оба они попали в плен, и говорят, что они закованы в кандалы и скоро будут отправлены на каторжные работы в Кайенну. Буду тебе благодарна за это доброе дело". Сообщая мне эту телеграмму, великая княгиня заявляет, что не верит в нелепое обвинение, которое выдвинула ее дочь, но просит у меня справок. Наведя справки в военном министерстве, я ответил ей: „Париж, 4 апреля 1915 г. Мадам, лейтенанты фон Ширштедт из кирасиров немецкой гвардии и фон Страхвитц из гвардейского корпуса, по поводу которых ваше высочество изволили писать мне, взяты в плен 27 сентября 1914 г. и осуждены 1 октября военным судом за грабеж с оружием в руках. Они не отправлены в Кайенну и никогда не были закованы в кандалы. Они находятся во Франции, где отнюдь не подвергаются жестокому обращению, а просто отбывают свое наказание в военной тюрьме совершенно отдельно от всех уголовных преступников. Итак, распространяемые слухи о них, как правильно предположило ваше высочество, являются сплошным вымыслом".

Понедельник, 5 апреля 1915 г.

Старые знакомые „Гебен" и „Бреслау" вошли вчера в Черное море и появились у берегов Крыма. Русская эскадра встретила их и преследовала. Один турецкий крейсер, вероятно „Меджидие", на-

[1] „L'Union sacrée", p. 100.

скочил на русскую мину и пошел ко дну у берегов Одессы (Петроград, № 518).

Я послал Мильерану новые вопросные листы о ежедневном производстве ружей, снарядов, взрывчатых веществ, гранат, орудий и орудийных труб. Сегодня получил ответы, которые констатируют значительные улучшения.

В лесу Айльи близ Сен-Миеля мы взяли три линии окопов, следующие одна за другой. Но мы далеко не уничтожили клина, образуемого немецкой армией от Воэвры до Мааса. В Гот-Шеваше 4-й пехотный полк под командой полковника Дефонтэна, уже отличившийся в Аргоннах, приступил к энергичной атаке.

Вторник, 6 апреля 1915 г.

Мильеран прислал мне большую докладную записку конфиденциального характера, составленную главной квартирой по поводу битвы на Марне. В записке нет и намека ни на приказы правительства относительно образования армии Монури и относительно защиты Парижа, ни на роль генерала Галлиени. Я указал военному министру на эти пробелы.

Успех переговоров с Италией зависит теперь только от судьбы полуострова Сабиончелло и островов Лезина, Курзола и Меледа, лежащих у побережья между Спалато и Рагузой. Сазонов требует их для Сербии, Соннино — для Италии.

Среда, 7 апреля 1915 г.

Сводки главной квартиры попрежнему отличаются унылым однообразием. Туманные и дождливые дни. Мы берем или теряем траншею в Эпарж, в Буа-Брюле, в Буа-ле-Претр, на склонах Гартмансвиллер, вот и все. Но люди умирают, смерть неумолимо делает свое дело.

Делькассе предложил соглашение относительно Адриатического побережья. Император в конце концов дал свое согласие (Петроград, № 522). Острова Курзола, Меледа и Лезина будут отданы Италии. Полуостров Сабиончелло будет нейтрализован. Впрочем где доказательство, что при заключении мира могут остаться в силе все эти решения?

Четверг, 8 апреля 1915 г.

Новое разочарование. Жоффр перебросил три армейских корпуса на север и юг от Сен-Мигиеля, чтобы сделать попытку прогнать немцев из этого города. Офицеры связи уверяли меня, что главнокомандующий определенно надеется на успех. Операция кончилась неудачей. Главная квартира сваливает вину на очень скверную погоду и рассчитывает уже только на местные, можно сказать ничтожные, результаты.

Пятница, 9 апреля 1915 г.

Продолжая вести переговоры, Италия в то же время готовится. В течение нескольких недель происходит мобилизация; в последние дни она усилилась (Баррер, № 251 и 252). Около пятисот тысяч солдат направлено на север полуострова. Дополнительно призвано очень много офицеров.

Продолжительные прения в совете министров о способе заключения соглашения с Италией[1]. Делькассе и большая часть министров считают, что условия Антанты должны быть уточнены в протоколе, подписанном четырьмя державами. Против этого способа Поль Камбон делает возражения, которые я сам уже представил правительству (Поль Камбон, № 642). Между Англией, Россией и Францией не существует еще соглашения относительно территориальных выгод, которые они могут требовать при заключении мира, они даже не обменялись взглядами по этому поводу. Если мы теперь согласимся на предоставление Италии или признание за нею тех или иных территорий, мы берем на себя обязательство обеспечить ей обладание ими. Предположим, что Италия чувствует себя не в силах завоевать их собственными средствами; она сможет противиться всяким мирным переговорам, пока мы не доставим эти территории в ее руки. Другими словами, мы идем на то, что от нас могут потребовать осады Полы, или же, если сербы займут всю Далмацию, мы будем вынуждены действовать против Сербии. Таким образом Тройственное согласие предоставит Италии выгоды без соответственного эквивалента, так как мы не требуем от нее подобных гарантий. Поэтому Поль Камбон находит, что с нашей стороны справедливо и благоразумно ограничиться принятием итальянского меморандума и заявлением, что три державы будут счастливы, когда Италия вступит во владение требуемыми ею территориями. Я поддерживаю перед советом министров разумные замечания нашего посла, но безуспешно. Мы с таким нетерпением ожидаем вступления Италии в войну, что готовы дать самые обширные обещания. Совет министров соглашается с мнением Камбона относительно процедуры и решает заменить соглашение четырех держав принятием меморандума. Но против моего мнения он принимает решение оставить в тексте следующую формулу: „В мирном договоре Италия получит...“. Вдобавок Италия предложила следующую редакцию: „Италия выступит со всеми своими силами против Австрии и Турции и против всякой другой державы, которая будет оказывать им помощь...“. Таким образом она могла бы еще пытаться обойтись без войны с Германией. К счастью Грей и Делькассе устранили эту формулу и потребовали, чтобы она была заменена другой: „Италия выступит со всеми своими силами против всех врагов союзников“. Но это новое предложение сразу испугало Империали, и он заявил, что должен снестись с Римом. Несмотря на мои настояния, совет министров принял решение, что, если Италия отклонит текст Грея и Делькассе, мы согласимся с предложенной ею редакцией. „Пройдут несколько месяцев, — сказал я министрам, — и вы пожалеете, что не последовали советам Поля Камбона“.

Сегодня вновь открываются бельгийские залы Люксембургского музея. Я возглавляю это небольшое художественное торжество в об-

[1] „Histoire de France contemporaine“, par Edouard Lavisse, t. IX; „Les inte ventions et les négotiations“, par A. Gauvin, p. 337 et suiv.; „Livre vert italien“ de mai 1915.

ществе Картон де Виара и барона Гильома. Погода восхитительная, яркий солнечный день, у ограды музея толпится публика. А там, в окопах, увы, продолжают убивать друг друга, и немцы не отступают.

Вечером я в сопровождении Мильерана сажусь на северном вокзале в поезд, идущий в Сен-Поль.

Воскресенье, 11 апреля 1915 г.

В Сен-Поле находится штаб-квартира X армии. Генерал д'Урбаль, который командует теперь этой армией, — генерал де Мод'Гюи, командовавший ею прежде, поставлен теперь во главе вогезской армии,— очень ясно объясняет нам положение на его участке фронта[1]. Он говорит, что восхищен войсками, их энтузиазмом и верой в победу. Он твердо уверен, что ему удастся прорвать фронт неприятеля, когда в начале мая состоится новая операция, проектируемая Жоффром на этом участке. Подкрепления, полученные английской армией, уже дали возможность снять с фронта весь 9-й корпус и часть 20-го. 20-й корпус будет полностью высвобожден в течение двенадцати дней. Оба корпуса будут отведены в резерв в тылу X армии. 9-й корпус уже расквартирован на юг от Сен-Поля, около Фреван и Кантеле, а 20-й корпус отправляется на свою стоянку. Мы поехали во Фреван и Пон-Буре-сюр-Канш к генералу Кюре и войскам 9-го корпуса, уже находящегося на отдыхе в гумнах. Войска производят впечатление, что готовы немедленно вернуться в окопы.

Затем мы возвратились в Сен-Поль и отправились через Обиньи на мельницу Бувиньи, на юго-запад от Арраса. Нас сопровождали два генерала, с которыми мне впервые привелось вести более или менее продолжительную беседу: командующий 21-м корпусом генерал Местр и командующий 33-м корпусом генерал Петэн. Оба они поразили меня своим умом и конкретностью своих высказываний. Тот и другой очевидно гораздо менее, чем д'Урбаль, уверены в успешных результатах наступления.

С мельницы Бувиньи открывается вид на „страну угля". Этот угольный бассейн пересекается на две части французскими и немецкими железнодорожными линиями. С обеих сторон дымятся трубы, работа в шахтах продолжается, но немцы все время бомбардируют копи, эксплоатируемые французами, тогда как мы не решаемся разрушать копи, принадлежащие нам, но занятые немцами [48]. Я присутствую при одном из поединков нашей и немецкой артиллерии, которые то и дело происходят между обеими армиями. Около нас беспрестанно бухает 75-миллиметровая батарея. Справа от нас раз за разом взрываются снаряды на уже полуразрушенных вышках на горе Сент-Элуа, слева — на Гренэ. Этот участок фронта держит теперь 33-й корпус. Командующий им генерал Петэн родом из Па-де-Кале. Высокий, стройный, с изящной поступью, он замечательно просто излагает нам свои боевые диспозиции, но при этом тщательно остерегается всяких иллюзий.

Возвращаемся на автомобиле на запад мимо стоянки 43-й дивизии; затем садимся на поезд в Калонн-Рикуар и едем к генералу Фошу

[1] См. „Нашествие", стр. 225.

в Кассель. В четверть второго мы приехали на вершину холма, с которого помощник главнокомандующего продолжает наблюдать равнину Фландрии. Я нашел Фоша таким же горячим и стремительным, как в нашу последнюю встречу. Он убежден, что в начале мая можно будет добиться решения. Впрочем, если у него были сомнения, он не поделился бы ими с нами, чтобы не заразить нас ими. По его мнению, лучше всего было бы итти на Бельгию, а именно через проход, открывающийся между Аррасом и Лиллем. Он показывает нам большую карту, на которой закрашены темной краской высоты и леса Арденнских гор и светлыми тонами — фламандские и валлонские равнины. Показывая на Флерю и Ватерло, он говорит: „Вот где мы должны победить".

Во время нашего пребывания в Касселе явился приветствовать меня английский генерал Вильсон, служащий связью между армией Фоша и британской армией. Это статный офицер, очень хорошо говорящий по-французски, вполне доступный нашим взглядам, прекрасно знающий наши привычки и более всякого другого способный уладить недоразумения между обоими генеральными штабами.

Из Касселя мы отправились вместе с генералом Пютцом, который командует теперь армией в Бельгии и, кажется, сожалеет о том, что ему пришлось оставить Вогезы и Эльзас. Мы отправляемся через Стенворде на границу. На шоссе уже не видно беженцев, как во время моей последней поездки; деревни не представляют уже того трагического зрелища, которое так поразило меня. Небольшие бельгийские города, которые мы проезжаем по дороге в Ипр, Поперинге и Вламертинге, заняты исключительно французскими войсками, которые чувствуют себя, как дома, среди гостеприимного населения. Ипр, напротив, переполнен английскими солдатами. Мы выходим из автомобиля и отправляемся пешком по улицам старого фламандского города, который немцы время от времени продолжают бомбардировать. Долго стоим перед развалинами собора и рынка. Перед нами сплошные руины, шатающиеся стены, зияющие дыры в голых фасадах. От великолепной городской башни, от изящного Nieuwerk, который город сделал своей ратушей, от живописного здания скотобойни, от прелестной площади перед музеем, от собора святого Мартина с его изумительными хорами и величественными сводами остались только развалины. Однако в опустошенном городе все еще остаются семьсот-восемьсот жителей, некоторые из них тоже бежали, но вернулись.

В четыре часа мы уехали в Эльвердинге, где продолжает еще находиться штаб-квартира командующего 20-м корпусом генерала Бальфурнье. Здесь перед лестницей прекрасного замка, в чудесном парке, — смотр и дефилирование роты 26-го нансийского полка, в котором я служил солдатом и капралом, и всего 2-го стрелкового батальона, где я потом командовал взводом. Трогательное совпадение позволило мне найти здесь, в этом уголке бельгийской земли, обе лотарингские части, в которых я мирно провел первые месяцы своей военной службы, прежде чем был переведен к альпийским стрелкам и отправился дышать свежим воздухом Савойских гор. Этот мой нансийский полк и мой люневилльский батальон понесли в последние месяцы

тяжелые потери. В то время как они дефилируют предо мной, я с трудом скрываю от лиц, стоящих подле меня, охватившее меня волнение.

Остановились в Верстене, в штаб-квартире 87-й территориальной дивизии, где меня встретил генерал Руа. Здесь я нашел две другие роты 26-го полка; они чествовали меня как своего товарища. Затем мы возвращаемся через Оствлетерен и Роусбрюгге во Францию и отправляемся через Берг в Дюнкирхен, где нас встречает генерал Эйду и где я нахожу еще следы новых бомбардировок.

Понедельник, 12 апреля 1915 г.

Переночевав в супрефектуре, я отправляюсь в Берг, где меня ожидает генерал Пютц. Вместе с ним и генералом Кенкандоном я посещаю разбросанные в окрестных фламандских деревнях — Гоймилль, Варгем, Киллем и Рекспоэде — стоянки 45-й дивизии и 20-го корпуса. Я вхожу в фермы, на гумна, во всякого рода строения и беседую с солдатами; все эти люди в хорошем настроении и могут дать тылу блестящие примеры выносливости и стойкости. Я снова нашел полковника дю Жонкэ с его алжирскими гумами, получившими свежие пополнения. Меня узнали аги и обступили алжирские воины, один другого живописнее [1].

Завтракаем в бельгийском городке Роусбрюгге, где генерал Пютц устроил свою штаб-квартиру в доме одного нотариуса. Этот нотариус очевидно заимствовал у немцев искусство украшать свой дом, а у японцев — искусство украшать свой сад; но для украшения своего мировоззрения он заимствовал французский склад мыслей. Улицы города убраны бельгийскими флагами.

Из Роусбрюгге мы отправляемся на север вдоль границы и останавливаемся в Гута, куда король Альберт перенес свою главную квартиру, так как Фюрнес вот уже несколько недель безжалостно бомбардируется немцами. Здесь в убогом доме деревенского священника храбрый государь подготовляет со своими помощниками операции своей армии и освобождение своей страны. Попрежнему скромный и немного грустный, но с мягкой улыбкой на лице, с героической силой воли перенося трагическое испытание, которое он добровольно наложил на себя из побуждений патриотизма и лояльности, король вводит меня в свое убогое обиталище. Здесь мы с Мильераном беседуем с ним. Король говорит нам, что уверен в твердости своих войск; но он не думает, что число их, достигшее теперь шестидесяти тысяч, может быть увеличено. Я спрашиваю его, могу ли увидеть перед вечером королеву в Ла-Панн. „Конечно, — отвечает мне король, — я буду там с ней".

При выходе из церковного дома наш военный атташе полковник Жени представляет мне французскую миссию. Затем мы отправляемся далее и, миновав Фюрнес, Коксиде и Остдункерке, приезжаем к командному посту генерала Эли д'Уасселя. Этот пост расположен среди дюн, между Остдункерке и Ньюпортом. Я уже давно знаю генерала: он несколько лет служил в гарнизоне в Сампиньи. Он дал нам очень интересный обзор ситуации, показал вокруг наши позиции, позиции

[1] См. „Нашествие", стр. 224.

бельгийцев и немцев. Всюду взрываются снаряды. Немцы обстреливают Ньюпорт, наши линии и в тылу Фюрнес, Коксиде, Остдункерке; они стреляют вверх по нашим аэропланам; у них есть орудие 420-миллиметрового калибра, которое уже выпустило более ста снарядов по мостам Ньюпорта. Все это мирное побережье подвергается теперь беспощадному артиллерийскому обстрелу.

Мы нашли зуавов, расположившихся лагерем среди песчаных бугров. Затем адмирал Ронарх повел нас к морским частям, тоже укрывшимся за дюнами. Как бы хотелось, чтобы вся Франция могла видеть этих людей, столь спокойных под вечной угрозой смерти!

Генерал Эли д'Уассель показал мне 77-миллиметровый снаряд, который выпущен был немцами на Ньюпорт за сорок восемь часов до моего приезда и на котором было написано по-немецки: „Пасхальное яичко для Пуанкаре". Они вынули трубку, для того чтобы граната не взорвалась и можно было прочитать надпись. Итак, им заранее было известно о моем приезде. Я решил сохранить память об этой тяжеловесной шутке, повез эту гранату с собой в Париж и сдал ее в военный музей.

По краю дюн мы доехали до Ла-Панн. Королева, попрежнему очаровательная в своей простоте, встретила нас в скромной вилле; король тоже вернулся сюда к тому времени. Королева говорит мне о руинах Ипра, о бомбардировке Фюрнеса, о храбрости бельгийских солдат. Она отыскала снимки, сделанные ею во время моего последнего визита, и преподнесла мне один экземпляр для мадам Пуанкаре[1]. Затем она представила нам молодую принцессу, очень выросшую со времени ее поездки в Париж; я спрашиваю ее, помнит ли она еще мадам Пуанкаре и меня? С подкупающей искренностью она отвечает: „Нет", хотя родители, слегка смущенные, всячески стараются притти на помощь ее памяти. Очевидно вид президента республики не очень поразил ее детское воображение.

Мы простились с королевской четой и отправились в обратный путь на Дюнкирхен. По дороге заехали в большой санаторий в Зюидкот, устроенный стараниями г. Ванковенберга и в настоящее время заполненный тифозными больными и ранеными. Население Дюнкирхена, на сей раз заранее извещенное о моем приезде, встречает меня с таким же энтузиазмом, как в июле 1914 г., и вечером я сажусь в парижский поезд под несмолкающие крики: „Да здравствует республика! Да здравствует Франция!". Нет, нет, воля страны пока еще ничуть не поколебалась.

Вторник, 13 апреля 1915 г.

Во время моего отсутствия английское правительство, придавая особое значение участию греческого флота в операции на Дарданеллах, выступило с следующим предложением: представители держав Тройственного согласия должны заявить греческому правительству, что в обмен за его вступление в войну ему будут гарантированы уже обещанные ему территориальные приобретения в Айдинском вилайете. Так как в противоположность своему первоначальному взгля-

[1] См. „Нашествие", стр. 223.

ду Сазонов согласился с тем, чтобы требовать помощи Греции в проливах, Делькассе примкнул к предложенному Англией демаршу, и сообразно с этим были отданы приказы. Делается также новая попытка оказать давление в Софии. Но ни Константин, ни Фердинанд не поддаются на убеждения (из Парижа в Афины № 133 и 134; из Софии № 162).

В конце дня Делькассе говорит мне, что видел приехавшего из Рима Титтони. Посол объявил ему, что считает соглашение состоявшимся; если в Лондоне еще не получен ответ Италии, то это потому, что в Риме пришлось назначить заседание совета министров; но теперь Саландра и Соннино соглашаются на последние предложения Асквита, к которым на-днях присоединился, по нашему настоянию, и сам Сазонов. Итак, все, кажется, улажено.

Генерал По вернулся из России и докладывает мне о своей поездке. Он нашел великого князя Николая Николаевича очень твердым и уверенным в успехе, несмотря на недостаток материала и снаряжения. Великий князь утверждает, что не говорил Палеологу о „безусловной необходимости" вступления в войну Италии и Румынии; он лишь назвал его „желательным". По нашел, что состояние духа русской армии безупречно; снабжение ее поставлено очень хорошо; врачебно-санитарная часть функционирует замечательно; армейские генералы — большей частью люди очень интеллигентные и очень опытные. В общем генерал вынес прекрасное впечатление. Единственным слабым, зато очень слабым, местом является недостаток снаряжения.

Среда, 14 апреля 1915 г.

Жюль Камбон сообщил мне содержание письма княгини Радзивилл, в котором говорится, что Вильгельм II с каждым днем все более ударяется в мистику и суеверие. Он отправился один, лишь в сопровождении одного из своих офицеров, на польскую границу, посетил там какой-то монастырь, заказал мессу, присутствовал на ней и уплатил пятнадцать тысяч франков. В Германии следят за всеми подозреваемыми в симпатиях к Франции и по мере надобности интернируют их, в том числе графиню Мюнстер, княгиню Радолин.

Днем в Трокадеро был торжественный спектакль, данный парижскими артистами для раненых. Зал наполнен солдатами всех видов оружия и сестрами милосердия в одежде Красного креста. Вивиани произнес очень красивую речь, снискавшую заслуженный успех. Я, не выступая, присутствую на торжестве в ложе напротив сцены в обществе сэра Френсиса Берти и Извольского. Последний рассказывает мне, что, когда он в 1909 г., будучи министром иностранных дел, подписал вместе со своим итальянским коллегой Титтони соглашение в Раккониджи [49], он сказал Титтони: „Итак, теперь мы друзья. Почему вы не выходите из Тройственного союза?" — „Зачем? — ответил Титтони, — мы выступим из него только для того, чтобы воевать с Австрией".

Я поздравляю Берти с приписываемым ему каламбуром о цеппелинах. В его присутствии говорили, что цеппелины стараются попасть в Елисейский дворец, а так как здание английского посольства нахо-

дится совсем близко от дворца, Берти якобы сказал: „Лишь бы только они правильно целили". Он смеясь отрицает свое авторство.

Задержка итальянского ответа не говорит ничего одобряющего английскому послу. Италия ведет переговоры с Австрией, утверждает он, и будет искать новых предлогов для проволочки. Это совсем в итальянском духе: „Domani, domani" (завтра, завтра).

Испанский король послал мне с Киньонесом де Леон длинное письмо о мелких инцидентах в Марокко, на границе обеих зон влияния. Согласовав вопрос с Делькассе, я посылаю сегодня е. в. Альфонсу XIII подробный ответ: „Дорогой и высокий друг, я снесся с министром иностранных дел по различным вопросам, на которые вашему величеству угодно было обратить мое внимание и о которых мне говорил Киньонес де Леон. Мне можно не повторять вашему величеству, что в глазах правительства республики, а также на мой взгляд, интересы Испании и Франции в Марокко очень солидарны и наше соседство в Африке должно содействовать традиционному доброму согласию между нашими странами... К счастью, как мне кажется, легко рассеять с помощью всестороннего и беспристрастного обследования временные недоразумения, возникшие на почве донесений туземцев или второстепенных агентов". Затем я перехожу к рассмотрению этих вопросов, высказываюсь по поводу мелких местных инцидентов, о которых имелись неправильные донесения, и в частности о маневрах бывшего султана Мулей Гафида. „Надеюсь, — заключаю я свой ответ, — дорогой и высокий друг, ваше величество увидит в этих откровенных и прямых объяснениях доказательство того, что мои чувства совпадают с его чувствами и что я тоже желаю, чтобы Марокко оставался „выражением и символом тесного сердечного союза между Испанией и Францией".

Маршал Лиотэ лично всей душой за эту политику сотрудничества; но агенты обеих стран не всегда проводят ее с безукоризненным тактом.

Четверг, 15 апреля 1915 г.

Обоюдные атаки близ Берри-о-Бак, в Эпарж, в Аргоннах, в лесу Айльи, в Мормарском лесу. Сводка такая же тусклая, бессодержательная и скучная, как во все последние дни.

Принц Георг греческий, зять принца Роланда Бонапарте, находится в данный момент в Афинах. Он просил нашего посланника Девилля передать Делькассе, что вернется в Париж с поручением от греческого правительства вести с нами переговоры относительно вступления Греции в войну. Он настоятельно требует, чтобы переговоры остались в тайне, и дал понять, что непременным условием помощи со стороны Греции является интернационализация Константинополя. Как видно, нынешнее греческое правительство желает обезвредить Венизелоса и возобновить с нами для вида разговоры, прерванные им же. А пока оно выражает притязание, чтобы союзники гарантировали ему во время войны и в продолжение некоторого послевоенного периода неприкосновенность его территории на континенте и островах, с северным Эпиром включительно (Афины, № 144 и 145). Что касается Италии, она отказывается от своих притязаний

на полуостров Сабончелло; зато она требует, чтобы только ей было поручено дипломатическое представительство будущего автономного албанского государства, и сэр Эдуард Грей не видит препятствий к этому. Кроме того итальянское правительство объявляет, что оно может начать враждебные действия лишь через месяц после подписания соглашений (Лондон, № 691).

Пятница, 16 апреля 1915 г.

Граф Эренсверд, бывший шведский министр иностранных дел, сообщил по секрету нашему посланнику Тьебо свои впечатления от недавней поездки в Германию. Там можно на каждом шагу встретить солдат моложе тридцати лет. В этом месяце посылается на оба фронта миллион хорошо обученных солдат. Не следует рассчитывать на сокращение длительности войны в результате недостатка продовольствия; хлеб здесь отвратителен, но немцы компенсируют себя мясом и рыбой, которые не поднялись в цене. В Германии еще надеются победить, но уже не уверены в этом. Удовольствовались бы сносным (satisfaisant) миром, т. е. status quo ante (Стокгольм, № 6).

Суббота, 17 апреля 1915 г.

Главная квартира уверена, что сражение в Шампани, закончившееся 20 минувшего марта после ряда мелких дорого стоивших успехов, могло бы привести к прорыву фронта, если бы наши передовые окопы и соединительные ходы были лучше оборудованы и лучше функционировала связь между артиллерией и пехотой. Исходя из этого убеждения, она подготовляет теперь на май новую операцию, а именно в Артуа. Однако уже теперь, несмотря на неподходящее время года, она сочла нужным приступить к наступлению в Вэвре, причем имела в виду участок Этэн-Соз-ан-Воэвр, Маршвилль и Эпарж. Это наступление происходило в грязь и вьюгу. Оно закончилось безрезультатно, если не считать взятия небольшого внешнего укрепления в Эпарж; правда, этот пункт господствует над равниной, но нам не удалось спуститься отсюда к подножью Маасских холмов. Радио из Наурэна возвещает миру, что наши атаки отбиты.

Сазонов пытается возобновить политику устрашения и угроз по отношению к Болгарии. Как телеграфирует Панафье (София, № 176), за последние тридцать пять лет подобная политика приносила России только горькое разочарование. В свою очередь сэр Эдуард Грей желает действовать мягкостью; он предлагает заявить в Софии, что союзники употребят свое влияние в пользу Болгарии. Но Панафье находит это обещание неопределенным и недостаточным; по его мнению, надо уточнить его в том смысле, что Болгария получит при заключении мира границы на западе, предусмотренные договором 1912 г. Без такого обязательства нельзя надеяться на Болгарию. Совет министров полагает, что надо сделать эту последнюю попытку, и поручил Делькассе уведомить об этом наших союзников.

Что касается Греции, то Бриан, видевшийся с принцессой Марией Бонапарте, женой принца Георга, требует, чтобы мы не оставляли больше без ответа демарш греческого правительства. Весь кабинет

разделяет его мнение. По в таком случае встает затруднительный вопрос о Кавалле. Он рискует стать яблоком раздора между Грецией и Болгарией, и следовательно мы должны быть весьма сдержаны по этому пункту. Мы не можем также допустить, чтобы правительство короля Константина требовало от нас (nous impose), как оно претендует, распадения Турецкой империи.

Визит Жоффра. Я конфиденциально ставлю его в известность о намерениях Италии. По его мнению, вмешательство нашей юго-восточной соседки, чтобы быть действительно эффективным, должно произойти в первых числах мая. В противном случае русское наступление на Карпатах может быть остановлено соединенными силами австрийцев и немцев. По мнению Жоффра, безусловно необходимо связать Австрию в Трентино и в районе Триеста; желательно даже, чтобы она вынуждена была послать сюда новые войска. Иначе, если к несчастью Россия будет разбита или парализована, Германия будет иметь возможность снять с восточного фронта несколько корпусов и перебросить их во Францию. „Конечно, — продолжал главнокомандующий, — нам нечего опасаться прорыва нашего фронта, но мы могли бы оказаться в затруднительном положении при нашем ближайшем наступлении. Что касается самого этого наступления, в наших интересах не слишком медлить с ним, воспользоваться превосходным состоянием духа наших войск и выступить, как только у нас будут налицо все снаряжение и все наши траншейные орудия (engins), другими словами, в первых числах мая. К тому же в это время англичане тоже будут в состоянии атаковать неприятеля. Френч принял решение в этом смысле. Все это делает понятным, почему Сазонов настаивает на немедленном вступлении Италии в войну".

Жоффр рассказал мне также, что в Вэвре было около пятидесяти случаев взрыва наших орудий 75-миллиметрового калибра; объясняются они отчасти качеством снарядов, отчасти изношенностью орудийных дул, отчасти слишком частой стрельбой. Приняты меры, чтобы по возможности предупредить эти недостатки; однако мы производим упомянутые орудийные дула, но не производим гидравлических тормозов, в результате чего уменьшается число орудий. Итак, еще один серьезный вопрос, требующий всей нашей бдительности.

Палеолог телеграфирует Делькассе (№ 560), что он получил мое письмо от 9 марта с запозданием на один месяц; в ответ на это письмо он излагает Делькассе и мне как обстояло дело с растущими притязаниями России на Константинополь и проливы. 25 сентября Сазонов впервые изложил нашему послу свои взгляды на этот предмет. Он полагал тогда, что свобода проливов может быть соблюдена на почве интернациональной организации и с помощью русских укреплений у входа в Босфор. 2 ноября Турция объявила войну. 12 ноября английский король в разговоре с русским послом произнес решающие слова: „Константинополь принадлежит вам". Через два дня сэр Джордж Бьюкенен объявил русскому правительству: „Вопрос о Константинополе и вопрос о проливах должны будут быть разрешены согласно с желаниями России". 21 ноября император вызвал Палеолога в Царское Село и высказал ему свои мысли по поводу общих условий будущего мира. Во время разговора Николай II выразил

свою решимость прогнать турок из Европы и свое желание присоединить к России южную Фракию до линии Энос — Мидия. Что касается статуса Константинополя, то он сказал, что взгляды его на этот счет еще не определились окончательно: он склонен думать, что город должен быть нейтрализован и получить интернациональный статут. Наконец 4 марта под непрестанным действием английских обещаний русский император принимает официальное решение требовать для России Константинополь, южную Фракию и азиатский берег Босфора. Палеолог констатирует, что до моего письма он не получил от Делькассе ни одной инструкции, противоречащей проектам, высказанным ему императором; к сожалению Делькассе действительно предоставил в этом отношении полную свободу русским притязаниям и не решался перечить им.

Воскресенье 18 апреля 1915 г.

Император Николай и Сазонов не соглашаются отсрочить Италии начало ее военных действий позже 1 мая. Все переговоры, подчеркивают они, состоялись в этом предположении. Операции на Карпатах и в направлении Кракова в полном разгаре. Великому князю Николаю Николаевичу надо немедленно знать, встретит ли он на пути к Одеру перед собой всю совокупность австро-германских сил или нет (Петроград, № 566). Поль Камбон находит это требование России необоснованным и не думает, что оно будет принято Италией (Лондон, № 717). Грей и Делькассе считают поэтому нужным уговорить Сазонова, который теперь так же старается получить помощь Италии, как прежде старался устранить ее. Но по мнению Палеолога, а также Жоффра, это скорее стратегический, нежели дипломатический вопрос, и главное сопротивление исходит от русского главнокомандующего. В конце концов великий князь Николай Николаевич уступил, под условием, что о присоединении Италии к союзникам будет объявлено 1 мая (Петроград, № 567 и 570). Но Грей считает, что Италия может возвестить о своем присоединении к нашему союзу только в тот день, когда она будет готова начать военные действия (Лондон, № 720). Мы вертимся в этом заколдованном кругу и не находим выхода.

Понедельник, 19 апреля 1915 г.

Чтобы покончить с этим, Делькассе по моему предложению посылает сегодня в Петроград следующую депешу (№ 592): „Вручите Сазонову с просьбой передать императору эту телеграмму, в которой президент республики подчеркивает, в какой мере правительство в общих интересах союзников единодушно желает немедленного подписания соглашения с Италией, что является неизбежным условием для скорого вступления последней в войну. „Мой дорогой и высокий друг, позвольте мне сказать вашему величеству, как опасна на мой взгляд задержка принятия союзниками итальянского меморандума. Генерал Жоффр, как и его высочество великий князь Николай Николаевич, желает чтобы выступление Италии последовало как можно скорее, но единственный способ ускорить его — это немедленно подписать соглашение. Пока оно не подписано, можно опасаться, что переговоры внезапно будут сорваны непредвиденными обстоятельст-

вами. Напротив, будучи связана подписью Антанты, Италия вынуждена будет выступить, как только будет иметь материальную возможность этого, причем мы постараемся побудить ее к этому. Требуемый ею срок можно будет сократить, когда она действительно будет нашим союзником, но теперь у нас нет уверенности и доказательства, не требует ли она его для того, чтобы уклониться, не приходится ли ей принимать известные предварительные решения и не рискуем ли мы, отказывая ей в небольшой отсрочке, содействовать тому, что она не выйдет из своего нейтралитета. Лучше пусть она вступит в войну поздно, чем никогда. Ваше величество, обладая столь высоким и просвещенным пониманием интересов союзных стран, несомненно не преминет предотвратить разрыв, который мог бы повести к самым серьезным последствиям. К тому же ясно, что Италия не может публично присоединиться к декларации 5 сентября 1914 г.[1], прежде чем выступит. Чем дольше мы задерживаем подписание соглашения, тем дольше стало быть мы ставим ее в невозможность объявить публично о своем присоединении. Прошу извинения, что ввиду срочности я вынужден был отправить эту телеграмму не прямо вашему величеству, и прошу принять уверение в моей неизменной дружбе и преданности. Р. Пуанкаре".

Впрочем по своему содержанию итальянский меморандум не вполне удовлетворяет нас. Делькассе сообщил мне его содержание. Как ни ценна помощь Италии, она, как видно, будет куплена дорогой ценой. Италия уже теперь присваивает себе львиную долю: Трентино, южный Тироль до Бреннера, Трнест, графства Герц и Градиску, всю Истрию до залива Кварнеро, включая Волоску и истрийские острова Черсо, Люссин, островки Плаверик, Уние, Канидоле, Палаццуоли, Сан-Пиетро ди-Немби, Азинелло, Грунцу и соседние островки. Она должна получить также провинцию Далмацию в ее нынешних административных границах, острова на север и запад от этой провинции, Валону, остров Сасено; за ней оставляются острова Додеканезоса; по ее настоянию будет нейтрализована значительная часть восточного берега Адриатического моря; на нее будет возложено представительство албанского государства в его сношениях с заграницей; в случае полного или частичного раздела азиатской Турции Италия требует для себя район по соседству с Адалией. Если Франция и Великобритания увеличат за счет Германии свои колонии в Африке, Италия оставляет за собой право требовать „справедливых компенсаций", а именно на границах Эритреи, Сомали и Ливии; указывается лишь, что эти компенсации не будут взяты из французской колонии Обок Джибути. Кроме того Италия стипулирует, что ее союзники должны по ее примеру устранить от участия в будущих мирных переговорах представителя святого престола. И наконец она требует, чтобы в особом военном соглашении немедленно установлен был минимум военных сил, который Россия должна держать против Австро-Венгрии, дабы последняя не сосредоточила все свои усилия против итальянской армии. Как видим, итальянское правительство знает, чего оно желает.

В обмен за это Италия обязуется вести сообща с нами войну про-

[1] Об отказе от сепаратного мира.

тив всех врагов Тройственного согласия и употребить на это все свои ресурсы.

Этот дипломатический торг повидимому разохотил графа Романонеса, главу либеральной партии в Испании (Жоффрей, № 174). Этот политик, один из самых дружественных Франции на всем Пиренейском полуострове, произнес речь, в которой без обиняков требует включения Танжера в испанскую зону влияния и высказывается против интернационализации этого порта [50].

Вторник, 20 апреля 1915 г.

Получил от великой княгини Анастасии, находящейся теперь в Эз, письмо, в котором она благодарит меня за справки относительно подзащитных жены кронпринца. „Я телеграфировала своей дочери Цецилии: „Никаких кандалов, никакой Кайенны" и умолчала о других указаниях в вашем письме. Она недавно разрешилась от бремени прелестной девочкой, и я не хотела говорить ей ничего такого, что могло бы взволновать ее. Не знаю, надо ли сообщить ей все содержание вашего письма. Я разделяю все выраженные в нем мысли. Но не знаю, писали ли вы их только для меня или также для моей дочери. Мне хочется послать копию вашего письма своему очаровательному зятю, датскому королю, и просить его поступить по своему усмотрению. Как вы смотрите на этот план? Разумеется, я в стороне от политики, но это не мешает мне иметь свои мысли. Так, когда вы предприняли летом свое путешествие в северные страны и начали с моей прекрасной родины, я подумала, что, зная вашу приверженность к миру, воспользуются именно этим моментом, когда вы находитесь в плавании, и затрудпят вам переговоры. Я тоже за мир и очень страдаю от этой войны, к тому же начатой таким несправедливым путем! Я говорю себе теперь: довольно убивать людей, безразлично какой национальности. Мне очень больно за этих бравых солдат и граждан. Довольно ран и страданий! Конечно у Антанты свои планы и намерения. Вопрос в следующем: могут ли они теперь поставить свои условия и сказать: вот что вас ожидает...". Я имею все основания думать, что никто не поручил великой княгине писать мне таким образом. Поэтому я ответил ей со всей сдержанностью, что она может сообщить мое первое письмо жене кронпринца и что Франция намерена продолжать до победного конца навязанную ей войну.

Ко мне явился принц Георг греческий, возвратившийся из Афин, где имел продолжительную беседу со своим братом Константином. Английское правительство самым определенным образом предостерегло нас от его предложений. В Лондоне полагают, что принц Георг и король имеют в виду только обезвредить Венизелоса. Лондон убедительно просит нас не принимать их предложений (Поль Камбон, № 718; Афины, № 157). Тем не менее я учтиво выслушал объяснения принца [1]. „Король и греческое правительство, — сказал он, — склонны выступить на стороне Тройственного согласия. Поставленные ими условия не окончательны; текст был неудачно составлен, он может

[1] „La Grèce et la crise mondiale", par Frangulis, ancien ministre de Grèce, librairie Alcan, p. 222 et 223.

быть исправлен. Но Греция не может согласиться на уступку Кавал-лы. Об остальном мы столкуемся". Я отвечаю, что желаю такого соглашения, но одному правительству надлежит высказаться об этом. Принц не скрывает от меня, что, по его мнению, вопрос гораздо легче разрешить, если мы немедленно порвем с Болгарией и окажем Греции помощь в борьбе с ней. Словом, Константин не столько предлагает нам сотрудничество, сколько требует его от нас, — вот какое сотрудничество он имеет в виду.

Делькассе сообщил мне, что английский король Георг, так же как я, телеграфировал императору Николаю II и просил его ускорить соглашение с Италией.

Среда, 21 апреля 1915 г.

Опять тот же вандализм: в Реймс брошено пятьдесят зажигательных снарядов.

Телеграмма Палеолога извещает нас наконец, что русское правительство согласилось подписать соглашение с Италией. Тем не менее русский посол в Лондоне получил инструкции сделать ряд оговорок в пользу Черногории, Сербии и Греции (Петроград, № 579 и 589).

Император тоже послал мне телеграмму, которая дошла до меня в несколько искаженном виде (№ 582): „Дорогой и высокий друг. Сознавая пользу, которую может представить помощь Италии, сознавая, что эта помощь быть может позволит укоротить войну (пропущено слово)... соглашается [1]... итальянским требованиям, несмотря на то, что эти требования весьма значительны и во многих пунктах противоречат устремлениям славянских народов; принесение в жертву этих устремлений заставляет меня бояться возможных опасностей в будущем. Вступление Италии в войну имеет на мой взгляд ценность только в том случае, если последует немедленно. Не могу скрыть от вас плохое впечатление, произведенное на меня тем, что римский кабинет, после того как получил почти все требуемое им, заявил, что желает отсрочить начало своих военных действий, которое он сам предусматривал в конце апреля нового стиля. Тем не менее, раз вы обращаетесь ко мне и ссылаетесь на интересы союзных стран, я не буду возражать против подписания конвенции с Италией и снабдил мое правительство необходимыми полномочиями. Отклоняя таким образом формулу, предложенную в Лондоне относительно срока исполнения франко-русской конвенции [2], я надеюсь, что союзники приложат усилия, чтобы побудить Италию ускорить свое выступление. Кроме того я считаю, что все другие обязательства, обусловленные между союзниками до присоединения Италии, останутся нерушимыми. Примите уверения в моей искренней и постоянной дружбе. Николай".

---

[1] Нерасшифрованные слова читаются: „я уполномочил правительство пойти на широкие уступки" („Международные отношения в эпоху империализма", серия III, т. VII, ч. 2, стр. 22). — *Прим. редактора.*

[2] Начало предложения неправильно расшифровано, и смысл его совершенно искажен. Оно читается так: „Принимая таким образом формулу, предложенную в Лондоне относительно даты выполнения договора" и т. д. („Международные отношения в эпоху империализма", серия III, т. VII, ч. 2, стр. 211). — *Прим. редактора.*

Четверг, 22 апреля 1915 г.

В телеграмме, которую Делькассе отправил императору через наше министерство иностранных дел, я отвечаю, что мы не забудем интересов славянских народов и что вступление Италии в войну ничего не изменяет в прежних соглашениях союзников. В частности само собой разумеется, что соглашение 5 сентября, возбраняющее заключение сепаратного мира, остается в полной силе. Впрочем и сама Италия тоже примкнула к нему.

Испанский посол в Лондоне сообщил сэру Эдуарду Грею желание своего правительства, чтобы Танжер был признан за Испанией ввиду тех различных перемен, которые должны произойти в бассейне Средиземного моря. Английский министр иностранных дел благоразумно отложил свой ответ до окончания войны и до изучения этого вопроса Англией совместно с Францией (Мадрид, № 177; Лондон, № 759).

Пятница, 23 апреля 1915 г.

Вчера на север от Ипра, близ Лангемарк, между каналом и железной дорогой в Стаден, неприятель пустил на наши позиции густое облако ядовитых газов [51]. Канадские и французские войска еще не имеют ни противогазовых масок, ни других средств защиты против смертоносных газов, и этот новый способ атаки естественно застал их врасплох; они отступили сначала к югу от Пилкен и на высоту Пелькапелле. Гренадерский полк, цвет бельгийской армии, сделал героический прыжок вперед и защитил позицию, когда занимавшие ее французы и англичане задохнулись от газа. Теперь на поле сражения приведены свежие части; в тесном контакте с бельгийцами и англичанами они всеми силами будут стараться снова отнять потерянную территорию. Сколько преступлений ложится теперь на совесть науки. Уже в январе немцы употребляли снаряд, начиненный ядовитым газом, — они называли его снаряд Т. Но с тех пор они, как видно, создали особые отряды, наученные действовать баллонами с удушливыми газами. Это — организация убийства; увы, не будем ли мы вынуждены прибегать завтра для нашей защиты к тем же средствам? [1].

Италия и Россия все еще продолжают спорить по некоторым пунктам: о территориях, признаваемых за славянскими государствами на Адриатическом море, о нейтральном характере берегов Черногории; но по всей видимости на-днях предстоит окончательное соглашение.

Суббота, 24 апреля 1915 г.

Блондель продолжает жаловаться на неуклюжесть русской дипломатии в Бухаресте (№ 181 и сл.). Он боится, что приемы, к которым прибегает Сазонов для привлечения Румынии, в конце концов оттолкнут ее от нас.

Сегодня в „Journal officiel“ напечатан декрет об условиях награждения военным крестом — знаком отличия, введенным законом от 8 минувшего апреля. В исполнение мысли Мориса Барреса [2] обе палаты еди-

---

[1] См. сообщения об открытии памятника Стенстрете в бельгийских и французских газетах от 29 апреля 1929 г.

[2] „L'Ame française et la guerre. Les Saints de France“. Emile — Paul frères, éditeurs, p. 144 et suiv.

ногласно постановили создать исключительный знак отличия для вознаграждения актов личной доблести в многочисленных случаях, отмеченных в приказах по полку, бригаде, дивизии, корпусу и наконец в приказах по армии. Совет министров остановился на образце, предложенном Мильераном. Это — крест из флорентийской бронзы с четырьмя перекладинами, между которыми переплетаются две шпаги. В центре изображение головы Республики в фригийском колпаке, увенчанной лавровым венком. Лента украшена веткой или звездой, она зеленого цвета с красными краями и полосками. Да, как писал Баррес, „если отличие дается и утверждается группой людей в такой момент, когда энтузиазм на поле сражения делает их искренними, — это великое дело".

Сегодня вечером я уезжаю к армиям на фронт. Перед отъездом из Парижа я хотел сказать Титтони, как я счастлив, что Франция и Италия вернулись к своему естественному назначению. Я просил его заехать в Елисейский дворец. Не решаясь телеграфировать королю из боязни нарушить по непредвиденной неосторожности тайну, я прошу посла выразить своему государю чувство моего глубокого удовлетворения. Титтони говорит мне, что он рассматривает конвенцию как уже подписанную и сам видит в ней приманку для новой политики. Соннино вызвал его на несколько дней в Италию; Титтони не знает, с какой целью его вызывали, но во всяком случае, говорит он, не по поводу какого-либо встретившегося затруднения, теперь их нет более [1].

Воскресенье, 25 апреля 1915 г.

Вчера вечером я и Мильеран приехали в Компьен, ужинали в супрефектуре и остались там ночевать. Нас встретил бывший командир 9-го корпуса генерал Дюбуа; с 16 марта он командует VI армией вместо генерала Монури, к несчастью пораженного неизлечимой слепотой. Сегодня утром, в прекрасную весеннюю погоду, осматривали вместе окопы и защитные сооружения в лесу Лейгль на северо-восток от Компьена и прошли узким, извилистым ходом до наблюдательного пункта Олланкур, откуда открывается вид на немецкие позиции и на оккупированные коммуны Байльи и Трасиле-Валь. Мы отчетливо различаем немецкие окопы, но в этом секторе в данный момент все спокойно. В сопровождении командира 35-го корпуса генерала Эбенера осматриваем батареи и оборонительные позиции. Затем между обоими зеленеющими лесами, Легльским и Компьенским, на правом берегу Эны близ Ретонда принимаем парад двух полков новой формации, частей 35-го корпуса. В присутствии приехавшего к нам Жоффра я передаю обоим полкам их знамена и произношу краткую речь, чтобы поддержать дух солдат. Я обращаюсь к ним от имени правительства республики в момент, когда они должны занять место среди других бойцов, стараюсь внушить им благоговение к своей миссии и веру в победу. Но никогда еще слова, которыми я выражал свои мысли, не казались мне столь скудными и безжизненными.

[1] „Revue d'Histoire mondiale", 3-e année, Nr. 1, Janvier 1925, „Les origines de l'intervention italienne" par Paul-Henri Michel.

Посетив целый ряд лазаретов, мы переночевали в Компьене. Утром, когда мы собирались отправиться в долину Эны, мы заметили над городом неприятельский аэроплан. Он сбросил две бомбы; одна упала на вокзал, другая — в смежный склад торговца скобяным товаром. Убытки незначительны. Я пошел пожать руку владельцу склада, его жене и дочери, которые не проявили никакого волнения. Впрочем все население города сохранило свое спокойствие и проявило большой восторг, когда встречало министра, главнокомандующего и меня. Мы отправились на наблюдательный пункт Монтегю, живописно расположенный в березовом леске несколько километров южнее Суассона. Отсюда нам видны наши позиции и позиции немцев на холме Гизи на северо-востоке и в долине Эны на севере и востоке. Наши 75-миллиметровые орудия, обстреливающие окопы неприятеля, попадают в них с замечательной точностью.

Посетив с генералом де Вилларе стоянку 7-го корпуса в Амблани, затем в Домье стоянку территориальных войск, мы отправляемся на наблюдательный пункт Белле; попадаем туда через длинный грот и ход, кончающийся небольшой воронкой. Внезапно у наших ног открывается обширная панорама; в центре ее я узнаю несчастный, пораженный на смерть город Суассон. Передо мной встают несколько веков истории Франции в этой равнине, „на глазах у которой побеждал Цезарь, царствовал Хлодвиг и защатался Наполеон“ [1]. Генерал Депре, командующий 5-й группой дивизий и сопровождающий меня здесь, привел с собой одного артиллерийского поручика, в котором я узнал своего племянника Леона Дома, зятя Анри Пуанкаре. Я прошу рассказать мне о ходе сражения, которое повело к нашему отступлению на левый берег Эны.

Позавтракав близ То-Тиньи, я принимаю южнее Гран-Розуа парад 89-й территориальной дивизии, только что прибывшей с севера, и одной бригады 55-й дивизии. У всех этих войск прекрасный вид, они вполне сносно дефилируют на изрезанной почве. В конце дня я возвращаюсь в Париж и тотчас пробегаю телеграммы, прибывшие за время моего недолговременного отсутствия.

Болгарский король горько жалуется, что Генадьев, которого он намерен был назначить посланником в Париже вместо Станчева, переведенного в Рим, до сих пор не получил агреман от французского правительства. Де Панафье боится, как бы Фердинанд, уязвленный в своем самолюбии, не воспользовался этим поводом и не принял рокового решения (София, № 191 и сл.).

Вчера состоялась генеральная атака на Дарданеллах. На рассвете началась в различных пунктах полуострова Галлиполи высадка войск под прикрытием флота. Перед наступлением ночи уже высажены были на берег значительные силы. В английском военном министерстве весьма довольны тем, как протекала эта операция (Лондон, № 812).

Соглашения с Италией наконец подписаны сегодня в Лондоне (Поль Камбон, № 816).

---

[1] Victor Hugo, Le Rhin, lettre IV.

Германский император послал греческой королеве через Бухарест незашифрованную телеграмму. Наш посланник в Румынии Блондель сообщает нам текст этой телеграммы (Бухарест, № 184): „Русское наступление на Карпатах окончательно остановлено; русские потеряли сто тысяч человек; их потери убитыми с начала войны составляют семьсот тысяч солдат и шестьдесят тысяч офицеров. Моя победа несомненна, я гарантирую тебе ее; горе тем, кто поднимет руку против меня. Привет Тино". Вильгельм остается все тем же: я, я, я — ich, ich, ich...

Вторник, 27 апреля 1915 г.

После мягкого и здорового воздуха на фронте меня снова охватила тяжелая и неспокойная атмосфера политических кругов. Перед заседанием совета министров Вивиани говорит мне о своем беспокойстве. Он жалуется на главную квартиру, что она не выходит из-под своего стеклянного колпака и скрывает от нас истину о последних операциях, а именно об операциях на Воэвре. В свою очередь Рибо [illegible] от Мильерана в том, что его министерство заключает слиш[illegible]ного сделок в Америке. Курс падает. Придется вывозить золото, это окажет вредное действие на наши кредитные деньги. Необходимо непременно сократить наши расходы в Соединенных штатах. Кроме того за отсутствием соглашения с Англией мы конкурируем с ней в своих закупках и поднимаем таким образом цены. Рибо просит меня поговорить с Мильераном. Во второй половине дня я собираю у себя в кабинете Мильерана, Рибо и Вивиани. Мильеран обещает сообразоваться с указаниями министра финансов.

В конце дня я принимаю румынского посланника Лаговари, узнавшего от Титтони о соглашении между Италией и нами. Он снова уверяет меня в предстоящем выступлении Румынии. Но говорит мне о Банате, а также о Черновцах, о линии Прута в Буковине и даже отчасти о Бессарабии. Братиану лично писал Делькассе и тоже изъявил притязания на Банат и на украинскую (в тексте русинскую. — *Прим. перев.*) часть Буковины. Как видно, это лозунг и программа. Не имея права поддержать столь широкие надежды, я воздерживаюсь от всяких обещаний и ограничиваюсь словами, что мы будем очень счастливы, если Румыния станет нашей союзницей, и всеми силами будем содействовать ее желаниям.

Среда, 28 апреля 1915 г.

Английский король телеграфирует мне: „Хотя сам факт еще не может быть опубликован, спешу выразить вам весьма конфиденциально свои искренние чувства по поводу поддержки, оказанной вами деликатным переговорам с Италией, приведшим теперь к благоприятному результату, а также свою твердую уверенность, что помощь нашей новой союзницы ускорит нашу полную победу. Я с большим вниманием слежу за доблестными действиями храбрых французских войск и от всей души поздравляю вас с их успехами. Георг". Я благодарю короля и обращаюсь к нему в свою очередь с комплиментами и пожеланиями успеха.

Узнали, что броненосный крейсер „Леон Гамбетта", крейсировавший у входа в Отрантский пролив, был торпедирован в ночь с 26-го на 27-е в двадцати милях от мыса Санта Мария де-Леука. Итальянцы послали необходимые средства для спасения экипажа. Я по телеграфу выразил королю Виктору-Эммануилу нашу благодарность. Удалось подобрать невредимыми сто тридцать шесть человек, но все офицеры храбро погибли на своем посту.

Сегодня утром в Дюнкирхене упали снаряды очень большого калибра, в 305 и 420 миллиметров. Очевидно они выпущены орудием, установленным севернее Ньюпорта, другими словами, на расстоянии тридцати километров. Новый сюрприз, который для нас приберегла германская наука.

Четверг, 29 апреля 1915 г.

Мильеран решил послать в Дарданеллы вторую дивизию под командой генерала Байу и поручить начальство над всем экспедиционным корпусом генералу Гуро.

Киньонес де Леон принес мне новое длинное собственноручное письмо испанского короля. Выразив мне благодарность за мое письмо, король однако продолжает: „Вероятно в режиме Марокко имеется какой-то первоначальный недостаток, который отчасти парализует все наши усилия. Я считаю, что оба наши правительства должны изучить его по-братски, как достойно обоих руководимых нами народов; надо, чтобы Марокко, как вы выразились и как это вполне совпадает с моими взглядами, всегда был выражением и символом этой дружбы и этих весьма искренних отношений. Не желая утомлять вас, я не останавливаюсь на этом дольше, но Киньонес де Леон, передавая вам эти строки, а также при всяком другом случае, сможет полностью осведомить вас о моих взглядах и чувствах..." Никому лучше меня не известны чувства короля по отношению к Франции. Я не могу поэтому остаться глух к его призыву. Но чего собственно он желает? Я спрашиваю об этом Киньонеса де Леон. Он очень сдержанно говорит мне, что Испания желала бы перемены статуса Танжера. Не уточняет это конкретнее. Я отвечаю, что после победы мы будем великодушно искать средства сделать наши отношения с Испанией еще более близкими и что я поставлю правительство республики в известность об обращении короля. Я не считал себя в праве итти дальше. В самом деле, в Танжере имеется французская колония, которая заранее горячо протестует против уступки Испании этого города и порта.

Пятница, 30 апреля 1915 г.

В сопровождении нескольких французских депутатов — Франклена Буйона, Лейга, Альбена Розе, де Шамбрена — в Елисейский дворец явилась довольно многочисленная делегация представителей Ирландии в палате общин. Возглавляющий ее вместо больного Редмонда член палаты общин О'Коннор — один из самых активных сторонников соглашения с Францией. Сэр Эдуард Грей просил нас оказать ему хороший прием. О'Коннор обращается ко мне от имени ирландской партии с прочувствованной речью. Он говорит о тесных узах

родства и дружбы, всегда связывавших оба наши народа. „Мы сами, — говорит он, — являемся одной из ветвей кельтской народности, как же нам забыть, что Франция — самая великая кельтская страна? Эти узы крови были закреплены тесным содружеством вашего и нашего народов в их вековой истории. Старый тысячелетний спор между Англией и Ирландией к счастью почти закончился. Поэтому ирландский народ с тем же порывом, как и все прочие нации Британской империи, поднялся, верный своему прошлому, на защиту святого дела свободы и справедливости... Мы испытали то же чувство гордости, которое может обуять вас при виде того, как волна неприятельского нашествия сломилась о неукротимую энергию и героизм французского народа... Грядущие поколения ирландцев с гордостью будут вспоминать о том, что солдаты их национальности участвовали в этой героической борьбе... Сегодня со всех уст во Франции раздается один клич, который обессмертила ваша история: „Да здравствует единая и неделимая Франция!“. Этот клич вся ирландская народность разнесет по всему миру“.

Я отвечаю ирландским депутатам, что счастлив приветствовать их на земле Франции, которая под богатым цветом латинской культуры всегда сохраняла мощные задатки нашей общей расы и население которой тоже сохранило в течение веков существенные черты кельтского характера. „Вызванные вами воспоминания, — продолжал я, — так же дороги нам, как и вам. История укрепила между Ирландией и Францией узы общего происхождения, каждый век все более связывал нас. Эта война будет окончательным и торжественным освящением нашего братства. Кровь, унаследованную от общих предков, сыны наших стран вместе проливают теперь с тою же храбростью, в тех же боях, в борьбе с теми же врагами, в защиту того же святого дела. Вскоре они будут вознаграждены одними и теми же победами“.

Король Виктор-Эммануил любезно благодарил меня за телеграмму, посланную мною по поводу спасения наших моряков, но ни единым словом не касается вступления Италии в войну. Итальянское правительство требует соблюдения тайны, и наша цензура денно и нощно следит за тем, чтобы во французской печати не появилось намека на подписание соглашения.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Доклад военной комиссии сената. — Переговоры о морской конвенции с Италией. — Торпедирование „Лузитании". — „Коллет Бодош". — Посещение II армии. — Битва под Аррасом. — Принц Георг греческий. — Отставка кабинета Саландры и возвращение его. — Россия и Румыния. — Альбер Тома — товарищ министра. — Греция и Болгария. — Что Австрия предложила Италии. — Посещение лотарингской армии и VII армии. — Пьер Лоти в качестве дипломата.

Суббота, 1 мая 1915 г.

В Трокадеро новый торжественный спектакль для раненых. Зал заполнен солдатами, находящимися на излечении. Дешанель произнес очень красивую речь, которой бурно аплодировали; он в ней говорит обо мне в лестных выражениях. Менее любезен Клемансо в „L'Homme enchaîné". Сегодня он снова взял в переделку министров и меня, обрушивается на нас с неслыханной резкостью и обвиняет нас не более и не менее как в конспирации против парламента. Впрочем за последние месяцы Клемансо не дает пощады никому ни во Франции, ни за границей. Он читает нотации Саландре и Сонино (3 февраля и 13 марта 1915 г.), папе Бенедикту XV (5 февраля), Братиану (26 февраля, 2 марта, 18 марта), Вудро Вильсону (4 и 7 марта), Гунарису (14 марта), нашим друзьям, равно как и нашим врагам.

Я принял генерала Байу, который отправляется со 2-й дивизией в Дарданеллы. Он показался мне очень утомленным и нервным. Для д'Амаде Мильеран имеет в виду миссию за границей и заменил его генералом Гуро, который будет командовать обеими дивизиями.

Воскресенье, 2 мая 1915 г.

В результате состоявшегося нового соглашения мы открываем отныне специальный счет в Английском банке для наших платежей Соединенным штатам. Банкирский дом Моргана берет на себя выплату этих платежей. Он будет покрывать себя римессами на Английский банк.

По сведениям бельгийской главной квартиры, систематическая бомбардировка Дюнкирхена, начатая в последние дни, производится из дальнобойного орудия, установленного не близ Вестенде, как мы полагали вначале, а между Диксмюде и Меркеном. Находящееся под постоянной угрозой население Дюнкирхена сохраняет свое спокойствие и достоинство.

Имел продолжительную беседу с Вивиани и Мильераном по поводу очень резкого доклада, представленного Думером военной комиссии сената; этот доклад резюмирует отдельные обследования, произведенные Леоном Буржуа, Шарлем Эмбером, Шероном и Анри Беранже. Это настоящий обвинительный акт против Мильерана и военного управления. Как заявляет комиссия, она констатировала, что в начале военных действий у нас было менее трех миллионов винтовок для пехоты образца 1886 г., т. е. самый необходимый минимум даже для кратковременной кампании; с начала августа пропало более семисот тысяч винтовок; на восьмом месяце войны не было выпущено из производства ни одной единой винтовки; ограничились только переделкой ружей образца 1874 г., притом в небольшом количестве; не было активного и методического руководства военными заводами; к частной промышленности обратились поздно, причем меры, принятые военным управлением, оказались недостаточными. Что касается полевой артиллерии, комиссия считает положение еще более тревожным и угрожающим непосредственной опасностью. В начале войны у нас было четыре тысячи семьсот орудий 75-миллиметрового калибра; это хватало только на то, чтобы дать каждому регулярному армейскому корпусу по тридцати батарей, или сто двадцать орудий, кроме артиллерии для отдельных дивизий. 17 марта Шарль Эмбер указывал в своем докладе, что четыреста сорок семь орудий пропали в боях и сто двадцать два взорвались. С тех пор первая из этих цифр еще значительно возросла. Что касается взрывов орудий, то Думер утверждает, что таких случаев было по меньшей мере пятьсот. Безусловно необходимо было интенсивное производство новых орудий. Но достигнутые результаты ниже уровня наших потребностей. Завод в Бурже, единственный государственный завод, производящий трубы для орудий, с великим трудом дошел в марте до выпуска двадцати четырех труб в неделю; в настоящий момент он должен давать тридцать шесть, но и это еще очень низкая цифра. Военное управление, как видно, и здесь не использует частной промышленности. Положение с тяжелой артиллерией не утешительнее. Заказанные в начале 1913 г. орудия 105-миллиметрового калибра поступали очень медленно перед объявлением войны и после него. К тому же из сорока восьми полученных и использованных орудий восемнадцать взорвались. Столь же печальные факты доклад констатирует в области осадных орудий, авиации, снаряжения, взрывчатых веществ и пороха, в области усиления армии.

Я расспросил Вивиани и Мильерана по ряду вопросов, затронутых комиссией, и прошу их снова представить мне письменную справку о состоянии производства по всем областям и о принятых мерах. Мильеран утверждает, что ничего не было упущено ни им, ни его сотрудниками и что пессимизм комиссии проистекает из предвзятого мнения. Он обещает представить мне безусловные доказательства.

Понедельник, 3 мая 1915 г.

На Дарданеллах наши войска, отбив сильную атаку неприятеля, продвинулись вперед, но потеряв приблизительно по тысяче чело-

век в каждом полку. Английские части потеряли половину своего состава.

Генерал Гуро посетил меня перед отъездом на Ближний Восток. Он счастлив, что будет сражаться на чужой земле, где надеется не быть связанным условиями траншейной войны.

Вернувшийся из Рима Титтони передал мне благодарность короля за мои пожелания. По словам посла, Виктор-Эммануил тоже считает, что мы теперь строим для будущего. Италия останется после войны верной союзницей Франции.

Получил сегодня окончательный текст соглашения, подписанного 26 апреля в Лондоне Полем Камбоном, Эдуардом Греем, Имериали и Бенкендорфом, а также приложенной военной конвенции. Титтони уверяет меня в быстром исполнении принятых обязательств. Италия обязалась вести совместно с Францией, Великобританией и Россией войну против всех наших врагов, вести ее всеми своими силами. Следовательно она не может не порвать с Германией, как и с Австрией, не может медлить с этим.

Однако, дав мне эти заверения, Титтони говорит мне о Румынии. „Итальянский король, — заявляет он, — очень желает скорого вступления Румынии в войну". — „Мы тоже". — „Да, но надо будет нажать в Петрограде, чтобы Россия согласилась на некоторые уступки". — „Несомненно, но Румыния увеличивает теперь свои первоначальные требования". — „Это правда, и, что касается Баната, король полагает, что не следует слишком обижать сербов; но что касается Буковины, Россия поступила бы благоразумно, если бы уступила немножко". — „Конечно; в этом деле лучше добиться уступок от великой державы, чем требовать их от малой, но Россия согласилась с Румынией о дележе по национальному признаку, а Прут, как мне кажется, не является этнической границей". — „Это неважно. В интересах России проявить великодушие. Быть может она согласится по крайней мере дать кусочек Бессарабии". — „Не знаю". — „Но наконец надо же сделать взаимные уступки". — „Разумеется, и мы будем, как и вы, добиваться их. Но сначала подумаем о том, чтобы совместно победить в этой войне". [52]

Визит Леона Буржуа. Он разделяет беспокойство военной комиссии. Я вношу поправки в некоторые утверждения сообщенного мне доклада и пытаюсь доказать, что Мильеран не заслуживает всех тех упреков, с которыми к нему обращаются. Благодаря своей силе воли и своему хладнокровию он достиг некоторых значительных результатов. Так например он добился того, что Жоффр выделил достаточно корпусов с целью образования сильной армии для маневренных действий, как того желала комиссия. Буржуа приятно поражен этим сообщением. „Что ж поделаешь, — говорит он, — мы требовательны, потому что беспокоимся". — „Да, но ваше беспокойство может передаться другим, вы рискуете этим. Подталкивайте правительство, это очень хорошо, но не отрицайте того, что оно делает. Или же, если вы считаете его неспособным, свергните его. Но не парализуйте его, не ослабляйте его филиппиками, которые являются настоящими обвинительными актами". Тогда Буржуа, очень волнуясь, говорит мне о взрывах орудий. Его возмущают слова, сказанные Мильераном

в комиссии: „Нам нужно было количество, пришлось пожертвовать качеством". Патриотическая совесть Леона Буржуа видимо страдает от этого разногласия между военным министром и комиссией. Когда он в пылу разговора вдруг перешел со мной на ты, я подхватил это: „Отлично. Мы будем на ты". На прощанье я говорю ему: „Заходи ко мне почаще и будь уверен, что я буду продолжать делать все возможное для усиления нашего производства".

Вторник, 4 мая 1915 г.

В то время как у Мильерана затруднения в военной комиссии сената, у Оганьера почти столь же неприятные затруднения в морской комиссии палаты депутатов. Депутат адмирал Бьенэмэ передал мне доклад с резкими нападками на адмирала Буэ де Лапейрера, которого обвиняют в бездействии, и на морского министра, которого подозревают в неблагожелательном отношении к комиссии.

Со своей стороны Мильеран выражает мне опасение, что Оганьер несколько пересолил в своих требованиях при переговорах о морской конвенции с Италией. Переговоры ни к чему не привели, и итальянские делегаты видимо недовольны. Я спросил об этом Оганьера на заседании совета министров; он ответил: Италия хотела, чтобы общее командование союзными эскадрами на Средиземном море поручено было герцогу Абруццскому, но он, Оганьер, скорее выйдет в отставку, чем отдаст наши эскадры под начальство союзного адмирала, хотя бы на одном Адриатическом море.

Правительство любезно предоставило бывшему министру колоний Рейно назначение в Россию для надзора за исполнением заказов на хлеб. Рейно дулся на меня за то, что я в августе прошлого года допустил реорганизацию кабинета Вивиани без его участия; тем не менее он был настолько любезен, что зашел ко мне проститься перед отъездом. Он был того ошибочного мнения, что я советовал устранить его из кабинета, тогда как я лишь рекомендовал Вивиани расширить свой кабинет. Он один из тех, которые с той поры изливали потоки желчи в кулуарах Бурбонского дворца.

Я сделал продолжительный визит в госпиталь Кошен, в котором находятся на излечении главным образом солдаты из Марокко, Алжира и Туниса. Лойяльность этих туземцев воистину изумительна. Мы никогда не будем иметь права забыть тот долг благодарности, который налагает на нас теперь поведение мусульманского населения наших африканских колоний.

Среда 5 мая 1915 г.

Вивиани, бывший вчера с Мильераном в военной комиссии сената и сегодня вернувшийся оттуда, говорит мне, что там все обошлось благополучно; обсуждался вопрос о винтовках, сегодня после обеда перейдут к вопросу об орудиях и самовзрываниях.

Командир Эрбильон говорит мне, что Оганьер был резок с итальянскими офицерами, приехавшими в главную квартиру. Морская конвенция еще не подписана. Я пригласил к себе морского министра, а также Вивиани и Делькассе и спросил Оганьера лишь, не надо ли немного смазать машину. По словам Оганьера, камнем

преткновения является теперь уже не вопрос о командовании. Итальянцы уже не требовали подчинения адмирала Буэ де Лапейрера герцогу Абруццскому. Но они представили план действий, который британское морское министерство, равно как и наш морской генеральный штаб нашли опасным. Они хотят, чтобы мы немедленно рискнули отправить большие военные корабли в северную часть Адриатического моря, несмотря на мины и подводные лодки. Напротив, Оганьер в согласии с англичанами полагает, что в этих водах можно оперировать только легкими единицами. Поэтому мы предложили итальянцам следующую комбинацию: герцог Абруццский будет командовать итальянской эскадрой, составит ее по своему усмотрению, англичане и французы доставят в нее несколько мелких единиц — подводные лодки, быстрые крейсеры, торпедные лодки. Французский линейный флот, состоящий из крупных единиц, останется под начальством де Лапейрера. Если австрийцы выйдут из Полы, герцог Абруццский вызовет нашего адмирала, который придет со своим линейным флотом и сохранит начальство над ним. Итальянские делегаты согласились на это, но, прежде чем подписать (конвенцию), пожелали снестись с Римом.

Габриеле д'Аннунцио — он в последние месяцы жил во Франции и недавно выступил на собрании в Сорбонне под председательством Поля Дешапеля с речью в честь латинского союза — вчера был в Генуе и обратился к восторженному населению города на своем прекрасном языке с страстным призывом: „Граждане Генуи, чего вы желаете? Итальянцы, чего вы желаете? Ослабить или усилить нацию? Вы желаете увеличенную Италию, увеличить Италию не приобретениями, а завоеванием, не позорным путем, а ценою крови и славы. Да свершится, да свершится это! Да будет так! Да исполнится это! Да здравствует святой Георгий во всеоружии! Да здравствует справедливая война! Да здравствует увеличенная Италия!“ Сегодня вечером и в следующие дни Габриеле д'Аннунцио будет продолжать среди своих соотечественников эту патриотическую кампанию [1].

Я принял по установленному церемониалу нового португальского посланника де Беттенкур-Родригез. Мы обменялись особенно теплыми речами, в которых каждый из нас подчеркнул традиционную дружбу, связывающую наши страны; но никто из нас не решился коснуться в своей речи войны, затягивающейся без конца.

Мильеран передал мне через начальника своей канцелярии, полковника Бюа, подробный ответ на критику сенатской комиссии и на вопросы, поставленные мною самим. Несомненно имели место ошибки и промахи. Но комиссия представила вещи в слишком мрачном свете. Сегодня Вивиани и Мильеран снова предстали перед ней и изложили положение с артиллерией. Разумеется, сегодняшнее заседание прошло не так благополучно, как вчерашнее; самовзрывание орудий и количество негодных орудий вызвали большое беспокойство. Впрочем в конце концов министры приняли предложенное им перманентное сотрудничество комиссии.

---

[1] „Per la piu grande Italia“, Orazioni e messagi di Gabriele d'Annunzio (La sagra del mille). Fratelli Treves Editori. Milano, 1915.

Четверг, 6 мая 1915 г.

Я совершаю свою ежедневную прогулку только в саду Елисейского дворца и упрекаю себя в том, что моментами поддаюсь обаянию его весенней красы. Каштановые деревья в цвету, розовые цветочки боярышника, желтые гроздья ракитника, первые робкие бутоны роз, журчание воды в гроте, белые утки в бассейне, заливающиеся в кустах славки и щеглы, Бабетт и Мьетт, весело бегающие кругом нас, — разве не могут все эти чары заставить вас на момент забыться! Но там на фронте грохот орудий, там рвутся снаряды, льется кровь, умирают люди. И картина сада исчезает перед этой далекой картиной, и ничто уже не мило мне в природе, которая меня обманывает.

Винстон Черчиль прибыл в Париж для подписания морской конвенции с Италией.

Жоффр отправляется сегодня вечером в Северный департамент. Армия Урбаля готова перейти в контакте с англичанами в наступление в районе между Ланом и Аррасом, а именно на холме Порт-Дам-де-Лоретт и на обрыве у Вими.

Пятница, 7 мая 1915 г.

Итальянские делегаты не получили еще ответа своего правительства относительно морской конвенции. Piano, piano (помалу).

Наступление еще не началось. Как говорит мне Пенелон, из-за плохой погоды невозможно было ни вчера, ни сегодня послать летчиков и регулировать стрельбу артиллерии. Жоффр даже не отправился еще в Дуллан, куда он должен перенести свой командный пост.

Рибо с большим успехом защищал сегодня в палате законопроект, увеличивающий до шести миллиардов предельный выпуск бонов казначейства, простых бонов и бонов национальной обороны. Он торжественно воздал должное усилиям страны в финансовой области, которыми она поддерживает свои усилия в военной области. Ему аплодировали, и законопроект был принят единогласно.

Трансатлантический пароход „Лузитания“, чудо новейшей техники, пущен ко дну германской подводной лодкой; произошло это в восьми милях на юго-запад от мыса Олд Кинзал на ирландском берегу, у входа в канал святого Георгия. Пароход шел из Нью-Йорка; на борту находилось около двух тысяч пассажиров и экипажа, в том числе много американцев. Спасено, кажется, меньше восьмисот человек. Такова европейская цивилизация в двадцатом веке.

Суббота, 8 мая 1915 г.

Морская конвенция все еще не подписана. Итальянские делегаты все еще ожидают инструкций, а те не приходят.

Морис Баррес обратился ко мне с письмом, в котором просит меня присутствовать сегодня днем в Théâtre Français на генеральной репетиции пьесы Фрондэ, драматизации романа Колетт Бодош. „Теперь не время ходить по театрам, — пишет он мне, — но Колетт Бодош является в некотором роде исключением. Не буду доказывать эту истину. Ваше присутствие доставит мне большое удовольствие,

но, приглашая вас, я заранее преклоняюсь перед вашим решением, если вы по той или другой причине найдете для себя невозможным явиться". При всем моем восхищении этим романом и при всей моей дружбе к автору я не решился бы пойти в театр, если бы спектакль не был назначен с благотворительной целью, в пользу эльзасцев и лотарингцев, и если бы госпожи Шарра, Марселен Пелле, Зигфрид и Делланэ не просили мадам Пуанкаре о моем приходе.

Я решил поэтому пойти. Фрондэ продолжил сюжет книги до битвы на Марне, и в последнем акте Асмус оказывается грубым и возмутительным типом. Перед зрителями, которых война не располагает к снисходительности по отношению к немцам, трудно было сохранить этот персонаж в том виде, в каком он дан в романе, т. е. почти симпатичным при всей его неуклюжести и бестактности. Это заставило Фрондэ переделать портрет его отчасти в карикатуру; но при этом становится менее понятным тайное влечение Колетт. Впрочем после генеральной репетиции решено было отказаться от последнего акта, в котором подчеркнута грубость героя. Несмотря на это, пьеса имела успех. Мария Леконт играла Колетт с грацией и, где нужно, с достоинством. Мадам Пьерсон сыграла роль мадам Бодош с большим благородством. Фероди был восхитительным немецким профессором. В конце спектакля публика, взволнованная этой живой картиной Метца, обратилась к моей ложе с бурными восклицаниями, как бы клялась освободить Колетт.

Благодаря за мое присутствие на спектакле, Баррес пишет мне: „Я не зашел в вашу ложу спросить вашего мнения о пьесе, так как у меня со своей стороны имеются некоторые замечания по поводу нее и я не мог бы скрыть их, а это было бы неудобно в таком видном месте. Я лично не написал ни одной строчки для этой пьесы; я ни разу не присутствовал при исполнении четырех актов в один прием, слушал то один акт, то на другой день — другой акт. Когда я один с Карре и Фрондэ в пустой зале театра слушал пьесу и наслаждался прекрасной игрой артистов, это было одно дело; совсем другое дело — слушать ее вместе с публикой, разделяя ее впечатления. Отец Колетт на другой день после свадьбы спрашивает себя, правильно ли он поступил, отказав Асмусу в руке Колетт и отдав ее Фрондэ".

Ежедневно в течение трех-четырех часов Вивиани и Мильеран присутствуют на заседаниях пригласивших их парламентских комиссий. Вивиани говорит мне, что силы его не выдержат. Стараясь не отстать от военной комиссии сената, военная комиссия палаты депутатов приняла резолюцию, в которой говорится, что военный министр делает для нее невозможным исполнение ее обязанностей и что она оставляет за собой право посылать по собственному усмотрению своих делегатов в зону действующих армий и в тыл. Когда Мильеран вчера явился в эту комиссию, председатель ее генерал Педойя прочитал ему эту резолюцию и спросил, что он имеет ответить на нее. „Мне нечего ответить на это, — сказал министр, — я готов работать вместе с комиссией, но я не могу согласиться с тем, чтобы она ставила себя на мое место". После этого он удалился.

Тогда Педойл побежал за ним и умолял его сказать, неужели это является его последним словом. „Да, — заметил Мильеран, — и, если нужно, палата нас рассудит". Министр прав, желая управлять сам. Комиссия, выбранная палатой, права, желая контролировать его. Неужели невозможно согласовать их соответственные права и отделить контроль от управления?[1]

Воскресенье, 9 мая 1915 г.

В сопровождении генерала Дюпаржа я отправился на автомобиле в Каньи, коммуну в нескольких километрах от Амьена; там находится теперь штаб-квартира II армии генерала де Кастельно.

Мне сообщают первые известия о наступлении, начатом утром на север от Арраса. Начало недурное — мы взяли несколько линий окопов, но Кастельно не верит в возможность результатов большой важности[2]. В отличие от Жоффра он считает необходимым искать решения[3] на другом театре военных действий, в Италии или на Дунае.

После обеда отправились вместе с Кастельно через Ресон-сюр-Метц в Шамбронн и окрестности к позициям; они проходят примерно на полпути между Компьеном и Нойоном. Мы осмотрели расположение нескольких батарей, а также их наблюдательные пункты, причем пробирались к последним через длинные ходы, вырытые среди леса. Перед нами в долине Уазы деревня Пемпре, занятая немцами. Среди полуразрушенных домов не видать ни одного живого лица. В виноградниках среди руин стоят в цвету яблони. Бугорки желтоватой земли указывают нам линию немецких окопов. Напротив Пембре — Рибекур с другими окопами того же вида и цвета; это наши позиции. На первый взгляд тишь да гладь, если бы не поединок артиллерии вправо от нас; это в соседней армии, что на север от Легльского леса. В Машман генерал де Кастельно покидает меня, и мы с Дюпаржем возвращаемся через Компьен в Париж. Прекрасная погода. Природа в цвету. А человечество в слезах.

Понедельник, 10 мая 1915 г.

Румыния ведет переговоры в Петрограде, Риме, Париже, Лондоне. Но дело не двигается вперед.

В конце дня подписана морская конвенция с Италией. Остановка произошла из-за количества легких единиц, которые Италия требовала от нас на Адриатическом море, и из-за ее настойчивого требования, чтобы Англия немедленно предоставила для той же эскадры четыре бронированных крейсера, которые она удерживает пока в Дарданеллах.

Приводится в исполнение статья 3-я итальянского меморандума, подписанного 26 минувшего апреля в Лондоне. Решено, что „эскадры Франции и Великобритании будут оказывать активную и постоянную помощь Италии, пока не будет разрушен флот Австро-Венгрии

---

[1] В оригинале „de l'action" — от действий. — *Прим. перев.*

[2] В оригинале „à une décision très importante" — в очень важное решение. — *Прим. перев.*

[3] В оригинале „un résultat" — результата. — *Прим. перев.*

и не будет заключен мир". Первая союзная эскадра под начальством командующего итальянским флотом будет состоять помимо итальянских кораблей из двенадцати французских контрминоносок, из стольких торпедных лодок, подводных лодок и вылавливателей мин, сколько сможет выделить начальник французской эскадры, из французской воздушной эскадрильи с французским кораблем-авиоматкой, из четырех легких английских крейсеров — они присоединятся к первой союзной эскадре, как только будут заменены четырьмя английскими крейсерами у Дарданелл, — и наконец из дивизии из четырех английских крейсеров, предоставляемой в распоряжение итальянского командующего. Для операций на Адриатическом море будет образована вторая союзная эскадра в составе французских боевых единиц и итальянских и английских боевых единиц, поскольку они не предоставлены в распоряжение командующего итальянским флотом; эта вторая союзная эскадра вместе со своими вспомогательными судами (bâtiments de flotille) будет поставлена под начальство командующего французской эскадрой и по зову командующего итальянским флотом будет готова притти ему на помощь. Словом, Италия добилась своего по всем существенным пунктам.

Несколько сенаторов — Анри Шерон, Будано, Труйо — пришли ко мне с жалобами на Жоффра и Мильерана. Первого они обвиняют в медлительности, второго — в том, что он на поводу у канцелярий своего министерства. В сущности все эти нападки свидетельствуют лишь о внушенном патриотизмом беспокойстве их авторов. По получаемым мною письмам я отлично вижу, как в стране и даже на фронте учащаются признаки усталости и нетерпения. Общее состояние умов еще превосходно, но там и сям на крепком и в целом здоровом организме появляются небольшие зараженные места. Однако нам надо быть стойкими.

В пятницу меня посетил президент Лубэ, и сегодня я отдал ему визит. Лубэ с уверенностью глядит в будущее и очень тверд. Разговор зашел о Клемансо. Лубэ осуждает его статьи в „L'Homme enchaîné" и прямо называет его „вредителем". Он забыл заявление Клемансо в день президентских выборов: „Я голосую за Лубэ". Однако на самом деле тигр и сам действует только под влиянием своего патриотического недоверия, в силу которого он убежден, что только он один способен спасти страну. Кажется он на-днях разрыдался в военной комиссии сената. Чего не простишь ему за эти слезы?

Вчера мы значительно продвинулись вперед севернее Арраса, в направлении на Лоос, Лан и Вими. Битва загорелась с обеих сторон холма Нотр-Дам-де-Лоретт, на котором находятся немецкие позиции. Неприятель защищался огнем многочисленных пулеметов, расположенных в казематах таким образом, что немцы могли усиленно обстреливать нас с фланга. Немцы укрылись в настоящей крепости из целой сети окопов и ходов, — мы назвали их лабиринтом. Командовал ими баварский наследный принц. Наша атака, в которой приняли участие 4, 21, 23, 20, 27 и 10-й корпуса, была блестящей. Мы завладели деревней Таржетт и половиной Певилль-Сен-Васт, взяли в плен две тысячи человек и захватили шесть ору-

дий. В особенности удачной была атака 33-го корпуса, тщательно подготовленная генералом Петэном; это был молниеносный успех. Мы продвинулись на четыре километра. К несчастью и на этот раз у нас не оказалось резервов поблизости. Никто не предвидел столь быстрого продвижения, а так как атакованный участок простирался на восемь километров, резервы армии оставлены были в двенадцати километрах позади фронта, чтобы можно было бросить их на тот пункт, где они понадобятся. Поэтому мы лишены были возможности использовать свою победу.

Вторник, 11 мая 1915 г.

Хорошая весть. Панафье подает нам надежду, что Болгария собирается объявить мобилизацию, пойти на Константинополь и примкнуть к нам (София, № 210). Однако Радославов ставит свои условия, а Фердинанд отмалчивается (София, 10 мая, № 214). Иллюзия была недолгой.

Севернее Арраса мы взяли в плен еще тысячу немцев и захватили еще четыре орудия. Но немцы ответили энергичной контратакой.

Немецкий аэроплан сбросил пять бомб на Сен-Дени. Одна из них упала во двор казармы и ранила пять зуавов, в том числе трех тяжело. Я навестил пострадавших в госпитале Сострадания в Сен-Дени и в госпитале Сен-Мартен в Париже, куда наиболее пострадавший был перевезен уже в агонии. Я был также в самой казарме, застал там около сотни зуавов перед отправкой на фронт и разговаривал с ними. Тем временем весть о моем приезде распространилась в городе, и по выходе моем из казармы многочисленная толпа встретила меня несмолкаемыми криками „Да здравствует Франция!", как бы желая показать мне, что душа народа не поддается унынию. Однако не мешало бы поддержать дух этих добрых людей несколькими яркими успехами.

Я снова принял принца Георгия греческого[1]. Он вчера телеграфировал королю Константину и умолял его не упускать случая для осуществления устремлений своей страны. Он прочитал мне эту телеграмму; она написана очень настойчиво и решительно. Король ответил ему, что просит его повидать меня и сказать мне: „Грецию останавливает то обстоятельство, что она встречает отказ в своих требованиях территориальных гарантий. Она выступит, если ей будут даны эти гарантии на предмет мирного договора". Я отвечаю ему, что французское правительство затруднялось взять на себя обязательство, судьба которого не зависит от него. Тогда принц заявляет мне, что он говорил с Делькассе, и последний сначала дал ему тот же ответ, что я, но потом без особых возражений согласился на следующую формулу: „Примкнув к Тройственному согласию, Греция заключает союз, в котором содержится сохранение в целости ее территории". „Таким образом, — замечает принц, — союзники не возьмут на себя никакого обязательства по отношению к Греции.

[1] „L'Entente et la Grèce pendant la grande guerre" par M. S. Cosmin, Société mutuelle d'editions, Paris, p. 84 et suiv.; „Histoire diplomatique de la Grèce" par Edouard Driault et Michel Lhéritier, Presses universitaires de France, t. V, p. 185 et suiv.

Она одна будет толковать союз на свой лад". Я сказал, что Делькассе до сих пор не говорил мне об этой формуле и что я нахожу ее двусмысленной.

Возобновилась бомбардировка Дюнкирхена из дальнобойного орудия. Были убитые и раненые. А между тем в сводке главной квартиры говорилось, что мы открыли местонахождение этого орудия и заставили его замолчать. Как же хотят после этого, чтобы гражданское население верило нашим военным сводкам? А ведь в войне народов общественное мнение — немаловажная вещь. Совет министров требует от Мильерана, чтобы он обратил внимание высшего командования на опасность подобных ошибок.

Сражение под Аррасом в конце концов не привело к решительному результату. Главная квартира сосредоточила сильные резервы в тылу X армии; она сделала значительные запасы снаряжения; она расположила тяжелую артиллерию в секторе по своему выбору; генерал Жоффр лично отправился в Дуллан руководить операциями. Первый день, воскресенье, прошел хорошо, но несмотря на артиллерийскую подготовку, нам пришлось тяжелее, чем мы ожидали, особенно ожесточенный характер бой принял в ближайших окрестностях Арраса. Второй день, понедельник, прошел менее удовлетворительно. Сегодня вечером полковник Пенелон восторгается нашим тактическим успехом, но Жоффр категорически предупреждал его не говорить мне о решительном стратегическом успехе. Кавалерия стоит наготове позади наших позиций и ринется вперед, если нам удастся прорвать фронт неприятеля. Но очевидно Жоффр потерял надежду проложить ей дорогу.

Сенатор Эмиль Комб послал мне большое и милое письмо с приложением фотографических снимков, изображающих его с дочерьми в оборудованном им госпитале в Пон. Я послал ему подарки для его раненых. Он восторженно благодарил меня. Он не из тех, которые слоняются по кулуарам парламента, распространяют катастрофические известия и создают панику.

По поводу гибели „Лузитании" Клемансо распекает в „L'Homme enchaîné" президента Вильсона и заявляет, что его беспристрастие „проявилось прежде всего в выражении респекта кайзеру".

Среда, 12 мая 1915 г.

Под Лоосом мы потеряли часть завоеванной нами территории. Бедные наши кавалеристы не ринутся вперед. Мы сделаем теперь попытку взять вершину Вими. Но наш натиск, видно, сломлен.

Делькассе утверждает, что никоим образом не одобрил той двусмысленной формулы, о которой мне говорил принц Георгий греческий.

Вивиани сообщает мне свои впечатления от вчерашнего заседания сенатской комиссии. Он с большим раздражением говорит о Мильеране, который с примерным мужеством упорно покрывает своих чиновников, и о его директоре департамента генерале Баке, который считает бесполезным дальнейшее увеличение артиллерии. Клемансо, кажется, снова разволновался до слез, жалуясь своим кол-

легам на бездействие министерства. Шарль Эмбер выступил с резкой обличительной речью по вопросу о нехватке тяжелой артиллерии. Вивиани ставит альтернативу: либо он подаст в отставку, либо Мильеран. Я отвечаю, что о его отставке во всяком случае не может быть речи, что страна превратно истолкует также отставку Мильерана; но если военный министр, говорю я, не решится действовать энергично, то действительно надо будет предпринять что-нибудь. Пока что достаточно будет добиться от Мильерана, чтобы он принял меры против тех своих директоров департаментов, которые не проявляют инициативы и энергии.

Согласно полученным нами известиям из Берлина, тамошняя публика и военные круги очень гордятся торпедированием „Лузитании“ и желают продолжения подобных актов (от Бапста, Копенгаген, № 323). Германский посол в Вашингтоне граф Бернсдорф выразил министру иностранных дел свое сожаление по поводу гибели американских граждан, но, разумеется, возложил ответственность за катастрофу на Англию (Жюссеран, Вашингтон, № 366).

В Риме нейтралистская пресса, инспирируемая Австрией и Германией, с крайним ожесточением нападает на министерство Саландры. Газеты, защищающие правительство, и особенно „Giornale d'Italia“, подняли перчатку и берут в переделку Джиолитти, обвиняют его в том, что он играет на-руку заграницe (Рим, № 338).

Леон Буржуа рассказывает мне сегодня о заседании сенатской комиссии. Вивиани выступал гибко и искусно, но Мильеран был сух и упрям. По мнению Буржуа, безусловно необходимо сменить генерала Баке.

Сегодня у меня ужинали Лаведан и Пьер Декурселль с женами, а также симпатичный граф Жозеф Примоли, сияющий, как римское солнце. Он конечно чрезвычайно обрадован заключением соглашения с Италией. Но он трепещет за Венецию, уже видит ее осажденной австрийцами и немцами, боится, что в одну из ближайших ночей прилетят вражеские аэропланы и сбросят бомбы на собор святого Марка и дворец дожей.

Четверг, 13 мая 1915 г.

Мильеран не слушает увещеваний Вивиани и моих; он не желает увольнять Баке и заявляет, что некем заменить его.

Сарро, Думерг, Рибо и Мальви находят, что Россия не права, отказывая наотрез Румынии в какой-либо уступке в Буковине. Я поддерживаю этот взгляд перед Делькассе, но он резко замечает, что такая великая страна, как Россия, не может уступить перед попытками шантажа.

Рузвельт, бывший президент Соединенных штатов, открыл по поводу „Лузитании“ кампанию против Германии; он заявляет, что все народы должны подвергнуть ее остракизму (от Жюссерана, Вашингтон, № 362). Американское правительство послало в Берлин очень энергичную ноту, в которой заявляет, что торпедирование „Лузитании“ не может быть оправдано, и требует помимо немедленного возмещения прекращения подобных приемов (№ 363).

Пятница, 14 мая 1915 г.

Сегодня ночью Вивиани звонил мне, что агентство Гаваса сообщает о беспорядках в Риме и об отставке кабинета Саландры. Утром от Баррера получено подтверждение этого тревожного известия (№ 343). Как видно, приверженцы Джиолитти и немцы делают отчаянное усилие добиться своего, добиться, чтобы министерство оказалось в меньшинстве (Рим, № 341). Баррер находит, что Саландра должен, не теряя времени, поставить палату и страну перед совершившимся фактом (Рим, № 342). Если он не будет энергично реагировать на направленную против него конспирацию, он рискует серьезными трудностями в парламенте.

Что случилось? Всю ночь и весь день я ломаю себе голову и теряюсь в догадках. Распался ли кабинет под угрозой германофилов? Или же кабинет желал, чтобы король снова назначил его и поддержал своим авторитетом? Быть может он нашел невозможным отклонить последние предложения Германии и Австрии и, так как не мог сам принять их после переговоров с нами, предпочел передать дело в другие руки? Мы остаемся без всяких сведений.

Клемансо продолжает разносить меня и министров в „L'Homme enchaîné". Зато он прославляет храбрость Шарля Эмбера, разоблачившего порядки в военном управлении.

Суббота, 15 мая 1915 г.

Саландра вручил королю свою отставку и заявил, что при нынешних обстоятельствах нуждался в единодушном согласии конституционных партий, но не получил его. Виктор-Эммануил III оставил за собой решение. Он принял одного за другим председателей палаты и сената, а также Джиолитти.

Посол Соединенных штатов Шарп представил Делькассе копию американской ноты. В вежливой форме она содержит требование к Германии немедленно прекратить нелойяльные и антигуманные приемы и дезавуировать тех, которые прибегли к ним.

Вчера вечером во время спектакля в театре Костанци Габриеле д'Аннунцио произнес новую речь, в которой объявил, что договор о Тройственном союзе денонсирован 4 мая в Вене и что кабинет Саландры взял на себя перед другой группой держав твердые и окончательные обязательства, дополненные военными соглашениями. Ему бешено аплодировали (Рим, № 350).

Мильеран намерен наконец сместить генерала Баке, но вздумал поставить во главе артиллерийского ведомства Альбера Тома, социалистического депутата, в настоящее время мобилизованного и состоящего при главной квартире. Альбер Тома человек очень умный и трудолюбивый. Он занимается теперь вопросами военного снаряжения. Но я боюсь, что у него нет нужных технических знаний, и не скрываю от Мильерана, что я предпочел бы специалиста.

В Италии продолжаются волнения. В Риме народный гнев обрушился на Джиолитти. В Милане положение серьезно. На всем полуострове происходят многочисленные манифестации в пользу войны. Король снова призвал Саландру.

Кажется, русские с начала месяца терпят целый ряд неудач: нашествие немцев в Курляндии, взятие Либавы, поражение при Ярслове и в Красном, отступление в Галиции и южной Польше. Большая цифра попавших в плен, громадные потери, недостаток снарядов, вздорожание продуктов, падение курса рубля — все это вызвало некоторый упадок духа у публики. Палеолог обратился к одному русскому государственному деятелю, мнение которого он ставит очень высоко, к бывшему председателю совета министров Коковцову, с следующим вопросом: „Если русская армия будет продолжать таким образом отступать или окапываться и не перейдет больше в наступление, если, с другой стороны, союзным эскадрам удастся в ближайшем времени завладеть Константинополем, не боитесь ли вы, что у русского народа нехватит духа продолжать войну против Германии и что он удовольствуется результатами, достигнутыми против Турции?". — „Нет, — ответил Коковцов. — Россия считает теперь борьбу против Германии своей жизненной необходимостью" (Петроград, № 657).

Палеолог телеграфирует нам текст ноты, с которой Сазонов собирается обратиться к Румынии; речь идет о территориях, которые Румыния желает аннексировать. Сазонов заявляет в ноте, что он сам намерен удержать западный Банат для Сербии и северную Буковину для России (Петроград, № 645). Я прошу Делькассе еще раз указать Сазонову на неудобства таких несогласованных выступлений. Впрочем русская нота имеет в виду соглашение, заключенное русским правительством с Румынией 18 сентября 1914 г. и мне совершенно неизвестное [1].

В телеграмме из Лондона Поль Камбон делает точно те же замечания относительно демарша Сазонова, что и я, и требует, чтобы мы обратились к России с просьбой ничего не заявлять Румынии без согласования с Англией и нами (Лондон, № 1009).

У черногорского короля Николая тоже свои личные поползновения, и нам приходится держать ухо востро. Он желает ловить рыбу в мутной воде и занять несколько пунктов в Албании, в первую очередь Скутари. Мы сговорились с Лондоном и по мере возможности также с Петроградом, чтобы утихомирить его нетерпение и охладить его аппетиты. Становится все труднее править нашей тройкой и не опрокинуть седоков.

Делькассе уже несколько недель не имеет известий от своего раненого сына, находящегося в немецком плену. Он ни с кем из нас не поделился своими мрачными мыслями, переживает их один. Его личное горе и заботы по министерству очевидно отразились на его здоровьи. Узнав случайно о его заботах о сыне, я пишу ему, что я душою с ним.

Сегодня итальянский король отказался принять отставку министерства Саландра; оно остается у власти (Рим, № 358).

---

[1] Содержание указанного соглашения см. ниже, под 18 мая. — *Прим. ред.*

Понедельник, 17 мая 1915 г.

С каждым днем я получаю все больше ругательных писем, анонимных и подписанных. Одни обвиняют меня в том, что я „хотел войны", другие — в том, что я не подготовил ее. Многие требуют от меня заключить мир. Некоторые угрожают мне революцией.

Однако по всей видимости ни на фронте, ни в тылу эти дурные семена не находят благодарной почвы. Солдаты посылают мадам Пуанкаре и мне прекрасные письма, дышащие храбростью и задором. Моя жена устроила в Елисейском дворце настоящие мастерские, откуда регулярно отправляются на фронт пакеты с подарками. У нее уже более двенадцати тысяч крестников среди солдат. Их письма — одно из наших утешений. В них слышно биение сердца народа.

Сегодняшняя почта принесла мне письмецо от Поля Ребу, одного из авторов прелестной книги „A la manière de..." Другой автор, Шарль Мюллер, увы, убит. Поль Ребу писал мне месяц назад из 17-го территориального полка, специальная рота, 148-й почтовый сектор, и просил меня прислать несколько строк для журнала „Эхо окопов", основанного им с несколькими товарищами. Я ответил на это любезное предложение, и „Эхо окопов" поместило мое письмо в номере от 15 мая. Пикантная деталь: газета „Matin", в которой я так долго сотрудничал, думала, что Поль Ребу сам написал статейку „в манере президента республики" и подписался моим именем. Газета поздравляла наших poilus (солдатиков), что им так хорошо удаются „подражания".

Титтони был принят Вивиани и сказал ему: „Мы выступим, даже если Румыния не выступит. Но это будет для нас разочарованием и источником слабости. Поэтому надо сделать все возможное, чтобы склонить Румынию. Помогите нам убедить Сазонова. Это человек, поддающийся влиянию, он повинуется русскому генеральному штабу. Он должен был бы сделать Румынии уступки на Пруте, а если он желает вызвать национальное движение в Румынии, ему надо только отказаться от Бессарабии".

Титтони виделся сегодня также с Делькассе, но ничего не сказал ему о Бессарабии. Делькассе не считает возможным советовать России подвергнуть себя ампутации. Конечно со времени Берлинского трактата Бессарабия является глубокой причиной недоразумений между Россией и Румынией; но для Франции неудобно выступить по собственной инициативе в вопросе, который союзная держава считает затрагивающим ее державные права.

Вторник, 18 мая 1915 г.

Переговорив с Вивиани и Жоффром, Мильеран решил назначить во главе артиллерийского ведомства Альбера Тома. Каковы бы ни были достоинства этого молодого депутата, этот выбор представляется мне довольно рискованым, и я повторяю свои возражения. Однако Мильеран и Вивиани выступили с своим предложением в совете министров. Бриан, Оганьер, Рибо и Мальви, не касаясь личности Тома, заявили, что для парламента будет невразумительно, каким образом депутат, хотя бы временно, может стать директором

департамента министерства. Я снова настаиваю на том, что полезно было бы назначить на это место инженера, Альберу же Тома поручить общее наблюдение. В конце концов совет министров большинством голосов выносит заключение о назначении Тома не директором департамента, а товарищем министра и в качестве такового ведающим артиллерией.

Известия из России остаются весьма неважными[1]. „Со времени войны, — телеграфирует Палеолог (№ 649), — мы уже в пятый или шестой раз наблюдаем ту же картину. Русский генеральный штаб подготовляет большое наступление, германский генеральный штаб разбивает последнее своими быстрыми движениями и мощной атакой. Русская армия не умеет ни уберечь себя, ни маневрировать; и когда происходит столкновение, она в результате всегда отступает, потому что у ее артиллерии нехватает снарядов". Правда, Палеолог продолжает: „Хотя русские армии вынуждены перейти к обороне, они тем не менее оказывают нам весьма ценную помощь. На фронте французской армии находятся в настоящее время сорок восемь немецких корпусов и две кавалерийские дивизии. Русская армия сражается против двадцати пяти корпусов Австро-Венгрии и двадцати семи немецких корпусов, в общем против пятидесяти двух корпусов и двадцати кавалерийских дивизий. Борьба эта ведется с энергией, которой надо воздать полную справедливость. Каждое сражение является для русских ужасной гекатомбой... Русский народ безропотно несет налагаемые на него страшные жертвы. Конечно поражения нашего союзника затягивают окончание войны, но они не изменят ее результата".

Палеолог послал нам также (№ 653) копию писем, которыми обменялись 1 сентября 1914 г. Сазонов и румынский посланник Диаманди. Россия обязалась признать за Румынией право аннексировать те территории австро-венгерской монархии, которые заселены румынами. Что касается Буковины, то дележ ее между Россией и Бессарабией должен произойти по национальности большинства населения. Россия обещает ходатайствовать перед кабинетами лондонским и парижским об утверждении этих обещаний. В обмен за эту декларацию Диаманди от имени Румынии обязался соблюдать благожелательный нейтралитет по отношению к России до того момента, когда последняя оккупирует заселенные румынами территории австро-венгерской монархии. Итак, соглашение это не содержало военной конвенции. Так или иначе Россия ничего не сообщила нам об этих не безынтересных для нас переговорах, за исключением тех неопределенных сведений, которые в октябре 1914 г. были даны Извольским Делькассе и остались мне совершенно неизвестны. Делькассе выразил теперь русскому правительству надежду, что в текущих переговорах оно не будет более обращаться к Румынии с предложениями, не согласованными с Англией и Францией (телеграмма Палеологу № 717).

Меня посетил мой бывший правитель канцелярии Дешнер, ныне посланник в Португалии. На другой день после его отъезда из Лиссабона там вспыхнула революция. Во главе нового правительства

[1] „Mémoires du général Broussilov", Hachette, p. 106 et suiv.

был поставлен Хозе Чагас, бывший португальский посланник в Париже. Но при своем приезде из Опорто в Лиссабон он стал жертвой покушения, и жизнь его находится в опасности. Главные министры старого кабинета заключены в тюрьму. Президента республики до сих пор оставляют на своем посту. Сегодня утром беспорядки пришли к концу. Город снова принял свой обычный вид.

Среда, 19 мая 1915 г.

Не считаясь с моими возражениями, Мильеран, согласно решению совета министров, представил мне на подпись декрет о назначении Альбера Тома товарищем министра, ведающим артиллерией. По, как видно, социалистическая группа воспротивилась участию еще третьего социалиста в правительстве. Самба и Тома вынуждены вести по этому поводу переговоры со своими товарищами. Итак, вопрос остается открытым.

Будано представил мне от имени военной комиссии сената доклады Анри Шерона и Шарля Эмбера. Новая поездка в Бурж возмутила подкомиссию по вооружению против Мильерана и его сотрудников. Ряд членов комиссии заявляет, что мы вынуждены будем остановить операции на север от Арраса за неимением артиллерии. „Некоторые члены комиссии, — говорит Будано, — очень удручены этим; другие, являющиеся непримиримыми противниками кабинета, чуть ли не открыто торжествуют".

Палеолог извещает нас, что Россия согласна на небольшие уступки в пользу Румынии. Она согласна установить будущую границу в Буковине на реке Серет. Кроме того она признает за Румынией право на аннексию округа Торонтал (Петроград, № 660). По в обмен за это, пишет Палеолог, „безусловно необходимо, чтобы румынское правительство выразило готовность вести переговоры на базе ноты, врученной ему русским правительством 14 мая..." По соглашению со мною Делькассе посылает в Бухарест телеграмму, в которой ссылается на обещания Сазонова и просит Румынию ответить надлежащим образом на эти доказательства доброй воли (из Парижа в Бухарест, № 225). Впрочем, победа русских или французов обладала бы более убедительной силой.

Четверг, 20 мая 1915 г.

Социалистическая группа вернулась к своему первому решению и разрешила Альберу Тома принять пост товарища военного министра. Декрет появится сегодня утром. Как и следовало ожидать, газеты умеренного лагеря встретили это назначение с тем бо́льшим недовольством, что в кабинете не представлена ни одна из правых партий и таким образом нарушено равновесие „священного союза". Я указываю на это Вивиани и Мильерану, но они слушают меня рассеянно. Сегодня на заседании совета министров мы узнали, что радикальный депутат от Нижней Шаранты Фабр внес запрос о назначении социалиста-коллективиста на пост товарища военного министра. При этом случае я указал на то, что в Англии кабинет, как видно, собирается включить в свой состав консерваторов (от Поля

Камбона, 19 мая, № 1041) и что мы тоже должны пополнить состав правительства такой личностью, как Депи Кошен. Бриан энергично поддерживает меня, Вивиани робко соглашается, но Оганьер, Мальви и Сарро высказываются против моего предложения, одни более страстно, другие менее резко. Самба заявляет, что не возражал бы против назначения Кошена товарищем министра по пороховому ведомству, но назначение Кошена министром вызовет нарекания против правительства в попытке сблизиться с Римом. Мильеран предупреждает совет министров, что ни под каким видом не согласится принять еще одного товарища министра. В результате не было принято никакого решения. Надо будет еще вернуться к этому вопросу.

По поручению Грея Берти вручил Делькассе вербальную ноту относительно Болгарии. Грей вносит поправки в предложения Сазонова, который полностью присоединяется к требованиям Болгарии. Английский министр иностранных дел предлагает заявить в Софии: „В обмен за ваше сотрудничество против Турции союзники гарантируют вам в Фракии линию Энос — Мидия и в Македонии — границы по мирному договору 1912 г., причем последнее под тем условием, что Сербия получит компенсации в другом месте. Кроме того союзники изъявляют готовность использовать после войны свое влияние на Грецию, чтобы обеспечить Болгарии владение Кавалой, компенсировав Грецию в Малой Азии".

Мне думается, что этот новый торг имеет мало шансов. Болгария найдет это предложение недостаточным, Греция найдет его неприемлемым. В конечном счете мы рискуем остаться без помощи той и другой.

В совете министров наметились два течения. Одни, как Мальви и Оганьер, готовы пожертвовать Грецией Болгарии, сотрудничество которой представляется им безусловно необходимым для операции на Дарданеллах. Другие, как Бриан, ставят гораздо выше помощь Греции, чем Болгарии. Я высказываюсь в том смысле, что нам надо открыто спросить Грецию, согласна ли она пойти с нами, не ставя условий, как она вначале подала нам надежду, и сказать ей, что в случае неполучения от нее утвердительного ответа мы оставляем за собой свободу действий. В таком случае мы сможем обратиться к Болгарии и проявить к ней больше щедрости. Но если мы будем пытаться устроить всех и не примем решения в ту или другую сторону, нам придется отказаться от чьей-либо помощи на Балканском полуострове. Большая часть министров склоняется в пользу моего мнения, но соглашения не было достигнуто и продолжение дискуссии откладывается на другой раз. Мы теряем время, а удастся ли когда-либо наверстать его?

Блондель имел продолжительный разговор с Братиану (Бухарест, № 235 и сл.). „Прежде всего, — сказал ему румынский премьер, — я не желал бы, чтобы вы неправильно поняли мои намерения. С самого начала войны моим твердым намерением было выйти из нейтралитета и выступить на стороне Тройственного согласия. Если я медлил высказаться открыто, то это потому, что мне надо было закончить свои военные приготовления, не вызывая резких протестов наших врагов... Когда момент показался мне благоприятным, я начал разго-

воры. По зрелом размышлении я формулировал известные вам требования. Они отвечают не только постоянным национальным устремлениям Румынии, но также необходимости установить естественные границы и таким образом предотвратить национальные столкновения, подобные тем, которые столько лет вносят смуту в Македонию. Если я настаиваю на Дунае как на границе между нами и Сербией, то не для того, чтобы получить еще несколько километров сверх того, что за нами признает Россия, а для того, чтобы иметь вполне определенную демаркационную линию. Тот же довод относится и к Пруту. По этим двум пунктам я вынужден стоять на своем и не уступать".

Впрочем Братиану сослался в оправдание своей нынешней позиции на соглашение 1 октября. „Россия, — сказал он, — в обмен за наш нейтралитет предоставила нам право занять — в момент, который мы сочтем удобным, — те земли австро-венгерской монархии, на которых живут румыны, за исключением Буковины; что касается последней, то здесь границы будут установлены комиссией по принципу национального большинства. Итак, нам предоставлено использовать это право, и не исключена возможность, что это нам удастся без боя. Не думаю, что Россия желает итти по стопам Германии и поступить с этим соглашением, как с клочком бумаги". Как видим, бедный ткач Сазонов совершенно запутался в тех нитях, из которых он с таким долготерпением старался выткать свою ткань.

Альбер Тома сказал мне, что разделит департамент артиллерии на три секции: ручного оружия, легкой артиллерии и тяжелой артиллерии.

Пятница, 21 мая 1915 г.

Вчера, в четверг 20-го, итальянская палата четыреста семью голосами против семидесяти четырех приняла законопроект, которым правительству вручаются полномочия на случай национальной войны. Во время заседания произошли трогательные сцены и восторженные манифестации. Саландра заявил, что Италия всегда преследовала мирную политику, и продолжал: „Ультиматум, с которым австро-венгерская империя обратилась в июле 1914 г. к Сербии, сразу уничтожил плоды наших усилий. Он нарушал наш союзный договор формально, так как предъявлен был без предварительного соглашения с нами и даже без простого предуведомления нас, он нарушал его также по существу, так как стремился нарушить тонкую систему территориальных владений и сфер влияния, которые были установлены на Балканском полуострове. Но в еще большей мере, чем тот или другой отдельный пункт союзного договора, нарушен и даже устранен был весь дух этого договора, так как, начав самую ужасную в мире войну, в прямом противоречии с нашими интересами и чувствами, нарушили равновесие, обеспечению которого должен был служить союз, и таким образом неизбежно снова был поставлен вопрос о национальной цельности Италии. Тем не менее правительство в течение долгих месяцев терпеливо старалось найти компромисс, который должен был вернуть союзу утраченный им смысл существования".

Эти переговоры итальянское правительство резюмировало в „Зеленой книге", которая была роздана членам палаты. Из опубликованных

документов явствует, что 9 сентября 1914 г. герцог Аварна, итальянский посол в Вене, по поручению Соннино уведомил графа Берхтольда, что выступление Австрии против Сербии является актом, который в силу статьи 7-й договора о Тройственном союзе должен был быть совместно обсужден обоими правительствами. Эта статья действительно обязывала Австрию к предварительному соглашению с Италией и к компенсациям, даже в случае временной оккупации. Граф Берхтольд сначала ответил, что война против Сербии носит не агрессивный, а оборонительный характер и поэтому не является основанием для какого-либо обмена мнений с Италией. Но затем германский посол в Вене, получивший инструкции от фон Ягова, склонил Берхтольда проявить больше уступчивости. В то же время в Рим приехал князь фон Бюлов и предложил вести беседу с Соннино. Австрия сначала предложила как объект компенсации Албанию. Италия ответила требованием Трентино и Триеста. Князь фон Бюлов заявил прямо, что Австрия предпочтет воевать, чем отдать Триест, но он считал возможным для Италии получить Трентино. Переговоры с грехом пополам продолжались в феврале и марте. В конце концов Австрия обещала уступить округа Триент, Ровередо, Риву, Тионе и Борго, за что оставляла за собой свободу действий на Балканах. Соннино настаивал на уступке всего Трентино в границах 1811 г., Градиски и Герца, Триеста с его окрестной территорией и островов Курзолари. Австрия ответила 16 апреля отказом за исключением того, что согласилась уступить несколько бо́льшую часть Трентино. С этого момента разногласие было непоправимо; Италия немедленно связалась с Тройственным согласием и решила денонсировать свой союзный договор с Австро-Венгрией.

Ко мне явились члены палаты депутатов Рауль Пере, Беназе, Комбрусс, Стерн и Поль Морель и рассказывают мне о волнении, вызванном в их группе назначением Альбера Тома. Они находят, что социалисты занимают слишком много мест в кабинете. Из соображений такта по отношению к правительству я не мог сказать им, что я сам выступал в совете министров с подобными же возражениями и предложил коррективы. Но я сообщил об их шаге Вивиани.

Растет число издаваемых на фронте газет; они распространяют там хорошее настроение. Сегодня я получил от ребят из Кверси листок, издаваемый 131-м территориальным полком; он называется „Эхо землянок“, „орган троглодитов на фронте“, и желает организовать в честь штыка день „Розалии“.

Зато портится состояние умов в палате. Сегодня было бурное заседание по поводу закупок хлеба для гражданского населения, и министру торговли Томсону пришлось отбиваться от ряда атак.

Суббота, 22 мая 1915 г.

На заседании совета министров я высказываюсь в том смысле, что, если Братиану, несмотря на наши уговоры, не удовлетворится последними уступками Сазонова, надо будет предпринять новый демарш в Петрограде и пытаться добиться более широких предложений. Помощь Румынии становится почти насущной

необходимостью для нашего союзника. Непонятно, что он сам идет на риск провалить переговоры. Бриан и Вивиани поддерживают меня, но Делькассе ссылается на ноту, полученную им от Грея через Берти. В этой ноте Грей всецело высказывается против позиции Румынии. Кроме того сам Делькассе не желает взять на себя ответственность за новое давление на Сазонова, в то время как сэр Джордж Бьюкенен нашел последнего крайне „удрученным“ и помышляющим об отставке. К тому же, если Россия обозлится и решится вступить в переговоры с Германией, пятьдесят два немецких и австрийских корпуса, находящихся теперь на восточном фронте, обратятся против нас. Делькассе проявил такую ретивость в своей оппозиции, что я, щадя его нервы, посоветовал ему только рассмотреть, нельзя ли предпринять какой-нибудь новый шаг в Петрограде в случае отказа Румынии. Действительно, тотчас после нашего заседания пришла телеграмма от Блонделя (Бухарест, № 241, 242, 21 мая), в которой говорилось, что Братиану остается непоколебимым и заявляет, что скорее подаст в отставку, чем поступится чем-либо в своих требованиях. Однако наш посланник прибавляет (Бухарест, № 243), что у Братиану связаны руки и что он должен будет уйти и дать место другому министерству, готовому немедленно открыть военные действия, если русское правительство уступит по вопросу о Пруте и Черновцах. Я написал Вивиани, обратил его внимание на серьезность этого вопроса и настоятельно просил его постараться убедить Делькассе.

Выздоровевший от гриппа де Фрейсине уезжает в Швейцарию. Он хотел заехать ко мне. Я предупредил его и поехал к нему проститься. Он того мнения, что мы должны торопиться с соглашением с Румынией и в случае надобности добиться уступки Черновц. Он полагает также, что нам следует без колебаний гарантировать Каваллу Болгарии, чтобы побудить последнюю выступить на нашей стороне.

Генерал Брюжер говорит мне, что после успеха нашего 33-го корпуса под начальством генерала Петэна, замечательно подготовившего его операцию под Нотр-Дам-де-Лоретт 9 минувшего мая, мы могли бы немедленно использовать достигнутые выгоды, если бы были наготове резервы, но они не были в руках у командующего армией, который, как всегда, сам находился далеко от войск, в тылу. Офицеры 33-го корпуса были очень неприятно поражены, видя, что их оставили после их победы.

Отправляясь сегодня вечером к армии на фронт, я оставил заведующему протокольной частью Вильяму Мартену телеграмму для короля Виктора-Эммануила. Я просил его сообщить о ней министру иностранных дел и отправить ее по назначению, как только станет известно о вступлении Италии в войну.

Воскресенье, 23 мая 1915 г.

Ночь провел в поезде и утром прибыл в Фруар, где меня ожидали командующий восточной группой армий генерал Дюбайль и командующий отрядом лотарингской армии генерал Эмбер[1]. В прекрас-

[1] „Quatre années de commandement“ par le général Dubail, t. II, p. 233 et suiv.

ную погоду мы отправились на автомобиле по правому берегу Мозеля и приехали в лес Буа-де-Шапитр и на гору святой Женевьевы. С вершины ее, словно с балкона, нам видны на другом берегу реки небольшой город Понт-а-Муссон и прославившийся в этой войне лес Буа-ле-Претр. На фронте спокойно. Лишь время от времени раздается несколько пушечных выстрелов. Мы осматриваем в секторе 59-й дивизии, на горе Тулон и на горе Мон-Жан, защитные сооружения, а также батареи и одно судовое орудие, которые стреляют по направлению к границе. Солдаты роют окопы и предлагают мне заложить кусок бруствера; я следую их предложению, и это вызывает с их стороны радостную благодарность. Мы завтракаем в штабе генерала Эмбера у подножья двух квадратных башен Сен-Никола-дю-Пор; во время завтрака я получил телеграмму, что в Италии объявлена мобилизация. Это известие с удовлетворением принято офицерами и солдатами. Все надеются, что это событие сократит продолжительность войны. Днем я присутствую на учении в Курбессо на северо-востоке от Сен-Никола-дю-Пор: 223 и 333-й полки из бригады Шалль проводят пробные атаки. Эти полки отправляются на передовые позиции, и их учат собираться на вырытых в земле площадках, выходить из них траншейными ходами и размещаться в окопах, затем по данному сигналу выскакивать и стрелять. Затем мы проезжаем ряд деревень, полуразрушенных немцами, в частности Кревик, где я нахожу развалины сгоревшей усадьбы генерала Лиотэ. Отсюда мы с командиром 74-й дивизии генералом Биго отправляемся к войскам, занимающим лес Парруа и в последнее время значительно продвинувшимся вперед. Их защитные сооружения теперь вполне на высоте и видимо недоступны любому неожиданному нападению.

Понедельник, 24 мая 1915 г.

Переночевал в Люневилле, где меня охватили воспоминания о моем 2-м батальоне. Здесь я узнал, что Италия объявила, что считает себя находящейся в войне с Австрией. Однако вопреки лондонскому соглашению она не упоминает о Германии.

Отправляемся к стоянке 2-й кавалерийской дивизии. У нее прекрасный вид. Никто не подумал бы, что на рассвете эти люди стояли еще на часах в окопах. С вышки Абленвилль на восток от Мондонского леса мы обозреваем территорию, завоеванную лотарингской армией. Я поздравляю генерала Эмбера. Он, как он сам говорит, из солдатской семьи. Отец его был солдатом, служил в крымскую кампанию, потом конным жандармом в Рамбуйэ. Детство генерала Эмбера протекало в скромных и тяжелых условиях. Однако он окончил с отличием Сен-Сирскую школу, блестяще служил в тонкинских стрелках, затем в армии генерала Дюшена на Мадагаскаре и наконец в Марокко. Когда вспыхнула война, он командовал марокканской дивизией и 32-м корпусом, а 9 марта был поставлен во главе отряда лотарингской армии, которому было дано задание отвлечь возможно больше неприятельских войск, чтобы облегчить наступление в Артуа. Генерал Эмбер выполнил это задание так, что главнокомандующий остался вполне доволен.

Оставив его, я поехал к расположенной вправо от него VII армии генерала де Мод'Гюи. Последнего я нашел таким же скромным и простым, каким я видел его недавно в Сен-Поле[1]. Он счастлив, что командует теперь вогезскими войсками. Через Баккара и Раон-л'Этап, несчастные два города, которые сильно пострадали от бомб и пожаров, мы приехали в Сен-Мишель-сюр-Мерт, где я принял парад частей 41-й дивизии. Доехали до Сафтского леса, где я осмотрел близ фронта наши оборонительные сооружения. Затем остановились в Сен-Дидье, который немцы продолжают бомбардировать; главные кварталы его сильно пострадали. Завтракаем в Плепфен, у подножья Вогез. Здесь находится центр 3-й стрелковой бригады, в которой Мессими доблестно служит в чине подполковника, — он второй раз был отмечен в приказе по армии; я от всей души поздравил Мессими.

Стрелки построили триумфальные арки, дома разукрашены флагами, солнце тоже участвует в празднестве. Известие о вступлении Италии в войну всех обрадовало. Мы завтракаем при звуках полкового оркестра: итальянский гимн, песни батальонов, Сиди-Брагим, лотарингский марш. Хор санитаров пропел несколько песен на провансальском диалекте — стрелковые батальоны этой бригады состоят из южан.

После скромного завтрака садимся на мулов и отправляемся на вершину по крутой тропинке в скалах. Мулы наши очень упрямы и норовисты и плохо слушаются поводьев; когда мы на перевале Бономм должны были принять парад нескольких расположенных здесь рот стрелков, я чувствовал себя не особенно представительным в таком окружении. После смотра мы сошли на землю, и „синие дьяволы“[2] под командой Мессими продефилировали перед нами с молодецким видом. Потом продолжаем взбираться на гору по направлению к Труа-Эпи и Гро-Газон. Мы отчетливо различаем перед Орбей немецкие окопы. Вдали, на равнине Эльзаса, замечаем белые дома. Это все еще земля обетованная, все еще запретная земля.

Спускаемся на мулах вниз до стоянки Мессими и отправляемся в Фрез, Клефей, Ану, ущелье Плафон, Корсье, Брюйер; один за другим я принимаю парад разных родов войск — одного батальона 253-го полка, стрелковой бригады новой формации, 151-й бригады, артиллерийской группы; раздаю знаки отличия — кресты, ордена Почетного легиона, военные медали, военные кресты представленным к отличию офицерам, унтер-офицерам и солдатам. Все видимо счастливы, что эти знаки отличия вручены им самим президентом республики. Значит бывают моменты, когда моя представительная или, как выражается Клемансо, парадная роль не лишена всякого интереса в национальном масштабе.

Вторник, 25 мая 1915 г.

В восемь часов утра вернулся в Париж. Видел Мильерана перед заседанием совета министров и рассказал ему про свои впечатления. Состояние духа войск превосходно. По из всех моих разговоров выте-

[1] „L'Invasion“, p. 420.
[2] Кличка альпийских стрелков. — *Прим. перев.*

кает, что главнокомандующий, или, вернее, главная квартира, слишком опекает командующих армиями. Ни один из них не пользуется ни малейшей свободой в своих действиях, точно так же командующие группами армий. В результате система страдает отсутствием гибкости. С другой стороны, главная квартира страдает от прилива крови. Главнокомандующий не знает, что происходит на периферии этого гигантского организма. Сам генерал Пелле, ближайший сотрудник Жоффра, жаловался на-днях на пропасть, открывающуюся между templa serena (светлыми храмами) главной квартиры и бойцами на фронте.

Министерство иностранных дел отправило мою телеграмму итальянскому королю. По своем возвращении я не нашел ответа.

Совет министров принимает наконец решение обратиться к Софии с формулой Грея, а не Сазонова, так как последняя рассорит нас с Румынией. Делькассе поручено уведомить Романоса, что, так как греческое правительство не согласилось вступить в войну, не ставя условий, мы вынуждены вернуть себе свободу действий, однако не упускаем из виду греческих интересов, как они понимаются самыми выдающимися государственными деятелями этой страны. Король Константин вероятно поймет, что мы намекаем на Венизелоса.

Пьер Лоти, продолжающий любить Турцию нежной любовью, сказал мне, что турецкие противники Энвер паши склонны вступить в сношения с Францией. В согласии с Вивиани я ответил ему, что мы не можем выслушивать никаких предложений, даже официозных, иначе как в присутствии своих союзников. Он передаст этот ответ своим корреспондентам.

Среда, 26 мая 1915 г.

Депутат от департамента Марны Марген говорит мне, что он вышел в отставку в чине артиллерийского командира, для того чтобы иметь возможность рассказать своим товарищам в обеих палатах о положении на фронте. „Одни, — говорит он, — нападают на Мильерана, другие — на Оганьера. В действительности же причина зла одна. Застой на фронтах вытекает из повторения одних и тех же ошибок: атаки носят слишком местный характер, нет никакого общего плана действий, только отдельные удары на-авось. Необходимо, чтобы главнокомандующий изменил свои методы, он должен совещаться со своими подчиненными, должен видеть их, а не все более замыкаться от них. Если он не согласен, остается только отказаться от его услуг. Теперь никто не пожалеет об этом". Строгие, несправедливые замечания, содержащие мало положительного; но к несчастью Марген не один, от кого можно услышать теперь такие речи. Фабий Кунктатор не долго был бы популярен во Франции.

Генерал д'Амаде возвратился из Дарданелл, как мне кажется, гораздо меньшим пессимистом, чем был в своих разговорах с Деффрансом в Каире. Он думает, что через месяц мы будем господами полуострова. Он даже надеется, что еще до этого турки попросят у нас мира. В свою очередь Пьер Лоти пишет мне: „Турки предвидели, что при переговорах потребуется присутствие английского и

русского делегатов; они заранее согласны были на это. Итак, с этой стороны нет препятствий, это согласовано. Они торгуются только относительно итальянского делегата, возражают не без основания, что Италия еще не объявила им войны. Но они несомненно уступят, а ввиду срочности можно было бы пожалуй отказаться от этого. Вот что они предлагают: турецкий дипломат по выбору союзников, Джавид или Талаат, вызывается телеграммой в какой-либо город Швейцарии, тоже по выбору союзников. Когда приезд его туда будет сигнализирован и подтвержден, тайно приедут делегаты союзников. Турки не ставят никаких предварительных условий для этих переговоров. Этот план кажется мне вполне приемлемым. Джавид может приехать скорее Талаата, так как находится в Берлине, но там он только три дня и приехал туда по совершенно другому поводу. Но Талаат внушает мне больше доверия. Итак, если возможно было бы узнать сегодня до восьми часов вечера через посольства, согласятся ли Россия и Англия послать своих делегатов в Швейцарию на свидание с турецким делегатом, который приедет на день-два раньше, то я отправил бы вечерним девятичасовым поездом в Женеву эмиссара, который тотчас телеграфировал бы условным языком Джавиду или Талаату. Таким образом мы не потеряли бы времени. Разумеется без лишних слов, что враждебные действия будут продолжаться во время этих переговоров, словно ничего не произошло. Талаат и Джавид являются в настоящий момент двумя вершителями судеб Турции; Энвер обжогся. Пьер Лоти. Ваш ответ для этих двух делегатов, господин президент, я передам туркам не в письменном виде, а устно, причем одному из них, без свидетелей".

Лоти в качестве дипломата, ведущего переговоры, — все бывает. Уведомленные мною Вивиани и Делькассе полагают, что можно пустить Талаата даже во Францию, если он действительно готов приехать [53]. Мы тотчас же уведомляем Лондон и Петроград, и я даю об этом знать Пьеру Лоти.

Первый вице-председатель военной комиссии сената Будано сообщает мне, что комиссия поручила трем своим членам — Страусу, Лурти и Ле Гериссе — обследовать работу врачебно-санитарной части, но военные власти не допустили их к исполнению своей миссии. Им запретили доступ в Пэ-ле-Мин и Обиньи. Комиссия очень недовольна и собирается протестовать.

Вивиани лично склонен был бы расширить свой кабинет такими людьми, как Барту и Дени Кошен. Но он боится возбудить аппетиты и вызвать недовольство. В составе английского министерства произошли перемены: в него входят теперь восемь министров, в том числе глава оппозиции Бонар Лоу, которому поручено министерство колоний. Бальфур заменил Винстона Черчиля на посту морского министра. Неужели же мы неспособны понимать и осуществлять единение так же разумно, как англичане?

Делегация итальянской колонии обратилась ко мне с очень тепло составленным адресом. Я отвечаю ей в том же духе и выражаю непоколебимое стремление Франции к совместной победе, но, говоря о враге, я в первую очередь имею в виду Германию, а они — Австрию.

Я все еще не имею ответа от итальянского короля, и это молчание начинает удивлять министров.

На ужине были у меня в интимной обстановке Бриан и мой старый товарищ по адвокатуре Мишель Пеллетье. Бриан, так же, как я, очень желает, чтобы мы последовали примеру Англии и Вивиани расширил свой кабинет.

Четверг, 27 мая 1915 г.

Новое письмо от Лоти: „Итак, вчера вечером я отправил гонца в Женеву, он будет там сегодня утром. Я убежден, что Талаат согласится приехать при условии — после нашего разговора я счел возможным дать ему это заверение, — что будет соблюдена тайна относительно него и что ему всячески будет облегчен переезд через границу и в паспорте не будет указано его настоящее имя. Однако надо решить еще два вопроса; я хотел бы иметь возможность ответить на них поскорее телеграммой, конечно условными словами, непонятными для публики. 1) Талаат (который на нашем условном языке называется Полем) конечно попросит как одолжения, чтобы свидание состоялось не в Париже, а в любом другом назначенном ему городе Франции, где немцам нелегко было бы открыть его: в Дижоне, Лионе и т. д. Окажем ли мы ему это одолжение? Я был бы очень рад этому. 2) Хотя Джавид (которого мы называем Жаном) не внушает нам доверия, пропустим ли мы его, если Талаат пожелает привести его с собой? На это, хотя это конечно не может быть sine qua non (непременным условием. — *Прим. перев.*), я тоже хотел бы иметь возможность дать немедленно ответ по телеграфу. Стоит ли упоминать, что я всегда готов и рад явиться по первому зову в Елисейский дворец хотя бы для самой короткой беседы. Примите и пр. Пьер Лоти". С согласия Вивиани и Делькассе я поспешил ответить, что Поль может привести с собой Жана и что не обязателен приезд его непременно в Париж; он должен возможно скорее известить нас о своем отъезде, и правительство по приезде его в Швейцарию распорядится о дальнейшем.

Король Виктор-Эммануил действительно телеграфировал мне во вторник через итальянское посольство, но Титтони нашел его телеграмму сухой и несоответствующей моей, не передал ее мне и посоветовал Риму дополнить ее. Когда я сегодня запросил через Вильяма Мартена, не застрял ли где-нибудь ответ короля, Титтони дал нам это объяснение и вместе с тем послал нам текст задержанной им телеграммы, действительно несколько сухой: „В момент, когда Италия берется за оружие, чтобы освободить итальянские земли от общего неприятеля, я рад послать вашему высокопревосходительству сердечный привет и горячие пожелания победы. Виктор-Эммануил, король".

Пятница, 28 мая 1915 г.

Будано прислал мне составленный Анри Шероном доклад военной комиссии по вопросу о единогласно требуемом ею облегчении контроля. „Будущий историк этой войны, — говорит докладчик, —

установит неоспоримый факт, что реформы и усовершенствования, с которыми связано было освобождение страны, проистекали от контроля со стороны парламента. Только с того момента, как стал осуществляться этот контроль, выявлены были неумелость и ошибки управления. Будущим историкам не придется поэтому ломать себе голову над вопросом, как должны функционировать общественные инстанции во время войны. Опыт уже имеется. Свободное функционирование наших учреждений, полное уважение к нашим конституционным законам являются лучшими гарантиями национальной обороны..." Затем Шерон продолжает: „Мы не присваиваем себе функции исполнительной власти, но мы желаем полностью выполнить свою задачу, без колебаний и слабости... Наш контроль не должен ограничиваться проверкой документов и выслушиванием министров... Действителен только контроль фактов, контроль на местах..."

Понимаемый в таком широком смысле парламентский контроль рискует стать нередко вмешательством в дела правительства. Он может быть полезным или вредным, смотря по тому, какие люди за него берутся и как они берутся за него. Конституция никоим образом не предусматривает, что сенаторы или депутаты могут присваивать себе функции министров, военных вождей или технических начальников, действующих под ответственностью министров. Надо стало быть, чтобы комиссии не превращались в комитеты действия и в своем законном стремлении контролировать и стимулировать действия правительства не ослабляли последнее и не создавали анархии.

В секторе Арраса продолжаются бои с переменным успехом: мы то продвигаемся вперед, то отступаем.

Между Германией и Италией прерваны дипломатические отношения, но ни с той, ни с другой стороны не последовало объявления войны.

Бриан просил меня принять „дедушку Комба", который теперь в Париже и хочет еще раз высказать мне свою благодарность за мой скромный дар, посланный госпиталю в Пон. Конечно я ответил, что приму его. Я нашел его очень возмущенным Мильераном. Он желает скорейшего преобразования министерства и не скрывает, что, если в нынешних обстоятельствах обратятся к нему, он не станет уклоняться. У него даже слабость к портфелю министра народного просвещения, не потому, подчеркивает он, что он желает возобновить свою кампанию, а потому, что ему хочется осуществить реформу, которой он очень увлекается и которая не кажется ему несвоевременной, а именно реформу греческого произношения. „Я хотел бы, — говорит он, — чтобы греческие слова произносили по-новому, по-нынешнему, детям было бы тогда гораздо легче усвоить родство греческого языка с латинским. Возьмите например слово Βαινω — прихожу; почему не произносить его: veno".

Бедный Мишель Пеллетье, который в таком веселом настроении ужинал у нас в среду, умер сегодня от сердечного припадка. Ушел еще один прекрасный друг: Ревейль, Ружон, Адриан, Беригейм, Пеллетье... Вокруг меня становится все более пусто.

Суббота, 29 мая 1915 г.

Мильеран отправится к Жоффру и будет стараться склонить его предоставить бо́льшую свободу действий командующим тремя армейскими группами, которые Жоффр намерен формировать, а именно Фошу, Дюбайлю и Кастельно.

Очень унылое заседание совета министров. Пессимизм начинает проникать в умы. Операция под Аррасом застыла на одном месте. Все члены правительства задают себе вопрос, когда же наконец будут видны результаты этой затянувшейся траншейной войны, которая осуждает нас на неподвижность. Несколько недель назад на завтраке в Елисейском дворце с министрами Жоффр говорил так, что можно было надеяться на окончание войны в июне. Теперь конец все более отдаляется. Парламент волнуется. Мобилизованный в качестве офицера Бокановский написал Мильерану, что намерен интерпеллировать его о работе его министерства с начала войны, что потребует закрытого заседания. В ответ на это совет министров предложил Вивиани поставить вопрос о доверии.

Кажется, Шарль Эмбер рассказывал в сенате, что два батальона якобы сдались неприятелю под пение „Интернационала". Все говорят об усталости войск, и в конце концов такие разговоры могут в самом деле привести к ней.

Между тем в рейхстаге Бетман-Гольвег объявляет, что Германия, если понадобится, будет вести зимнюю кампанию. Там, у немцев, стойкость и выдержка. Неужели у нас, увы, придется констатировать признаки усталости и слабости?

Получена наконец в исправленном виде телеграмма итальянского короля: „Рим, 23 мая 1915 г. Вступая в войну, я обратился к вашему высокопревосходительству с приветом и пожеланиями. Моя телеграмма разошлась с вашей, в которой ваше высокопревосходительство по случаю нашего нового братства по оружию вспоминаете традиции и узы, связывавшие Францию и Италию в прошедшем и объединившие их теперь в новом идеале освобождения угнетенных народов и защиты нашей общей цивилизации. Вполне разделяя мысли, красноречиво изложенные вашим высокопревосходительством, спешу еще раз выразить вам, а также Франции свою искреннюю симпатию и пожелание, чтобы победа нашего оружия привела к установлению длительного мира, основанного на исполнении национальных устремлений, на справедливости и свободе. Примите уверение в моих личных дружественных чувствах к вашему высокопревосходительству".

Президентом португальской республики выбран доктор Теофил Брага.

Воскресенье, 30 мая 1915 г.

Алжирское общество, в которое входят все представители Алжира, устроило сегодня couscous[1] для четырехсот с лишком раненых солдат из Африки. Это торжество, zerda[1] о победе, состоялось в ресторане на проспекте Великой армии. Я послал всем участникам сигары

[1] Очевидно алжирские термины. — *Прим. перев.*

и папиросы и после завтрака появился среди них на короткое время, причем мне оказан был восторженный прием.

Понедельник, 31 мая 1915 г.

Блондель опять телеграфирует нам из Бухареста, что Сазонов выступает здесь с новыми нецелесообразными демаршами (Бухарест, № 259 и 260) и что притязания России исключают всякую возможность соглашения.

Стрелки вогезской армии регулярно посылают мне „Diable au cor", выходящий в Пленфен. Я благодарю их в письме, в котором пишу о своих впечатлениях во время своего посещения 3-й бригады альпийских стрелков и обращаюсь к своим молодым товарищам с приветом и пожеланиями от старого товарища.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Посещение I армии. — Верден. — Буа-ле-Претр. — Буа-д'Айльи. — Образование групп армий. — Поездка в Тарб, Тулузу, Сен-Шамон и Крезо. — Совещание в Шантильи. — Порицание, вынесенное военной комиссией сената. — Посещение V армии. — Реймс и Бетени.

Вторник, 1 июня 1915 г.

Английский премьер Асквит, находящийся теперь в штаб-квартире маршала Френча, заявил о своем намерении посетить завтра Жоффра. Совет министров решил, что Мильеран отправится в ставку Жоффра, в Дуллан, навстречу Асквиту. Дело в том, что, как мне сообщили офицеры связи, главнокомандующий писал Мильерану и просил его, чтобы правительство потребовало от Англии присылки во Францию возможно скорее двадцати дивизий из армии, подготовляемой Китченером. Между тем, судя по словам, сказанным английским военным министром Жоффру, а потом Мильерану, он намерен послать во Францию всю эту армию или часть ее только в том случае, если будет убежден в возможности прорыва немецкого фронта; а раз Жоффр желает теперь снять для прорыва фронта одну из наших армий, опираясь на английские эффективы, мы вращаемся до сих пор в порочном кругу. К тому же у армии Китченера нет снаряжения и винтовок. Поэтому ответ Англии весьма сомнителен.

Тем временем операции в Артуа требуют больших усилий и стоят нам очень дорого. Пятьдесят тысяч человек уже выведено из строя, и правительству ничего не известно ни о программе завтрашнего дня, ни о планах на будущее.

Союзники выступили в Софии с общим демаршем. Болгарии предложены немедленная оккупация Фракии до линии Энос — Мидия и в будущем обладание городами Эгри-Паланка, Охрида и Монастырь. Радославов видимо был приятно поражен, но не знает, как подступиться к королю Фердинанду (София, № 229, 230, 231).

Германский канцлер в своей речи в рейхстаге говорил об Италии в резком и оскорбительном тоне. Однако он старался избегать предположения, что Германия находится в войне со своей прежней союзницей. Баррер запросил Сонино, как намерено поступить итальянское правительство. Министр ограничился указанием, что Саландра

при случае ответит канцлеру; впрочем, сказал он, Германия несомненно готовит сильный удар по Италии (Рим, № 420). Но он не проявил никакого намерения объявить войну Германии.

Прошлой ночью произошел рейд цеппелинов на Лондон. Нам не известно еще число жертв, но были убитые и раненые.

Среда, 2 июня 1915 г.

Я просил Шарля Эмбера притти ко мне побеседовать о докладах, порученных ему военной комиссией сената. Он с готовностью согласился и сегодня утром явился ко мне в мой рабочий кабинет. Он крайне резко отзывается о Баке и Сент-Клер Девилле, впрочем уверяет в своем благожелательном отношении к кабинету; заявляет, что действует совершенно бескорыстно, исполняет без какой-либо личной заинтересованности и задней мысли свой патриотический долг и никогда не согласится принять какой-либо министерский портфель. Он придает важное значение мобилизации промышленности, однако в первую очередь озабочен тем недовольством, которое он находит у командующих армиями, у впавших в немилость генералов и у офицеров. Все, говорит он, жалуются на генерала Жоффра и в особенности на его окружение, и он, Эмбер, коллекционирует и использует все эти жалобы. У него имеются папки обо всем и обо всех.

Я говорил также с сенатором Будано, который ввиду отсутствия де Фрейсине председательствует в военной комиссии. „В сенате, — утверждает он, — с каждым днем растет враждебное настроение против Жоффра Его обвиняют в нежелании подчиняться правительству. Правительство обвиняют в том, что оно не дает ему почувствовать свою власть. Клемансо теперь так же суров к победителю на Марне, как Думер. В субботу, когда комиссия узнала из доклада Ш. Эмбера, что Жоффр вразрез с распоряжениями военного министра хочет оставить на фронте фабричных рабочих, это вызвало всеобщее возмущение комиссии. Клемансо и Эмбер говорили о том, что надо в знак протеста демонстративно сложить свои полномочия".

В России, как и во Франции, после понесенных поражений и потерь происходят конфликты между армией и штатскими. Председатель думы Родзянко, принадлежащий к партии октябристов, отправился в ставку к императору, обратил его внимание на серьезность положения и просил о принятии исключительных и срочных мер против недостатка снаряжения. Император последовал этому призыву. Он назначил комиссию в составе военного министра, председателя думы и трех членов ее, четырех генералов и четырех представителей горнозаводской промышленности (Петроград, 1 июня, № 706).

Те же причины, те же следствия. У нас депутаты Жюль Рош, Борегар, Спронк и Эскудье говорят мне, что они стараются противодействовать распространению зла, но тщетно: агитация против Мильерана и Жоффра приняла угрожающие размеры.

Новые письма от Лоти в роли дипломата. Я получаю их от него одно за другим. „Лицо, посланное мною в Женеву, только что возвра-

тилось и привезло мне следующий ответ: Талаат не может приехать, потому что константинопольской публике известно, что его жизни со всех сторон угрожают заговорщики, и отсутствие его объяснят страхом; кроме того необходимо его присутствие в Константинополе ввиду серьезности происходящих событий. Джавид согласен приехать тотчас по получении телеграммы, если французское правительство пожелает этого. Талаат уверяет, что он будет снабжен всеми полномочиями для переговоров. Как только Джавид приедет в Женеву, он известит меня, и наше правительство даст нам знать, в какой город Франции он должен направиться. Не будете ли вы любезны сообщить мне, могу ли я при этих обстоятельствах телеграфировать — условным языком — Джавиду, что он может ехать в Женеву? Примите и т. д."

Другое письмо: „С моей стороны было бы смелостью выступать со своим суждением. Однако мне кажется, что мы можем вызвать Джавида: разговоры ни к чему не обязывают. В Берлине он только для того, чтобы попытаться добыть немного денег, потому что турки остались уже без денег..."

Третье письмо: „Я не думаю, что ответ Талаата указывает на желание его уклониться от переговоров. Вот его доводы: 1) Он и Джавид поделили теперь между собой турецкие дела: Джавид взял на себя иностранные дела, а он, Талаат, — внутренние, и присутствие его в Константинополе совершенно необходимо. 2) Поездка из Константинополя в Париж требует много времени и нелегкое дело, тогда как Джавид, снабженный полномочиями и находящийся в Берлине (он не возвращается в Турцию только потому, что ожидает ответа Франции), приехал бы тотчас же; отсутствие Талаата было бы похоже на бегство перед угрозами смерти, которыми он окружен так же, как Энвер. И наконец более важный мотив (я обещал не передавать его дальше и умоляю вас, господин президент, никому не говорить о нем): Талаат на этих днях открыл или же решил, что открыл, что в последнем заговоре против его жизни, организованном Саба-Эддином, якобы замешан французский посланник в Афинах". На этот раз доверчивость Лоти превосходит границы.

Делькассе и я полагаем, что дружба к туркам начинает ослеплять Лоти. В согласии с министром я отвечаю ему лично: „2 июня. Согласно поступившим к нам сведениям история с заговором — сплошной вымысел; младотурки правят в Константинополе с помощью террора, и у Талаата нет никакого вразумительного[1] основания не уезжать оттуда, если он искренне питает мирные намерения. Бесполезно говорить вам, что поклеп на французского посланника в Афинах (как впрочем и на английского посланника) является глупой клеветой. Так как Джавид находится в Берлине и не является официальным лицом, французское правительство рискует попасть в западню, если пошлет эмиссара для переговоров с ним. Этот шаг несомненно был бы истолкован как признак нашей слабости. Если турецкое правительство серьезно желает сделать нам предложения, ему надо лишь сообщить их нам предварительно, по крайней мере

[1] В оригинале: „в котором он мог бы признаться". — *Прим. перев.*

в общих чертах, через надежного и известного вам посредника; тогда мы посмотрим, можем ли мы вступить в сношения с Джавидом или кем-либо другим, имеющим специальное полномочие для этого. Простите, что я не ответил вам вчера, но министр счел нужным тщательно рассмотреть этот вопрос, а свой ответ я, разумеется, посылаю вам с его согласия". Новое письмо Лоти; он продолжает стоять на своем: „Вопрос так важен, что вы конечно простите мне, что я вам пишу еще раз. Я передал ваш ответ уполномоченному, который был поражен им и сегодня же вечером повезет его в Швейцарию. Я не думаю, что турки согласятся на требование — очень жесткое, не правда ли? — предпослать своим переговорам письменную программу. Впрочем „в общих чертах" их программа конечно сводится к следующему: оставить Германию и перейти на сторону союзников. В минувшую субботу вы сказали мне, господин президент, что, если бы к нам приехал лично Талаат, вы не ставили бы никакого предварительного условия для его приезда, и я дал об этом знать туда. Не думаю, что наше правительство взяло назад это слово, и продолжаю понимать вас в том смысле, что, если ввиду нашего отказа Джавиду Талаат решится, несмотря на все действительные трудности, приехать лично, от него не потребуют предварительно письменной программы. Но прошу вас быть любезным подтвердить мне, что я не ошибаюсь. Это последний вопрос, с которым я позволяю себе обратиться к вам, после этого будет закончено интермеццо с моей ролью посла, для которой я так мало компетентен. Что касается заговора против жизни Талаата и Энвера, то я безусловно в нем уверен, тем более, что два месяца назад он был раскрыт мне одним из участников. Мне говорили о нем также ряд других турок. „Глупой клеветой", как вы правильно выразились, является причастность наших двух посланников. Но, зная несколько Талаата, я убежден, что он искренне верит в нее". Я ответил Лоти, что, если Талаат решит приехать к нам лично, от него не потребуется заранее никаких письменных заявлений; но для приезда Джавида из Берлина правительство нуждается в гарантиях.

Четверг, 3 июня 1915 г.

Мильеран встретился вчера в Дуллан с Жоффром и Асквитом. Жоффр намерен на этих днях начать две атаки второстепенного значения, одну — на фронте II армии, другую — на фронте VI армии. Асквит очевидно приехал во Францию для того, чтобы уладить непрекращающийся конфликт между Френчем и Китченером. В согласии с французским командованием фельдмаршал желает, чтобы английское правительство прислало во Францию двадцать новых дивизий, т. е. бо́льшую часть армии, созданной Китченером. Последний предпочитает сохранить ее для другого театра военных действий. На совещании между Асквитом, Мильераном, Жоффром и Френчем решено, что в ближайшем времени во Францию будут отправлены пять или шесть новых дивизий; о двадцати не может быть и речи ввиду недостатка винтовок и снаряжения. Англичане сменят одну из наших дивизий на юг от Бассе и одну из двух наших дивизий на север от Ипра. Это мало, но это — начало.

Рибо представил в совет министров законопроект о временном бюджете на третий квартал 1915 г. Он внесет его в президиум палаты депутатов, так как невозможность составить точную смету доходов и расходов на целый год не позволяет нам построить нормальный бюджет. Более или менее значительное увеличение налогов отпадает, потому что очень многие налогоплательщики находятся на фронте; поэтому мы вынуждены одновременно увеличивать выпуск бонов национальной обороны и требования ссуд от государственного банка. Как ни прекрасна будет победа, нелегко будет на другой день после нее восстановить так глубоко потрясенные финансы страны.

Пятница, 4 июня 1915 г.

Ко мне явились члены палаты депутатов Бонневей, Шарль Бенуа, Борегар и сенаторы Одиффре, Гилье и Турон; они советуют преобразовать кабинет на более широкой основе и включить в него представителей всех партий. Указывают мне на Шарля Дюпюи и Мелина и во вторую очередь на Жана Дюпюи и Леона Буржуа.

Сэр Френсис Берти произведен в пэры и отныне является лордом Берти. На мои поздравления он ответил сердечной благодарностью.

Посетил военный лазарет в Френ, устроенный в свободной части тюрьмы. Раненые изолированы от преступников, но тем не менее такое соседство носит несколько тягостный и шокирующий характер.

Суббота, 5 июня 1915 г.

Новый рейд цеппелинов на Лондон. Мы опять не знаем числа жертв.

Состоялось продолжительное заседание совета министров, целиком посвященное вопросам снаряжения; присутствовал Альберт Тома.

Вечером уехал к лотарингской армии.

Воскресенье, 6 июня 1915 г.

Рано утром приехал поездом в Линьи-ан-Барруа и немедленно сажусь в автомобиль с командующим I армией генералом Роком. Мы отправляемся прямо в Верден. Дюпарж и Пенелон следуют за нами. В предместьи Регре нас встречает комендант крепости генерал Кутансо. Со времени моего последнего посещения город пострадал от бомбардировки. Однако орудие, обстреливавшее город, было открыто нами, и очевидно мы заставили его замолчать. На всякий случай комендант распорядился эвакуировать госпитали. Более двух тысяч жителей, встревоженные этими мерами предосторожности, выселились из города. По большинство населения осталось на месте. Мы въехали в Верден со стороны вокзала, в который попало несколько снарядов; я поехал к злосчастному колледжу Бювинье, в котором один единственный тяжелый снаряд разрушил целый корпус. Сила взрыва была так велика, что осколки попали даже на другой конец города и повредили здание супрефектуры. Я послал за мэром Шарнэ, выразил ему свое сочувствие и, не задерживаясь, поехал на вершину

Гюр, поднимающуюся на север от Эпарж и господствующую над всей равниной Воэвры. Нас ожидал командир 2-го корпуса генерал Жерар; он повел нас на наблюдательный пункт, с которого открывается вид далеко на наши и немецкие позиции. На севере наши войска держат Воэвру до окрестностей Этэна и занимают все местности у подножья холмов, включая Эй, Абокур и Манхелль. На юге неприятель всюду взобрался на Маасские высоты (Hauts-de-Meuse), вплоть до Сен-Мигиеля в наших руках не осталось ни одной пяди земли на Воэвре. Позади нас простирается довольно обширная полоса, не занятая неприятелем, а перед нами голый, выгоревший от солнца кряж Эпарж, пустынный, словно лунный ландшафт, — здесь происходили ожесточенные бои. За этой цепью гор все высоты заняты неприятелем, он занял также прелестные коммуны, расположенные у их подножья и приютившиеся на их хребте: Комбр, Эрбевилль, Тилло-су-ле-Кот, Бильи-су-ле-Кот, Гаттонвилль и Гаттоншатель.

Делаю остановку у лазарета, импровизированного в одном углублении почвы. Беседую с офицерами и солдатами. Затем возвращаюсь в долину Мааса, в небольшой город Ансамон, где меня скоро узнали мои земляки и где я принимаю парад нескольких воинских частей. Вскоре затем командир 6-го корпуса генерал Герр встречает меня на правом берегу реки, в Дье, где помещается его штаб. Я с ним наскоро закусываю и потом отправляюсь в дорогу. Мы поднимаемся вдоль Мааса до Тройона, где я очень рад был неожиданно встретить одного из своих кузенов, коменданта Луи Малезие, во главе его части. Мельком оглядываю развалины форта и две отнятые у немцев барки, на которых по ночам патрулируют на канале чины наших морских частей. Затем снова пересекаю долину и через деревни Вуамбей и Лагеймей, которые я так долго представлял в генеральном совете Маасского департамента, приезжаю к чудному лесу Маркольс, густая листва которого не пострадала от бомбардировки. Долго идем пешком и приходим к тригонометрическому пункту 323, где нас встречает подполковник Андрие, автор интересных очерков об использовании чертежей и фотографии на войне; он показывает нам свой артиллерийский наблюдательный пункт и преподносит мне эскиз, изображающий вид на реку с Шовонкур и Сен-Мигиель. В Шовонкуре в прошлом году находились громадные казармы Парош и ютились у форта изящные домики; теперь от них остались только развалины. Сен-Мигиель понес пока лишь небольшие повреждения. Бедный, находящийся в неволе город как будто спокоен; блестят на солнце черепичные крыши; я легко различаю церковь святого Стефана, в которой находится „Положение во гроб“ Лижье Ришье, церковь святого Михаила со „Скорбящей божьей матерью“ того же художника, старое бенедиктинское аббатство, где еще недавно помещался суд, и под городом семь живописных скал, из которых одна имеет вид огромного стола и называется жителями чортовым столом[1]. Жаркий знойный день. Батарея 75-миллиметрового калибра, у которой мы находимся, стреляет по неприятельским окопам, вырисовывающимся перед нами на правом берегу реки. За соединитель-

[1] Во время войны эта скала была повреждена снарядом.

ными ходами видны черные дымки от взрывающихся снарядов. Милая, родная страна, в которой каждый шаг вызывает во мне столько воспоминаний, мог ли я когда-либо подумать, что ты будешь так осквернена нечестивой войной?

Возвращаюсь через Лагеймей, Курувр и Пьерфитт-сюр-Эйр, где я в молодые годы — мне было двадцать шесть лет — нашел столько верных и добрых друзей; теперь здесь расквартированы войска. В Линьи-ан-Барруа обедаю с генералом Роком и остаюсь на ночлег в тихом доме, окруженном деревьями.

Понедельник, 7 июня 1915 г.

В шесть часов утра выехали из Линьи на автомобиле. Отправляемся через Туль в Домевр-ан-Гей, где я встретил своего племянника Леона, сына Анри Пуанкаре; молодой человек, слушатель политехнической школы, мобилизован в чине артиллерийского подпоручика и состоит в настоящий момент при 73-й дивизии, в секторе Буа-ле-Претр. В Пювенельском лесу, близ Мамей, мы поднимаемся на довольно высокую гору, с которой открывается широкий вид на Рамановилль, Репьевилль и Фей-ан-Гей. Наши и немецкие окопы выделяются толстыми линиями на земле, изрытой гранатами. Затем мы направляемся к деревне Монтовилль, расположенной в ложбине на юг от леса Буа-ле-Претр. Деревня не эвакуирована, и крестьяне братаются с войсками. Две девочки читают приветствие и подносят мне цветы. Явился встречать меня также бывший депутат от департамента Маас, поручик запаса Феррет. Я беседую несколько минут с командиром 73-й дивизии генералом Лебоком и командующим регулярной бригадой в Туле генералом Риберпрей. Затем без проволочек отправляюсь в лес Буа-ле-Претр, о котором так часто говорится в сводках. На южной опушке устроено большое солдатское кладбище; увы, необходимость его бросается здесь в глаза. Прикрытые свежесрезанными ветками лежат еще не преданные земле трупы, ожидают своего погребения; рои мух жужжат вокруг них, солдаты торопливо роют могилы.

Мы входим в лес гуськом, через бесконечные ходы, вырытые в земле и извивающиеся под раненными деревьями. Встречающиеся нам солдаты сильно страдают от духоты и зноя. Мы направляемся к передовым окопам; они находятся совсем близко от неприятеля, но в настоящий момент там спокойно. По мере того как мы подвигаемся вперед, лес все более обнажается; вокруг нас картина разрушения; деревья совершенно лишены листьев и ветвей, остались только изувеченные и сломанные стволы, имеющие жалкий вид. Временами молчание нарушается воем гранаты или свистом пули. Генерал Дюбайль, присоединившийся к нам в Линьи и сопровождающий нас, а также командующий армией генерал Рок не советуют мне итти слишком далеко[1]. Но солдаты проявляют такую радость при виде

[1] Генерал Дюбайль, цит. соч., т. II, стр. 264: „Один момент мы находились в нескольких метрах от неприятеля; здесь у нас с ним общие проволочные заграждения. Я советую соблюдать осторожность и облегченно вздохнул, когда президент вышел из леса".

меня, что я естественно хочу дойти до конца. Останавливаюсь в разных „убежищах"-прикрытиях и беседую с солдатами. Там и сям в углу хода лежат трупы, еще не отнесенные на кладбище. Обойдя окопы, мы возвращаемся той же дорогой; в одном из ходов, в так называемом „Corvée de Café", меня угощают солдатской похлебкой, которую я поглощаю с наслаждением. При выходе из леса я принимаю парад одной роты, а также взвода критских волонтеров, которые невольно напоминают мне про короля Константина и впавшего в немилость Венизелоса.

Затем мы проезжаем Понт-а-Муссон и Дьелуар; они находятся под огнем неприятеля. Наличие промышленных заведений обусловило неоднократную бомбардировку, следы ее видны повсюду. Однако оба города вовсе не представляют пустынного вида. По дороге нам кланяются женщины, дети играют на улицах. Мы завтракаем в Бук с командиром 31-го корпуса генералом Делетуалем в красивом имении генерала де Морлекура; с террасы замка мы можем вдоволь созерцать равнину Воэвры с ее суглинистой почвой, столь плодородную вчера, столь тщательно обработанную, а ныне превращенную в постоянное поле сражения и изрезанную окопами. Вот Эвилль с его каменоломнями, работа на них почти прекратилась; вот Виньо и Бопкур, знакомые деревни, которые я так часто искал глазами с вершины своего холма; вот Мекрен в долине напротив Сампиньи — немцы бомбардировали его с таким же остервенением, как мою собственную коммуну. Вот форт „римского лагеря", господствующий над Сен-Мигиелем и всем районом. Немцы прогнали нас оттуда и установили наверху свои батареи, которые могут свободно обстреливать местность по всем направлениям. Мекрен, как и Сампиньи, покинут жителями. Проезжая по его пустынным улицам, я не могу не бросить беглого взгляда на развалины своего дома на другом берегу Мааса, но я сегодня не буду там, так как у меня осталось мало времени, а я хочу еще остановиться в Марботт и в лесу Буа д'Айльи. Марботт представляет собой теперь лишь груду камней; осталась только церковь; все жители ушли. Слева, у входа в город, восемьсот солдатских могил с правильно расставленными крестами; на могилах присланные родными венки и цветы. В сопровождении генерала Блазе, который недавно был моим спутником в Шлухт, а в настоящее время командует 15-й дивизией, мы входим в лес. Солдаты размещены в порослях, где нередко становятся жертвами немецких пуль[1]. По длинной лесенке я взбираюсь на верхушку большого дуба, с которой открывается вид на лес д'Айльи, такой же голый, как участок леса Буа-ле-Претр. „Как настоящий синий дьявол, — пишет в своих воспоминаниях генерал Блазе, — г. Пуанкаре бодро и безбоязненно взобрался наверх. Оттуда открывается вид на море зелени, затем на поля, развороченные гранатами, и посреди этой пустыни, на линию окопов, в которых движутся головы и серо-зеленые спины. Г-н Пуанкаре с интересом наблюдал эту картину и затем громко спросил: „Это наши?" — „Будьте добры, господин президент, говорите не так громко, если не желаете быть открытым... и убитым! Я не мог бы

[1] Général Blazer, op. cit., p. 171.

простить себе, если бы допустил, чтобы неприятельская пуля сразила президента французской республики, офицера альпийских стрелков". Я объясняю своему храброму спутнику, что мои окопы находятся у опушки, под нами, и поэтому не видимы для нас, а те окопы, которые он видит на расстоянии 120—130 метров, заняты немцами..."

Когда я спустился вниз, четыре санитара проносили на носилках труп убитого товарища. Я заговорил с ними. У них превосходное состояние духа, но они не скрывают от меня, что устали после недавних боев.

Возвращаюсь в Коммерси, осматриваю здесь производство бомб и ручных гранат для борьбы в окопах, посещаю с моим другом сенатором и мэром Рене Гродидье городские госпитали и лазареты. Генерал Рок и командующий 8-м корпусом генерал Кордонье рапортуют мне, что на-днях двадцать три солдата 56-го пехотного полка были приговорены к смерти за то, что оставили окоп в лесу д'Айльи. Оба генерала просят меня помиловать их, и я охотно исполняю это желание, убежденный, что молодые люди, оставшись на фронте, сумеют загладить перед начальством свою минутную слабость и воспрянут духом в своих собственных глазах. Но действительно ли я возвращаю им жизнь? Или же, увы, только новые случаи быть убитыми и искалеченными?

Вторник, 8 июня 1915 г.

К восьми часам утра я возвратился в Елисейский дворец и председательствую на заседании совета министров. Рибо болен. Все другие министры опечалены пришедшими в мое отсутствие известиями из России и Дарданелл. Генерал Гуро телеграфировал, что наш экспедиционный корпус после систематической подготовки атаковал турецкие позиции, но достигнутые результаты не соответствуют понесенным потерям и приложенным усилиям. Он и генерал Гамильтон убеждены, что при сложившихся обстоятельствах, совершенно аналогичных положению на западном фронте, наше продвижение на полуострове Галлиполи будет медленным и будет стоить нам больших жертв, если Турция сохранит здесь за собой все свои средства обороны. Гуро считает, что для нас крайне важно вступление в войну нового союзника и соответственная диверсия, если мы желаем быстро притти к цели без слишком тяжелых жертв (Тенедос, 6 июня, № 5; генерал Гуро в военное министерство, 6 июня, О. Т., № 167/315).

В России сессия Думы, закончившаяся в феврале, отсрочена до ноября. Под влиянием поражений, понесенных русскими армиями и поведших в марте к потере всей Восточной Пруссии, а затем и Галиции[1], часть общественного мнения начинает требовать немедленного созыва Думы, чтобы положить конец небрежности и разгильдяйству военной администрации. Движение растет, и Палеологу говорили, что император охотно согласится на помощь народного представительства (Петроград, № 723). Тем временем русские очистили Перемышль. Это произвело удручающее впечатление в России, страна чувствует себя униженной и разочарованной (от генерала де Лагиш, Петроград, 5 июня).

[1] „Hindenburg" par le général Buat, librairie Chapelot, p. 9 et suiv.

II и III итальянские армии приступили к операциям в большом масштабе с целью переправиться на виду у неприятеля через Изонцо между Капоретто и морем (от полковника де Гондрекура, № 9).

Мы не продвинулись ни на шаг ни в Бухаресте, ни в Софии, ни в Греции. Между тем Палеолог под влиянием русских поражений энергично настаивал перед Сазоновым на том, чтобы он проявил больше уступчивости румынам (Петроград, № 736).

Я не имею никаких известий ни от Лоти, ни от его турок.

Новый визит Маргена, депутата от департамента Марны. Он был один день товарищем министра в кабинете Рибо в 1914 г., это учтивый человек, весьма благонамеренный и совершенно далекий от демонических настроений. Он прямо заявил мне, что придется сместить Жоффра и назначить главнокомандующим Саррайля. Последний сделает попытку пройти через Спенкур и проникнуть в Германию. Я заметил, что смена главнокомандующего будет использована против нас нашими врагами, а также в нейтральных странах. Саррайль замечательно действовал в Вердене во время битвы на Марне, но ничто не доказывает, что теперь попытка прорыва удастся ему в большей мере, чем Жоффру. Конечно я не убедил Маргена.

Среда, 9 июня 1915 г.

Посланец Лоти доехал до Мюнхена с целью говорить непосредственно с Джавидом, но турки, все более и более опутываемые немцами и к тому же ободренные своим собственным сопротивлением на Дарданеллах, уклоняются теперь от всяких разговоров, и тем паче Джавид не желает дать письменной программы переговоров. Что касается Талаата, то он теперь еще более далек от мысли об отъезде.

Мильеран скрепя сердце решился назначить на место генерала Баке генерала Буржуа и на место генерала Сент-Клер Девилля генерала Дюмезиля. Комиссии парламента ни в коем случае не простили бы ему дальнейшей проволочки. Конечно они допустили преувеличения в своей критике обоих этих высших офицеров. Первый является учеником полковника Депора, изобретателя орудия 75-миллиметрового калибра; сам он создал орудие 120-миллиметрового калибра и первоначальный вариант орудия 155-миллиметрового калибра. Что бы ни говорил Шарль Эмбер, не он, не Баке, аннулировал в ноябре заказ на сто батарей 75-миллиметровых орудий; он просто привел в исполнение уже принятую раньше меру; но он любил говорить, что у нас слишком много пушек, во всяком случае сравнительно с нашим запасом снарядов, и ему не удалось ни увеличить наш запас снарядов, ни ускорить производство орудий. Что касается генерала Сент-Клер Девилля, он оказался между двух огней и в своем стремлении во что бы то ни стало увеличить число орудий уступил требованиям заводчиков и допустил в испытаниях на прочность гораздо меньшее давление, чем нормальное, — в результате на него не без основания возлагали ответственность за разрывы орудий[1]. На фронте за менее важные ошибки принесли в жертву, „лиможиро-

[1] Mermeix, op. cit., p. 352 et suiv.

вали", т. е. послали в тыл, в Лимож, многих генералов, и они в большинстве случаев с достоинством переносили опалу. Война безжалостна, и для стимулирования производства нельзя было обойтись без устрашающих примеров. Но Мильеран хотел предоставить смещенным генералам некоторые компенсации. Он предложил мне на подпись декрет, и я по его настоянию подписал его декрет о награждении Сент-Клер Девилля третьей звездой. Что касается Баке, министр ничего не требовал от меня и ничего не предлагал мне, но так как с августа 1914 г. награждения военных орденом Почетного легиона происходят помимо президента республики, он официально внес генерала Баке в список будущих командоров и ничего не сказал мне об этом.

Четверг, 10 июня 1915 г.

Брайан, статс-секретарь государственного департамента в Вашингтоне, подал в отставку. Он не мог решиться поставить свою подпись под ответом Соединенных штатов Германии, составленным самим президентом Вильсоном. Он считает этот ответ слишком агрессивным и способным повести к войне (от Жюссерана, № 413).

Благодаря вмешательству Палеолога император и Сазонов объявили, что Россия готова уступить в вопросе о Черновцах, если Румыния обязуется безотлагательно вступить в войну (Петроград, 9 июня, № 734).

Пятница, 11 июня 1915 г.

Генерал Рок переслал генералу Дюпаржу свои приказы по I армии и 8-му корпусу, в которых он передает войскам мои приветствия и извещает о помиловании двадцати трех солдат 56-го полка. Рок сообщает Дюпаржу, что в минувшее воскресенье мы чуть было не подверглись большой опасности. В наблюдательном пункте в Марботтском лесу упала граната близ большого дуба через десять минут после того, как я сошел с последнего. Лес Буа-ле-Претр всю вторую половину дня усиленно бомбардировался. Лишь бы только не навлекло на головы наших солдат огонь неприятеля мое посещение, о котором немцы возможно узнали потом.

Сербия не желает доверить великим союзным державам установление без ее участия условий, которые должны быть предложены Болгарии; она беспокоится также о том, что могло быть обещано Италии (Ниш, № 425, 426, 427). В свою очередь Италию не очень радует, что сербские войска вступили в Албанию (от Делькассе в Ниш, № 234; из Ниша, № 422).

Чем больше расширяется коалиция союзников, тем труднее будет руководить (conduire) ею.

Вчерашнее заседание палаты депутатов прошло с большим успехом для Мильерана, вопреки опасениям его товарищей по кабинету. Ему единодушно аплодировали. Прерывали его только на скамьях социалистов. Дальбье внес предложение о более целесообразном распределении мобилизованных или подлежащих мобилизации; отвечая на это предложение, Мильеран замечательно ясно изложил меры, принятые с начала войны для того, чтобы призвать в ряды армии воз-

можно большее число освобожденных, уволенных или получивших вспомогательное назначение. Он ясно указал, что́ еще остается сделать в этом направлении. Ему удалось на время успокоить оппозицию палаты. Но в военной комиссии сената продолжается кампания против него и Жоффра. Будано, все еще заменяющий Фрейсине, прочитал мне отрывки из речей, произнесенных в полусекретной обстановке комиссии Шарлем Эмбером, Думером и Апри Шероном. Это резкие обвинительные речи против генерального штаба сегодняшнего и вчерашнего дня. Будано сказал мне, что, отчаявшись в возможности успокоить умы, он плачет каждый вечер, возвратившись домой. Это его точные слова. Кажется, Клемансо заявил, что, если дела будут продолжаться таким образом, произойдет восстание генералов против высшего командования. Шарль Эмбер угрожал, что откроет правду народу и добровольно даст себя арестовать на площади Согласия.

Суббота, 12 июня 1915 г.

Мильеран сообщает в совете министров, что начальник его канцелярии полковник Бюа вернулся из Лондона с неутешительными известиями: до сих пор не производится еще ни одной винтовки, миллион солдат обучается на деревянных ружьях, новые дивизии совершенно лишены снаряжения, а между тем у Англии имеются такие промышленные ресурсы, которых у нас нет. Первая армия Китченера в составе шести дивизий уже наполовину перевезена во Францию; три дивизии, оставшиеся по ту сторону Ламанша, будут перевезены до конца месяца; вторая армия сможет прибыть не раньше 15 августа.

Марсель Самба извещает совет министров, что социалисты требуют для всех группировок в палате депутатов права посылать делегатов в армии на фронт. Он выражает желание, чтобы Вивиани дал свое согласие на это. Вивиани отвечает, что предпочтет отказаться от власти, чем разрешить поездки к армиям, что знает уже по опыту все недостатки этих поездок и связанные с последними опасные злоупотребления. Рибо высказывается в том же духе. Я поддерживаю их взгляд. Самба не настаивает. По как трудно согласовать требования, вытекающие из парламентских обычаев, с велениями войны! А между тем какая опасность таится для Франции, если нам не удастся до конца провести это согласование!

В совете министров я предлагаю Делькассе, чтобы союзники официально известили Сербию о том, что они оставили для нее в Далмации, и побудили ее возобновить военные операции и вступить в Боснию и Герцеговину. Плохое настроение этой небольшой страны вполне объяснимо: ею пренебрегают, она в загоне, ее оскорбляют, обращаясь с ней как с quantité négligeable (величиной, которой можно пренебречь). Рибо поддерживает меня. Правда, судя по Зеленой книге, Италия намерена соблюдать тайну. Но мы можем предложить Барреру постараться убедить Италию, что в нашем общем интересе сказать правду. Делькассе должен был ограничиться отправкой нашему посланнику в Пише Боппу сжатой депеши общего и недостаточно ясного содержания. Разумеется, лучше было бы вообще не производить дележа до победы, но раз Италия потребовала его

и мы пытались при этом отстоять (ménager) права Сербии, то почему оставлять последнюю при убеждении, что она была принесена в жертву?

В настоящий момент Сербия, не будучи осведомленной, пытается сама наложить руку на залоги: она пробирается в Албанию, она занимает Эль-Бассан (Пиш, 10 июня, № 428). Это продвижение Сербии в одинаковой мере возбуждает подозрения Италии и Черногории (Цетинье, № 145; Скутари, № 112; Рим, № 446 и 447). Как сообщают, черногорский кабинет советовал королю Николаю занять Скутари (Цетинье, № 155).

В сегодняшних американских газетах напечатан ответ президента Вильсона Германии. Люссеран телеграфирует нам, что этот ответ весьма умерен и делает непонятной отставку Брайана (Вашингтон, № 418).

В Москве произошли серьезные беспорядки (Петроград, № 744, 745, 746). Пострадали все иностранцы без различия — немцы и французы.

Воскресенье, 13 июня 1915 г.

Следуя советам правительства и моим, Жоффр произвел реорганизацию высшего командования, долженствующую окружить его опытными сотрудниками и установить более надежную связь между армиями и главнокомандующим. Согласно генеральному приказу № 39 войска, оперирующие на северо-восточном фронте, будут отныне разделены на три подчиненные группы армий: на так называемую северную группу (генерал Фош), центральную группу (генерал де Кастельно) и восточную группу (генерал Дюбайль). В северную группу войдут 36-й корпус, X армия и II армия за исключением 13-го корпуса. Генерал Фош, заместитель главнокомандующего, имеет кроме того попрежнему задание согласовать операции с английской и бельгийской армиями. В центральную группу войдут VI армия, увеличенная 13-м корпусом, V армия и IV армия; в восточную группу войдут III и I армии, отряд лотарингской армии и VII армия. Командующие группами армий будут иметь право устанавливать (régler) зоны действия армий, распределять отдельные части на фронте, создавать свои собственные резервы, в том числе также из мобильной тяжелой артиллерии, руководить операциями, предложенными ими или предписанными им главнокомандующим. Они будут также заведывать распределением снаряжения между подчиненными им армиями. Персонально командующие армией или отрядом армий конечно попрежнему будут подчинены главнокомандующему. Но генералы, командующие группами армий, должны будут вносить все предложения, которые считают целесообразными. Кроме того общие вопросы будут решаться при их участии. Эти правила должны быть немедленно применены к северной и восточной группам. Центральная группа будет образована в дальнейшем, в срок, который будет указан в ближайшем времени.

Жоффр попрежнему очень недоволен англичанами. Ни он, ни Мильеран, ни Делькассе не знают, прибудут ли во Францию три дивизии армии Китченера, которые находятся еще в Англии и были обе-

шаны нам к концу этого месяца. Повидимому здесь между Китченером и Жоффром имеются основные расхождения военно-теоретического характера. Английский военный министр, который впрочем предоставляет английскому правительству заботу о ведении войны и маршалу Френчу полный простор в его командовании, является, как некогда Веллингтон, противником наступления. Он говорит: „Генерал Жоффр и сэр Джон Френч возвещали мне в ноябре, что собираются отбросить немцев в Германию; такие же заверения я получил от них в декабре, марте и мае. Что же они сделали на самом деле? Наступления стоят очень дорого и не ведут ни к какому результату. Лучше будет щадить наши контингенты, в особенности если нам предстоит в один прекрасный день грандиозная атака немцев“[1].

Пашич утверждает, что никакие сербские войска не были сняты с австро-венгерского фронта и что операция, предпринятая в Албании для помощи Эссад паше, останется без влияния на главный театр военных действий, где сербы в самом скором времени возобновят свои атаки (Ниш, № 436).

Шарль Эмбер поместил сегодня в „Journal“ под своей подписью панегирик американской фирме „Вифлеемская компания сталелитейных заводов“, которая в бытность его в Америке предложила ему производить снаряжение для Франции. Он не может простить Мильерану отклонение этого заказа и желает, чтобы приняли это предложение. Не успел я прочитать эту статью, как получил от Эмбера, моего старого коллеги, письмо, помеченное 11 мая, в котором он в несколько странном тоне упрекает меня в том, что я допустил компенсации для генералов Баке и Сент-Клер Девилля. Как видно, он продолжает собирать факты, чтобы впоследствии, в случае национального несчастья, иметь право заявить, что он все предвидел, а президент республики и министры оставили без внимания его предостережения. Я не подозревал до сих пор, что „толстяк Шарль“ считает себя призванным провидением к роли Кассандры; в своем ответе ему я позволил себе немного иронии[2].

Вечером я выехал из Парижа вместе с Мильераном, генералом Буржуа и генералом Дюпаржем. Мы посетим ряд заводов, работающих на оборону.

Понедельник, 14 июня 1915 г.

Я начал с осмотра государственных заводов. Утром приехал в Тарб и прямо с вокзала отправился на завод. В настоящий момент там производят только отдельные орудийные части. Для Буржского арсенала здесь производятся высверливание, расширение зарядной камеры и нарезка орудий. Пока еще выпускаются только два орудия в сутки, но скоро цифра эта будет доведена до четырех, а затем до семи. Кроме того завод производит патроны, трубки для гранат, снаряды, соль гремучей кислоты и порох. Рабочие очень прилежны. Я роздаю пятидесяти из них медали золотые, золоченые, серебряные и бронзовые. Благодарю их за великие услуги, оказываемые ими солдатам.

[1] Записка полковника Бюа о разговоре с Китченером 11 июня.

[2] Эти письма опубликованы у Мермей, цит. соч., стр. 365 и сл. и у Шарля Эмбера, стр. 38 и сл.

Горячий прием со стороны населения. На всех проезжаемых мною станциях я слышу те же приветственные крики. Неверно, стало быть, что страна падает духом. После полудня уезжаем из Тарба, завтракаем в поезде и проводим остаток дня в Тулузе; здесь мы в сопровождении социалистического депутата и помощника мэра Эллен Прево посетили пороховой и машиностроительный заводы. Пороховой завод выпускает теперь девять-десять тонн в сутки. Устанавливаются печи для производства бензола путем катализа скипидара по способу профессора Сабатье — я недавно присутствовал при чествовании этого ученого в Тулузском университете [1]. Машиностроительный завод выпускает пока только ружейные патроны. Я вручаю медали еще двум рабочим, и они так же счастливы, как и солдаты на фронте, когда их награждают военной медалью.

После государственных заводов мы осматриваем частные. Садимся в поезд, приезжаем в девять часов вечера на станцию Каркассона, где восторженная толпа, предуведомленная о нашем приезде, приветствует нас под звуки „Марсельезы". А на горе в ясную ночь вырисовывается на прекрасном южном небе силуэт старого города.

Вторник, 15 июня 1915 г.

Проезжаем Нарбонну, Безье, Монпелье, Ним, Авиньон, Валанс и к девяти часам утра приезжаем в Сен-Рамбер-д'Альбон. Отсюда — на автомобиле через Севенны до долины Жье. Останавливаемся в Сен-Шамоне и осматриваем заводы, принадлежащие Обществу железоделательных и сталелитейных заводов (Compagnie de la Marine et d'Homécourt). Я вижу новейшие тридцатитонные мартены, кузнечные прессы в шесть тысяч тонн, большие станы для прокатки броневых плит, монтажный цех для сбора башен, цех для снарядов, затем созданное за короткое время после объявления мобилизации производство [2], выпускающее в сутки более тридцати тысяч трубок для снарядов, производство гильз, тоже поставленное со времени войны, прекрасно оборудованную опытную лабораторию и два орудия 305-миллиметрового калибра в процессе производства.

Из Сен-Шамон мы едем в Сен-Гальмье, наскоро завтракаем здесь и запиваем минеральной водой из местных источников. Потом едем через Мулен в Эмфи, заводы которого, на мой взгляд, работают замедленным темпом, и в Фуршамбо, где производятся снаряды 75-миллиметрового калибра, бомбы Дюмезиля и различные части лафетов; здесь тоже мы выносим впечатление, что работа могла бы итти несколько живее.

Ночуем в префектуре.

Среда, 16 июня 1915 г.

Ранним утром отправляемся через Шато-Шинон и Отэн в Крезо. Переправа через Морван, очаровательные дороги, окаймленные платанами и ясенями, фруктовые сады с рдеющими на солнце вишнями, свежая листва лесов, заливные луга, живописные скалы

[1] „L'Europe sous les armes", p. 279 et 280.
[2] В оригинале: „пиротехническое". — *Прим. перев.*

с богатыми прослойками порфира. Я не имею права терять время на созерцание этой великолепной картины, я еду осматривать заводы, построенные с целью убивать людей и опустошать природу. Заводы Крезо исполняют теперь следующие заказы военного министерства: четыре 370-миллиметровые мортиры, восемнадцать 280-миллиметровых мортир, двести задков для пушек образца 1912 г., двадцать батарей образца 1912 г., двенадцать 240-миллиметровых лафетов на возке, двадцать четыре 194-миллиметровых лафета на возке, два лафета для 155-миллиметровых длинных орудий на возке, сто двадцать частей для 155-миллиметровых длинных орудий на лафете, двести двадцать — для 105-миллиметровых, двести — для 75-миллиметровых и т. д. Суточный выпуск разрывных снарядов составляет семь тысяч и четыре тысячи шрапнельных. Одним словом, во всех цехах кипит работа. Четыре пятидесятитонные мартена дают по два литья в сутки: прессы в восемь тысяч тонн для сжимания слитков; кузнечный молот в сто тонн; прокатные станы малые, средние и большие [1] для обработки колец для стрельчатых снарядов (ogives), шрапнелей и гранат 75-миллиметрового калибра; чаны для закалки, станки; паровые машины всех типов, судовые машины, стационарные машины и паровозы — все это функционирует и живет на моих глазах, послушно повинуется тысячам рабочих, которые считают теперь долгом чести удвоить свои усилия и увеличить производство. На короткое время мы прерываем наш осмотр и по приглашению г-на и г-жи Шнайдер отправляемся завтракать во дворец de la Verrerie (стеклянного завода) близ хрустального завода, основанного некогда Марией-Антуанеттой. В наших ушах еще стоит шум и стук бесчисленных машин, когда мы отправляемся назад в Париж.

Четверг, 17 июня 1915 г.

Во время моего отсутствия наши войска сделали попытку взять вершину Вими; расстилающаяся позади последней равнина Дуэ позволяла нашему командованию надеяться на прорыв неприятельского фронта. На нашем левом фланге и севернее Нотр-Дам-де-Лоретт мы заняли территорию позади Бюваля. Мы завладели также высотой на север от сахарного завода в Суше и тремя линиями окопов на юго-восток от Эбитюрн. Но на этом участке фронта всегда чередуются прилив и отлив.

Выборы в Греции очевидно дали результат, весьма благоприятный для Венизелоса; но правительство еще не обнародовало цифр.

Король Николай черногорский повидимому твердо решил занять Скутари; он дает понять, что останется там только с согласия великих держав, но очевидно он намерен поставить их перед свершившимся фактом (Цетинье, № 156, 157, 158, 161).

Болгария вручила посланникам четырех союзных держав ноту, содержащую ответ на их заявления от 16/29 мая. В ноте говорится, что Болгария очень тронута нашим шагом и нашим доверием, однако требуются объяснения по ряду пунктов. Распространится ли обратная

[1] Вероятно имеются в виду в обратном порядке подготовительные, промежуточные и отделочные прокатные станы. — *Прим. перев.*

уступка части Македонии на всю неспорную зону, предусмотренную по сербо-болгарскому договору 1912 г.? Какой район будет отведен для Кавваллы? Какие компенсации предназначаются для Греции в Малой Азии? В чем будет заключаться соглашение между Румынией и Болгарией по поводу Добруджи (София, № 254, 255, 256)? Наши четыре посланника полагают, что Болгария желает выиграть время; они советуют нам объявить Болгарии, что сохранение в силе наших предложений будет зависеть от того, как быстро Болгария примет решение.

Кроме того они дают нам указания, как ответить болгарскому правительству на его вопросы (София, № 257, 258, 259). Но сербская пресса уже обвиняет великие союзные державы в том, что в македонском вопросе они стали на сторону Болгарии против Сербии (Ниш, № 448).

Гастон Томсон, представивший мне на подпись декрет о моратории по квартирной плате, с патриотическим негодованием говорит мне о волне пессимизма, захлестывающей парламент и часть парижской буржуазии. В свою очередь Альбер Сарро рассказал мне, что на вчерашнем заседании совета министров, состоявшемся в мое отсутствие, некоторые министры выступали в тревожном, пессимистическом духе. Депутат Марген, вернувшийся из района Коммерси, пишет мне, что ободряющие впечатления, вынесенные мною оттуда, были обманчивы. Он утверждает, что если на фронте от Реймса до Сен-Мигиеля „упадок духа войск еще вопрос завтрашнего дня, то в упомянутом районе состояние духа войск уже вызывает тревогу", утверждает, что „в автомобиль одного французского генерала пущены были французские пули, причем не случайно", что „солдаты обычно называют генерала Дюбайля убийцей". „Я, — пишет он, — не касаюсь того, насколько эти факты обоснованы. Но они налицо. Я сожалею, господин президент, что мои предупреждения, а затем призывы, с которыми я с декабря обращался к правительству, остаются без результата. Я обращаюсь поэтому к парламенту: пусть он сам отправится на фронт и посмотрит, что делается в нашей армии; она глубоко возмущена неспособностью генералов, в руки которых ее отдают с помощью рекламы à la Жеродель; эта неспособность генералов толкает армию на восстание". Признаюсь, гораздо больше, чем состояние духа армии, меня встревожило состояние духа Маргена. Если депутаты, которых он побудит объехать фронт, будут собирать там подобно ему все справедливые и несправедливые жалобы и найдут в них чуть ли не оправдание гнусного покушения на убийство, в каком состоянии анархии мы окажемся! Я считаю Маргена человеком честным и разумным, хотя любящим парадоксы, и приглашаю его притти побеседовать со мной. Ведь моим долгом все более становится противодействовать распространяющейся вокруг меня заразе пессимизма.

Пятница, 18 июня 1915 г.

Марген ответил на мой зов. Вопреки тому, что можно было ожидать, судя по его письму, он довольно спокоен. Он признает, что было бы опасно сместить теперь Жоффра, который пользуется боль-

шим престижем во Франции и за границей; он говорит даже, что не станет ручаться за стратегические таланты Саррайля; к тому же он уверен в победе, но считает, что война затянется и надо приучить страну к этой мысли. „Да, конечно, — замечаю я, — и поэтому надо начать с того, чтобы не лишать ее бодрости духа".

Густав Тери, талантливый журналист, в общем всегда беспощадно критиковавший меня, обратился ко мне сегодня с открытым письмом, можно сказать благожелательного содержания. Он того мнения, что я при своих поездках на фронт должен надевать свой старый мундир капитана альпийских стрелков. Несомненно, я не имею права самовластно зачислить себя снова на действительную службу и не желаю подвергаться преследованию за незаконное ношение мундира. По как ни комичен этот вопрос о костюме, он причиняет мне затруднения, в особенности в ненастную погоду. Я не могу ходить по грязи без гамаш, не могу открыть зонтик в окопах. Поэтому в последнее время я стал носить кепку, куртку и гетры. А так как фотографы пользуются повсюду правом гражданства, даже в зоне действующих армий, эта моя удобная и безобидная одежда скоро стала известна любопытным и стала предметом насмешек. Решение, предлагаемое Густавом Тери, избавило бы меня от острот, но надо в эти трагические дни дать публике также пищу для шуток, и в конце концов для меня важно только, чтобы я в той или другой одежде мог удобно передвигаться среди солдат, защищающих нашу территорию.

Командир Револь, которого главная квартира послала в Италию, докладывает мне о провале попыток генерала Кадорны поддержать на севере от Изонцо наступление, начатое им в долине у низовьев этой реки. Затем Кадорна оставил перед Трентино только два армейских корпуса и столько же севернее Венеции, причем эти корпуса плохо укрепили свои позиции. Из источника, который представляется надежным, сообщают о прибытии в Трентино одного корпуса баварских войск.

Болгарский посланник Станчев переводится в Рим и вручил мне свои отзывные грамоты. Ему не известен ответ его правительства на ноту союзников; он дает мне понять, что его оставляют без всякой официальной информации, так как он уже давно предупредил свою страну о вмешательстве Италии в войну и является сторонником вступления Болгарии в войну. Он женат на француженке, и братья его жены сражаются в рядах нашей армии. Он предложил своему правительству дать ему отставку, но оно отказалось и ответило ему: „Наше доверие будет сопровождать вас в Рим".

Поль Камбон в телеграмме к Делькассе советует ему быть осторожным в разговорах с Болгарией. „Я не перестану утверждать, что Болгария выступит только в том случае, когда мы перейдем через Дарданеллы. Наивно думать, что можно увлечь ее обязательствами с нашей стороны, осуществления которых ей придется ждать в дальнейшем; между тем наши неоднократные демарши, безрезультатные в Софии, производят нежелательное впечатление в Пише и Афинах" (из Лондона, № 1297, 17 июня). Тем не менее Делькассе отправил в Лондон, Петроград и Рим проект ответа, в котором говорится: наше коммюнике имеет в виду ту самую границу Македо-

нии, которая предусмотрена в договоре 1912 г.; обладание этой территорией будет обеспечено за Болгарией одновременно с тем, как Сербия получит выход к Адриатическому морю и Боснию и Герцеговину; территория Кавалы будет состоять из бывших каз Кавалы, Драмы и Серреса, и наконец, что касается Добруджи, союзники будут просить Румынию отдать обратно Болгарии округа Добрич и Балчик (из Парижа в Лондон, № 1829; в Петроград, № 862; в Рим, № 880). Мы нагромождаем дары у ног его величества Фердинанда.

Тем временем в сегодняшнем „L'Homme enchaîné" Клемансо принялся за румын и распекает Братиану и Таке Ионеску.

У Рибо серьезные затруднения с русским министром финансов Барком, который требует новой ссуды в шестьсот двадцать пять миллионов в придачу к уже полученной. Кроме того у Рибо затруднения с Английским банком и другими английскими банками, которые неохотно открывают нашим банкирам торговые кредиты и таким образом не облегчают наших закупок сырья и фабрикатов в Великобритании. Рибо вынужден требовать вмешательства английского министра финансов (из Парижа в Петроград, № 864, 865; из Парижа в Лондон, № 1830, 1831). Как видим, мы далеки от возвещенной финансовой антанты.

Объяснения, данные мне сегодня под большим секретом полковником Пенелоном, не оставляют у меня ни малейшей иллюзии относительно операции в Аррасе. Она совершенно провалилась. Она стоила нам больших жертв, но теперь кончено, — мы не добьемся прорыва фронта. Это — третья по счету попытка прорваться на очень узком участке фронта: Шампань, Воэвр, Артуа. Мы подвергались продольному огню неприятеля; обстрел с флангов скрещивался на наших позициях и делал их безнадежными. Быть может мы не встретили бы этих препятствий, если бы действовали на более широком участке фронта и поддерживали главное наступление несколькими сопутствующими атаками. Пенелон и Эрбильон оба придерживаются этого мнения. Они не находят объяснения для упрямства, как они выражаются, главнокомандующего. По их словам, генералы, командующие группами армий, армиями и корпусами, почти все в один голос жалуются, что они находятся под началом у теоретиков и профессоров. Оба офицера связи полагают, что было бы полезно, если бы правительство и я в возможно скором времени устроили совещание с Жоффром и генералами, командующими группами армий.

Суббота, 19 июня 1915 г.

Сообщают, что председатель русского совета министров Горемыкин, человек слабого здоровья, просил у императора отставки и получил ее; далее, что реакционные круги в окружении государя ведут сильную агитацию с целью отсоветовать ему образование кабинета на парламентских началах (à tendances parlementaires) и убедить его ввести род военной диктатуры (Петроград, № 760).

Я принял председателя бельгийского совета министров барона де Броквилля. Он желает, чтобы в случае отозвания нами своих войск из Северного департамента для замены их англичанами, мы

все же оставили несколько частей в Бельгии. Уход наш, говорит он, повлечет за собой последствия, равно нежелательные с политической и военной точек зрения. Для поддержания духа населения и армии хорошо, если у всех перед глазами конкретное свидетельство непрекращающейся общности наших усилий.

С некоторым запозданием Шарль Эмбер ответил на мое последнее письмо. Я тотчас же написал ему в том же тоне, как в прошлый раз. У меня все более складывается убеждение, что сенатор от департамента Маас старается обеспечить себе на будущее, на случай катастрофы, пути личной защиты [1].

Воскресенье, 20 июня 1915 г.

Сегодня Клемансо разделывает папу Бенедикта XV. Его каждодневные наставления простираются теперь на весь мир.

Морис Рейно, бывший министр в первом кабинете Вивиани, возвратился из своей миссии в России. Он говорит мне, что общественное мнение в России возбуждено против Франции. Нас обвиняют, что мы взваливаем на русские армии все бремя войны. Вспышка ксенофобии, разразившаяся недавно в Москве, отчасти объясняется этим состоянием умов.

Рибо снова говорит мне о своих опасениях относительно наших финансов. Если война затянется, курс вряд ли удержится на благоприятном уровне. Бюджетная комиссия палаты депутатов предлагает ввести сбор с капитала или принудительный заем, но Рибо находит такое решение вопроса нежелательным. Что касается подоходного налога, без которого нам не обойтись, то Рибо думает, что его нелегко взимать во время войны. Он считает, что новые налоги, вотированные в разгар войны, вызовут недовольство, которое вредно отразится на государственном кредите; к тому же они дадут мало в сравнении с огромной цифрой неизбежных расходов.

Рибо говорит мне, что, по словам Поля Камбона, неверно, будто Англия еще до нас по собственному почину дала свое согласие на аннексию Россией Константинополя. В тот момент, когда Сазонов говорил нам, что получил согласие Англии, он еще не имел его. Однако Делькассе поверил Сазонову и не запросил Лондон; он неосторожно принял на себя обязательства, а Англия дала свое согласие только потому, что налицо было наше согласие. Будем ли мы когда-либо знать точную истину по этому вопросу?

Рибо находит, что положение министерства очень ухудшилось в сенате. Он желал бы расширения министерства путем включения в его состав бывших председателей совета министров, как-то: Мелина и Леона Буржуа.

Делькассе передал мне письмо, полученное им от Титтони. Итальянский посол пишет, что Австрия перебросила на итальянский фронт почти все свои силы, действовавшие против сербов; кроме того она отозвала свои войска в Галиции. Далее говорится, что, несмотря на наступательные операции французов, немцы по всей вероятности перебросили несколько своих частей в Тироль и Трентино. „Таким

[1] Письма, опубликованные Мермей, цит. соч., стр. 370—386 и Шарлем Эмбером, цит. соч., стр. 332—350.

образом, — замечает Титтони, — подтверждается отсутствие согласованности и единства действий, обычная ошибка коалиций, которая весьма наруку для центрального маневра неприятеля. Генерал Кадорна считает неотложно необходимым, чтобы союзники пришли к определенному решению, в какой момент их армии должны одновременно перейти в наступление на различных своих фронтах, причем союзники должны взять на себя формальное обязательство в этом смысле. Этот момент, по мнению Кадорны, надо по возможности не откладывать, и во всяком случае он должен приттись на время жатвы, которая в Венгрии как раз приходится между концом июня и началом июля. Таким образом Австрия вынуждена будет отпустить часть своих войск на полевые работы или же пожертвовать частью своего урожая". В заключение посол еще раз подчеркивает необходимость приступить в возможно скором времени к согласованному наступлению на всех фронтах. Мне кажется, что это прежде всего диктуется собственными интересами Италии, лишь совсем недавно вступившей в войну. К тому же она старательно не выступает против Германии, несмотря на лондонскую конвенцию. Но так как она во всяком случае права, требуя согласованности военных действий, Мильеран немедленно передаст это требование на рассмотрение генерала Жоффра.

В России остается открытым вопрос о преемнике председателя совета министров Горемыкине; министр внутренних дел Маклаков, заядлый ретроград, заменен князем Щербатовым, человеком здравомыслящим и умеренных взглядов (Петроград, 19 июня, № 763).

Понедельник, 21 июня 1915 г.

Титтони беседовал со мной о своем письме к Делькассе. Я заверил его, что мы очень сочувствуем идее тесного сотрудничества союзных генеральных штабов и предпримем необходимые шаги для организации его. Что касается немедленного наступления, я сказал ему, что англичане не обнаруживают большой склонности к этому. „Да, — заметил он, — мы одни должны отдать свои последние силы". Отдать свои последние силы! Он говорит так, словно Италия сражается уже десять месяцев.

Лаговари показал мне телеграмму, полученную им от Братиану. По его мнению, она доказывает полную искренность румынского премьера. Братиану готов обещать, что румынская армия вступит в действие самое позднее через пять недель, если будет достигнуто соглашение о политических условиях. Однако относительно этих условий, а именно в вопросе о Банате, он не делает никаких уступок. Я пытаюсь доказать Лаговари, что в собственных интересах Румынии не раздражать Сербии, которая может быть ей полезной своим совместным наступлением.

Вторник, 22 июня 1915 г.

Опять очень мрачное заседание совета министров. Министры ошеломлены тем, что операции под Аррасом приходится считать законченными. Рибо и Мальви заявляют, что сенат готовит на пятницу

в еще неизвестных условиях заклание Мильерана. Сам Буржуа якобы сказал, что не может более взять на свою ответственность оставление военного министра на его посту. Поставленный в известность об этом Мильеран остается невозмутимым; он пожимает плечами, улыбается; все проходит мимо него, не действуя на его нервы и не смущая его хладнокровия.

Рибо и Альбер Тома утверждают, что кампания, открытая в „Journal“ Шарлем Эмбером, — он настаивает на необходимости отослать рабочих с фронта на заводы — создает опасность разложения в армии. Многие солдаты-рабочие считают теперь, что имеют безусловное право на отправку в тыл. Я требую, чтобы солдаты, работающие на заводах, оставались на положении мобилизованных, подчинены были военной власти и могли быть отправлены обратно на фронт, если недостаточным образом работают или проявляют отсутствие дисциплины. Совет министров разделяет в принципе мой взгляд, но к сожалению оставляет за собой право „еще раз“ рассмотреть этот вопрос.

Полковник де Гондрекур, глава нашей военной миссии в Италии, телеграфирует, что итальянцы уже натолкнулись на немцев в Трентино и даже взяли в плен некоторых из них. Если это верно, то как это Италия не объявляет войну Германии?

Я потребовал точной цифры потерь, понесенных нами в сражениях в Артуа. За время от 6 мая по 15 июня мы потеряли 451 офицера убитым, 1 081 раненым, 139 пропавшими без вести, 12 095 солдат убитыми, 49 097 ранеными и 13 517 пропавшими без вести. От 16 по 18 июня убиты 53 офицера, ранены 151, пропали без вести 19; убиты 1 377 солдат, 5 675 ранены, 2 527 пропали без вести. Мне заявляют, что потери немцев гораздо выше, но откуда это нам известно? И к тому же германская армия многочисленнее нашей...

Среда, 23 июня 1915 г.

Утром пришел Будано, весь в слезах, и прочитал мне проект резолюции, составленной Думером для военной комиссии сената; это новый обвинительный акт, заканчивающийся порицанием военному управлению, — он будет зачитан завтра. По словам Будано, Мильеран, запрошенный вчера комиссией, остался „холоден, как лед“. Когда мой гость выходил из Елисейского дворца, явились председатель совета министров и военный министр, чтобы сопровождать меня в главную квартиру в Шантильи, где у нас назначено совещание с Жоффром и новыми командующими группами армий. Центральная группа образована теперь наравне с другими.

Я сделал Мильерану в дружеском, но решительном тоне несколько замечаний по поводу его манеры держать себя: по поводу его маски инертности и упорного нежелания дать точные сведения комиссиям, правительству и мне. Я упрекаю его в том, что он не достаточно энергично боролся с косностью своего министерства и внес генерала Баке в список лиц, награжденных орденом Почетного легиона, даже не позаботившись уведомить меня об этом. Он остается невозмутимым, и я не знаю, считает ли он меня правым или нет.

Что касается Вивиани, он одобряет мои замечания и говорит мне, что для правительства становится невозможным оставаться в том положении, в котором оно находится. Растущая враждебность парламентских комиссий, в особенности военной и финансовой комиссий сената, делает правительству жизнь невмоготу. „Даже физически, — говорит он, — я не в состоянии более выдержать. Я каждый день провожу три-четыре часа в комиссиях, выслушиваю там бесконечные речи, отвечаю на вопросы, касающиеся мельчайших деталей; измученный, я возвращаюсь в свой кабинет, где мне надоедают сенаторы и депутаты; у меня нет ни одной минуты для спокойной работы. Я изнемогаю, я падаю духом, мне это надоело". Мильеран, как всегда, спокойный, равнодушный, словно мраморный, отвечает, что достаточно объясниться с трибуны, это рассеет все тучи и расстроит все интриги.

В Шантильи Жоффр ожидает нас в вилле, в которой он живет здесь и куда уже приехали Фош, Дюбайль и Кастельно. Мы все семеро садимся за один стол, к нам присоединяется также генерал Пелле, начальник штаба Жоффра.

Сначала мы рассматриваем, как функционирует новая система трех групп. Командующие группами находят ее вполне удовлетворительной и значительно облегчающей задачу главнокомандующего. Жоффр высказывается в том же духе.

Вивиани сообщает о возбуждении, которое начинает сказываться в парламенте и у населения. Указывают на то, что, несмотря на продолжительность войны, мы со времени битвы на Марне не добились ни одного серьезного успеха, что наступления в Шампани, на Воэвре и в Артуа окончились неудачно для нас. Отсюда недовольство, которое проявляется в нападках на высшее командование. Вдобавок последнее обвиняют в том, что оно слишком замыкается от своих подчиненных, даже от самых ближайших своих подчиненных.

Я выступаю и заявляю, что необходимо во что бы то ни стало бороться с таким состоянием умов и поддерживать в населении бодрость духа. В ответ на нападки не найдет ли главнокомандующий возможным время от времени собирать вокруг себя своих трех командующих группами, позволить им обменяться взглядами в его присутствии, поделиться результатами своего опыта и совместно обсудить возможные операции? Само собой разумеется, что решения принимает после этого только главнокомандующий. Вивиани и Мильеран, с которыми я полностью сговорился, оба подчеркивают выгоды таких совещаний.

Кастельно энергично поддерживает ту же мысль. Напротив, Фош считает эти совещания бесполезными. Дюбайль, не будучи определенно врагом их, не является также большим другом их.

„С присутствующими здесь генералами, — говорит Жоффр, — я всегда столкуюсь. Поэтому я неукоснительно стараюсь встречаться с ними и совещаться с ними". — „Да, с каждым в отдельности, но при этом нет возможности совместно обсудить вопросы со всех сторон". — „Теперь время не говорить, а действовать". — „Совершенно верно, но действия теперь к несчастью всюду парализованы, и разочарование пожалуй усугубляется еще тем, что порой слишком

много говорили. Заявляли, что мы прорвем фронт неприятеля; уверенности в этом не было; говорили, что война окончится в июне, а она еще далека от конца; здесь составляли дифирамбические сводки о местных боях, выдавали последние за триумфы; еще вчера появилось официальное сообщение о занятии нами „лабиринта“, — это был бюллетень победы. Вся эта шумиха создавала в общественном мнении надежды, которым не суждено осуществиться, и возможно, что страна, разочаровавшись в своих иллюзиях, отчасти утратит то терпение и стойкость, которые ей необходимы. Наш долг поддерживать ее энергию и бодрость. Чтобы иметь успех в этом, мы должны иметь возможность сказать, что главнокомандующий находится в контакте со своими подчиненными, что он не изолирован, что, прежде чем принять решение, он спрашивает мнение других командующих“.

Жоффр возражает, что эти совещания сопряжены будут с известными неудобствами, что они имеют странное сходство с военными советами, что командующим армиями часто придется покидать свой пост в моменты, когда, возможно, будет необходимо присутствие их на фронте. Мильеран берет слово и доказывает, что эти совещания не имеют ничего общего с военными советами, что они дадут возможность начальникам групп обмениваться взглядами, быть в курсе того, что происходит в соседних группах, и что главнокомандующий попрежнему будет самолично принимать свои решения.

В конце концов Жоффр, кажется не совсем охотно, принципиально соглашается с совещаниями, при условии, что они не будут периодическими и от него будет зависеть, в какое время их назначить.

Завтракаем с главнокомандующим, командующими группами и несколькими штабными офицерами и затем, не теряя времени, продолжаем наш разговор.

Жоффр говорит нам, что операции под Аррасом будут медленно продолжаться, постепенно затихая, чтобы не оборваться внезапно; однако он теперь того мнения, что нам не удастся прорвать фронт неприятеля. Фош даже не решается утверждать, что мы дойдем до вершины Вими. Войска, участвовавшие в этих операциях и очень пострадавшие, а именно 9, 20 и 33-й корпуса, будут при первой возможности сменены. Им понадобится для отдыха несколько недель. „Около двух месяцев“, — говорит Кастельно. — „Нет, нет, — с жаром восклицает Фош, — достаточно будет двух-трех недель“.

Разрывы орудий продолжаются во внушающих тревогу размерах. Все наши батареи сокращены до трех орудий, во многих случаях до двух. У нас осталось на фронте только две тысячи девятьсот орудий. Жоффр приписывает разрывы слишком сильно действующему пороху. Он надеется, что с помощью изобретенного Баке состава — плитка из этого состава вкладывается на дно орудия — можно будет значительно уменьшить число несчастных случаев.

Тяжелая артиллерия все еще страдает от недостатка снарядов, несмотря на то что в последнее время сделаны были все усилия для увеличения производства.

Затем долго говорили о сотрудничестве Англии. Жоффр полагает, что председатель совета министров и военный министр должны снова поехать в Лондон и указать английскому правительству на необходи-

мость более значительной помощи. Англия испытывает серьезные затруднения в снабжении своих армий оружием и снаряжением, так как она не провела еще мобилизации своей промышленности и бо́льшую часть своих поставок получает из Америки и Канады. Недавняя поездка Альбера Тома в Лондон немного улучшила положение, а именно положила конец конкуренции между нами и Англией на американских рынках при закупках сырья для собственного производства. Но остается еще многое сделать.

Пристрастие Китченера к операциям оборонительного характера ставит нас в затруднительное положение перед Италией, требующей немедленного наступления, и перед Россией, обвиняющей нас в нашей неподвижности. Жоффр и командующие группами все без исключения считают тезис Китченера ересью. Жоффр даже выразился: „и бессмыслицей". Все они считают, что, если мы ограничимся одной обороной, мы должны ждать сплошных и непрекращающихся атак со стороны неприятеля. К тому же, замечают наши генералы, Китченеру легко говорить так, ему не надо освобождать провинции своей страны от нашествия неприятеля.

Попутно коснулись дарданельской экспедиции. Наши генералы сурово критикуют метод организации этой экспедиции Винстоном Черчилем.

Кроме того они жалуются — и не без основания — на отсутствие общей согласованности операций союзников на различных фронтах. Немцы знают про эту несогласованность наших усилий и видят в ней вернейший залог своей победы. Жоффр, Фош, Дюбайль и Кастельно одинаково утверждают, что вся наша система нуждается в движущем центре, причем этот центр может находиться только во Франции. К сожалению союзники до сих пор не держатся этого мнения.

В ожидании лучшего я выступаю с предложением, чтобы, если возможно, при штабе французского главнокомандующего находились делегаты союзных держав — Англии, Бельгии, Италии, Сербии и даже, если возможно, России, причем эти делегаты получали бы необходимые „директивы". Но как будут эти директивы передаваться различным правительствам? Не будет ли прямая передача их нашей генеральной квартирой сопряжена с некоторыми неудобствами? Не окажется ли необходимым посредничество французского правительства? Этот вопрос требует изучения. Кажется, во всех воюющих странах, какова бы ни была форма их государственного строя, отношения между государственной властью и высшим командованием не установлены в точности. В Великобритании политическое руководство войной, минуя короля, почти целиком находится в руках кабинета в составе двадцати двух членов. Лорд Китченер, хотя сам военный, рассматривает себя только как министра по снабжению армии и по подготовительным военным мерам. Он не дает приказаний Френчу; последний, находясь не на британской территории, получает мало приказов и от самого правительства и все более и более считает себя самостоятельным. В Бельгии король командует армиями, но требуются весь его такт и личный авторитет, чтобы ежедневно согласовать действия его правительства с действиями его

генерального штаба. В России царь считается всемогущим, но он временами является игрушкой в руках своих министров, а те находятся в беспрестанной глухой оппозиции к великому князю Николаю Николаевичу. В Италии главное командование принадлежит генералу Кадорне; министры берут на себя обязательство посылать ему солдат, оружие и снаряжение, но, кажется, они до сих пор предоставляли ему большую свободу в стратегических решениях, и Виктор-Эммануил не вмешивается в эти последние. Умный и деятельный, но скромный и тактичный, король, кажется, предпочитает, даже будучи вблизи фронта, роль наблюдающего и ободряющего свидетеля роли советника или контролера. Во Франции с началом войны высшее командование держалось того взгляда, что оно одно должно сосредоточить в своих руках всю компетенцию и всю власть. Если бы за эти десять месяцев счастье более благоприятствовало Франции, то вероятно у нас временно приспособились бы к такому режиму. Но мало-помалу народное представительство потребовало от правительства, чтобы оно взяло в свои руки всю полноту ответственности (власти); к тому же в войне, в особенности в коалиционной войне, стратегия и политика не являются двумя отдельными мирами. Пожелаем же, чтобы наше совещание в Шантильи послужило для облегчения совместных действий.

Четверг, 24 июня 1915 г.

Получил от Будано следующее краткое письмо: „Господин президент. Имею честь сообщить вам, что военная комиссия сената приняла на вчерашнем заседании следующую резолюцию: „Констатируя, что со времени принятия порядка дня от 17 минувшего мая положение с нашим военным материалом ухудшилось, военная комиссия сената заявляет, что бездействие и грубые ошибки военного управления создали опасность для отечества". Приняв эту резолюцию, военная комиссия постановила довести ее до сведения президента республики, председателя совета министров и военного министра. Примите, господин президент, уверение в моем уважении и преданности. Вице-председатель комиссии Будано".

Перед лицом этого порицания министры, собравшись на заседании совета министров, единогласно высказываются за неотложную необходимость обсуждения вопроса в самом парламенте; но они признают, что положение правительства чрезвычайно затруднено бесспорной медлительностью военного управления и компенсациями, данными генералам Баке и Сент-Клер Девиллю. Мильеран возражает против этого мнения. С необычной для него горячностью он берет под свою защиту обоих генералов; они, говорит он, могли ошибаться, но являются отличными работниками, и он не хотел совершить низость, принеся их в жертву.

Днем присутствовал на большой франко-итальянской манифестации, устроенной по случаю годовщины битвы при Сольферино. Речи Дешанеля, Титтони, сенатора Росси, Гюстава Риве и Стефана Пишона. Итальянский посол доказывает, что причина войны — исключительно вожделения Австрии на Балканах. Он напоминает о переговорах, которые велись в ноябре 1912 г. и апреле 1913 г. между венским

и римским кабинетами по вопросу о Сербии и Македонии, и приводит показательные детали для недобросовестности Австро-Венгрии[1]. Восторженная аудитория рукоплещет ораторам; но в это же время там, далеко, на другом конце Европы, русские покидают Львов.

Пятница, 25 июня 1915 г.

Члены военной комиссии сената огласят сегодня перед президиумами своих фракций крайне пессимистические сообщения о состоянии наших кадров и нашего вооружения. Можно опасаться, что подобные сообщения вызовут упадок духа, вместо того чтобы стимулировать энергию. Конечно нельзя скрывать правду от парламента, но не следует также представлять ее в слишком мрачном свете. Я сказал это члену военной комиссии Полю Страусу, одному из отказавшихся вотировать за вынесение порицания, и он со мной согласился. Я сказал это также Будано, печальному Будано, как называет его Бриан. Я всячески стараюсь доказать ему, что при всей кардинальной важности вопроса о состоянии нашего вооружения и снаряжения некоторые из его коллег рискуют внести смуту в умы своими трескучими выступлениями и обвинениями. Будано, который вначале плакался и ныл, бормочет: „Значит, вы все еще надеетесь?“ Когда я привел ему основания сохранять стойкость, он мало-помалу снова овладевает собой, лицо его проясняется, он весь выпрямляется. „Ах, — вскричал он, — вы пролили бальзам на мою душу! Но если бы вы знали все, что говорится в комиссии! Теперь так редко слышишь оптимистическую нотку!“

Жоффр написал Мильерану, что вчера прибыл в Шантильи Френч. Маршал боится, что английское правительство усвоит взгляды некоторых своих членов и даст приказ английским армиям оставаться на положении обороны. В таком случае недавно сформированные дивизии останутся в Англии или будут посланы на Дарданеллы. Френч лично противник такого решения. Он, как пишет Жоффр, находит, что непременный долг союзников перед русскими перейти в скором времени на французском фронте в наступление в большом масштабе. К тому же он считает, что положение никогда еще не было столь благоприятно для успеха совместных усилий наших армий. Он писал в Лондон в этом духе. Жоффр требует, чтобы мы тоже выступили перед английским правительством. Я считаю безусловно необходимым скорое свидание между Китченером, итальянцами и нами. Мы потребовали этого свидания, но Камбон телеграфировал нам, что Китченер и представитель морского министерства смогут приехать не раньше 5 июля. Так долго ждать нельзя. Я посылаю срочно несколько строк Делькассе. „Нельзя больше, — пишу я, — оставаться в неизвестности друг о друге. Надо сопоставить обе доктрины, сделать между ними выбор и с общего согласия применять ту, которая будет в результате принята. Итак, необходима беседа между обоими правительствами, причем как можно скорее“.

---

[1] „P ges actuelles“ (1914—1916) № 96—97, „Le Jugement de l'histoire sur la responsabili é de la guerre“ par Tommaso Tittoni, ambassadeur d'Italie à Paris, Bloud et Gay, éditeurs.

Несмотря на советы России и протесты Италии, черногорцы двинулись на Скутари, но пока еще остановились у ворот города и стоят там (Цетинье, № 176). Италия еще не находится в войне ни с Турцией, ни с Германией.

Суббота, 26 июня 1915 г.

Собрание президиумов сенатских групп прошло вчера довольно спокойно. Докладчики военной комиссии огласили резюме своих обследований. Прений не было. Доклад Жаннаней о разрывах орудий вызвал некоторое волнение. Однако фракции благоразумно воздержались и не заняли позиции, враждебной правительству. Антонин Дюбо, осуждающий враждебные выступления против правительства, сказал мне, что правительству обеспечено большинство на заседании во вторник, но необходимо вскрыть нарыв — нельзя обойтись без публичных объяснений.

От имени комиссии палаты депутатов по иностранным делам ко мне явились де Кергезак и Клементель и просили меня настоять перед Делькассе на том, чтобы он не слишком применялся к России в демаршах перед Румынией.

Пьер Лоти снова говорит мне о своих турках. Джавид дал ему знать, что он нуждается в разрешении Талаата, для того чтобы начать разговоры, но Талаат еще не ответил. Надо думать, что поражения русских и наше собственное бессилие на Дарданеллах не благоприятствуют начинаниям Лоти.

Воскресенье, 27 июня 1915 г.

В половине девятого утра отправился на автомобиле с Дюпаржем в Шато-Тьерри, где находится штаб-квартира командующего центральной группой армий Кастельно. Я беседовал с последним несколько минут. „Надо, — говорит он, — выбрать один из двух методов: либо исключительно оборону, пока другие союзные армии в состоянии будут комбинировать свои действия с нашими, либо новые наступления, причем однако последние должны быть стратегически подготовлены на двух частях фронта, чтобы немцы, будучи атакованы, не бросили все свои силы на один пункт фронта. Здесь должно проявить свою власть правительство. В настоящий момент у нас нет никакого плана. Мы поступаем, как майский жук под стеклом: поворачиваемся наобум то направо, то налево".

Через Роминьи, где я несколько месяцев назад посетил командующего V армией генерала Франше д'Эсперэ в его штаб-квартире, направляюсь в Жоншери-сюр-Весль, куда перенесена теперь эта штаб-квартира. Завтракаю с Франше д'Эсперэ и с генералом де Лардемелем, бывшим начальником его штаба, командующим теперь 122-й пехотной дивизией. Оба они определенные сторонники доктрины обороны. Они находят, что, так как война затягивается, не следует расходовать наши кадры, надо беречь их, а не разбазаривать наши силы в частичных наступлениях. Лучше создать сильную резервную армию, а впрочем также искать нового театра военных действий.

Днем принимаю в окрестностях Жанври парад 122-й дивизии,

которая входит в 1-й корпус, под командой генерала Гильомо. Прикрепляю военный крест к знаменам шести полков, упомянутых за отличие в приказе по армии. Осмотрев лазарет, роскошно устроенный в замке Верле, отправляюсь мимо форта Сен-Тьерри, на северо-восток от Реймса, к артиллерийскому наблюдательному пункту, господствующему над Вилье-Франке. Отсюда нам открывается вид на немецкие позиции, на канал Эны и на форт Бримон, занятый неприятелем. Подле нас одно тяжелое орудие стреляет по открытому нами за небольшим лесом расположению неприятельской батареи. Наша стрельба хорошо регулируется. Тяжелые облачки серого и черного дыма в точности показывают нам, где взорвались снаряды. Однако батарея, кажется, осталась невредимой. Очевидно она замолчала добровольно. Перед нами мертвые деревни Луавр, Курси, Бермерикур и целая сеть французских и немецких окопов, белые меловые линии на зеленом фоне. В объективе моего бинокля появляется немецкий велосипедист и быстро исчезает. Нашему тяжелому орудию отвечают батареи, которых мы не видим; мы слышим вой гранат над нашими головами, а упадут они позади нас. Через предместья Реймса, еще довольно густо населенные, мы возвращаемся в Эпернэ. Я оставляю у себя на ужин генералов де Кастельно, Франше д'Эсперэ и де Лардемелля.

Понедельник, 28 июня 1915 г.

Рано утром выезжаю из Эпернэ и в Реймсе опять встречаюсь с генералом Франше д'Эсперэ. Отправляемся в северо-восточные предместья города; они наполовину разрушены и совершенно эвакуированы. Оттуда идем по длинному вырытому в земле ходу, который приводит нас к широкому полю, на котором некогда наши армии проходили церемониальным маршем перед Николаем II и Лубэ. У монумента, поставленного в память этого события, обломана верхушка, но надпись сохранилась. Панорама местности совершенно изменилась. На первом плане, там, где мы находимся, разрушенная деревня. Уцелевшие дома и погреба укреплены в целях защиты. Поперек улиц возведены стены из корзин с песком. На краю деревни проволочные заграждения. Мы поднимаемся по лестнице на развалившийся чердак, в котором установлен пулемет. Спускаемся в новый вырытый в земле ход, он приводит нас к передовым окопам, где находятся на страже несколько взводов стрелков. Это 49-й батальон, который здесь с сентября. Он до сих пор не желал быть смененным. Каждую ночь стрелки спят в окопах, которые хорошо укреплены. Днем, если неприятель не стреляет, они по очереди уходят умыться и отдохнуть в немногих еще годных для жилья домах деревни. Я вручаю часы четырем стрелкам, которые были упомянуты в приказе за отличие. Начальник батальона — командир Вари; в 1912 г. он находился в Марокко, и правительство Вильгельма II возвело на него тогда ложное обвинение по поводу якобы имевшего место нападения наших солдат на участок одного немца. Это молодой офицер, полный огня. В Бетани осталось несколько женщин. Трогательный жест — они сорвали в заброшенных садах расцветшие среди руин розы и поднесли их мне на память об их разрушенных очагах.

На обратном пути мы пересекли Реймс через Королевскую площадь и через центр города. Со времени моего последнего посещения город разрушен еще больше. По часть населения храбро остается среди руин. Мы завтракаем у подножья Реймсской горы в Рильи, где находится штаб-квартира 38-го корпуса. Корпусный командир генерал Мазель, производящий впечатление умного и энергичного офицера, говорит мне, что, по его мнению, соединенными действиями IV и V армий, при поддержке мощной артиллерии, можно было бы выручить Реймс через Ножан д'Аббесс.

Во второй половине дня мы покидаем 38-й корпус и возвращаемся к 1-му корпусу, который мы уже посетили вчера. Отправляемся на высоты, господствующие над Кормиси, к артиллерийскому наблюдательному пункту; оттуда открывается вид на весь участок фронта от Холеры и Эны до Года́, где в прошлом году был убит в ночном бою мой племянник Макс Ледо. Мы видим громадную воронку, вырытую нашими гранатами в немецких окопах южнее Берри-о-Бак; наши орудия продолжают на наших глазах расширять ее. Неприятель отвечает на нашу стрельбу несколькими выстрелами, его гранаты с воем проносятся то влево, то вправо от нас. Спускаюсь с генералом Франше д'Эсперэ в долину Эны, а наши спутники направляются прямым путем в Мерваль, в штаб-квартиру генерала Маржуле, командира 18-го корпуса. Было бы небезопасно поехать всем нам друг за другом вдоль реки под огнем батарей неприятеля, расположенных на правом берегу, за Шмен-де-Дам. Проезжаем мимо Парьяна, где некогда Габриель Ганото так мило принимал меня в своей вилле, в Мерваль, где уже стоят другие наши автомобили; затем берегом Вель едем в Фим. Там посещаем лазареты. Вечером возвращаемся в Париж.

По своем приезде узнаю, что, несмотря на мои неоднократные замечания, Мильеран в торжественной обстановке во дворе военного министерства лично вручил генералу Баке ленту командора ордена Почетного легиона. Я звоню ему и спрашиваю, верно ли это. „Да, — отвечает он, — согласно декрету от 13 августа 1914 г. занесение в списки позволяет офицеру носить с этого момента крест ордена Почетного легиона вплоть до издания соответственного закона". Напрасно я стараюсь доказать Мильерану, что этот декрет нисколько не лишил президента республики его конституционных прав в качестве главы ордена. Декрет этот издан был в августе прошлого года по двум соображениям: во-первых, не было достаточных возможностей для награждения всех отличившихся на фронте, во-вторых, нельзя было требовать от главнокомандующего, чтобы он обращался к правительству при каждом случае выдающегося военного подвига. Но этот декрет был издан вовсе не для того, чтобы военный министр обходился без подписи президента. С этой среды Мильеран знал, что я и весь кабинет — противники награждения Баке; как же мог он без моего ведома вручить последнему ленту командора?

Вторник, 29 июня 1915 г.

Перед заседанием совета министров Вивиани говорит мне, что Мильеран убивает кабинет своим „слепым упрямством". Награжде-

нии Баке, говорит Вивиани, вызывает всеобщие протесты. Сегодняшние дебаты в сенате о временном бюджете должны были по всем признакам пройти благоприятно, но поступок Мильерана все испортил. Вивиани думал, что для получения вотума доверия должен выступить он один, но Мильеран заявил вчера, что не будет „молчать из трусости".

Совет министров начинает прения в отсутствии военного министра, задержанного в финансовой комиссии. Все сожалеют о награждении Баке; это — „пари, вызов, провокация". Марсель Самба видит только один выход: немедленную отставку Мильерана. Но Бриан очень искусно подчеркивает неудобства этой отставки. Мильеран, говорит он, популярен в армии и в самой стране. Покажется, что правительство приносит его в жертву парламенту. Армия будет недовольна. Лучше потерпеть, склонить Мильерана не выступать сегодня, добиться вотума доверия, который явится ответом на резолюцию военной комиссии, и потом обязать Мильерана взять в руки свое министерство и исполнять постановления правительства. Мнение Бриана принято советом министров.

Когда пришел Мильеран, Вивиани сообщает ему о принятом решении. Военный министр снова заявляет, что его достоинство требует, чтобы он взял слово в сенате. Все его товарищи по кабинету замечают ему, что председатель совета министров выступает от имени всего правительства в целом и следовательно, напротив, таким образом будет лучше подчеркнута солидарность кабинета. Мильеран подчиняется и просит только, чтобы ему разрешено было выступить с краткой репликой, в случае если он подвергнется личным нападкам. Это желание его удовлетворяется.

По своем возвращении в Париж я нашел новое письмо от Шарля Эмбера. Как и предыдущие, оно написано не столько для меня, сколько для галерки будущего. Если бы он не был представителем департамента Маас, я бы конечно не ответил ему больше, так как, признаться, не нахожу никакого интереса в собираемой им коллекции. По земляку я не могу не ответить; я опять посылаю ему несколько строк и пишу, что всегда готов буду принять его, как и всех членов парламента, если он пожелает поделиться со мной своими замечаниями [1].

На полуострове Галлиполи бои продолжают носить ожесточенный характер. То мы берем окопы, то неприятель вытесняет нас из них. Совершенно то же, что в Артуа.

В результате моего посещения в Шантильи Жоффр написал военному министру письмо, в котором он присваивает себе наше решение: „Главная квартира, 24 июня 1915 г. В результате посещения президентом республики главной квартиры считаю своим долгом изложить вам точку зрения, из которой, по моему мнению, должно исходить высшее военное руководство. Кампания 1914 г. начата была с определенным планом войны и определенным планом военных действий, оба эти плана были установлены по соглашению между

[1] „Chacun son tour" par Ch. Humbert, p. 344—350; Mermeix, op. cit., p. 381—386.

Францией, Россией и Англией. Но нынешняя фаза войны, развертывающаяся в условиях, во всех отношениях отличных от прежних, представляется в другом виде. Отношения союзников между собой и с недавно присоединившейся к ним Италией носят сердечный характер, но различные армии действуют каждая на свой страх и совесть без согласованности между собой. Получается у всех впечатление, что союзники не руководят ведением войны. Это впечатление высказал великий князь Николай Николаевич в разговоре с командиром Ланглуа, нашим офицером связи в России. То же впечатление недавно высказал де Броквилль. Наконец оно вытекает также из письма итальянского правительства к нашему министру иностранных дел. Помочь здесь представляется возможным следующим образом. Французское правительство предлагает союзным державам централизовать высшее военное руководство в французской главной квартире, в которой будут разрабатываться общие планы и директивы для военных действий. От каждой державы будет находиться при французском главнокомандующем офицер, снабженный надлежащими полномочиями. Задачей его будет точным образом информировать французское командование о положении представляемой им армии (пополнение, снаряжение, характер театра военных действий и пр.), выступать от имени представляемого им главнокомандующего, затем передавать планы и директивы, принятые французским командованием. Что касается в частности французского театра военных действий, на котором действуют армии французская, английская и бельгийская, то здесь необходимо тесное и постоянное сотрудничество. Если не согласны с тем, что приказы отдает французский главнокомандующий, то для победы безусловно необходимо, чтобы главнокомандующие английской и бельгийскими армиями следовали по крайней мере его директивам. Только таким образом возможно будет согласовать все наши усилия и концентрировать их против противников, у которых вполне определенно военное руководство находится в руках одной из воюющих держав. Ж. Жоффр".

Ясно, что Жоффр прав. Теперь дело в том, чтобы убедить одновременно союзные правительства и их главнокомандующих. До сих пор они склонны были принимать только от самих себя — безразлично, приказы или директивы. Возобновим же свои усилия, будем неутомимы в этом.

В свою очередь по требованию ряда министров, а также моему, Мильеран написал Жоффру 26 июня: „На нашем совещании в среду 23 июня я указал вам, сколь важным представляется мне добиться полной подготовки одинаково как обороны, так и наступления; она должна дать нам уверенность, что наши войска в состоянии в любой момент и во всех пунктах противостоять атаке неприятеля, а также перейти сами в наступление. Правительству желательно получить ответ, дающий уверенность, что в особенности наша организация обороны достигла такого совершенства, которое позволяет считать наш фронт неприступным". Жоффр ответил 28 июня: „Имею честь поставить вас в известность, что укрепление наших позиций для обороны было предметом моих постоянных забот. Удерживать в течение семи месяцев столь растянутый фронт, как наш, несмотря

на атаки неприятеля, конечно возможно было только при условии прочности позиций, которая постепенно была доведена до самой высокой степени... Я в ноябре и с тех пор неоднократно обращался к командующим армиями с приказами по этому поводу и проверял их исполнение. Еще недавно я повторил эти приказы, уточнил их и предписал повсюду усилить укрепления, бетонируя наши защитные сооружения в окопах первой и второй линий... Ясно, что никакой фронт не является неприступным сам по себе. Но я считаю, что наши войска в состоянии в любой момент и в любом пункте оказать сопротивление возможным атакам неприятеля. Вы можете заверить в этом правительство и дать ему на этот счет успокоительный ответ, которого оно желает. Жоффр".

Наш военный атташе в России генерал де Лагиш телеграфирует военному министру (25 июня, № 116): „Великий князь Николай Николаевич в продолжительной беседе излагал мне трудности, на которые он натыкается при исполнении своих обязанностей главнокомандующего. Эти трудности заключаются в дальности расстояний и в том, что исполнители (les agents) уверены в своей безнаказанности, так как дальность расстояния делает невозможным найти истинных виновников... Хотя я сам русский, я никогда не подозревал, что необъятность нашей страны окажет такое губительное действие[1]. Этим положением вещей следует объяснить трудность собрать честных людей и обеспечить производство оружия и снаряжения".

Страшное признание, приведшее в ужас Вивиани и ряд министров. К счастью генерал де Лагиш присовокупляет (26 июня, № 118): „Великий князь не теряет бодрости духа, вполне владеет собой, с большой уверенностью глядит на будущее". Счастье также, что генерал Сухомлинов оставил пост военного министра, на котором он причинил столько зла. Палеолог телеграфирует (26 июня, № 787): „Генерал Сухомлинов, на которого падает самая тяжелая ответственность за беспорядочность и развращенность военного управления, устранен со своей должности. Его заменил генерал Поливанов, бывший товарищ военного министра, член Государственного совета святой Руси (Saint Empire)". Я не могу не вспомнить здесь слов, сказанных мне Николаем II, когда он представил мне Сухомлинова; они показывают, в какой мере император часто находился в заблуждении. „Он не подкупает своей наружностью, — сказал мне Николай II, — но это превосходный министр, он пользуется полным моим доверием". В конце концов у царя открылись глаза. Он даже, кажется, решился теперь удалить также некоторых других своих министров и „определенно ориентировать внутреннюю политику империи в либеральном направлении". Сазонов, сопровождавший государя в ставку, сам заявил Палеологу, что считает эту эволюцию необходимой для блага России (Петроград, 28 июня, № 801).

Сегодня в сенате обсуждался бюджет на ближайший квартал; Вивиани выступал с поразительным успехом. Он привлек на свою сторону тех сенаторов, которые казались наиболее враждебными

---

[1] Дословно: „не подозревал этого страшного мертвого груза необъятности". — *Прим. перев.*

кабинету. Однако Мильеран вопреки требованию совета министров выступил, не будучи провоцирован; хотя его речь была осторожной, он, кажется, снова разжег потухшие было страсти. Мне сообщают об этом Бриан, Вивиани и Франклен Буйон, депутат от департамента Сены и Уазы; каждый на свой лад, в зависимости от темперамента, они обвиняют Мильерана в том, что он хотел один пожать все лавры.

Черногория, как и надо было ожидать, заняла Скутари. Италия очень недовольна, Сербия не менее (Ниш, № 482).

Переговоры с Румынией, Болгарией и Грецией продолжаются, сопровождаясь нелепостями, одна поразительней другой.

Среда, 30 июня 1915 г.

Ко мне пришел Шарль Эмбер и с благодушным и веселым видом уверяет меня, что он писал все время только в интересах родины. Он попрежнему возмущен Мильераном и начальником его канцелярии, полковником Бюа, которые, по его словам, приютили у себя группу изобретателей-профессионалов, не признающих значения тяжелой артиллерии. Эмбер обвиняет Мильерана в том, что он на зло сделал Баке командором ордена Почетного легиона. „Вивиани, — говорит он, — должен удалить Мильерана и сам принять портфель военного министра. В этом отношении я одного мнения с военной комиссией сената, и благодаря той кампании, которую я вел в печати по вопросу о нашем военном материале, вся страна теперь за нами". Я отвечаю ему: Вивиани конечно не намерен удалять Мильерана, а я не толкну его на этот шаг.

Я сообщил о нашем разговоре Делькассе, Бриану и Вивиани. Делькассе считает, что уход Мильерана произвел бы весьма нежелательное впечатление на наших друзей за границей. Бриан, который обеспокоен ситуацией и не жалеет упреков по адресу Мильерана, тем не менее тоже того мнения, что не следует назначать нового военного министра. Это, говорит он, значит провоцировать конфликт между армией и парламентом, потому что большинство военных начальников за Мильерана. Конечно надо нажать на него и помочь ему справиться с сопротивлением некоторых отделов его министерства, но сместить его было бы ошибкой. Пенелон, который, как и все, слышал про плохое настроение парламента, говорит мне, искренне волнуясь, что армия очень плохо встретит уход Мильерана и что главнокомандующий вскоре после этого подаст в отставку. Он даже предвидит военные перевороты и мятежи.

В Бухаресте снова произошли манифестации в пользу вступления Румынии в войну. Двадцатитысячная толпа собралась под открытым небом на ипподроме, Таке Ионеску произнес патетическую речь, в которой призывал правительство объявить войну Австрии и обеспечить этим создание великой Румынии (Бухарест, № 317). Но Братиану все еще не спешит стать на ту или другую сторону.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Два новых товарища министра. — Посещение II и X армий. — Вручение военной медали генералу Гуро. — 14 июля. — Перенесение праха Руже де Лиля в Дом инвалидов. — Письмо графа Жозефа Примоли. — Генерал Лиотэ в Париже. — Опытная стрельба в Бурже. — Генерал Саррайль смещен с поста командующего III армией. — Киньонес де Леон в окопах. — Осложнения в парламенте.

Четверг, 1 июля 1915 г.

Медленно, медленно тянется год, а победы нет. По словам Мильерана, Жоффр решился теперь устраивать периодические совещания с командующими группами. Кроме того он согласен давать очередные отпуска всем чинам, как потребовало от него правительство. Отпуска будут даваться на восемь дней, не считая дороги туда и обратно; они будут даваться трем или четырем процентам всех фронтовиков — пока еще низкая цифра. Война затянулась на неопределенное время, это делает такие передышки безусловно необходимыми не только для фронтовиков, но и для их семейств. Отказывать им в этих отпусках еще дольше было бы воистину не гуманно.

Некоторые сенаторы умеренного направления — Одиффре, Гилье, Брендо и другие, — встревоженные кампанией против Мильерана, говорят мне, что удаление его или даже добровольный уход его вызовут всеобщее изумление в стране и армии. Я предлагаю им постараться утихомирить тех своих коллег-сенаторов, которые слишком послушно следуют указке Клемансо.

Совет министров обсуждает предложение, внесенное в палате депутатов Жаном Ганнеси о создании при военном министерстве должностей двух товарищей министра. Это предложение явно направлено к тому, чтобы поделить полномочия Мильерана. Вивиани заявляет, что оно будет принято с восторгом, даже если правительство выступит против него. По его мнению, лучше будет, если военный министр сам возьмет на себя инициативу и выберет себе помощников. Мильеран, на которого насели все его товарищи-министры, сначала стал на дыбы и заявил, что его достоинство не позволяет ему согласиться на такое разбазаривание своей власти. Но в результате уступил перед настояниями всех министров и обещал подумать, кого выбрать своими помощниками.

Рибо, которого все больше тревожит судьба нашего курса, представил мне на подпись декрет, запрещающий вывоз золота. Он опять жалуется на то, что военное министерство с каким-то, как он выражается, слепым легкомыслием увеличивает свои заказы за границей, а именно в Соединенных штатах.

Бриан просил меня вчера побеседовать с Комбом о неладах с парламентом. Бывший председатель совета министров написал мне, что будет очень рад явиться на мой зов, и пришел сегодня к пяти часам. В отличие от моих предыдущих посетителей он считает, что Мильеран не может остаться во главе военного министерства. Он находит даже, что Вивиани не удастся сохранить за собой пост председателя совета министров. Комб желает немедленного образования министерства Бриана. „Все мои друзья-радикалы, — говорит он, — идут теперь за Брианом, и я сам охотно приму в его министерстве портфель министра народного просвещения. Если Рибо уйдет, его легко можно будет заменить Пейтралем". Я отвечаю, что Бриан мне всегда заявлял, что в настоящий момент он не желает министерского кризиса. Комб видимо разочарован моим ответом.

В семь часов вечера Мильеран прислал мне на подпись два декрета о назначении товарищами министра выбранных им Жозефа Тьерри и Жюстина Годара. Первый является умеренным депутатом из Марселя и будет ведать интендантской частью, второй — радикально-социалистический депутат из Лиона и будет ведать санитарно-врачебной частью. Мильеран не спросил моего мнения, прежде чем совещаться со своими новыми помощниками, и даже не счел нужным лично принести мне проекты декретов.

Вечером явился в Елисейский дворец Дюббо и с веселым видом сообщает мне, что военная комиссия тринадцатью или четырнадцатью голосами против семи или восьми отклонила переданное ей на рассмотрение предложение о назначении закрытого заседания сената. Председатель сената против удаления Мильерана и сияет от счастья.

Мы получили из Мудроса глубоко огорчившую нас телеграмму: „Сегодня вечером генерал Гуро во время посещения лазарета в Сед-Уль-Бар был тяжело ранен осколками гранаты, выпущенной с азиатского берега. У него переломы правой руки и левой ноги, но состояние его, хотя и тяжелое, не внушает опасений. Он вывезен на госпитальное судно и завтра, 1 июля, уезжает во Францию, оставив командование генералу Байу".

Пятница, 2 июля 1915 г.

Будано докладывает мне о вчерашнем заседании военной комиссии. „Противники кабинета, — говорит он, — потерпели полное поражение. Клемансо и Шарль Эмбер страстно нападали на Мильерана, на Жоффра, на главную квартиру, на все правительство. Они требовали, чтобы было сделано новое сообщение фракциям и безотлагательно состоялось закрытое заседание сената. Их предложение отклонено; решено было лишь обратиться к правительству с письмом в ответ на последнюю речь Мильерана, которую все члены комиссии в один голос находят неуместной". И далее: „Шарль Эмбер про-

читал членам комиссии письмо; он не назвал автора, но утверждал, что это один из наших корпусных командиров. Письмо содержит страстную критику взглядов главной квартиры: с октября мы делаем только ошибки, напрасно посылаем на смерть солдат, войска утратили весь свой пыл и впали в тупую апатию". — „Потребовала ли комиссия от Шарля Эмбера назвать автора письма?" — „Нет". — „Значит, комиссия не отвергла информацию, которую не имела возможности проверить, информацию, которая была прислана неизвестным автором в обход дисциплины! Если бы Клемансо был министром, что сказал бы он на подобные приемы?"

Мой бывший товарищ по лицею Людовика Великого очаровательный писатель Андре Галлэ (Hallays) — он добровольно поступил в армию в качестве поручика запаса и командирован на восточные окраины на службу в отделе информации — сообщает мне свои впечатления, совсем другого, утешительного, характера, не то, что сведения Шарля Эмбера. Он счастлив, что находится на почетном посту, близ провинции, которую он так восхитительно описал и которую страстно желает видеть освобожденной [1].

Я принял обоих новых товарищей военного министра: Тьерри и Годара. Первый рассказывает мне, что его ведомство явно считает его посторонним человеком, вмешивающимся не в свое дело, и уже начинает чинить ему препятствия. Второй, как видно, очень доволен тем, что выбор пал на него. Он уж наверняка не написал бы теперь той статьи, которую он поместил 23 июля 1914 г. в „Courrier européen" [2].

Мильеран беседовал со мной по вопросу о преемнике генерала Гуро в Галлиполи. Дюбо сказал мне, что Галлиени вероятно согласился бы принять этот пост. Я сообщаю об этом Мильерану. Он колеблется между Галлиени и Вилларе.

Несколько депутатов — Гоннора, Ландри, Бретон, Бонневэ, Шарль Бенуа, — озабоченные не без основания будущей цифрой рождаемости во Франции, требуют, чтобы я настоял перед высшим командованием на том, чтобы отпуска давались в первую очередь женатым солдатам. Конечно так и будет.

Суббота, 3 июля 1915 г.

В сегодняшнем номере „Journal" появилась хвалебная статья Шарля Эмбера о работе военной комиссии сената. В статью включено письмо, полученное Эмбером от „одного из наших великих полководцев", как он выражается, и резюмирующее, по его словам, его собственную пропаганду. „Не будем бояться говорить правду. Время работает за нас. Будем стойкими! Будем производить военный материал! Будем экономить людей! Пусть у нас останутся силы, когда другие окажутся обессилевшими, не будем разбазаривать свои силы по-пустому! Не будем отделываться словами! Возвестим зимнюю кампанию и подготовим ее!" Конечно возвещать и подготовлять зимнюю кампанию — самое полезное дело. Конечно наш долг произво-

[1] „En flanant a travers l'Alsace" par André Hallays, 1911, Paris, Perrin et C-ie.

[2] „L'Union sacrée", p. 151 et 152.

дить без устали военный материал и щадить жизнь наших солдат. Но разумно ли кричать ежедневно нашим бедным солдатам: „Командование жертвует вами по-пустому?“

Клемансо снова нападает на Братиану и на Румынию, „только и знающую, что свои кукурузу и нефть“. Странный способ приобретать для нас друзей.

Мильеран говорит мне, что, взвесив все данные, считает более разумным оставить Галлиени на посту военного губернатора Парижа, на котором он замечательно организовал оборону, и послать в Дарданеллы другого генерала, Вилларе, если он оправился от своей раны, или Гросетти, отличившегося на Марне и в Бельгии.

Мальви сообщил нам на совете министров, что Шарль Эмбер назвал ему имя генерала, письмо которого он прочитал в военной комиссии (оно напечатано также в „Journal“). Автор письма — генерал Антуан из группы армий Кастельно. Но Шарль Эмбер поставил требование, чтобы министр не воспользовался этим сообщением для наложения кары.

Вивиани сообщает своим товарищам по кабинету, что возвратившийся из Америки Кайо просил его прекратить в порядке цензуры кампанию, которую ведет против него „Action Française“ и на которую Альмерейда отвечает в своем беспокойном и противном „Bonnet Rouge“ резкими нападками на Леона Доде. Министры полагают, что цензура должна запретить обеим сторонам эту полемику, которая, затянувшись, может повредить священному союзу.

Новая нота Сазонова. Он отчаялся добиться когда-либо сотрудничества всех балканских государств и предлагает союзным державам сделать выбор между ними. Согласно своим старым влечениям он предлагает выбрать Болгарию и обратиться к ней с новыми предложениями (Петроград, № 828). Однако все эти демарши удивляют и огорчают сербов, которые по крайней мере сражаются против наших врагов (Ниш, № 496). Кроме того сербов продолжает тревожить вопрос, какие обещания были даны Италии, а Сидней Соннино все еще возражает против того, чтобы Сербии было сделано официальное сообщение об этом (Рим, № 507). Он боится, что Сербия сочтет себя урезанной при дележе, а итальянский народ в свою очередь будет безутешен, узнав, что ему не удалось добиться обещания Фиуме и Спалато (Рим, № 508).

Имел разговор с Шарлем Эмбером, который снова набросился на меня с своей фамильярной откровенностью. Он все же утверждает, что полковник Бюа и канцелярии военного министерства уже стараются парализовать деятельность Альбера Тома. Эмбер решительно заявляет, что полученные мною последние сводки относительно орудий и снаряжения содержат ряд фактических ошибок.

Офицеры связи уведомляют меня, что в Аргоннском лесу, в Эльзасе и в районе Метцераль идут жаркие бои.

Воскресенье, 4 июля 1915 г.

Делькассе сообщает мне, что уезжает завтра с Вивиани, Мильераном и Жоффром в Кале навстречу Асквиту, Китченеру и Бальфуру. Он постарается убедить английское правительство, что необходимо

принять определенную линию поведения на Балканах. Если желать удовлетворить всех, то в результате всюду получатся только беспокойство и разочарование.

От Вивиани я узнаю, что финансовая комиссия сената намерена опубликовать теперь два доклада о военных рынках. Докладчик Мильеран-Лакруа повидимому выступит с резкой критикой заключенных контрактов, а именно тех, которые в прошлом году были заключены Шарлем Эмбером в Америке.

Согласно новому рескрипту императора Николая II Дума будет созвана в последних числах июля. Но несмотря на вынужденное молчание печати, общественное мнение протестует против этой отсрочки на несколько недель и требует немедленного созыва Думы; кроме того оно требует назначения ответственного министерства. Проявляется некоторое волнение в рабочем классе (Петроград, № 836). Самодержавная монархия еще труднее приспособляется к военному положению, чем наш режим свободы.

Понедельник, 5 июля 1915 г.

В результате усталости, охватившей известные круги, увеличилось число получаемых мною писем с угрозами и оскорблениями. „Мы желаем мира, — пишут мои корреспонденты. — В противном случае берегитесь 14 июля. С вами расправятся, как следует". Впрочем я получаю также много трогательных свидетельств доверия и сочувственных адресов. Перед моими глазами ежедневно проходит пестрая смесь величия и мелочности, и я теперь лучше, чем когда-либо, понимаю, что, если война возбуждает благородные страсти, она подстрекает также дурные страсти; если она возвышает великие характеры, она в то же время принижает мелкие характеры, одним словом, она все доводит до крайности — добро и зло, порок и добродетель. Как бы то ни было, необходимо всеми средствами препятствовать распространению упадка духа. Если воля нации поколеблется, это будет смертью для Франции. Я не премину выполнить свой долг часового.

Командир Жирар, командированный для связи с итальянской армией, говорит мне, что состояние духа последней прекрасно. Наступление не прекращено. Напротив, итальянцы будут продолжать его на верхнем течении Изонцо.

Будано принес мне ответ военной комиссии сената на речь Мильерана. В этом ответе имеются еще явные преувеличения. Так например в нем утверждается, что парламенту пришлось побороть известное сопротивление, прежде чем он мог возобновить свой контроль; между тем только поражение в Шарлеруа, злополучный отъезд в Бордо и пребывание в этом городе помешали созыву парламента. В те страшные дни малейшая неосторожность в высказываниях была бы роковой. В Германии могли бы усмотреть в созыве парламента признак смятения и предзнаменование мира. К тому же многие депутаты были в то время мобилизованы и хотели еще оставаться на фронте. Ответ комиссии содержит также утверждение, что, если бы в конце концов не был созван парламент, у нас не было бы теперь пушек, винтовок и снаряжения. Это — явное преувеличение,

ибо если верно, что комиссия работала с усердием и подталкивала администрацию, то правительство само еще до созыва парламента дало толчок производству на оборону, и ясно, что последнее не могло развернуться во всю ширь в несколько дней и даже в несколько недель. Я дружески замечаю это честному Будано, и он чистосердечно отвечает мне: „Что ж поделаешь! Я знаю это, но они ничего не желают слышать. Ах, они изводят меня!“

В ответе комиссии сказано, что он должен быть доведен до сведения президента республики, „главы армии и верховного блюстителя великих интересов страны“. Я указываю Будано на двусмысленный характер слов: „глава армий“. Судя по ним, можно предположить, что я отдаю приказы армиям на фронте или военному управлению, тогда как я, как всякий глава конституционного государства, могу действовать только через посредство ответственных министров. Будано отвечает мне, что это же возражение высказал в комиссии сам Леон Буржуа, но тогда поднялся Анри Шерон, зачитал конституцию и цитировал из 3-й статьи следующую фразу: „Президент распоряжается вооруженной силой...“ Этой цитаты было достаточно: комиссия сразу укрепилась в своем мнении и согласилась. Но она могла бы точно так же утверждать, что президент является главой нашей дипломатии и даже главой всех министерств, так как в тексте конституции говорится, что он заключает договоры и назначает гражданские и военные власти и военных чиновников. Комиссия просто-напросто упустила из виду последний параграф той же 3-й статьи конституции: „Каждый акт президента республики должен быть скреплен подписью одного из министров“, а также статью 6-ю: „Министры солидарно ответственны перед парламентом за общую политику правительства и индивидуально — за свои личные действия. Президент республики ответственен только в случае государственной измены“. А разве власть не там же, где ответственность? Английский король царствует, но не управляет. Президент французской республики председательствует, но не управляет. Это азбучная истина парламентского режима. Я возвратил Будано принесенное им письмо и просил его указать комиссии, что употребленное ею выражение представляется мне противоречащим конституции. Он написал Шерону и пригласил его посетить меня.

Главный докладчик по бюджету Метэн выражает мне свои опасения, что публичные обращения к рабочим-металлистам внесут на фронте дезорганизацию. Он вместе со мной считает, что мобилизованные рабочие не должны получать на заводе заработную плату в полном размере и должны оставаться подчиненными военной дисциплине, чтобы не быть в привилегированном положении сравнительно с теми, которые находятся на фронте. Но многие члены правительства не разделяют нашего мнения.

Присланный ко мне Будано Анри Шерон сначала доказывал правильность употребленного им выражения „глава армии“, но в конце концов согласился, что я являюсь только номинальным главой и не имею и не могу иметь никакой прямой и личной власти. Он обещал мне заявить об этом в комиссии. Шерон твердо и категорически объявляет мне, что его коллеги и он решили довести войну

до победного конца и отвергнуть всякий половинчатый (boiteuse) мир. Когда я заверил его, что я исполнен той же решимости, он благодарит меня с избытком чувств. Я указываю ему на опасность парламентских манифестаций, которые своими неуместными преувеличениями могут создать панику и уже, увы, вызывают тревогу. Надеюсь, что Шерон, прекрасный патриот, человек возвышенного сердца и тонкого ума, будет стараться исправить положение.

Вторник, 6 июля 1915 г.

Отправляюсь на автомобиле в Каньи на юго-восток от Амьена, где находится штаб-квартира II армии. Эта армия находилась прежде под начальством Кастельно, который теперь возглавляет группу армии. II армией командует теперь генерал Петэн. Я видел его недавно во главе 33-го корпуса, который был отмечен в приказе по армии за прекрасное поведение на севере от Арраса. Вспомним, что этот корпус под блестящим руководством Петэна в полтора часа прорвал позиции неприятеля и победоносно достиг вершины Вими. Говорили, что, если бы во-время предоставлены были в распоряжение Петэна резервы, было бы достигнуто „решение". Но он сам заявляет мне, что не разделяет этого оптимистического взгляда. Он слишком далеко зашел вперед, другие корпуса не продвинулись. Если бы он ринулся еще дальше, он рисковал бы подвергнуться контратакам неприятеля. Согласно Петэну артиллерийская подготовка на фронте соседних корпусов была недостаточной. Здесь еще раз совершили ту ошибку, что начали операцию, не спросив предварительно исполнителей. Петэн энергично протестует против такого недопустимого метода. Он горячо благодарит меня за организацию совещания в Шантильи, за то, что по моим настояниям за этим последовали другие подобные совещания, и за мое требование применять подобный же метод в каждой группе армий и в каждой армии. Впрочем в настоящий момент генерал Петэн не находит желательными новые наступления. Он считает, что ввиду затянувшейся войны мы непременно должны беречь свои силы и прежде всего обеспечить себя тяжелой артиллерией и снаряжением. Все это он говорит очень спокойно, твердо и ясно. Лишь время от времени легкое нервное подергивание век показывает, что под холодной наружностью скрывается горячий и пылкий характер.

Завтракаем в штабе и затем едем на фронт 11-го корпуса и 56-й дивизии. Командир 11-го корпуса генерал Баумгартен отвез нас на автомобиле до Сельи-о-Буа, оттуда мы отправляемся далее пешком посмотреть территорию, завоеванную нами на восток от Эбютерна. Мы идем по опустошенной местности, по длинному вырытому в земле ходу, в котором царит нестерпимая жара; приходим к тому месту, где находилась прежде ферма Туван, затем возвращаемся к Эбютерну. Все дома его разрушены, но он и теперь еще регулярно бомбардируется каждый день. Мы укрепляем его теперь окопами, корзинами с песком, проволочными заграждениями. Наши передовые окопы находятся на северном краю деревни, совершенно близко от немцев. Когда мы вернулись, заговорила артиллерия. Расспраши-

ваемые мною офицеры и солдаты очень гордятся операцией, которую они исполнили с успехом и с которой я поздравляю их; но, увы, она обошлась им очень дорого: около половины всех участвовавших в ней убиты или ранены.

Прощаюсь с Петэном и направляюсь вместе с Дюпаржем и Пенелоном в Дуллан, где останавливаюсь в небольшом буржуазном доме, который занимал Жоффр во время сражения под Аррасом. Сюда явился командующий группой Фош и ужинает с нами. Он попрежнему живой, находчивый, блестящий собеседник, но я нахожу в нем нечто новое: он уже не произносит слова наступление, он заявляет мне, что война будет продолжаться долго, очень долго и что мы должны вооружиться терпением и прочно организовать оборону.

Среда, 7 июля 1915 г.

Из Дуллана мы отправляемся в Сен-Поль, штаб-квартиру X армии. Командующий ею генерал д'Урбаль ожидает нас у входа в город и тотчас увозит нас к стоянке 9-го корпуса, который только что был сменен и отведен на отдых. Командир корпуса генерал Кюре не скрывает от нас, что его войска изнурены и нуждаются в отдыхе. Он пользуется моментом, когда мы остались наедине, и говорит мне: „Прошу вас, господин президент, не допускайте больше этих частичных наступлений. Таким образом сломают тот инструмент, с помощью которого мы должны победить". Мы посещаем войска, расквартированные в дюжине деревень западнее Сен-Поля, между Артуа и Булонэ. Это группы больших ферм, окруженных садами. Красивые живые изгороди, фруктовые сады, нежно зеленые луга. Местность восхитительна, и солдаты счастливы, что на время освободились от окопов с их опасностями.

Побывав утром в этих деревнях, отправляюсь днем в штаб-квартиры 21, 33, 3, 10 и 17-го корпусов. С некоторыми оттенками генералы Местр, Фейолль, Гаш, Вирбель, Ж.-Б. Дюма высказываются передо мною приблизительно в том же духе. Их корпуса терпят большие потери. На своих новых позициях солдаты находятся под свирепым орудийным огнем. Им не удается вырыть себе прикрытия. Артиллерия неприятеля обладает неоспоримым превосходством над нашей и причиняет нам много зла. Генерал д'Урбаль слушает эти замечания, как он слушал утром генерала Кюре, — с скептическим видом и некоторым нетерпением. Если войскам нехорошо на том месте, где они теперь, говорит он, надо будет двинуть их дальше, до вершины. Лично д'Урбаль очень храбр, но прав ли он теперь или нет? Я не знаю этого. Так или иначе, я вижу здесь еще один пример глубокого разногласия между командующим и его исполнителями.

Затем нас повели на Гот-Авен на наблюдательный пункт. Отсюда мы видим — то в дождь, то при солнечном сиянии — поле сражения на север от Арраса, Таржетт, Невилль-Сен-Васт, груды камней и опустошенные поля. Направо жалкие руины города Арраса, который еще вчера опять был бомбардирован немцами. Вечером я возвратился в Париж.

В первый раз я видел здесь на фронте новый шлем для солдат в окопах. Это плоская, слегка приподнятая каска из стального листа, снабженная козырьком-забралом, частью, защищающей затылок, и гребнем. Серо-синий цвет ее гармонирует с цветом новой походной формы. Надеются, что этот шлем предотвратит ранения головы, бывшие до сих пор столь частыми и тяжелыми.

Четверг, 8 июля 1915 г.

Мильеран и Вивиани информируют меня о совещании, которое состоялось во вторник в Кале. С нашей стороны участвовали Вивиани, Мильеран, Делькассе, Оганьер и Жоффр, со стороны англичан — Асквит, Китченер, лорд Крю, Бальфур и фельдмаршал Френч. Меня информируют также о дополнительном совещании, состоявшемся вчера в Шантильи между Китченером, Френчем, русским военным атташе Игнатьевым и Жоффром. Достигнуто было соглашение по следующим пунктам: Китченер отправляет в этом месяце во Францию шесть новых дивизий, затем в следующий месяц еще шесть дивизий и наконец, начиная с октября, еще шесть. Англичане сменят часть нашего фронта на севере от Арраса. Кроме того Китченер по настоянию Жоффра отказывается от тезиса абсолютной обороны; однако раньше пяти-шести недель не будет речи о наступлениях в большом масштабе. В настоящий момент мы ограничимся наступлениями местного характера, имеющими целью задерживать неприятеля и утомлять его. Боюсь, как бы они не утомляли также, притом безрезультатно, и наши войска. У меня еще стоит в ушах все слышанное мною вчера.

В Дарданеллах в скором времени высадятся три английские дивизии; Китченер пока не намерен посылать туда новые подкрепления.

Баррер обратился к Сиднею Соннино с вопросом, почему Италия не вступает в войну с Германией (Рим, № 522, 523, 524). „Положение, — ответил министр, — изменилось со времени заключения лондонской конвенции. Ввиду отступления русских у Германии освободились войска, которые она может послать против нас и против вас. Итальянское общественное мнение легко возбудимо; мы заинтересованы в том, чтобы в Италии не подумали, что мы выбрали именно этот момент для ускорения ударов грозного противника".

В ожидании того, когда итальянское правительство решится выполнять свои обещания, немцы снова атаковали нас близ Суше, на Маасских высотах, в лесу Буа д'Айльи и в лесу Буа-ле-Претр. Эти атаки были везде отбиты, но причинили нам большие потери.

В десять часов вечера ко мне пришел Вивиани и рассказывает мне, как прошло заседание палаты. Оно было очень бурным. Альбер Фавр, радикально-социалистический депутат от Нижней Шаранты, очень возбужденный против Мильерана, внес свою интерпелляцию. Каждый раз, когда он нападал на военного министра, ему бурно аплодировали. „Я отвечал при ледяном молчании палаты; лишь к концу своей речи я снова нащупал контакт с ней. Один момент я видел, что ни один из депутатов не станет голосовать за доверие правительству, все уклонялись. Это становится невыносимым. Почти

все депутаты советуют мне расстаться с Мильераном, но одни советуют взять мне Барту, другие, и в частности социалисты, не хотят его. Некоторые уговаривают меня принять портфель военного министра, но я совершенно не компетентен в этой области. Я не вижу, кого из политических деятелей назначить на это место. Взять военного? Но не поведет ли это к конфликту с главнокомандующим?". Вивиани продолжает излагать мне свои затруднения и не приходит ни к какому заключению. „Я продолжаю считать перемену нежелательной, — сказал я, — но если Мильеран понесет поражение в палате, то самым лучшим преемником его, на мой взгляд, был бы Барту". — „Да, — отвечает Вивиани, — но это взбесит Кайо, а желательно, чтобы он оставался спокойным". Бедный, бедный священный союз!

Пятница, 9 июля 1915 г.

Вопрос о Мильеране у всех на устах — в печати и в парламенте. Каждый приходит ко мне с советом, причем каждый советует различное.

Присутствовал на торжественном открытии лазарета в Нейи, основанного Обществом друзей мусульман; воспользовался этим случаем, чтобы воздать должное нашим африканским войскам, которые так прекрасно ведут себя на фронте[1]. Затем поехал в санаторий на улице Бизе, где находится генерал Гуро. Во время переезда по морю ему пришлось ампутировать правую руку. Кроме того у него переломы левого бедра и левой берцовой кости. Его мать, очень достойная и храбрая старушка, сестра и племянники находятся при нем. Он прекрасен в своем стоическом спокойствии. Мы беседуем о дарданельской экспедиции. Он считает, что английский план не плох; но сожалеет, что нет достаточного контакта между обоими адмиралами. Самым подходящим преемником своим он считает генерала Байу.

Меня посетил начальник итальянского генерального штаба генерал Порро, отправляющийся завтра в нашу главную квартиру. Он рассказал мне, что итальянцы взяли в плен четырех немцев, несколько немецких солдат убиты на фронте. Ему непонятно, что между обеими странами нет еще войны. Он того мнения, что всякое наступление должно быть отложено до тех пор, когда русские будут в состоянии перейти в наступление, а это, как он думает, будет осенью.

Суббота, 10 июля 1915 г.

Заседание совета министров. По моему предложению решено наградить генерала Гуро военной медалью. На 14 июля проектируется торжественное перенесение праха Руже де Лиля в Пантеон.

Антонин Дюбо — у него исчезли все поползновения по части политической оппозиции, он теперь только патриот, самый рьяный и самый бескорыстный — говорит мне, что он горячо приветствовал Вивиани по поводу его последней речи и поощрял его проявить твердость перед парламентом. „Будьте и вы сами на-чеку, — при-

[1] „Messages et discours", Blond et Gay, éditeurs, t. I, p. 48 et suiv.

бавил он, — потому что следят за каждым вашим шагом и в случае малейшей слабости правительства ответственность непременно возложат на вас". Я отлично знаю, что он прав.

В конце дня я снова поехал в санаторий на улице Бизе. В комнате, где лежит генерал Гуро, я застал Мильерана, начальника его канцелярии полковника Бюа и капитана Думейру. Доктор Кеню объясняет нам, что, как показал рентген, сломано не бедро, а чашечка, и я понимаю, что доктор опасается последствий этого перелома. Генерал, все время совершенно спокойный, ограничивается словами: „Лишь бы только я мог снова сесть на коня". Я прикалываю к его сорочке военную медаль и обращаюсь к нему с словами приветствия от правительства. Он ничего не ожидал; волнение его так велико, что он вытягивается на своей постели, выпрямляется, закрывает глаза; грудь его глубоко дышит, и когда он приподнимает ресницы, я вижу скатившуюся слезу. Это внезапное волнение человека, который всегда так мастерски владел собой, потрясло нас самих до глубины души. Я не в состоянии сказать ни слова. Молча целую генерала, который трогательно благодарит меня. Мильеран, которого любят выставлять бесчувственным, украдкой проливает слезу.

Делькассе, Грей, Сазонов и Соннино продолжают свои перекрещивающиеся разговоры по поводу Румынии и Баната, Болгарии и Македонии, Греции и Албании. Дело не подвинулось ни на шаг. Мы ведем переговоры в интересах победы, а отсутствие победы тормозит наши переговоры (Петроград, № 858 и 862; от Делькассе в Петроград, № 981; из Ниша, № 509; из Петрограда, № 859; от Делькассе в Софию, № 317; от Делькассе в Лондон, № 2074).

Воскресенье, 11 июля 1915 г.

Германский и австрийский посланники в Бухаресте, кажется, обратились к Братиану с угрожающим демаршем, чтобы добиться формальной декларации о нейтралитете. В качестве залога они потребовали разрешения на провоз военного снаряжения для Турции (№ 1484).

Понедельник, 12 июля 1915 г.

По случаю нашего национального праздника король Виктор-Эммануил III почтил меня цепью ордена святой Аннунциаты. Титтони, вручая мне знаки этого ордена, обратился ко мне с любезной речью: „Орден святой Аннунциаты, — сказал он, — один из самых древних в Европе. Он восходит почти до колыбели Савойского дома, которому судьба уготовила славу осуществить воскресение Италии и объединить под своим скипетром всех тех, кто говорит на благородном и нежном языке Данте. Свидетельство дружбы и уважения, которое мой августейший государь соизволил по случаю национального праздника Франции оказать знаменитому человеку, так блестяще представляющему ее, приобретает особое значение в настоящий момент, когда кровавая война объединила в целях совместной обороны страны, борющиеся за принцип национальности и за свободу народов". Я прошу посла передать королю мою благодар-

ность за его дружескую идею и мои наилучшие пожелания. „Я уверен, — говорю я, — что победа нашего общего дела позволит Италии полностью осуществить свои национальные устремления".

Вторник, 13 июля 1915 г.

Перенесение праха Руже де Лиля в Пантеон натолкнулось на неожиданные препятствия. Генеральный секретарь палаты Пьерр, милейший и вместе с тем грозный человек, свирепый и улыбающийся хранитель законов и уставов, откопал правило, требующее для этой посмертной почести постановления парламента. Так как теперь уже нет времени назначать заседание обеих палат, совет министров вынужден был отказаться от торжества в Пантеоне. Останки Руже де Лиля будут перенесены из Шуази-ле-Руа к Триумфальной арке, а оттуда — в Дом инвалидов.

Согласно принятому обычаю я представил совету министров текст речи, которую я намерен произнести при этом случае. В этот текст внесли несколько мелких поправок; мне тем легче внести их, что ни одна не касается существа моих заявлений.

Вивиани и Рибо снова жалуются на невыносимое положение, в которое их ставят парламентские комиссии, присваивая себе все функции власти. Председатель совета министров заявляет, что силы его скоро истощатся; впрочем, говорит он, этого только и желают.

Среда, 14 июля 1915 г.

Итак, прах Руже де Лиля перенесен не в Пантеон, а в Дом инвалидов. День стоял облачный, пасмурный. Дул свежий ветер, и французские аэропланы реяли в воздухе под облаками, чтобы отгонять „Tauben".

Я отправился на автомобиле вместе с Вивиани к Триумфальной арке. Многочисленная толпа. Мужчин конечно мало. Несколько раненых. Санитары, старики, дети. По дороге Вивиани нервно рассказывает мне, что вчера в комиссии сената Шарль Эмбер показывал письма Жоффра, из которых явствует, что главная квартира тщетно с октября требовала тяжелой и судовой артиллерии. Мильеран еле выпутался, и военное управление еще раз подверглось бурным нападкам и обвинениям в неизлечимом бездействии. „Это становится невозможным, — восклицает Вивиани. — А между тем я не могу найти извинение всем этим ошибкам. Что делать? Что будет?" Но он не делает вывода. Решено, что завтра Мильеран представит совету министров требования Жоффра и свои ответы. Но как это я не был осведомлен об этой переписке столь кардинальной важности?

Прах Руже де Лиля под Триумфальной аркой Этуаль. Гроб, покрытый знаменами, поставлен на фургон времен первой республики и охраняется пикетом саперов. Мадам Дельна спела несколько строф „Марсельезы". Затем траурный кортеж приходит в движение, направляется вниз по Елисейским полям и через авеню Александра III приходит к Эспланаде. Я следую за погребальной колесницей, рядом со мною Дюбо и Дешанель. Толпа держит себя

с большим достоинством. Мы останавливаемся во дворе Дома инвалидов, и я произношу свою речь с небольшими поправками[1]. Коснувшись вкратце биографии Руже де Лиля и обстоятельств, при которых родилась в Страсбурге „Марсельеза", я продолжал: „Так как нас заставили обнажить меч, мы не имеем права вложить его обратно в ножны, пока не отмстим за своих мертвецов и совместная победа союзников не позволит нам отстроить наши развалины, восстановить целостность Франции и действительным образом оградить себя от периодического повторения провокаций. Какой смысл имело бы заключать завтра, если бы это было возможно, половинчатый, бессильный мир на развалинах наших разрушенных городов[2]. Нас[3] тотчас же заставили бы принять новый драконовский трактат, и мы навсегда сделались бы вассалами своих врагов, вассалами политическими, моральными и экономическими. Промышленники, крестьяне и рабочие Франции отданы были бы на произвол торжествующих соперников, и униженной Франции суждено было бы чахнуть, упавши духом и потеряв уважение к самой себе... Нет, нет, пусть наши враги не обманываются на этот счет! Не для того, чтобы заключить ненадежный мир, тревожное и беглое перемирие между укороченной войной и другой, более ужасной войной, не для того, чтобы быть завтра подверженной новым нападениям и смертельным опасностям, вся Франция закипела и поднялась под мужественные звуки „Марсельезы"..."

Днем пришел ко мне Мильеран. Не для того, как я полагал, чтобы говорить со мною об инциденте, который взволновал Вивиани, — Мильеран считает этот инцидент не стоящим внимания. Военный министр хотел сообщить мне о том, что военная комиссия сената приняла постановление послать своих делегатов в прифронтовые крепости проверить состояние их артиллерии и снаряжения. Он считает эти обследования недопустимыми. Крепостные орудия и их снаряжение используются непосредственно в армии, так как крепости уже не могут защищаться за крепостными стенами. Фактически теперь уже нет укрепленных городов, а существуют только укрепленные для обороны районы. Значит комиссия желает распространить свое наблюдение на распределение орудий и снаряжения между армиями. Главнокомандующий не потерпит такого вмешательства, в результате которого возможны опасные нарушения тайны.

Пенелон говорил со мной по тому же вопросу. Вероятно, дело пошло от комендантов крепостей, в частности от генерала Кутансо в Вердене, поддерживающего связь с Шарлем Эмбером. Они указывают комиссии на пробелы, получившиеся в городах вследствие изъятий в пользу фронта. Лучше было бы, говорю я Пенелону, чтобы крепости были отныне поставлены в прямое подчинение командующим армиями. В таком случае генерал Саррайль командовал бы не только III армией, но также укрепленным лагерем Вердена. Пенелон отвечает мне, что подобная же мысль была и у главной

---

[1] „Messages et discours, Blond et Gay, éditeurs, t. I, p. 51 et suiv.

[2] В тексте: „хромой мир задыхаясь уселся бы на развалинах". — *Прим. перев.*

[3] В тексте: „Нашу усталость". — *Прим. перев.*

квартиры, но до сир пор наталкивались на возражения, вытекающие из уставов. Я не считаю эти препятствия непреодолимыми и требую, чтобы не упускали из виду эту мысль.

Вчера и третьего дня в Аргоннах происходили очень ожесточенные, кровавые бои.

Четверг, 15 июля 1915 г.

Мильеран представил совету министров письмо Жоффра от 3 октября и целую папку документов, из которых явствует, что военное министерство немедленно сделало все от него зависящее, чтобы удовлетворить требования главнокомандующего. Правда, были задержки, вызванные отчасти необходимостью получить согласие морского министерства, отчасти трудностями перевозки, отчасти случайными обстоятельствами; но ни одного дня требования не оставались без ответа, как слишком услужливо поверила комиссия.

По моему предложению на военного министра возложено задание изучить вопрос, не возможно ли передать крепости во власть командующих армиями и им же передать функции коменданта крепости. Кроме того постановлено указать комиссии сената на неудобства парламентского обследования артиллерии укрепленных районов.

Сазонов, с каждым днем все более неугомонный, снова возвращается к вопросу о данном им уже согласии на совместную ноту союзников Румынии. Теперь он хочет выступить в Бухаресте изолированно. Прочитав депеши из Петрограда (№ 878 и 879), я пишу Делькассе: „Неустойчивость Сазонова в конце концов начинает действительно внушать тревогу. Каковы бы ни были задние мысли Братиану, неразумно давать ему благодаря изолированному запросу России предлог для новых проволочек. Все, что идет от России, вызывает подозрения Румынии". Делькассе отвечает мне, что он всецело одного мнения со мной и уже телеграфировал в Петроград и Лондон, чтобы избежать всякого разрыва единого фронта.

Днем поехал на автомобиле в Обервилье осмотреть закусочную, устроенную синдикатом печати для раненых, пропускаемых через здешнюю станцию. Здесь я узнал от префекта полиции о смерти Фердинанда Дрейфуса, адвоката и сенатора от департамента Сены и Уазы, у которого я был секретарем в начале моей адвокатской карьеры. Это был прекрасный человек, с которым я все время сохранял наилучшие отношения. Сыновья его тоже явились ко мне в конце дня сообщить о постигшем их горе. Я сам глубоко огорчен.

Сегодня на четвертом заседании съезда объединенной французской социалистической партии была принята важная резолюция; она отвергает всякую мысль о слабости перед лицом неприятеля, вторгнувшегося в страну, и содержит очень характерные высказывания об ответственности за войну, например следующее: „Партия... напоминает, что в тот самый момент (конец июля 1914 г.) австрийская социал-демократическая партия в следующих выражениях устанавливала ответственность австро-венгерского правительства: „Мы не можем взять на себя ответственность за эту войну и возлагаем эту ответственность, а также все возможные ужасные последствия этой войны на тех, которые придумали, поддерживали и осуществили

тот роковой демарш, который ставит нас перед лицом войны (ультиматум Сербии)". Партия указывает также на резолюцию, принятую тогда же германской социал-демократической партией: „Если мы осуждаем происки сербских националистов, то еще более энергический протест с нашей стороны вызывает то легкомыслие, с которым австро-венгерское правительство провоцировало войну; это правительство обратилось к Сербии с столь наглыми требованиями, которые еще никогда в всемирной истории не предъявлялись к самостоятельной нации, они могли быть рассчитаны только на то, чтобы повести к войне..."

Мэр города Дюнкирхена Теркам известил меня, что гирлянды, приготовленные для встречи меня 29 июля 1914 г. и не использованные, были употреблены в этом году на украшение могилы павших солдат. Я пишу ему, что тронут этим, и прошу передать населению города, что приветствую ту храбрость, которую оно проявляет под гранатами неприятеля[1].

Пятница, 16 июля 1915 г.

Среди многочисленных писем с одобрением моей речи, в которой я говорю о необходимости продолжать войну, особенно яркие получены мною от Адольфа Карно, Жоржа Дюрюи, Л. Эрбетта, Анри Шерона и Эрнеста Лависса. „Надо, — пишет последний, — чтобы ваши слова были публично прочитаны во всех коммунах Франции. Проявляющееся в настоящий момент чувство тревоги и беспокойства, склонность принимать на веру дурные известия не должны удивлять нас, все это мы находим во все времена; тем не менее необходимо оказывать противодействие этой причине ослабления. Меня несколько беспокоило молчание правительства и робость прессы, которая лишь намеками говорила о затягивании войны и необходимости продолжать и даже удвоить наши усилия. Ваша речь теперь подаст пример". Затем, как и в прочих письмах, следуют лестные отзывы, которыми я обязан старой дружбе своего коллеги.

От Фердинанда болгарского, от черногорского короля, от президента Вудро Вильсона я получил очень любезные телеграммы, но ни первый, ни последний ни единым словом не выражают мне пожелания нашей победы. Король Фердинанд, который недавно заставил герцога де Гиза четыре дня дожидаться аудиенции и затем сказал ему только общие места, не из тех людей, которые изменят свою позицию по случаю 14 июля.

Марсель Самба представил мне шведского депутата-социалиста Брантинга. Его мужественные черты дышат правдивостью и решительностью. Он очень прилично говорит по-французски. Уверяет меня, что Швеция отнюдь не выйдет из своего нейтралитета. Резко упрекает королеву, что она никак не может забыть своего немецкого происхождения и то и дело позволяет себе неосторожные выступления на словах. Чтобы избежать в будущем всяких недоразумений между Швецией и Россией, говорит Брантинг, необходимо будет дать Финляндии больше конституционной свободы.

---

[1] „Messages et discours", Blond et Gay, éditeurs, t. I, p. 59.

Депутат Рене Бенар, мой бывший сотрудник в 1912 г., сообщает мне, что в радикально-социалистической фракции палаты запрашивали Мальви и Сарро относительно приписываемого Вивиани намерения включить в кабинет Барту и что по этому вопросу в группе выявилась единодушная оппозиция — все это в результате опубликования протокола Фабра[1]. Во что же превращают священный союз!

Суббота, 17 июля 1915 г.

Заседание совета министров не состоялось. Вивиани, Мильеран и Рибо поехали к Жоффру сговориться о финансовых мерах, которые необходимо предпринять в армиях для продолжения войны. Надо думать, что немного больше экономии и улучшение управления не помешают военным действиям.

Морис Доннэ обратился ко мне по поводу моей речи на празднике 14 июля с обворожительно теплым письмом. Он считает, что для тыла этот призыв к храбрости и терпению был безусловно необходим. Вспоминает, как мы с женами, а также Марсель Прево с супругой год с чем-то тому назад собрались вместе в приорстве: „Какой чудный, тихий день был тогда, это было год назад, далекое, минувшее время!“[2].

Получил также полное благородства письмо из Рима от графа Жозефа Примоли. „Я не забыл, — пишет он, — что во время моего последнего пребывания в Париже, когда я был так тепло принят вами, меня смутили и задержали мои гости-пессимисты. Вы один сохранили свою безусловную уверенность относительно союза между нашими странами, которому угрожала опасность. Вы сказали мне тогда, что единственная опасность заключается в министерском кризисе (в Италии). Он действительно произошел, но был ликвидирован благодаря энергии короля, которому помогали Саландра, Соннино и Мартини, а главным образом благодаря выступлению народа, возмущенного изменой Джиолитти, который вел переговоры с врагом через головы правительства и даже самого короля. Не следует забывать также заразительный энтузиазм д'Аннунцио, который увлек за собой толпу. Одной из любопытнейших загадок в нашей истории будет эта неожиданная перемена фронта: еще накануне триста депутатов оставили у Джиолитти свои визитные карточки в знак того, что они разделяют его политику; из четырехсот членов сената самое большее около шестидесяти были за вмешательство в войну, а на другой день Саландра должен был принять полицейские меры для охраны отъезжающего Джиолитти, чтобы он не был растерзан толпой. Именно в этот момент я приехал в Рим. Лондон я нашел бесстрастным, Париж — сосредоточенным, думающим свою тяжелую думу, сознающим трагизм положения... В Риме я застал праздник, флаги днем, иллюминацию вечером. Я не говорю вам о демонстрациях в Капитолии и в Квиринале; в подобной обстановке все принимает торжественный характер...“

[1] „L'Union sacrée“, p. 82 et 99.
[2] Ibid., p. 203.

Письмо это было написано по поводу получения мною ордена святой Аннунциаты, „самого большого знака отличия в Италии, — пишет Примоли. — К союзу присоединилось теперь родство, ибо вы стали теперь кузеном нашего короля. Прошу передать мой почтительный привет милой Collaressa — таков титул, полагающийся женам collari (носителей ордена)... Я нашел в одной библиотеке старинное издание устава ордена святой Аннунциаты; доставьте мне великое удовольствие, приняв его на память о нашей двадцатилетней дружбе и нашем двухмесячном союзе". Да, двадцать лет! В моей памяти встает на мгновение улыбающийся образ принцессы Матильды, радушно принимавшей у себя писателей и артистов. Среди хозяев были граф Примоли и Морис д'Оканья, а в числе гостей несколько стесняющийся на чужбине молодой министр народного просвещения.

Командир 2-го стрелкового батальона де Дуглас пишет мне: „Имею честь сообщить вам, что 2-й стрелковый батальон, гордящийся тем, что насчитывал вас в числе своих офицеров, был отмечен в приказе по армии за взятие Метцераля". Он цитирует слова этого приказа, очень лестные. Я посылаю горячие поздравления своему дорогому батальону.

Воскресенье, 18 июля 1915 г.

Длинный разговор с генералом Лиотэ, приехавшим на восемь дней во Францию. Он привез из Марокко весьма приятные известия. Прямо, можно сказать, чудо, что страна, в которой три года назад нам приходилось иметь дело с восстанием и войной, теперь в такой степени замирена, что мы могли уменьшить здесь до одной трети число регулярных войск и заменить их территориальными войсками. За это время французские части были отправлены на наши восточные окраины, и вскоре сами туземцы дали нам лояльных и верных солдат. Чтобы совершить этот род чуда, генерал Лиотэ должен был на всей границе „сохранять прочной оковку (armature) Марокко" и с этой целью возобновить и ускорить в тылу все производительные работы и поднять экономическую жизнь страны. Это привело к дефициту в сорок семь миллионов, но, говорит Лиотэ, пусть правительство судит, превосходит ли эта цена достигнутые результаты. С другой стороны, генерал-резидент предостерегает нас от того, что он называет материальным и моральным износом своего оборонительного оружия. Каждый офицер и унтер-офицер, оставленные в Марокко во время войны во Франции, считают себя опозоренными и осрамленными. Это состояние умов становится неизлечимым, по мере того как затягиваются враждебные действия. А между тем, несмотря на мир, царящий внутри Марокко, на границах происходят постоянные и порой весьма ожесточенные бои. Генерал требует, чтобы это было засчитано его войскам и чтобы ему предоставлено было больше свободы и власти при производствах в высшие чины. По своей привычке он говорит бурно и увлекательно, его экстаз почти не дает слушателю времени на размышление и разбивает, как соломинку, все возражения.

Во второй половине дня отправляюсь с Дюпаржем на автомобиле в Бурж. В пути восхищаюсь тем, что, несмотря на войну, поля

всюду возделаны. Началась уборка жатвы; не видно, чтобы нехватало рабочих рук; к счастью отпуска можно было давать довольно щедро.

В префектуре Буржа я застал опередивших меня Мильерана и Тома, которые должны присутствовать завтра вместе со мною на опытах артиллерийской стрельбы.

Понедельник, 19 июля 1915 г.

Отправляемся на полигон. Присутствуем здесь при различных опытах: стрельба из новой мортиры в 240 миллиметров для окопов, стрельба из мортиры в 370 миллиметров, взрыв снаряда в 370 миллиметров, стрельба взрывными снарядами среднего калибра в 105, 155 и 220 миллиметров, стрельба зажигательными снарядами в 75 миллиметров и бомбами в 58 миллиметров, бомбардировка укрепления бомбами в 75 миллиметров с удушливыми газами. Мишенью служат триста-четыреста метров окопов, небольшой форт, казематы. По окончании стрельбы мы осматриваем эти мишени. Кое-где горит трава, но слабо. Атмосфера сильно насыщена запахом фосфора; но ни удушливые газы, ни зажигательные бомбы не произвели большого действия. Помещенные в окопах чучела и деревянные ящики остались в целости. Несчастные овцы и кролики, привязанные за лапки позади укреплений, оглушены, некоторые убиты или ранены осколками, но ни одно животное не погибло от удушения. Они глядят на нас испуганно и жалобно и как бы спрашивают, что за безумие овладело человечеством.

К этим опытам мы приступили в последние недели, чтобы найти возможность отвечать на газовые атаки неприятеля. Но опыты не дают пока больших результатов, и, видно, пора обратиться к нашим лучшим химикам.

После стрельбы я осматривал пушечный завод. Моим любезным проводником был при этом брат Жоржа Клемансо Поль, инженер, мобилизованный в чине поручика. С помощью Тарба Бурж выпускает теперь двенадцать труб для орудий в сутки; в октябре эта цифра будет доведена до двадцати, если удастся во-время получить нужные станки; директор завода боится, что не сможет превысить эту цифру, которая конечно ниже наших потребностей. Поэтому необходимо более интенсивное сотрудничество частной промышленности, но для того чтобы последняя работала с пользой, надо заранее снабдить ее контрольными инструментами, позволяющими проверять с математической точностью размеры всех частей орудия. Поль Клемансо не думает, что разрывы вызваны износом орудий. Произведенные им опыты показали, что причина разрывов заключается только в снарядах, а именно в плохом качестве стали или в соприкосновении пороха с взрывчатым веществом.

Мы отправились Виерзонским лесом и сделали здесь привал для завтрака. Потом сделали остановку в самом Виерзоне, где осматривали производство стальных и чугунных бомб на заводе Общества земледельческих орудий. Наконец на короткое время остановились в Сен-Жан-де-Рюэлль, где находится отделение Ангулемского порохового завода, завод Маделен, производящий серную кислоту. К концу дня возвращаемся в Париж с пожеланием, чтобы посещение этих

заводов военным министром, товарищем министра, ведающим артиллерией, и президентом республики послужило ободрением для персонала и стимулировало производство.

Вторник, 20 июля 1915 г.

На заседании совета министров Вивиани огласил длинное письмо, полученное им от Маргена. Депутат от департамента Марны горько жалуется на притеснения, которые „республиканский генерал" Саррайль терпит от главной квартиры. Ему всегда отказывают в требуемых им войсках, ему не разрешают вступить в Германию через Спенкур, и все эти притеснения исходят якобы от Жоффра. Но, поскольку мне известно, Жоффр не является ни роялистским, ни бонапартистским генералом — политика, благодарение богу, не проникла на фронт.

Рибо все более тревожат растущие финансовые затруднения. За последний квартал 1915 г. новые заказы военного министерства в Соединенных штатах составят полтораста миллионов. Вместе с прежними расходами и тремястами пятьюдесятью миллионами бонов, которые мы должны будем выплатить Америке, это составит около трех миллиардов. Выплатить их золотом будет невозможно. Стало быть, надо будет получить либо кредиты в Америке, либо финансовую помощь от Англии. Для поисков этих кредитов — Морган объявляет последние невозможными — Рибо предлагает отправить финансовую миссию в Соединенные штаты.

Делькассе отозвал из Афин нашего посланника Девилля, который имел неосторожность высказаться в речи, ставшей достоянием печати, за Венизелоса и против его врагов.

Среда, 21 июля 1915 г.

Утром присутствовал на вокзале Ла-Шапелль при прибытии поезда с тяжело ранеными, бывшими в плену в Германии. Для этих бедных людей общество французских дам устроило буфет, а также ряд небольших павильонов с помещениями для отдыха. В вестибюле вокзала расставлены большие столы, украшенные живыми растениями и цветами из городских оранжерей Парижа. По выходе из поезда раненых тотчас рассадили за этими столами, и я предложил им шампанское. Когда они ответили на мой тост пением „Марсельезы", публику охватило непреоборимое волнение. Один зуав с ампутированной правой ногой вскочил со своего места и, не желая пользоваться палкой, вприпрыжку добежал до меня и сказал: „Ах, они в Германии ненавидят вас. Зато вас очень любят во Франции". Я расспрашивал каждого раненого о его пребывании в Германии. Все они отвечают, что уход за ними был хорош, но кормили их очень плохо. Кроме того немцы обрабатывали их ложными известиями, распространяли среди них „Gazette des Ardennes", газету, специально созданную для оккупированных районов и издаваемую на французском языке в тщетной надежде обмануть и смутить население.

„Information" поместила вчера сообщение, что одна из наших больших утренних газет перешла в руки консорциума. „New-Vork Herold" уточняет сегодня, что речь идет о „Journal". Летелье опро-

вергает это и заявляет в печати, что он остается собственником этой газеты и не думает продавать ее. Однако Этьенн Гроклод подтверждает мне, что на этот счет циркулируют разные слухи. Говорят про комбинацию с сотрудником агентств печати Ленуаром или его сыном. Гроклода беспокоят статьи Шарля Эмбера. Сегодня сенатор от Маасского департамента опять поместил статью под излюбленным им заглавием: „Пушек! Снаряжения!“ Некоторые места этой статьи могут дать немцам указания о состоянии нашего производства, а также смутить наше общественное мнение.

В Аргоннах наши дела плохи. Мы ежедневно теряем много людей и немного территории. Жоффр поручил генералу Дюбайлю произвести обследование.

Палеолог телеграфирует, что в результате поражений русских войск рубль стремительно падает. Внешний кредит России окажется поколебленным. От этого в продолжение ряда лет будут страдать торговля и промышленность. Кроме того быстро вздорожают предметы потребления; в первую очередь пострадает от этого рабочий класс. Удивляет бездействие министра финансов Барка. Палеолог думает, не ищет ли он возможности сослаться на это чрезвычайное ажио, чтобы добиться новых кредитов в Париже или Лондоне, не трогая золотого резерва (№ 896).

Действительно, в августе предполагается новое совещание министров финансов Рибо, Барка и Мак Кенна. Надо полагать, оно состоится в Булони (Лондон, № 1556).

По случаю бельгийского национального праздника я обратился к королю Альберту с пожеланиями, в которых старался избегнуть всякой официальной банальности.

Четверг, 22 июля 1915 г.

Сегодняшнее заседание совета министров было в значительной части посвящено дарданельской экспедиции. Все члены правительства признают теперь, что успех ее имел бы первостепенное значение, гораздо более важное, чем успех мелких наступлений на нашем фронте, признают, что от успеха этой экспедиции зависят все наши дипломатические выступления и что он представляет также первостепенный интерес с военной точки зрения.

Мильеран зачитывает два письма, в которых Жоффр поручает Дюбайлю обследовать операции в Аргоннах. Он огласил также два донесения Дюбайля. Последний находит, что Саррайль совершил ошибку, не поддержав на фронте 32-й корпус и не желая использовать в качестве резервов войска, предназначенные для смены. Саррайль слишком уж боялся смешать различные части; поэтому он не перешел тотчас же в контратаку и таким образом превратил в поражение операцию, которая могла бы целиком окончиться в нашу пользу. Во втором письме от того же числа, что первое, Жоффр спрашивает Дюбайля о фактах другого характера, которые тоже ставили в вину Саррайлю: назначения по протекции, отказ в заслуженных назначениях, плохие отношения с некоторыми из своих подчиненных, упадок духа в III армии. В своем ответе Дюбайль, которого однако нельзя обвинять в том, что он не является „республи-

канским генералом", дал суровый отзыв о Саррайле, обвиняет его в „предвзятости". В заключение он предлагает заменить командующего III армией генералом Эмбером, а Саррайля назначить на место Эмбера командующим лотарингским отрядом. Но Жоффр не согласился на эту перестановку, передал оба донесения военному министру и написал ему: „Я решил снять генерала Саррайля с командования III армией и назначить его командиром корпуса, если правительство не найдет нужным дать ему другое назначение. Прошу вас довести об этом до сведения правительства".

В совете министров большое волнение. Некоторые министры, в том числе даже личные друзья Жоффра, заявляют, что эта мера несправедлива или по меньшей мере чрезмерно строга. Рибо замечает, что несправедливо карать Саррайля за операции в Аргоннах, тогда как после операций под Аррасом не было применено никаких карательных мер. Однако он говорит также, что не следует создавать конфликт с Жоффром и таким образом толкать последнего на мысль об отставке. В результате сошлись на том, что нельзя требовать от главнокомандующего оставить Саррайля во главе III армии, раз ему всегда предоставляли свободный выбор помощников. Но ставят вопрос, не может ли Жоффр принять предложение Дюбайля и поставить Саррайля во главе лотарингского отряда. Бриан говорит против этого, он подчеркивает, что недовольный Саррайль, будучи оставлен на фронте, станет центром агитации. Как я слышал от полковника Бюа и как полагают некоторые министры, Жоффр желает, чтобы Саррайль отправился на Дарданеллы, где пригодились бы его энергия и настойчивость. Рибо предлагает запросить на этот счет письменное заключение главнокомандующего. Так и было решено[1].

Как мне рассказывает депутат Беназе, одна из жен бывшего хедива, проживающего теперь в Швейцарии, сказала ему вчера, что экс-хедив куплен Германией и вступил в сношения с некоторыми французскими политиками; посредником служит ему финансист по имени Боло. Но в какой мере можно верить этой незнакомке?

Пятница, 23 июля 1915 г.

Согласно „тайному и надежному источнику" набережной д'Орсэй испанский посол маркиз де Валтиерра телеграфировал на-днях своему правительству, что во время моей последней поездки на фронт солдаты встречали меня криками: „Да здравствует мир!" и что я вынужден был очертя голову вернуться в Париж. „Correo español" подхватил этот смехотворный слух, „Neue Freie Presse" тотчас же поспешила перепечатать это сообщение. У меня тотчас же явилась идея пригласить Киньонеса де Леон, который, как я знаю, является личным другом короля, поехать со мной на фронт. Он с радостью принял мое приглашение. Мы поехали сегодня утром вместе с генералом Дюпаржем и заведующим протокольной частью Вильямом Мартеном, близким другом Киньонеса. В три часа дня мы приехали

[1] „Mon commandement en Orient" par le général Sarrail.

в Фим; третьего дня немцы пытались бомбардировать этот город на далеком расстоянии, но снаряды упали на поля. Командующий V армией генерал Франше д'Эсперэ, выехавший навстречу нам в Фим, повез нас в северную часть долины Эны, в сектор 18-го корпуса, которым командует генерал Маржуле. Мы прибыли в полуразрушенную деревню по имени Мулен. В погребах домов расквартированы войска из департамента Нижние Пиренеи. Это прекрасные солдаты. Я спустился в некоторые из этих временных убежищ, чтобы приветствовать войска, а также показать Киньонесу де Леон всю ложность сообщения „Correo espanol". Из Мулен мы поехали дальше на север и остановились в другой деревне, тоже разрушенной, под названием Песси; на краю деревни находятся глубокие пещеры, в которых солдаты ведут жизнь троглодитов. Киньонес де Леон поражен хорошим настроением и энтузиазмом войск. Но, сказать правду, я нашел войска несколько более уставшими, чем несколько недель назад. Очевидно их очень разочаровала неудача наступлений.

Оставив автомобили в Песси, мы пошли ходом, вырытым в земле; минувшей ночью прошел сильный дождь, а ров вырыт в очень скользкой глинистой почве, земля совершенно размокла. С грехом пополам мы прошли до окопов в Фулонском лесу, на север от Ульш и на юго-запад от Краонэлль. Мы видим часовых на их наблюдательном посту; другие солдаты отдыхают в убежищах, прикурнув на подобиях скамеек из проволоки. Время от времени над нашими головами со свистом проносится немецкая пуля. Немецкие окопы находятся совсем близко от нас, на юг от фермы Эртебиз и Краонна.

„Вы видите, — говорю я в шутку Киньонесу, — что сам король, если бы он пожелал явиться инкогнито во Францию, мог бы легко пройти по нашим окопам..." — „Да, я вижу это, — отвечает мне Киньонес в том же тоне. — Я сообщу королю о вашем приглашении, и если он не сможет принять его, то не за недостатком желания".

После двухчасовой ходьбы мы возвращаемся к своим автомобилям и едем обратно через Васонь в долину Эны и оттуда в Жоншери, штаб-квартиру V армии, где завтракаем с генералом Франше д'Эсперэ. По его мнению, мы должны были бы послать на Дарданеллы три американских корпуса. Он понимает всю важность операций на Ближнем Востоке и все меньше верит в возможность прорыва немецких позиций на нашем фронте.

Во второй половине дня мы осматривали в секторе 1-го корпуса (генерал Гильомо) артиллерийский парк, запас снарядов 75-, 120- и 150-миллиметрового калибра, ремонтные мастерские. Затем мы направились к наблюдательному пункту под Коруа, где мы уже были раз при посещении Кормиси; с тех пор он беспрестанно подвергается бомбардировке. Мы присутствуем при обстреле немецких позиций близ фермы Года. По всем признакам наши снаряды хорошо попадают в цель.

Возвращаемся в Париж. Киньонес де Леон в восторге от нашей поездки.

Вернувшись в Елисейский дворец в половине девятого вечера, я узнал, что после полудня приезжал Вивиани и что он желает говорить со мной еще сегодня. Через час он является снова. „Дела очень

плохи", — говорит он. — „Какие дела?". — „С Саррайлем". И он рассказывает мне, что вызванный Мильераном Саррайль отказался перед ним и Вивиани принять на себя командование экспедиционным корпусом на востоке. „И вы приняли этот отказ?" — спрашиваю я Вивиани. — „Что ж делать? Палата находится в состоянии невероятного возбуждения. С одной стороны, Виолетт, с другой стороны, социалисты весь день искали меня, чтобы протестовать против поступка с Саррайлем. Я уклонился от свидания. Но положение становится невозможным, так как мы очень должны считаться с парламентом. Завтра утром Думерг, Сарро и Мальви поедут в главную квартиру и будут стараться, чтобы Жоффр назначил Саррайля командующим лотарингской армией, как предлагал Дюбайль. В противном случае Саррайль вернется к себе домой в Монтобан. Он сказал нам: „Моя карьера закончена. Мне дадут отставку, я знаю это. Но я отказываюсь отправиться на Дарданеллы. Меня унизили, начали с того, что сняли меня с поста командующего армией. В этих условиях я не могу принять никакого другого назначения". Я не могу не возразить Вивиани и признаюсь ему, что нахожу нежелательным предлагать Саррайлю новое командование, после того как он отказался принять то, которое ему было предложено вначале. Вижу, что Вивиани совсем растерялся. „Надо жить в мире с парламентом, — повторяет он. — Впрочем завтра мы обсудим все это в совете министров". Во время разговора Вивиани сказал мне, что Морис Сарро, состоящий при французской миссии при итальянской армии, писал своему брату Альберу: „Не надо отпускать Мильерана. В Италии не поймут этого".

Суббота, 24 июля 1915 г.

Перед заседанием совета министров ко мне пришел Бриан. К нему как министру юстиции вчера тоже явился депутат Беназе, а сегодня представит ему полное письменное изложение своего разговора с бывшей подругой хедива. Это некая Рошбрюн, по происхождению француженка. Она просила свидания с Беназе, сославшись на социалистического депутата Лонге. Она утверждает, что Жозеф Кайо несколько раз встречался в Швейцарии с бывшим хедивом, с которым знаком по Египетскому банку земельного кредита; хедив, по ее словам, находится на содержании у германского правительства. В дальнейшем Кайо посылал в качестве своего представителя некоего Боло пашу. Больше Бриан ничего не знает. Он говорит мне, что, если в письме Беназе будут приведены конкретные факты, он в случае надобности откроет следствие.

В совете министров новая и длинная дискуссия о деле Саррайля. Думерг, Мальви и Сарро не отправились все вместе в главную квартиру. Поехал только Думерг, сопровождая туда Мильерана; это было тактичнее и не сопряжено с теми неудобствами, как первоначально предполагавшееся посещение. Жоффр ответил, что уже назначил во главе лотарингского отряда генерала Жерара. О нем тоже нельзя сказать, что он не является „республиканским генералом", как Саррайль. Жоффр прибавил, что он вовсе не отказывается дать Саррайлю командование корпусом и не видит с военной точки зре-

ния препятствий для поручения ему командования экспедиционным корпусом на Дарданеллах. Но он не желает брать на себя ответственность за оставление его во главе III армии. Большинство министров находит, что Жоффр поступил неправильно, объявив Саррайлю о его снятии, прежде чем мог предложить ему командование экспедиционным корпусом. Они ставят даже в вину Мильерану, что он не потребовал от Жоффра повременить с объявлением этой меры Саррайлю, пока последний не будет принят военным министром. Он говорит, что в парламенте царит чрезвычайное возбуждение, что фракции заседают и левая единодушно восстает против Мильерана, причем за спиной Мильерана метят в главнокомандующего и правительство. Впрочем члены правительства признают, что эта агитация не носит спонтанного характера и что Саррайль причастен к ней. Некоторые министры, а именно Мальви и Самба, рассказывают даже, что к ним явились политические деятели и представились в качестве эмиссаров генерала Саррайля. Однако у большинства министров взяло верх над всеми другими соображениями стремление успокоить взволнованные умы в палате. В результате решено было, что Сарро — „множественное число от Саррайль", — говорит смеясь Марсель Самба, — встретится с генералом, укажет ему на недопустимость его поведения и склонит его не настаивать на своем отказе. Сарро укажет на важное значение операций на Дарданеллах и на необходимость возможно скорее взять Константинополь. Он даст Саррайлю понять, что возможно будет увеличить экспедиционный корпус. Если генерал будет настаивать на своем отказе, его попросят отправиться в Монтобан и оставаться там спокойным. Кроме того совет министров постановил, что правительство не примет ни в палате депутатов, ни в совете запросов по поводу этого досадного инцидента.

Полковник Гаркур, освобожденный немцами как тяжело раненый, явился ко мне со своим братом виконтом Гаркур и рассказал о своем пребывании в плену в Германии. В общем он и товарищи его подвергались довольно суровому обращению. Им не оставили их золотых и серебряных денег. Высшие офицеры получают только сто марок в месяц. Население Германии не голодает, но несомненно терпит лишения. Мясо недоступно по цене. В армию призываются теперь лица старше сорока лет. Вначале они очень недовольны, что им приходится служить, но скоро оказываются рабами дисциплины, очень сильной там.

Главный редактор „Rappel" Эдмонд дю Мениль — я знал его отца, врача из департамента Маас, — рассказывает мне, что Шарль Эмбер расстроил одну пацифистскую комбинацию — покупку газеты „Journal". Эмбер, по словам дю Мениля, сам собирает фонды, чтобы приобрести эту газету. Но правда ли, что „Rappel", как мне сказал Беназе, получает субсидию от Боло паши? И кто такое этот Боло паша? После краткого визита дю Мениля я все же остаюсь в неведении на этот счет.

Оганьер прислал ко мне савойского депутата Антуана Борреля, получившего в армии чин подпоручика, военный крест и военную медаль и не желающего оставить фронт. В Париже Боррель только проездом; он направляется из Арраса в Лотарингию. В разговоре

со мной он настаивает на том, что главная квартира должна притти в более близкий контакт с армией и принимать во внимание мнение исполнителей.

У меня ужинали лорд Берти с канадским премьером сэром Робертом Борденом и несколькими друзьями. Этот доминион уже послал в Европу семьдесят пять тысяч солдат и намерен послать еще столько же. Канада ежедневно производит сто тысяч оболочек для гранат и десять тысяч заряженных гранат.

Воскресенье, 25 июля 1915 г.

Вивиани сообщает мне, что Саррайль не настаивает на своем „отказе". Он уехал в Монтобан, но заявил, что он не из того теста, из которого делаются генералы Буланже.

Председатель совета министров кажется мне сегодня очень подавленным. Он говорит, что палата требует „головы Мильерана" и что эта неделя не пройдет без катастрофы.

Перед своим отъездом в Рабат Лиотэ принес мне записку, в которой настойчиво требует, чтобы при принятии решений о посылке войск на Дарданеллы не принимали в соображение марокканских вопросов. Эти решения, пишет он, должны исходить только из соображений военного характера или соображений общей политики, о которых генерал-резидент не имеет особой информации. Что касается Марокко, он берется защищать его теми средствами, которые находятся в его распоряжении.

Получил от Пенелона весьма печальные сведения о наших потерях в Аргоннах. 20 и 30 июня 25 и 32-й корпуса потеряли приблизительно три тысячи и пять тысяч пятьсот человек. 13 июля 5-й корпус потерял около девяти тысяч двухсот человек; 14 июля 15-я колониальная дивизия, 128-я пехотная дивизия и 42-я пехотная дивизия потеряли в целом четыре тысячи триста человек. Большое число убитых и раненых офицеров заранее устраняет всякое предположение о фактах коллективного упадка духа перед неприятелем (défaillance collective). Надо, однако заметить, что употребляемые немцами удушливые газы вызывают у всех оглушение и даже обморочное состояние, которые парализуют даже наиболее сильных.

После долгих переговоров Братиану объявляет, что готов подписать политическую конвенцию с Францией и ее союзниками, включающую военное сотрудничество; однако он не может указать теперь момент, когда Румыния откроет военные действия, он предлагает предоставить это тем, которым будет поручено составить и заключить военную конвенцию (Бухарест, № 359 и сл.).

Повидимому наступил уже кульминационный пункт в сражении за обладание Варшавой; русские продолжают держать на почтительном отдалении армии неприятеля, старающиеся окружить старую столицу Польши.

Понедельник, 26 июля 1915 г.

У меня был Комб, причем он и на сей раз заявляет, что послан Брианом. Комб определенно решил убедить меня в необходимости перемены министерства. „Кабинет, — утверждает он, — истощил свои

силы и дискредитирован. Никто больше не желает Мильерана. Составьте широкое министерство национальной обороны с Брианом как председателем совета министров и военным министром. Сохраните Вивиани в качестве министра, если он согласится. Меня поставьте на какое угодно место, в уголке. Возьмите Фрейсине, как министра без портфеля, Клемансо — морским министром, если он согласится, Пейтраля, Рену и других. Рибо конечно надо оставить. Предложите портфель или министерство Дени Кошену. Я того мнения, что во время войны надо отказаться от политики. Не удерживайте Сарро и Мальви, они в настоящий момент не придают большой силы кабинету. Сегодня я уезжаю наконец обратно в Пон, но я считал нужным сказать вам свое мнение. Я сантиментален, несмотря на мой внешний вид. Если я на этих днях согласился принять пост председателя радикально-социалистической партии, то сделал это из чувства долга, а также, разрешите мне сказать это, из чувства лойяльности и преданности вам. Моя жена умоляла меня отказаться. Вот ее письмо". И он читает мне: „Мой дорогой..." Комб и сегодня произвел на меня впечатление очень честного, прямого и благонамеренного человека, но не надо слепо следовать всем его советам.

Депутат Клемантель сообщает мне, что палата депутатов намерена дать кабинету бой по вопросу о парламентском контроле над армиями. По его словам, собираются созвать пленарное собрание левых партий. По собственному почину он обещает мне стараться успокоить умы.

Вторник, 27 июля 1915 г.

В совете министров Вивиани говорит об обостряющемся конфликте между парламентом и правительством. Сегодня после обеда произойдет еще совещание фракций. Требуют свободного контроля парламента над врачебно-санитарной частью в армии. Другие требуют, чтобы депутаты могли сами проверять состояние укреплений в окопах. Я настаиваю на недопустимости таких узурпаций. Умоляю правительство защищать свои прерогативы. „Авторитет правительства, — отвечает Вивиани, — ослаблен ошибками военного министерства". Палата, продолжает Вивиани, желает преобразования кабинета. Я возражаю, что если начнется министерский кризис, то невозможно будет предвидеть его конец, а если кризис затянется, то станет возможно все — восстание, революция, военная диктатура, — и все это перед лицом неприятеля. Рибо, Бриан и Оганьер энергично поддерживают меня. Но все эти интриги явно обескураживают председателя совета министров.

Затем мы приступаем к вопросу о Дарданеллах. Гуро составил записку, в которой категорически подчеркивается необходимость послать еще три-четыре дивизии. Совет министров, присоединившийся теперь к этому мнению, поручает Вивиани и Мильерану столковаться об этом с Жоффром.

Кроме того Делькассе телеграфировал в Лондон (№ 2247); он требует от Китчинера и английского правительства, чтобы согласно мнению Гуро и Байу незамедлительно предпринята была операция против фортов и батарей Кум-Кале; эта операция необходима ввиду опасного положения наших войск на краю полуострова Галлиполи.

В конце дня мы узнали, что английский кабинет обсуждал наше предложение. Он пришел к заключению, что не может навязывать сэру Джону Гамильтону операцию, которую тот считает рискованной и опасной; она обойдется слишком дорого и, по мнению английского главнокомандующего, повредит его плану. Тем временем наши солдаты гибнут под огнем артиллерии в Кум-Кале.

На вершине Лингекопф идут непрерывные бои.

На Изонцо генералу Кадорне удалось занять горы Сейбузи и Микеле.

Среда, 28 июля 1915 г.

Буассонна, наш дипломатический агент при восточном экспедиционном корпусе, находящийся проездом в Париже, обрисовал мне положение на Галлиполи; оно очень серьезно. Лагерь ожесточенно бомбардируется неприятелем; хотя наше снаряжение укрыто за стеной форта, оно воспламеняется от снарядов, пускаемых с азиатского берега; войска не в состоянии более держаться.

Вивиани был вчера в Шантильи у Жоффра. Главнокомандующий самым решительным образом заявил, что скорее выйдет в отставку, нежели допустить, чтобы делегаты сенатской комиссии осматривали оборудование крепостей в зоне действующих армий.

Четверг, 29 июля 1915 г.

Вивиани докладывает совету министров о своем разговоре с Жоффром. Так как министры не желают брать на себя ответственности за уход Жоффра, Вивиани поручено передать Будано отрицательный ответ.

Соглашение с палатой депутатов представляется более легким делом. Фракции приняли резолюцию, в которой утверждаются право и долг парламента осуществлять свой контроль как существенный элемент национальной обороны, и правительству предлагается обеспечить наконец регулярный и постоянный характер этого контроля. В резолюции говорится также, что комиссии могут делегировать своих членов в временные и определенные миссии. Вивиани потребует дополнения этого параграфа словами: „с согласия правительства“ или по крайней мере словами: „не вмешиваясь в военные операции и не стесняя их“.

Жоффр, кажется, возражает против идеи поручить Саррайлю командование усиленным экспедиционным корпусом. Он предпочитает Франше д'Эсперэ. Кроме того он считает необходимым сохранить на своем фронте до сентября все силы, которыми он располагает в настоящий момент.

Во время заседания совета министров Мильеран получил длинное письмо, подписанное Жоффром и явно составленное третьим бюро главной квартиры. Это письмо заполнено замечаниями дипломатического характера и имеет тенденцию подчинить главной квартире всю подготовку дополнительной дарданельской экспедиции. Совет министров несколько поражен этим и просит пригласить Жоффра в Елисейский дворец на совещание с министрами в субботу утром.

Рибо подробно излагает свои финансовые планы: выпуск займа в сентябре, затем новые налоги для обеспечения этого займа, введение с 1916 г. подоходного налога с изъятием из него лиц, мобилизованных в армию, десятипроцентные прибавки к существующим прямым налогам — словом, то дополнительное обложение, которое стало неизбежным ввиду затянувшейся войны.

Делькассе докладывает о новых затруднениях, встречаемых им в Петрограде при переговорах с Румынией и в Лондоне при переговорах с Болгарией. Что касается Петрограда, я предлагаю телеграфировать императору, если Сазонов не сообразуется с нашей точкой зрения. Что касается Болгарии, совет министров полагает, что надо постараться сначала урегулировать румынский вопрос, а потом уже возобновить демарши в Софии.

В конце дня Вивиани, очень мрачный, пришел сказать мне, что ему еще не удалось притти к соглашению с фракциями по вопросу о характере контроля. Делькассе уведомляет меня, что Англия настаивает на том, чтобы не откладывать новые разговоры с Болгарией. Нам трудно не удовлетворить требования Англии, но я требую, чтобы ясно объявили Сербии, что мы не имеем в мыслях принести в жертву сербские интересы и что всякое обещание, данное Болгарии, построено на предположении аннексии Сербией Боснии и Герцеговины и территории, дающей доступ к Адриатическому морю.

Пятница, 30 июля 1915 г.

Подполковник Мессими вчера ранен в Эльзасе. Я телеграфировал ему в Жерармер, куда он перевезен. А только что получил его письмо от 25 июля, в котором он протестует против „лживых известий официальной сводки". В ней говорилось, что мы взяли Барренкопф. Это его батальоны под его начальством пытались, но безуспешно, укрепиться на вершине Ленж. Что касается взятия Барренкопфа, оно стоило нам тысячу убитых, две тысячи раненых и тысячу пятьсот взятых в плен; 5-я стрелковая бригада, которая проникла на вершину, могла удержаться на ней не более четырех часов. Мессими очень резко отзывается о главной квартире и ее офицерах связи.

„Norddeutsche Allgemeine Zeitung" печатает выдержки из бельгийских архивов, захваченных в Брюсселе немецкими войсками. Среди них имеется донесение от 16 января 1914 г. бельгийского посланника в Берлине, бедного барона Гильома, чудака, о котором я уже говорил выше. В этом донесении Делькассе, Мильеран и я обвиняемся в том, что мы вели политику „квасного патриотизма (cocardière) и шовинизма" [28]. Увы, бельгийское правительство теперь слишком хорошо знает, с чьей стороны имели место национализм и империализм.

Сазонов рассказал Палеологу о печальном положении, в котором находится русское правительство. „Ради бога, — воскликнул он, — дайте нам винтовки!" (Петроград, № 930).

Суббота, 31 июля 1915 г.

В одиннадцать часов утра, во время заседания совета министров, приехал Жоффр беседовать с министрами и со мною о дарданельской экспедиции. Сначала он заявил нам, что ему трудно найти

четыре свободные дивизии, в особенности ввиду недостатка артиллерии и снарядов. Но мало-помалу он склонился на представленные ему доводы. Мы сошлись на том, что надо изучить вопрос о дополнительной экспедиции, но решение о ней будет принято только в том случае, если англичанам удастся операция, задуманная сэром Джоном Гамильтоном.

После завтрака состоялось новое заседание совета министров, без Жоффра, причем постановлено было, что начальником экспедиции будет назначен Саррайль, которому теперь уже будет поручено выработать план ее. Через пятнадцать дней он отправится в путь, чтобы, как бы то ни было, принять командование обеими находящимися там дивизиями.

Разговор с Жоффром носил очень непринужденный и задушевный характер. Мы сказали главнокомандующему о требовании комиссии сената относительно осмотра крепостей. Он с готовностью согласился на посещение делегатов под руководством генерала Дюбайля. Но вместе с тем он изложил министрам — как я сам неоднократно имел случай делать это по указаниям офицеров связи, — что от тяжелой артиллерии отныне невозможно защищать крепости, уже осажденные неприятелем, и надо во что бы то ни стало защищать их до осады. Он составит директивы в этом смысле; вместе со мной он жалуется на то, что декрет 1909 г. еще не изменен.

При своем приходе Жоффр имел несколько озабоченный вид, но за завтраком он заметно пришел в лучшее настроение и весело беседовал со всеми министрами. Он все еще помышляет о наступлении, которое должно состояться через пять-шесть недель. Я повторяю, что ему надо будет тогда обсудить этот вопрос с правительством, так как затянувшаяся война заставляет нас беречь людей и сохранить нашу армию для того момента, когда англичане, русские и итальянцы в состоянии будут атаковать.

Барон Гильом, крайне смущенный, дал Феликсу Декори жалкие объяснения по поводу своего донесения; он не отрицает подлинности последнего. Будучи бельгийцем, а не французом, говорит он, я не видел ничего плохого в том, чтобы Франция купила сохранение мира, уступив силе немцев. Он признает, что события доказали его неправоту. Как замечает „Journal de Genève“, публикуемый немцами документ идет вразрез с утверждениями Германии. Он показывает, что бельгийская дипломатия даже после Агадира часто настроена была больше в пользу Германии, нежели Франции, и следовательно нелепо обвинять Бельгию в том, что она включилась в Тройственное согласие.

Новое письмо от Мессими, помеченное 29 июля: „Я пережил трагические дни, возвышенные и прекрасные. Героизм наших стрелков превзошел самые смелые мои ожидания. Но я снова обращаюсь к вам с настоятельной просьбой: избавьте нас от теоретиков, которые видят войну только из прекрасного далека. Я довольно тяжело ранен в бедро двумя осколками гранаты. Рана причиняет мне большие страдания, но я считаю, что мне повезло, так как ни моей жизни, ни моей ноге не угрожает опасность“. Мессими исправляет указанную им в прошлом письме цифру тысячу пятьсот попавших в плен. „Правильнее было бы написать: тысячу пятьсот пропавших без вести;

произведенные нами поиски установили, что большинство этих пропавших без вести не попали в плен, а убиты".

Сегодня „Journal" извещает, что он перешел в руки группы, возглавляемой Шарлем Эмбером. В том же номере появилась новая статья: „Пушек! Снаряжения!" Сенатор от департамента Маас приветствует в ней правительство за меры, принятые для ускорения производства, но жалуется, что не послушались его и после его речи от 13 июля 1914 г. [3], и вставляет фразы, едва ли способные поддержать доверие. С каждым днем становятся все труднее и неблагодарнее наши усилия сохранить стойкость и единство. Но ни армия, ни командиры ее, ни правительство, ни я не устанем. Год назад мы боролись за мир; теперь мы боремся за победу.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Уверенность в выступлении Англии на стороне Франции основывалась на ряде соглашений,* заключенных между французскими и английскими генеральными и морскими штабами и в известной степени одобренных английским правительством. Англо-французское соглашение от 8 апреля 1904 г. не являлось формальным военным или политическим союзом, а только регулировало целый ряд важнейших спорных колониальных вопросов между обеими странами. Франция вслед за этим соглашением стала добиваться более тесных, а если это возможно, то и формальных союзных отношений с Англией. Хотя английское правительство во всех франко-германских столкновениях оказывало активную дипломатическую помощь Франции, оно однако не хотело связывать себе руки формальным союзным договором, так как оно все еще не потеряло надежды притти к полюбовному соглашению по основным противоречивым вопросам с Германией, в первую очередь по вопросу о взаимной задержке темпов военно-морского строительства. В феврале 1912 г. английское правительство послало со специальной миссией в Берлин военного министра лорда Хольдена для переговоров по этому вопросу. И лишь после того как германское правительство в качестве цены за временную приостановку темпов морского строительства потребовало от английского правительства формального политического договора, согласно которому Англия должна была обязаться объявить нейтралитет в случае франко-германской войны, что и явилось причиной неудачи миссии лорда Хольдена, английское правительство согласилось войти в более тесный контакт с французским правительством на предмет совместных действий в будущей войне. Но уже задолго до того, приблизительно с 1906 г., установился близкий контакт между генеральными штабами обеих стран. Оба штаба изучали возможности высадки английской армии на помощь Франции и Бельгии в случае нападения Германии. Неудача миссии Хольдена склонила английское правительство к некоторым формальным обязательствам. В июле 1912 г. оно перевело из Средиземного моря (с острова Мальты) бо́льшую часть своей эскадры к берегам Англии, защита же морских путей в Средиземном море была поручена французскому флоту. Англия в свою очередь обязалась защищать французские северные берега против Германии в случае франко-германской войны. Это джентльменское соглашение обоих морских штабов было затем скреплено политическим соглашением. После длительных переговоров (с июля по 22—23 ноября 1912 г.) английский министр иностранных дел сэр Эдуард Грей и французский посол в Лондоне Поль Камбон облекли это соглашение в форму обмена писем. 22 ноября 1912 г. Поль Камбон обратился к Эдуарду Грею с следующим письмом:

„За последние годы французские и британские морские и военные эксперты время от времени совещались. Всегда предполагалось, что совещания не ограничивают свободу каждого правительства решить в любую минуту в будущем, должно ли оно или нет помочь другому военной силой. Мы согласились, что совещания экспертов не рассматриваются и не должны рассматриваться как обязательство, которое может побудить какое-либо из

правительств к выступлению при обстоятельствах, которые еще не наступили и могут никогда не наступить. Так например расположение французского и английского флотов в настоящее время не основывается на обязательстве сотрудничать в войне.

Вы однако заметили, что в случае, если одно из правительств будет иметь серьезные основания ожидать не вызванного им нападения со стороны третьей державы, то будет важно знать, может ли оно в этом случае рассчитывать на вооруженную помощь другого.

Я согласен, что в случае, если одно из правительств будет иметь серьезные основания ожидать не вызванного им нападения со стороны третьей державы или какого-либо события, угрожающего общему миру, то оно должно обсудить немедленно с другим, будут ли оба правительства действовать вместе для предупреждения нападения и для сохранения мира, и если так, то какие меры готовы они совместно принять. Если меры включают военное выступление, то должны быть немедленно приняты во внимание планы генеральных штабов, и правительство тогда решит, в какой мере они будут приведены в действие".

23 ноября 1912 г. Грей ответил Камбону письмом такого же содержания. И этот обмен писем еще не явился формальным союзом. Сами обязательства были так формулированы в письмах, что от них можно было отказаться, когда это выгодно одной стороне, не навлекая обвинений в вероломстве. Следующим шагом укрепления военно-политических связей обеих стран явилась заключенная в феврале 1913 г. обоими морскими штабами англо-французская морская конвенция. Все это вместе, а главное, совпадение интересов, давало уверенность Франции в том, что Англия без союзного договора придет ей на помощь против Германии. Англо-германские противоречия господствовали над всеми остальными противоречиями других стран в международных отношениях того времени — это определяло позицию Англии в конфликте и это ее толкало на указанные выше военно-морские и политические соглашения. — 4.

[2] *Закон о трехлетней службе во Франции,* принятый палатой депутатов 19 июля и утвержденный сенатом 7 августа 1913 г., явился одним из целой серии военных законов, принятых в 1913—1914 гг. всеми основными капиталистическими странами, начало которым положила Германия. После окончания балканских войн, которые изменили соотношения сил в юго-восточной Европе не в пользу центральных держав, германское правительство объявило в январе 1913 г. о введении нового военного закона об увеличении постоянной армии. Это обстоятельство встревожило другие правительства, так как Германия только в марте 1911 г. увеличила свою постоянную армию до 625 тысяч и в июне 1912 г. провела новые военные законы по усилению своих вооруженных сил, на что было ассигновано дополнительно 1 100 миллионов марок. Новый германский закон, который был принят рейхстагом 3 июля 1913 г., увеличивал немедленно армию с 625 тысяч до 760 тысяч человек (с офицерами), а в октябре 1914 г. мирный состав германской армии должен был достигнуть 820 тысяч человек.

И Австро-Венгрия после увеличения в 1912 г. ежегодного контингента приема на военную службу с 103 тысяч до 150 тысяч человек выработала в 1913 г. новый закон, утвержденный в марте 1914 г., об увеличении ежегодного контингента до 200 тысяч человек.

В ответ на усиление германской армии французское правительство выработало проект усиления своей армии. Ввиду недостаточных контингентов во Франции французский генеральный штаб прибег к увеличению постоянного состава армии посредством введения трехлетнего срока службы. Этот закон, отменивший закон 1905 г. о двухлетнем сроке службы, до обсуждения и во время обсуждения его вызвал большое возбуждение в стране и расколол общественное мнение страны на два лагеря. Согласно этому закону французская армия мирного состава увеличивалась до 750 тысяч человек (с офицерами). Введение трехлетнего срока службы, которое сопровождалось оставлением в казармах тех солдат, которые подлежали в 1913 г. роспуску по домам, вызвало целый ряд волнений во французских войсках (Туль, Бельфор, Нанси, Верден, Родез, Шалон на Марне, Орлеан, Тулуза и в др. гарнизонах).

В ответ на усиление германской армии Россия в свою очередь также увеличила состав постоянной армии. Согласно программе реорганизации русских вооруженных сил конца 1913 г. состав русской армии должен был быть увеличен с 1 300 тысяч до 1 800 тысяч человек в 1917 г. — 4.

[3] *Разоблачения сенатора Эмбера.* 13 июля 1914 г. во время обсуждения в сенате законопроекта на ассигнование дополнительных кредитов на военно-морские расходы для усиления национальной обороны докладчик сенатор Эмбер заявил, что хотя введение трехлетнего срока службы и дало стране необходимое количество людей для обороны страны, однако необходимо еще очень много сделать для улучшения ее материальной организации. Опираясь на неоспоримые факты, он показал, что тяжелая артиллерия французской армии не находится на одной высоте с артиллерией германской армии. Французской армии нехватает офицеров по сравнению с германской армией. Положение с крепостной и полевой артиллерией не лучше, чем с тяжелой. Французская гаубица не соответствует нынешним требованиям и хуже германской. Докладчик обвинил военное ведомство в неиспользовании индустриальных возможностей страны; оно не идет навстречу комендантам крепостей, которые давно требуют замены изношенного и старого военного материала современным. Эмбер также выдвинул обвинение против французской военной промышленности, которая поставляет за границу военные материалы лучшего качества, чем французской армии. Французская армия не имеет достаточного количества пушечных снарядов и других материалов, ей нехватает 2 миллионов пар ботинок. Армия не располагает достаточным техническим материалом для перехода рек Мозеля и Рейна. Укрепления фортов между Тулем и Верденом не обновлялись с 1875 г., и они могут оказать только незначительное сопротивление наступающему. Докладчик подчеркнул зловещее действие, которое окажет падение этих фортов в начале войны на настроение народа.

Указывая на то, что германская граница прекрасно укреплена и что раньше, чем приблизиться к Метцу, необходимо преодолеть укрепленный пояс, простирающийся на 12 километров вокруг крепости, Эмбер подчеркнул, что утвержденные до сих пор парламентом средства были израсходованы напрасно, и сделал вывод, что страна принесет и на сей раз необходимые жертвы, что в первую очередь необходимо изменить организацию и образ мыслей руководителей армии.

Военный министр Мессими признал, что большинство фактов, приведенных Эмбером и взятых в отдельности, правильны, и объяснил их частой сменой министров и малыми ассигнованиями. Клемансо в своем выступлении отметил, что он с 1870 г. не присутствовал на таком бурном заседании парламента, и потребовал у военного министра ответа на обвинения Эмбера. До полного и удовлетворительного ответа, сказал Клемансо, сенат не может разрешить новые кредиты. Парламент должен знать правду.

Разоблачения сенатора Эмбера произвели сильное действие во Франции и за границей. Жорес писал в „Юманите“ по этому поводу: „Разве сенат не знал, что военное министерство работает по шаблону, без всякого предвидения событий? Разве недостаточно было скандала с трехлетним сроком службы, который должен был только прикрыть ошибки департаментов военного министерства, чтобы открыть сенату глаза? Разоблачения Эмбера подействовали на сенаторов, как взрыв бомбы. Дефицит одного миллиона, который в палате был официально признан, расстройство всей системы обороны, которая была раскрыта в сенате, — вот как далеко завела реакционная военная и колониальная политика Франции...“.

Газета „Radical“ по этому же поводу писала: „В течение двух часов сенаторы с ужасом слушали страшную обвинительную речь, какую когда-либо произносили против генерального штаба. Никто сейчас не может больше отрицать, что только генеральный штаб несет ответственность за ошибки и невероятные упущения, которые разоблачил сенатор Эмбер“.

„Eclaire“ писал: „Разоблачения сенатора Эмбера, усиленные вмешательством Клемансо, существенно способствовали ухудшению современного запутанного положения. Среди этого беспорядка президент республики завтра начинает свое путешествие в Россию“.

Разоблачения Эмбера о военной неподготовленности Франции, которые во время войны полностью подтвердились, оказали немалое влияние и на развязывание мировой войны. Они вселили уверенность политическим и военным руководителям Австрии и Германии в том, что войну можно будет быстро закончить с успехом для центральных держав. Так например Конрад фон Гетцендорф, начальник австро-венгерского генерального штаба, записал в своем дневнике 16 июля 1914 г.: „Полученный мною бюллетень от 15 июля содержал помимо всевозможных извещений по второстепенным вопросам сообщение о том большом возбуждении, которое вызвало во французском сенате разоблачение о недостаточной военной подготовке французской армии, из которого следовало сделать вывод, что Франция *в настоящее время* еще не хочет войны". — 4, 25.

[4] *Планом XVII* назывался французский план ведения войны против Германии, утвержденный высшим военным советом под председательством президента республики Пуанкаре в 1913 г. В основу плана XVII была положена доктрина известной группы офицеров французского генерального штаба, возглавлявшаяся полковником Гранмезон. Главным принципом этой доктрины был пароль: „Наступление во что бы то ни стало". По плану XVII была проведена концентрация французских войск и по нему же развертывались так называемые „пограничные сражения", кончившиеся неудачно для Франции.

Сущность плана XVII согласно известному авторитетному английскому военному историку Лиддель-Гарту состояла в следующем:

„План этот был основан на отрицании исторического опыта и здравого смысла. Построен он был на двойном просчете — сил и места, причем второй просчет оказался опаснее первого. Учитывая возможность того, что германцы с самого начала войны введут в действие свои запасные и резервные части, французы оценивали мощь германской армии на западе предельно в 68 пехотных дивизий. Между тем германцы фактически развернули 83 дивизии, считая в том числе части ландвера и эрзац-резерва. Но мнение французов было и оставалось прежним. Они сомневались в возможности развертывания ландвера и эрзац-резерва, причем в критические дни, когда армии противника сосредоточивались и двигались вперед, французская разведка, оценивая силы неприятеля, принимала в расчет только активные дивизии, ошибаясь при этом почти наполовину!

Но хотя план был построен на несколько меньшем просчете, все же последний наш вывод не оправдывает, а скорее увеличивает основную неточность этого плана, потому что история не может допустить ни тени оправдания для плана, которым фронтальное наступление должно было развиваться при почти равном с противником соотношении сил, причем противник мог опираться на свою укрепленную приграничную зону, в то время как наступающий отказывался от всех преимуществ, которые ему могла дать своя система крепостей.

Второй просчет в отношении места заключался в том, что хотя и признавалась возможность движения германских сил через Бельгию, но делалась грубая ошибка в оценке глубины размаха их захождения.

Предполагалось, что германцы любезно выберут трудный путь наступления через Арденны, чтобы французы могли с удобством бить по германским сообщениям.

План, основанный на идее немедленного и общего наступления, намечал удар I и II армии в глубь Лотарингии, к реке Саар. Слева против Метца была III армия. V армия стояла против Арденн. Армии эти должны были в свою очередь перейти в наступление между Метцом и Тионвиллем или, если бы германцы прошли через Люксембург, ударить им во фланг с северо-востока.

IV армия оставалась в стратегическом резерве за центром, а две группы резервных дивизий были расположены позади флангов. Такая пассивная роль резервов характерна для мнения французов о способностях резервных соединений вообще". — 6.

[5] *Под военной тревогой 1875 г.* подразумевается инцидент между Францией и Германией, который не вызвал войны только потому, что Россия и Англия вмешались в дело. Первая с самого начала дала понять

Берлину, что она не допустит вторичного разгрома Франции, как это она сделала в 1870 г. Суть этого инцидента состояла в следующем. В марте 1875 г. французское национальное собрание утвердило закон о военных кадрах, который теоретически предусматривал превращение трехбатальонных полков в четырехбатальонные. Хотя проект закона был давно известен и долго обсуждался до его утверждения, влиятельные германские газеты обвиняли Францию в том, что она подготовляет войну реванша против Германии. „Kölnische Zeitung", „National Zeitung", „Post" писали о надвигающейся войне реванша. Война между Германией и Францией сделалась темой и в дипломатических кругах. Радовиц, приближенный Бисмарка, только что вернувшийся из особой миссии в Петербурге, сказал 21 апреля 1875 г. французскому послу Гонто-Бирону на обеде у английского посла: „Если затаенной мыслью Франции является реванш, — а она не может быть иной, — зачем нам откладывать нападение на нее и ждать, пока она соберется с силами и обзаведется союзами". Бисмарк и военные круги считали, что реорганизация французской армии направлена против Германии и что лучше с самого начала уничтожить в корне всякие попытки к подкапыванию основ германской гегемонии в Европе. Идея о превентивной войне стала носиться в воздухе. Французское правительство заволновалось и довело об этом конфиденциально до сведения дипломатических канцелярий. Франция неожиданно нашла защитника в России. Император Александр II заявил по этому поводу французскому послу в Петербурге Ле Фло: „Если вы однажды будете находиться под серьезной угрозой, чему я не хочу верить, вы об этом очень скоро узнаете... Вы это узнаете от меня... У нас общие интересы, мы должны оставаться едиными". Русское правительство снеслось с Берлином и Лондоном. Бисмарк забил отбой. 11 мая, после свидания с Бисмарком в Берлине, Горчаков заявил французскому послу Гонто-Бирону: „Я вчера видел Бисмарка и могу вам подтвердить, что он мирно настроен и следовательно вы не должны опасаться с его стороны войны". Инцидент был скоро исчерпан, но не забыт. — 6.

[6] *Состав кабинета Вивиани, образованного 13 июня 1914 г.:*
Рене Вивиани — председатель совета министров и министр иностранных дел; Мальви — министр внутренних дел; Мессими — военный министр; Биенвеню Мартэн — министр юстиции; Оганьер — министр просвещения; Готье — морской министр; Рене Рену — министр общественных работ; Нуланс — министр финансов; Фернанд Давид — министр земледелия; Томсон — министр торговли, почты и телеграфа; Куйба — министр рабочего и социального обеспечения; Раймо — министр колоний. — 7.

[7] *Погоня за „Гебеном" и „Бреслау".* Линейный крейсер „Гебен" — водоизмещение 23 тысячи тонн, скорость хода — 29 узлов в час — и легкий крейсер „Бреслау" — водоизмещение 4 500 тонн, скорость хода — 27,6 узла — составляли германскую „дивизию Средиземного моря", образованную в ноябре 1912 г. под благовидным предлогом защиты интересов Германии в случае занятия болгарами Константинополя. Стратегическое задание морской дивизии на случай войны Тройственного союза с Тройственным согласием — воспрепятствовать переброске французских войск из Алжира во Францию. 4 августа 1914 г. на рассвете „Гебен" обстрелял алжирский порт Филиппвилль, а „Бреслау" — порт Боне, где погружались на французские транспортные суда войска 19-го корпуса. В тот же день германские суда были извещены, что 2 августа заключен германо-турецкий союзный договор, и им было приказано отправиться в Константинополь. Несмотря на подавляющее превосходство французских сил (15 линейных кораблей, 3 линейные крейсера, большое количество броненосных и легких крейсеров, 8 флотилий эскадренных миноносцев, подводные лодки и корабли специального назначения) в месте нахождения германских судов, им удалось благополучно уйти, так как командующий французской эскадрой, по невыясненной до сих пор причине, и не думал их преследовать. Он нарядил большую часть флота для конвоирования транспортов 19-го корпуса. После длительного странствования, частого изменения направления плавания с целью введения в заблуждение мнимых „преследователей" — английскую и французскую эскадры, — германские суда 10 августа подошли к Дарданеллам. Командование намеревалось прорваться силой, если турецкие власти будут

препятствовать свободному входу в пролив. В тот же день в 17 часов 17 минут турецкий эскадренный миноносец встретил „Гебена“ и „Бреслау“ у входа в Дарданельский пролив и затем указывал им путь следования через минное поле. В 17 часов 40 минут германские суда уже были в безопасности. Прибытие „Гебена“ и „Бреслау“ в Мраморное море имело крупнейшие политические последствия. Если политическая сторона вопроса проникновения указанных судов в Мраморное море уже достаточно освещена в международной исторической литературе, то до сих пор остается темным пятном другая сторона вопроса — военная: каким образом французская и английская эскадры дали возможность в течение шести дней безнаказанно двум германским судам бороздить Средиземное и Эгейское моря во всех направлениях, не отрезав им пути к проливам? Задача союзного флота, имевшего абсолютное господство в Средиземном море, была значительно облегчена объявлением итальянского нейтралитета. Достаточно было незначительными силами заградить вход в Дарданеллы и в Адриатическое море для воспрепятствования германским судам прорваться в австрийскую гавань Пола, как „Гебен“ и „Бреслау“ были бы обречены, не имея угольной базы, сдаться на милость победителя, спуститься на дно морское или же дать себя разоружить в итальянской гавани. Можно без преувеличения сказать: если бы германские суда не прорвались в Константинополь, война приняла бы иной исход на Ближнем Востоке, потребовала бы меньше жертв от всех воевавших стран, была бы значительно сокращена в сроке и в территориальном размахе и имела бы в конечном счете несколько иные последствия.

Русско-французская морская конвенция 1912 г. обязывала Францию оказать помощь России в случае войны отвлечением австро-германо-итальянских морских сил от Черного моря. Французскому главнокомандующему средиземноморской эскадры было хорошо известно это обязательство французского флота, и он тем не менее его не выполнил. Специальная комиссия еще во время войны занималась этим вопросом, но до сих пор он остается неразъясненным. — 8, 24, 30, 36.

[8] *Гарантия державами бельгийского нейтралитета.* 19 апреля 1831 г. был заключен договор между Бельгией и Нидерландами, составную часть которого составляла Бельгия с 1815 по 1831 г. Статья 7 бельгийско-нидерландского договора определяла статут Бельгии как „государства независимого и вечно нейтрального“ и „обязанного сохранять этот самый нейтралитет по отношению ко всем другим государствам“. В заключенном в тот же день договоре между Бельгией, с одной стороны, и Австрией, Пруссией, Великобританией, Россией и Францией — с другой, сказано, что условия бельгийско-нидерландского договора „рассматриваются как имеющие ту же силу и значение, как если бы они были включены текстуально в настоящий акт, и что они находятся под гарантией их величеств“. Этим самым Великобритания, Пруссия, Австрия, Франция и Россия гарантировали нейтралитет Бельгии. — 9.

[9] *Нейтральное положение Савойи* определено целым рядом международных актов, подписанных великими державами. Статьями 74 и 75 генерального акта Венского конгресса, подписанного 9 июня 1815 г., великие державы установили границы современной Швейцарии и гарантировали ее неприкосновенность и постоянный нейтралитет. Статьями 85—93 были установлены границы Сардинского королевства и Северной Италии, куда вошла и смежная с Швейцарией область Савойя, которая подобно Швейцарии была также объявлена нейтральной. Последующим актом относительно признания и гарантии постоянного нейтралитета Швейцарии и неприкосновенности ее территории, заключенным теми же великими державами в Париже 20 ноября 1815 г., был признан нейтралитет смежных с Швейцарией частей Савойи „на том же точно основании, как если бы оные были частями Гельветического союза“ (Швейцарии). Когда Савойя была передана Сардинией Франции в виде вознаграждения за изгнание из Северной Италии Австрии, то по франко-сардинскому договору, заключенному в Турине 24 марта 1859 г., Франция взяла на себя обязательство не нарушать установленного нейтрального положения Савойи, каковая и по сей день считается юридически нейтральной. — 10.

[10] Манифест или обращение Пуанкаре к палатам и народу сделался почти на все время войны своего рода священной хартией единения всех патриотически настроенных французов до социалистов включительно перед лицом вторгшихся во Францию германских армий. Охарактеризовав дипломатическую предысторию войны, попытки мирного улажения конфликта, миролюбивую роль Франции и ее союзников и преднамеренную агрессивность Германии, обращение Пуанкаре в очень осторожной и неопределенной форме упоминало о „возмещениях“, которые французская буржуазия впоследствии потребовала от побежденной Германии. Центральное место обращения — призыв к единению всех сил нации, установлению „гражданского мира“, получившего впоследствии название „священное единение“ или „священный союз“ (union sacrée), заимствовано из этого же обращения. Социалистическая партия первая откликнулась на призыв Пуанкаре и скрепила соглашение о „гражданском мире“ посылкой своих представителей в министерство Вивиани и последующие правительства военного времени. Обращение Пуанкаре гласило:

„Г. г., Франция подверглась грубому и предумышленному нападению, составляющему дерзкий вызов международному праву. Еще до того, как нам было послано объявление войны, и даже до того, как германский посол потребовал свои паспорта, неприкосновенность нашей территории уже была нарушена. Германский император лишь вчера вечером, с опозданием, назвал настоящим именем то фактическое положение, которое уже до того было создано им.

В течение более сорока лет французы, в своей искренней любви к миру, затаили в глубине своих сердец свое желание получить законное возмещение.

Они дали миру пример великой нации, которая, окончательно оправившись от поражения благодаря воле, терпению и труду, пользовалась своей обновленной и омоложенной силой лишь в интересах прогресса и для блага человечества.

С тех пор, как австрийский ультиматум открыл кризис, угрожающий всему миру, Франция упорно вела и везде рекомендовала политику осторожности, мудрости и умеренности. Ей нельзя поставить в вину ни одного акта, ни одного жеста, ни одного слова, которые не были бы миролюбивыми и примирительными. В час первых битв она имеет право торжественно отдать себе справедливость в том, что она вплоть до последнего момента делала крайние усилия для предотвращения вспыхнувшей сейчас войны, за которую германская империя понесет перед историей тягчайшую ответственность.

На другой же день после того, как мы и наши союзники публично выражали надежду видеть мирное продолжение переговоров, начавшихся под наблюдением лондонского кабинета, Германия неожиданно объявила войну России, она вторглась на территорию Люксембурга, она преступно оскорбила благородную бельгийскую нацию, нашу соседку и нашего друга, и она пыталась предательски застигнуть нас в полном разгаре дипломатических переговоров.

Но Франция была бдительна. Столь же внимательная, сколько миролюбивая, она была подготовлена; и наши враги встретят на своем пути наши доблестные войска прикрытия, которые находятся на своем боевом посту и под защитой которых методически закончится мобилизация всех наших национальных сил. Наша прекрасная и храбрая армия, которую сегодня Франция провожает своей материнской мыслью, поднялась, вся содрагаясь, чтобы защитить честь знамени и землю родины.

Президент республики, выразитель единодушных чувств страны, высказал нашим сухопутным и морским войскам восхищение и доверие всех французов.

Тесно объединенная одним общим чувством, нация сохранит хладнокровие, пример которого она давала ежедневно со времени открытия кризиса. Она сумеет как всегда соединить самые благородные порывы и самый горячий энтузиазм с тем самообладанием, которое является знаком длительной энергии и которое составляет лучшую гарантию победы.

Она имеет верную поддержку своей союзницы России; она поддерживается лояльной дружбой Англии. И уже со всех пунктов цивилизованного мира несутся к ней симпатии и пожелания победы. Ибо сегодня она еще раз представляет перед всем миром свободу, справедливость и разум.

В начинающейся войне Франция будет иметь на своей стороне право, вечная моральная сила которого не может безнаказанно игнорироваться как отдельными лицами, так и народами. Ее будут героически защищать все ее сыны, священное единение которых ничто не сломит перед лицом врага и которые сегодня братски соединились в общем негодовании против нападающего и в общей патриотической вере.

Да здравствует Франция!" — 13, 51, 98.

[11] *Под ирландскими событиями или конституционным кризисом* подразумевается глубокий политический кризис, который потряс до основания Англию в 1914 г. Этот кризис явился завершением многолетней борьбы ирландского народа за национальное освобождение и обнажил догола все классовые противоречия капиталистической Великобритании. Ирландские события потрясли все основы конституционно-„демократической" Англии — парламент, политические партии, армию и корону — и поставили страну перед угрозой неотвратимой гражданской войны. Только вспыхнувшая мировая война спасла Англию от гражданской войны. Борясь за независимость и против эксплоатации английских помещиков и капиталистов, Ирландия добилась обещания у либерального министерства Гладстона еще в 1868 г. ввести автономное управление. Ирландская реформа затянулась до 1914 г.

В начале этого года уже вполне определилось, что законопроект о предоставлении Ирландии гомруля (автономии) должен стать в ближайшее время законом. Саботаж консервативной партии и ее сопротивление новому закону на конституционной и юридической почве были сломлены. Палата лордов, эта классовая опора английских лэндлордов, была бессильна наложить „вето" на законопроект, получивший вторично одобрение палаты общин. Утверждение гомруля королем являлось простой и пустой формальностью. Правительство Асквита, опиравшееся в течение восьми лет на либеральную партию, лейбористов и ирландских националистов, решило довести дело до конца. Противники гомруля, — консервативная партия, вожди Ольстера (северо-западная провинция Ирландии, населенная в противоположность остальной католической Ирландии протестантами) — решили воспротивиться введению ирландской автономии вооруженной силой. Ольстерские протестанты, предводимые членом палаты общин сэром Эдуардом Карсоном и поддерживаемые всей консервативной партией, стали готовиться к открытому вооруженному выступлению. Ирландские националисты-католики в свою очередь готовились под предводительством Редмонда к вооруженному отпору. В начале марта борьба за и против ирландского гомруля была вынесена, по выражению Ленина, „революционерами *справа*" из затхлых средневековых стен парламента на улицу. Весь мир следил с напряженным вниманием за надвигавшимися событиями в Англии. Ленин писал по поводу этих событий, что они „представляют выдающийся интерес и с точки зрения классовых отношений и с точки зрения выяснения национального и аграрного вопросов". Вот как Ленин характеризовал классовую сущность борьбы вокруг гомруля:

„Англия веками порабощала Ирландию, доводила ирландских крестьян до неслыханных мучений голода и вымирания от голода, сгоняла их с земли, заставляла сотнями тысяч и миллионами покидать родину и выселяться в Америку. В начале XIX века в Ирландии было 5½ миллионов населения, теперь только 4⅓. Ирландия обезлюдела. В течение XIX века свыше 5 миллионов ирландцев переселилось в Америку, и в Соединенных Штатах теперь больше ирландцев, чем в Ирландии!.. Англия „процветала", Ирландия вымирала и оставалась неразвитой, полудикой, чисто земледельческой страной, страной нищих крестьян-арендаторов. Но, как ни хотелось „просвещенной и либеральной" буржуазии Англии увековечить порабощение Ирландии и нищету ее, реформа все же надвигалась с неизбежностью, — тем более, что революционные взрывы борьбы ирландского народа за свободу и за землю становились все более грозными... Теперь проходит через пар-

ламент закон о гомруле (самоуправлении) Ирландии. Но в Ирландии есть северная провинция Ольстер (или Ульстер, как иногда неправильно пишут); она населена частью выходцами из Англии, протестантами в отличие от католиков-ирландцев. И вот английские консерваторы с помещиком-черносотенцем Пуришкевичем ... то-бишь Карсоном во главе подняли бешеный вопль против автономии для Ирландии. Это-де значит отдать ольстерцев на подчинение иноверцам и инородцам! Лорд Карсон грозил восстанием и организовывал вооруженные банды черносотенцев" (*Ленин,* Соч., т. XVII, стр. 244—246).

Не желая обострять отношений до крайности, премьер-министр Асквит выступил 9 марта 1914 г. в палате общин с заявлением, что правительство не намерено отступить от раз принятого решения, однако предложил противникам гомруля следующий компромисс: 1) Ольстерским графствам предоставляется одновременно с вступлением в силу закона об ирландском гомруле, но до его практического осуществления каждому в отдельности решить путем голосования через своих выборщиков, желают ли они выделиться из Ирландии или же остаться под ведением английского парламента. 2) Выделившиеся таким образом графства включаются автоматически по истечении шестилетнего срока в автономную Ирландию и подпадают под власть дублинских законодательных учреждений, если английский парламент не решит иначе. Практически компромисс этот давал противной партии очень мало. Обладая большинством во всем Ольстере, протестанты насчитывали порознь большинство голосов только в четырех графствах. Таким образом даже в лучшем для противников гомруля случае выделиться могли только эти четыре графства, и то всего на шесть лет, после которых они автоматически должны были быть включены в автономную Ирландию.

Предвидя бунт в Ольстере, правительство начало принимать подготовительные меры к его подавлению. Как только об этом стало известно офицерам расположенной в Ирландии армии, несколько генералов и около 100 офицеров, связанных классовыми интересами с консерваторами и ольстерскими бунтовщиками, подали прошения об отставке. Это вызвало бурю в стране. Попытка реакционного генералитета и офицерства навязать свою волю правительству в интересах консерваторов ставила вопрос о роли армии в стране. В результате выступления офицеров 30 марта ушли в отставку члены военного совета генералы Френч и Эварт и военный министр Силли. Ободренная поддержкой офицеров и явной симпатией короля, консервативная партия начала организовывать по всей стране массовые митинги протеста, ольстерская же партия приступила к открытому вооружению своих приверженцев. 25 апреля ольстерцам удалось провезти незамеченными и выгрузить 75 тысяч винтовок и 40 тонн амуниции, закупленных в Германии. Правительственные войска получили приказ быть готовыми к подавлению вооруженного восстания. 25 мая палата общин приняла гомруль в третьем чтении 351 голосом против 274, после чего лидер консерваторов Бонар Лоу заявил, что он будет апеллировать к стране и отныне борьба будет разыгрываться в другом месте. Англия таким образом оказалась накануне гражданской войны. Король сделал последнее усилие для примирения враждующих партий. Он созвал 21 июля в Букингемском дворце примирительную конференцию из представителей либеральной партии, консерваторов, ольстерских протестантов и ирландских националистов.

Остроту политического положения в достаточной степени характеризовало обращение короля к собравшимся на конференции делегатам. Король Георг сказал: „События в Ирландии в последние месяцы приняли такое направление, которое ведет неминуемо к вооруженному столкновению. У всех на устах слова „гражданская война"... Мы находимся накануне гражданской войны".

Это происходило в тот самый день, когда Австрия послала в Белград свой ультиматум. Конференция оказалась бесплодной. События в Ирландии имели крупное международное значение. Они оказали большое влияние на позицию Германии накануне мировой войны. Германские государственные деятели и Вильгельм II были убеждены, что Англия занята по горло своими внутренними делами и не в состоянии будет принять участие в войне. Это в известной степени подбадривало германские руководящие

политические и военные круги и вселяло в них уверенность в быстрой расправе над Францией и Россией. — 16.

[12] *Инцидент, известный в истории международных отношений под именем Фашоды,* явился кульминационным пунктом англо-французских колониальных противоречий в конце XIX века. Сущность инцидента заключалась в следующем. Вытесненный английским империализмом из Египта французский финансовый капитал искал себе равноценных компенсаций в другом месте. С этой целью еще в начале 1885 г. французское правительство начало снаряжать военную экспедицию в верховья Нила, рассчитывая их захватом нанести удар владычеству Англии в Египте и заставить ее пойти на уступки. Помощник статс-секретаря по иностранным делам Эдуард Грей 28 марта 1895 г. заявил по этому поводу в палате общин, что „экспедиция такого рода будет не только непоследовательным и неожиданным актом. Французское правительство должно очень хорошо знать, что это будет недружелюбным актом и что он будет рассматриваться Англией как таковой". Экспедиция Маршана, невзирая на угрозу Англии, все-таки была снаряжена, хотя и с большим опозданием. Она отправилась с берегов Нигера лишь в июле 1896 г. 10 июля 1898 г. Маршан достиг верховьев Нила и водрузил французское знамя в деревне Фашоде. К моменту прибытия отряда Маршана положение изменилось в пользу англичан. Будущий завоеватель Судана и организатор колониального могущества Великобритании на Ниле лорд Китченер во главе 20-тысячной армии разбил махдистов и подавил всякое сопротивление туземцев английским захватчикам. 19 сентября Китченер достиг со своей армией Фашоды и к удивлению своему нашел ее уже занятой французами. Военное столкновение было немыслимо для французов: отряд Маршана насчитывал 150 человек. Китченер дал ему достаточно времени для того, чтобы снестись со своим правительством и затем уйти через Абиссинию из Фашоды. Дипломатические переговоры между обоими правительствами по этому вопросу поставили оба государства, по выражению Ленина, „на волосок от войны" и закончились полной дипломатической капитуляцией Франции. — 16.

[13] *Итало-французское соглашение 1902 г.* Неудовлетворенное результатами союза с Германией и Австрией, заключенного еще в 1882 г., согласно которому Италия обязана была выступить в случае германо-французской войны против Франции, союза, который не принес ожидавшихся итальянской буржуазией быстрых колониальных приобретений в Африке, итальянское правительство начало в конце XIX века делать попытки сближения с Францией. 14—16 декабря 1900 г. было заключено секретное итало-французское соглашение, согласно которому Италия признала французские притязания на Марокко, а Франция в свою очередь признала итальянские притязания на Триполи. 4 июня 1902 г., за 24 дня до возобновления Тройственного союза с Германией и Австро-Венгрией, итальянское правительство известило через своего посла в Париже Торнielли французское правительство о том, что „в возобновлении Тройственного союза нет ничего прямо или косвенно враждебного Франции, никакого обязательства, которое могло бы заставить в каком-либо случае принять участие в нападении на нее. Словом, никакого постановления, угрожающего безопасности и спокойствию Франции". 1—2 ноября 1902 г. было заключено новое итало-французское соглашение, по которому обе стороны обязались: „В случае, если Франция (Италия) прямо или косвенно сделается объектом нападения со стороны одной или нескольких держав, Италия (Франция) сохранит строгий нейтралитет. То же самое будет в случае, если Франция (Италия) вследствие прямого вызова окажется вынужденной для защиты своей чести и безопасности принять на себя инициативу объявления войны. В этом случае правительство республики (королевское правительство) должно будет предварительно сообщить свое намерение королевскому правительству (правительству республики), которое таким образом будет в состоянии констатировать, имеется ли действительно налицо прямой вызов". Кое-что про эти тайные соглашения сделалось известно германскому правительству, которое однако было принуждено терпеливо соглашаться с не совсем лояльным поведением своей союзницы из опасения, что Италия захватит Триполи и расстроит его планы „мирного" завоевания Турции. В известной речи, произнесенной 8 января 1902 г. в рейхстаге,

германский рейхсканцлер фон Бюлов заявил для успокоения общественного мнения: „Тройственный союз находится в прекрасном состоянии и будет, надеюсь, и дальше пребывать в таком же состоянии, подобно тому как это бывает с человеком, которого по ошибке сочли умершим, но который живет потом долгий век в добром здравии". При этом он употребил веселый каламбур: „В счастливом браке мужу не следует особенно огорчаться, если его жена протанцует лишний тур вальса с кем-нибудь другим. Главное, чтобы она не сбежала с ним. Но она не сбежит, если сознает, что с мужем ей живется хорошо". — 19.

[14] *Десятикилометровая зона.* Чтобы избежать провокационного столкновения германских и французских пограничных войск, которое могло иметь непоправимые последствия, французское правительство приняло 30 июля 1914 г. решение отвести все пограничные гарнизоны на 10 километров от границы, о чем было извещено германское правительство. Это решение — так истолковывали его все — является шагом к сохранению мира и свидетельствует о миролюбии французского правительства. Маршал Жоффр рассказал в своих мемуарах следующее по поводу этого мирного жеста: „Мои возражения не оказали никакого действия. Решение было принято советом министров, Мессими не мог его изменить своей собственной властью. Все, чего я мог добиться, — это приближения войск к местам погрузки. Я еще раз указал на тяжелое обязательство оттянуть войска на 10 километров от границы и я добился разрешения самому определить линию, которую они не должны переходить". Как Жоффр выполнил полученное „разрешение", об этом он не говорит ни слова. — 28.

[15] *Миссия Лимана фон Сандерса.* Исход балканских войн крайне обострил противоречия между обеими группировками государств и в частности между Россией и союзными Германией и Австро-Венгрией.

Для исправления нарушенного равновесия сил на Ближнем Востоке в пользу Антанты Германия послала по просьбе оттоманского правительства осенью 1913 г. в Турцию военную миссию в составе 41 офицера с генералом Лиманом фон Сандерсом во главе. Германские офицеры получили руководящие должности в турецком генеральном штабе, в интендантстве, в санитарной части и в военно-учебных заведениях. В отличие от обычных военных миссий, когда иностранным офицерам предоставляются должности инструкторов, германские офицеры получили активное командование крупными армейскими соединениями. Начальник военной миссии генерал Лиман фон Сандерс был назначен командиром 1-го турецкого корпуса в Константинополе, а другие германские офицеры были назначены начальниками дивизий и полков в других гарнизонах и в районе проливов. Реорганизация и боевая подготовка всей турецкой армии попали в руки Германии. Она стала твердой ногой в Константинополе и в проливах и сделалась их стражем. Миссия Лимана фон Сандерса ударяла в первую очередь по России, но также и по Англии и Франции, которые помимо экономических интересов имели в Турции крупные политические интересы. Русско-германский конфликт сразу превратился в конфликт Тройственного союза с Антантой. Царской России оказывали полную поддержку Англия и Франция.

Длительные переговоры царского правительства с германским правительством и даже личные переговоры председателя совета министров Коковцова и Вильгельма II ни к чему не привели.

Благодаря дипломатической поддержке, оказанной России Францией и Англией, Германия дала одержать России дипломатическую победу. Лиман фон Сандерс по договоренности был произведен в высший генеральский чин и таким образом „лишался" командования турецким корпусом. Но это была чисто формальная уступка. Добиться большего от Германии не представлялось возможным, поэтому было решено оказать военное давление на Турцию временным занятием одного из ее черноморских портов. Это означало войну, ибо за спиной Турции стояла Германия. Царский посол в Лондоне Бенкендорф это прекрасно понимал и предостерегал Сазонова от опасности ввязаться в авантюру, которую не поддержат Франция и Англия. На этом инцидент был ликвидирован. — 30.

[16] *Германский ультиматум Бельгии* был составлен начальником германского генерального штаба генералом фон Мольтке 26 июля 1914 г.,

за два дня до объявления Австрией войны Сербии. Стилистически исправленный в германском министерстве иностранных дел, он был за три дня до объявления Германией войны России, 29 июля, отправлен статс-секретарем по иностранным делам фон Яговым со специальным курьером германскому посланнику в Брюсселе со следующей инструкцией: „Приложенный при этом распоряжении документ прошу запереть в надежном месте и вскрыть только в том случае, если я вам предложу это сделать по телеграфу". Текст ультиматума, содержавший абсолютно лживые заявления о якобы подготовляемом вторжении французских войск в Бельгию с целью нападения на Германию, чем якобы последняя в интересах самозащиты вынуждалась предупредить Францию и самой вторгнуться в Бельгию, гласил:

„До императорского правительства дошли надежные сведения о намерениях французских вооруженных сил двинуться по направлению Живе — Намюр. Эти сведения не оставляют никакого сомнения о намерениях Франции напасть на Германию через бельгийскую территорию.

Императорское правительство не может остаться беззаботным к тому, что Бельгия, вопреки самым лучшим своим намерениям, не в состоянии будет без чужой помощи воспрепятствовать с успехом французскому продвижению. Поэтому необходимо найти наиболее верную гарантию против угрозы Германии. Предупредить вражеское нападение является для Германии заповедью самозащиты. Германское правительство будет очень сожалеть, если Бельгия усмотрит недружелюбный акт против себя в том, что мероприятия его противников могут заставить Германию в целях обороны вступить на бельгийскую территорию.

Во избежание каких-либо неправильных толкований правительство заявляет следующее:

1. Германия не намеревается предпринимать какие-либо враждебные действия против Бельгии. Если Бельгия готова в предстоящей войне соблюдать по отношению к Германии благожелательный нейтралитет, то германское правительство обязуется при заключении мира не только гарантировать целостность и независимость королевства в полном объеме, но даже готово самым благожелательным образом пойти навстречу притязаниям королевства на территориальные компенсации за счет Франции.

2. Германия обязывается при соблюдении вышеупомянутого предположения опять очистить территорию королевства после заключения мира.

3. При дружественном поведении Бельгии Германия готова в согласии с королевскими бельгийскими властями покупать за наличные все необходимое для своих войск и возместить всякий ущерб, который будет причинен германскими войсками.

Если Бельгия выступит враждебным образом против германских войск, то Германия вынуждена будет, к своему сожалению, рассматривать королевство как своего врага. В этом случае Германия не сможет взять на себя какие-либо обязательства по отношению к королевству, и вопрос о дальнейшем урегулировании отношений между обоими государствами будет разрешен в зависимости от исхода военных действий.

Императорское правительство определенно надеется, что эта возможность не наступит и что королевское бельгийское правительство примет необходимые меры для предотвращения событий, подобных вышеупомянутым. В этом случае дружественные связи, связывающие оба соседние государства, останутся ненарушимыми и значительно укрепятся".

По телеграфному предписанию из Берлина этот ультиматум был вручен германским посланником бельгийскому министру иностранных дел 2 июля 1914 г. — 34.

[17] *Переговоры царского посла в Константинополе Гирса и военного агента генерала Леонтьева с Портой о нейтралитете и союзе* представляли очень долгое время весьма запутанную и таинственную историю. Во время войны и позже считали, что Турция вступила в войну исключительно по вине России, которая отвергла предложенные ей турецким правительством союз и всю армию для употребления против любого из врагов России. Отказ России вступить в такую выгодную сделку объясняли исключительно захватнической политикой царизма, который вел войну в конечном счете из-за завоевания Константинополя и проливов. Такая трак-

товка этого важного вопроса не опирается на исторические факты и является чрезвычайно упрощенной. Действительное положение вещей было иным. Когда 5 августа 1914 г. Энвер паша заявил генералу Леонтьеву, что „Турция сейчас ни с кем не связана и будет действовать сообразно со своими интересами", то он попросту лгал. За три дня до этого разговора, 2 августа, был подписан в Константинополе германо-турецкий союзный договор, согласно которому Турция и Германия обязывались оставаться нейтральными в австро-сербской войне. Однако статья 2 этого договора гласила: „В случае активного военного вмешательства России будет этим создан „казус федерис" (союзные обязательства) для Германии по отношению к Австро-Венгрии, и этот „казус федерис" будет также обязателен для Турции". Так как Германия объявила России войну 1 августа, то вопрос о „нейтралитете" уже отпал тогда, когда подписывался договор, который обязывал Турцию воевать против России. И действительно, Турция уже 3 августа объявила мобилизацию всей своей армии. В уже упомянутом выше разговоре Энвер паша далее заявил Леонтьеву: „Если бы Россия пожелала обратить внимание на турецкую армию и использовать ее для своих целей, то он и такую комбинацию не считает невозможной". Доверчивые историки приняли и это заявление Энвера за чистую монету, даже и после того, когда стали известны компетентные комментарии германского посла в Константинополе Вангенгейма. 4 августа, за день до разговора Энвера с Леонтьевым, Вангенгейм телеграфировал в Берлин: „Гирс до сих пор думает о сохранении нейтралитета Турции, что облегчает Турции использовать Черное море для мобилизации".

Хотя предложение Турцией союза России против Германии на третий день после подписания союза с Германией против России являлось чистым обманом и вытекало из желания усыпить бдительность союзников и лучше самой подготовиться к войне против них же, тем не менее и Германия не была вполне уверена в том, что Турция выполнит ее обязательства и выступит против России. Не все члены турецкого правительства были абсолютными сторонниками войны в союзе с Германией, и в самой правящей партии „Единение и прогресс" была довольно сильная оппозиция вступлению в войну на стороне Германии. Вся либеральная партия была против войны на стороне Германии. В правящей турецкой верхушке происходила ожесточенная борьба между сторонниками и противниками Германии вплоть до вступления Турции в войну 2 ноября 1914 г. и после этого.

Абсолютно не исключена возможность, что Антанта могла бы еще привлечь на свою сторону Турцию, если бы она проявила больше искренности во время переговоров, гибкости и понимания в этом важном вопросе. если бы она в начале войны правильно оценила значение юго-восточного фронта для исхода всей кампании и в частности не недооценивала бы военного значения Турции. Ряд ошибок, вытекавших из неправильной и ошибочной оценки, с одной стороны, и из противоречивых интересов стран Антанты и желания каждой из них в конечном счете поживиться на счет Турции, с другой, способствовали усилению той части турецкого правительства, которая была за войну с Антантой. Среди этих ошибок одной из крупнейших явилась несогласованность действий английской и французской эскадр. следствием чего явилось появление „Гебена" и „Бреслау" в Константинополе (см. прим. 7). С прибытием этих судов в турецкую столицу и фиктивной их продажей турецкому правительству Германия получила материальные способы давления на Порту, каких Антанта не могла ей противопоставить. — 41, 45.

[18] *Обязательства по греко-сербскому союзному договору* от 1 июня 1913 г. состояли в следующем. Согласно статье 1 этого договора Греция и Сербия гарантировали друг другу их владения и обязывались „оказывать взаимно поддержку всей совокупностью своих вооруженных сил, если одно из королевств без всякого вызова с его стороны подверглось бы нападению". Договор также обязывал союзников заключать только совместно мир. — 65.

[19] *Верховное командование сваливает вину в неудачах на солдат.* После поражения французской армии у Шарлеруа, которое повлекло за собой ее отступление по всему фронту до стен Парижа и далеко за Марну, настоящий виновник поражения, генерал Жоффр, писал 24 августа военному

министру: „Наши армейские корпуса не показали в открытом поле наступательных качеств, которых мы имели право ожидать по первоначальным частичным успехам, особенно одержанным в горных операциях". На это военный министр Мессими тотчас ответил по телеграфу: „Я получил вашу телеграмму, сигнализирующую об упадке духа. Против этого нет другого наказания, кроме предания немедленной казни: первыми должны быть наказаны виновные офицеры. Для Франции существует сейчас только один закон: победить или умереть".

Мильеран, сменивший на посту военного министра Мессими, издал 1 сентября 1914 г. циркуляр, коим предписывалось военному командованию не передавать на рассмотрение правительства ходатайств о смягчении приговоров военных судов по делам „об упадке духа", а Пуанкаре отказался от принадлежащей ему по конституции прерогативы помилования в отношении осужденных на смерть солдат.

Чтобы иметь представление о том беспощадном терроре, который верховное командование с согласия правительства установило на фронте, достаточно привести всего несколько из бесчисленных дел, когда невинные солдаты, а иногда и младшие офицеры расстреливались для восстановления пошатнувшегося авторитета верховного командования и высшего офицерского корпуса. Вот типичные три дела.

Дело поручика Шапелян. 7 октября 1914 г. во время боя 3-я рота и пулеметная команда 98-го пехотного полка занимали деревню Рой. Когда после сильной схватки немцы проникли в окопы, командир пулеметной команды поручик Шапелян отдал приказ сопротивляться до последней капли крови. 3-я рота была целиком взята в плен, капитан Риго убит, а поручик Шапелян и оставшиеся несколько человек в живых окружены немцами. Им всем удалось поодиночке бежать. Поручик Шапелян, тяжело раненый, не дойдя до своих, упал, истекая кровью. Его нашли на второй день совершенно обессилевшим и принесли в полк. Командир полка полковник Диднер предал его полевому суду, который 10 октября приговорил его к расстрелу, а 11-го утром приговор был приведен в исполнение. Шапелян был поставлен к столбу привязанный к носилкам, так как не мог стоять на ногах.

Полковник Диднер, приказавший расстрелять невинного поручика, обратился с лицемерной просьбой к высшему начальству об отсрочке казни до выздоровления приговоренного. Начальник корпуса генерал Деманж отказал в „просьбе" и ответил ему следующим письмом:

„Мой дорогой Диднер!

Я понимаю и разделяю ваши угрызения совести. Но закон повелевает нам обоим. Вы найдете завтра при помощи вашего медика средство поставить этого несчастного на ноги перед тем, как его расстрелять".

Дело у деревни Венгре. 27 ноября 1914 г. во время боев на реке Эн одному посту 298-го пехотного полка было поручено под командой капрала Вогюэ наблюдать у деревни Венгре за неприятелем. Влево от поста находились 5 и 6-е звенья под командой капралов Флош и Вена. Немцы незаметно подобрались, сняли пост Вогюэ и внезапно проникли в траншеи. Во время возникшей паники солдаты 5 и 6-го звеньев отступили по ходам сообщения к убежищу, где находился поручик Поло, который приказал им отступить к оборонительному окопу. Ротный же командир приказал немедленно взять обратно потерянную позицию, что и было выполнено солдатами и офицерами. Все считали инцидент исчерпанным.

Между тем командир полка сообщил о снятии поста Вогюэ в штаб дивизии. Было наряжено следствие. Начальник дивизии генерал Жуллен и командир корпуса генерал Виларе решили расстрелять всех 24 отступивших солдат. Командир полка полковник Пиото предупредил полкового аббата о предстоящей казни еще до суда. Младшие офицеры возмутились и просили начальство отменить решение. В результате двухдневной дискуссии удалось сократить число жертв до шести человек. 3 декабря 1914 г. полевой суд под председательством командира полка полковника Пиото приговорил к расстрелу наугад капрала Флош и солдат Гай, Петеле, Квино, Бляшшар и Дюранде, оправдав всех остальных. Свидетелем выступал подпоручик

приказавший солдатам отступать в оборонительное убежище. Утром 4 декабря в 400 метрах от вражеских окопов было выстроено карре и произведена публичная казнь шести невинных солдат.

Дело четырех капралов. 336-й пехотный полк в феврале 1915 г. принимал участие в страшных боях у Перт. В марте он опять находился на передовых линиях у мельницы Суэн. 7 марта был отдан приказ 24-й роте пойти в атаку. Она была отброшена с большими потерями. Через два часа был отдан такой же приказ 21-й роте. Результат тот же. Ночью был отдан приказ повторить атаку 19-й роте. Безуспешно был 9 марта отдан приказ 21-й роте атаковать неприятеля. Солдаты видели, что предприятие безнадежное. Между их и немецкими окопами лежали неубранные трупы товарищей, павших в предыдущие дни и оставшихся еще с ноябрьских боев.

Командир роты повторил приказ, но за ним последовали только аспирант Жермен и несколько унтер-офицеров, которые были принуждены огнем неприятеля вернуться обратно. Узнав о событиях на передовых линиях, командир 60-й дивизии отдал приказ обстрелять артиллерийским огнем собственные окопы. Полковник Берюбе отказался выполнить незаконный приказ. 21-й роте тем не менее было приказано повторить атаку. После этого были назначены по четыре человека с отделения, которым поручили среди белого дня пробраться к неприятельским окопам и перерезать проволочные заграждения. Избранные жертвы пошли выполнять приказ. Немецкий огонь не дал им пройти 150-метрового расстояния к проволочным заграждениям. Они принуждены были скрыться в вырытых снарядами ямах. Под прикрытием ночи люди вернулись обратно, не выполнив приказа. На второй день 21-ю роту отвели в деревню Сюпп и предали военному суду капралов Кона, Жирар, Лефуле, Леша и тридцать с лишним солдат „за отказ выполнить приказ на виду у врага".

Многие офицеры отправились на заседание суда добровольно свидетелями и доказывали, что выполнить приказ было невозможно. Командир батальона вступился за своих людей. Военный суд, состоявший из четырех тыловых кадровых офицеров под председательством полковника-фронтовика, присудил всех четырех капралов к расстрелу. Приговор суда был приведен в исполнение через 24 часа.

Вот что об этой комедии суда писал офицер того же полка:

„Эти люди, взятые почти наугад, были без всякой вины преданы военному суду. Тридцать два человека были оправданы после заявления подпрапорщика, что он не думает, что они слышали его приказание „вперед!", а четыре были осуждены на смерть (капралы). Начальник дивизии после этого не взлюбил подпрапорщика и формально запретил делать представление о производстве его в подпоручики. Взяли свидетелей из тех командиров, которые провели три дня в убежищах. *Из предосторожности не позвали четырех офицеров, к которым принадлежал и я, которые провели четыре дня с людьми и которые одни могли сказать правду. Все дело от начала до конца было надувательством...* Над четырьмя капралами совершено убийство".

Другой офицер-очевидец писал, как командир другого батальона, Экилбен, люди которого не принимали участия в атаке, докладывал суду о том, что атака была плохо подготовлена, что ее выполнение было невозможно. *„Я заметил, что председатель военного суда его прерывал на каждом слове и что ему было очень трудно давать показания.* Он не хотел больше оставаться в зале, где свидетелям чинят столько препятствий во время их показаний, и вышел.

Полковник Берюбе, тот самый, который отказался стрелять по французским окопам, возмущенный преступной комедией суда, воскликнул: *„Настоящие виновные не здесь, их надо искать наверху!"* Начальнику дивизии генералу Ревельяк он прямо заявил: *„Это убийство"*.

Четыре капрала были расстреляны на виду у всего полка, окруженного драгунами из боязни бунта.

О бесчинствах военных судов на фронте существует обширная литература. Официально установлены факты, порочащие верховное командование и военную юстицию в целом. (Подробнее о военной юстиции во время войны см. журнал „Procès civique" за 1919—1922 гг. „Cahiers des

Droits de l'Homme" за эти же годы, Reau, „Les crimes de Conseils de guerre"; на русском языке см. вводную статью Ф. Ноговича к сборнику „Революционное движение во французской армии в 1917 г.".) — 92.

[20] *Стычка Мессими с генералом Мишелем, военным губернатором Парижа.* После поражения французских армий при Шарлеруа и общего их отступления на запад главная квартира не считала возможным удержать Париж. В правительстве однако не все были одного мнения по этому вопросу. 26 августа 1914 г. генерал Галлиени был назначен военным губернатором укрепленного парижского района, и в его распоряжение была передана VI армия под начальством генерала Монури, которая в начале сентября сыграла историческую роль в битве на Марне. Бывший до того военным губернатором Парижа, генерал Мишель отказался передать командование Галлиени и перейти в подчинение последнего. Тогда Мессими вызвал к себе Мишеля, и когда тот начал упорствовать, предложил ему на выбор: сдать командование или отправиться прямо из его кабинета в военную тюрьму. Чтобы убедить генерала, что дело приняло серьезный оборот, Мессими вызвал к себе дежурного офицера для ареста Мишеля. — 98.

[21] *Отставка Галлиени из-за достижения предельного возраста.* 24 апреля 1914 г. генералу Галлиени исполнилось 65 лет и согласно закону о предельном возрасте офицеров действительной службы он должен был уйти в отставку. Однако из уважения к большим административным и военным талантам „умиротворителя" Мадагаскара и других колоний Галлиени был оставлен в списках офицеров действительной службы, по командование V армией, которая во время войны образовала крайний левый фланг, он должен был передать генералу Ланрезаку. Последний был назначен одновременно членом высшего военного совета на место уволенного Галлиени. 31 июля, когда угроза войны уже нависла над всей Европой, Пуанкаре подписал предложенный военным министром Мессими декрет, которым генерал Галлиени назначался помощником главнокомандующего Жоффра и возможным его заместителем „в случае мобилизации". После объявления мобилизации Галлиени был прикомандирован к генеральному штабу. — 98.

[22] *Декларация нового реорганизованного правительства* Вивиани от 28 августа выражала твердую уверенность в полной поддержке всего народа в деле обороны страны и что сыны Франции совместно с англичанами и бельгийцами устоят против огненного и железного шквала, который на них низвергает враг. Воздавая должное героям, погибающим за родину, декларация говорила: „Люди гибнут. Нация продолжает жить". Выражая уверенность в полной победе, декларация заявляла, что Франция не сделается легкой добычей, как того ожидают ее враги. Стараясь пробудить патриотические и шовинистические чувства в народе, она демагогически указывала ему на трагический, но простой долг, который он должен выполнить: прогнать вторгшегося врага, преследовать его, спасти страну и свободу, держаться стойко до конца, остаться хозяином своей судьбы. Призывая народ забыть обо всем, что не связано с защитой родины, правительственная декларация предупреждала, что от него потребуют жертв людьми, деньгами и энергией, и кончалась следующими словами: „Лицом к фронту! У нас есть метод и воля! У нас будет победа!" — 108.

[23] *Безработица и система вспомоществования безработным в начале войны.* По декрету 1 августа 1914 г. до 15 августа было мобилизовано 2 887 тысяч человек. Франция не имела разработанного плана мобилизации промышленности на случай войны и перевода ее на военные рельсы. Наоборот, существовал широко распространенный и в правительственных, и в военных, и в деловых кругах предрассудок, согласно которому война очень быстро закончится. Поэтому одновременно с объявлением мобилизации было закрыто 47% всех заводов, фабрик, учреждений и магазинов. В незакрытых фабриках и заводах 22% всех рабочих были мобилизованы, 44% — уволены и только 34% всего прежнего персонала осталось работать. Из обследованных 44 997 промышленных и торговых предприятий, подведомственных министерству труда, в которых работало в нормальное время 1 469 588 человек, действовало в августе 1914 г. только 23 457 предприятий, или 52%. Количество рабочих на действовавших предприятиях

составляло 497 346 человек, или 34% против нормального времени. По этой причине в августе 1914 г. во Франции было около 2 миллионов безработных, число которых вскоре увеличилось за счет беженцев. Промышленность была настолько дезорганизована войной, что долгое время не могла занять всех безработных. К организации военной промышленности в тех масштабах, в которых ее начали создавать лишь через год, еще не приступали. Даже существовавшие военные заводы сократили свое производство, так как по непонятным причинам артиллерийское ведомство аннулировало многие старые заказы.

О безработице в начале войны дают яркое представление статистические данные по Парижу. В начале войны в Париже было зарегистрировано безработных 168 352 человека, 15 октября — 293 [illegible]4, 31 декабря — 230 7[illegible]5 человек. Периодическое обследование министерством труда подведомственных его контролю промышленных учреждений дает следующую картину притока рабочей силы на фабрики и заводы: в августе 1914 г. было занято 497 346 человек (34% довоенного числа рабочих), в январе 1915 г. — 848 055 (58%), в январе 1916 г. — 1 185 176 (80%), в январе 1917 г. — 1 432 846 (97%) и в январе 1918 г. — 1 481 986 человек (100%).

Очутившись лицом к лицу с такой громадной безработицей, правительству пришлось наскоро создать организацию помощи, так как во Франции не было социального законодательства по страхованию от безработицы. Оказание быстрой помощи диктовалось буржуазии необходимостью сохранения социального мира. 20 августа 1914 г. правительство создало национальный фонд для безработных. В департаментах и городах, насчитывавших 5 тысяч жителей, были созданы фонды для безработных и особые бюро, которые ими ведали. Помощь оказывалась в зависимости от места то деньгами, то натурой, то тем и другим. Сумма вспомоществования не превышала 1 франка 35 сантимов для главы семейства и 50 сантимов для членов семьи, иждивенцев. — 111.

[24] *Клерикальная пропаганда.* Французское духовенство и влиятельные католические круги поняли установленную в самом начале войны эру „гражданского мира" по-своему. С первых же дней войны духовенство развило бешеную религиозную и противореспубликанскую пропаганду. Оно яростно протестовало против применения к духовенству военного закона и призыва служителей культа в армию. Так например епископ д'Ош по этому поводу сказал в проповеди: „Двадцать тысяч епархий лишены священников, это почти на двадцать тысяч меньше месс каждый день — это составляет национальное преступление". Архиепископ реимский, вспоминая отделение церкви от государства, проповедывал такую мысль: „Франция заслужила те наказания, которым она подвергнута, за все увеличивающийся индеферентизм, за ее сектантские деяния, за нечестие против бога и людей". Эта пропаганда пришла в момент военных поражений опасный для режима характер.

Эра „гражданского мира" позволила духовенству организовать все темные и враждебные республике силы. По указанию „святых отцов" население самых отсталых районов Франции как бы по команде потребовало восстановления прав духовенства и религиозных культов, а также признания обязательного характера за последними, а муниципальные советники Лозэра даже вынесли официальное постановление о посвящении их коммуны сердцу Христа. Особенно бешеная пропаганда была развита представителями культа в госпиталях на фронте и в тылу, где мобилизованные попы отбывали военную службу в качестве санитаров, отравляя ежечасно сознание раненых и больных бойцов. Сотни тысяч всякого рода религиозных эмблем распространялось среди солдат на фронте и в тылу. Религиозная пропаганда была одновременно перенесена и в колонии, где духовенство, по выражению официальных документов, „вело себя вызывающе и агрессивно по отношению к республике". Некоторые епископы дошли до такой дерзости, что отказались подчиниться правительственным предписаниям удалить запрещенные религиозные эмблемы из соборов. Специальная пресса благословляла, оправдывала противогосударственные и антиреспубликанские действия духовенства, давала им определенное направление и моральную поддержку. В печати, с церковного амвона, на собраниях

верующих и среди отсталого городского и деревенского люда черная армия попов, клерикалов и монархистов проповедовала мысль, что часть Франции занята Германией в наказание за отделение церкви от государства, изгнание религиозных конгрегаций, разрыв с Ватиканом, введение светского обучения и т. п. С самого начала войны духовенство рьяно принялось восстанавливать запрещенные законом 1901 г. религиозные конгрегации. Иезуиты, капуцины, францисканцы и другие религиозные конгрегации возобновили под крылышком „гражданского" мира свою отравляющую сознание масс деятельность. В официальном докладе министра внутренних дел дана следующая характеристика деятельности духовенства во время войны: „Примирительной политике министерства внутренних дел, старавшегося в видах поддержания спокойствия в общественном мнении избегать всяких мотивов для дискуссии по религиозным вопросам, не удалось разоружить конгрегаций, проникнутых тем более воинственным духом, чем меньше они боялись наказаний. Конгрегации и их друзья рассматривают „священный мир" как средство для получения всех прав в ущерб другим.

Характеризуя политическое направление пропаганды духовенства и конгрегаций, имеющих целую армию последователей, доклад констатирует, что она насквозь роялистская. Духовенство получает идеологическое оружие у роялиста Морраса, который провозгласил лозунг: „Возрождение политической конституции старой Франции с самодержавным королем". Пропаганда духовенства, как утверждает доклад министра, выражалась помимо печатной и устной проповеди в распространении подпольных манифестов, листовок, всевозможных религиозных эмблем и пр. — 112.

[25] *7 сентября 1914 г.*, в самый разгар битвы на Марне, немцы получили подкрепление и французский левый фланг с трудом преодолевал активную оборону германских войск. В распоряжении Галлиени не было резервов, так как генерал Жоффр своевременно не предоставил ему затребованных войск. В этот же день 7-я дивизия, прибывающая эшелонами в Париж из-под Вердена, была в таком состоянии, что ее немыслимо было отправить походным порядком на угрожаемый участок фронта. Тогда Галлиени распорядился реквизировать в Париже все такси, организовать колонны по 100 автомашин под командой офицера и перевезти всю 7-ю дивизию на место боя. Отдохнувшие войска по прибытии на фронт сейчас же вступили в бой и облегчили положение левого фланга генерала Монури. Это был первый случай использования легковых автомобилей для перевозки солдат; впоследствии французы часто в критические минуты пользовались этим видом транспорта для переброски войск. — 143.

[26] *Режимом капитуляций* называется международно-правовой порядок, по которому регулируются отношения граждан европейских государств в странах Востока. Капитуляции возникли в раннюю эпоху средневековья и впоследствии развились из суммы договоров, трактатов и всякого рода других соглашений между правительствами европейских стран и правительствами зависимых и полузависимых стран — Турции, Марокко, Туниса, Египта, Китая и др. Особые права, установленные этими договорами для европейцев, принято называть капитуляциями или режимом капитуляций. Согласно режиму капитуляций граждане империалистических государств пользовались и сейчас пользуются в некоторых странах Востока целым рядом привилегий, которых не имеют туземцы. Согласно капитуляциям судебные дела между европейцами разбираются в консульских судах, судебные же дела между европейцами и туземцами — в смешанных судах с участием консульских представителей. Европейцы освобождаются от большей части налогов, пользуются личной неприкосновенностью и неприкосновенностью жилищ, свободой передвижения, правом учреждать собственную почту и собственные поселения (концессии, сеттльменты), которые имеют свою администрацию и полицию и являются как бы „государством в государстве". Иностранным банкам и фирмам предоставляется право открывать свои отделения и проводить разнообразные финансовые, торговые и залоговые операции в обход местных законов. Пользуясь режимом капитуляций, европейские капиталисты получали концессии на открытие „национальных" банков с чрезвычайно широкими правами. Эти банки сделались орудием экономического и финансового закабаления восточных стран. До

империалистической войны почти все европейские и американские государства пользовались в восточных странах привилегиями режима капитуляций. После войны капитуляции в ряде стран были отменены. В сентябре 1914 г. турецкое правительство отменило капитуляции в Турции, однако эта отмена не была признана державами. Окончательно режим капитуляций в Турции был отменен Лозаннским договором 24 июля 1923 г. Одним из первых актов советского правительства был отказ от капитуляций, которыми пользовались подданные России в странах Востока. — 120.

[27] *Свержение Абд-эль-Азиса*, шерифа Марокко, произошло при следующих обстоятельствах. Понадеявшись на поддержку Германии, — Вильгельм II в мае 1905 г., во время своей поездки по Средиземному морю, провозгласил в Танжере принцип независимости Марокко и его султана, — Абд-эль-Азис и после Алжезирасской конференции (которая под видом мандата на проведение финансовых, административных и военных реформ фактически признала за Францией право провозгласить протекторат над Марокко) продолжал оказывать пассивное сопротивление французам, отказываясь „легализовать" посредством договора захват французскими капиталистами страны. Французские банки ответили отказом в финансовой поддержке, в которой правительство шерифа нуждалось, а германское правительство через своего представителя в Фесе Тотенбаха продолжало подавать надежды на помощь, но ничем ему не помогало. Не имея денег на неотложные нужды, административное управление и армия пришли в полное расстройство. В мае 1907 г. на юге началось крупное движение против захвата иностранцами страны и против носителя слабости и беспомощности Марокко — султана Абд-эль-Азиса. Абд-эль-Азис бежал тогда под защиту французских пушек в Рабат и подписал 4 декабря 1907 г. с французским представителем желаемый Францией договор, в котором французские империалисты получали „законные" права на организацию полиции в портах, наблюдение за ввозом контрабандой оружия, организацию шерифского войска, учреждение французской военной миссии, исправление алжирской границы и пр. Между тем брат бежавшего султана Мулай-Гафид, провозгласивший себя султаном в Марокеше, послал в Берлин представителя, который был там официально принят. Франция и Германия поменялись ролями. Это побудило первую занять нейтралитет в борьбе двух претендентов на престол. Французы не хотели ввязываться в эту борьбу, не имея опорных пунктов в стране. Французские гарнизоны тогда еще не проникали внутрь страны и находились только в портовых городах и на кораблях. По этой причине они не хотели пускаться в опасную авантюру на стороне непопулярного „законного" султана против популярного Мулай-Гафида, слывшего в глазах народа защитником независимости страны, пользовавшегося моральной поддержкой империалистической соперницы Германии. 19 августа 1908 г. Абд-эль-Азис был окончательно разбит у Эль Квелла Мулай-Гафидом, после чего последнего признала султаном вся страна. Для французского империализма было важно, чтобы новый султан признал обязательства предшественника. Этого он надеялся добиться дипломатическим искусством, военной силой и финансовыми средствами, — новый султан нуждался в деньгах не меньше старого. — 182.

[28] „Norddeutsche Allgemeine Zeitung", *официоз германского правительства, начала с 13 октября 1914 г.* печатать серию статей, излагавших сенсационное содержание захваченных в Брюсселе и в Антверпене документов бельгийского генерального штаба и искаженный текст некоторых из захваченных документов, отчего они получили особенно сенсационный характер. Разоблачения германского официоза „доказывали", что представители британского и бельгийского генеральных штабов уже в 1906, а затем в 1912 г. договорились о высадке в определенных пунктах 100-тысячной английской армии на случай войны с Германией. Публикацией захваченных в Бельгии документов германский империализм преследовал далеко идущие цели, состоявшие в следующем:

1. Общественное мнение всего мира было возмущено разбойничьим нападением Германии на Бельгию, нейтралитет которой она сама гарантировала. Это вызывало в нейтральных странах ненависть против германского милитаризма.

2. Предвидя это, германский канцлер заявил в рейхстаге 4 августа 1914 г. по поводу нарушения бельгийского нейтралитета: „Мы были принуждены не обращать внимания на справедливый протест люксембургского и бельгийского правительств. Несправедливость — я говорю это открыто — несправедливость, которую мы этим совершили, мы попытаемся исправить, как только наша военная цель будет достигнута". Это означало, что Германия признает правоту Бельгии и собственную неправоту, что она торжественно обязывалась восстановить Бельгию и возместить ей убытки, причиненные войной.

3. Германский финансовый капитал, милитаристы, юнкера и слышать не хотели об „исправлении несправедливости" и громко требовали не „восстановления", а аннексии Бельгии. Чтобы облегчить эту операцию, не вызывая углубления ненависти к себе нейтральных стран, что было не безразлично для ведения войны и ее исхода, германскому империализму необходимо было исправить „ошибку" Бетман-Гольвега, представить дело так, что сама Бельгия накликала на себя беду провокационными действиями против Германии и нарушением собственного нейтралитета, якобы заранее предоставив Англии право прохода ее армий для войны с Германией. Опубликованная в германском официозе 13 октября статья доказывала, что уже в 1906 г. между английским военным атташе и бельгийским начальником генерального штаба было условлено нарушение бельгийского нейтралитета. Газета предусмотрительно не напечатала подлинного текста сенсационного документа, который носил заголовок „Английская интервенция в Бельгии", так как из него увидели бы, что беседы, которые велись между военными, предусматривали вступление английской армии в Бельгию лишь после нарушения Германией нейтралитета Бельгии. Публикуя 25 ноября 1914 г. текст якобы подлинной записи беседы бельгийского начальника генерального штаба генерала Дюкарна с английским военным атташе полковником Бернардистаном, которая была вольно пересказана в статье 13 октября, официоз германского правительства проделал следующую операцию: „наш разговор" (notre conversation) был всюду переведен на немецкий язык одинаково звучащим notre convention (наша конвенция). При печатании документа были сознательно проделаны и другие искажения. Впечатление от опубликования бельгийских документов было чрезвычайно сильно. Бетман-Гольвег и весь германский империализм, казалось, были „освобождены" от данных торжественно обязательств восстановить Бельгию. Моральное оправдание для ее аннексии казалось налицо. Однако скоро были разоблачены сами разоблачители. Подлоги и подчистки были обнаружены. Сенсационные „разоблачения" обернулись всем своим острием против незадачливых „разоблачителей", и германскому империализму так и не удалось „обелить" себя перед общественным мнением нейтральных стран. — 206.

[29] Под манифестом 93 представителей германской интеллигенции известно выступление 3 октября 1914 г. в печати германских ученых, литераторов, писателей, художников и представителей всех отраслей науки и искусства в защиту германского милитаризма и его военных методов. В напечатанном в германских газетах и затем распространенном в других странах на иностранных языках „Воззвании к культурному миру" германские ученые писали:

„Мы, представители немецкой науки и искусства, заявляем перед всем культурным миром протест против лжи и клеветы, которыми наши враги стараются загрязнить правое дело Германии в навязанной ей тяжкой борьбе за существование. События опровергли распространяемые слухи о выдуманных немецких поражениях. Тем усерднее сейчас работают над искажениями и выдумками. Против них подымаем мы громкий наш голос. Да будет он вестником истины.

Неправда, что Германия повинна в этой войне. Ее не желали ни народ, ни правительство, ни кайзер. С немецкой стороны было сделано все, что только можно было сделать, чтобы ее предотвратить. Мир имеет к тому документальные доказательства. Достаточно часто Вильгельм II за 26 лет своего правления проявлял себя, как блюститель всеобщего мира; очень часто это отмечали сами враги наши. Да, этот самый кайзер, которого они теперь осмеливаются представлять каким то Аттилой, в течение десяти-

летий подвергался их же насмешкам за свое непоколебимое миролюбие. И только когда давно подстерегавшие на границах враждебные силы с трех сторон накинулись на наш народ, — только тогда встал он, как один.

Неправда, что мы нагло нарушили нейтралитет Бельгии. Доказано, что Франция и Англия сговорились об этом нарушении. Доказано, что Бельгия на это согласилась. Было бы самоуничтожением не предупредить их в этом.

Неправда, что наши солдаты посягнули на жизнь хотя бы одного бельгийского гражданина и его имущество, если это не диктовалось самой крайней необходимостью. Ибо, постоянно и беспрерывно, несмотря на всяческие призывы, население обстреливало их из засады, увечило раненых, убивало врачей при выполнении их человеколюбивого долга. Нет подлее лжи, чем замалчивание предательства этих злодеев, с тем чтобы справедливое наказание, ими понесенное, вменить в преступление немцам.

Неправда, что наши войска зверски свирепствовали в Лувене. Против бешеных обывателей, которые коварно нападали на них в квартирах, они с тяжелым сердцем принуждены были в возмездие применить обстрел части города. Бо́льшая часть Лувена уцелела. Знаменитая ратуша стоит цела и невредима. Наши солдаты самоотверженно охраняли ее от огня. Каждый немец будет оплакивать все произведения искусства, которые уже разрушены, как и те произведения искусства, которые еще должны будут быть разрушены. Однако, насколько мы не согласны признать чье бы то ни было превосходство над нами в любви к искусству, настолько же мы отказываемся купить сохранение произведения искусства ценою немецкого поражения.

Неправда, что наше военное руководство пренебрегало законами международного права. Ему несвойственна безудержная жестокость. А между тем на Востоке земля наполняется кровью женщин и детей, убиваемых русскими ордами, а на Западе пули дум-дум разрывают грудь наших воинов. Выступать защитниками европейской цивилизации меньше всего имеют право те, которые объединились с русскими и сербами и дают всему миру позорное зрелище натравливания монголов и негров на белую расу.

Неправда, что война против нашего, так называемого, милитаризма есть также война против нашей культуры, — как лицемерно утверждают наши враги. Без немецкого милитаризма немецкая культура была бы давным-давно уничтожена в самом зачатке. Германский милитаризм является производным германской культуры и он родился в стране, которая, как ни одна другая страна в мире, подвергалась в течение столетий разбойничьим набегам. Немецкое войско и немецкий народ едины. Это сознание связывает сегодня 70 миллионов немцев без различия образования, положения и партийности.

Мы не можем вырвать у наших врагов отравленное оружие лжи. Мы можем только взывать ко всему миру, чтобы он снял с нас ложные наветы. Вы, которые нас знаете, которые до сих пор совместно с нами оберегали высочайшие сокровища человечества, — к Вам взываем мы! Верьте нам! Верьте, что мы будем вести эту борьбу до конца, как культурный народ, которому завещание Гете, Бетховена, Канта так же свято, как свой очаг и свой надел.

В том порукой наше имя и наша честь!" — 215.

[30] *„Условия" Горемыкина.* Беседа Палеолога с Горемыкиным заслуживает особого интереса. Полное содержание ее Палеолог передал 15 ноября 1914 г. в Париж в следующих выражениях: „Председатель совета министров недавно в частном разговоре со мной коснулся общих задач, которые три союзные державы должны себе поставить в нынешней войне. Его точка зрения тождественна с высказанной г. Сазоновым. С другой стороны, он настаивал на необходимости сделать из Константинополя вольный город с международным режимом. Помимо того он полагает, что Россия будет вынуждена присоединить к себе часть Армении. Во время разговора г. Горемыкин развивал следующие мысли:

1. Общие условия мира должны быть втайне установлены между правительствами трех союзных держав.

2. Когда придет время, эти условия будут продиктованы Германии и Австрии. Военные действия будут безостановочно продолжаться, пока не возобладает воля союзников.

3. Конференция должна состояться лишь для разрешения второстепенных вопросов.

4. Следовало бы, чтобы правительства трех союзных держав пришли к соглашению об общих условиях мира, пока их союз наиболее тесен, иначе говоря, пока три страны совместно ведут войну и связаны мыслью, что им предстоит еще сделать большие усилия.

5. Российское правительство твердо надеется, что по окончании войны союз трех держав будет санкционирован окончательно договором". — 234.

[31] *Низложение египетского хедива Аббас-Хильми и объявление английского протектората над Египтом* явились завершением почти 40-летней борьбы Великобритании за порабощение Египта и утверждение безраздельного господства над важнейшей и богатейшей частью Африки, превращенной в форпост для охраны подступов к Индии и морских и сухопутных путей к британским колониям. Этим актам предшествовали следующие события.

В момент объявления войны хедив Аббас-Хильми находился в Константинополе, где он сблизился с турецкими государственными деятелями и членами партии „Единение и прогресс" и оттуда поддерживал враждебную англичанам пропаганду в Египте. Английские оккупационные власти установили, что хедив был связан с германскими организациями в Каире и Александрии, занимавшимися шпионской деятельностью и будто бы готовившими восстание против Англии и нападение на Суэцкий канал. Когда хедив пожелал вернуться в Египет, англичане дали ему понять, что его приезд нежелателен и предложили ему поселиться в Италии. После вступления Турции в войну и нападения арабских отрядов под предводительством турецких и германских офицеров на Эль-Араш англичане приняли крутые меры по охране подступов к каналу. 2 ноября 1914 г. командующий английскими войсками в Египте генерал Максуэлль объявил осадное положение во всем Египте без ведома правительства Рушди-паши, правившего страной в отсутствие хедива на правах регента. Правительство Рушди-паши подало в отставку, но через несколько дней был найден компромисс: генерал Максуэлль издал 6 ноября вторичную прокламацию о введении осадного положения, известив об этом предварительно правительство Рушди-паши. Таким образом англичанам удалось и дальше править страной посредством туземного правительства. Чем больше судебные процессы против германских и турецких агентов раскрывали германско-турецкие планы антибританской деятельности на территории Египта и Суэцкого канала, тем решительнее становились мероприятия англичан по подчинению себе окончательно Египта.

18 декабря состоялось в Каире и Лондоне одновременное объявление английского протектората над Египтом. Прокламация от имени английского статс-секретаря по иностранным делам гласила: „Вследствие военного положения, вызванного действиями Турции, Египет становится под покровительство его величества и является отныне английским протекторатом. Сюзеренитет Турции над Египтом перестает существовать, и правительство его величества обязуется принять все необходимые меры к защите Египта, его подданных и интересов".

На другой день, 19 декабря, была издана в Лондоне и Каире новая прокламация, гласившая: „Вследствие образа действий его высочества Аббаса Хильми, бывшего хедивом Египта, вставшего на сторону врагов его величества, британское правительство решило низложить его и отрешить от власти над хедиватом, причем эта высокая должность была предложена с титулом султана Египта принцу Гуссейну Камелю, старшему из принцев дома Магоммед Али, и была им принята". 20 декабря принц Гуссейн Камель, сын низвергнутого англичанами хедива Измаила, был возведен в хедивы. Правительство Рушди-паши подало в отставку. В новосозданном правительстве того же Рушди-паши министерство иностранных дел было уничтожено. Заведывание иностранными делами перешло к английской резидентуре, которая была одновременно создана на место бывшей дипломатической миссии. Так завершилась почти сорокалетняя борьба Великобритании за порабощение Египта. — 252.

[32] *„Гуманная" инициатива папы римского* о приостановлении боевых действий на рождественские дни на всех фронтах явилась чрезвычайно ловким маневром „святого отца" с целью использовать мировую бойню в

интересах католической церкви, подъема авторитета Ватикана и усиления религиозного чувства среди миллионов верующих. Точно с таким же предложением римский первосвященник обратился через своего статс-секретаря кардинала Гаспари к царскому посланнику при Ватикане Пеликову 28 ноября 1914 г. и к английскому послу Родду в Риме через кардинала Гаскета. Предложение о приостановке военных действий на всех фронтах на рождество было сделано правительствам и другой группы воюющих держав. Инициатива папы однако не имела успеха из-за недоверия правительств воюющих держав друг к другу и сопротивления главнокомандующих, опасавшихся, что „перемирие" будет использовано противной стороной в свою пользу — так официально и мотивировался отказ принять предложение папы. Действительными же причинами отказа явилась боязнь господствующих классов приучать массы, обреченные на убой, к опасной мысли, что перемирие возможно хотя бы на два дня. Боязнь господствующих классов имела свои глубокие основания, так как солдатские массы не ждали примера для перемирия „сверху", а осуществили его на деле „снизу", по собственной инициативе, не зная о предложении Ватикана и против категорического запрещения начальства. На рождество 1914 г. было установлено самими солдатами фактическое перемирие — братание на многих участках западного фронта.

Вот что сами участники первого братания рассказали в письмах к своим родным, напечатанных в „Таймс" 1 и 2 января 1915 г. Офицер английского полка так описывает братание на его участке фронта: „К 6 часам вечера 24 декабря канонада стала ослабевать, а потом совсем прекратилась". После описания обстановки начавшегося братания автор письма рассказывает, как при виде необычайного события к нему подошел другой офицер со словами: „Происходит нечто совершенно необыкновенное. Солдаты с обеих сторон отказываются стрелять. Повидимому самопроизвольно заключается перемирие на сегодняшний и завтрашний день". Затем офицеры отправились к передовым траншеям. Расстояние между английскими и немецкими окопами не превышало 200 ярдов. С обеих сторон солдаты и офицеры вышли на свободные места и старались договориться друг с другом. Ни с той, ни с другой стороны не раздавалось ни одного выстрела.

Разговор долго не клеился, так как не было людей, понимающих оба языка. Наконец нашелся немецкий солдатик, побывавший в Америке. Тогда заключено было унтер-офицерами и солдатами самочинное перемирие на таких условиях: стрельба прекращается до 12 ночи 25 декабря. Обеим сторонам воспрещается под страхом возобновления перестрелки поправлять проволочные заграждения. Если с какой-либо стороны раздается одиночный выстрел, не считать это вероломным нарушением договора, но расследовать причины.

Вслед за тем офицеры решили поужинать вместе. Немцы и англичане закусили и выпили дружелюбно, после чего немцы стали хором петь свои песни, англичане — свои. Дело кончилось тем, что немцы спели английский национальный гимн под гром аплодисментов английских солдат".

Другой офицер с другого участка фронта сообщал в письме: „Солдаты обеих сторон угощали друг друга сигарами и папиросами, затем обменялись головными уборами и смеялись все вместе — английские солдаты в прусских касках, а прусские — в английских фуражках". Офицеры с удивлением констатировали невероятное дружелюбие и легкость, с какими устанавливались отношения между солдатами.

Автор третьего письма сообщал: „Одна английская рота, выйдя из окопов, предложила стоящим перед ней саксонцам сыграть в футбол. Игра была немедленно организована. Англичане победили, взявши три против двух. Играли со взрывами смеха и с величайшим дружелюбием.

Так прошел весь день рождества. На вопрос одного немца: „Что вы будете делать, если высшее начальство прикажет стрелять по нас, в то время как мы вышли из окопов?", англичанин ответил не задумываясь: „Будем стрелять в воздух, а вы делайте то же самое"...

Английские солдаты добрались даже до самых немецких окопов и провели там несколько часов. Офицер одного из шотландских полков сообщал своим родным в письме от 28 декабря 1914 г.:

„Если вы в день рождества, вспоминая, жалели меня, то жалели совсем напрасно: редко когда я проводил более занятно время."

Мы сидели в окопах. В соседнике у немцев началось веселье. Они начали кричать нам, приглашая выйти и встретиться с ними. Пели, и пели очень недурно. Наши в ответ запели (и очень плохо) „С кем были вы вчера“ и уж конечно „Типерари“. Я к ужасу своему заметил, что некоторые из наших солдат вышли из окопов и направились к немцам. Их более всего побуждало желание посмотреть, что делается в немецких окопах.

На поздороге произошла встреча. Началось взаимное угощение папиросами и сигарами, и в результате (по инициативе и решению отдельных солдат той и другой стороны) установлено было перемирие на 48 часов. Это было вопиющим нарушением всех правил, но таких случаев насчитывается немало в истории балканских да и других фронтов и войн...

Впечатление получилось необычайное.

В первый день рождества было очень туманно. Немцы, выйдя из окопов, пожелали нам „счастливого дня“. Мы тоже вышли. Пришлось однако напомнить им о необходимости поддерживать видимость непрекращающихся военных действий. Они вернулись к себе, но скоро вновь сделали попытку подойти. Тогда мы выстрелили в воздух. Они ответили тем же, чтобы показать, что понимают. Остаток дня прошел на нашем участке фронта спокойно. В других местах братание продолжалось в широких размерах...“.

Бельгийский солдат в свою очередь сообщил в письме, что 24 декабря до самого вечера шла сильная канонада, и затем писал: „Вы думаете, что рождественский праздник в окопах — вещь достаточно-таки скучная, не правда ли? Я рад сообщить вам, что он прошел очень оригинально и был не лишен даже внушительной красоты. Ровно в полночь с нашей стороны прекрасный баритон запел песню. Немедленно канонада и стрельба остановились. По окончании песни с обеих сторон раздались аплодисменты. И вдруг на германских окопах мы увидели громадную надпись, освещенную разноцветными фонариками: „Желаем“ вам счастливого праздника“. Через минуту из германских окопов стали выходить люди с возгласами: „Товарищи! Товарищи!“. Ни один из нас не выстрелил. Мы тоже вышли из своих окопов и оказались разделенными только канавой — озером. Немцы протягивали нам сигары, мы поделились с ними шоколадом. Необыкновенно дружеское настроение царило вплоть до самого утра. Не правда ли, это нечто прямо невероятное? Однако это правда. Я смотрел на все это, как во сне. Немцы предложили не стрелять и не сражаться в течение всего праздничного дня. И так было на самом деле до 8 часов вечера, когда нас сменил новый отряд“.

И бельгийский солдат продолжает: „Разве это не нечто блистательное? Думаете ли вы, что мы были неправы? Нас критиковали потом, но неужели было бы лучше убивать в этот великий праздник? Но разве это не было бы трусостью и малодушием?“

Солдат французского 25-го пехотного полка пишет в письме, помещенном в „Юманите“ 25 августа 1932 г.:

„Декабрь 1914 г., сектор Мон — Сапен — Супир (Эна), занятый 2-й ротой 25-го пехотного полка.

Утром, на рассвете, после нескольких обращений на французском языке из находившейся перед нами в нескольких десятках метров траншеи появилась фигура немецкого солдата. Он без колебаний подошел к нам и принес нам вместе с газетами, папиросами и шоколадом письмо, в котором нам предлагалось перемирие, для того чтобы дать нам возможность унести и похоронить тела наших товарищей. Их много лежало в красных панталонах между проволочными заграждениями: трупы гнили уже более двух месяцев.

Один из нас, пошедший навстречу немцу, обменялся с ним рукопожатием, которое имело значение символа. К тому времени с обеих сторон, с нашей и немецкой, все солдаты вышли из окопов и жестами выражали друг другу свои дружеские чувства; это продолжалось весь день.

Письмо было передано начальником нашей секции в штаб батальона и ответ, требовавшийся по прошествии трех часов, был вручен в точности в срок и при тех же условиях, что утром.

Ответ французских офицеров содержал только оскорбления и категорический отказ пойти на предлагаемое перемирие. Результат был тот, что еще

почти шесть месяцев после этого нам приходилось отправляться по ночам за трупами и с большим риском уносить их от проволочных заграждений.

Изданы были очень строгие приказы вплоть до угроз военным судом, чтобы воспрепятствовать дальнейшим попыткам братания. Несмотря на все это, в нашем секторе за все время нашего пребывания на передовых позициях царило спокойствие: перемирие, молчаливо заключенное с обеих сторон, стало реальностью, его нарушали только наши 75-миллиметровые орудия, которые не прекращали своего грохота, чтобы напомнить о реальности войны".

Второй солдат, другого французского полка, находившегося на другом участке фронта, пишет:

„Это было в декабре 1914 г. в Шампани, у подошвы горы Корнилье, перед деревней Тюизи. Один из наших подошел к немецким окопам и предложил немецким солдатам воздержаться от стрельбы. В эту ночь не было сделано ни одного выстрела. На следующее утро все вышли из окопов. В продолжение двух дней происходило братание французских и немецких солдат".

И наконец третий участник братания, с другого участка французского фронта, писал:

„В декабре 1914 г. 33-й резервный полк находился в окопах первой линии перед Каранси в департаменте Па-де-Кале. Около 18 декабря альпийские стрелки (если не ошибаюсь, 7-й или 8-й батальон) пошли на штурм; он не удался, стрелки были остановлены между обеими линиями окопов огнем неприятельских пулеметов. Восемьсот человек осталось на поле битвы. В течение нескольких дней можно было слышать предсмертный хрип умирающих и крики раненых — многие звали свою мать... оказать им помощь было невозможно, это значило итти на верную смерть: зловещий треск пулеметов не умолкал все время.

Мы, французские солдаты, слышали это и жили в надежде на передышку, которая позволит нам похоронить наших павших товарищей и быть может — слабая надежда! — спасти нескольких раненых.

В канун рождества мы услышали голос впереди наших окопов. Кто-то кричал на чистом французском языке: „Товарищи, вы можете похоронить своих мертвецов, мы гарантируем вам, что не будем стрелять".

Немедленно один из нас, затем два, три, четыре перебрались через бруствер и отправились за трупами. Из находящихся перед нами окопов тоже вышли немецкие солдаты, безоружные, и через несколько минут солдаты и офицеры обеих сторон собрались между линиями наших и немецких окопов.

Между нами произошло братание, и с общего согласия решено было устроить перемирие на сорок восемь часов, в течение которого не должно было быть сделано ни одного выстрела. Я видел, как мой лейтенант, офицер запаса, по профессии учитель, жал руку немецкого фельдфебеля; они обменялись визитными карточками.

Будучи солдатом связи в нашей роте, я просил двух товарищей из связи немедленно предупредить нашу артиллерию о том, что происходит на передовых позициях, и настоять перед нашими товарищами-канонирами, чтобы они не стреляли; они так и поступили. Думаю, что подобные же директивы были даны и с немецкой стороны, так как немецкая артиллерия соблюдала наше соглашение.

Так, в самый разгар войны, люди, которые накануне убивали друг друга, устроили перемирие на 48 часов и братались.

Когда эти факты стали известны в штабе, был отдан приказ об отводе нашего полка (226-й пехотный полк) с передовых позиций, а на следующий день старшие сержанты каждой роты прочитали нам приказ, в котором говорилось: „Солдаты, не следует забывать, что вы находитесь на войне, что немцы — ваши враги и что, если кто-либо из вас будет застигнут при братании с неприятелем, он будет подлежать смертной казни".

Ах, если бы у нас была тогда большевистская партия, возможно, что такие факты участились бы и распространились бы по всей армии. К несчастью, у нас „социалист" Тома был министром военного снаряжения!"

И наконец германский рабочий-металлист по свежим следам рассказывал о братании: „...Я вспоминаю, как вели себя товарищи в окопах в рождественскую ночь. Они не сделали ни одного выстрела отнюдь не из религиозных побуждений, а исключительно из отвращения к этому истреблению народов. И если бы не последовали драконовские репрессии со стороны военных властей, то мы ведь все хорошо знаем, что наши товарищи, сражающиеся в настоящее время как враждующие друг с другом братья, уже давно заключили бы между собой мир". — 253.

[33] Инцидент Барту — Фабр произошел 17 марта 1914 г. в связи с оглашением с парламентской трибуны бывшим председателем совета министров Луи Барту протокола прокурора республики Фабра. Политическая подкладка выступления Барту, добившегося незадолго до того проведения непопулярного закона о трехгодичной военной службе, состояла в желании дискредитировать бывшего председателя совета министров и министра финансов Жозефа Кайо, против которого как раз в это время велась ожесточенная кампания реакционной печати во главе с газетой „Figaro" за якобы примирительную политику по отношению к Германии в его бытность председателем совета министров и за неоднократные попытки провести законы по обложению капиталов, перешедших по наследству. Сущность самого инцидента, его политическое значение довольно правильно описал царский посол Извольский в депеше от 26 марта:

„Ожесточенная кампания, предпринятая на страницах „Figaro" г. Кальметтом против министра финансов г. Кайо, как я писал вам, повидимому не особенно озабочивала последнего, который ограничивался от времени до времени простым отрицанием возводимых на него обвинений. Тем сильнее поразило всех распространившееся с быстротою молнии по городу вечером 16/3 марта известие, что в тот же день супруга министра финансов г-жа Кайо, явившись в редакцию „Figaro" и быв принята г. Кальметтом, пятью выстрелами из браунинга смертельно ранила последнего. Преступница, сохранившая поразительное самообладание, заявила, что поступок ее объясняется выяснившейся для нее невозможностью добиться во Франции иным путем правосудия. Она была арестована и после краткого допроса в полицейском комиссариате водворена в тюрьму Сен-Лазар. В тот же день стало известно, что г. Кайо, глубоко потрясенный происшедшим, представил председателю совета свою отставку.

На следующий день в палате депутатов произошло знаменательное заседание. Следует припомнить, что в числе возведенных г. Кальметтом на г. Кайо обвинений одно касалось давления, которое по наущению г. Кайо в 1911 г. было произведено тогдашним председателем совета (ныне морским министром) г. Моницом на прокуратуру, чтобы добиться отсрочки суда над известным банкиром Рошеттом, прославившимся своим грандиозным мошенничеством и поныне находящимся в бегах. По этому поводу ходили глухие толки о существовании будто бы особого по сему предмету мемуара, составленного генерал-прокурором г. Фабром, но где именно находится этот документ, оставалось неизвестным.

Правый депутат г. Делахе в горячей речи обрушился на г. Кайо и потребовал от присутствовавшего в заседании г. Моница категорического ответа, было ли, — да или нет, — произведено им давление на генерал-прокурора. Г-н Моніс долго отмалчивался, но, побуждаемый негодующими кликами центра и правой и после краткого обмена словами с г. Думергом, встал и заявил, что все это неправда. За ним на кафедру вышел сам председатель совета и в резких словах обрушился на оппозицию за ее ни на чем не основанные нападки на членов кабинета. Каково же было общее изумление, когда вслед за этим на кафедре появился бывший председатель совета г. Барту и после краткого вступления извлек из бокового кармана своего сюртука знаменитый мемуар прокурора Фабра. Последний в нем категорически утверждает, что он был дважды вызван Моницом, который по желанию г. Кайо отдал ему приказание убедить председателя суда отложить процесс Рошетта. Боясь за свою карьеру, Фабр после мучительной нравственной борьбы подчинился этому приказанию и известил об этом г. Моница. „Председатель совета показался мне очень довольным, я же

был гораздо менее доволен. В жизни моей я еще не переживал подобного унижения", — заканчивает свой доклад генерал-прокурор.

Оглашение означенного документа после категорического отрицания г. Моницом своего вмешательства в дело Рошетта произвело на палату впечатление громового удара. Из дальнейшей речи г. Барту выяснилось, что предъявленная им палате копия с мемуара г. Фабра была вручена последним г. Бриану в бытность его министром юстиции в кабинете Пуанкаре и им передана своему преемнику Барту. Последний же признал этот документ имеющим скорее частный, чем официальный характер, и потому не передал его своему преемнику, а сохранил у себя. Объяснения эти вызвали бурные нападки друзей гг. Кайо и Моница, обвинявших г. Барту в краже официального судебного документа и использовании его в своих партийных целях. Затем произошло общее смятение, и среди негодующих кликов не только правой и центра, но и крайних социалистов, один из последних, г. Марсель Самба, охарактеризовал все происшедшее словами: „Это нравственная ликвидация режима..."

Г-н Моницо подал в отставку, и комиссия под председательством г. Жореса приступила к своим занятиям...

Впечатление, произведенное всеми описанными выше событиями, следует признать громадным и едва ли меньшим того, которое в свое время произвело знаменитое письмо Эмиля Золя о дрейфусовском деле, известное под названием „J'accuse". — 255.

[34] *Разоблачения Джиолитти.* 6 декабря 1914 г. премьер-министр Саландра огласил в итальянской палате депутатов правительственную декларацию, в которой была опять подтверждена мысль, что Италия не была обязана вступить в войну на стороне Австро-Венгрии, так как Тройственный союз предусматривал оказание помощи подвергшейся нападению союзнице, Австрия же первая напала на Сербию и является нападающей, а не оборонающейся стороной. Во время обсуждения правительственной декларации выступил бывший премьер-министр германофил Джиолитти с сенсационными разоблачениями о планах Австро-Венгрии напасть на Сербию в августе 1913 г., которые разбились об отказ Италии поддержать свою союзницу. В доказательство воинственных намерений Австрии Джиолитти прочел две телеграммы, которыми он обменялся 9 августа 1913 г. с министром иностранных дел Сан-Джулиано. Последний телеграфировал Джиолитти: „Австрия сообщает нам и Германии свое намерение выступить против Сербии и придать своему выступлению характер оборонительный в надежде применить к нему „casus foederis" Тройственного союза, по моему мнению не применимый. Я намерен согласовать с Германией усилия, чтобы помешать выступлению Австрии, но может быть будет нужным ясно высказать ей, что мы не признаем за таким действием оборонительного характера и поэтому отказываемся видеть в нем „casus foederis". Джиолитти, находившийся вне Рима, ответил: „Если бы Австрия выступила против Сербии, то очевидно никакого „casus foederis" тут быть не может, она будет действовать на собственный страх; об обороне и речи быть не может, ибо никто не помышляет нападать на Австрию. Нужно ей это высказать самым положительным образом, и желательно, чтобы Германия отсоветовала Австрии пускаться в такую опаснейшую авантюру". — 262.

[35] *Бывший военный министр Мессими* не мог себе впоследствии простить совершенную им в 1911 г. ошибку, состоявшую в назначении генерала Жоффра начальником генерального штаба, что автоматически делало его главнокомандующим во время войны. У правительства было два кандидата — Галлиени и Жоффр. Чашка весов склонилась в пользу второго, так как он был несколько моложе Галлиени. Находясь с конца августа 1914 г. на фронте в качестве боевого офицера, Мессими на собственном опыте испытал совершенную им ошибку. Бездарность и тугодумие Жоффра и введенные им диктаторские порядки на фронте, мертвая рутина, фаворитизм в выдвижении бездарных офицеров на командные посты, устранение от командования всех даровитых офицеров, которые имели несчастье не соглашаться с бессмысленными распоряжениями, возмущали всех здравых наблюдателей на фронте, в том числе и Мессими. Вот что генерал Галлиени записал в свой дневник 15 июня 1915 г. о встрече с Мессими:

„Мессими мне сказал: „Когда я думаю о пережитых мною в июле и августе днях и принятых мною в то время решениях, мне кажется, что я не мог бы действовать иначе, если бы мне пришлось начать сызнова. Генеральный штаб доказал полное отсутствие предусмотрительности, а именно: он допустил самую грубую стратегическую ошибку, какую только можно себе представить, сконцентрировав все свои силы на правом фланге и не предусмотрев немецкого наступления через Бельгию и через северную часть Франции. Это до такой степени верно, что когда я подписывал основные документы относительно открытия военных действий, я видел, что почти весь север Франции был отнесен к внутренней зоне, т. е. что он будет вне зоны действий армий! Это объясняет ту легкомысленную оплошность, в результате которой были оставлены немцам такие пункты, как Лилль, Арменгтиер и др.

Я постоянно упрекаю себя в том, что 28 июля 1911 г. я назначил генералиссимусом генерала Жоффра вместо генерала Галлиени. Но в то время я хотел назначить генерала, который мог бы еще долгое время выполнять функции начальника генерального штаба, тогда как Галлиени оставалось всего-навсего тридцать три месяца (до предельного 65-летнего возраста. — *Ред.*).

В настоящий момент чувствуется, что командования нет, что командующие армией лишены инициативы, воля отсутствует и, несмотря на это, тронуть главнокомандующего нельзя. Его имя окружено сказочным ореолом, который нельзя уничтожить без ущерба для морального состояния народа. Самая большая услуга, которую Жоффр мог бы оказать теперь своей стране, это сломать себе ногу. Что касается боевых припасов, то спустя несколько дней после объявления войны я созвал управляющих заводами и специально „Комите де форж“ и сказал им, что мы рассчитываем на их содействие и что в случае необходимости мы заставим их производить боевые припасы. Я помню, что в особенности я настаивал по этому поводу перед г-ном Рено. Я передал этих господ в ведение генерала М... Но он (умышленно или нет) не сумел использовать и организовать синдикат. И только после большого сражения на Марне военное ведомство увидело, что это дело требует его вмешательства. В отношении тяжелой артиллерии интересно познакомиться с заседанием высшего военного совета, на котором рассматривался этот вопрос. Чтобы отвечать на огонь германских гаубиц, от артиллерийского управления потребовали гаубиц приблизительно такого же типа. Оно обещало удовлетворить это требование, но к моему удивлению нам преподнесли длинное орудие калибра 105, которое не могло полностью соответствовать намеченной цели“. — 304.

[36] *Беседа Николая II с Палеологом происходила во время новогоднего приема дипломатического корпуса в Царском Селе* (14 января 1915 г.). Согласно передаче Палеолога она имела следующее содержание: „Когда он подходит ко мне, я приношу ему мои поздравления, подкрепляя их утешительными уверениями, которые генерал Жоффр просил меня передать великому князю Николаю. Я прибавляю, что в своем недавнем заявлении в палатах правительство республики торжественно провозгласило о своем решении продолжать войну до крайности и что это решение гарантирует нам окончательную победу. Император отвечает мне:

„Я читал это заявление вашего правительства и приветствовал его от всего сердца. Мое решение не менее твердо. Я буду продолжать войну так долго, как только будет нужно, чтобы обеспечить нам полную победу... Вы знаете, что я посетил мою армию: я нашел ее превосходной, полной рвения и пыла; она только и хочет, что сражаться, она уверена в победе. К несчастью, недостаток в боевых припасах задерживает наши действия. Необходимо подождать некоторое время. Но это — только кратковременная задержка, и общий план великого князя Николая Николаевича никоим образом от этого не будет изменен. Как только будет возможно, моя армия вновь перейдет в наступление, и до тех пор, пока наши враги не попросят пощады, она будет продолжать борьбу... Путешествие, которое я только что совершил через всю Россию, показало мне, что я нахожусь в душевном согласии с моим народом“.

Я благодарю его за эти слова. После минутного молчания он выпрям-

ляется и голосом дрожащим, полным беспокойства, которого я у него не знал, произносит:

„Я хочу еще сказать вам, господин посол, что мне не безызвестно о некоторых попытках, которые делались даже в Петрограде, распространить мысль о том, будто я упал духом и не верю больше в возможность сокрушить Германию, наконец будто я намереваюсь вести переговоры о мире. Эти слухи распространяют негодяи, германские агенты. Но все, что они могли придумать или затеять, не имеет никакого значения. Надо считаться только с моей волей, и вы можете быть уверены, что она не изменится". — 305.

[37] 22 января 1915 г. Бенедикт XV опубликовал послание к верующим и особую молитву о „ниспослании скорейшего мира смущенной войною Европе". Папа предписал всему клиру прочитать послание и молитву при особо торжественном богослужении 7 февраля в Европе и 21 марта вне Европы. Толкование этого послания вызвало инциденты в некоторых воюющих странах. По поводу инцидента с папским посланием во Франции царский посланник при Ватикане сообщил 4 января 1915 г. следующий любопытный факт:

„Ваше высокопревосходительство вероятно уже осведомлены об инциденте, происшедшем по поводу папской молитвы во Франции.

Под влиянием повидимому радикалов, стремящихся противодействовать усиливающемуся во Франции католическо-религиозному движению, правительство запретило было публикование и распространение декрета и молитвы, усмотрев в почине папы воздействие на политическое настроение населения и вмешательство во внутренние дела государства. Но более умеренные элементы общественного мнения тотчас же выразили мысль, что авторитетными истолкователями стремлений папы являются прежде всего епископы и что следует подождать, чтобы они высказались по этому вопросу.

Кардинал Аметт, архиепископ парижский, не замедлил в пастырском послании разъяснить, что под миром, о коем молит папа, вовсе не надо непременно разуметь мира немедленного, во что бы то ни стало, мира ради мира, а мира как нормы человеческого бытия, мира прочного и долговечного. А такой мир может быть основан только на справедливости и взаимном уважении и признании взаимных прав; а потому, прося о нем, всякий верующий волен понимать его как осуществление стремлений именно своей родины и государства, к которому он принадлежит.

В этом же смысле высказались и прочие французские епископы, так что запрещение, наложенное правительством на декрет, было сейчас же снято.

Посетивший меня вчера епископ ницкий монсиньор Шапен сообщил мне, что папа, сначала очень смущенный поступком французского правительства и посетовавший, что этим может быть нанесен удар успокоительному течению во Франции, в продолжение разговора вполне согласился с доводами епископа, что-де толкования местных пастырей на тему папской молитвы должны итти несколько далее, чем поневоле общие выражения основного текста, и должны вкладывать в них именно тот смысл, который наиболее по сердцу их пастве. А кардинал статс-секретарь, беседуя на ту же тему, сказал ему прямо: „Ну да, это вам, гг. епископы, надлежит поставить точки над и".

Вследствие вышесказанного самое торжественное чтение папской молитвы едва ли может вызвать где-либо какие-нибудь инциденты". — 314.

[38] *Разрыв дипломатических отношений между Ватиканом и Французской республикой произошел 29 июля 1904 г.*, в разгар ожесточенной борьбы радикального министерства Комба за проведение в жизнь законов против религиозных конгрегаций, за упрочение светской школы и за отделение церкви от государства. Формальным поводом к разрыву послужил ответный визит президента республики 24—29 апреля 1904 г. королю Виктору-Эммануилу в Риме, который явился определенным этапом в итало-французском сближении. 28 апреля кардинал статс-секретарь Мерри дель Валь передал французскому послу при Ватикане бестактную ноту протеста, в которой он от имени Пия X протестовал против визита Лубе итальянскому королю, „узурпатору светской власти" папы, рассматривая это как оскорбле-

ние святого отца. Французское правительство дало 6 мая очень сухой ответ на папскую ноту, отвергнув притязания папы на вмешательство во внешнюю политику Франции. 17 мая Жорес напечатал в „Юманите" полностью папскую ноту от 28 апреля, что вызвало бурю негодования против Ватикана во всех кругах общества, кроме клира и реакционеров. В июне конфликт между французским правительством и Ватиканом обострился из-за вмешательства папского нунция во внутренние дела республики. Он обратился непосредственно к двум епископам из Лаваля и Дижона с приказами и замечаниями Ватикана, каковое обращение противоречило существовавшему конкордату. Невзирая на резкий протест французского правительства, Ватикан приказал 18 июля обоим непокорным епископам явиться в Рим для представления оправдательных данных перед святым трибуналом. 29 июля 1904 г. французское правительство порвало дипломатические отношения с Ватиканом, которые были восстановлены лишь в 1920 г., во время президентства Александра Мильерана. — 314.

[39] *План Ллойд-Джорджа* был изложен в поданном им правительству меморандуме 1 января 1915 г. и состоял в следующем:

1) Западный фронт окончательно застыл в окопной войне. Прорвать его при настоящих условиях нет никакой возможности ни для немцев, ни для французов и англичан. Все бои ведут к беспощадным потерям. Чтобы продвинуться несколько вперед, необходимо бросить еще полмиллиона людей, но и этот успех не решит судьбы кампании. На западе создался тупик. Необходимо искать выхода в другом месте, ничем не рискуя на западе, придерживаясь активной обороны. 2) Необходимо заставить неприятеля сражаться в невыгодном для него месте и кончить войну быстро, так как „существует реальная опасность, что народы Великобритании и Франции устанут от длинных списков потерь и однообразных и банальных телеграмм из генерального штаба... с тем результатом, что мы не продвинулись ни на шаг после многих недель упорных боев... Только определенная и решительная победа, которая выразится в захвате неприятельских орудий и пленных, в занятии больших пространств неприятельской территории, сможет убедить народ в том, что великие жертвы, которые он приносит, приводят к ощутительным результатам. Только такая победа может убедить нейтральные государства в том, что для них наконец вполне безопасно связать свою судьбу с нами". 3) Исходя из предыдущего, Ллойд-Джордж предлагал, чтобы новые английские армии выступили вместе с сербами, греками и румынами против Австрии. Для этой цели он предлагал организовать армию из 1 400—1 600 тысяч человек, в том числе 600 тысяч англичан. 4) Выступление объединенных армий заставит а) быстро определить позицию Италии и Болгарии, б) оттянуть австрийские войска с русского фронта, в) снять германские войска на западном фронте для защиты Силезии. 5) Одновременно с операциями против Австрии и прочным овладением Балканским полуостровом план Ллойд-Джорджа предусматривал военные операции против Турции небольшими войсковыми массами недалеко от морского побережья и на большом расстоянии от ее баз.

И победитель на Марне Галлиени в один и тот же день, 1 января 1915 г., сделал почти такое же предложение председателю совета министров Вивиани, о котором секретарь Галлиени записал следующее:

„Участие Франции в войне на востоке, вмешательство одной из наших армий в военные действия на балканском фронте — вот вопросы, которые интересовали его больше всего... Он ожидал от этого участия последствий, которых в то время никто не предвидел.

С 1914 г. французская экспедиция на Балканы могла и должна была принести нам счастливое разрешение вопроса — единственное разрешение, которое позволило бы быстро привести войну к победному концу. Галлиени жаловался на то, что нельзя было прорваться на западном фронте. Это было доказано нам германским наступлением на Изере, предпринятым в исключительно благоприятных условиях и тем не менее неудачным. Поэтому нам следовало найти другой путь — на восток. Взять Константинополь, но как? Нам необходимы гавань, набережные, чтобы высадить войска, и железная дорога, чтобы отправлять их. Поэтому надо воспользоваться Салониками. Через Салоники на Константинополь, затем дви-

гаться вверх по Дунаю с балканскими народами, которые присоединятся к нам.

Таким путем был бы разрешен важный хлебный вопрос. Румыны и даже русские, порты которых мы таким образом открыли бы, не были бы вынуждены продавать хлеб по ничтожной цене Германии и таким образом снабжать ее".

„Таков был мой план, — писал Галлиени. — Я посетил Бриана, который отправился на совещание с Жоффром. Жоффр сказал: „Это — личное честолюбие Галлиени, который хочет получить в свои руки командование. Я не дам ни одного солдата. Зачем искать вдалеке, вне Франции, то, чего я добьюсь здесь в марте (1915 г.). Я уверен, что мы прорвемся и заставим немцев убраться к себе домой".

Мы говорили по поводу этого плана с англичанами, которые с ним согласились. Этот вопрос был весьма тщательно изучен здесь и нашими союзниками. Именно вследствие сопротивления Жоффра англичане решили, по мысли руководителей их флота, взять Константинополь с моря, и французы последовали за ними".

Такого же мнения придерживались и французские генералы — Франше д'Эсперэ, Саррайль и Кастельно.

План Ллойд-Джорджа и Галлиени имел защитников в лице Пуанкаре, Бриана, Альбера Тома и других членов кабинета. Решительными хулителями его были Жоффр и Мильеран, которые одержали верх. — 316.

[40] *Посылка в Сербию русских войск долго обсуждалась,* начиная с января 1915 г., между ставкой и министерством иностранных дел, но она так и не состоялась. Штаб верховного главнокомандующего недооценивал балканского фронта, считая его „второстепенным". Вначале хотели послать один казачий полк, затем ополченскую бригаду для „моральной поддержки" сербов, но и из этой затеи в 1915 г. ничего не вышло. — 327.

[41] *31 июля 1914* г. Пуанкаре обратился со следующим личным письмом к английскому королю Георгу V:

„Дорогой и высокий друг! Ввиду той тяжелой обстановки, в которой находится Европа, я считаю необходимым непосредственно сообщить вашему величеству те известия, которые получены из Германии правительством республики. Военные приготовления, которые предприняты императорским правительством, особенно в непосредственной близости к французской границе, с каждым днем приобретают все бо́льшую интенсивность и все бо́льшие размеры. Франция, решившая сделать все, что от нее зависит, чтобы сохранить мир, до сего времени ограничивалась наиболее необходимыми мерами предосторожности. По повидимому ее благоразумие и умеренность усиливают агрессивность Германии. Благодаря этому мы находимся быть может, несмотря на осторожное поведение правительства республики и полное спокойствие общественного мнения, накануне ужасных событий.

По всем известиям, которые мы получаем, можно думать, что если бы Германия имела уверенность, что английское правительство не вмешается в конфликт, в который вовлечена Франция, война была бы неизбежна, и что, наоборот, если бы Германия была уверена, что entente cordiale было бы подтверждено в худшем случае совместным выступлением Англии и Франции на поле сражения, это явилось бы большой гарантией того, что мир не будет нарушен.

Правда, наши военные и морские соглашения предоставляют полную свободу действия правительству вашего величества, и в письмах, которыми обменялись в 1912 г. сэр Эдуард Грей и Поль Камбон, Англия и Франция взаимно обязались начать переговоры в случае европейского конфликта и вместе притти к согласованию вопроса об их совместном действии.

Но взаимное понимание, которое существует в общественном мнении обеих стран в вопросе о соглашении Англии и Франции, то взаимное доверие, с которым наши оба правительства не переставали работать на пользу сохранения мира, та симпатия, которую ваше величество всегда выражало Франции, — все это позволяет мне осведомить вас с полной откровенностью о моих впечатлениях, которые одинаково общи правительству республики и всей Франции.

Этим обусловливалось, я думаю, поведение английского правительства, которое стремится сделать последние возможные попытки найти пути к мирному разрешению конфликта.

Мы сами с самого начала кризиса рекомендовали нашим союзникам сохранять умеренность, от которой они не отступали. В полном согласии с королевским правительством и с последними предложениями сэра Эдуарда Грея мы будем продолжать итти по тому же самому пути. Но если все попытки к соглашению будут отвергнуты и если Германия и Австрия попытаются спекулировать на отсутствии решения со стороны Англии, требования Австрии останутся непоколебимыми и соглашение между нею и Россией сделается невозможным.

Я имею глубокую уверенность в том, что в этот час чем больше Англия, Франция и Россия дадут пример единства в их дипломатических усилиях, тем больше можно будет рассчитывать на сохранение мира.

Ваше величество извинит мне этот шаг, который вызван единственным желанием видеть окончательно укрепленным европейское равновесие.

Я прошу ваше величество верить в мои самые сердечные чувства. Раймонд Пуанкаре".

На это письмо Георг V ответил также личным письмом, подписанным 1 августа в Букингемском дворце и отправленным в Париж на второй день, следующего содержания:

„Дорогой и высокий друг. Я очень высоко ценю те чувства, которые вы выразили мне столь сердечно и дружески, и я очень признателен вам за то, что вы высказали свою точку зрения так полно и так откровенно. Вы можете быть уверены, что настоящее положение в Европе является для меня причиной большой заботы, и я счастлив думать, что наши оба правительства столь дружественно работали вместе, чтобы попытаться изыскать мирное разрешение спорных вопросов. Для нас это явилось бы источником истинного удовлетворения, если наши соединенные усилия достигнут цели, и я еще не теряю надежды, что страшные события, которые кажутся столь близкими, могут быть избегнуты. Я удивляюсь той сдержанности, с которой вы и ваше правительство воздерживаетесь предпринимать на границе вынужденные военные меры и занимаете позицию, которая не может ни в коем случае быть рассматриваема как вызов. Я лично делаю все усилия перед русским и германским императорами, чтобы найти какое-нибудь средство, с помощью которого нынешние военные мероприятия могли бы быть во всяком случае отложены и через некоторое время представлены на спокойное рассмотрение державами. Я намереваюсь продолжать эти усилия, не прерывая их, настолько долго, пока останется надежда на возможность полюбовного соглашения. Что касается линии поведения моей страны, то события идут столь быстро, что совершенно невозможно предвидеть их будущее развитие. Но вы можете быть уверены, что мое правительство будет обсуждать откровенно с Камбоном все, что может представить интерес для наших обеих наций. Прошу считать меня, г. президент, вашим искренним другом. Георг. Король-император". — 328.

[42] *Избрание Пуанкаре в президенты республики в январе 1913 г.* происходило в атмосфере ожесточенной партийной борьбы на фоне обострившихся внутренних и международных противоречий, которые вскрыла балканская война. На очереди дня стояли проведение трехлетнего срока службы, борьба с рабочим движением, подавление пацифистских тенденций, нашедших яркое выражение в целом ряде фактов и общественных явлений, как конгресс французских и германских парламентариев в Швейцарии и т. д. Все левые группы с Клемансо во главе объединились вокруг Памса и против кандидатуры Пуанкаре. На трех последовательных предварительных голосованиях распределение голосов было таково: за Пуанкаре — 180, 272 и 309, за Памса — 174, 283 и 223. Накануне окончательных выборов Пуанкаре посетила делегация политических деятелей в составе Клемансо, Комба, Кайо, Рену, Оганьера, Клеманталя, Рено и Мониса, требуя от него отказа от своей кандидатуры. Клемансо при этом заявил: „Республиканское большинство наметило кандидата. Вы можете быть избранным завтра только при помощи голосов правых. Мы пришли потребовать от вас подчинения дисциплине и отказаться в пользу Памса". Пуанкаре не подчинился „ре-

спубликанской дисциплине" и получил при окончательных выборах из 872 голосовавших 429 голосов, а Памс — 327. При перебаллотировке, так как он не получил абсолютного большинства, Пуанкаре получил 483 голоса, а Памс — 296. Таким образом он был избран консервативными элементами, правыми и католиками. — 330.

[43] *Дарданельской операцией* принято называть действия англо-французского флота в феврале — апреле 1915 г. с целью форсирования Дарданельского пролива и действия сухопутных английского и французского экспедиционных корпусов на полуострове Галлиполи и на малоазиатском берегу пролива в апреле — декабре 1915 г. Вся дарданельская операция в целом явилась плодом легкомысленной непродуманности, противоречивых интересов отдельных союзников, несогласованности главных союзных штабов, своекорыстных, эгоистических интересов военных и морских ведомств союзников. Однако до того как окончательно остановились на форсировании Дарданелл с моря, союзники рассматривали еще один план овладения Дарданеллами и столицей Турции. Этот план с военной точки зрения был наиболее продуманным, обеспеченным и реальным. Греция предлагала выступить со всей своей армией против Турции, требуя взамен поддержки союзников и определенных политических, территориальных и финансовых гарантий. Греческому плану, которому союзники симпатизировали, воспротивилась Россия. Она не хотела, чтобы греки вошли в Константинополь, когда она сама занята по горло с Германией и Австро-Венгрией и не может послать в Босфор своей армии.

После того как этот план и план Ллойд-Джорджа (см. прим. 39) были отвергнуты, получил первенство план Черчилля по форсированию дарданельских укреплений с моря. И этот план в первоначальном своем виде предусматривал комбинированные действия флота и сухопутной армии на Галлиполи и на азиатском побережье пролива. Ввиду отказа Жоффра и Китченера дать сухопутные войска было решено прорваться в Мраморное море силами флота, а затем уже подвезти войска. Морские специалисты говорили, что без пехоты эта операция рискованна.

Неохотно брались за дело и те адмиралы, которым это было поручено, и они проводили операцию с крайней медлительностью, дав туркам и немцам возможность стянуть силы и приготовиться для отпора. Первая бомбардировка союзным флотом дарданельских фортов произошла 19 февраля 1915 г. 25 февраля бомбардировка была возобновлена. Высадившиеся 26 февраля небольшие десанты для уничтожения промежуточных укреплений не нашли турок. В то время как турецкие гарнизоны удалились в глубь полуострова, союзный флот почти бездействовал. Мины в проливе не были выловлены. 18 марта бомбардировка вновь началась. Огонь с судов разрушил береговые укрепления и заставил турецкую артиллерию замолчать, союзная эскадра проложила себе путь через пролив. Во время самого боя не замеченное союзным флотом турецкое судно расставило опять мины, жертвами которых сделались крупные боевые суда „Буве", „Океан" и „Непреодолимый". Три других судна были серьезно повреждены. Таким образом одна треть эскадры выбыла из строя. Однако потери турок и немцев были так велики, материальная часть разрушена и настроение настолько подавлено, что союзному флоту было вполне под силу овладеть проливами. Адмирал Робек был другого мнения. Он сообщил 23 марта в Лондон, что без сухопутной армии бесцельно продолжать борьбу. В адмиралтействе с ним согласились, кроме Черчилля, который не мог переубедить специалистов. Пока англичане и французы готовили сухопутную экспедицию, немцы принялись за организацию Галлиполийского полуострова и азиатского побережья пролива. Во главе турецкой армии был поставлен генерал Лиман фон Сандерс, который воскликнул, приехав на Галлиполи: „Если бы только англичане оставили меня в покое на восемь дней!" Не тревожимый англичанами целый месяц, Сандерс сумел организовать оборону Дарданелл. Когда англичане начали 25 апреля высаживать свои десанты на обоих берегах Дарданельского пролива, то турки уже имели превосходящие их силы. Борьба продолжалась с переменным успехом. Англичане и французы потерпели неудачу благодаря близорукости верховного командования обеих армий и их политических руководителей.

Борьба между „западниками“ и „восточниками“ кончилась в пользу первых. Жоффр и Френч не хотели расстаться ни с одной дивизией на западном фронте, хотя они там были совершенно бесполезны. Удачен в этом отношении приговор официального английского историка генерала Аспиналь-Огландера: „Операции на западном фронте были рискованной игрой со ставкой в фунты стерлингов ради выигрыша пенсов, а на востоке ставить надо было пенсы ради нисколько не преувеличенных надежд выиграть фунты“. Потеряв больше 100 тысяч убитыми, ранеными и больными малярией, союзники начали очищать Галлиполи в ноябре 1915 г. и перевезли остаток армии в декабре в Салоники. Вернулись к плану Ллойд-Джорджа, когда весь Балканский полуостров уже находился в руках Германии и ее союзников. — 335.

[44] *Разговор Вильгельма II и генерала Мольтке с бельгийским королем Альбертом в Потсдаме в начале ноября 1913 г.* Об этом важном разговоре французский посол в Берлине Жюль Камбон сообщил министру иностранных дел Пишону 22 ноября того же года следующее:

„Из абсолютно верного источника я получил сведения о беседе, которую император недели две тому назад имел с бельгийским королем в присутствии начальника генерального штаба генерала Мольтке. Беседа сильно поразила короля Альберта. Я ничуть не удивлен впечатлением, которое она произвела на него; с некоторых пор я сам испытываю то же самое: неприязнь по отношению к нам обостряется, и император перестал быть сторонником мира. Собеседник германского императора до сих пор думал, как и все, что настроение Вильгельма II, личное влияние которого не раз сказывалось в критические моменты в пользу поддержания мира, было неизменно. На этот раз он нашел его совершенно изменившимся. Император Германии не является больше, по его мнению, поборником мира против воинственных тенденций некоторых партий в Германии. Вильгельм II считает теперь, что война с Францией неизбежна и что рано или поздно придется воевать. Он конечно верит в подавляющее превосходство германской армии и в ее безусловный успех.

Генерал Мольтке говорил точно так же, как его государь. Он тоже заявил, что война необходима и неизбежна, но он высказал еще большую уверенность в успехе, „потому что, сказал он королю, на этот раз с этим нужно покончить, и ваше величество не представляет себе тот неотразимый энтузиазм, который увлечет в решительный день весь германский народ“. Бельгийский король возразил, что расценивать таким образом намерения французского правительства значит искажать их и составлять себе ложное представление о чувствах французского народа, на основании поступков отдельных личностей с неуравновешенной психикой или бессовестных интриганов. Император и начальник генерального штаба остались тем не менее при своем мнении. Впрочем в течение всей беседы император казался утомленным и раздражительным.

По мере того как Вильгельм II стареет, он больше поддается влиянию семейных традиций, реакционных настроений двора и в особенности нетерпеливых стремлений военных кругов. Может быть он испытывает нечто вроде зависти к популярности, приобретенной его сыном, который поощряет стремления пангерманцев и считает, что положение империи в мире не соответствует ее могуществу. Может быть ответ Франции на последнее увеличение германской армии, имевшее целью установить бесспорное превосходство Германии, является до некоторой степени причиной этого раздражения, потому что ясно чувствуется, — что бы об этом ни говорили, — что дальнейшее соревнование едва ли возможно.

Позволительно задать себе вопрос, в чем заключается сущность этой беседы. Император и его начальник генерального штаба могли иметь целью произвести впечатление на бельгийского короля и побудить его не оказывать сопротивления в случае конфликта между Германией и нами. Может быть они хотели бы также, чтобы Бельгия менее враждебно относилась к здешним притязаниям на Бельгийское Конго, но мне кажется, что это последнее предположение не вяжется с выступлением генерала Мольтке.

Впрочем, император Вильгельм не владеет собой так, как об этом принято думать. Несколько раз в моем присутствии у него вырывались

затаенные мысли. Какова бы ни была цель беседы, содержание которой было мне сообщено, это сообщение носит характер величайшего значения. В нем отражаются непрочность общего положения и настроение некоторой части общественного мнения во Франции и в Германии. Если бы я позволил себе сделать отсюда вывод, я бы сказал, что нам следует учесть это новое обстоятельство, что император свыкается с тем порядком мыслей, которому прежде он противился, и что мы должны, выражаясь его языком, держать порох сухим". — 337.

[46] *Предложение России сепаратного мира со стороны Австро-Венгрии и Германии.* Первым из установленных до сих пор посредников сепаратного мира был датский советник Андерсен, посланный в Петербург в первой половине марта 1915 г. Миссия Андерсена не имела успеха. В это же время была предпринята и другая попытка отрыва России от ее союзников. В поденной записи министерства иностранных дел от 28 марта о ней сказано следующее: „20 марта шведский посланник привез барону Шиллингу полученный им из Стокгольма пакет, заключавший письмо на имя государыни императрицы Александры Федоровны от М. А. Васильчиковой. Как оказалось впоследствии, в это письмо было вложено другое, также от М. А. Васильчиковой, на имя государя императора, который 28 марта переслал таковое министру иностранных дел.

М. А. Васильчикова, оставшаяся во время войны в своей вилле Клейн-Вартенштейн на Земмеринге в Австрии, писала его величеству, что ее посетили три влиятельных лица (два немца и один австриец), которые, указав ей на тяжелое положение, в котором благодаря войне очутились Германия и Австрия, а также ссылаясь на отсутствие в этих странах враждебного отношения к России, просили ее обратиться к государю императору, миролюбие которого общеизвестно, и умолить его прекратить губительную войну, ввиду того что в Германии и Австрии уже вполне убедились в силе русского оружия. В случае благосклонного отношения его величества к таковому ходатайству уполномоченные от Австрии, Германии и России могли бы съехаться где-нибудь в нейтральном государстве, причем Россия могла бы рассчитывать на весьма примирительное отношение к ее пожеланиям. Повидимому не сознавая действительного положения вещей, М. А. Васильчикова прибавляет, что Германия и Австрия, по словам ее осведомителей, готовы обеспечить России свободный проход через Дарданеллы".

30 марта Васильчикова отправила тем же путем, т. е. через германское посольство, второе письмо Николаю II, в котором предлагались России, по поручению германского и австрийского правительств, всевозможные выгоды, в том числе Константинополь и проливы за отход от Антанты. На оба письма не было дано ответа.

Через месяц, 30 апреля, б. императрица Александра Федоровна писала Николаю Романову: „Я получила длинное милое письмо от Эрни... Он стремится найти выход из этой дилеммы и полагает, что кто-нибудь должен был бы начать строить мост для переговоров. У него возник план послать частным образом доверенное лицо в Стокгольм, которое встретилось бы там с человеком, посланным от тебя (частным образом), и они могли бы помочь уладить многие временные затруднения. План его основан на том, что в Германии нет настоящей ненависти к России. Эрни послал уже туда к 28-му (два дня тому назад, а я узнала об этом только сегодня) одно лицо, которое может пробыть там только неделю. Я немедленно написала ответ (все через Дэзи) и послала этому господину, сказав ему, что ты еще не возвращался и чтобы он не ждал, и что хотя все и жаждут мира, но время еще не настало... В. конечно ничего абсолютно не знает".

Упоминаемые в письме: Эрни — великий герцог гессенский Эрнст-Людвиг, брат Александры Федоровны; Дэзи — наследная шведская принцесса Маргарита, урожденная принцесса английская; В. — Вильгельм II. В это же приблизительно время германские круги, добивавшиеся сепаратного мира с Россией, командировали в Стокгольм доверенное лицо со специальной постоянной миссией на случай, „если любезности начнутся со стороны казаков". — 342.

[46] *8 июня 1914 г.*, после неудачной попытки Вивиани составить министерство, Пуанкаре поручил Рибо составить кабинет. Рибо составил свое правительство из умеренно республиканских и консервативных элементов. В него вошли такие известные политики, как Леон Буржуа, Делькассе, Жан Дюпюи, Шотан и др. 12 июня правительство предстало перед палатой депутатов и сенатом и было свергнуто палатой 374 против 167 голосов. Основная причина падения кабинета — отказ радикалов, радикал-социалистов и социалистов поддержать его, так как оно составлено из элементов, не отражавших левобуржуазные политические группировки новой палаты депутатов, избранной в мае 1914 г. Расхождение между левыми элементами палаты и Рибо шло по линии применения закона о трехлетней службе. Министерство Рибо считало этот вопрос уже ликвидированным и не подлежавшим дискуссии. Левое же крыло палаты имело тенденцию к пересмотру закона в сторону некоторого его смягчения. Сменившее министерство Рибо правительство Вивиани, составленное из более левых элементов, обязалось однако провести закон о трехлетней службе в жизнь без всяких изменений. — 357.

[47] *Разговор Палеолога с Николаем II в ставке верховного главнокомандующего 16 марта 1915 г.* передан самим Палеологом иначе, а именно:

„Усадив меня рядом с собой, он обращает на меня взгляд сочувствующий и внимательный: „Теперь я вас слушаю".

Тогда я излагаю ему всю программу цивилизаторской деятельности, которую Франция намерена предпринять в Сирии, в Киликии и Палестине. После того как он заставил меня показать ему подробным образом на карте области, которые таким образом перешли бы под французское влияние, он заявляет мне:

„Я согласен на все ваши предложения".

Обсуждение политических вопросов окончено. Император встает и ведет меня в другой конец кабинета, к длинному столу, где развернуты карты Польши и Галиции. Указав мне общее распределение своих армий, он говорит мне:

„Со стороны Нарева и Немана опасность отвращена. Но я придаю большое значение еще операциям, которые начались в районе Карпат. Если наши успехи будут продолжаться, мы скоро овладеем главными перевалами, что нам позволит выйти на венгерскую равнину. Тогда наше дело получит более быстрый ход. Идя вдоль Карпат, мы достигнем ущелий Одера и Нейссы. Оттуда мы проникнем в Силезию..."

Затем Палеолог передает свой разговор с главнокомандующим:

„Великий князь принимает меня в обширном и комфортабельном кабинете, устланном медвежьими шкурами и восточными коврами. Со своей обычной откровенностью и решительностью он говорит мне:

„Я должен побеседовать с вами о важных вещах. Это не великий князь говорит с господином Палеологом, это главнокомандующий русскими армиями официально обращается к французскому послу. В качестве главнокомандующего я должен вам заявить, что немедленное содействие Италии и Румынии требуется повелительной необходимостью. Не толкуйте все же эти слова как вопль отчаяния. Я остаюсь убежденным, что с божьей помощью мы победим. Но без немедленного содействия Италии и Румынии война продолжится очень долгие месяцы и будет сопровождаться ужасным риском".

Политическая сущность торга и обмена проливов на „святые места" передана с протокольной точностью в подлинной записи министерства иностранных дел за 16 марта 1915 г.:

„Французский посол прибыл в ставку прямо к высочайшему завтраку, после которого удостоился приема у его величества. Оказалось, что возложенное на него поручение заключалось в следующем: Франция изъявила готовность согласиться на осуществление наших пожеланий в отношении Константинополя и проливов под условием, чтобы мы в свою очередь согласились на присоединение к Франции Сирии и Киликий. При этом возник вопрос о том, следует ли считать Палестину входящей также в пределы Сирии, как утверждал это Палеолог, или нет. Об этом был оживленный спор между французским послом и министром, к которому первый при-

шел тотчас после приема у его величества. С. Д. Сазонов указывал Палеологу на невозможность для нас согласиться на переход гражданской власти над святыми местами из рук нейтральных турок в руки христианской державы, неизбежно отдающей предпочтение одному из вероисповеданий. Он предсказывал послу значительные затруднения на этой почве не только с нами, но и со всеми другими народами, как например итальянцами, американцами и др. На возражение посла, что в случае разногласия в чисто религиозных вопросах мы можем иметь дело не с французским правительством, а с римским папой, С. Д. Сазонов отвечал, что это для нас менее всего допустимо. Палеолог предлагал разные формулы, оговаривающие, что в отношении святых мест между русским и французским правительствами должно будет быть заключено впоследствии соглашение на почве сохранения порядка, установленного берлинским трактатом. С. Д. Сазонов сослался на необходимость тщательно обсудить этот вопрос и, заявив о согласии нашем на осуществление пожеланий Франции в отношении Сирии и Киликии, оговорился, что в отношении святых мест он даст ответ лишь по изучении вопроса. Вместе с тем он телеграфировал в тот же день в Париж, чтобы проверить, действительно ли утверждения посла о требованиях Франции касательно святых мест соответствуют видам французского правительства.

В 4½ часа французский посол был принят великим князем Николаем Николаевичем в присутствии генерала Янушкевича. Как Палеолог впоследствии признался, он был крайне встревожен неожиданным пессимизмом, обнаруженным при этом верховным главнокомандующим, который по-видимому сказал послу, что он не видит возможности перейти в скором времени в решительное наступление и придает первостепенное значение помощи Италии и Румынии. Правда, посол отметил, что таковое настроение великого князя мало соответствовало высказанной в тот же день государем императором спокойной уверенности в конечный успех союзников. Тем не менее слова верховного вождя русской армии произвели на Палеолога крайне неблагоприятное впечатление, которое лишь несколько рассеялось под влиянием лиц, ближе знающих великого князя и указавших послу, что благодаря крайней впечатлительности его императорского высочества не следует придавать чрезмерного значения его минутному настроению.

В то время как посол был у великого князя, министр был снова приглашен в вагон государя императора, который со своей стороны указал на необходимость весьма осторожно подойти к разрешению вопроса о судьбе святых мест...". — 357.

[48] В самом начале войны Германия захватила богатейшие промышленные департаменты Франции. Промышленная продукция этих департаментов составляла по некоторым отраслям от 75 до 100 и от 95 до 100% всей продукции. В этих департаментах производилось до войны 94% меди, 81% чугуна, 76% цинка, 63% стали, 60% проката, 76% сахара и т. д. Оккупированными оказались и богатейшие металлургические и железорудные бассейны Брие и др., принадлежавшие „Комите де Форж". В этих бассейнах производилось до войны 6 300 тысяч тонн стали и 4 426 тысяч тонн чугуна и 20 миллионов тонн угля. Промышленные предприятия и шахты в бассейне Брие и др. были расположены в непосредственной близости от французских окопов. Выплавка на французских рудниках чугуна и стали укрепляла боевую мощь Германии. Французской артиллерии ничего не стоило разрушить рудники и заводы в Брие. Однако категорический приказ из ставки запрещал производить какое бы то ни было разрушение рудников, принадлежащих металлургическим магнатам из „Комите де Форж". Специальная парламентская комиссия занималась расследованием этого темного дела, но ей так и не удалось пролить на него луч света. Международные связи капитала одержали верх над „патриотическими" чувствами. — 374.

[49] *Русско-итальянское соглашение по ближневосточным вопросам* было заключено 24 октября 1914 г., во время свидания Николая II с итальянским королем Виктором-Эммануилом в замке Раккониджи, южнее Турина. Суть соглашения заключалась в статьях 4 и 5, которые гласили:

„4... Если Россия и Италия пожелают заключить с третьей державой соглашения, касающиеся европейского востока, помимо существующих в на-

стоящее время, каждая из них должна сделать это только с участием другой.

5... Италия и Россия обязуются относиться благожелательно: первая — к русским интересам в вопросе о проливах, вторая — к итальянским интересам в Триполитании и Киренаике".

Как и итало-французское соглашение 1902 г., оно было в одну цель: оба соглашения составляли важный этап в дипломатической подготовке захвата Триполитании и Киренаики. Соглашение в Раккониджи содержалось в строжайшей тайне и от союзников. Царское правительство тщательным образом скрывало соглашение в Раккониджи от французского правительства, и в 1912 г. царский посол Извольский только на словах передал его содержание Пуанкаре, затем прочел его, не оставив копии текста.— 378.

[50] *Притязания Испании на передачу ей Танжера.* Испанское правительство считало, что не только активная помощь той или другой группировке, но и строгий нейтралитет должен быть соответствующим образом оплачен. Ценой за свой нейтралитет она наметила Танжер, этот узловой пункт противоречивых интересов империалистических государств, который еще до войны служил яблоком раздора между ними из-за его господствующего положения в Гибралтарском проливе. Как раз в силу этого над ним было учреждено международное управление. За два дня до разговора с французским послом король Альфонс XIII имел интересную беседу по этому же жгучему вопросу с царским послом в Мадриде Будбергом, о которой последний сообщил министру иностранных дел Сазонову 19 января 1915 г. следующее:

„Тотчас после завтрака король отозвал меня в сторону и начал продолжительный разговор о наших военных успехах...

Его величество нарисовал мне тогда картину настроений в Испании, настаивая на симпатиях к Германии столь влиятельного духовенства и на том, насколько ему было трудно противостоять пропаганде, не стесняющейся в выборе средств воздействия.

Даваемые со всех сторон обещания приятно щекочут национальное самолюбие, воскрешают химеры, намекают, что Гибралтар, Португалия, Танжер и т. п. могут явиться наградой за сотрудничество Испании в окончательной победе Германии.

Его величество прекрасно знает, чего стоят подобные обещания, и его уверенность в победе держав Согласия непоколебима. Но, с другой стороны, в Испании начинают критиковать его политику, обвиняя его в неумении воспользоваться единственным случаем осуществить мечты, живущие в сердце каждого хорошего испанца.

Король продолжал: „Я считаю, что имею право на то, чтобы ко мне относились не хуже, чем к тем нейтральным, холодность которых стараются разогреть всякого рода приманками.

Было бы справедливо, чтобы мне, который никогда не колебался, отказали в трудную минуту в поддержке?

То, что мне нужно для укрепления моего положения, — это нечто ощутимое, что могло бы подействовать на воображение моих подданных, например обещание относительно Танжера.

Интернационализация этого города внушает мне лишь относительное доверие, — новый режим не будет жизненным. Великобритания в конце концов наложит руку на этот стратегический пункт, который вместе с Гибралтаром обеспечит ей господство над Средиземным морем... Для нас это было бы ударом, которого мы могли избегнуть, если бы одна из держав не согласилась утвердить вырабатываемый статут.

Танжер, присоединенный к нашей зоне, был бы неоценимым козырем в моих руках. Имеются и другие преимущества, которые можно было бы предоставить Испании, как например расширение к югу ее зоны в Марокко". — 384.

[51] *Газовая атака на Ипре произошла 22 апреля 1915 г.* В этой атаке немцы впервые в мировую войну применили удушливые газы. Психологическое действие нового оружия на подвергшиеся ему войска было потрясающе. Удушливые газы поражали одних насмерть, оставшиеся в живых лишались способности обороняться. Однако и германцы не сумели успешно использовать действие нового оружия, так как они сами еще не знали,

какое действие оно оказывает на противника. Вот как один военный историк описывает первую газовую атаку, ее убийственное действие на обороняющихся и ничтожные, не находящиеся ни в какой связи с дезорганизацией противника, достигнутые успехи немцев:

„В 5 часов начался потрясающий грохот орудий, и тяжелые снаряды стали глухо рваться над Ипром и над многими деревнями, которые раньше редко или даже вовсе не обстреливались. Ноздри людей, ближе находившихся к фронту, втянули запах какой-то адской эссенции. Те, которые были ближе к северным окопам впереди Ипра, увидели два странных призрака из зеленовато-желтого тумана, медленно ползущих вперед и постепенно расплывавшихся, пока не слились в один, а затем, двигаясь дальше, не растворились в синевато-белое облако.

Облако это висело теперь над фронтом двух французских дивизий (алжирской и территориальной), примыкавших к британским частям и удерживавших левый сектор. Вскоре офицеры за фронтом британских войск и вблизи мостов через канал были потрясены, увидев поток бежавших в панике людей, стремившихся в тыл. Африканцы, соседи британцев, кашляли и показывали во время бега на горло; вперемежку с ними неслись обозные и повозки. Орудия французов пока еще стреляли, но к 7 часам вечера и они внезапно и зловеще замолкли.

Беглецы оставили за собой на фронте прорыв шириной более 4 миль, заполненный лишь мертвыми или полумертвыми, которые задыхаясь агонизировали, отравленные хлористым ядом. Обе французские дивизии почти полностью перестали существовать. Германцы газами сняли защитников с северного фланга сектора, сделав это так, будто они просто выдернули коренной зуб на одной из сторон челюсти.

Оставшиеся спереди и на южном фланге „зубы“ сектора образовывала канадская дивизия (Альдерсон), а ближе к прорыву — 28-я (Бульфин) и 27-я (Снов) дивизии, которые вместе составляли 5-й корпус Плюмера. Германцам надо было пройти на юг 4 мили, чтобы достигнуть Ипра, а затем выбить и эти „зубы“ нажимом с тыла.

В этот вечер германцы прошли вперед 2 мили, а затем, как это ни странно, остановились. Все протяжение в 4½ мили между обнаженным флангом фронта канадцев и каналом, представлявшим собой хорду сектора, было заполнено только немногими мелкими постами, поспешно надерганными из французских и канадских частей, находившихся до этого в резерве. Между этими постами зияли три никем не занятые разрыва шириной в 2, 1 и 3 тысячи метров.

Но и к 1 мая германцы продвинулись вперед лишь на несколько сот метров. Когда же наконец бой здесь замер (в конце мая), единственным видимым отличием было то, что выступавшая прежде вперед часть сектора сравнялась, причем произошло это главным образом из-за добровольного отхода британцев. Но любопытным контрастом к обычному опыту прежних операций явилось то, что в данном случае из двух сторон наиболее тяжелые потери понес обороняющийся. Потери британцев выразились в 59 тысяч человек — почти вдвое больше количества потерь атаковавших их германцев“. — 386.

[52] *Русско-румынское соглашение о нейтралитете* было заключено 1 октября 1914 г. без ведома союзников и для них не обязательное. По этому соглашению за обязательство со стороны Румынии сохранять благожелательный по отношению к России нейтралитет до вступления самой Румынии в войну 1) Россия гарантировала территориальную неприкосновенность Румынии; 2) признала за Румынией „право присоединить населенные румынами области австро-венгерской монархии“, когда Румыния это сочтет удобным; 3) согласилась разделить с Румынией Буковину по принципу большинства населения. Румыния со своей стороны обязалась сохранять благожелательный нейтралитет по отношению к России до момента, когда она сочтет нужным занять обещанные ей земли Австро-Венгрии.—394.

[53] *Сепаратные переговоры о мире с Турцией.* В январе 1915 г. оппозиционная часть правящей партии „Единение и прогресс“ пыталась через доверенных лиц установить контакт с Россией на предмет сепаратного мира. Указанные доверенные лица оппозиционной части младоту-

рецкой партии неоднократно сносились с чиновником российского министерства иностранных дел Серафимовым, который был прикомандирован к итальянскому посольству в Константинополе для ведения русских дел, информировали его о течениях в партии в пользу мира и старались узнать, как отнесется к этому Россия. Предварительное условие для заключения мира, какое они выставляли, — сохранение Константинополя и проливов за Турцией. 20 января 1915 г. Серафимову было предписано из Петербурга: „Ни в какие политические переговоры ни с кем из членов комитета вам вступать не следует". Почти одновременно либеральная партия, опиравшаяся на командира 1-го корпуса в Константинополе Мехмед-Али пашу, пыталась завязать сношения через Венизелоса с Англией. Мехмед-Али паша предлагал устроить переворот в Константинополе, изгнать немцев и заключить мир. Но и эта группа ставила непременным условием сохранение Константинополя и проливов за Турцией и ее азиатских владений. Грей и Делькассе считали нужным поддерживать связь с либеральной турецкой партией, но не давать ей никаких гарантий насчет территориальной неприкосновенности Турции в случае свержения младотурок и открытия мирных переговоров. Поручая английскому послу в Петербурге Бьюкенену передать это мнение Сазонову, Грей подчеркивал, что обещание России Константинополя и проливов остается в силе. Опасаясь однако, что перспективы заключения мира с Турцией могут побудить Англию отказаться от своего обещания, Сазонов добился заключения формального соглашения с союзными послами, которое должно было похоронить всякие попытки переговоров о сепаратном мире с Турцией. О самом соглашении Сазонов торжественно сообщил 28 февраля царским послам в Лондоне и Париже, Бенкендорфу и Извольскому, следующее:

„Мною выработана совместно с французским и великобританским послами программа действий союзных правительств на случай обращения Порты с просьбой о мире под влиянием прорыва союзного флота через Дарданеллы. Союзные правительства ответят, что они не заключат отдельного мира с Турцией, пока Австро-Венгрия и Германия не сложат оружия.

Союзники согласятся только на перемирие на следующих условиях:

1. Немедленная сдача германских судов.
2. Немедленная выдача всех германских офицеров, унтер-офицеров, солдат, моряков и инженеров на турецкой службе.
3. Немедленное разоружение всех батарей, которые уцелели бы на берегах Дарданелл и Босфора.
4. Немедленное удаление мин, оставшихся в Дарданеллах, Мраморном море и Босфоре.
5. Согласие Порты на стоянку союзных эскадр перед Константинополем.
6. Сдача тех укрепленных пунктов, занятие коих начальниками союзных эскадр было бы сочтено необходимым для безопасности их эскадр и для поддержания порядка в Константинополе.

В случае необходимости может быть заключено отдельное перемирие и для других театров военных действий". — 416.

Государственная публичная БИБЛИОТЕКА Историческая

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие V

Том V

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Стр.

Окончание мобилизации, начало концентрации войск. — План XVII. — Вторжение немцев в Бельгию. — Льеж взывает о помощи. — Объявление нейтралитета. — Визиты Жоржа Клемансо. — Американский демарш. — Французы в Эльзасе. — Выжидательная позиция Италии. — Помощь Японии. — Немцы на наших восточных окраинах 3

ГЛАВА ВТОРАЯ

Прощание графа Сегени. — Германское предложение Бельгии. — Потеря Мюльгаузена. — Состояние войны с Австрией. — „Гебен“ и „Бреслау“ в Мраморном море. — Немцы в департаменте Мерты и Мозеля. — Немецкая пропаганда в нейтральных государствах. — Жюль Гэд в Елисейском дворце. — Наступление I и II армий. — Визит фельдмаршала сэра Джона Френча 32

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Неприятель в департаменте Маас. — Посещение Вандервельде. — Дипломатическая болтовня. — Наше наступление в восточной Франции; успехи I и II армий. — Первое знамя, взятое у неприятеля. — Бельгийская армия отходит к Антверпену. — Возвращение Жюля Камбона в Париж. — Битва при Морганж. — Эльзасцы в Елисейском дворце. — Отступление к Нанси. 59

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Немцы в Люневилле. — Битвы в Арденнах и Шарлеруа. — Общее отступление. — Вторичная потеря Мюльгаузена. — Образование нового кабинета. — Политика священного союза. — Директивы генерала Жоффра. — Прощание Клемансо. — Генерал Галлиени назначен военным губернатором Парижа. — Немцы в Сен-Кантэне 82

ГЛАВА ПЯТАЯ

Битва под Гизом. — Русские в Галиции и Восточной Пруссии. — Наше генеральное отступление продолжается. — Совещание правительства с председателями обеих палат. — По требованию генерала Жоффра военный министр настаивает на том, чтобы правительство покинуло Париж. — Кабинет совещается. — Писатели служат общему делу. — Визит Майрона Т. Геррика. — Печальный отъезд. — Приезд в Бордо. — Накануне сражений на Урк и на Марне 111

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Стр.

Новый испанский посол. — Сражение началось. — Падение Мобежа. — На реке Урк и в департаменте Маас. — Монмирайль, Сезанн и болота Гонд. — Бриан и Самба в Париже. — Победа на Марне. — Боны национальной обороны. — Немцы останавливают свое отступление 139

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Письмо папы Бенедикта XV. — Фронт стабилизуется. — Попытки маневрировать на левом фланге. — Неприятель бомбардирует Реймский собор. — Наши орудия и снаряжение. — Разрушенные города и деревни. — Тщетные попытки окружения. — Взятие Сен-Мигиеля. — Антверпен под угрозой. — Разбитые надежды 164

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Посещение главной квартиры в Ромильи. — Генерал Фош назначен заместителем главнокомандующего. — В английской главной квартире. — В армии Франше д'Эсперэ. — В армии Монури. — Развалины Санлиса. — Генерал Галлиени и укрепленный лагерь Парижа. — Возвращение в Бордо. — Смерть Альбера де Мена. — Отступление бельгийской армии. — Бельгийское правительство в Гавре. — Первые бои на Изере 189

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В укрепленном лагере Парижа. — Встреча с лордом Китченером в Дюнкирхене. — Фош и маршал Френч. — Визит бельгийскому королю. — В Касселе и Брюэ. — В гостях у армий Мод'Гюи и Кастельно. — Снова в Бордо. — Разрыв с Турцией. — Артиллерийский и авиационный материалы. — Битва во Фландрии. — Снова отъезд из Бордо 214

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Награждение Жоффра военной медалью. — Посещение армий, действующих на наших восточных окраинах. — В Вердене. — На Гран-Куронне. — Сестра Юлия де Жеровилье. — Визит королю Георгу V. — Новое пребывание в Бордо. — В поисках Японии. — Окончательное возвращение в Париж. 241

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Фронт стабилизуется. — Уроки первых боев. — Жоффр и Галлиени. — Поездка в Реймс. — Созыв палаты на чрезвычайную сессию. — Временные месячные бюджеты (douziemes provisoires). — Новые попытки наступления. — Эльзасские школьники. — Новогодние пожелания 265

Том VI

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Новогодние разговоры. — Телеграмма папы. — Жоффр и проект диверсии на востоке. — Знамя морской пехоты. — Поездка в Кассель. — Сент-Омер и Газебрук. — Аррас. — Битва под Суассоном. — Герцог Гиз и Фердинанд Болгарский. — Проект операций на Дарданеллах. — Комендант Вио 293

ГЛАВА ВТОРАЯ

Кардинал Аметт. — Русский министр финансов Барк. — Ллойд-Джордж. — Финансовые соглашения союзников. — Миссия генерала По. — Риччиотти Гарибальди. — В Вогезах. — Шлухт 313

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Разногласия среди союзников. — Английский фронт. — Константинополь и проливы. — Гарибальдийские проекты. — Адриатическое море и адмирал Буэ де Лапейрер. — Отставка Венизелоса; кабинет Гунариса. — Комиссия

Стр.

Пайелля. — Первые пожелания Италии. — Ранение генерала Монури. — Судьба святой Софии. — Доброволец в шестьдесят шесть лет. — Рапорт Жоффра. — Переговоры Италии в Лондоне и Вене. — Цеппелины над Парижем. — Совещание между Жоффром и министрами. — Американский лазарет. — Пьер Лоти и бельгийский король. — Посещение IV и III армий. — Генерал де Лангль де Кари и генерал Саррайль 339

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Призыв 1917 г. — Телеграмма жены кронпринца. — Продолжение переговоров с Италией. — Посещение X армии. — В Касселе и Ипре. — Немецкое пасхальное яичко. — Бельгийский король и королева. — Марокко и Испания. — Демарши в Софии. — Телеграмма царю. — Чего добилась Италия. — Удушливые газы. — Военный крест. — Посещение VI армии. — Подписание лондонского соглашения. — Ирландцы в Елисейском дворце 369

ГЛАВА ПЯТАЯ

Доклад военной комиссии сената. — Переговоры о морской конвенции с Италией. — Торпедирование „Лузитании". — „Коллет Бодош". — Посещение II армии. — Битва под Аррасом. — Принц Георг греческий. — Отставка кабинета Саландры и возвращение его. — Россия и Румыния. — Альбер Тома — товарищ министра. — Греция и Болгария. — Что Австрия предложила Италии. — Посещение лотарингской и VII армий. — Пьер Лоти в качестве дипломата 392

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Посещение I армии. — Верден. — Буа-ле-Претр. — Буа-д'Айльи. — Образование групп армий. — Поездка в Тарб, Тулузу, Сен-Шамон и Крезо. — Совещание в Шантильи. — Порицание, вынесенное военной комиссией сената. — Посещение IV армии. — Реймс и Бетени 421

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Два новых товарища министра. — Посещение II и X армий. — Вручение военной медали генералу Гуро. — 14 июля. — Перенесение праха Руже де Лиля в Дом инвалидов. — Письмо графа Жозефа Примоли. — Генерал Лиотэ в Париже. — Опытная стрельба в Бурже. — Генерал Саррайль смещен с поста командующего III армией. — Киньонес де Леон в окопах. — Осложнения в парламенте 455

Примечания 485

Цена 10 руб. 60 к.